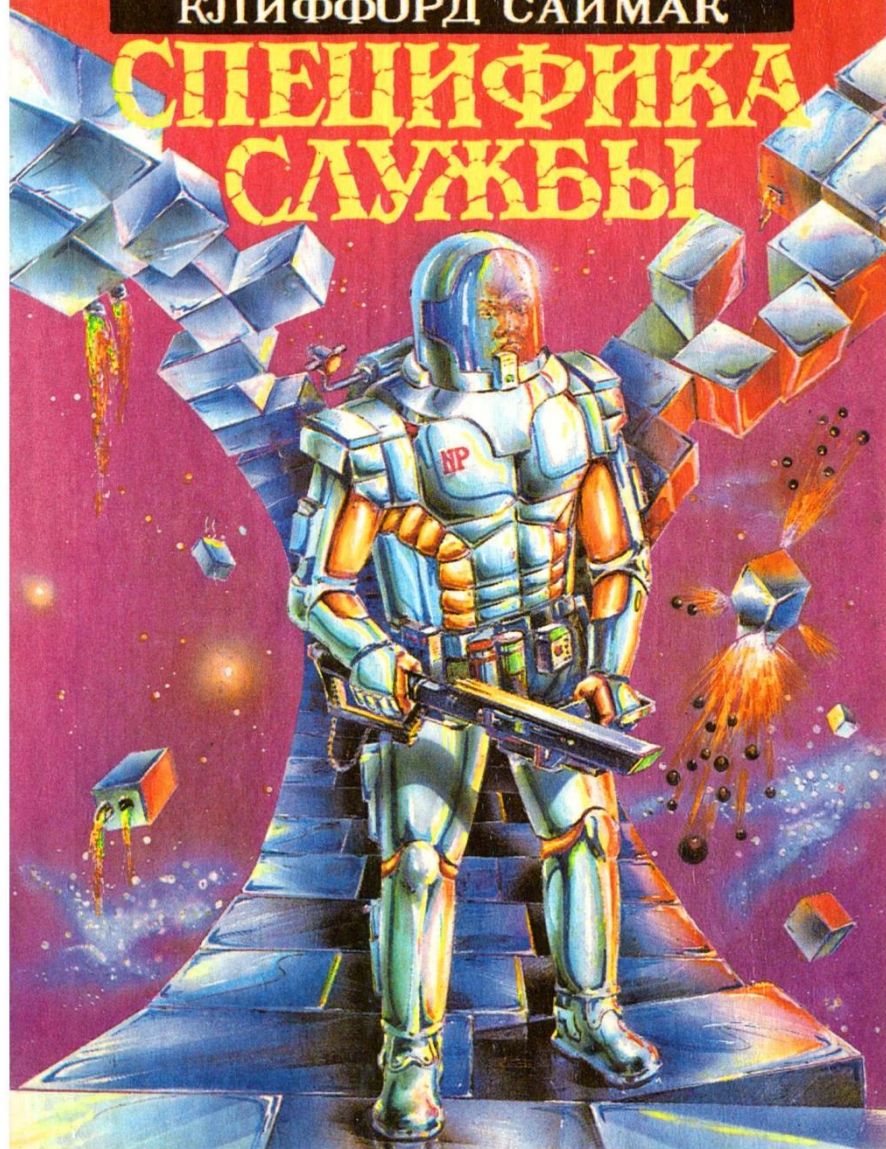

КЛИФФОРД САЙМАК

СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ

Клиффорд Саймак

СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ

Фантастические рассказы

ТПО „ИНТЕРФЕЙС“
Москва
1992

Клиффорд Саймак

Том 3

Собрание сочинений

ТПО «ИНТЕРФЕЙС»
1992

Клиффорд Саймак

С 14 Специфика службы: Фантастика. Т. 3 /Сост. Д.М. Исаков. — М., ТПО „Интерфейс”, 1992. — 448 с., ил.

В книгу входят фантастические рассказы популярного американского писателя Клиффорда Саймака.

Автор проекта и составитель *Д. Исаков*

Иллюстрации *М. Никитенко (стр. 2—137)*

Форзацы и иллюстрации *Е. Мешков (стр. 147—441)*

Технический редактор *В. Шibaев*

Обложка *П. Навдаев*

С $\frac{4702010201-02}{К 27(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7016-0005-X

© ТПО „ИНТЕРФЕЙС”, 1992

© Исаков Д.

© Худ. Мешков Е.

© Худ. Никитенко М.

© Худ. Навдаев П.

ОДНАЖДЫ НА МЕРКУРИИ

Старый Крипи сидел в комнате управления и с увлечением извлекал из своей скрипки пронзительные звуки. На опаленной солнцем равнине, вокруг Меркурианского Силового Центра, Цветные Шары, подхватив мысли Крипи, приняли форму земных холмов и мерно покачивались в танце. Сидя в холодильнике, кошка Матильда сердито смотрела на пластины замороженного мяса, висевшие у нее над головой, и нежно мяукала. Наверху в кабинете, помещающемся на верхушке фотоэлементной камеры, представляющей собой центр Станции, Карт Крэйг с раздражением глядел через стол на Нормана Пэйджа. За сотню миль от этого места Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий фотоэлементный космический костюм, недоверчиво вглядывался в пространственное облако.

Передаточный аппарат предостерегающе загудел. Крэйг, повернувшись на стуле, снял рычажок и буркнул в телефон что-то невнятное.

— Это Кнут, шеф, — излучения заглушали голос, делали его расплывчатым.

— Ну, как? — прокричал Крэйг. — Что-нибудь нашли?

— Да, очень большое, — ответил голос Кнута.

— Где?

— Запишите координаты.

Крэйг схватил карандаш и стал быстро писать; голос в трубке шипел и трещал.

— Такого огромного еще не бывало, — проскрипел голос. — Все дьявольски закручено. Инструменты испортились начисто.

– Придется выпустить в него снаряд, – сказал возбужденно Крэйг. – Это, конечно, возьмет уйму энергии, но сделать это нужно. Если эта штука придет в движение...

Голос Кнута шипел, трещал и расплывался в пространстве, и Крэйг не мог разобрать ни слова.

– Возвращайтесь немедленно обратно, – прокричал Крэйг. – Там опасно. Не подходите к нему...

До него донесся голос Кнута, заглушаемый воем искаженной волны.

– Тут есть кое-что еще, чертовски забавное.

Голос умолк.

Крэйг закричал в микрофон;

– В чем дело, Кнут? Что забавное?

Он замолчал, так как внезапно шипенье, треск и свист принимаемой волны прекратились. Крэйг протянул левую руку к пульта управления и нажал рычаг. Пульт загудел от притока колоссальной энергии. Чтобы поддерживать прямую волну на Меркурии, нужны были массы энергии. Ответного гудения не последовало, волна не восстановилась.

– Значит, там что-то случилось! Волна перерезана!

Крэйг побледнел и встал, глядя через иллюминатор с лучевым фильтром на бесцветную равнину. Беспокоиться еще нечего. Надо подождать, пока Кнут вернется. Это будет скоро. Ведь он приказал ему возвращаться немедленно, а эти вездеходные машины передвигаются быстро. А если Кнут не вернется? Что если пространственное облако сдвинулось с места? Кнут сказал, что такого громадного еще не бывало. Правда, встречаются такие облака часто, все время держи ухо востро, но обычно они не так уж велики, чтобы из-за них волноваться. Это просто небольшие

водовороты, вихри... Не столько опасно, сколько мешает. Надо быть осторожным и постараться не въехать в него, вот и все. Но если крупное завихрение начнет двигаться, оно может поглотить даже Станцию.

Шары на какой-то момент превратились в земных горцев с мотыгами в руках; шаркая ногами, они подымали пыль, подпрыгивали и размахивали руками. В них было что-то нелепое, как в танцующих пугалах.

Равнины Меркурия простирались до самого горизонта – равнины с клубящейся пылью. Яркое-синее Солнце казалось чудовищным на фоне мрачно-черного неба; алые языки пламени вырывались из него, извиваясь точно щупальца. Меркурий находился ближе к Солнцу, чем другие планеты, их разделяли какие-нибудь двадцать девять миллионов миль. Поэтому, вероятно, и рождались завихрения – из-за близости к Солнцу и эпидемии солнечных пятен. А впрочем, солнечные пятна могли и не иметь к этому никакого отношения. Кто знает?

Крэйг вспомнил о Пэйдже только когда тот кашлянул и вернулся к столу.

– Надеюсь, – сказал Пэйдж, – что вы не передумали. Мой план значит для меня очень много.

Внезапно Крэйга охватил гнев: до чего навязчивый тип.

– Я уже вам ответил, – огрызнулся он. – И хватит. Я не меняю своих решений.

– Не понимаю, почему вы против, – упрямо сказал Пэйдж. – В конце концов эти Цветные Шары...

– Никаких Шаров, – оборвал его Крэйг. – Ваш план – просто безумие, это вам скажет любой.

– Ваше отношение меня удивляет, – настаивал Пэйдж.
– В Вашингтоне меня уверяли...

– Мне наплевать, что в Вашингтоне вас уверяли! – заорал Крэйг. – Вы отправитесь обратно, как только придет корабль с кислородом. И отправитесь без Цветных Шаров.

– Вам не будет никакого убытка – я готов заплатить за все услуги.

Крэйг не обратил внимания на предложенную взятку.

– Я попробую объяснить вам еще раз, – сказал он, – я хочу, чтобы вы, наконец, поняли: Цветные Шары – уроженцы Меркурия. Они первые появились на нем. Они жили здесь, когда пришли люди, и они наверняка останутся на Меркурии после того, как люди покинут его. Они не трогают нас, а мы не трогаем их. Мы оставляем их в покое по одной дьявольски простой причине: мы их боимся, так как не знаем, на что они способны, если их растревожить.

Пэйдж открыл было рот, чтобы возразить, но Крэйг махнул ему рукой, чтобы он молчал, и продолжал:

– Организм их представляет собой сгустки чистой энергии; они черпают энергию Солнца, как вы и я. Только мы получаем ее окольным путем, в результате химических процессов, а они – прямо от Солнца. Благодаря этому они сильнее нас. Вот почти и все, что можно о них сказать. Больше мы ничего не знаем, хоть и наблюдали за ними уже пятьсот лет.

Вы считаете, что это разумные существа? – с насмешкой спросил Пэйдж.

– А почему бы и нет? – отрезал Крэйг, – Думаете, если человек не может с ними общаться, так у них нет разума?

Да просто они не хотят общения с нами. Если они не разговаривают, это не значит, что у них нет разума. Быть может, их мышление не имеет общей основы с человеческим. А может быть, они считают человека существом низшей породы и просто не желают тратить на нас время.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Пэйдж. — Ведь они тоже наблюдали за нами все эти годы. Они видели, что мы умеем делать, видели наши космические корабли, видели, как мы построили Станцию и как мы посылаем энергию на другие планеты, отстоящие на миллионы миль от Меркурия.

— Верно, — согласился Крэйг, — все это они видели. Но произвело ли это на них впечатление? Как вы полагаете? Человек считается великим строителем. Станете ли вы лезть из кожи вон, чтобы поговорить с пауком, со скворцом, с осой? Держу пари, что нет. А ведь они все великие строители.

Пэйдж сердито заерзал в кресле.

— Если они стоят на высшем уровне, — фыркнул он, — где те вещи, которые они создали? Где их города, машины, цивилизация?

— А может быть, — предположил Крэйг, — они на тысячелетия переросли машины и города? Быть может, они достигли той ступени цивилизации, когда механизмы больше не нужны?

Он постучал карандашом по столу:

— Послушайте. Несомненно, что эти Шары бессмертны. Ничто не может их убить. Как видите, они не имеют тела — это просто сгустки энергии. Этим они приспособились к окружающему миру. И вы еще имеете наглость думать,

что поймаете кого-нибудь! Вы, ровно ничего о них не зная, хотите привезти их на Землю и показывать в цирке или вместо придорожной рекламы, чтобы доставить пищу зевакам.

— Но люди специально прилетают сюда, чтобы посмотреть на них, — возразил Пэйдж, — Вы же знаете. А туристское бюро рекламирует их всюю.

— Это другое дело, — оборвал его Крэйг. — У себя дома они могут ломаться, сколько им угодно, нам до этого нет дела. Но вывозить их отсюда и демонстрировать на Земле мы не можем. Это повлекло бы за собой кучу неприятностей.

— Но если они так чертовски умны, — выпалил Пэйдж, — чего ради они так кривляются? Не успеешь о чем-нибудь подумать, как готово — они уже изображают твою мысль. Величайшие мимы в Солнечной системе. И ничего-то у них не получается правильно, — все вкривь и вкось. В чем тут штука?

— Ничего удивительного, — отвечал Крэйг, — в человеческом мозгу никогда не рождаются четко оформленные мысли. Цветные Шары их подхватывают и тут же перевоплощают. Думая о чем-нибудь, вы не даете себе труда разрабатывать мысли детально — они у вас обрывочные. Ну, так чего же вы хотите от Шаров? Они подбирают то, что вы им даете, и заполняют пробелы на свой страх и риск. Вот и получается, что стоит вам подумать о верблюдах — к вашим услугам верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами — бесконечная вереница дурацких верблюдов.

Он раздраженно бросил карандаш.

– И не воображайте, что Цветные Шары делают это для нашего развлечения. Скорее всего они думают, что это мы имеем намерение их позабавить. И они забавляются. Может быть они и терпят-то нас здесь, только потому, что у нас такие забавные мысли. Когда люди впервые сюда явились, здешние обитатели выглядели просто как разноцветные воздушные шарики и катались себе по поверхности Меркурия; их так и называли – Цветные Шары. Но потом они перебивали всем, о чем только думает человек.

Пэйдж вскочил:

– Я сообщу о вашем поведении в Вашингтон, капитан Крэйг.

– Черт с вами, сообщайте, – с угрозой сказал Крэйг. – Вы, кажется, забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взяточничество, подхалимство и насилие приносят человеку почти все, чего он ни пожелает. Вы в Силовом Центре на солнечной системе Меркурия. Это – главный источник энергии, снабжающий все планеты. Если Станция испортится, передаточные волны прервутся, и Солнечная система полетит вверх тормашками.

Он постучал по столу:

– Здесь команду я, и вы будете подчиняться мне, как все. Мое дело следить за работой Станции и регулярной подачей энергии на другие планеты. Я не позволю, чтобы какой-то невежда и выскочка доставлял мне хлопоты. Пока я здесь, никто не посмеет тревожить Цветные Шары. У нас и без этого достаточно забот.

Пэйдж двинулся к двери, но Крэйг остановил его.

– Я хочу предупредить вас, – мягко сказал он. – На вашем месте я бы не стал выкрадывать машину. После каж-

дой прогулки кислородный баллон вынимается из машины и запирается в стойку. Единственный ключ от стойки — у меня.

Он пристально посмотрел в глаза Пэйджу и продолжал:

— В машине, конечно, остается немного кислорода. Его хватит примерно на полчаса, а может быть и того меньше. Но не больше. Не очень-то приятно быть застигнутым врасплох. Около одной из станций Сумеречного Пояса на днях нашли одного такого парня.

Пэйдж вышел, хлопнув дверью.

Шары перестали танцевать и лениво катились по равнине. Время от времени один из них принимал форму какого-нибудь предмета, но делал это вяло, нерешительно и тотчас же возвращался в прежнее состояние.

«Должно быть, старый Крипи отложил скрипку, — подумал Крэйг. — Он, наверное, делает обход, проверяет, все ли в порядке. Вряд ли может что-нибудь произойти. Станция работает автоматически, от человека требуется минимум внимания».

Комната управления была полна пощелкивающих, потрескивающих, звякающих, булькающих приборов — они направляли поток энергии к подстанциям на Сумеречном Поясе, поддерживали прямые волны, идущие к тем точкам Вселенной, где их подхватывали подстанции, образующие кольцевую линию вокруг других планет. Стоит одному прибору сплеховать, стоит волне отклониться в пространстве на какую-то долю градуса, и... Крэйг содрогнулся, представив себе, как волна устрашающей силы врезается в планету, в город. Но механизм не может подвести, нико-

гда этого не было и не будет. Он надежен и, как небо от земли, далек от того времени, когда Меркурий отправлял чудовищные группы трансформаторов в другие миры на товарных космических кораблях.

Да, это была действительно свободная энергия, неиссякаемая, неистощимая; ее передавали на расстояния в миллионы миль способом Аддисона, основанным на прямой волне. Свободную энергию получали фермы на Венере, шахты на Марсе, химические заводы и лаборатории холода на Плутоне.

В комнате управления были и другие, не менее важные приборы: атмосферная машина — она составляла воздушную смесь, черпая жидкий кислород, азот и другие газы из цистерн, которые привозили с Венеры кислородные корабли раз в месяц; холодильная установка; машина, регулирующая силу тяжести.

Крэйг услышал тяжелые шаги Криви на лестнице и обернулся к двери, как раз когда старик входил в комнату.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал тот. — Станция на Венере приняла добавочный заряд.

Крэйг кивнул: все идет по заведенному порядку. Как только какая-нибудь планета отрезается от Меркурия Солнцем, подстанции ближайшей планеты берут добавочную энергию и передают ее отрезанной планете до тех пор, пока планета снова не станет доступной.

Крэйг поднялся и, подойдя к иллюминатору, стал смотреть на пыльные равнины. На горизонте появилась точка — она быстро приближалась по мертвой серой пустыне.

— Кнут! — воскликнул он.

Крипи заковылял к двери:

– Пойду встречу его. Мы с ним уговорились сыграть сегодня партию в шахматы.

– Сначала пусть зайдет ко мне, – сказал Крэйг.

– Ладно, – ответил Крипи.

...Крэйгу никак не удавалось заснуть. Что-то тревожило его – что-то неопределенное, так как никаких причин для беспокойства не было. Радиолуч показал, что большое завихрение движется очень медленно, по нескольку футов в час и к тому же в обратном направлении от Станции. Других опасных завихрений детекторы не обнаружили. Как будто бы все в порядке. И в то же время разные мелочи – смутные подозрения, догадки – не давали покоя. Вот, например, Кнут. Он был такой же, как всегда, но, разговаривая с ним, Крэйг испытывал какое-то непонятное чувство. Он бы даже сказал – неприятное: мурашки бегали у него по спине, волосы на голове вставали дыбом. И в то же время ничего определенного.

А тут еще этот Пэйдж. Проклятый дурак, чего доброго, и в самом деле удерет ловить Шары, и тогда неприятностей не оберешься. Странно, как это у Кнута испортилась рация сразу и в костюме, и в машине. Их как будто смело потоком энергии. Кнут не мог объяснить, как это произошло, даже и не пытался. Просто пожал плечами – мало ли чего бывает на Меркурии.

Крэйг отказался от попыток гаснуть. Он всунул ноги в шлепанцы, побрел к иллюминатору, поднял штору и выглянул наружу. Цветные Шары по-прежнему катились в пыли. Внезапно один из них превратился в чудовищную бутылку виски, она поднялась в воздухе, перевернулась –

жидкость полилась на землю. Крэйг хихикнул: «Старина Криви мечтает выпить».

Раздался осторожный стук в дверь. Крэйг резко обернулся. Мгновение он стоял, затаив дыхание, и прислушивался, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся — чуть не свалил дурака. Все это нервы. Выпить-то не мешало бы ему. Снова раздался осторожный, но более настойчивый стук в дверь.

— Войдите.

Криви бочком вошел в комнату.

— Я так и думал, что вы не спите, — сказал он.

— Что случилось? — Крэйг почувствовал, что снова весь напряжен. Ни к черту не годятся нервы.

Криви подвинулся ближе и прошептал:

— Кнут выиграл у меня в шахматы. Шесть раз подряд, не дав мне ни одного шанса отыграться.

В комнате раздался хохот Крэйга.

— Но прежде-то я выигрывал без труда, — настаивал старик. — Я даже нарочно давал ему иногда выиграть, чтобы он не заскучал и не бросил совсем играть. Сегодня вечером я как раз приготовился задать ему трепку, и вдруг... — Криви нахмурился, усы его вздрогнули. — И это еще не все, черт побери. Я как-то чувствую, что Кнут изменился...

Крэйг подошел вплотную к старику и взял его за плечо.

— Я понимаю, — сказал он. — Я очень хорошо понимаю, что вы чувствуете. — Опять он вспомнил, как волосы шевелились у него на голове, когда он недавно разговаривал с Кнутом.

Криви кивнул, бледные глаза его мигнули.

Крэйг повернулся на каблуках и начал снимать с себя пижаму.

– Крипи, – резко произнес он, – сейчас же берите револьвер, спускайтесь в комнату управления и запритесь там. Никуда не выходите, пока я не вернусь. И не впускайте никого. – Он пристально посмотрел на старика. – Вы понимаете? Ни-ко-го! Если вас вынудят – стреляйте. Но смотрите, чтобы *никто* не дотрагивался до рычагов.

Крипи вытаращил глаза и глотнул слюну.

– Разве будут неприятности? – спросил он дрожащим голосом.

– Не знаю, – отрезал Крэйг, – но хочу узнать.

Внизу, в гараже, он сердито глядел на пустое место, где должна была стоять машина Пэйджа. Она исчезла! Вне себя от злости, Крэйг подошел к баллонам с кислородом – замок стойки не поврежден. Он вставил ключ, и крышка отскочила – все баллоны на месте, стоят рядом и прикреплены к перезарядной установке. Крэйг уставился на баллоны, не веря своим глазам.

Все на месте! Значит, Пэйдж отправился на машине без достаточного запаса кислорода. Это означает, что он погибнет мучительной смертью в пустынях Меркурия.

Крэйг повернулся, собираясь уйти, но вдруг остановился. Но он подумал, что нет никакого смысла преследовать Пэйджа – глупец, наверное, уже мертв. Самоубийство – иначе и не назовешь его поступок. Настоящее самоубийство. А ведь он предупреждал Пэйджа! Ему, Крэйгу, предстоит работа. Что-то случилось там, у пространственного облака. Он должен утихомирить мучительные подозрения, копавшиеся у него в мозгу. Кое в чем ему надо убедиться. Ему некогда преследовать покойников. Проклятый дурак, самоубийца. Он просто спятил – вообразил, что поймает Цветной Шар.

Крэйг выключил линию, яростно завинтил кран баллона, разъединил связь и вынул его из стойки. Баллон был тяжелый, каким он и должен быть, чтобы выдержать давление в 200 атмосфер.

Когда он направился через гараж к машине, кошка Матильда сбежала по сходням вниз и сразу запуталась у него под ногами. Крэйг споткнулся, чуть не упав, но с большим трудом удержался на ногах и выругался с тем красноречием, которое достигается долгой тренировкой.

– Мя-я-у, – общительно отозвалась Матильда.

Есть что-то нереальное в солнечной стороне Меркурия, и это скорее ощущаешь, чем видишь. Солнце оттуда кажется в девять раз больше, чем с Земли, а термометр никогда не показывает ниже 340°C. В этой ужасающей жаре, усиливаемой палящими излучениями, извергаемыми Солнцем, люди вынуждены носить фотоэлементные космические костюмы, ездить в фотоэлементных машинах и жить на Силовой Станции, которая сама есть не что иное, как мощный фотоэлемент. Электрической энергией можно управлять, но жара и излучения почти не поддаются контролю. Скалы и почва рассыпаются там в пыль, исхлестанные бичами жары и излучений. А горизонт совсем близко, всегда нависает над головой, словно край света.

Но не это делает планету такой странной. Дело, скорее, в неестественном искажении всех линий, которое трудно уловить. Быть может, ощущение неестественности вызвано тем, что чудовищная масса Солнца делает невозможным существование прямой линии, она заставляет отклоняться магнитную стрелку и будоражит саму структуру космического пространства.

Крэйг все время ощущал эту неестественность, пока мчался по пыльной равнине. Машина зашлепала по жидкой лужице, с шипением разбрызгивая не то расплавленный свинец, не то олово. Однако Крэйг не заметил этого: в мозгу его громоздились сотни несвязных мыслей. Его острые глаза следили через прозрачный щит за углублениями, оставленными машиной Кнута. Баллон с кислородом тихонько свистел, атмосферный прибор потрескивал. Но вокруг было тихо.

Оглянувшись, Крэйг заметил, что за ним как будто следует большой синий Шар, но скоро забыл о нем. Он посмотрел на карту с нанесенными на нее координатами завихрения — осталось всего несколько миль. Он уже почти на месте.

С виду никаких признаков облака не было, хотя приборы нащупали его и занесли на карту, когда Крэйг приблизился к нему. Быть может, если стоять под прямым углом к завихрению, можно было бы различить слабое мерцание, колебание, как будто смотришь в волнистое зеркало. Пожалуй, больше ничто не указывало на его присутствие. Непонятно, где оно начиналось, где кончалось. Нетрудно было войти в него даже с приборами в руках.

Крэйг вздрогнул, вспомнив о первых межпланетниках, которые попадали в такие завихрения. Отважные астронавты дерзали приземляться на солнечной стороне, осмеливались путешествовать в космических костюмах старого образца. Почти все они погибали в излучениях — буквально сваривались. Некоторые уходили в сторону равнин и исчезали. Они входили в облако и как будто растворялись в воздухе. Собственно, воздуха-то никакого и не бы-

ло — не было вот уже много миллионов лет. На этой планете все свободные элементы давным-давно исчезли. Все оставшиеся элементы, кроме разве тех, что залегали глубоко под землей, были так прочно связаны в соединениях, что их совершенно невозможно было высвободить в достаточных количествах. По этой же причине и с Венеры был начисто сметен жидкий воздух.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и на камнях, были очень отчетливы — сбиться с дороги было трудно. Машина немного подскочила вверх, потом нырнула в небольшую впадину. И в центре впадины Крэйг увидел причудливую игру света и темноты, как будто он глядел в зеркало.

Вот оно — пространственное облако!

Крэйг посмотрел на приборы — у него захватило дух. Вот это величина! Продолжая ехать по следам Кнута, Крэйг скользнул во впадину, все приближаясь к тому зыбучему, почти невидимому пятну, которое было завихрением. Тут машина Кнута остановилась. Он, очевидно, вышел из нее и поднес приборы поближе к завихрению; его следы пробороздили мелкую пыль. Затем он вернулся обратно... остановился и снова приблизился к облаку. И там...

Крэйг резко затормозил, с ужасом глядя сквозь прозрачный щит. Пульс бешено застучал у него в горле. Крэйг прыгнул с сиденья и поспешно стал натягивать космический костюм. Выйдя из машины, он направился к темной груде, лежавшей на земле. Он медленно подступал все ближе и ближе, и страх тисками сжимал ему сердце. Наконец он остановился. Жар и излучения сделали свое

дело: сморщили, высушили, разрушили. Но сомнений быть не могло – с земли на него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крэйг выпрямился и огляделся вокруг. Цветные Шары танцевали на холмах, кружась и толкаясь, – молчаливые свидетели его страшного открытия. Один из них, синий Шар, который был крупнее остальных, последовал за машиной во впадину; сейчас он беспокойно раскачивался метрах в пятнадцати от Крэйга.

Кнут сказал: «Забавно». Он прокричал это, голос его трещал и колебался, заглушаемый мощными излучениями. А Кнут ли это был? Может быть, он уже умер, когда послание его дошло до Крэйга?

Кровь застучала в него в висках. Крэйг оглянулся – не Шары ли виноваты в смерти Кнута? А если это так, то почему они не трогают его, Крэйга? Вон сотни их пляшут на холме. Если это Кнут лежит здесь, вглядываясь мертвыми глазами в черноту пространства, то кто же тот, другой, вернувшийся назад?

Значит, Шары выдают себя за людей. Возможно ли это? Конечно, они превосходные мимы, но вряд ли уж настолько. Всегда есть что-то неправильное в их подражании – что-то нелепое и фальшивое. Ему припомнились глаза Кнута, возвратившегося в Центр, – их холодный, пустой взгляд, какой бывает у безжалостных людей. От этого взгляда мурашки забегали у Крэйга по спине. И этот Кнут, который так плохо играл в шахматы, выиграл шесть раз подряд.

Крэйг снова оглянулся на машину. Цветные Шары по-прежнему плясали на холмах, но большой синий Шар ис-

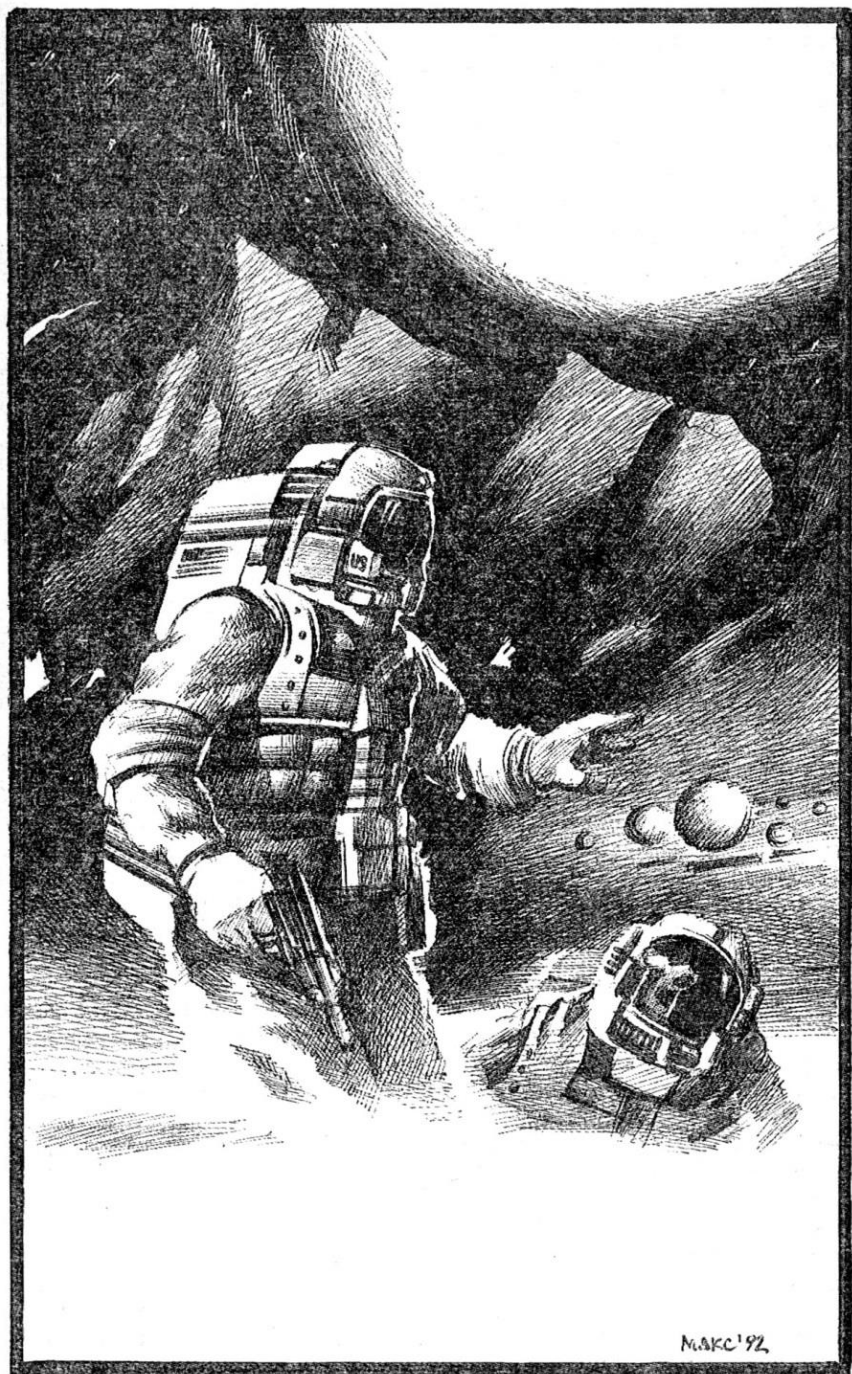
чез. Какое-то неуловимое гадкое ощущение заставило Крэйга обернуться и посмотреть на завихрение — на самом его краю стоял человек. Крэйг безмолвно глядел на него, не в силах сдвинуться с места.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии сорока футов, был... Кэрт Крэйг!

Его черты лица, все его — он сам, второй Кэрт Крэйг, как будто он завернул за угол и столкнулся с самим собой, идущим навстречу. Изумление обрушилось на Крэйга, оглушило его, как гром. Он быстро шагнул вперед, затем остановился. Изумление сменилось вдруг страхом; возникло острое, как удар ножа, сознание опасности.

Человек поднял руку и поманил к себе Крэйга, но он стоял, как вкопанный, пытаясь разобраться в происходящем, успокоить сумятицу в мозгу. Это не отражение, так как на человеке нет космического костюма, в какой одет Крэйг. И это не настоящий человек, иначе он не стоял бы так, под бешеными лучами Солнца. Смерть последовала бы мгновенно. Всего сорок футов — но за ними бушует завихрение, оно поглотит любого, кто перейдет через невидимую, страшную границу. Завихрение передвигается со скоростью нескольких футов в час, и то место, где теперь стоял Крэйг и где у ног его лежало тело Кнута, несколько часов назад находилось в сфере действия завихрения.

Человек шагнул вперед, и в тот же момент Крэйг отступил назад, а рука его взялась за револьвер. Но он успел только наполовину вытянуть оружие — человек исчез. Он просто испарился. Ни дымки, ни дрожания разрушающейся материи. Человека не было. Но на его месте раскачивался большой синий Шар.

MAKC'92

Холодный пот выступил на лбу у Крэйга и заструился по лицу. Он знал, что был сейчас на волосок от смерти, а может быть, и чего-нибудь похуже. Он повернулся и как безумный бросился к машине, рванул дверцу, схватился за рычаги.

Крэйг гнал машину, словно одержимый. Страх охватил его холодными щупальцами. Дважды чуть не произошла катастрофа; один раз машина нырнула в облако пыли, в другой раз пронеслась по озеру расплавленного олова. Крэйг твердо сжимал руль, машина упорно прыгала вверх по холму, скользкому от пыли.

Проклятье. Этот субъект, который вернулся вместо Кнута, был точь-в-точь Кнут. Ему было известно то, что знал Кнут, он вел себя, как Кнут: те же повадки, тот же голос, даже ход мыслей такой же. Что могут сделать люди — человечество — против этого? Смогут ли они отличать подлинных людей от двойников? Как они распознают самих себя? Тварь, которая пробралась в Центр, разбила Крипи в пух и прах. Крипи приучил Кнута к мысли, что он, Кнут, играет не хуже Крипи. Но сам-то он знал, что может выиграть у Кнута в любое время. Кнут этого не знал, а значит, и тварь, изображавшая его, тоже не знала. Поддельный Кнут сел за стол и выиграл у Крипи шесть партий подряд к огорчению и недоумению старика. Есть тут какой-нибудь смысл или нет?

Синий Шар прикинулся Крэйгом и пытался заманить его в пространственное облако. Очевидно, Шары способны менять свою электронную структуру и, таким образом, находиться в завихрении без всякого для себя ущерба. Они заманили туда Кнута, приняв вид человеческих су-

ществ и возбуждив в нем любопытство. Он вступил в за-
вихрение – тут-то Цветные Шары и напали на него. Они
ведь не могут добраться до человека, одетого в космиче-
ский костюм, потому что костюм – это фотоэлементная
камера, а Шары – сгустки энергии. В борьбе энергии с фо-
тоэлементом всегда побеждает фотоэлемент.

«Они не дураки, – подумал Крэйг. – Это способ Троян-
ского коня. Сперва они добрались до Кнута, потом пыта-
лись проделать такую же штуку со мной. Будь в Центре
двое Шаров, им было бы нетрудно заполучить Крипи».

Крэйг со злостью крутанул руль. Он затормозил перед
ущельем и свернул на равнину. Прежде всего нужно отыс-
кать Шар, который играл Кнута. Сначала надо его найти, а
потом уже решить, что с ним делать.

Найти его, однако, оказалось не так-то просто. Крэйг и
Крипи, одетые в пространственные костюмы, стояли по-
среди кухни.

– Он должен быть где-то здесь, будь я проклят, – ска-
зал Крипи. – Просто он так запрятался, что мы его прогля-
дели.

Крэйг покачал головой.

– Нет, Крипи, мы не проглядели. Мы с вами все пере-
вернули, ни одной щели не оставили.

– А может быть, – предположил Крипи, – он сообразил,
что игра проиграна, и дал тягу. Может, он удрал, когда я
сторожил комнату управления.

– Может быть, – согласился Крэйг. – Я тоже об этом
думал. По крайней мере, мы знаем, что он разбил радио.
Вероятно, он боялся, что мы вызовем помощь. А это озна-
чает, что у него был свой план, и, скорее всего, в этот мо-
мент он приводит этот план в исполнение.

Станция молчала, но тишину подчеркивали и усиливали еле слышимые звуки: слабое пощелкивание машин в нижнем этаже, шипенье и сдержанное клокотанье в атмосферном аппарате, бульканье синтезируемой воды.

– Черт побери, – фыркнул Крипи, – я знал, что он этого не мог сделать. Кнут просто не мог честным путем обыграть меня.

Из холодильника раздалось отчаянное мяуканье: «Мя-я-у!»

Крипи двинулся к холодильнику, захватив по дороге щетку.

– Опять эта чертова кошка, – пробурчал он, – никогда не упустит случая, чтобы не забраться туда.

Крэйг стремительно шагнул вперед и отбросил руку Крипи от дверцы.

– Стойте! – приказал он.

Кошка жалобно мяукала.

– Но ведь Матильда...

– А что если это не Матильда? – резко сказал Крэйг.

Со стороны двери, ведущей в коридор, послышалось тихое мурлыканье. Оба обернулись – Матильда стояла на пороге и, выгнув спину и задрав кверху пушистый хвост, терлась боком о косяк. В этот момент из холодильника донесся дикий, злобный кошачий вой.

Глаза Крипи сузились. Метла со стуком упала на пол.

– Но у нас же одна кошка!

– Ну конечно, одна, – отрезал Крэйг. – Одна из них Матильда, а другая – Кнут или, вернее, то, что было Кнутом.

Пронзительно затрещал сигнальный звонок, и Крэйг поспешно шагнул к иллюминатору, поднял штору.

– Это Пэйдж! – воскликнул он. – Пэйдж вернулся!

Крэйг оглянулся на Крипи. Лицо его выражало недоверие: Пэйдж уехал пять часов назад, без кислорода, и тем не менее он здесь, вернулся. Но человек не мог бы прожить без кислорода больше четырех часов. Взгляд Крэйга стал жестким, морщины легли между бровей.

– Крипи, – сказал он внезапно, – возьмите кошку на руки и держите ее, чтоб не убежала.

Крипи сделал кислое лицо, но поднял с пола Матильду. Она громко замурлыкала, цепляясь за его костюм изящными лапками.

Пэйдж вышел из машины и направился через гараж прямо к Крэйгу.

Крэйг неприязненно смотрел на него из-под маски пространственного костюма.

– Вы нарушили мой приказ, – отрывисто сказал он. – Вы отправились ловить Шары и даже кого-то поймали.

– Ничего страшного, капитан, – ответил Пэйдж. – Послушные, как котята. Ничего не стоило их приручить.

Он резко свистнул, и из открытой дверцы машины выкатились два Шара – красный и зеленый. Они остановились и принялись раскачиваться.

Крэйг посмотрел на них оценивающим взглядом.

– Сообразительные ребята, – добродушно заметил Пэйдж.

– И как раз нужное число, – сказал Крэйг.

Пэйдж вздрогнул, но быстро овладел собой.

– Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их обращению с приборами, но боюсь, что все приемные рации полетят к черту, стоит им только приблизиться к приборам.

Крэйг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

– Одного я не могу понять, – сказал он. – Я предупредил вас, что стойку вам не открыть. И предупреждал еще, что без кислорода вы погибнете. И тем не менее вы живы.

Пэйдж рассмеялся:

– У меня было спрятано немного кислорода, капитан. Я как будто предчувствовал, что вы мне откажете.

Крэйг снял один из баллонов со стойки.

– Вы лжете, Пэйдж, – спокойно сказал он. – У вас не было другого кислорода. Да вам он и не нужен. Любой человек умер бы ужасной смертью, выйди он отсюда без кислорода. Но вы не умерли – потому что вы не человек!

Пэйдж быстро отступил, но замер на месте, устремив взгляд на баллон с кислородом, когда Крэйг предостерегающе его окликнул. Крэйг сжал пальцами контрольный клапан.

– Одно движение, и я выпущу кислород, – мрачно сказал он – Вы, конечно, знаете, что это такое: это жидкий кислород под давлением 200 атмосфер. Холодней самого пространства, – Крэйг злорадно усмехнулся. – Небольшая доза перевернет вверх дном ваш организм, не так ли? Вы, Шары, привыкли жить там, на поверхности, в чудовищной жаре, и не выносите холода. Вы нуждаетесь в колоссальном количестве энергии, а у нас здесь, внутри Станции, энергии немного. Мы вынуждены беречь ее, не то мы погибнем. Но в жидком кислороде энергии куда меньше. Вы сами создаете себе непосредственное окружение и даже распространяете его вокруг, и все же оно не безгранично.

– Если бы не космические костюмы, вы бы иначе заговорили, – с горечью сказал Пэйдж.

– Они, видно, поставили вас в тупик, – улынулся Крэйг. – Мы их надели потому, что гонялись за вашим приятелем. Он, по-моему, в холодильнике.

– Мой приятель в холодильнике?

– Да, тот, который вернулся вместо Кнута. Он притворился Матильдой, когда понял, что мы за ним охотимся. Но он перестарался. Он настолько почувствовал себя Матильдой, что забыл, кто он на самом деле, и залез в холодильник. И это ему пришлось не по вкусу.

У Пэйджа опустились плечи. На какое-то мгновение черты лица его расплылись, затем снова стали четкими.

– Дело в том, что вы перебарщиваете, – продолжал Крэйг. – Вот и сейчас вы больше Пэйдж, чем Шар, больше человек, чем сгусток энергии.

– Нам не стоило делать этой попытки, – сказал Пэйдж. – Надо было дожждаться, пока вас сменит кто-нибудь другой. Мы ведь знаем, что вы не относитесь к нам с презрением, как многие люди. Я говорил, что следует подождать, но тот человек, попавший в пространственное завихрение – по имени Пэйдж...

Крэйг кивнул.

– Понимаю, вы просто не могли упустить случая. Обычно до нас трудно добраться. Вам не справиться с фотоэлементными камерами. Но вам следовало сочинить что-нибудь более убедительное. Эта чепуха насчет пойманных Шаров...

– Но ведь Пэйдж отправился именно за этим, – настаивал мнимый Пэйдж. – Ему бы, разумеется, это не удалось, но он-то был уверен в успехе.

– Это было очень умно с вашей стороны, – сказал

Крэйг, – привести с собой ваших ребят, сделать вид, что вы их поймали, и в один прекрасный момент взять нас врасплох. Да, это было умнее, чем вы думаете.

– Послушайте, – сказал Пэйдж, – нам ясно, что мы проиграли. И что вы собираетесь делать дальше?

– Мы выпустим вашего друга из холодильника, – ответил Крэйг, – потом отопрем двери – и вы свободны.

– А если мы не уйдем?

– Мы выпустим жидкий кислород. У нас наверху полные баки кислорода. Мы отключим комнату и превратим ее в настоящий ад. Вы этого не вынесете и погибнете от недостатка энергии.

Из кухни донесся страшный шум. Можно было подумать, что по жестяной крыше скачет связка колючей проволоки. Шум чередовался с воплями Крипи. По сходням из кухни выкатился меховой шар, а за ним старик, яростно размахивающий метлой. Шар распался, превратившись в двух одинаковых кошек. Распустившиеся хвосты торчали кверху, шерсть на спине стояла дыбом, глаза сверкали зеленым огнем.

– Мне надоело держать эту проклятую кошку, и я... – выдохнул Крипи.

– Понятно, – прервал его Крэйг. – И вы сунули ее в холодильник к другой кошке.

– Так оно и было, – сознался Крипи. – И передо мной разверзлась преисподняя.

– Ладно, – произнес Крэйг. – А теперь, Пэйдж, покажите, которая ваша.

Пэйдж быстро сказал что-то, и одна из кошек начала таять. Очертания ее стали неясными, и она превратилась в Шар – маленький, трогательный бледно-розовый Шар.

Матильда испустила душераздирающий вопль и бросилась наутек.

— Пэйдж, — сказал Крэйг, — мы всегда были против осложнений. Если вы только захотите, мы можем быть друзьями. Нет ли для этого какого-нибудь средства?

Пэйдж покачал головой.

— Нет, капитан. Мы и люди — как два полюса. Мы с вами разговариваем сейчас, как человек с человеком. Но в действительности разница слишком велика, нам не понять друг друга. — Он замялся и выговорил, запинаясь: — Вы славный парень, Крэйг. Из вас бы вышел хороший Шар.

— Крипи, — сказал Крэйг, — откройте дверь.

Пэйдж повернулся, чтобы уйти, но Крэйг окликнул его:

— Еще минутку. В виде личного одолжения. Не скажете ли, на чем это все основано?

— Трудно объяснить, — ответил Пэйдж. — Видите ли, мой друг, все дело в культуре. Культура, правда, не совсем то слово, но иначе я не могу выразить этого на вашем языке. Пока вы не появились здесь, у нас была своя культура, свой образ жизни, свои мысли — они были наши собственные. Мы развивались не так, как вы, мы не проходили этой незрелой стадии — цивилизации, — как вы. Мы начали с того места, до которого вы не доберетесь и через миллион лет. У нас была цель, идеал, к которым мы стремились. И мы продвигались вперед. Я не могу объяснить вам этого. И вдруг появились вы...

— Дальше я догадываюсь, — прервал его Крэйг. — Мы привнесли чужое влияние, нарушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в ваши, и вы становитесь не более как подражателями, перенимающими

чужие повадки. — Он посмотрел на Пэйджа и продолжил: — Неужели же нет выхода? Неужели надо враждовать из-за этого, черт побери?

Пэйдж повернулся и пошел к выходу, за ним последовали два больших Шара и один маленький, розовый.

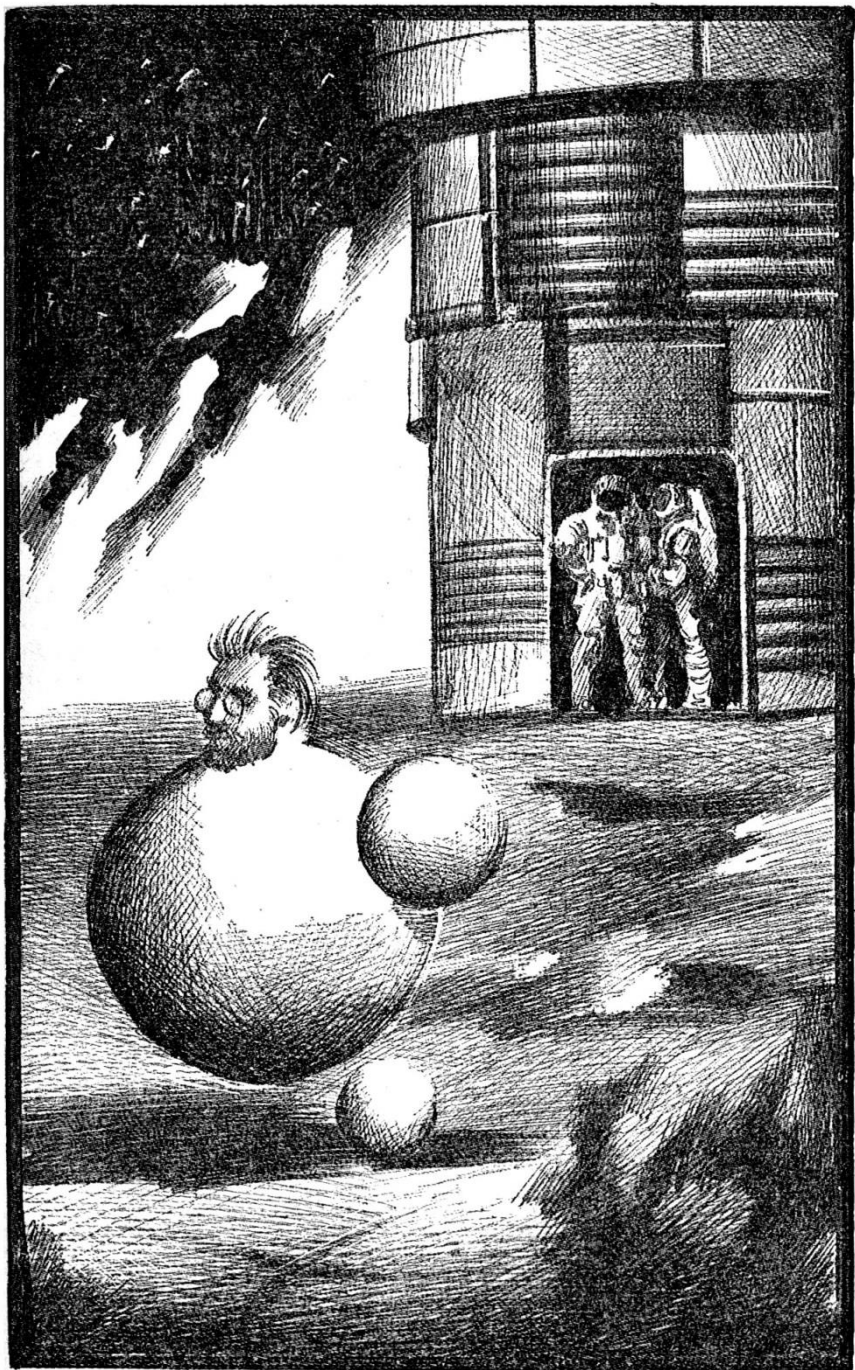
Стоя у входа плечом к плечу, двое землян смотрели, как Цветные Шары вышли наружу. Сперва Пэйдж сохранял человеческий облик, но потом очертания его расплылись, съежились, и вот на его месте уже покачивался Шар.

Крипи хихикнул в ухо Крэйгу:

— Фиолетовый, чтоб он пропал.

Крэйг сидел за столом и писал отчет в Совет Солнечной энергии; перо быстро бегало по бумаге.

«Пятьсот лет они выжидали, прежде чем начать действовать. Быть может, они медлили из предосторожности или в надежде найти какой-то иной выход. А может быть, время имеет у них другой счет. Для жизни, уходящей в бесконечность, время вряд ли очень ценно. В течение всех этих пятисот лет они наблюдали за нами, изучали нас. Они читали в нашем мозгу, поглощали наши мысли, докапывались до наших знаний, впитывали нашу индивидуальность. Они, наверное, знают нас лучше, чем мы сами. Что такое их неуклюжее подражание нашим мыслям? Просто хитрость, попытка заставить нас считать их безвредными? Или между их подражанием и нашими мыслями такая же разница, как между пародией и настоящим произведением искусства? Я не могу этого сказать. У меня нет никаких догадок на этот счет. До сих пор мы не пытались защищаться от них, так как считали их забавными существами и ничем больше. Я не знаю, была ли кошка в холодильнике-

ке Шаром или Матильдой, но именно кошка подала мне мысль о жидком кислороде. Несомненно, есть более удачные способы. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Я убежден, что они будут делать новые попытки, даже если им придется ждать еще пятьсот лет. Поэтому я настаиваю...»

Он положил перо. Корзина для бумаг, стоявшая в углу комнаты, зашевелилась, и из нее вылезла Матильда. Хвост ее воинственно торчал кверху. Презрительно поглядев на Крэйга, она направилась к двери и стала спускаться вниз по сходам.

Крипи нехотя настраивал скрипку и думал о Кнута: если не считать споров за шахматами – они всегда были друзьями.

Крэйг соображал, как поступать дальше. Надо съездить за телом Кнута и отправить на Землю, чтобы его там похоронили. Но прежде всего он ляжет спать. Черт возьми, как он хочет спать!

Он взял перо и продолжал писать:

«...чтобы были приложены все старания к изобретению нужного оружия... Но использовать его мы будем только в качестве защиты. Об истреблении, какое велось на других планетах, не может быть и речи.

Для этого мы должны изучать их так, как они изучают нас. Чтобы воевать с ними, надо их знать. К следующему разу они, несомненно, выдумают новый способ нападения. Необходимо также устроить проверку каждого входящего на Станцию, чтобы определить – человек он или Шар.

И, наконец, следует приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя каким-то другим источником энергии

на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступным».

Он перечитал докладную записку и отложил ее в сторону.

«Им это не понравится, — сказал он себе, — особенно последний пункт. Но ведь нужно смотреть правде в лицо».

Крэйг долго сидел за столом и думал. Потом он поднялся и пошел к иллюминатору.

Снаружи, на равнинах Меркурия, плясали Цветные Шары — чудовищные шахматные фигуры перекатывались в пыли. Насколько хватал глаз, равнина была усеяна скачущими шахматами. И при каждом прыжке их становилось все больше.

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его: стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля и почти всегда – на людях.

Но теперь это было позади, и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

«Есть тут что-то странное», – говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось.

Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет; Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом, — именно о таком он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы — работающие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом, он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба — во всех окнах горит свет, — темная громада пристроек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор, там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной

прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

«Грешно так радоваться», — думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету успешно, и вот он здесь, — полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди — нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И, что лучше всего, — у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать — неторопливо, задушевно, дружелюбно.

Именно разговоры лучше, чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это — их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры, понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Нечасто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его; свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает — ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она

хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мери-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию – такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал; ему страстно захотелось быть с ними, рассказать о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахнуло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха – там, в комнате, царила тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он шаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того — комната совершенно переменялась. И не просто потому, что исчезли товарищи — исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня. Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, — трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби попытался кого-нибудь позвать, но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, на этот раз удачную:

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой.

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб, ты шутишь?

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

– Мы старались оставить их вам как можно дольше, – произнес Джоб. – Нам очень не хотелось отнимать их у вас, сэр, но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

– А эта комната?! Ковры, мебель...

– И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

– Димензино? – переспросил он.

– Вы, конечно, помните, что это такое.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство – это было безумие.

– Человеческие эмбрионы перенесли путешествие хорошо, – доложил Джоб. – Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволочло его мозг.

– Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, – продолжал он. – Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

– Разумеется, – с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. – Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

– Это невозможно, – сказал он, – этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе – они были из плоти и крови. Они...

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

– Это возможно, – мягко сказал Джоб. – Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку из легкого пластика, стоявшую на нем.

– Скажи, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

– Конечно нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

– Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

– Естественно, – сказал Джоб. – Места было мало, а взять надо было так много...

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки): горячий суп в приятной на ощупь суп-

нице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверканье начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора.

— Джоб, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя, — сказал Джоб. — Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби положил тарелку на стол и повернулся к роботу.

— Я пойдут в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И, несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед — Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты.

Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон, — ответил робот. — Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

– О, нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

– Ладно, продолжайте, – сказал Уинстон-Кэрби и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

– Иллюзия! – воскликнул он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с этой действительностью – и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать – не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино – спутники, порожденные им, приспособляются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен, причем до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности – изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один человек не просуществовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна по-

беда маленького неумного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензины и бессмертные могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждой своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором — своего рода старейшиной совершенно нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки, и по привычке повернулся к большому зеркалу.

Зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся – кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним – оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

– Нет! – закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору, руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по спине течет холодный пот.

«А было бы так легко, — подумал он, — так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоящей необходимости что-то делать».

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна колония, а прорыв, прямая дорога к знанию и уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстоянием.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может. Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы

полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность... может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Предусмотреть какие-нибудь решительные действия на случай, если к нему вернется иллюзия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его: вино откупорено, разговор уже начался...

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать и сильно уставать, чтобы не оставалось времени на размышления, а сразу валиться в постель и крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать; наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые дела, планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его, потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль – невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты: занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло, на полу лежал ковер.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, – голой, бедной, холодной.

«Слава Богу, – подумал он. – Слава Богу!»

Снизу донесся крик:

– Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

– Уинстон, у нас праздник! На столе молочный поро-
сенок!

И еще один голос:

– С яблоком во рту!

Он не ответил.

«Они исчезнут, – думал он. – Им придется исчезнуть».

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждал покой и старые друзья...

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

МИР, КОТОРОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

I

Следы поднимались по одной грядке, спускались по следующей, и все побеги вуа на этих грядках были срезаны на дюйм-два над поверхностью. Вор работал методично: он не бродил бесцельно по плантации, а собрал урожай с десяти первых гряд на западной стороне поля. Затем, насытившись, он свернул к лесу. Это случилось недавно — комья земли все еще осыпались в глубокие ямы, оставленные в мягкой почве громадными лапами.

Где-то жужжала птица-пильщик, просверливая бревно, а из поросшего колючками оврага доносилась пронзительная утренняя песнь болтунов. День обещал быть жарким. С земли поднимался запах пересушенной пыли, и лучи только что вставшего солнца плясали на ярких листьях деревьев хула, так что казалось — лес был полон миллионами блестящих зеркал.

Гэвин Дункан вытащил из кармана красный платок и вытер пот с лица.

— Нет, господин, — умолял Зиккара, старший рабочий на ферме. — Этого нельзя делать. Вы не должны охотиться на Циту.

— Черта с два, — ответил Дункан по-английски, а не на местном языке.

Он смотрел на заросли хула, на широкие проплешины, выжженные солнцем, на колючки, рощи деревьев, разрезанные предательскими оврагами, в которых таились водоемы.

«Соваться туда – самоубийство, – подумал он, – но я скоро вернусь. Зверь, очевидно, заляжет, чтобы переварить пищу, и его можно настигнуть через час-другой. Но если зверь не заляжет – придется идти за ним дальше».

– Очень опасно, – настаивал Зиккара. – Никто не охотится на Циту.

– А я буду охотиться, – ответил Дункан на местном языке. – Я буду охотиться на любую тварь, которая жрет мой урожай. Еще несколько таких ночей – и у меня на поле ничего не останется.

Он засунул платок обратно в карман и надвинул шляпу пониже на лоб, чтобы защитить глаза от солнца.

– Ее трудно найти, господин. Сейчас сезон скуна. Если вы попадете...

– Послушай, – оборвал его Дункан. – До того, как я пришел, вы один день пировали, а потом много дней подряд постились. Теперь вы едите каждый день. И вам нравится, чтобы вас лечили. Раньше, стоило вам заболеть, вы умирали. Теперь, когда вы больны, я вылечиваю вас, и вы остаетесь живыми. Вам больше нравится жить на одном месте, а не бродить по лесу.

– Да, господин, нам все это нравится, – сказал Зиккара. – Но мы не охотимся на Циту.

– Если мы не будем охотиться на Циту, то все это потеряем, – ответил Дункан. – Если не будет урожая – я разорен. Мне придется убираться отсюда. Что тогда будет с вами?

– Мы сами будем выращивать вуа.

– Не смей меня, – сказал Дункан. – Ты же знаешь, что это чепуха. Если я не буду вас подталкивать целыми дня-

ми, – вы и пальцем не пошевелите. Если я уеду, – вы вернетесь в лес. А теперь пошли за Цитой.

– Но она такая маленькая, господин! Она такая молодая! Она не стоит того, чтобы из-за нее беспокоиться. Просто стыдно ее убивать.

«Может, чуть поменьше лошади, – подумал Дункан, не спуская глаз с Зиккары. – А он перепуган, даже поджилки трясутся».

– Она, наверное, была очень голодная. Господин, даже Цита имеет право есть.

– Только не мой урожай, – жестко сказал Дункан. – Ты знаешь, почему мы выращиваем вуа. Ты знаешь, что это – хорошее лекарство. Ягоды вуа вылечивают людей, у которых болезнь в голове. Моим людям это лекарство очень нужно. Больше того, там... – он поднял руку вверх, к небу, – там они очень хорошо платят за ягоды вуа.

– Но, господин...

– Вот что я скажу, – негромко ответил Дункан, – или ты дашь мне проводника, который поможет отыскать Циту, или вы все отсюда выматываетесь. Я найду другое племя, которое захочет работать на ферме.

– Нет, господин! – закричал в отчаянии Зиккара.

– Можете выбирать, – холодно сказал Дункан.

Он побрел через поле к дому, который пока что был ненамного лучше туземной хижины. Но в один прекрасный день это будет настоящий дом. Стоит Дункану продать один или два урожая, – и он построит дом с баром и плавательным бассейном, с садом, полным цветов. Наконец-то после долгих скитаний у него будет дом и плантации, и все будут называть его господином.

– Плантатор Гэвин Дункан, – сказал он вслух, и ему понравилось, как это звучит. Плантатор на планете Лейард. Но ему не стать плантатором, если каждую ночь Цита будет пожирать побеги вуа.

Он обернулся и увидел, что Зиккара бежит к деревне. «Все-таки я их раскусил», – с удовольствием подумал Дункан.

Оставив поле позади, он пересек двор, направляясь к дому. На веревке сушилась рубашка Шотвелла.

«Черт бы его побрал, – подумал Дункан. – Заигрывает с придурковатыми туземцами, суется повсюду со своими вопросами, крутится под ногами. Правда, если уж быть справедливым, в этом и заключается его работа. Для этого его сюда и прислала социологи».

Дункан подошел к хижине, толкнул дверь и вошел. Шотвелл, голый до пояса, мылся над тазом.

На плите шипел завтрак. Его готовил пожилой повар-туземец.

Дункан пересек комнату и снял с гвоздя тяжелое ружье. Он щелкнул затвором, проверяя его.

Шотвелл протянул руку за полотенцем.

– Что там происходит? – спросил он.

– Цита забралась на поле.

– Цита?

– Такой зверь, – пояснил Дункан. – Она сожрала десять грядок вуа.

– Большой зверь, маленький? Каков он собой?

Туземец начал расставлять тарелки для завтрака. Дункан подошел к столу, положил ружье на угол и сел. Он разлил по чашкам темную жидкость.

«Боже мой, – подумал он, – что бы я отдал за чашку настоящего кофе».

Шотвелл пододвинул к столу свой стул.

– Вы мне не ответили. Что представляет собой Цита?

– Если б я знал, – ответил Дункан.

– Вы не знаете? Но вы, похоже, хотите на нее охотиться. А как же вы собираетесь охотиться, если не знаете...

– Пойду по следам. То существо, которое я найду там, где следы кончатся, и будет Цитой. Как только мы ее увидим, я узнаю, как она выглядит.

– Мы?

– Туземцы пришлют какого-нибудь следопыта. Некоторые из них в этом отношении дадут сто очков вперед любой собаке.

– Послушайте, Гэвин. Вам от меня одни неудобства, но вы вели себя со мной очень порядочно. Если могу чем-нибудь помочь, – я пошел бы с вами.

– Двое двигаются быстрее, чем трое. И нам надо настигнуть Циту как можно скорее, а то придется соревноваться с ней на выносливость.

– Хорошо. Тогда расскажите мне о Ците.

Дункан положил в тарелку каши и передал кастрюлю Шотвеллу.

– Это особенный зверь. Туземцы ее до смерти бояться. Они рассказывают о ней разные легенды. Например, что ее нельзя убить. Цита – это имя собственное, всегда с большой буквы. Несколько раз замечали, что она появлялась в самых разных районах.

– И никто ее не подстрелил?

– Я об этом не слышал. – Дункан похлопал ладонью по ружью. – Дайте мне только до нее добраться.

Он принялся за кашу, заедая ее вчерашним кукурузным хлебом. Потом допил темное пойло и передернулся.

– В один прекрасный день я наскребу денег на фунт настоящего кофе, – сказал он, – Как вы думаете...

– Перевозка стоит дорого, – ответил Шотвелл. – Я пришлю вам фунт кофе, когда вернусь домой.

– Только не по экспортной цене, – сказал Дункан, – лучше уж я обойдусь без кофе.

Некоторое время они ели в молчании. Наконец Шотвелл произнес:

– Ничего у меня не получается, Дункан. Местные жители охотно разговаривают со мной, но извлечь из этого ничего нельзя.

– Я вас предупреждал. Вы могли бы и не тратить времени понапрасну.

Шотвелл упрямо покачал головой.

– Должен быть ответ. Должно быть логическое объяснение. Легко сказать, что нельзя игнорировать фактор пола, но именно это нужно делать на Лейарде. Легко утверждать, что не может существовать бесполох животных, бесполох рас, бесполой планеты, но здесь мы сталкиваемся именно с этим. Должен же где-то быть ответ на этот вопрос, и я намерен его отыскать.

– Погодите минутку, – прервал его Дункан. – Нечего зря лезть в бутылку. У меня сейчас нет времени слушать вашу лекцию.

– Но меня беспокоит не только отсутствие пола, – продолжал Шотвелл, – хоть это и главное. Весьма загадочны дополнительные ситуации, вытекающие из основной.

– Ничуть не сомневаюсь, – сказал Дункан, – Но, будьте любезны...

– Без пола пропадает смысл семьи, без семьи нет основы для племени, а в то же время у местных жителей сложная племенная структура с развитыми табу, регулирующими повседневную жизнь. Где-то должно быть нечто главное, объединяющее их и порождающее систему взаимоотношений, братства.

– Не братства, – усмехнулся Дункан. – Даже не сестринства. Следите за своей терминологией. Самым подходящим словом будет бесполство.

Дверь отворилась, и в комнату робко вошел туземец.

– Зиккара сказал, что господин хочет меня видеть, – сказал он. – Я Сипар. Я могу отслеживать всех зверей, кроме крикунов, ходульников, длиннорогов и донованов. Это мои табу.

– Рад слышать, – сказал Дункан, – что у тебя нет табу на Циту.

– Цита! – завопил Сипар. – Зиккара не сказал мне про Циту!

Дункан не обратил на его крик никакого внимания. Он поднялся из-за стола и подошел к большому сундуку, стоявшему у стены. Порывшись в нем, он достал оттуда бинокль, охотничий нож и запасную обойму. Потом он задержался у буфета на кухне и набил кожаный мешочек мукой из банки.

– Это называется рокахомини, – объяснил он Шотвеллу. – Ее придумали североамериканские индейцы. Кукурузные зерна поджаривают, а потом толкут. Трудно назвать лакомством, но поддерживает силы.

– Вы рассчитываете уйти надолго?

– Может, придется переночевать в лесу, не знаю. Но я

не вернусь, пока ее не схвачу. Не могу себе позволить. А то она за несколько дней пустит меня по миру.

– Счастливой охоты, – сказал Шотвелл. – Я буду оборонять форт.

Дункан обернулся к Сипару.

– Хвати дрожать, пойдем.

Он поднял ружье и повесил за плечо. Ногой толкнул дверь и вышел.

Сипар робко последовал за ним.

II

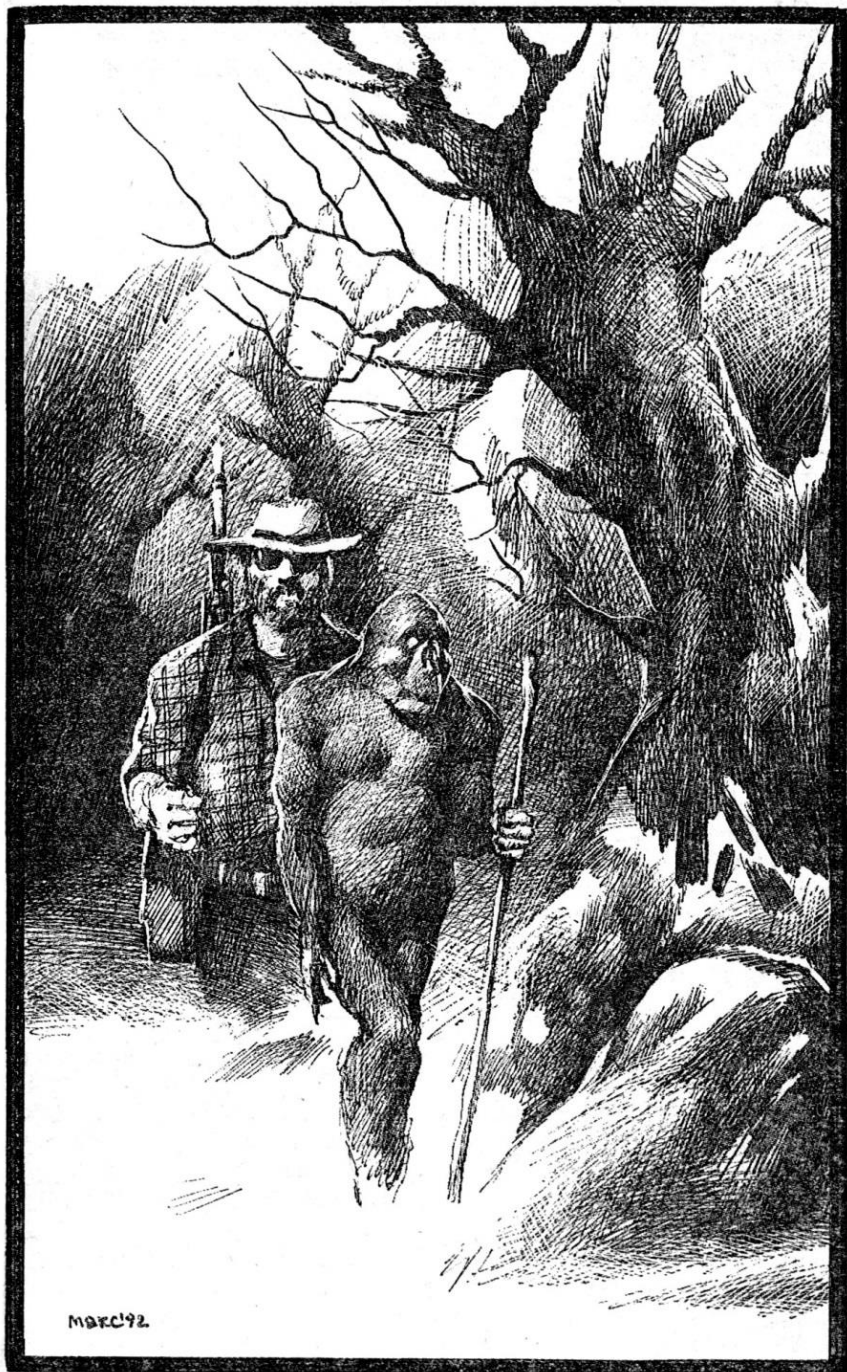
Первый раз Дункан выстрелил под вечер того же дня.

Еще утром, часа через два после того, как они покинули ферму, им удалось поднять Циту, залегшую в глубоком овраге. Но выстрелить тогда он не успел. Дункан увидел лишь, как черное пятно мелькнуло и исчезло в кустах.

Весь день они шли по следу. Впереди Сипар, за ним Дункан, осматривавший места, где могла укрыться Цита. Раскаленное от солнца ружье все время было наготове.

Один раз им пришлось задержаться минут на пятнадцать. Огромный донован топтался в зарослях, ревя – он собирался с духом, чтобы напасть. Но, покуражившись с четверть часа, решил вести себя пристойно и ускакал тяжелым галопом.

Дункан глядел ему вслед, задумавшись. Чтобы убить донована, требовалось всадить в него порядочно свинца. А стоило ему пустить в ход ноги, как обнаружилось, что он весьма ловок, несмотря на кажущуюся неуклюжесть. Донованы убили многих людей за те двадцать лет, как люди прибыли на Лейард.

MARC 92

Когда зверь убежал, Дункан оглянулся, ища Сипара, и обнаружил его спящим под кустом хула. Он не слишком деликатно растолкал проводника, и они отправились дальше.

В кустах было множество других животных, но они не тревожили путников.

Сипар нехотя принялся за дело, однако он уверенно шел по следу. Ему указывали путь примятая трава, сломанная ветка, сдвинутый камень, легкий отпечаток лапы. Он шел как хорошо натренированная гончая. Он был здесь как дома.

Когда солнце стало клониться к западу, они начали взбираться на высокий холм, и когда приблизились к вершине, Дункан шепотом остановил Сипара. Тот в удивлении оглянулся. Дункан жестами приказал ему замереть.

Туземец присел на корточки, и Дункан, проходя вперед, заметил, что лицо его искажено. В этой гримасе были и мольба, и ненависть. «Он перепуган, как и все остальные, — подумал Дункан». Но чувства и мысли туземца его не волновали — важнее всего был зверь.

Последние несколько шагов Дункан прополз на животе, толкая перед собой ружье. Бинокль бил его по спине. Быстрые злые насекомые вылетали из травы. Одно из них ухитрилось ужалить его в лицо.

Дункан вполз на вершину холма и залег там, оглядывая местность. Ничего нового: те же пыльные обрывы, кусты, колючки, заросшие лощины и страшная пустота вокруг.

Он лежал неподвижно, пытаясь уловить хоть намек на движение, на тень, на неправильность в пейзаже — на все, что могло оказаться Цитой.

Но он ничего не заметил. Лишь у самого горизонта паслось стадо каких-то животных.

Вдруг он уловил движение – мимолетное движение на бугре посреди склона.

Он осторожно положил ружье на землю, поднес к глазам бинокль и стал медленно поворачивать голову, рассматривая подозрительное место. Животное находилось именно там, куда он смотрел.

Цита отдыхала и смотрела в ту сторону, откуда пришла, поджидая, когда появятся ее преследователи. Дункан попытался определить форму и размер Циты, но она сливалась с травой и бурой почвой, и он так и не смог понять, что она из себя представляет.

Он опустил бинокль. Теперь, точно зная, где лежит Цита, он мог различить очертания ее тела невооруженным глазом.

Рука потянулась к ружью и прижала приклад к плечу. Дункан пошевелился, устраиваясь поудобнее. Перекрестие прицела уперлось в смутную тень на бугре, и тут животное встало на ноги.

Цита была не так велика, как он ожидал, – может, немного крупнее земного льва. Но она была непохожа на льва. Цита оказалась массивным темным существом, неуклюжим и грузным, но при этом в ней ощущалась сила и злоба.

Дункан прицелился в толстую шею, набрал в легкие воздуха, задержал дыхание и начал медленно нажимать на курок.

Ружье сильно отдало в плечо, так что в голове загудело... и зверь пропал. Он не отпрыгнул, не упал, он просто растворился, исчез в траве.

– Я попал в точку, – уверил себя Дункан.

Он щелкнул затвором, использованная гильза вылетела на землю, и новый патрон, щелкнув, вошел в ствол.

Некоторое время он лежал, наблюдая. На бугре, где упала Цита, трава колыхалась, как будто под ветром, хотя никакого ветра не было. Но кроме этого ничто не говорило о Ците. Зверь не смог встать. Он остался лежать.

Дункан поднялся на ноги, достал платок и отер пот с лица. Позади себя он услышал мягкие шаги и обернулся. К нему подошел проводник.

– Все в порядке, Сипар, – сказал Дункан. – Можешь больше не волноваться. Я ее пристрелил. Сейчас пойдем домой.

Погоня была долгой, куда более долгой, чем он рассчитывал. Но в конце концов он добился своего, а это было главным. По крайней мере на какое-то время урожай вуа был спасен.

Он сунул платок обратно в карман, спустился по склону и, взобравшись на бугор, дошел до того места, где свалилась Цита. В траве видны были три маленьких клочка шерсти и мяса, сгустки крови. Больше ничего.

Дункан скинул ружье, быстро обернулся. Он был начеку. Он осматривался, стараясь уловить малейшее движение, цветное пятно или тень. Но ничего не было. Стояла жаркая предвечерняя тишина. Ни ветерка, ни дуновения воздуха. Но Дункан предчувствовал опасность. Его пронзило ощущение нависшей угрозы.

– Сипар! – громко прошептал он. – Осторожнее!

Проводник стоял неподвижно, не слушая его. Его зрачки закатились, виднелись только белки, а мышцы напряглись, словно стальные тросы.

Дункан медленно поворачивался, держа ружье наизготовку, слегка согнув локти, готовый выстрелить в какую-то долю секунды.

Но ничего не шевелилось. Вокруг была пустота – пустота солнца и раскаленного неба, травы и корявых деревьев, рыжей и желтой земли, уходящей в вечность.

Шаг за шагом Дункан обошел весь склон холма и наконец вернулся к месту, где проводник выл, обхватив себя руками и раскачиваясь, как будто хотел укачать себя в воображаемой колыбели.

Дункан подошел к месту, где упала Цита, и подобрал куски кровоточащей плоти. Они были искорежены пулей и бесформенны. И это было странно. За все годы охоты на многих планетах Дункан никогда не сталкивался с тем, чтобы пуля вырывала из тела жертвы куски мяса.

Он бросил их в траву и вытер руки о бедра. Ему было немного не по себе.

В траве не видно было кровавого следа, хотя зверь с такой раной обязательно должен был бы оставить след.

И стоя на склоне холма, он вдруг ощутил холодное прикосновение страха, словно чьи-то пальцы на мгновение сжали его сердце.

Он подошел к проводнику, наклонился и встряхнул его.

– Приди в себя, – приказал он.

Он ожидал услышать мольбу, стенания, но ничего такого не слышал.

Сипар легко вскочил на ноги и поглядел на Дункана странно поблескивающими глазами.

– Пошли, – сказал Дункан, – У нас еще осталось не-

много времени. Иди кругами, пока не найдешь след. Я буду тебя прикрывать.

Он взглянул на солнце. До захода оставалось часа полтора, от силы – два. Может быть, удастся достигнуть зверя до наступления темноты.

В полумиле от бугра Сипар вновь нашел след, и они двинулись по нему. Правда, теперь они шли осторожнее, потому что за любым кустом, скалой или участком высокой травы могло скрываться раненое животное.

Силы у Дункана были на пределе, и он проклинал себя за это. Ему приходилось и раньше бывать в переделках. Нет никаких оснований так волноваться. Разумеется, ничего приятного в этой погоне нет, но раньше он все-таки выбирался из всех переделок. Виноваты во всем эти легенды о Ците, суеверная болтовня, в которую так легко поверить на краю света.

Он крепче сжал ружье и продолжил путь.

«Не бывает бессмертных зверей», – сказал он себе.

За полчаса до заката он объявил привал у водоема – скоро станет слишком темно, чтобы стрелять. С утра они снова пойдут по следу, и тогда уж Ците придется труднее: она ослабнет, может, даже подохнет.

Дункан собрал сучьев и развел костер на лужайке среди колючих кустов. Сипар взял фляги и опустил их под воду, чтобы они наполнились. Вода была теплой и неприятной на вкус, но достаточно чистой, чтобы ее можно было пить.

Солнце зашло, и стало темно. Они набрали побольше сушняка и свалили его рядом с костром.

Дункан достал из кармана мешочек с рокахомини.

– Ешь, – сказал он Сипару. – Это ужин.

Проводник протянул сложенную горстью ладонь, и Дункан отсыпал ему муки.

– Спасибо тебе, господин, – сказал Сипар. – Кормилец.

– А? – спросил Дункан, потом понял, что имел в виду туземец. – Ешь, – сказал он почти нежно. – Немного, правда, но восстановит силы. Завтра они нам понадобятся.

Кормилец, надо же! Может, хочет его умаслить? Через некоторое время Сипар начнет нить, чтобы бросить охоту и вернуться на ферму.

С другой стороны, если подумать, он и на самом деле кормилец этой компании бесполох существ. Слава Богу, кукуруза хорошо прижилась на красной, упрямой почве Лейарда – добрая старая кукуруза из Северной Америки. На Земле ее скармливают свиньям, делают из нее хлопья к завтраку, а здесь, на Лейарде, она стала основной пищей для осевших кочевников, которые до сих пор не могут отделаться от скептицизма и удивления при мысли о том, как это можно выращивать пищу вместо того, чтобы искать ее по лесам.

«Кукуруза из Северной Америки на Лейарде растет бок о бок с вуа, – размышлял он. – Так оно и идет. Что-то с одной планеты, что-то с другой, еще что-нибудь с третьей, и таким образом при широком сотрудничестве планет возникает общая космическая культура, которая в конце концов, через несколько тысяч лет, может быть, создаст мир куда более разумный и понимающий, чем тот, что существует сегодня».

Он высыпал себе на ладонь немного рокахомини и положил мешочек обратно в карман.

– Сипар.

– Да, господин?

– Ты не испугался сегодня, когда донован хотел на нас напасть?

– Нет, господин. Донован не может на меня напасть.

– Ясно. Ты сказал, что донован для тебя табу. А может так быть, что и ты табу для донована?

– Да, господин. Мы с донованом росли вместе.

– Разумеется, – сказал Дункан.

Он бросил в рот пригоршню муки и запил ее глотком затхлой воды. Потом с трудом прожевал получившуюся кашу.

Конечно, можно продолжать в том же духе и спросить: где, как и когда донован и Сипар могли вместе расти, но смысла в этом не было. Вот в такую сеть и попадал все время Шотвелл.

«Я почти уверен, что эти паршивцы водят нас за нос», – сказал он себе.

Что за фантастическая компания! Ни мужчин, ни женщин – одни «штуки». И хоть среди них не найдешь младенцев, ребятишек старше восьми-девяти сколько угодно. А если нет младенцев – откуда берутся восьмилетние дети?

– Я так думаю, что другие твои табу, ходульники и крикуны, тоже росли с тобой вместе? – спросил он.

– Ты прав, господин.

– Ну и детский сад у вас был, – сказал Дункан.

Он продолжал жевать, глядя в темноту за кругом огня.

– В кустах что-то есть, господин.

– Я ничего не слышал.

– Чуть слышно. Кто-то бежит.

Дункан прислушался. Сипар был прав: какие-то мелкие зверюшки бегали в чаще.

– Наверно, мыши, – сказал он.

Он проглотил рокахомини и запил ее глотком воды, чуть не поперхнувшись.

– Отдыхай, – сказал он Сипару. – Я тебя потом разбуджу, чтобы самому соснуть.

– Господин, я останусь с тобой до конца.

– Ну что ж, – сказал Дункан, несколько удивившись. – Это очень благородно с твоей стороны.

– Я останусь до смерти, – заверил Сипар.

– Не перенапрягайся, – сказал Дункан.

Он поднял ружье и пошел к водоему.

Ночь была тихой, и земля сохраняла ощущение пустоты. Было пусто, если не считать костра, водоема и маленьких мышей, бегających в кустах.

И Сипара, который улегся у костра, свернувшись калачиком, и мгновенно заснул. Он был гол, и в руках у него не было оружия. Он был голым животным – не человеком еще, гуманоидом, – и все же у него была цель, которая порой ставила в тупик. Утром при одном упоминании имени Циты он дрожал и в то же время ни разу не потерял следа. Он полностью лишился самообладания на бугре, где они нашли и потеряли Циту, а теперь он готов до смерти не покидать Дункана.

Дункан вернулся к костру и коснулся Сипара носком башмака. Тот сразу проснулся.

– О чьей смерти? – спросил Дункан. – О чьей смерти ты говорил?

– О нашей, конечно, – сказал Сипар и снова заснул.

Дункан не увидел стрелы. Он лишь уловил ее свист и почувствовал дуновение воздуха возле шеи, и тут же стрела впиалась в ствол дерева за его спиной.

Он отпрянул в сторону и укрылся за грудой камней. Почти инстинктивно его палец перевел затвор на автоматическую стрельбу.

Скорчившись за камнями, он осторожно выглянул. Ничего не видно. Деревья хула поблескивали под солнцем, колючие кусты были серыми и безжизненными, и единственным живым существами казались три ходульника, мрачно шагавшие в полумиле от Дункана.

– Сипар, – прошептал он.

– Я тут, господин.

– Лежи. Он все еще где-то здесь.

Кто бы это ни был, он здесь и ждет, когда сможет выстрелить вновь. Дункан поежился, вспомнив дыхание стрелы возле горла. Черт знает что за смерть для человека – где-то в лесу, со стрелой в горле. И перепуганный до смерти туземец спешит со всех ног домой.

Он опять перевел затвор на одиночные выстрелы, отполз в сторону и перебежал к куще деревьев, возвышавшихся на пригорке. Отсюда он мог подойти к тому месту, откуда была пущена стрела, с фланга.

Он оглядел местность в бинокль. Никаких следов. Тот, кто в них стрелял, успел скрыться.

Он вернулся к дереву, в которое вонзилась стрела, и вытащил глубоко впившийся в кору наконечник.

– Можешь выходить, – сказал он Сипару. – Там никого нет.

Стрела была сделана до удивления грубо. Древко было неоперено, и казалось, что его обруббили камнем. Наконечником служил необработанный кусок кремня, подобранный в сухом русле реки – он был примотан к древку полоской крепкого, но гибкого луба дерева хула.

– Ты узнаешь ее? – спросил он Сипара.

Проводник взял стрелу, осмотрел.

– Это не мое племя.

– Разумеется, не твое. Твои охотники не стали бы в нас стрелять. Может, другое племя?

– Очень плохая стрела.

– Я знаю. Но ею можно убить с таким же успехом, как и хорошей. Ты ее узнаешь?

– Никакое племя не делало этой стрелы, – заявил Сипар.

– Может, ребенок?

– Что здесь может делать ребенок?

– Я тоже об этом подумал, – согласился Дункан.

Он отобрал стрелу у Сипара и начал медленно крутить между большим и указательным пальцами. Ему пришла в голову ужасная мысль. Нет, этого не может быть. Это слишком фантастично. Может, он перегрелся на солнце – иначе как бы могла появиться такая вздорная мысль?

Он наклонился и начал ковырять землю грубым наконечником стрелы.

– Сипар, что ты знаешь о Ците?

– Ничего, господин. Я боюсь ее.

– Назад мы не пойдем. Но вспомни. Может быть, ты знаешь что-то, чем сможешь нам помочь...

Он почти умолял проводника. Он зашел дальше, чем

предполагал. «Не стоило вообще задавать никаких вопросов», — со злостью подумал он.

— Я не знаю, — ответил Сипар.

Дункан отшвырнул стрелу и выпрямился, снова взяв ружье наизготовку.

— Пошли.

Он смотрел на Сипара, идущего впереди. «Хитер, паршивец, — сказал он себе. — Знает больше, чем говорит».

Так они шли много часов. День выдался жарче и суше вчерашнего, хотя это и казалось невозможным. В воздухе разлилась тревога. Нет, шалят нервы. Но даже если и так — человек не должен обращать на это внимание. Если он отдастся во власть настроений на здешней пустой земле — в том, что произойдет, ему придется винить только самого себя.

Стало труднее идти по следу. Вчера Цита убегала вперед, заботясь лишь о том, чтобы преследователи ее не настигли. Теперь же она путала следы, чтобы сбить охотников с толку. Дважды за день они теряли след, и только после долгих поисков Сипару удавалось его обнаружить, причем однажды в миле от того места, где он был потерян.

Исчезновение следов беспокоило Дункана больше, чем он себе признавался. След не может исчезнуть полностью, если не изменяется ни погода, ни окружающая местность. В этом крылась загадка, о которой Сипар, наверное, знал куда больше, чем хотел рассказать.

Дункан внимательно наблюдал за проводником, но в поведении того не было ничего подозрительного. Он работал, как хорошая и преданная ищейка.

К вечеру плато, по которому они шли, внезапно обо-

рвалось. Они остановились на краю обрыва, откуда открывался вид на бесконечные леса и широкую реку.

Казалось, будто они неожиданно вошли в другую, красивую комнату.

Это был новый край, никогда доселе не виданный землянином. Никто не говорил, что далеко на запад, за кустарниками, раскинулся девственный лес. Люди, прилетавшие из космоса, наверно, видели его. Он показался им просто пятном иного цвета на теле планеты. И для них это не играло роли.

Для тех же, кто жил на Лейарде – плантаторов, торговцев, старателей и охотников, – это было важным открытием. «И я открыл этот лес», – с гордостью думал Дункан.

– Господин!

– Что еще?

– Гляди. Там скун!

– Я не...

– Там, господин, за рекой.

И тут Дункан увидел мглу в голубизне неба, скользящую, бронзового цвета тень. Он почувствовал далекий порыв шторма, скорее трепетание воздуха, чем звук.

Он замороженно смотрел, как скун несется вдоль реки, и видел, как он испепеляет лес. Скун ворвался в реку, и вода в ней всплеснулась серебряными столбами до самого неба.

И тут же скун исчез, пропал, лишь сожженный шрам тянулся через лес, где пронесся обжигающий ураган.

Еще на ферме Зиккара предупреждал его о скуне. «Начинается сезон скуна, – сказал тогда Зиккара, – и если человек попал в скун – живым он не выберется».

Дункан глубоко вздохнул.

– Плохо, – сказал Сипар.

– Да, очень плохо.

– Налетает сразу. Заранее не угадать.

– Как насчет следа? – спросил Дункан, – Цита...

Сипар указал вниз.

– Мы успеем до темноты?

– Наверно, – ответил Сипар.

Спуск был трудней, чем они ожидали. Дважды они из-бирали неправильный путь, и тропа обрывалась вниз, на сотни футов, так что приходилось опять взбираться наверх и искать другую дорогу.

Они достигли подножия обрыва, когда уже начались короткие сумерки. Они поспешили набрать сучьев. Воды поблизости не оказалось, и пришлось обойтись тем, что осталось во флягах.

Скучно поужинав рокахомини, Сипар свернулся клубочком и сразу уснул.

Дункан прислонился спиной к обломку скалы, свалившемуся когда-то с обрыва и теперь наполовину ушедшему в землю, которая веками сыпалась на него сверху.

«Прошло уже два дня», – сказал он себе.

Нет ли правды в слухах, распространяемых в поселках? Может, и в самом деле не стоит гоняться за Цитой, потому что ее нельзя убить?

«Чепуха, – подумал Дункан. – Тем не менее преследование усложняется, идти по следу становится все трудней, да и Цита становится все хитрей и неуловимей. Если в первый день она убегала, то сегодня старалась сбить их со следа. А почему она избрала эту тактику только на второй

день? Почему не попыталась обмануть их сразу же? А что будет завтра – на третий день?»

Он покачал головой. Невероятно, чтобы животное становилось изобретательней в ходе охоты. Оно становится более нервным, боязливым, но Цита вела себя совсем не так, как положено испуганному зверю. Казалось, она набирается ума и решительности. В этом было что-то устрашающее.

Далеко на западе у леса и реки слышался хохот и уханье стаи крикунов. Дункан прислонил ружье к камню и подложил сучьев в огонь. Он взглянул в темноту на западе и прислушался к шуму. Затем поморщился и инстинктивно почесал в затылке. Он надеялся, что крикуны останутся вдали. Еще их не хватало.

За его спиной со склона сорвался камешек и подкатился к самому костру.

Дункан быстро обернулся. «Глупо устраивать лагерь под самым обрывом, – подумал он. – Если свалится камень покрупнее – им несдобровать.»

Он стоял и слушал. Ночь была тихой, даже крикуны на время примолкли. Ну вот, свалился маленький камешек, и он уже перепугался. Надо взять себя в руки.

Он вернулся к камню и когда наклонился, чтобы подобрать ружье, услышал отдаленный гул. Он быстро выпрямился, обернувшись к обрыву, заслонявшему половину неба – гул усиливался! Одним прыжком он подскочил к Сипару, схватил его за руку и рывком поднял на ноги. Глаза Сипара открылись, и он растерянно замигал при свете костра.

Гул перешел в рев, и слышно было, как бухают гро-

мадные камни, перекрывая шум и шуршание сползающей вниз почвы.

Сипар выдернул руку и бросился в темноту. Дункан последовал за ним.

Они бежали, спотыкаясь в темноте, и преследовавший их грохот лавины наполнил ночь оглушительным громом. Несясь вперед, Дункан представлял себе, как ударяет ему в спину обломок скалы, как поток камней обтекает его ноги.

Ураганное облако пыли настигло беглецов, они задыхались и кашляли на бегу. Неподалеку, слева от них, подпрыгивал могучий обломок скалы, лениво ударяясь о землю.

И тут гром стих. Слышалось лишь шуршание земли и гравия, стекающего по склону.

Дункан остановился и медленно обернулся. Костер исчез, погребенный, без сомнения, тоннами породы. Звезды побледнели — свет их с трудом пробивался сквозь нависшее над долиной облако пыли.

Он услышал, что рядом пошевелился Сипар, и поднял руку, стараясь отыскать его, не зная точно, где он находится. Наконец Дункан дотянулся до проводника, схватил его за плечо и привлек к себе.

Сипара била дрожь.

— Все в порядке, — сказал Дункан.

«И в самом деле все в порядке, — уверял он себя. — Ружье осталось цело. Запасной магазин и нож были приторочены к поясу, мешочек с рокахомини — в кармане. Не доставало лишь фляги. Фляги и огня».

— Придется укрыться где-нибудь на ночь, — сказал Дункан. — Здесь неподалеку крикуны.

Ему не нравились ни собственные подозрения, ни то, что его сердце начали покалывать иглы страха. Он постарался избавиться от этих мыслей, выкинуть из головы, но они остались, лишь спрятались поглубже.

— Там колючие кусты, господин. Мы можем заползти в чашу. Крикуны нас не отыщут.

Путешествие сквозь колючки оказалось пыткой, но они все-таки проделали его.

— Крикуны и ты — табу, — сказал Дункан. — Почему ты их боишься?

— Я больше боюсь за тебя, господин. И немножко за себя. Крикуны могут забыть. Они могут не узнать меня, а потом будет поздно. Тут безопасней.

— Согласен.

Крикуны подошли к кустарнику и топотали вокруг. Они фыркали и пытались пробиться сквозь колючки, но в конце концов убрались восвояси.

Утром Дункан с Сипаром поднялись по склону, карабкаясь по громадной гряде камней и земли, завалившей их лагерь. Пройдя по ложбине, прорезанной лавиной, они добрались до того места, откуда начался обвал.

Здесь они нашли углубление, в котором раньше лежал большой валун. Земля со стороны обрыва была подрыта, так что достаточно было одного толчка, чтобы валун покатился вниз, к костру.

А вокруг было множество глубоких следов Циты!

IV

Теперь это уже была не просто охота. Нож был приставлен к горлу. Убить или быть убитым, останавливаться поздно. Игра кончилась, и нельзя было ждать милости.

– Ну что ж, – сказал Дункан. – Мне это нравится.

Он провел ладонью по стволу ружья, который сверкнул под полуденным солнцем. «Лишь один выстрел, – молил он. – Дайте мне хоть один раз выстрелить. На этот раз я не промахнусь. На этот раз она не отделается тремя клочками шерсти в траве, чтобы поиздеваться надо мной.»

Он прищурился, вглядываясь в колеблющееся марево над рекой, Сипар примостился у воды. Через некоторое время он поднялся, подбежал к Дункану и сказал:

– Она переплыла реку. Она шла вброд, а потом плыла.

– Ты уверен? Может, она просто зашла в воду, чтобы мы искали ее на том берегу, а потом вернулась сюда.

Он взглянул на пурпурно-зеленую стену деревьев на том берегу. В лесу будет в стократ труднее.

– Можно посмотреть, – сказал Сипар.

– Хорошо. Иди вниз по течению. А я поднимусь вверх.

Через час они вернулись обратно, не обнаружив никаких следов. Почти не осталось сомнений, что Цита переправилась через реку.

Они стояли бок о бок и смотрели на лес.

– Господин, мы ушли далеко. Ты смелый, раз ты охотишься на Циту. Ты не боишься смерти.

– Страх смерти – это для детей. Об этом и речи быть не может. Я не собираюсь умирать.

Они вошли в воду. Дно медленно понижалось, и проплыть пришлось не больше ста ярдов.

Они выбрались на берег и легли у воды, чтобы отдохнуть.

Дункан оглянулся в ту сторону, откуда они пришли. Обрыв казался отсюда темно-синей полоской на фоне вы-

цветшего голубого неба. В двух днях пути оттуда лежит ферма и плантация вуа, но кажется, что до них куда дальше. Они были затеряны во времени и пространстве и принадлежали другому существованию, другому миру.

Дункану казалось, что вся предыдущая жизнь потускнела, позабылась, потеряла связность. Как будто значимым был только этот момент, как будто все мгновения жизни, все минуты и часы, все вдохи, выдохи и удары сердца, и сон, и пробуждения вели к этому часу, к этой реке, к мгновению, когда ружье его слилось с рукой, когда он был охвачен жадой убийства.

Наконец Сипар поднялся и пошел вдоль воды. Дункан сел и смотрел ему вслед.

«Ведь он вконец перепуган и все же остался со мной, — думал Дункан. — У костра в первую ночь он сказал, что останется со мной до самой смерти, и он верен своей клятве. Как трудно разобраться в чувствах этих существ, как трудно понять, что за мысли, что за ростки эмоций, что за законы морали, что за смесь веры и надежды заполняют их души и руководят их существованием.

Ведь как просто Сипару было бы потерять след и сказать, что он не может его найти. Да и с самого начала он мог отказаться идти выслеживать зверя, но он шел, хоть и боялся. Никто не требовал от него преданности и верности, а он был предан и верен. Но верен кому? Дункану — пришельцу, чужому? Верен себе самому? Или, может быть — хоть это и казалось невероятным — верен Ците?

Что думает Сипар обо Мне, или, точнее, что я думаю о Сипаре? Что нас может объединить? Или же нам, хоть мы оба и гуманоиды, суждено навсегда остаться чужими?»

Он держал ружье на коленях и поглаживал, нежил его, превращая в часть самого себя, в орудие смерти и выражение своей непреклонной решимости найти и убить Циту.

«Дайте мне еще один шанс, — твердил он, — одну секунду, меньше секунды, чтобы успеть прицелиться. Это все, что я хочу, в чем нуждаюсь, все, что прошу».

И тогда он сможет вернуться в дни, оставшиеся позади — к ферме и полям, к туманной иной жизни, с которой он столь загадочно расстался, но которая со временем вновь станет реальной и наполнится смыслом.

Вернулся Сипар.

— Я нашел след.

Дункан встал.

— Хорошо.

Они ушли от реки и углубились в лес. Жара безжалостно обволокла их, она была куда тяжелее, чем у реки — словно горячее мокрое одеяло опустилось на тело.

След был четок и прям. Цита, очевидно, решила идти вперед, не прибегая больше к уловкам. Может быть, она думает, что преследователи потеряют время у реки, и желает увеличить расстояние между ней и охотниками. «Может быть, ей нужно время, чтобы подготовить новую подлую ловушку», — размышлял Дункан.

Сипар остановился и подождал, пока Дункан настигнет его.

— Где твой нож, господин?

— Зачем тебе? — заколебался Дункан.

— У меня колючка в подошве, — ответил проводник. — Мне нужно ее вытащить.

Дункан вынул нож из-за пояса и бросил Сипару. Тот поймал его на лету.

Глядя прямо в глаза Дункану, чуть заметно улыбаясь, Сипар перерезал себе горло.

V

Придется возвращаться. Он знал это. Без проводника он бессилён. Все шансы на стороне Циты – если, конечно, они не были на ее стороне с самого начала.

Циту нельзя убить? Нельзя, потому что она достаточно разумна, чтобы справиться с неожиданностями? Нельзя, потому что, если надо, она может сделать лук и стрелу, пусть очень примитивные? Нельзя убить, потому что она может прибегнуть к тактическим уловкам, например сбросить ночью камень на своих врагов? Нельзя убить, потому что местный проводник с радостью воткнет себе в горло нож, чтобы ее защитить?

Зверь, обладающий разумом в моменты опасности? В котором ум и способности проявляются в опасных ситуациях, а когда в этом исчезает необходимость, зверь скатывается к прежнему уровню? «Что ж, – думал Дункан, – это неплохой путь для живого существа. Как хорошо, если можно избавиться от всех неудобств и тревог, от неудовлетворенности собой, вызываемой разумом, когда это тебе не нужно. Но разум не исчезнет. Он будет поджидать в безопасности своего часа, словно ожерелье или пистолет – то, что можно при случае использовать, а после этого отложить в сторону».

Дункан потянулся к костру и поворошил палкой в огне.

Пламя взметнулось кверху, и столб искр взлетел к шеле-
стящей черноте листвы. Ночью стало чуть прохладнее, но
влажность все так же давала себя знать, и человеку было
не по себе, и он был немного испуган.

Дункан запрокинул голову и взгляделся в усеянную ис-
крами темноту. Звезд не было видно – их закрывала густая
листва. Ему недоставало звезд. Было бы лучше, если бы он
мог их увидеть.

Наступит утро, и ему придется возвращаться. Придется
бросить это: охота стала невозможным и даже глупым
предприятием.

И все же он знал, что не сдастся. Где-то в трехдневном
пути он принял вызов и поставил перед собой цель. Он
знал, что наступит утро и он пойдет дальше. Им двигала
не ненависть, не месть, не страсть к трофеям, даже не ин-
стинкт охотника, заставляющий гнаться за животным, ко-
торое больше, удивительнее и опаснее всех, что убивали
люди до него. Его вело нечто большее – странная связь,
которая переплела существование Циты с его собствен-
ным.

Он протянул руку, подобрал ружье и положил на коле-
ни. Ствол тускло поблескивал при свете костра; он провел
рукой по стволу, как мужчина может провести по шее
женщины.

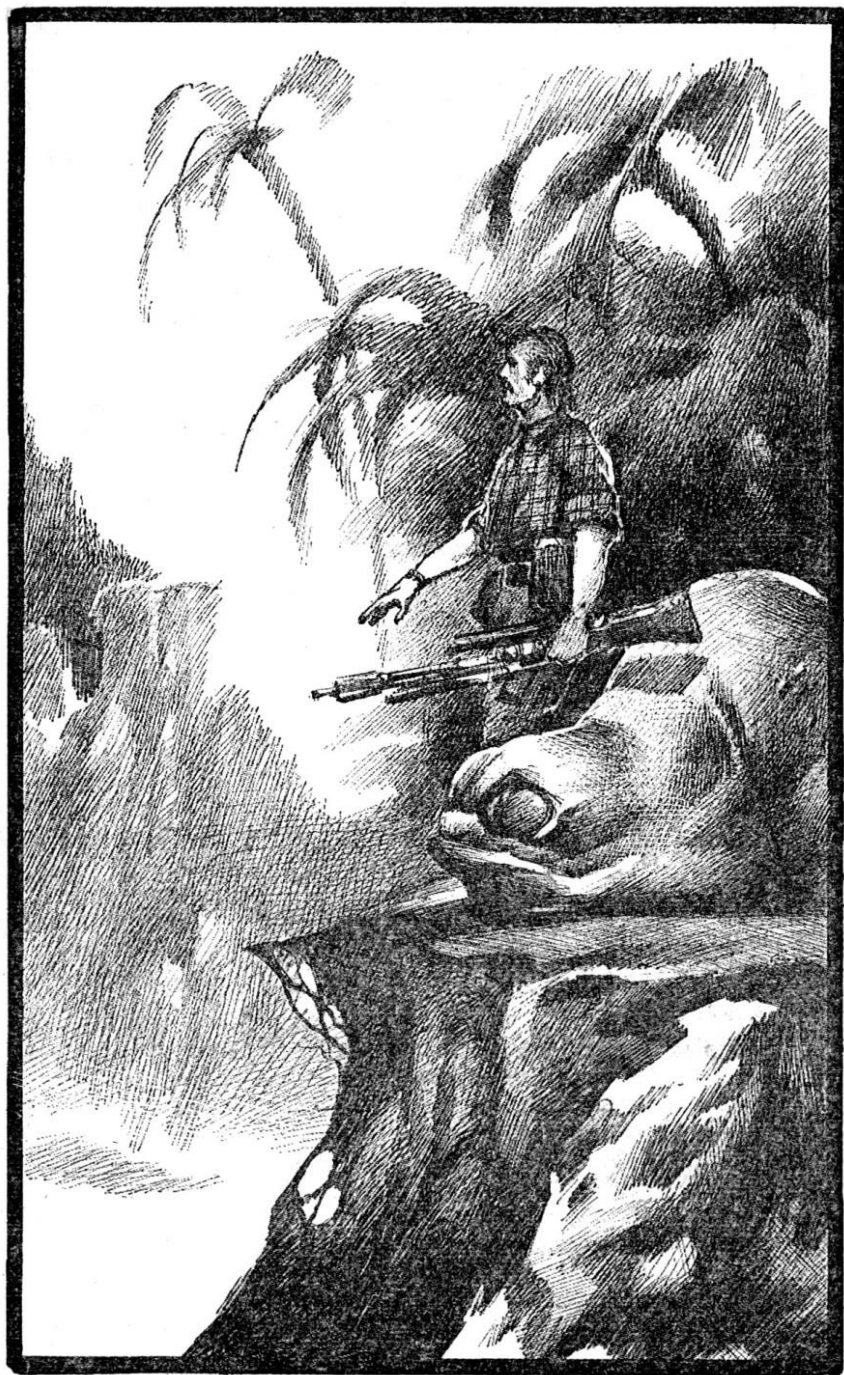
– Господин, – произнес голос.

Голос его не испугал, потому что слово было произне-
сено тихо, и на мгновение он забыл, что Сипар умер – пе-
ререзал горло с улыбкой на губах.

– Господин?

Дункан напрягся.

Сипар был мертв, никого не было рядом, и все же кто-то обращался к нему, а во всем лесу было лишь одно существо, которое могло с ним говорить.

— Да, — отозвался Дункан.

Он не пошевелился. Он просто сидел, и ружье лежало у него на коленях.

— Ты знаешь, кто я?

— Я полагаю, что ты Цита.

— Ты был храбрый, — сказала Цита — это была именно она. — Ты хорошо охотился. И нет позора, если ты уйдешь. Почему ты не идешь назад? Я обещаю, что не трону тебя.

«Она была здесь, где-то перед ним, в кустах за костром, почти точно по другую сторону костра, — сказал себе Дункан, — Если сделать так, чтобы она продолжала говорить, может, даже выманить ее...

— Зачем мне уходить? — спросил он. — Охоту нельзя кончить, пока не убьешь того, за кем охотишься.

— Я могу убить тебя, — сказала ему Цита. — Но я не хочу этого делать. Убивать плохо.

— Правильно, — согласился Дункан. — Ты очень чувствительная.

Наконец-то он точно определил, откуда исходит голос. Он мог позволить себе поиронизировать.

Большой палец скользнул по металлу, перевел затвор на автоматическую стрельбу, и Дункан подогнул под себя ноги так, чтобы можно было одним движением вскочить и выстрелить.

— Почему ты охотишься за мной? — спросила Цита. — Ты чужой в моем мире, и у тебя нет права охотиться на меня. Вообще-то я не возражаю, это даже интересно. Как-

нибудь мы снова устроим охоту, когда я буду готова. Тогда я приду и скажу тебе, и мы потратим день или два на охоту.

— Конечно, устроим, — бросил Дункан, вскакивая. Одновременно он нажал на курок, и ружье заплесало в бешеной ярости, выплевывая сверкающую струю ненависти и смерти, несущуюся к кустам. — В любой удобный для тебя момент! — ликующе кричал он. — Я приду и буду охотиться на тебя! Ты лишь намекни, и я брошусь по твоим следам! Может, я даже убью тебя! Как тебе это понравится, тварь?

Он не спускал пальца с курка и не распрямлялся, чтобы пули не ушли вверх, а распилили жертву у самой земли, и он поводил стволом, чтобы прочесать большую площадь и обезопасить себя от возможной ошибки в прицеле.

Патроны кончились, ружье щелкнуло, и зловещая трель прервалась. Пороховой дым мирно струился над костром, запах его сладко щипал ноздри, и слышно было, как множество маленьких ножек бежало по кустам, как будто тысячи перепуганных мышат спасались от катастрофы.

Дункан отстегнул от пояса запасную обойму и вставил ее вместо использованной. Затем он выхватил из костра головешку и стал яростно размахивать ею, пока она не вспыхнула ярко и не превратилась в факел. Держа ружье в одной руке и факел в другой, он бросился в кусты. Мелкие зверюшки метнулись в стороны.

Он не нашел Циты. Он нашел лишь обожженные кусты и землю, истерзанную пулями, да пять кусков мяса и шерсти, которые принес с собой к костру.

Теперь страх окружал его, держался на расстоянии вытянутой руки, выглядывал из тени и подбирался к костру.

Он положил ружье рядом с собой и постарался дрожащими пальцами сложить из пяти кусков мяса и шерсти то, чем они были раньше. «Задача была не из легких», – думал он с горькой иронией, потому что у кусков не было формы. Они были частью Циты, а Циту надо убивать дюйм за дюймом – ее не возьмешь одним выстрелом. В первый раз ты выбиваешь из нее фунт мяса, во второй раз снова – фунт или два, а если у тебя хватит патронов, ты уменьшишь ее настолько, что в конце концов можешь и убить. Хоть и не наверняка.

Он боялся. Ему было страшно. Он признался себе, что ему страшно, и видел, как трясутся его пальцы, и он стиснул челюсти, чтобы унять стук зубов.

Страх подбирался все ближе. Первые шаги он сделал, когда Сипар перерезал себе горло – какого черта этот идиот решился на такое? Тут нет никакого смысла. Он размышлял о верности Сипара, и оказалось, что тот был предан существу, мысль о котором Дункан отбросил как нелепость. В конце концов, по непонятной причине – непонятной только людям – верность Сипара была верностью Ците.

Но для чего искать объяснений? Все происходившее было бессмыслицей. Разве есть смысл в том, что преследуемый зверь идет к охотнику и говорит с ним? Хотя этот разговор отлично вписывался в образ животного, обладающего разумом лишь в критические моменты.

«Прогрессивная приспособляемость», – сказал себе Дункан. Доведите приспособляемость до крайней степени, и вы достигнете коммуникабельности. Но может быть, сила приспособляемости Циты уменьшается? Не

достигла ли Цита предела своих способностей? Может быть и так. Стоило поставить на это. Самоубийство Сипара, несмотря на его обыденность, несло на себе отпечаток отчаяния. Но и попытка Циты вступить в переговоры с Дунканом была признаком слабости.

Убить его стрелой не удалось, лавина не принесла желаемых результатов, ни к чему не привела и смерть Сипара. Что теперь предпримет Цита? Осталось у нее хоть что-нибудь в запасе?

Завтра он об этом узнает. Завтра он пойдет дальше. Теперь он не может отступить.

Он зашел слишком далеко. Если он повернет назад, то всю жизнь будет мучиться – а вдруг через час или два он бы победил? Слишком много вопросов, слишком много неразгаданных тайн, на карту поставлено куда больше, чем десять грядок вуа.

Следующий день внесет ясность, снимет тягостный груз с плеч, вернет ему душевное спокойствие.

Но сейчас все было абсолютно бессмысленно.

И не успел он об этом подумать, как один из кусков мяса с шерстью будто ожил.

Под пальцами Дункана появились знакомые очертания.

Затаив дыхание, Дункан нагнулся над ним, не веря своим глазам, даже не желая им верить, в глубине души надеясь, что они обманули его.

Но глаза его не обманули. Ошибиться было нельзя. Кусок мяса принял форму детеныша крикуна – ну, может, не детеныша, но миниатюрного крикуна.

Дункан откинулся назад и покрылся холодным потом. Он отер окровавленные руки о землю. Он спрашивал себя, чем же были другие куски, лежавшие у огня.

Он попытался придать им форму какого-нибудь зверя, но это не удалось. Они были слишком изуродованы пулями.

Он собрал их и бросил в огонь. Потом поднял ружье и обошел костер, уселся спиной к стволу, положив ружье на колени.

Он вспомнил топоток маленьких лап, — словно тысячи деловитых мышат разбегаются по кустам. Он слышал их дважды: один раз ночью у водоема, и сегодня ночью снова.

Что же такое Цита? Разумеется, она не имеет ничего общего с обычным зверем, которого он считал, что выслеживает.

Зверь-муравейник? Симбиотическое животное? Тварь, принимающая различные формы?

Шотвелл, который в таких делах собаку съел, может, и попал бы в точку. Но Шотвелла здесь нет. Он остался на ферме и, наверно, беспокоится — почему не возвращается Дункан.

Наконец сквозь деревья просочился рассвет — мягкий, рассеянный, туманный и зеленый, под стать пышной растительности.

Ночные звуки затихли и уступили место звукам дня — шуршанию невидимых насекомых, крикам скрывающихся в листве птиц. Где-то вдали возник гулкий звук, словно толстая бочка катилась вниз по лестнице.

Легкая прохлада ночи быстро растаяла, и Дункана обволокла влажная жара — безжалостная и неутомимая.

Идя кругами, Дункан нашел след Циты ярдах в ста от костра.

Зверь уходил быстро. Следы глубоко вминались в почву, и расстояние между ними увеличилось. Дункан спешил как только мог. Хорошо бы припустить бегом, чтобы не отстать от Циты, потому что след был ясен и свеж.

«Но это было бы ошибкой, — сказал себе Дункан. — Слишком уж свежим был след, слишком ясным, словно животное старалось вовсе, чтобы человек его не потерял».

Он остановился, спрятался за ствол дерева и стал разглядывать следы впереди. Его руки устали сжимать ружье, и тело было слишком напряжено. Он заставил себя дышать медленно и глубоко — он должен был успокоиться и расслабиться.

Он разглядывал следы — четыре пятипалых углубления, потом широкий промежуток, затем снова четыре пятипалых следа. И земля в промежутке была ровной и девственной.

Пожалуй, слишком уж ровной, особенно в третьем промежутке. Слишком ровной, и в этом было что-то искусственное, словно кто-то разглаживал ее ладонями, чтобы заглушить возможные подозрения.

Дункан медленно втянул воздух.

Ловушка?

Или воображение разыгралось?

Если это ловушка, то, не остановись он у дерева, он бы в нее угодил.

Он ощутил и нечто иное — странное беспокойство, — и поежился, стараясь разгадать, в чем же дело.

Он выпрямился и вышел из-за дерева, держа ружье наизготовку. «Какое идеальное место для ловушки!» — по-

думал он. Охотник смотрит на следы, а не на промежуток между ними, так как это ничейная земля, ступать по которой безопасно.

«Ты умница, Цита, – признал он, – Умница Цита!»

И тут он понял, чем вызвано ощущение беспокойства – за ним следили.

Где-то впереди затаилась Цита. Она смотрит и ждет. Она взволнована ожиданием. Может быть, она даже еле сдерживает смех.

Он медленно пошел вперед и остановился у третьего промежутка между следами. Площадка впереди была ровнее, чем ей следовало быть. Он был прав.

– Цита! – позвал он.

Голос прозвучал куда громче, чем ему хотелось, и он застыл, смущенный этим звуком.

И тогда он понял, почему голос его звучал так громко.

Это был единственный звук в лесу.

Лес внезапно замер. Замолчали птицы и насекомые, и вдалеке пустая бочка перестала катиться по лестнице. Даже листья замерли – перестали шуршать и бессильно повисли на стебельках.

Во всем ощущалась обреченность, и зеленый свет перешел в бронзовый.

Свет был бронзовым!

Дункан в панике огляделся – прятаться было негде.

И прежде чем он успел сделать хоть шаг, налетел скун и неизвестно откуда возник ветер. Воздух наполнился летящими листьями и сором. Деревья трещали, скрипели и раскачивались.

Ветер повалил Дункана на колени, и, стараясь поднять-

ся, он вспомнил – словно вспышка его озарила, – каким он видел лес с вершины обрыва: кипящая ярость урагана, бешеное верчение бронзовой мглы, деревья, вырванные с корнем.

Ему почти удалось встать, но он тут же потерял равновесие и уцепился руками за землю, пытаясь подняться вновь, и в мозгу настойчивый голос кричал ему «беги!», а другой голос умолял его прижаться к земле, зарыться в землю.

Что-то тяжелое ударило его в спину, и он упал на ружье, ударился головой о землю, и мир завертелся, грязь и рваные листья приклеились к лицу.

Он пытался отползти, но не мог, ибо что-то схватило его за лодыжку и не отпускало.

Он лихорадочно пытался очистить глаза от грязи и выплюнуть листья и землю, набившиеся в рот.

По вертящейся земле прямо на него неслось что-то черное и громоздкое. Он понял, что это Цита, и через секунду она подомнет его.

Он закрыл лицо рукой, выставил вперед локоть, чтобы смягчить первый удар гонимой ураганом Циты.

Но столкновения не последовало. Менее чем в ярде от Дункана земля разверзлась и поглотила Циту.

Неожиданно ветер стих, и листья вновь безжизненно повисли, и вновь на лес опустилась жара, и все кончилось. Скун прилетел, ударил и унесся прочь.

Прошли минуты, думал Дункан, а может, и секунды. Но за эти секунды лес превратился в груды поваленных деревьев.

Он приподнялся на локте, взглянул, что же случилось с его ногой, и понял, что ее придавило упавшим деревом.

Он осторожно попытался подтянуть ногу — ничего не получилось. Два крепких сука, отходивших от ствола почти под прямым углом, глубоко вонзились в землю, и нога его была прижата к земле этой вилкой.

Нога не болела — пока не болела. Он ее просто не ощущал, — как будто ее не было. Он попытался пошевелить пальцами, но тоже ничего не почувствовал.

Дункан отер пот с лица рукавом рубашки и попытался унять поднявшийся в нем панический страх. Потерять самообладание это худшее, что может случиться с человеком в такой ситуации. Следовало оценить обстановку, спокойно поискать выход, а затем следовать намеченному плану.

Дерево казалось тяжелым, но, возможно удастся его сдвинуть, хотя, если он его сдвинет, ствол может опуститься на самую землю и разможить колено. Два сука, вошедшие в землю, удерживали вес ствола.

Лучшим выходом будет подкопать землю под сучьями, затем вытащить ногу.

Дункан выгнулся назад и попытался рыть землю ногтями, под тонким слоем перегноя его пальцы натолкнулись на твердую поверхность, по которой они лишь скользили.

Всерьез встревожившись, он попытался снять перегной в других местах. И везде сразу под ним начинался камень — очевидно, в этом месте прямо к самой земле подходила вершина давно погребенного валуна.

Его нога была зажата между тяжелым стволом дерева и камнем и надежно схвачена вилкой сучьев, вонзившихся в землю по обе стороны валуна.

Приподнявшись на локте, Дункан откинулся назад. Было совершенно очевидно, что с валуном ему ничего сделать не удастся. И если выход и существовал, то он был связан с деревом.

Для того чтобы сдвинуть ствол, ему понадобится рычаг. И такой рычаг у него был – ружье. «Стыдно использовать ружье для такой цели», – подумал он, но выбора не было.

Целый час он старался приподнять ствол, но ничего из этого не вышло. Даже с помощью рычага.

Дункан лежал на земле, тяжело дыша и обливаясь потом.

Он поглядел на небо.

«Ну что ж, Цита, – подумал он, – ты все-таки победила, но только с помощью скуна. Все твои трюки и ловушки не срабатывали до тех пор, пока...»

И тут он вспомнил.

Он сразу сел.

– Цита! – крикнул он.

Ведь Цита свалилась в яму, которая была на расстоянии вытянутой руки от Дункана, и в нее все еще осыпался мелкий мусор.

Дункан лег на землю, вытянулся как мог и заглянул в яму. Там, на дне, сидела Цита.

Он впервые увидел Циту вблизи, и она оказалась странным, составленным из различных частей существом. В ней не было никаких функциональных конечностей, и она была больше похожа на какую-то грудку, чем на животное.

Яма, в которую она угодила, была не простая яма, а

тщательно и умно сконструированная ловушка. Вверху она достигла четырех футов в диаметре, а к низу вдвое расширялась. В общем, яма напоминала выкопанную в земле бутылку, так что любое существо, упавшее внутрь, не могло бы оттуда выбраться. Все, что падало в яму, в ней и оставалось.

Это и было то, что скрывалось под слишком ровным промежутком между следами Циты. Она всю ночь копала ловушку, затем отнесла в сторону породу и соорудила тонкую земляную крышку. Потом она вернулась обратно и прошла этой дорогой, оставляя четкий, ясный след, по которому так легко было идти. И завершив этот труд, славно потрудившись, Цита уселась неподалеку, чтобы посмотреть, как в ловушку свалиться человек.

– Привет, дружище, – сказал Дункан. – Как поживаешь?

Цита не ответила.

– Классная квартира, – сказал Дункан. – Ты всегда выбираешь такие роскошные клетки?

Цита молчала. С ней творилось что-то странное – она вся распадалась на отдельные части. Дункан, застыв от ужаса, смотрел, как Цита разделилась на тысячи живых комков, которые заматались по яме, пытаясь взобраться по стенкам, но тут же падали обратно, на дно ямы, и вслед им осыпался песок.

Среди кишачих комочков лишь одно оставалось недвижимым. Это было нечто хрупкое, больше всего напоминающее обглоданный скелет индюшки. Но это был удивительный скелет индюшки, потому что он пульсировал и светился ровным фиолетовым огнем.

Из ямы доносились скрипы и писк, сопровождаемые мягким топотком лапок, и по мере того, как глаза Дункана привыкли к темноте ямы, он начал различать форму суетящихся комочков. Среди них были маленькие крикуны, миниатюрные донованы, птицы-пыльщики, стайка кусачих дьяволят и что-то еще.

Дункан закрыл глаза ладонью, потом резко отвел руку в сторону. Маленькие мордочки все так же глядели из ямы, будто моля его о спасении, и в темноте поблескивали белые зубы и белки глаз.

У Дункана перехватило дыхание, и отвратительная спазма подобралась к горлу. Но он поборол чувство тошноты и вспомнил разговор на ферме в тот день, когда уходил на охоту.

«Я могу выслеживать всех зверей, кроме крикунов, хо-дульников, длиннорогов и донованов, – торжественно сказал тогда Сипар. – Это мои табу».

И Сипар тоже был их табу, вот он и не испугался донована. Однако Сипар побаивался ночью крикунов, потому что, как он сам сказал, крикуны могут забыть.

Забыть о чем?

О том, что Цита – их мать? О разношерстной компании, в которой прошло их детство?

Вот в чем заключается ответ на загадку, над которой Шотвелл и ему подобные уже несколько лет ломали себе головы.

«Странно, – сказал он себе. – Ну и что? Это может казаться странным, но если такова здесь жизнь, не все ли равно? Жители планеты были бесполы, потому что, не нуждались в поле, и ничего невероятного в этом не было.

Больше того, это избавляет их от множества бед. Нет ни семейных драм, ни проблем треугольника, ни драки за самку. Может быть, они лишились некоторых развлечений, но зато добились мирной жизни.

А раз пола не существует, такие, как Цита, были всеобщими матерями. Более, чем матерями. Цита была сразу и отцом, и матерью, инкубатором, учителем и, может, выполняла еще множество ролей одновременно.

Это разумно со многих точек зрения. Естественный отбор здесь исчезает, экология в значительной степени находится под контролем, даже мутации могут быть направленными, а не случайными.

И все это ведет к всепланетному единству, неизвестному ни на одном из иных миров. Все здесь друг другу родственники. На этой планете человек, как и любой другой пришелец, должен научиться вести себя очень вежливо. Ибо нет ничего невероятного, что в случае кризиса или острого столкновения интересов ты можешь оказаться лицом к лицу с планетой, на которой все формы жизни объединятся против пришельца».

Маленькие зверюшки сдались, они вернулись на свои места, облепили пульсирующий фиолетовый индюшачий скелет, и Цита вновь обрела первоначальную форму. «Как будто все ее мышцы, ткани, нервы и кровеносные сосуды после короткого отдыха вновь воссоздали зверя», — подумал Дункан.

— Господин, что нам теперь делать? — спросила Цита.

— Это тебе следовало бы знать, — ответил Дункан. — Ты же вырыла эту ловушку.

— Я разделилась, — сказала Цита. — Часть меня рыла яму, а часть оставалась наверху и вытаскила меня из ямы.

– Удобно, – согласился Дункан.

И это в самом деле было удобно. Так было с Цитой и тогда, когда он в нее стрелял – она рассыпалась на составные части и разбегалась. А ночью у водоема она следила за ним, спрятавшись по частям в густом кустарнике.

– Мы оба в ловушке, – сказала Цита. – Мы оба здесь умрем. Так и кончится наша встреча. Ты со мной согласен?

– Я тебя вытащу, – сказал Дункан устало. – Я с детьми не воюю.

Он подтянул к себе ружье и отстегнул ремень от ствола. Затем осторожно, держа за свободный конец ремня, опустил ружье в яму.

Цита приподнялась и вцепилась в ствол передними лапами.

– Осторожнее, – предупредил Дункан. – Ты тяжелая. Я не уверен, что удержу тебя.

Но он зря волновался. Малыши отделились от тела Циты и быстро карабкались по ружью и ремню. Они добирались до его вытянутых рук и взбирались по ним, цепляясь ноготками. Маленькие крикуны, комичные ходульники, кусачие дьяволы ростом с мышь, которые скалились на Дункана на ходу. И миниатюрные улыбающиеся человечки – не младенцы, не дети, а маленькие копии взрослых гуманоидов. И зловещие донованчики, шустро перебирающие ногами.

Они взбирались по рукам, бежали по плечам и толпились на земле, рядом с ним, поджидая остальных.

И наконец сама Цита – правда, не один скелет, но Цита, сильно уменьшавшаяся в размерах, – неуклюже вскарабкалась по ружью и ремню и оказалась в безопасности.

Дункан вытащил ружье и сел.

Цита на глазах собиралась воедино.

Он как зачарованный следил за тем, как суетливые миниатюрные существа планеты шевелились, словно рой пчел, стараясь занять положенное место и составить единое существо.

И вот Цита была восстановлена. Все-таки она была невелика, совсем невелика – не больше льва.

«Она же еще такая маленькая, – спорил с ним Зиккара на ферме. – Такая молодая!»

Совсем еще ясли, компания сосунков, если только их так можно назвать. Месяцами и годами Цита будет расти по мере того, как будут расти ее разные дети, пока не превратится в громадное чудовище.

Цита стояла, глядя на Дункана и на дерево.

– А теперь, если ты оттолкнешь дерево, мы будем квити, – сказал Дункан.

– Очень плохо, – сказала Цита и повернула в сторону.

Он смотрел, как она убегала в лес.

– Эй! – закричал он.

Но Цита не остановилась.

Он схватил ружье, но остановился на полдороги, вспомнив, что стрелять в Циту бессмысленно.

Он опустил ружье.

– Ах ты, грязная, неблагодарная, обманщица...

Он замолчал. Какой смысл беситься? Если ты попал в переделку, надо искать из нее выход. Ты обдумываешь все возможные решения, выбираешь из них наиболее разумное и не поддаешься панике, если мало шансов победить.

Он положил ружье на колено и принялся пристегивать

ремень. Тут он обнаружил, что ствол забит песком и грязью.

С минуту он сидел недвижно, вспомнив, что чуть было не выстрелил вслед Ците, и если ружье было забито достаточно плотно и глубоко, оно взорвалось бы у него в руках.

Он ведь использовал ружье в качестве рычага, чего не следует делать с ружьями – это прямой путь к тому, чтобы вывести его из строя.

Дункан пошарил руками вокруг и нашел ветку. Он постарался прочистить ствол, но грязь набилась в него так плотно, что его попытка была почти безуспешной.

Он отбросил ветку, поискал более твердый сук, и тут в зарослях кустарника уловил движение.

Он пристальнее взгляделся в заросли, но ничего не увидел. Так что он вновь принялся за поиски более толстой ветки. Наконец он отыскал подходящую и попытался засунуть ее под ствол, но в кустах снова что-то шевельнулось.

Он оглянулся. Футах в двадцати на задних лапах сидел крикун. Тварь высунула длинный язык и, казалось, усмехалась.

Второй крикун появился на краю кустарника, там, где Дункан уловил движение в первый раз.

И он знал, что неподалеку находились и другие. Он слышал, как они пробирались сквозь путаницу сваленных стволов, слышал их мягкие шаги.

«Явились, палачи», – подумал он.

Цита явно не теряла времени даром.

Он поднял ружье и постучал им об упавшее дерево, надеясь, что грязь высыпется. Но ничего не высыпалось – ствол был забит плотно.

В любом случае ему придется стрелять – взорвется ружье или нет.

Он перевел затвор на автоматическую стрельбу и приготовился к последнему бою.

Теперь их было уже шестеро. Они сидели в ряд и ухмылялись, глядя на него. Они не торопились – знали, что добыча не уйдет. Он никуда не денется, когда бы они ни решили напасть.

И появятся новые. Со всех сторон.

Как только они бросятся, у него не останется ни единого шанса уцелеть.

– Но я дешево не отдамся, джентльмены, – сказал он хищникам.

И он даже удивился тому, какое спокойствие охватило его, как холодно он мог рассуждать, когда все его карты были биты. Ну что ж, случилось то, что должно было когда-нибудь случиться.

Ведь совсем недавно он думал о том, как человек здесь может столкнуться лицом к лицу с объединенными живыми существами планеты. А вдруг так оно и есть, только в миниатюре.

Очевидно, Цита отдала приказ: «Человек, лежащий там, должен быть убит. Идите и убейте».

Да, что-нибудь в таком роде, ибо Цита явно пользуется здесь авторитетом. Она – жизненная сила, даритель жизни, верховный судья, залог жизни на всей планете.

Конечно, Цита здесь не одна. Может быть, эта планета поделена на районы, сферы влияния, и ответственность за каждую возложена на одну из них. И в своем районе каждая Цита – верховный владыка.

«Монизм¹, – подумал он с горькой усмешкой. – Монизм в чистом виде».

Однако, сказал он себе, если присмотреться к ней объективно, система себя оправдывает.

Но ему трудно было проявлять объективность по отношению к чему бы то ни было.

Крикуны сужали круг, скребя задами по земле.

– Я намерен установить для вас границу, слышите, живодеры? – крикнул им Дункан. – Еще два фута, вон до того камня, и я вам всыплю!

Этих шестерых он снимет, но выстрелы послужат сигналом для общей атаки всех тварей, таящихся в кустах.

Если бы он был свободен, если б стоял на ногах, возможно, он бы и отбил атаку. Но он был припшпилен к земле, и шансов выжить не оставалось. Все будет кончено меньше чем через минуту после того, как от откроет огонь. А может, он протянет минуту.

Шестеро убийц двинулись вперед, и он поднял ружье.

Но они замерли. Уши их приподнялись, будто они прислушивались к чему-то, и ухмылки пропали с их морд. Они неловко зашевелились и приняли виноватый вид, а потом растаяли в кустах словно тени – с такой быстротой, что он даже не успел этого увидеть.

Дункан сидел молча, прислушиваясь, но не слышал ни звука.

«Отсрочка, – думал он. – Но насколько? Что-то спугнуло крикунов, но через некоторое время они вернутся. Надо убираться отсюда и как можно скорее».

---

¹ Монизм – философское учение, принимающее за основу всего существующего одно начало. – *Примеч. перев.*

Если бы найти рычаг подлиннее, он бы сдвинул ствол. Из ствола торчал длинный сук толщиной около четырех дюймов у основания.

Дункан вытащил из-за пояса нож и взглянул на лезвие. Оно было слишком тонким и коротким, чтобы перерезать четырехдюймовый сук, но кроме ножа ничего не оставалось. Если человек дошел до точки, если от этого зависит его жизнь, он способен совершить невозможное.

Он потянулся вдоль ствола к основанию сука и изогнулся. Придавленная нога взорвалась болью протеста. Он сжал зубы и подтянулся еще чуть-чуть. Боль снова охватила ногу, но он все еще не доставал до цели нескольких дюймов.

Он предпринял еще одну попытку дотянуться до сука, но вынужден был сдаться. Он откинулся на землю и лежал, тяжело дыша.

Оставалось одно – попытаться вырезать углубление в стволе над самой ногой. Нет, это почти невозможно. Придется резать жесткую древесину у основания сучьев.

Но нужно было или пойти на это, или отпилить собственную ногу, что было еще невозможней, потому что потеряешь сознание прежде, чем успеешь себя искалечить.

Бесполезно. Ему не сделать ни того, ни другого. Больше ничего не оставалось.

И впервые он вынужден был признаться себе: ты останешься здесь и умрешь. Через день-другой Шотвелл отправился на поиски.

Но Шотвелл никогда его не найдет. Да и в любом случае с наступлением ночи или того раньше вернутся крикуны.

Он сухо засмеялся над собой.

Цита выиграла поединок. Она использовала в игре человеческую слабость побеждать, а потом не менее успешно использовала человеческую слабость к поэтической справедливости.

А чего он должен был ждать? Нельзя же сравнивать человеческую этику с этикой Циты. Разве инопланетянину мораль людей не может показаться подчас загадочной и нелогичной, неблагодарной и низменной?

Он подобрал ветку и принялся ковырять ею в стволе.

Треск в кустах заставил его обернуться, и он увидел Циту. За Цитой брел донован.

Он отбросил ветку и поднял ружье.

— Нет, — резко сказала Цита.

Донован тяжело приблизился к Дункану, и тот почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Ничто не могло устоять перед донованом. Крикуны поджимали хвосты и разбегались, заслышав за две мили его топот.

Донован был назван так по имени первого убитого им человека. Тот человек был лишь первым из многих. Список жертв донованов был длинен, и в этом, думал Дункан, нет ничего удивительного. Он никогда еще не видел донована так близко, и смотреть на него было страшно. Он был похож и на слона, и на тигра, и на медведя, а шкура у него была как у медведя. Донован был самой совершенной и злобной боевой машиной, какую была только способна создать природа.

Он опустил ружье. Стрелять все равно бесполезно — в два прыжка чудовище настигнет его.

Донован чуть не наступил на Дункана, и тот отпрянул

в сторону. Затем громадная голова наклонилась и так толкнула упавшее дерево, что оно откатилось ярда на два. А донован продолжал идти как ни в чем не бывало. Его могучее туловище врезалось в кустарник и исчезло из вида.

— Теперь мы квиты, — сказала Цита. — Мне пришлось сходить за помощью.

Дункан кивнул. Он подтянул к себе ногу, которая ниже колена потеряла чувствительность, и, используя ружье в качестве костыля, встал. Он постарался наступить на поврежденную ногу, и все его тело пронзила боль.

Он удержался, упершись о ружье, и повернулся лицом к Ците.

— Спасибо, дружище, — сказал он. — Я не думал, что ты это сделаешь.

— Теперь ты больше не будешь за мной охотиться?

Дункан покачал головой.

— Я не в форме. Я пойду домой.

— Это все было из-за вуа? Ты охотился на меня из-за вуа?

— Вуа меня кормит, — сказал Дункан. — Я не могу позволить тебе ее есть.

Цита молчала, и Дункан наблюдал за ней. Затем он, опираясь на ружье заковылял к дому.

Цита поспешила его догнать.

— Давай договоримся, господин, я не буду есть вуа, а ты не будешь за мной охотиться. Это справедливо?

— Меня это устраивает, — сказал Дункан. — На этом и порешим.

Он протянул руку, и Цита подняла лапу. Они пожали друг другу руки, не очень ловко, но зато торжественно.

– А теперь, – сказала Цита, – я провожу тебя до дома. А то крикуны расправятся с тобой, прежде чем ты выйдешь из леса.

IV

Они остановились на бугре. Перед ними лежала ферма, и грядки вуа тянулись прямыми зелеными рядами по красной земле.

– Отсюда ты сам доберешься, – сказала Цита, – а то я совсем истощилась. Так трудно быть умной. Я хочу вернуться к незнанию и спокойствию.

– Приятно было с тобой встретиться, – вежливо сказал Дункан. – и спасибо, что ты меня не оставила.

Он побрел вниз по склону, опираясь на ружье-костыль. Вдруг он нахмурился и обернулся.

– Послушай, – сказал он, – ты ведь опять превратишься в животное и обо всем забудешь. В один прекрасный день ты наткнешься на прекрасные свежие нежные побеги вуа и...

– Проще простого, – сказала Цита. – Если ты увидишь, что я ем вуа, начни на меня охотиться. Как только ты начнешь меня преследовать, я сразу поумнею, и все будет в порядке.

– Точно, – согласился Дункан. – Все должно быть в порядке.

Он ковыляя, стал спускаться с холма, а Цита смотрела ему вслед.

«Замечательное существо, – думала она. – Следующий раз, когда я буду делать маленьких, я обязательно сотворю дюжину таких, как он».

Она повернулась и направилась в гущу кустарника.

Она чувствовала, как разум ускользает от нее, чувствовала, как возвращается старое привычное беззаботное спокойствие. Но это ощущение было смешано с предвкушением радости при мысли о том, какой замечательный сюрприз она приготовила для своего нового друга.

«Разве он не будет счастлив, когда я принесу их к его порогу», – думала Цита.

Пусть счастье не покидает его!

МИРАЖ

Они вынырнули из марсианской ночи – шестеро жалких крошечных существ, истомленных поисками седьмого.

Они возникли на краю круга света, отбрасываемого костром, и замерли, поглядывая на троих землян своими совиными глазами.

И земляне застыли, захваченные врасплох.

– Спокойно, – выдохнул Уомпус Смит уголком бородатого рта. – Если мы не шелохнемся, они подойдут поближе.

Издалека донесся чей-то слабый, тягучий стон – он проплыл над песчаной пустыней, над остроконечными гребнями скал, над исполинским каменным стрельбищем.

Шестеро стояли на самой границе света. Пламя расцвечивало их меж красными и синими бликами, и они будто переливались на фоне ночной пустыни.

– Древние, – бросил Ларс Нелсон Ричарду Уэббу, сидящему по другую сторону костра.

Уэбб поперхнулся, у него перехватило дыхание. Перед ним были существа, которых не только он не надеялся увидеть, но и никто из людей, – шестеро марсианских «древних», вынырнувших вдруг из пустыни, из глубин тьмы, и замерших в свете костра. Многие – это он знал наверняка – провозглашали расу «древних» вымершей, затравленной, погибшей в ловушках, истребленной алчными охотниками-песковиками. Сначала все шестеро казались одинаковыми, неотличимыми друг от друга; потом, когда Уэбб присмотрелся, он заметил мелкие различия в строе-

нии тел, выдающие своеобразие каждого. «Только шестеро, – подумал он, – а ведь должно быть семь...»

«Древние» медленно двинулись вперед, все глубже вступая в освещенный круг у костра. Один за другим опустились на песок, лицом к лицу с людьми. Никто не проронил ни слова, и молчание в круге огня становилось все напряженнее, лишь откуда-то с севера по-прежнему доносились стенания, словно острый тонкий нож взрезал безмолвную ночь.

– Люди рады, – произнес наконец Уомпус Смит, переходя на жаргон пустыни. – Люди долго вас ждали.

Одно из существ заговорило в ответ. Слова у него получались полуанглийскими, полумарсианскими – чистая тарабарщина для непривычного слуха.

– Мы умираем, – сказало оно. – Люди долго вредили. Люди могут немного помочь. Теперь, когда мы умираем, люди помогут?

– Люди огорчены, – ответил Уомпус, но даже в тот миг, когда он старался напустить на себя печаль, в голосе у него проскользнула радостная дрожь, какое-то неудержимое рвение, как у собаки, взявшей горячий след.

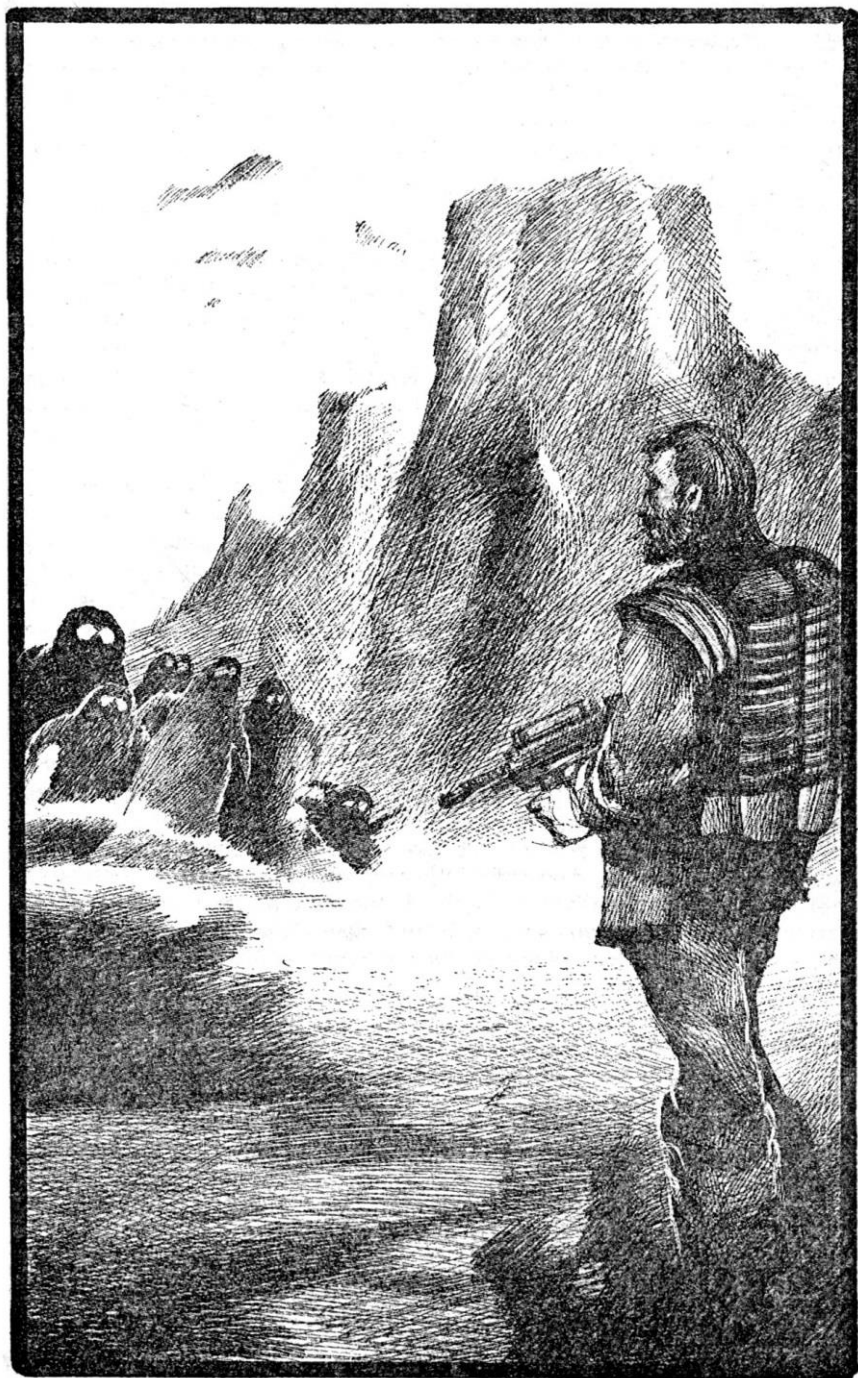
– Нас тут шесть, – сказало существо. – Шесть – мало. Нужен еще один. Не найдем Седьмого – умрем. Все древние умрут без возврата.

– Ну, не все, – откликнулся Уомпус.

– Все, – настойчиво повторил «древний». – Есть другие шестерки. Седьмого нет нигде.

– Чем же мы можем вам помочь?

– Люди знают, где Седьмой. Люди прячут Седьмого. Уомпус затряс головой.

– Где же мы его прячем?

– В клетке. На Земле. Чтобы другие люди смотрели.

Уомпус снова качнул головой.

– На Земле нет Седьмого.

– Был один, – тихо вставил Уэбб. – В зоопарке.

– В зоопарке, – повторило существо, будто пробуя незнакомое слово на вкус. – Так мы и думали. В клетке.

– Он умер, – сказал Уэбб. – Много лет назад.

– Люди прячут Седьмого, – настаивало существо. – Здесь, на этой планете. Сильно прячут. Хотят продать.

– Не понимаю, – выговорил Уомпус, но по тому, как он это сказал, Уэбб догадался, что тот прекрасно все понял.

– Найдите Седьмого. Не убивайте его. Спрячьте. Запомните – мы придем за ним. Запомните – мы заплатим.

– Заплатите? Чем?

– Мы покажем вам город, – ответило существо. – Древний город.

– Это он про ваш город, – пояснил Уэббу Нелсон, – Про руины, которые вы ищете.

– Как жаль, что у нас в самом деле нет Седьмого, – произнес Уомпус. – Мы бы отдали его им, а они отвели бы нас к руинам...

– Люди долго вредили, – сказало существо. – Люди убили всех Седьмых. У Седьмых хороший мех. Женщины носят этот мех. Дорого платят за мех Седьмых.

– Что верно, то верно, – откликнулся Нелсон. – Пятьдесят тысяч за шкурку на любой фактории. А в Нью-Йорке за пелеринку из четырех шкурок – полмиллиона чистоганом...

Уэббу стало дурно от самой мысли о такой торговле, а

еще более от небрежности, с какой Нелсон упомянул о ней. Теперь она, разумеется, была объявлена вне закона, но закон пришел на выручку слишком поздно – «древних» уже нельзя было спасти. Хотя, если разобраться, зачем вообще понадобился этот закон? Разве может человек, разумное существо, охотиться на другое разумное существо и убивать его ради шкурки, чтобы продать ее за пятьдесят тысяч долларов?

– Мы не прячем Седьмого, – уверял Уомпус. – Закон говорит, что мы вам друзья. Никто не смеет вредить Седьмому. Никто не смеет его прятать.

– Закон далеко, – возразило существо. – Здесь люди сами себе закон.

– Кроме нас, – ответил Уомпус. – Мы с законом не шутим.

«И не смеется», – подумал Уэбб.

– Вы поможете? – спросило существо.

– Попробовать можно, – уклончиво сказал Уомпус. – Хотя что толку. Вы не можете найти. Люди тоже не найдут.

– Найдите. Покажем город.

– Мы поищем, – пообещал Уомпус. – Хорошо поищем. Найдем Седьмого – приведем. Где вы будете ждать?

– В ущелье.

– Ладно, – произнес Уомпус. – Значит, уговор?

– Уговор.

Шестеро не спеша поднялись на ноги и вновь повернулись лицом к ночи. На краю освещенного круга они приостановились. Тот, что говорил, обернулся к людям.

– До свидания, – сказал он.

– Всего, – ответил Уомпус.

И они ушли обратно к себе, в пустыню.

А трое людей еще долго сидели и прислушивались непонятно к чему, выцеживали из тишины мельчайший шорох, пытаясь уловить в нем отголоски жизни, кишащей вокруг костра.

«На Марсе мы все время прислушиваемся, – подумал Уэбб. – Такова плата за право выжить. Надо прислушиваться, всматриваться, замирать и не шевелиться. И быть безжалостным. Надо наносить удар, не дожидаясь, пока его нанесет другой. Успеть увидеть и услышать опасность, быть постоянно в готовности встретить ее и опередить хотя бы на полсекунды.

В конце концов Нелсон вернулся к тому занятию, которое прервал при появлении шестерых, – править нож на карманном оселке, доводя его до остроты бритвы. Тихое, равномерное дзиньканье стали по камню звучало как сердцебиение, как пульс, рожденный далеко за костром, пришедший из тьмы, как мелодия самой пустыни.

Молчание нарушил Уомпус.

– Чертовски жаль, Ларс, что мы не знаем, где найти Седьмого.

– Угу, – ответил тот.

– Могло бы получиться неплохое дельце, – продолжал Уомпус. – В этом древнем городе – клад на кладе. Так все говорят.

– Просто врут, – проворчал Нелсон.

– Камушки, – продолжал Уомпус. – Такие крупные и блестящие, что глаза лопаются. Целые мешки камушков. С ног свалишься, пока перетаскаешь.

– Да больше одного мешка и не понадобилось бы, – поддержал Нелсон. – Один мешок – и на всю жизнь хватит.

Тут Уэбб заметил, что оба они пристально смотрят на него, щурясь при свете костра. Он произнес почти сердито:

– Я про клады ровно ничего не знаю.

– Но вы же слышали, что говорят, – бросил Уомпус.

Уэбб ответил кивком.

– Можно сказать и по-другому – клады меня не интересуют. Я не рассчитываю ни на какой клад.

– Но и не откажетесь, если подвернется, – вставил Ларе.

– Это не играет роли, – отрезал Уэбб. – Что так, что иначе.

– Что вам известно про древний город? – требовательно спросил Уомпус, и даже младенцу стало бы ясно, что вопрос задан неспроста, вернее, не без тайных надежд. – Ходите кругом да около, роняете разные намеки, нет чтоб открыться и выложить все начистоту...

Секунду-другую Уэбб молча глядел на Уомпуса, потом проговорил с расстановкой:

– Известно одно. Я прикинул, где мог стоять этот город – исходя из географических и геологических данных и из определенных представлений об истоках культур. Я прикинул, где могла течь вода, где могли расти леса и травы, когда Марс был цветущим и юным. Я попробовал установить теоретически самое вероятное место зарождения цивилизации. Только и всего.

– И вы никогда не задумывались ни о каких кладях?

– Я думал о том, чтобы разгадать загадку марсианской культуры, – ответил Уэбб. – Как она развивалась, почему погибла и на что была похожа.

Уомпус сплюнул.

– Вы даже не уверены, что город вообще существует, – буркнул он возмущенно.

– До недавних пор действительно не был, – отозвался Уэбб. – Теперь уверен.

– Потому что о нем заговорили эти зверушки?

– Именно поэтому. Вы угадали.

Уомпус хмыкнул и умолк. Уэбб не сводил глаз со своих спутников, вглядываясь в их лица сквозь пламя костра.

«Они считают, что я «с приветом» и презирают меня за это, – подумал он. – Они, не колеблясь, бросили бы меня на произвол судьбы, а то и пырнули ножом, если бы им это понадобилось, если бы у меня нашлось что-нибудь, чем они захотели бы завладеть...»

Но он отдавал себе отчет, что выбора у него, в сущности, не было. Он не мог уйти в пустыню один – попытайся он сделать это на свой страх и риск, он, наверное, не прожил бы и двух дней. Чтобы выжить здесь, нужны специальные знания и навыки, да еще и особый склад ума. Чтобы рискнуть на Марсе выйти за пределы поселений, надо развить в себе особую способность к выживанию.

А поселения остались теперь далеко-далеко – где-то на востоке.

– Завтра, – произнес Уомпус, – мы меняем маршрут. Мы пойдем на север, а не на запад.

Уэбб ничего не ответил, лишь рука скользнула к поясу и нащупала пистолет – захотелось убедиться, что пистолет на месте.

Он сознавал, конечно, что нанимать этих двоих не следовало. Но и другие, вероятно, оказались бы не лучше. Они все были одной породы – закаленные и ожесточившиеся, они скитались по пустыне, охотясь, расставляя капканы, копая шурфы, подбирая все, что попадется. Просто в ту минуту, когда Уэбб явился на факторию, Уомпус и Нелсон оставались там в единственном числе. Остальные песковики ушли за неделю до его прибытия, разбрелись по своим охотничьим угодьям.

Поначалу эти двое держались почтительно, чуть ли не подобострастно. Но дни шли за днями, проводники обретали все большую уверенность в себе и понемногу нагнали. Теперь-то Уэбб догадался, что его просто обвели вокруг пальца. Теперь-то он смекнул, что эти двое застряли на фактории по одной простой причине: у них не было снаряжения и никто не хотел поверить им в долг. Пока не подвернулся он со своей затеей. Он дал им все, что только могло понадобиться им в пустыне. А теперь превратился в обузу.

– Я сказал, – повторил Уомпус, – что завтра мы пойдем на север. – Уэбб по-прежнему хранил молчание. Уомпус повысил голос: – Вы меня слышали?..

– Еще в самый первый раз, – отозвался Уэбб.

– Мы пойдем на север, – повторил Уомпус, – и будем спешить.

– Вы что, припрятали там на севере Седьмого?

Ларс хихикнул:

– Подумать только, какая чертова канитель! Требуется целых семеро там, где у нас вполне хватает одного мужчины и одной женщины.

– Я спрашиваю, – повторил Уэбб, адресуясь к Уомпусу. – Вы что, заходя заперли Седьмого в клетку?

– Нет, – ответил Уомпус. – Просто пойдем на север, вот и все.

– Я нанял вас, чтобы вы шли со мной на запад.

– Так я и думал, – проворчал Уомпус, – что вы заявите что-нибудь в таком роде. Мне просто не терпелось узнать, что вы на этот счет думаете.

– Вы решили бросить меня на произвол судьбы, – сказал Уэбб. – Вы заграбастали мои денежки и вызвались быть моими проводниками. Теперь вам взбрело на ум что-то новенькое. Одно из двух: или у вас есть Седьмой, или вам кажется, что вы знаете, где его найти. А если я тоже узнаю об этом и проболтаюсь, вам несдобровать. Так что остается самая малость: придумать, как со мной поступить. Можно прикончить меня на месте, а можно просто бросить...

– Но мы хоть предоставляем вам выбор, не правда ли? – осклабился Ларс.

Уэбб перевел взгляд на Уомпуса, и тот кивнул:

– Выбирайте, Уэбб.

Разумеется, он успел бы выхватить пистолет. Успел бы, по всей вероятности, прихлопнуть одного из них, прежде чем другой прихлопнет его самого. Но чего бы он этим добился? Он был бы все равно мертвец – такой же мертвец, как если бы его застрелили без предупреждения. И коль на то пошло, он уже и сейчас мертвец: ведь между ним и поселениями пролегли сотни миль, и даже если бы он каким-то чудом одолел их, где гарантия, что он сумеет найти поселения?

– Мы выезжаем без промедления, – сказал Уомпус. – Не очень-то удобная штука путешествовать в темноте, да нам не привыкать. Через день-другой будем уже далеко на севере...

Ларс добавил:

– А когда вернемся на фабрику, Уэбб, непременно выпьем за упокой вашей души.

Уомпус решил поддержать настроение:

– Выпьем чего-нибудь поприличнее, Уэбб. Уж тогда-то мы сможем позволить себе приличную выпивку.

Уэбб не промолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он сидел на песке неподвижно, почти расслабленно. «Вот это, – сказал он себе, – пожалуй, и есть самое страшное. Что я могу сидеть, отлично зная, что сейчас произойдет, и вести себя так, словно это меня вовсе не касается...»

Наверное, тому виной были пройденные мили – мили суровой, изрезанной пустыни, где человека на каждом шагу подстерегают хищники, жестокие и кровожадные, алчущие добычи, всегда готовые подкрасться, напасть и убить. Жизнь в пустыне сведена к самым примитивным потребностям, и новичок быстро усваивает, что от смерти ее отделяет в лучшем случае тонкая-тонкая нить...

– Ну так что, – произнес наконец, Уомпус, – что же вы выбираете, Уэбб?

– Предпочитаю, – ответил Уэбб угрюмо, – рискнуть и попробовать выжить.

Ларс пощелкал языком по зубам.

– Плохо дело, – сказал он, – Мы надеялись, что вы предпочтете иной выход. Тогда мы могли бы забрать себе все добро, а так придется вам кое-что оставить.

– Вы же всегда успеете вернуться, – ответил Уэбб, – и пристрелить меня как крольчонка. Это будет легче легкого.

– Хм, – откликнулся Уомпус, – стоящая идея!

– Отдайте-ка мне свою пушку, Уэбб, – сказал Ларс. – Я швырну вам ее обратно, когда будем уезжать. К чему рисковать, что вы продырявите нас, пока мы собираемся...

Уэбб вытащил пистолет из кобуры и беспрекословно отдал Нелсону. А затем сидел, не меняя позы, и следил, как они пакуют снаряжение, и складывают в нутро пескохода. Сборы были недолгими.

– Мы оставляем вам достаточно, чтобы продержаться, – объявил ему Уомпус. – Более чем достаточно.

– Наверное, вы прикинули, – ответил Уэбб, – что я долго не протяну.

– На вашем месте, – сказал Уомпус, – я предпочел бы легкий и быстрый конец.

Уэбб еще долго сидел без движения, прислушиваясь к мотору пескохода, пока звук не затих вдали, а потом поджидая внезапного выстрела, который бросит его вниз лицом прямо в яркое пламя костра. Прошло немало минут, прежде чем он поверил, что выстрела не будет. Тогда он подбавил в костер топлива и залез в спальный мешок.

Утром он направился на восток – назад по следам пескохода. Он знал: следы будут заметны в течение недели, может, даже чуть дольше, но рано или поздно исчезнут, вытертые сыпучими песками и слабеньким подвывающим ветерком, который нет-нет да и пронесется над унылой и неприютной пустыней.

Но, по крайней мере, пока он идет по следам, он будет

знать, что идет в нужную сторону. И более чем вероятно, что ему суждено погибнуть куда раньше, чем исчезнут следы: пустыня щедра на внезапную смерть, и никто не посмеет ручаться, что не расстанется с жизнью буквально мгновение спустя.

Уэбб шел, сжимая в руке пистолет, поминутно оглядываясь по сторонам, останавливаясь на гребнях дюн и изучая местность, лежащую впереди, прежде чем спуститься в ложбину.

Непривычная ноша — неумело скатанный спальный мешок — наливалась тяжестью с каждым часом, стирая плечи до крови. День выдался теплым — настолько же теплым, как ночь была холодна, — и в горле колом вставала мучительная жажда. Уэбб бережно отмерял по капельке воду из оставленного ему скудного запаса.

Он понимал, что никогда не вернется к людям. Где-то между дюнами, среди которых он брел сейчас, и линией поселений он умрет от недостатка воды, или от укуса насекомого, или от клыков какого-нибудь свирепого зверя, или просто от изнеможения.

Подумать толком — так не стоило и пробовать добратся к людям, на успех у него не оставалось и одного шанса из тысячи. Но Уэбб даже не сбавил шага, чтобы подсчитать свои шансы, — он шел и шел на восток, по следам пескохода.

Потому что в нем жила чисто человеческая черта — пытаться, несмотря ни на что; он должен двигаться, пока не иссякнут силы, должен избегать смерти так упорно, как только сможет ее избегать. И он шел, напрягая волю и силы и упорно избегая смерти.

Он заметил колонию муравьев как раз вовремя, чтобы обойти ее стороной, но обход получился слишком близким, и насекомые, почуяв пищу, устремились за ним следом. Пришлось бежать, и он бежал целую милю, прежде чем оторвался от преследователей.

Он разглядел припавшую к песку, окрашенную под цвет песка тварь, поджидающую, чтобы он подошел поближе, и уложил ее на месте. Немного позже из-за россыпи камней выскочило другое чудовище, но пуля угодила ему точно между глаз, прежде чем оно покрыло половину разделявшего их расстояния.

Добрый час, не меньше, он просидел не шевелясь на песке, пока гигантское насекомое — по виду шмель — кружило над той точкой, где только что кого-то видело. Но так как «шмель» умел распознавать добычу движущуюся, то в конце концов отступился и улетел. Тем не менее Уэбб сидел неподвижно еще с полчаса на случай, если тот не улетел совсем, а прячется где-то неподалеку в надежде вновь уловить движение и возобновить охоту.

Четыре раза ему удалось обмануть смерть, но он понимал — пробьет час, когда он не заметит опасности или, заметив, не среагирует достаточно быстро, чтобы остановить ее.

Его одолевали миражи, отвлекая внимание от всего другого, за чем надлежало следить неустанно. Миражи мерцали в небе, как бы вырастая из почвы, рисуя мучительные картины, каких на Марсе не было и быть не могло, а если и были, то давным-давно, в незапамятные времена.

Картины широких медленных рек с косым парусом на

середине. Картины зеленых лесов, взбегающих по холмам, — такие ясные, такие близкие, что среди деревьев без труда можно было различить пятнышки диких цветов. А иногда вдалеке чудилось что-то наподобие увенчанных снежными шапками гор — это в мире, не ведавшем, что такое горы.

Продвигаясь вперед, он не забывал высматривать, где бы разжиться топливом, — а вдруг из-под песка выступит краешек «законсервированного» ствола, уцелевшего от той смутной поры, когда окрестные холмы и долины были покрыты зеленью, кусочек дерева, избегнувший ножей времени и застрявший высохшей мумией в безводье пустыни.

Однако топлива не находилось, и он отдал себе отчет, что, скорее всего, ему предстоит провести ночь без огня. Заночевать без огня на открытом воздухе было бы полнейшим безумием. Не пройдет и часа после наступления сумерек, как его попросту сожрут. Значит, надо искать убежища в одной из пещер, что в изобилии встречались среди диких скал, раскиданных по пустыне. Надо найти подходящую пещеру, очистить ее от зверья, которое может там гнездиться, завалить вход камнями и тогда уж прилечь, не выпуская пистолета из рук.

На первый взгляд, задача была несложная — пещер попадалось много, и тем не менее приходилось отвергать их одну за другой: на поверку входы пещер оказывались слишком широкими, завалить их не представлялось возможным. А пещера с незаваленным входом — это было известно даже ему — в мгновение ока превращалась в ловушку.

До заката оставалось меньше часа, когда Уэбб наконец выбрал пещеру, которая, казалось, удовлетворяла всем требованиям. Пещера располагалась среди скал на склоне крутого холма. Уэбб провел несколько долгих минут, стоя у подножия холма и оглядывая склон. Никакого движения. Нигде не возникало никаких подозрительных цветных бликов.

Тогда он не торопясь начал подъем, глубоко увязая в сыпучем песке откоса, с трудом завоевывая каждый фут, надолго замирая, чтобы перевести дух и обследовать склон впереди снова, снова и снова.

Одолев откос, он осторожно двинулся к пещере с пистолетом наизготовку; кто знает, не выпрыгнет ли оттуда какая-нибудь нечисть? И вообще, что теперь делать: посветить ли в пещеру фонариком, чтобы разглядеть, кто там? Или, недолго думая, вскинуть пистолет и полить все внутреннее пространство пещеры смертоносным огнем?

«Церемониться тут нечего, – убеждал он себя. – Лучше ухлопать безобидную тварь, чем пренебречь возможной опасностью...»

Он не слышал ни звука, пока когти хищника не заскрежетали по камню у него за спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, он убедился, что зверь совсем рядом, успел заметить разверстую пасть, убийственные клыки и крохотные глазки, пылающие холодной жестокостью.

Оборачиваться и стрелять было уже поздно. Было поздно предпринимать что бы то ни было, разве что...

Ноги Уэбба распрямились с силой, как рычаги, швырнув его тело вперед, в пещеру. Задев плечом об острый камень у входа, он распорол куртку и ободрал руку, зато

очутился внутри, где стало просторнее, и покатился куда-то. Что-то задело его по лицу, потом он перекатился через кого-то, кто издал протестующий визг. В дальнем углу пещеры съежился какой-то тихо мяукающий комок.

Став на колени, Уэбб перекинул пистолет из руки в руку, повернулся лицом ко входу и увидел массивную голову и плечи зверя, который продолжал атаку, пытаясь втиснуться внутрь. Потом голова и плечи оттянулись назад, и на смену им пришла гигантская лапа, которая принялась шарить по пещере в поисках укрывшейся там добычи.

Вокруг поднялся шум – Уэбб различил не менее десятка голосов, бормочущих на жаргоне пустыни:

– Человек, человек, убей, убей, убей...

Пистолет Уэбба изрыгнул огонь, лапа обмякла и нехотя выползла из пещеры. Большое серое тело отпрянуло, потеряло опору, и было слышно, как оно ударилось вниз о склон и заскользило по осыпи.

– Спасибо, человек, – шелестели голоса. – Спасибо...

Уэбб медленно сел, пристроив пистолет на колене.

Теперь он расслышал, как жизнь шевелится вокруг со всех сторон.

Пот выступил у него на лбу, побежал ручейками по спине.

Что таилось в пещере? Кто был тут вместе с ним?

То, что они заговорили, не означало ровным счетом ничего. Половина так называемых животных Марса умела изъясняться на жаргоне пустыни, состоящем из двухсот-трехсот слов частично земного, частично марсианского, а частично Бог весть какого происхождения. Ведь многие из этих животных были на самом деле отнюдь не животны-

ми, а выродившимися потомками тех, кто некогда создал сложную цивилизацию. Среди них «древние» достигали в прошлом наивысшего развития – недаром они до сих пор сумели в какой-то степени сохранить облик двуногих, – но существовали, видимо, и другие расы, стоявшие на более низких ступенях культуры и выжившие лишь благодаря миролюбию и терпимости «древних».

– Ты в безопасности, – услышал он голос. – Не бойся. Закон пещеры.

– Закон пещеры?

– Убивать в пещере нельзя. Снаружи – можно. А в пещере нельзя.

– Я не стану убивать, – откликнулся Уэбб. – Закон пещеры – хороший закон.

– Человек знает закон пещеры?

– Человек не нарушит закон пещеры.

– Хорошо, – произнес тот же голос. – Тогда все хорошо.

Уэбб с облегчением спрятал пистолет в кобуру и снял со спины спальный мешок, расстелил его рядом с собой и потер свои натруженные, в ссадинах и волдырях, плечи.

«В это можно поверить, – сказал он себе. – Такое стихийное и простое установление, как закон пещеры, нетрудно понять и принять. Ведь этот закон исходит из элементарной жизненной потребности – потребности слабейших с приходом ночи забыть взаимные распри, перестать гоняться друг за другом и найти общее убежище от более сильных и свирепых убийц – от тех, что выходят на охоту после заката...»

Другой голос произнес:

– Придет утро. Человек захочет убить.

И еще голос:

– Человек соблюдает закон ночью. Утром закон ему надоест. Утром он начнет убивать.

– Человек не будет убивать утром, – заверил Уэбб.

– Все люди убивают, – объявило одно из существ. – Убивают ради меха. Убивают ради мяса. Мы – мех. Мы – мясо.

– Этот человек не будет убивать, – повторил Уэбб. – Этот человек – друг.

– Друг? – переспросил голос. – Мы не знаем, что такое друг. Объясни.

Объяснять Уэбб не стал. Он понимал, что это бесполезно. Они все равно не осознают нового слова – оно чуждо этой пустыне. В конце концов он спросил:

– Камни тут есть?

И какой-то голос откликнулся:

– Камни в пещере есть. Человеку нужны камни?

– Завалить вход в пещеру, – пояснил Уэбб. – Чтобы хищники не могли сюда попасть.

Они не сразу уловили суть предложения, но наконец один из них решил:

– Камни – это хорошо.

Они принялись таскать камни и камушки и с помощью Уэбба плотно запечатали вход в пещеру.

Было слишком темно для того, чтобы что-нибудь толком разглядеть, но во время работы существа невольно задевали его, и одни были мягкими и пушистыми, а другие – чешуйчатыми, как крокодилы, и их чешуя обдирала кожу. Встретилось и существо, которое казалось не просто мягким, а рыхлым до отвращения.

Уэбб устроился в углу пещеры, прислонив спальный мешок к стене. Он с удовольствием забрался бы внутрь, но для этого пришлось бы сначала вынуть из мешка все припасы, а если он вынет их, то, ясное дело, к утру от них не останется даже воспоминания.

«Быть может, — обнадеживал он себя, — теплота тел существ, сбившихся на ночь в пещере, не позволит ей слишком сильно остыть. Она, конечно, остынет все равно, но, быть может, не настолько, чтобы холод стал опасным для жизни. Рискованно, да что ж поделаешь...»

Проводить ночи в дружбе, убивать друг друга и спасаться друг от друга с приходом зари... Они называли это законом. Законом пещеры. Вот о чем бы книги писать, вот на что нет и намека во всех толстенных томах, которые он когда-либо прочел.

А прочел он их множество. Какими-то безмолвными чарами Марс привораживал Уэбба, приводил его в восторг. Таинственность и отдаленность, пустота и упадок дразнили его воображение и в конце концов заманили сюда, чтобы попытаться хотя бы приподнять завесу таинственности, попытаться нащупать причину упадка и, пусть приблизительно, измерить былое величие культуры, в незапамятные времена потерпевшей крах.

В марсианской археологии насчитывалось немало незаурядных работ. Аксельсон с его дотошными исследованиями символики водяных кувшинов, наивные подчас потуги Мейсона проследить пути великих переселений. Потом еще Смит, который годами бродил по этому пустынному миру, записывая смутные истории о древнем величии, о золотом веке — те истории, что нашептывали друг

другу маленькие вырождающиеся существа. Разумеется, в большинстве своем это мифы, но где-то, в каком-то из мифов кроется и ответ на волнующие Уэбба вопросы. Фольклор никогда не бывает чистой выдумкой, в основе его обязательно лежит факт; потом к одному факту прибавляется другой, два факта искажаются до неузнаваемости, и рождается миф. Но в конечном счете за любыми напластованиями непременно прячется изначальная основа — факт.

Точно так обстоит, так должно обстоять дело и с тем мифом, где говорится о великом, блистающем городе, который возвышался над всем на Марсе и был известен до самых дальних его пределов. Средоточие культуры — так объяснял себе это Уэбб, — точка, в которой сходились все достижения, все мечты и стремления эпохи былого величия. И тем не менее за сто с лишним лет поисков и раскопок археологи с Земли не нашли и следа самого завалящего города, не говоря уж о Городе всех городов. Черепки, захоронения, жалкие лачуги, где в относительно недавние времена ютились уцелевшие наследники великого народа, — такого было хоть отбавляй. Но мифического города не было и в помине.

А ведь должен быть! Уэбб ощущал уверенность, что миф не может лгать; этот миф рассказывали слишком часто в слишком отдаленных друг от друга точках, рассказывали слишком многие и разные звери — все, что некогда назывались людьми.

«Марс приворожил меня, — подумал Уэбб, — и все еще привораживает. Но теперь я знаю, что это смерть моя: только смерть способна так приворожить. Смерть на сле-

дующем переходе, уже занявшая свой рубеж. А то и смерть прямо здесь, в пещере; кто помешает им убить меня, едва забрезжит рассвет, просто ради того, чтобы я не убил их? Кто помешает им продлить свое ночное перемирие ровно на столько секунд, сколько понадобится, чтобы прикончить меня?..»

И что такое закон пещеры? Отголосок минувших дней, некое напоминание о давно утраченном братстве? Или, напротив, нововведение, вызванное к жизни веком зла, который пришел братству на смену?

Он откинул голову на камень, закрыл глаза и подумал:

«Если они убьют меня — пусть убьют, я их убивать не стану. И без меня люди уже убивали на Марсе сверх всякой меры. Я по крайней мере верну хоть часть долга. Я не стану убивать тех, кто приютил меня».

И тут он вспомнил, как подкрадывался к пещере, обсуждая сам с собой вопрос: заглянуть туда сначала или без долгих слов взять пещеру на мушку и выжечь в ней все и вся — простейший способ увериться, что там не осталось никого и ничего вредоносного...

— Но я не знал! — воскликнул он. — Я же не знал!

Мягкое пушистое тельце коснулось его руки, и он услышал голосок:

— Друг — значит, не обидит? Друг — значит, не убьет?

— Ты видел шестерых? — осведомился голосок. Уэбб вздрогнул, отпрянул от стены и оцепенел. Голосок повторил настойчиво. — Ты видел шестерых?

— Я видел шестерых, — ответил Уэбб.

— Давно?

— Одно солнце назад.

- Где шестеро?
- В ущелье, – ответил Уэбб. – Ждут в ущелье.
- Ты охотишься на Седьмого?
- Нет, – ответил Уэбб, – Я иду домой.
- А другие люди?
- Они ушли на север. Охотятся на Седьмого на севере.
- Они убьют Седьмого?
- Поймают Седьмого. Отведут к шестерым, чтобы увидеть город.
- Шестеро обещали?
- Шестеро обещали, – ответил Уэбб.
- Ты хороший человек. Человек-друг. Ты не убьешь Седьмого?
- Не убью, – подтвердил Уэбб.
- Все люди убивают. А Седьмых прежде всего. У Седьмых хороший мех. Дорого стоит. Много Седьмых погибли от рук людей.
- Закон говорит – нельзя убивать, – провозгласил Уэбб.
- Закон людей говорит, что Седьмой – друг. Нельзя убивать друга.
- Закон? Как закон пещеры?
- Как закон пещеры, – подтвердил Уэбб.
- Ты Седьмому друг?
- Я друг вам всем.
- Я Седьмой, – произнес голосок.
- Уэбб сидел неподвижно, выжидая, чтобы мозг стряхнул с себя оцепенение.
- Слушай, Седьмой, – сказал он наконец. – Иди в ущелье и найди шестерых – они ждут. Человек-друг рад за тебя.

– Человек-друг хотел увидеть город, – откликнулось существо. – Седьмой – друг человеку. Человек нашел Седьмого. Человек увидит город. Шестеро обещали.

Уэбб едва сдержался, чтобы не разразиться горьким хохотом. Вот ему и выпал случай, на который он почти не надеялся. Вот и свершилось то, чего он желал, то, зачем он вообще прилетел на Марс. А он не может принять дар, который ему предлагают. Физически не в силах принять.

– Человек не дойдет, – сказал он. – Человек умрет. Нет еды, нет воды. Человеку смерть.

– Мы позаботимся о тебе, – ответил Седьмой. – У нас никогда не было человека-друга. Люди убивали нас, мы убивали людей. Но пришел человек-друг. Мы позаботимся о таком человеке.

Уэбб немного помедлил, размышляя, потом спросил:

– Вы дадите человеку еду? Вы найдете для человека воду?

– Мы позаботимся, – был ответ.

– Как Седьмой узнал, что я видел шестерых?

– Человек сказал. Человек подумал. Седьмой узнал.

Вот оно что – телепатия... След бывшего могущества, остаток величественной культуры, еще не совсем позабытой. Интересно, многие ли другие существа в пещере наделены тем же даром?

– Человек пойдет вместе с Седьмым? – спросил Седьмой.

– Человек пойдет, – решил Уэбб.

«В самом деле, почему бы и нет?» – сказал он себе. Идти на восток, в сторону поселений – это не решение. У него не хватит ни пищи, ни воды. Его подстережет и со-

жрет какой-нибудь хищник. У него нет ни малейшей надежды выжить.

Но если он пойдет за крошечным существом, что встало рядом с ним во мраке пещеры, надежда, быть может, забрезжит опять. Пусть не слишком твердая, но все-таки надежда. Появится пища и вода – или по крайней мере надежда на пищу и воду. Появится спутник, который поможет ему уберечься от внезапной смерти, странствующей по пустыне, который предостережет его и подскажет, как опознать опасность.

– Человеку холодно, – произнес Седьмой.

– Холодно, – согласился Уэбб.

– Одному холодно, – объявил Седьмой. – Двоим тепло.

Пушистое существо залезло к нему на грудь, обняло за шею.

Спустя мгновение Уэбб осмелился прижать существо к себе.

– Спи, – произнес Седьмой. – Тепло. Спи...

Уэбб доел остатки своих припасов, и тогда семеро «древних» вновь сказали ему:

– Мы позаботимся...

– Человек умрет, – настойчиво повторял Уэбб. – Нет еды. Человеку смерть.

– Мы позаботимся, – твердили семь маленьких существ, выстроившись полукругом. – Позаботимся позже...

Он понял их так, что сейчас еды для него нет, но позже она должна появиться.

Они снова двинулись в путь.

Пути, казалось, не будет конца. Уэбб падал с ног и

кричал во сне. Он дрожал мелкой дрожью даже тогда, когда удавалось отыскать древесину и они сидели, скорчившись у костра. День за днем только песок и скалы – ползком вверх на крутой гребень, кубарем вниз с другой стороны или шаг за шагом по жаркой равнине, по морскому дну давно минувших эпох.

Путь превратился в монотонную мелодию, в примитивный ритм, в припевку из трех звенящих нот; заунывную, нескончаемую, которая стучит в висках весь день и еще многие часы после того, как настала ночь и путники остановились на отдых. Стучит до головокружения, пока мозг не отупеет от стука, пока глаза не откажутся четко видеть мир и мушку пистолета – надо встретить огнем нападающего, подползающего или пикирующего врага, вдруг возникающего ниоткуда, а она превращается в расплывчатый шарик.

И повсюду их подстерегали миражи, вечные марсианские миражи, которые, кажется, граничат вплотную с реальностью. Мерцающие картины вспыхивали в небе; вода, деревья и неоглядные зеленые степные дали, каких Марс не видел на протяжении бесчисленных столетий. «Словно минувшее крадется за ними по пятам, – как говорил себе Уэбб, – словно оно по-прежнему существует и пытается нагнать тех, кто ушел вперед, оставив былое позади против его воли».

Он потерял счет дням, заставляя себя не думать о том, сколько еще таких дней до цели; в конце концов ему стало мерещиться, что они не остановятся никогда и это их пожизненный удел встречать утро в голой пустыне и брести по пескам вплоть до прихода ночи.

Он допил остатки воды и напомнил семерым, что не сможет жить без нее.

– Позже, – ответили они. – Вода позже.

И действительно, в тот же день они вышли к городу, и там, в туннеле, глубоко под лежащими на поверхности руинами, была вода – капля за каплей, мучительно медленно, она сочилась из разбитой трубы. Но все равно – вода, даже еле капающая, на Марсе была чудом из чудес.

Семеро пили сдержанно – они столетиями приучали себя обходиться почти совсем без питья, приспособились к безводью и не страдали от жажды. А Уэбб лежал у разбитой трубы часами, подставляя под капли ладони, стараясь накопить хоть немного воды, прежде чем выпить ее одним глотком, а то и просто отдыхая в прохладе, что было само по себе блаженством.

Потом он заснул, проснулся и выпил еще немного. Теперь он отдохнул и жажды больше не чувствовал, но тело кричало криком, требуя еды. А еды не было и не было никого, кто мог бы ее принести. Маленькие существа куда-то скрылись.

«Они вернутся, – успокаивал он себя. – Они ушли ненадолго и скоро вернутся. Они ушли, чтобы достать мне еды, и вернутся, как только достанут...»

Все его мысли о семерых были именно такими, добрыми мыслями.

Не без труда Уэбб выбрался наверх тем же туннелем, который привел его к воде, и наконец очутился возле развалин. Они лежали на холме, господствующем над окружающей пустыней; с вершины холма открывался вид на многие мили, и, в каком направлении ни взгляни, местность шла под уклон.

По правде говоря, от развалин почти ничего не осталось. Легче легкого было бы пройти мимо холма и не заметить никаких следов города. Тысячелетия кряду здания осыпались, обрушивались, а то и крошились в пыль; в проемы просачивался песок, покрывая остатки стен, заполняя пространство между ними, пока руины не становились просто-напросто частью холма.

То здесь, то там Уэбб натыкался на осколки камня со следами обработки, на керамические черепки, но сам понимал, что, не ищи он их специально, он спокойно мог бы пройти мимо, приняв эти осколки и черепки за обычные обломки породы, без счета разбросанные по поверхности планеты.

Туннель вел в недра погибшего города, в усыпальницу рухнувшего величия и померкшей славы народа, потомки которого ныне бродили, как звери, по древней пустыне, еле-еле сохранив диалект — жалкое воспоминание о культуре, процветавшей во время оно в городе на холме. Уэбб нашел в туннеле свидетелей тех далеких дней — большие глыбы обработанного камня, сломанные колонны, плиты мостовой и даже нечто, бывшее некогда, по-видимому, прекрасной статуей.

В глубине туннеля он подставил ладони под трубу и снова напился, потом вернулся на поверхность и сел подле входа в туннель, меряя взглядом пустынные марсианские просторы.

Нужны силы и инструменты — силы многих людей, чтобы перекопать и просеять песок и открыть город миру. Понадобятся годы кропотливого, упорного труда — а у него нет даже обыкновенной лопатки. А еще того хуже — нет

и времени. Если семеро не вернутся с едой, ему не останется ничего другого, как спуститься вновь в темноту туннеля, чтобы его человеческий прах с течением лет смешался с древней пылью чужого мира.

«А ведь была лопатка, — вдруг припомнил он, — Уомпус и Ларс, когда бросили меня, оставили мне лопатку. Вот уж воистину редкая предусмотрительность...» Но из всего, что он унес тем памятным утром от потухшего костра, сохранились лишь два предмета: спальный мешок и пистолет у пояса. Без всего остального можно было обойтись, эти два предмета были абсолютно необходимы.

«Эх ты, археолог, — подумал он. — Археолог, натолкнувшийся на величайшую находку за всю историю археологии и не способный предпринять по этому поводу ровным счетом ничего...»

Уомпус и Ларе подозревали, что здесь зарыты сокровища. Только зря: не было тут никакого определенного сокровища, которое можно откопать и взять в руки. Он подумал о славе — но и славы тут не было. Подумал о знаниях — но без лопатки и какого-то запаса времени знаний не было тоже. Если не считать за знание тот голый факт, что он оказался прав, и город действительно существовал.

Впрочем, кое-какие знания ему все же удалось приобрести. Например, он узнал, что семь разновидностей «древних» еще не вымерли и, следовательно, их раса может продолжать себя, невзирая на выстрелы и капканы, невзирая на жадность и вероломство песковиков, затеявших охоту на Седьмых ради пятидесятитысячедолларовых шубок.

Семь крошечных существ семи различных полов. И все

семь необходимы для продолжения рода. Шестеро безуспешно искали Седьмого, а он, Уэбб, нашел. И, поскольку он нашел Седьмого, поскольку выступил в роли посредника, раса «древних» продлит себя по крайней мере еще на одно поколение.

«Но что за смысл, — спросил он себя, — продлевать дни расы, которая утратила свое назначение?..»

Он покачал головой.

«Усмири гордыню, — сказал себе Уэбб. — Кто дал тебе право судить? Или смысл есть во всем на свете, или смысла нет ни в чем, и не тебе это решать. Есть смысл в том, что я добрался до города, или нет? Есть смысл в том, что я, очевидно, здесь и умру или моя смерть среди руин — не более чем случайное отклонение в великой цепи вероятностей, которая движет планеты по их орбитам и приводит человека под вечер к порогу родного дома?..»

И еще он приобрел четкое представление о безграничных просторах и о жестоком одиночестве, которые вместе взятые и есть марсианская пустыня. Представление о пустыне и о странной, почти нечеловеческой отрешенности, какой она наполняет душу.

«Да, это урок», — подумал он.

Урок, что человек сам по себе — лишь мельчайшая пометка на полотне вечности. Урок, что одна жизнь относительно несущественная, если сравнивать ее с ошеломляющей истиной — чудом всего живого.

Он поднялся и встал в полный рост — и осознал с пронзительной ясностью свою ничтожность и свое смирение перед лицом необжитых далей, убегających во все стороны, и перед аркой неба, изогнувшейся над головой от го-

ризонта к горизонту, и перед мертвой тишиной, царящей над планетой и над просторами неба.

Умирать от голода – занятие нудное и непривлекательное.

Некоторые виды смерти быстры и опрятны. Смерть от голода не принадлежит к их числу.

Семеро не вернулись. Однако Уэбб по-прежнему ждал их и, поскольку все еще испытывал к ним симпатию, искал оправдания их поведению. «Они не понимают, – убеждал он себя, – как недолго человек может протянуть без еды. Странная физиология, – доказывал он себе, – требующая участия семи личностей, приводит, вероятно, к тому, что зарождение потомства превращается в сложный и длительный процесс, немилосердно долгий с человеческой точки зрения. А может, с ними что-нибудь случилось, может, у них какие-нибудь свои заботы. Как только они справятся с этими заботами, они вернутся и принесут мне еду...»

Он умирал от голода, преисполненный добрых мыслей и терпения, куда большего, чем мог бы ожидать от себя даже в более приятных обстоятельствах.

И вдруг обнаружил, что, несмотря на слабость от недоедания, проникающую в каждую мышцу и в каждую косточку, несмотря на выматывающий страх, пришедший на смену острым мукам голода и не стихающий ни на мгновение, даже во сне, – несмотря на все это, разум оказался не подвластен демонам, разрушающим тело; напротив, разум как бы обострился от недостатка пищи, как бы отделился от истерзанного тела и стал самостоятельной сущностью, которая впитала в себя все его способности и

сплела их в тугой узел, почти не подвластный воздействию извне.

Уэбб часами сидел на гладком камне, который некогда составлял, по-видимому, часть горделивого города, а ныне валялся в нескольких ярдах от входа в туннель, и неотрывно глядел на умытую солнцем пустыню, стелющуюся миля за милей до недостижимого горизонта. Своим обостренным умом, проникающим, казалось, до самых корней бытия и истоков случайности, он искал смысла в череде произвольных факторов, скрытых под мнимой упорядоченностью Вселенной, искал хоть какого-то подобия системы, доступной пониманию. Зачастую ему мерещилось даже, что он вот-вот нащупает такую систему, но всякий раз она в последний момент ускользала от него, как ускользает ртуть из-под пальцев.

Тем не менее он понимал; если Человеку суждено когда-либо найти искомое, это может произойти лишь в местах, подобных марсианской пустыне, где ничто не отвлекает внимания, где есть перспектива и нагота, необходимые для сурового обезличивания, которое одно оттеняет и сводит на нет непоследовательность человеческого мышления. Ведь достаточно размышляющему подумать о себе как о чем-то безотносительном к масштабу исследуемых фактов – и условия задачи будут искажены, а уравнение – если это уравнение – никогда не придет к решению.

Сперва Уэбб пытался охотиться, чтобы раздобыть себе пищу, но странное дело: в то время как пустыня кишмя кишела хищными тварями, подстерегающими других, нехищных, зона вокруг города оставалась практически безжизненной, словно некто очертил ее магическим меловым

кругом. На второй день охоты Уэбб подстрелил зверушку, которая на Земле могла бы сойти за мышь. Он развел костер и зажарил свою добычу, а позже разыскал высушенную солнцем шкурку и без конца жевал ее и высасывал в надежде, что в ней сохранилась хотя бы капля питательности. Но, кроме этой зверушки, он не убил никого – убивать было некого.

И пришел день, когда он понял, что семеро не вернуться, что они и не собирались возвращаться, а бросили его точно так же, как до них его бросили люди. Он понял, что его оставили в дураках, и не один раз – дважды.

Уж если он тронулся в путь, то и должен был идти на восток, только на восток. Не следовало поворачивать вслед за Седьмым, чтобы присоединиться к шестерым, поджидающим Седьмого в ущелье.

«А может, я и добрался бы до поселений, – говорил он себе теперь. – Вот взял бы да и добрался. Разве это исключено, что добрался бы?»

На восток! На восток, в сторону поселений!

Вся история человечества – погоня за невозможным, и притом нередко успешная. Тут нет никакой логики: если бы человек неизменно слушался логики, то до сих пор жил бы в пещерах и не оторвался бы от Земли.

«Пробуй!» – сказал себе Уэбб, впрочем, не вполне понимая, что говорит.

Он опять спустился с холма и побрел по пустыне, двигаясь на восток. Здесь, на холме, надежды не оставалось; там, на востоке, теплилась надежда.

Пройдя примерно милю от подножия холма, он упал. Потом протащился, падая и поднимаясь, еще милю. Потом

прополз сто ярдов. Именно тогда его и отыскиали семеро «древних».

– Дайте мне есть! – крикнул он им и почувствовал, что хотел крикнуть в полный голос, а не издал ни звука. – Есть! Пить!..

– Мы позаботимся, – отвечали семеро и, приподняв Уэбба за плечи, заставили сесть.

– Жизнь, – обратился к нему Седьмой, – обтянута множеством оболочек.словно набор полых кубиков, точно вмещающихся один в другом. Внешняя оболочка прожита, но сбрось ее – и там внутри окажется новая жизнь...

– Ложь! – воскликнул Уэбб. – Ты не умеешь так связно говорить и так стройно мыслить. Тут какая-то ложь...

– Внутри каждого человека скрыт другой, – продолжал Седьмой. – Много других...

– Ты про подсознание? – догадался Уэбб, но, задав свой вопрос в уме, тут же понял, что губами не произнес ни слова, ни звука. И еще понял наконец, что Седьмой тоже не произносил ни звука – потому только и возникали слова, каких не могло быть в жаргоне пустыни: они отражали мысли и знания, совершенно чуждые боязливым существам, прячущимся в самой дальней марсианской глуши.

– Сбрось с себя старую жизнь и вступишь в новую, прекрасную жизнь, – заявил Седьмой, – только надо знать как. Есть строго определенные приемы и определенные приготовления. Нельзя браться за дело, не ведая ни того, ни другого, – только все испортишь.

– Приготовления? – переспросил Уэбб. – Какие приготовления? Я никогда и не слышал об этом...

– Ты уже подготовлен, – заявил Седьмой. – Раньше не был, а теперь подготовлен.

– Я много думал, – отозвался Уэбб.

– Ты много думал, – подхватил Седьмой, – и нашел частичный ответ. Сытый, самодовольный, самонадеянный землянин ответа не нашел бы. Ты познал себя.

– Но я и приемов не знаю, – возразил Уэбб.

– Мы знаем приемы, – заявил Седьмой. – Мы позаботимся.

Вершина холма, где лежал мертвый город, вдруг замерцала, и над ней вознесся мираж. Из могильников, полных запустения, поднялись городские башни и шпили, пилоны и висячие мосты, сияющие всеми оттенками радуги; из песка возникли роскошные сады, цветочные клумбы и тенистые аллеи, и над всем этим великолепием заструилась музыка, летящая с изящных колоколен.

Вместо песка, пылающего зноем марсианского полудня, под ногами росла трава. А вверх по террасам, навстречу чудесному городу на холме, бежала тропинка. Издалека донесся смех – там под деревьями, на улицах и садовых дорожках, виднелись движущиеся цветные пятнышки...

Уэбб стремительно обернулся – семерых и след простыл. И пустыню как ветром сдуло. Местность, раскинувшаяся во все стороны, отнюдь не была пустыней – дух захватывало от ее красоты, от живописных рощ и дорог и неторопливых водных потоков.

Он опять повернулся в сторону города и присмотрелся к мельканию цветных пятнышек.

– Люди!.. – удивился он.

И откуда-то, неизвестно откуда, послышался голос Седьмого:

– Да, люди с разных планет. И люди из далей более дальних, чем планеты. Среди них ты встретишь и представителей своего племени. Потому что из землян ты здесь тоже не первый...

Исполненный изумления, Уэбб зашагал по тропинке вверх. Изумление быстро гасло и, прежде чем он достиг городских стен, угасло безвозвратно.

Уомпус Смит и Ларс Нелсон вышли к тому же холму много дней спустя. Они шли пешком – пескоход давно сломался. У них не осталось еды, кроме того скудного пропитания, что удавалось добыть по дороге, и во флягах у них плескались последние капли воды, – а воды взять было негде.

Неподалеку от подножия холма они наткнулись на высушенное солнцем тело. Человек лежал на песке лицом вниз, и, только перевернув его, они увидели, кто это.

Уомпус уставился на Ларса, замершего над телом, и прокаркал:

– Откуда он здесь взялся?

– Понятия не имею, – ответил Ларе. – Без знания местности, пешком, ему бы сюда вовек не добраться. А потом это было ему просто не по пути. Он должен был идти на восток, туда, где поселения...

Они обшарили его карманы и ничего не нашли. Тогда они забрали у него пистолет – их собственные были уже почти разряжены.

– Какой в этом толк! – бросил Ларе. – Мы все равно не найдем.

– Можем попробовать, – откликнулся Уомпус.

Над холмом замерцал мираж – город с блистающими башнями и головокружительными шпилями, с рядами деревьев и фонтанами, брызжащими искристой водой. Слуха людей коснулся – им померещилось, что коснулся, – перезвон колокольчиков. Уомпус сплюнул, хоть губы растрескались и пересохли, а слюны давно не осталось:

– Проклятые миражи! От них того и гляди рехнешься...

– Кажется, до них рукой подать, – заметил Ларе. – Подойди и тронь. Словно они отделены от нас занавеской и не могут сквозь нее прорваться...

Уомпус снова сплюнул и сказал:

– Ну, ладно, пошли...

Оба разом отвернулись и побрели на восток, оставляя за собой в марсианских песках неровные цепочки следов.

СОСЕД

Места у нас в Енотовой долине – краше не сыщешь. Но не стану отрицать, что лежит она в стороне от больших дорог и не сулит легкого богатства: фермы здесь мелкие, да и земли не слишком плодородные. Пахать можно только в низинах, а склоны холмов годны разве что для пастбы, и ведут к нам пыльные проселки, непроходимые в иное время года.

Понятное дело, старожилам вроде Берта Смита, Джинго Гарриса или меня самого выбирать не приходится: мы в этих краях, выросли и давно распрощались с надеждой разбогатеть. По правде говоря, мы чувствуем себя не в своей тарелке, едва высунемся за пределы долины. Но попадаются порой и другие, слабохарактерные; чуть приехали, года не прожили – и уже разочаровались, снялись и уехали. Так что по соседству у нас непременно найдется ферма, а то и две на продажу.

Люди мы простые и бесхитростные. Ворочаемся себе в одиночку в грязи, не помышляя ни о сложных машинах, ни о племенном скоте, а впрочем, что ж тут особенного: обыкновенные фермеры, каких немало в любом конце Соединенных Штатов. И раз уж мы живем обособленно и кое-кто по многу лет, то пожалуй, можно сказать, что мы теперь стали как бы одной семьей. Хотя из этого вовсе не следует, что мы чураемся посторонних, – просто живем мы вместе так давно, что научились понимать и любить друг друга и принимать вещи такими, каковы они есть.

Мы, конечно, слушаем по радио музыку и последние известия, а некоторые даже выписывают газеты, но, бо-

юсь, по натуре мы все-таки бирюки – уж очень трудно расшевелить нас какими-нибудь мировыми событиями. Все наши интересы – здесь, в долине, и нам, если откровенно, недосуг беспокоиться о том, что творится за тридевять земель. Чего доброго, вы решите, что мы к тому же еще и консерваторы: голосуем мы обычно за республиканцев, даже не утруждая себя вопросом – почему, и, сколько ни ищите, не найдется среди нас такого, у кого хватило бы времени на адресованные фермерам правительственные анкеты и тому подобную дребедень.

И всегда, сколько я себя помню, в долине у нас все шло хорошо. Я сейчас не про землю, а про людей говорю. Нам всегда везло на соседей. Новички появляются что ни год, а вот поди ж ты – ни одного настоящего подонка среди них не попадалось, а это для нас куда как важно.

Но, признаться, мы всякий раз тревожимся, когда кто-нибудь из нетерпеливых снимается с места и уезжает, и гадаем промеж себя, что за люди купят или арендуют опустевшую ферму.

Ферма, где жил когда-то старый Льюис, была заброшена так давно, что все постройки обветшали и порушились, а поля заросли травой. Правда, года три или четыре подряд ее арендовал зубодер из Гопкинс-Корнерс. Держал там скотину, а навевывался только по субботам. А мы в своем кругу все думали: захочет ли там еще кто-нибудь пахать, но в конце концов даже думать перестали ферма пришла в такое запустение, что мы решили, что охотников на нее больше не сыщется. И вот однажды я заглянул в Гопкинс-Корнерс к тамошнему банкиру, представлявшему интересы владельцев, и заявил, что если зубодер не станет про-

длевать аренду, то я, пожалуй, не против. Но банкир ответил, что хозяева фермы, проживающие где-то в Чикаго, желали бы ее продать. Хотя лично он ни на что подобное не надеется – кто ж ее в таком виде купит!

Однако смотрим – весной на ферме объявились новые люди. А спустя какой-то срок узнаем, что ее все-таки продали и что нового владельца зовут Хит, Реджинальд Хит. И Берт Смит сказал мне:

–Подумать только! Ну и имечко у нового фермера!..

Больше он, правда, ничего не сказал. А Джинго Гаррис, возвращаясь как-то из города, увидел, что Хит вышел во двор, и завернул к нему на часок. Сами знаете, такое меж добрыми соседями водится, и Хит вроде обрадовался, что Джинго завернул к нему, только тот все равно нашел, что новичок мало похож на фермера.

– Иностранец он, вот кто, – толковывал мне Джинго. С лица весь темный. Вроде как испанец или из какой другой южной страны. И откуда он только выкопал имя Реджинальд! Имя английское, а он никакой не англичанин...

Позже мы слышали, что Хит и не испанец даже, а откуда-то с самого края света. Но англичане, испанцы или кто там еще, а только он и его домашние показали себя работягами всем на зависть. Их было всего-то трое: он, жена да дочка лет четырнадцати, зато все трое трудились от темна до темна – умело, старательно, ни к кому попусту не приставая, – и мы стали их за это уважать, хоть наши дорожки пересекались не так уж часто. Не то чтобы мы того не хотели или они нас отваживали. Просто в таких общинах, как наша, новых соседей признают не сразу, а

постепенно: они вроде как должны сами врасти в нашу жизнь.

У Хита был старый-престарый, латаный-перелатаный трактор, весь подвязанный проволочками, а уж тарахтел этот трактор не приведи Бог! Но едва земля подсохла достаточно, чтобы пахать, сосед принялся поднимать поля, совсем заросшие травой за долгие годы. Я частенько диву давался – уж не пашет ли он всю ночь напролет, потому что не раз слышал тарахтенье и тогда, когда уже собирался ко сну. Хотя это было не так поздно, как может показаться горожанину – мы здесь, в долине, ложимся рано, зато и встаем ни свет ни заря.

И вот как-то вечером пришлось мне выйти из дому в поисках двух пропавших телок – из тех неумных, которым любой забор нипочем. Только представьте себе; время позднее, человек пришел с работы усталый, да еще и дождик моросит, и на улице темно хоть глаз выколи, а тут выясняется, что эти две телки опять куда-то запропастились, и хочешь не хочешь, а надо подниматься и идти их искать. И на какие только хитрости я с ними ни пускался, а все без толку. Если уж телка пошла выкидывать номера, то хоть тресни, а ничего с ней не поделаешь.

Засветил я фонарь и отправился на поиски. Промучился часа два, а они как сквозь землю провалились. Я было совсем отчаялся и решил возвращаться домой, как вдруг слышал тарахтенье трактора и понял, что нахожусь чуть выше западной межи прежнего льюисова поля. Теперь, чтобы попасть домой, мне короче всего было идти вдоль поля, а значит, можно и подождать чуток, пока трактор воротится с дальнего конца борозды, и заодно спросить Хита, не видал ли он этих чертовых телок.

Ночь выдалась темная, звезды попрятались за облаками, в верхушках деревьев шумел ветер, и в воздухе пахло дождем. Я еще сказал себе, что, наверное, Хит решил поработать сегодня лишний часок, чтобы закончить вспашку до дождя. Хотя нет, я уже тогда подумал, что он, пожалуй, усердствует через край. Он и так успел обогнать с пахотой всех остальных в долине.

Ну вот, спустился я с крутого склона и перешел ручеек, благо знал, где мелко. Но пока я искал это мелкое место, трактор сделал полную ходку и ушел. Я поискал глазами, не мелькнет ли где свет от фар, но ничего не разглядел и рассудил, что света, должно быть, не видать за деревьями.

Потом я добрался до поля, пролез между жердей ограды и зашагал через борозды трактору наперерез. Было слышно, как он повернул в конце поля и затарахтел в мою сторону. Но странно: шум я слышал явственно, а света по-прежнему не было и в помине.

Я нашел последнюю, самую свежую борозду и встал, поджидая, — и не то чтобы сразу встревожился, но все же подивился, как это Хит умудряется держать борозду, не зажигая огней. Помнится, я еще подумал тогда, что, может, у него глаза как у кошки, и он умеет видеть в темноте. Теперь-то, когда вспомню про это, самому становиться смешно: с чего я в самом деле взял, что у Хита глаза как у кошки, — но тогда мне было не до смеха.

Трактор тарыхтел все сильнее, все ближе с каждой секундой — и вдруг как выскочит из темноты прямо на меня! Я испугался — как бы не попасть под колеса, — и отпрыгнул ядра на два, если не на три. Да что там испугался — душа в пятки ушла, а только мог бы и не прыгать: стой я столбом, я тоже не оказался бы на дороге.

Трактор прошел мимо, и тогда я замахал фонарем и крикнул Хиту, чтобы тот притормозил. Но когда я махал фонарем, то поневоле осветил кабину и обнаружил, что она пуста.

Сотня разных предположений пронеслась у меня в голове, но запала одна ужасная мысль: не иначе как Хит сверзился с трактора и лежит где-нибудь в поле, истекая кровью.

Я помчался вдогонку за трактором, чтобы успеть заглушить его прежде, чем он сойдет с борозды и врежется в дерево или еще куда-нибудь, да только чуточку припоздал — он достиг поворота раньше меня. И чтобы вы думали — пошел на поворот сам собой, да так точно, словно вокруг был ясный день и за рулем сидел тракторист!

Вскочив на заднюю тягу, я уцепился за сиденье и кое-как влез наверх. Потом протянул руку и взялся за рычаг газа — хотел было заглушить двигатель, — но, едва рука коснулась рычага, передумал. Трактор уже завершил поворот и сам собой пошел по новой борозде — но дело было не только в этом.

Возьмите вы любой старый трактор, который чихает, кашляет и гремит на ходу, угрожая развалиться на части, и полезайте в кабину — да у вас зубы тут же сведет от вибрации! Этот трактор тоже чихал и кашлял честь по чести, а никакой вибрации не возникало. Он катился вперед плавно, как дорогой лимузин, и лишь слегка подрагивал, когда колеса наезжали на бугор или попадали в рытвину.

Так я и стоял, одной рукой придерживая свой фонарь, а другой сжимал рычаг газа — и не предпринимая больше ничего. А когда доехал до места, где трактор нацелился на

новый разворот, то просто прыгнул на землю и отправился домой. Искать соседа, лежащего бездыханно на поле, я не стал, потому что понял: Хита на поле не было и нет.

Мне бы сразу задаться вопросом, как же это все получается, только я не позволил себе тогда мучиться в поисках ответа. Должно быть, поначалу я был слишком ошарашен. Можно волноваться сколько влезет обо всяких пустяках, если они идут не так, как надо, но когда напорешься на что-то по-настоящему большое и непонятное, вроде этого трактора без тракториста, лучше уж сразу, без долгих слов поднять руки вверх: все равно тебе с твоим умишком с такой загадкой не совладать, на это нет ни единого шанса из тысячи. Пройдет какое-то время – ты и вовсе позабудешь про встречу с загадкой. Остается только выкинуть ее из головы.

Я вернулся домой и еще постоял немного на дворе, прислушиваясь. Ветер разошелся не на шутку, и снова стал накрапывать дождь, но как только ветер чуть-чуть стихал, до меня по-прежнему доносилось тарахтенье трактора.

Когда я вошел в дом, Элен с ребятами уже крепко спала, так что я не мог никому ничего рассказать. А на следующий день, обдумав все хорошенько, и подавно не стал ничего рассказывать. Как сам теперь понимаю – главным образом потому, что мне все равно никто бы не поверил, и я только навлек бы на себя кучу насмешек – уж соседи не упустят случая проехаться насчет автоматических тракторов.

Хит закончил пахоту, а затем и сев гораздо раньше всех остальных в долине. Всходы появились дружно, да и

погода выдалась как по заказу. Правда, в июне вдруг зачастили дожди и никак не удавалось прополоть кукурузу – разве выйдешь в поле, когда земля вся насквозь сырая! Мы слонялись по своим усадьбам, подправляли заборы, занимались разной другой ерундой, поносили погоду и бессильно смотрели, как зарастают сорняками непрополотые поля.

То есть слонялись все, кроме Хита. У него кукуруза была как на выставке – сорняки разве что в лупу и углядишь. Джинго не утерпел, завернул к нему и любопытствовал, как это у него получается, а Хит только усмехнулся в ответ тихой такой, беззлобной усмешечкой и заговорил о другом.

Наконец подошло время яблочных пирогов – яблоки хоть и были еще зеленые, но на пироги в самый раз, – а, надо сказать, во всей долине никто не печет их лучше, чем Элен. Она у меня что ни год берет за свои выпечки призы на окружной ярмарке и очень этим гордится.

И вот как-то раз напекла она пирогов, завернула их в полотенце и отправилась к Хитам. У нас в долине так заведено – женщины частенько отправляются к соседям в гости со своей стряпней. Каждая со своим фирменным блюдом – такую они завели особенную, но в общем-то безобидную манеру хвастовства.

Вышло все как нельзя лучше, словно она с Хитами век была знакома. Даже домой припоздала, и мне пришлось самому собирать к ужину, а то ребятня уже крик подняла: «Мы голодные! Дадут нам когда-нибудь поесть?» – и всякое такое. Тут только она и заявила.

Разговоры у нее теперь было – не остановишь. И про

то, как Хиты обновили дом: «Кто бы мог подумать, что можно так прибраться в такой развалюхе», и особенно про то, какой они завели огород. «Большой огород, – рассказывала Элен, – и прекрасно ухоженный, а главное – полный овощей, каких в жизни не видела. Уж такие диковинные, совсем не похожие на наши».

Мы поговорили про эти овощи еще чуть-чуть: наверное, мол, Хиты привезли семена оттуда, откуда сами приехали. Хотя, насколько мне известно, овощи есть овощи, где бы вы ни жили. Огородники выращивают и в Испании, и в Аргентине, и в Тимбукту то же самое, что и мы здесь. Да и вообще меня начали одолевать сомнения насчет новых соседей – кто они и откуда взялись.

Но на серьезные раздумья у меня тогда не хватало времени – подошел сенокос, потом поспел ячмень, и работы было по горло. Травы поднялись хорошо и ячмень не подкачал, зато с видами на кукурузу, видно, предстояло проститься – началась засуха. Так уж оно случается, как нарочно: слишком много дождей в июне, слишком мало в августе.

Мы грустили, глядя на посевы, и вздыхали, глядя на небо, и с надеждой встречали любое облачко, только проку ни от одного из них не дождались. Бывают годы, когда Бог словно отворачивается от фермеров.

И тут в одно прекрасное утро заявляется ко мне Джинго Гаррис – и ну болтать о том, о сем. Переминается с ноги на ногу, а от меня ни на шаг. Я себе работаю, чиню изношенную сноповязалку. Хоть и не похоже было, что она мне в этом году понадобится, а починить все равно не мешало.

– Джинго, – спросил я наконец, дав ему помаяться часок или чуть побольше, – признавайся, что у тебя на уме?

Тут-то он мне и выложил:

– А у Хита ночью выпал дождь.

– Как так? – откликнулся я, – Ни у кого другого дождя не было.

– Ты прав, – подтвердил Джинго. – Ни у кого не было, только у него одного...

А вышло так. Возвращался он от Берта Смита, куда ходил одолжить бечевки для снопов, и решил махнуть напрямик через северное кукурузное поле Хита. Пролез сквозь ограду, глядь – а поле-то мокрое, как после сильного дождя.

«Ночью он, что ли, прошел?» – спросил себя Джинго. Подумал, что тут что-то не так, но в конце концов дождь мог пролиться и узкой полосой поперек долины, хотя обычно дожди движутся у нас снизу вверх или сверху вниз, а уж никак не поперек. Но когда Джинго, пройдя поле краем, перелез через ограду на другой стороне, то увидел, что там тоже не было никакого дождя. Тогда он повернул и обошел все поле вокруг – и что бы вы думали? – дождь выпал лишь на самом поле и больше нигде. На поле – пожалуйста, а за оградой – ни-ни.

Обогнув все поле по меже, он присел на моток бечевки и стал гадать, что бы это значило. Но сколько ни гадай, тут все равно не было ни малейшего смысла, да что там – в такую минуту собственным глазам не поверишь.

Джинго у нас человек дотошный. Прежде чем делать выводы, он любит взвесить все «за» и «против» и вообще узнать все, что можно узнать. Он не стал пороть горячку, а

отправился на другой участок, где Хит высеял кукурузу. Этот участок – на западной стороне долины, но и там тоже прошел дождь. То есть на самом участке прошел, а вокруг и не подумал.

– Ну, и что ты на это скажешь? – спросил Джинго, и я ответил: не знаю, мол, что и сказать. Чуть было не сболтнул ему про трактор без тракториста, да вовремя удержался. Сами посудите – что за выгода переполошить всю округу?

Но только Джинго за ворота, я завел свою колымагу и к Хиту – попросить на день-другой копалку для лунок. Нет, конечно, копать лунки я и в мыслях не держал, но должен же найтись какой-то предлог, чтобы наведаться к соседу без приглашения?..

Говоря по правде, мне так и не привелось спросить про эту копалку. Когда я приехал к Хитам, я про нее и не вспомнил.

Хит сидел на крыльце, на ступеньках, и вроде бы очень обрадовался, заведя меня. Подошел прямо к машине, протянул мне руку и сказал:

– Рад тебя видеть, Кэлвин.

Сказал таким тоном, что я сразу почувствовал его дружеское расположение и свою значительность. Ведь он назвал меня Кэлвин, все в долине зовут меня попросту – Кэл. Если честно, я не очень-то уверен, что кто-нибудь, кроме Хита, помнит мое полное имя.

– Пойдем, покажу тебе, что мы тут понаделали, – пригласил он. – Подлатали кое-что слегка...

«Подлатали» – явно не то слово. Все на ферме блестело и сверкало. Ну, совсем как на тех фермах в Пенсильвании

или Коннектикуте, про которые пишут в журналах. Раньше дом и все надворные постройки были старые, облезлые, того и гляди рухнут. А теперь они выглядели солидно, прочно, так и лоснились от свежей краски. Разумеется, они не стали новыми, но приобрели такой вид, будто за ними всегда ухаживали на совесть и красили каждый год.

Заборы были выправлены и выкрашены, сорняки выполоты, а безобразные кучи мусора расчищены или сожжены. Хит ухитрился даже собрать со всей фермы лом – бросовые ржавые железки – и рассортировать их.

– Работы было пропасть, – похвалился он, – но дело того стоило. Я привык к порядку. Люблю, чтоб везде была чистота...

Так-то оно, может, и так, но ведь он успел все это меньше чем за полгода! Приехал к нам в начале марта, а сейчас еще август не кончился, и за это время он не только засеял несколько сотен акров и выполнил на них все работы, но и обновил ферму. Ей-ей, говорил я себе, такого не бывает. Одному человеку такое просто не под силу, даже с помощью жены и дочери, даже если вкалывать двадцать четыре часа в сутки, не прерываясь ни на обед, ни на ужин. Разве что он научился растягивать время, чтобы каждый час стал равен трем или четырем.

Я плелся за Хитом, а сам все думал про то, как бы тоже научиться растягивать время, и мне чертовски нравилось думать про это – а, согласитесь, нечасто случается, что глупые мимолетные мыслишки доставляют удовольствие. Ну, во-первых, с такими-то талантами можно любой день растянуть настолько, чтобы переделать всю работу, какая только найдется. А во-вторых, если время можно растяги-

вать, то, верно, можно его и сжимать, и тогда визит к зубному врачу, например, пролетит в одно мгновение.

Хит повел меня в огород — и точно, Элен не соврала. Были там, конечно, и обыкновенные овощи — капуста, помидоры, кабачки и все остальные, какие есть в любом огороде, — но в придачу к ним было столько же других, каких я до того не видывал. Хит говорил мне, как они называются, и тогда эти названия были мне в диковинку. Теперь-то странно и предположить, что они были нам в диковинку. Теперь эти овощи растут у каждого фермера в долине, и нам сдается, что они росли здесь всегда.

Мы ходили по огороду, а Хит выдергивал и срывал свои диковинные овощи и складывал их в корзинку, которую таскал с собой.

— Постепенно ты их все перепробуешь, — говорил он. — Одни тебе сперва, наверное, придется не по вкусу, зато другие понравятся сразу. Вот эту штуку едят в сыром виде, нарезав ломтиками, как помидор. А эту лучше сварить, хотя можно и запечь...

Мне хотелось спросить, где он раскопал эти овощи и откуда они родом, только он не давал мне и рта раскрыть; все говорил и говорил про то, как их готовить и какие можно держать всю зиму, а какие консервировать. А потом он дал мне погрызть какой-то корешок сырым, и вкус у корешка оказался отменный.

Мы дошли до самого конца огорода и повернули назад, и тут из-за угла дома выбежала жена Хита. Меня она, видимо, сначала не заметила или позабыла обо мне, потому что назвала мужа не Реджинальд и не Реджи, а каким-то другим, совсем иностранным именем. Я даже и пытаться

не стану вспоминать, все равно не смогу — я и тогда-то не сумел бы повторить это имя, хоть оно и прозвучало всего секунду назад. Оно было просто ни на что не похоже.

Тут женщина заметила меня, перешла на шаг и перевела дыхание, а потом сказала, что услышала по телефону ужасную новость: младшая дочка Берта Смита, Энн, тяжело больна.

— Они позвонили доктору, — сказала она, — а он уехал по вызовам и теперь нипочем не успеет вовремя. Понимаешь, Реджинальд, симптомы напоминают...

И она произнесла еще одно слово, какого я никогда не слышал и, наверное, больше не услышу.

Я смотрел на Хита — и, клянусь, лицо у него побледнело, даром что кожа была с оливковым оттенком.

— Скорее! — крикнул он и хватить меня за руку.

Мы побежали — он к своей древней, выдавшей виды машине, я следом. Корзинку с овощами Хит швырнул на заднее сиденье, а сам прыгнул за руль. Я уселся рядом и хотел закрыть дверцу, только она не закрывалась — замок отщелкивался, хоть плачь, и пришлось придерживать дверцу, чтоб не гремела.

Машина выскочила за ворота, словно ее кто наскипидарил, а уж шума она издавала столько, что впору оглохнуть. Как я ни тянул дверцу к себе, она упорно лязгала, и крылья дребезжали, и вообще я различал все шумы, каких можно ждать от древнего драндулета, да еще какие-то совершенно непонятные.

Меня опять подмывало задать соседу вопрос — теперь о том, что он собирается предпринять, — но никак не удавалось найти нужные слова. А если бы и удалось, то сомне-

ваюсь, расслышал ли бы он мой вопрос за грохотом и дребезжаньем машины. Так что оставалось лишь цепляться за сиденье, а другой рукой пытаться удержатъ дверцу. И признаюсь, мне вдруг стало сдаваться, что машина гроыхает сильнее, чем должна бы. В точности как старый расхлебанный трактор Хита – тот тоже тарахтит сильнее, чем положено любому трактору. Ну, разве может издавать столько шума машина, обладающая таким ходом? Как на тракторе, так и здесь я не ощущал никакой вибрации от мотора, и, несмотря на грохот и лязг, мчались мы дай Боже. Я уже упоминал, что дороги у нас в долине – далеко не сахар, и все же ручаюсь, что временами Хит выжимал не менее семидесяти миль в час. При такой скорости мы должны были бы, говоря по чести, вылететь в кювет на первом же крутом повороте, а машина вроде бы только приседала и крепче вжималась в дорогу, и нас ни разу даже не занесло.

Мы затормозили перед домом Берта. Хит выскочил из машины и бросился бегом по дорожке, я за ним.

Эми Смит вышла нам навстречу, и было заметно, что она недавно плакала, а вообще-то она сильно удивилась при виде нас.

Какой-то миг мы стояли на крылечке молча, потом Хит заговорил – и странная вещь; на нем были обтрепанные джинсы и ковбойка в пятнах пота, вместо шляпы – колтун нечесаных волос, и тем не менее мне вдруг почудилось, что он одет в дорогой костюм и, приподняв шляпу, отвешивает Эми поклон.

– Мне передали, – сказал он, – что ваша девочка заболела. Не могу ли я ей помочь?

Уж не знаю, почудилось ли Эми то же, что и мне, только она отворила дверь и посторонилась, чтобы мы прошли.

— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Хит и вошел в комнату.

Я остался с Эми, она повернулась ко мне, и на глаза у нее опять набежали слезы.

— Знаешь, Кэл, ей очень-очень плохо, — сказала она.

Я печально кивнул. Чары рассеялись, здравый смысл начал возвращаться ко мне, и я поразился безумию фермера, возмнившего, будто он может помочь маленькой девочке, которой очень-очень плохо. И своему безумию тоже — поэтому я застрял на крыльце и даже не вошел в комнату вслед за ним.

Но тут Хит снова вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

— Она заснула, — обратился он к Эми. — Теперь все будет в порядке.

И, не прибавив больше ни слова, зашагал прочь. Я колебался, глядя на Эми и не представляя себе, что предпринять. Потом до меня дошло, что я не в силах ничего предпринять. И я решил уйти вместе с Хитом.

Обратно мы ехали с умеренной скоростью, но машина все равно брнчала и гроыхала, как прежде.

— А бегаёт вполне прилично, — крикнул я, стараясь перекрыть грохот.

Он слегка улыбнулся и крикнул в ответ:

— Два дня вожусь — день езжу...

Когда мы добрались до фермы Хита, я вылез из его машины и пересел в свою.

– Погоди, ты забыл овощи, – бросил он мне вдогонку.

Пришлось вернуться за овощами.

– Большое спасибо.

– Не за что.

Тогда я поглядел ему прямо в глаза и сказал:

– Знаешь, было бы очень здорово, если бы нам сейчас дожждаться дождя. Для нас это было бы просто спасение. Один хороший дождь – и кукуруза уцелеет...

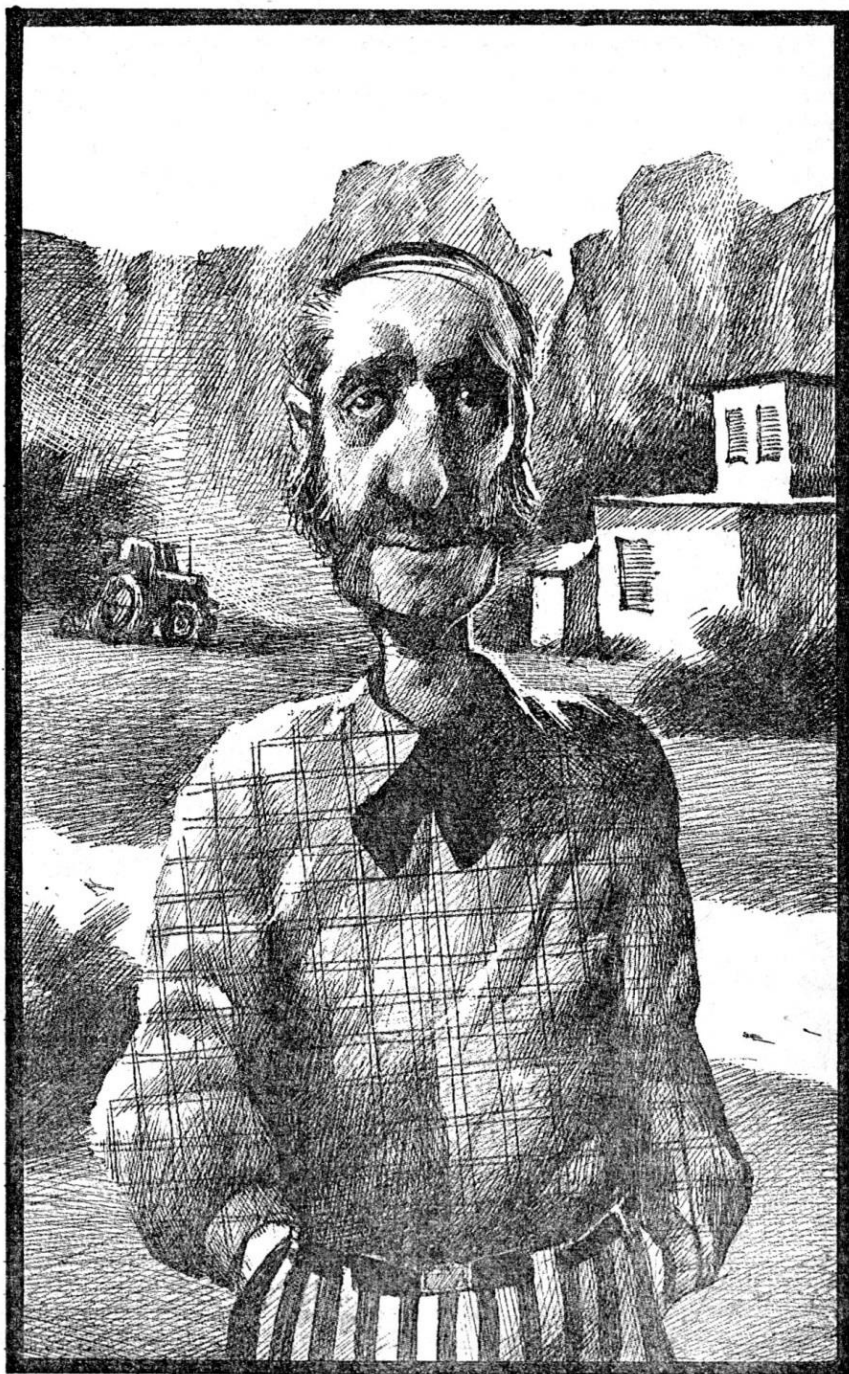
– Заходи еще. Очень рад был потолковать с тобой.

И в ту же ночь над всей долиной прошел дождь, хороший проливной дождь, и кукуруза уцелела.

А маленькая Энн выздоровела.

Доктор, когда он наконец доехал до фермы Берта, объявил, что кризис миновал и дело идет на поправку. Какая-то вирусная инфекция, сообщил он. Столько их теперь развелось! Не то что в старые добрые времена, когда люди еще не баловались со всякими чудотворными снадобьями, и вирусы не наловчились перерождаться. Раньше врачи по крайней мере знали, от чего они лечат...

Неизвестно, говорили ли Берта и Эми доктору про Хита, только, по-моему, вряд ли. С какой стати признаваться, что вашего ребенка вылечил сосед? Не дай Бог, сыщется какой-нибудь умник и обвинит Хита в незаконной медицинской практике, хотя такое обвинение всегда чертовски трудно доказать. Но разговорчики по долине поползли все равно. Мне, например, рассказывали по секрету, что Хит до того, как осесть у нас, был известнейшим врачом в Вене. Разумеется, я ни во что подобное не верю. Да, наверное, и тот, кто придумал эту версию, сам в нее не верил, но так уж у нас в провинции ведется, ничего не попишешь.

На время эти рассказы взбудоражили всю долину, а потом все улеглось. И само собой получилось, что Хиты стали для нас своими, словно жили рядом испокон веков. Берт взял за правило беседовать с Хитом на разные темы, а женщины принялись что ни день вызывать миссис Хит к телефону, чтобы она могла вставить словечко в круговой разговор; чешут языки с утра до ночи, так что если при-спичило вызвать кого-нибудь по делу, сначала надо еще отогнать от аппарата этих балаболок. Осенью мы позвали Хита охотиться на енотов, а кое-кто из молодых парней стал помаленьку приударять за его дочкой. Все пошло так, как если бы Хиты и вправду были здесь старожилками.

Я уже говорил – нам всегда везло на соседей.

А когда все хорошо, то и время течет незаметно и в конце концов его вообще перестаешь ощущать. Именно так и случилось у нас в долине. Год шел за годом, а мы не обращали на них внимания. На хорошее никогда не обращаешь внимания, принимаешь его как нечто само собой разумеющееся. Нужно, чтобы настали другие, скверные времена – вот тогда оглянешься и поймешь, что раньше-то все было хорошо на удивление.

Но вот однажды, примерно год назад или, может, чуть больше, только- только я покончил с утренней дойкой, откуда ни возьмись у ворот – машина с нью-йоркским номером. В наших краях дальний номер встретишь нечасто, так я на первых порах подумал, что кто-то заблудился и при-тормозил спросить дорогу. Смотрю – на переднем сиденье мужчина и женщина, а сзади трое детишек и пес, и машина новехонькая, блестит как на картинке.

Я как раз нес молоко из коровника, и когда хозяин вы-

брался из-за баранки, я поставил ведра наземь и подождал, пока он подойдет.

Он был моложавый, с виду интеллигентный и держал себя как полагается. Сказал, что его фамилия Рикард и что он газетчик из Нью-Йорка, что сейчас он в отпуске, а к нам в долину завернул по пути на запад с целью кое-что уточнить.

Я ответил, что, насколько мне помнится, газеты до сих пор никогда не проявляли к нам интереса, и у нас, мол, никогда не случилось ничего такого, о чем стоило бы сообщать в газете.

— Да нет, я не ищу скандалов, — заверил меня Рикард, — если вы этого испугались, то зря. Просто меня интересует статистика.

Признаться, со мной частенько бывает, что я соображаю ту же, чем следовало бы. Человек я по природе, пожалуй, неторопливый, но тут, едва он произнес «статистика», я сразу почувствовал, что дело — табак.

— Я недавно работал над статьями о положении фермеров, — пояснил Рикард, — и в поисках материала копался в правительственных статистических сводках. Ну, и скучища — в жизни, кажется, так не уставал...

— И что же? — спросил я, а у самого сердце оборвалось.

— А то, что я узнал занятные вещи об этой вашей долине, — продолжал он. — Сначала я чуть было не проморгал самого главного. Прошел мимо цифр и в общем-то не понял их значения. Потом все-таки вернулся вспять, перепроверил цифры и взглянул на них новыми глазами. Никаких подробностей в сводках, разумеется, нет, просто намеки на что-то непонятное. Пришлось покопаться еще и выяснить кое-какие факты.

Я попробовал отшутиться, только он мне не позволил.

— Начнем с погоды, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что в последние десять лет у вас стояла идеальная погода?

— Да, погода была что надо, — согласился я.

— А ведь раньше было не так. Я проверял.

— Ваша правда, — опять согласился я. — За последнее время погода улучшилась.

— И урожаи у вас десять лет подряд самые высокие во всем штате.

— Высеваем кондиционные семена. Используем лучшие агротехнические приемы.

Он усмехнулся.

— Ну, это вы бросьте. Агротехника у вас не менялась по меньшей мере четверть века.

Спору нет, тут он меня припер к стенке.

— Два года назад весь штат пострадал от нашествия ратных червей, — продолжал он. — Весь штат, кроме вас. Вас и эта напасть обошла стороной.

— Нам повезло. Помню, в тот год мы сами удивлялись, как нам повезло.

— Я заглянул в медицинскую статистику, — не унимался он, — та же история. Десять лет подряд никаких болезней — ни кори, ни ветрянки, ни воспаления легких. Вообще ничего. Только один случай смерти, и то по причине весьма преклонного возраста.

— Дедушка Паркс, — отозвался я. — Ему вот-вот стукнуло бы девяносто. Почтенный был старикан.

— Сами видите, — сказал Рикард.

Спорить не приходилось. У него в руках были точные

данные. Мы не сознавали толком своей удачи, а он проследил все до истоков – и поймал нас с поличным.

– Ну, и чего же вы от меня хотите? – спросил я.

– Хочу, чтобы вы рассказали мне про одного из своих соседей.

– Я не сплетничаю про своих соседей. Если вас интересует кто-то из них, почему бы вам не обратиться к нему самому?

– Я и собирался, да не застал его дома. На ферме, что ниже по дороге, мне сказали, будто он уехал в город со всей семьей.

– Реджинальд Хит, – сказал я. Играть дальше в молчанку было бессмысленно, – Рикард и без меня был достаточно осведомлен.

– Он самый. Я беседовал кое с кем в городе. И оказалось, что он ни разу не ремонтировал ни одну из своих машин: ни трактор, ни прицепные орудия, ни автомобиль. Так и пользуется ими с тех самых пор, как поселился на ферме. А ведь они и тогда были уже не новыми.

– Ухаживает за ними на совесть, – ответил я. – Сам латает, сам смазывает.

– Еще одно обстоятельство. С самого своего приезда сюда он не купил ни капли бензина.

Все остальное я, конечно, знал и без Рикарда, хоть никогда не давал себе труда задуматься над этим. А вот про бензин даже не догадывался. Видно, я не сумел скрыть своего удивления, потому что приезжий усмехнулся.

– Чего вы хотите? – повторил я.

– Чтобы вы рассказали мне, что вам известно.

– Поговорите с Хитом. Ничем не могу быть вам полезен.

И в тот же миг, как я произнес эти слова, я почувствовал облегчение. Должно быть, я инстинктивно верил, что Хит выкрутится: уж он-то сообразит, как тут поступить.

Но после завтрака я нипочем не мог взяться за работу. Я собирался подрезать деревья в саду — я и так откладывал это дело чуть не два года, и дольше оно терпеть не могло. А вместо подрезки я принялся размышлять о том, почему это Хит не покупает бензина, и вспомнил ту ночь, когда встретил трактор без тракториста. И еще вспомнилось, как необычайно ровно движутся трактор и машина Хита, невзирая на немислимый шум, какой они издают.

В общем, отложил я ножницы и припустил напрямик через поля. Я же знал, что Хит со всем семейством подался в город — впрочем не думаю, что сумел бы остановиться, даже будь они дома. Нет, я все равно не усидел бы на месте. Потому что наконец-то понял, что этот самый трактор не давал мне покоя целых десять лет. Пришла пора разобраться, что к чему.

Трактор стоял на месте, в гараже, и я вдруг забеспокоился: а как залезть к нему в нутро? Но загадка оказалась легче легкого. Я снял захваты, приподнял капот и увидел в сущности то, что и ожидал увидеть, хотя, по правде сказать, не представлял толком, что именно откроется мне под капотом. Там лежал брусок блестящего металла, чем-то напоминающий, пожалуй, куб из тяжелого стекла, брусок был не слишком велик, но выглядел массивно, и поднять его было бы, наверное, очень не просто.

Видны были и отверстия от болтов, которыми прежде крепился обычный двигатель внутреннего сгорания, а чтобы установить новый движок, поперек рамы была наваре-

на прочная металлическая полоса. Поверх блестящего куба громоздился еще какой-то аппаратик, соединенный с выхлопной трубой. Я понял, что эта штука служит для маскировки. Знаете, как на ярморочных аттракционах переделывают электрические вагончики под деревянные локомотивы, чтобы они пыхтели и выбрасывали клубы пара? Вот и это устройство было того же рода. Оно выбрасывало колечки дыма и тарахтело, как положено трактору.

Оставалось только диву даваться; ну, если Хит придумал движок, работающий лучше, чем двигатель внутреннего сгорания, зачем ему пускаться во все тяжкие, чтобы скрыть от людей свое изобретение? Да если бы у меня вдруг родилась такая идея, уж я бы своего не упустил! Нашел бы кого-то, кто согласился бы меня финансировать, наладил бы производство таких движков и в два счета разбогател бы до одури. Что мешало Хиту поступить точно так же? Да ничего. А вместо этого он маскирует свой трактор, чтобы тот выглядел и тарахтел как самый обыкновенный трактор, и машину свою нарочно заставляет шуметь и греметь, чтобы никто не заметил мотора нового типа. Только он, честно говоря, перестарался. И машина, и трактор у него гремят куда больше, чем надо. И самую существенную промашку он сделал, что не покупал бензина. На месте Хита я бы непременно покупал горючее, как простые смертные, а потом сливал бы его на помойку или сжигал...

Мне почти начало сдаваться, что Хит и вправду все время что-то скрывает, намеренно держится в тени. Словно он действительно сбежал из какой-то другой страны — или откуда-нибудь еще.

Я опустил капот и застегнул захваты, а выйдя из гаража, старательно прикрыл за собой ворота.

Вернувшись домой, я снова принялся за подрезку, а между делом обдумывал то, что увидел. И вдруг до меня дошло, что помаленьку я думал об этом с того самого вечера, как встретил трактор без тракториста. Правда, подумал я урывками, не стараясь сосредоточиться, и потому ни до чего особенного не додумывался. А теперь додумался, и, если начистоту, мне бы обмереть от страха.

Но я не обмер. Реджинальд Хит был моим хорошим соседом. Мы вместе ходили на охоту и на рыбалку и помогали друг другу в пору сенокоса и молотбы, и мне он нравился, по крайней мере ничуть не меньше, чем многие другие. Да, конечно, он немного отличался от остальных, у него был странный трактор и странная машина, он вроде бы даже умел растягивать время — и с тех пор, как он поселился у нас в долине, нам везло на погоду и болезни обходили нас стороной. Все точно, но чего тут бояться? Если хорошенько знаешь человека, бояться нечего.

Мне вспомнилось, как года два-три назад я однажды заехал к Хитам летним вечером. Было жарко, и вся семья вынесла стулья на лужайку — там оказалось чуть прохладнее. Мне тоже предложили стул, и мы сидели и болтали обо всем, что приходило в голову.

Луна еще не всходила, зато звезд высыпало видимо-невидимо, и такие они были в тот вечер красивые, просто как никогда. Я показал Хиту на звезды и от нечего делать выложил ему все, что знал из астрономии.

— Они так далеко, — говорил я, — что свет от них идет до нас годами. И каждая — солнце, совсем как наше, и даже больше.

На этом мои познания о звездах заканчивались.

Хит задумчиво кивнул.

— Есть одна звездочка, — сказал он, — на которую я часто поглядываю. Вон та, голубая, Видишь, как она мерцает? Словно подмигивает нам с тобой. Славная звездочка, дружелюбная.

Я сделал вид, будто понимаю, о какой звездочке речь, хотя на самом деле ничуть не был в этом уверен: их была на небе тьма-тьмушая и почти все мерцали.

Тут мы заговорили о чем-то еще и забыли про звезды. По крайней мере я начисто забыл.

После ужина ко мне заявился Берт Смит и рассказал, что Рикард навещался к нему и задавал всякие каверзные вопросы, и к Джинго тоже навещался, а теперь намерен встретиться с Хитом, как только тот вернется из города. Берт от всего этого слегка расстроился, и я постарался его утешить.

— Горожане всегда нервничают по пустякам, — высказался я. — Не стоит беспокоиться.

Сам я если и беспокоился, то не слишком — чувствовал, что Хит как-нибудь осилит такую задачу. Даже если Рикард и тиснет статейку в нью-йоркских газетах, нам от этого особой беды не будет. Енотовая долина от Нью-Йорка куда как далеко.

Я, признаться, считал, что больше мы Рикарда не увидим и не услышим. В жизни я так жестоко не ошибался.

Около полуночи я проснулся оттого, что Элен трясла меня за плечо.

— Там кто-то стучится. Пойди узнай, что ему надо.

Пришлось натянуть штаны и надеть туфли, зажечь лампу и спуститься вниз. Пока я одевался, в дверь еще стукнули два-три раза, но, как только я зажег свет, утихомирились.

Я подошел к двери и отомкнул засов. На крыльце стоял Рикард, державшийся теперь не так самоуверенно, как поутру.

– Извините, что разбудил, – сказал он, – но я, кажется, заблудился.

– Тут нельзя заблудиться! – отвечал я. – В долине одна-единственная дорога. Одним концом она упирается в шоссе номер шестьдесят, другим – в шоссе номер восемьдесят пять. Езжайте по дороге, и она выведет вас на то или другое шоссе.

– Но я еду уже четыре часа, – сказал он, – и не могу найти ни того шоссе, ни другого!

– Послушайте, – отвечал я, – все, что от вас требуется, это ехать прямо в любую сторону. Здесь просто некуда свернуть. Четверть часа – и вы на шоссе...

Я не скрывал своего раздражения – уж очень все это глупо звучало. И кроме того, я не люблю, когда меня среди ночи вытаскивают из постели.

– Поверьте, я действительно заблудился, – воскликнул он с отчаянием. Пожалуй даже, он был на грани паники. – Жена перепугана до смерти, дети просто падают с ног...

– Ладно, – отвечал я, – дайте только надеть рубаху и завязать шнурки. Так и быть, я провожу вас.

Он сказал, что предпочитает попасть на шоссе номер шестьдесят. Я вывел свою колымагу из гаража и велел ему ехать за мной. Может, я и был раздражен, но все-таки рас-

судил, что надо ему помочь. Он нам взбаламутил всю долину, и чем скорее он уберется восвояси, тем лучше.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем я начал догадываться, что дело и впрямь нечисто. Полчаса – это вдвое дольше, чем требуется, чтобы выбраться на шоссе. Но дорога выглядела как обычно, и вообще кругом не было ничего подозрительного – если не смотреть на часы. Я поехал дальше. И через сорок пять минут очутился у порога собственного дома.

Как это получилось, я и сам не мог взять в толк, хоть убей. Я вылез из-за баранки и подошел к машине Рикарда.

– Теперь вы поняли, что я имел в виду? – спросил он.

– Мы, похоже, нечаянно повернули назад, – ответил я.

Жена Рикарда, казалось, вот-вот забьется в истерику.

– Что происходит? – повторяла она пронзительным, визгливым голосом. – Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?..

– Попробуем еще раз, – предложил я. – Поедем медленнее, чтобы не сделать снова ту же ошибку.

Я поехал медленнее. На этот раз мне потребовался час – и тем не менее я вернулся к воротам собственной фермы. Потом мы попытались выехать на шоссе номер восемьдесят пять – и через сорок минут были там же, откуда тронулись в путь.

– Сдаюсь, – сказал я Рикардам. – Вылезайте и заходите в дом. Сейчас сообразим, где вам постелить. Вы переночуете, а с рассветом, глядишь, и дорога отыщется...

Я сварил кофе и нашел разной снеди для сэндвичей, а Элен тем временем приготовила постели на пятерых.

– Пес пусть ночует на кухне, – распорядилась она.

Я достал картонный ящик из-под яблок и уложил в него подстилку.

Пес был жесткошерстный фокстерьер, чистенький, маленький и очень забавный, а дети – такие же славные, как любые другие дети. Миссис Рикард, правда, опять было сорвалась на истерику, но Элен заставила ее выпить кофе, а я просто не позволил продолжать разговор о том, почему им не выбраться из долины.

– При дневном свете, – уверял я их, – от ваших страхов и следа не останется...

И действительно, после завтрака гости совершенно успокоились и как будто уже не сомневались в том, что сумеют отыскать шоссе номер шестьдесят. Они уехали без провожатых – и через час вернулись. Тогда я снова сел в машину и двинулся впереди них, и не стыжусь признаться, что у меня бежали мурашки.

Я внимательно следил за дорогой и внезапно понял, что мы едем вовсе не к шоссе, а от шоссе обратно в долину. Я, конечно, тут же затормозил, мы развернулись и покатали в обратную сторону. Но минут через десять поняли, что нас опять развернуло. Сделали еще одну попытку – теперь мы буквально ползли, пытаясь заметить ту точку, где нас разворачивает. Напрасный труд – мы ничегошеньки не заметили.

Когда мы вернулись на ферму, я позвонил Берт и Джинго и попросил их подъехать ко мне. Они в свою очередь попробовали вызволить Рикарда, сначала порознь, потом оба вместе, но добились не большего, чем я.

Тогда я попытался выбраться сам, без журналиста, следующего за мной по пятам, и – что бы вы думали? – вы-

брался без всяких приключений. Смотался на шоссе номер шестьдесят и обратно за полчаса. Я решил, что лед сло-ман, и сделал новую попытку вывести машину Рикарда, но не тут-то было...

К полудню мы установили все с полной точностью. Любой из старожилов мог преспокойно выехать из доли-ны, только не Рикард.

Элен уложила миссис Рикард в постель и дала ей успо-коительного, а я отправился к Хиту. Он обрадовался мне и выслушал, но вот ведь незадача: пока я говорил, мне все вспоминалась моя догадка, что он умеет растягивать и сжимать время. Когда я закончил, он помолчал минутку, словно взвешивал, верное ли решение принял.

— Странная это история, Кэлвин, — сказал он наконец. — Вроде бы и не справедливо, что Рикарды заперты в нашей долине помимо собственной воли. А если разобраться, для нас самих это удача. Рикард собирался написать про нас в газетах, и, если бы он исполнил свое намерение, мы сразу оказались бы в центре внимания. Сюда набежала бы куча народу — другие газетчики, чиновники, умники из универ-ситетов и просто любопытные. Они исковеркали бы всю нашу жизнь, а то еще стали бы предлагать нам за наши фермы большие деньги — много больше того, что они сто-ят на самом деле, — и погубили бы нашу долину. Не знаю, как тебе, а мне долина нравится как она есть. Она напоми-нает мне... ну, в общем, дорогое для меня место.

— Рикард может передать свою статью по телефону, — возразил я, — или переслать почтой. К чему задерживать его здесь, если статью все равно напечатают?

— Думаю, что не напечатают, — ответил он. — Да нет, я

совершенно уверен, что он не станет ни передавать свою статью по телефону, ни посылать по почте.

Я ехал к Хиту готовый, если понадобится, замолвить за Рикарда словечко, но поразмыслил хорошенько над тем, что услышал, и не стал ничего говорить.

В самом деле, если существует некий принцип или некая сила, которые поддерживают жителей долины в добром здравии, гарантируют им хорошую погоду и вообще облегчают жизнь, то, разумеется, все остальные на всем белом свете ничего не пожелают, лишь бы заполучить такое чудо в свое распоряжение. Пусть это эгоизм, но я не верю, что подобный принцип или силу можно распределить так, чтобы хватило на всех. И если кому-то суждено использовать эту силу в своих интересах, то лучше уж пусть она останется на веки вечные здесь, в долине, где проявила себя впервые.

И еще одно: если мир услышит, что мы владеем такой силой либо принципом и не можем или не хотим ими поделиться, все затаят на нас злобу, да что там злобу, просто возненавидят нас, как лютых врагов.

Вернувшись домой, я поговорил с Рикардом и даже не пытался скрыть от него правду. Он вскипел и хотел было тут же двинуться к Хиту выяснять отношения, но я ему отсоветовал. Ведь у него не будет никаких доказательств, и он окажется в идиотском положении – Хит, вероятно, станет вести себя так, словно вообще не понимает, о чем речь. Рикард сначала ерепенился, спорил, но в конце концов согласился, что я прав.

Заезжее семейство прожило у меня на ферме дней пять, и от случая к случаю мы с Рикардом делали пробные вы-

езды, просто чтобы попытать счастья, но все было по-прежнему. Убедившись в этом, мы снова позвали Берта и Джинго и держали военный совет. К тому времени миссис Рикард немного оправилась от потрясения, дети вошли во вкус жизни на вольном воздухе, а что касается пса, тот определенно поставил себе целью загнать и облаять каждого кролика, сколько бы их ни нашлось в долине.

— Чуть выше на склоне есть бывшая ферма Чендлера, — додумался Джинго. — Там давненько никто не живет, но она в приличном состоянии. Можно кое-что подновить, и будет очень удобно.

— Но я не хочу оставаться здесь! — запротестовал Рикард. — Не могу же я в самом деле переселиться сюда!

— Кто сказал «переселиться»? — вмешался Берт. — Вам просто надо немного переждать. Придет день, обстоятельства переменятся, и вы свободно уедете, куда захотите.

— Но моя работа!.. — воскликнул Рикард.

И тут слово взяла миссис Рикард. Нетрудно было догадаться, что происходящее нравится ей ничуть не больше, чем мужу, но в ней внезапно проснулся тот практический здравый смысл, каким подчас отличаются женщины. Она усвоила, что им суждено на время остаться в долине, и постаралась выискать в таком повороте событий свои преимущества.

— А книга, которой ты вечно угрожал разродиться? — сказала она. — Вот тебе самый подходящий случай...

Это и решило дело,

Рикард послонялся еще немного, вроде бы собираясь с духом, хотя, право же, все было ясно и так. Потом он начал поговаривать о том, как хорошо у нас в долине: мир,

тишина и никакой суеты – здесь, мол, только книги и писать...

Соседи сообща подновили ферму Чендлера, а Рикард позвонил в свою газету и под каким-то предлогом попросил отпуск. Еще он послал письмо в свой банк, чтобы ему перевели его сбережения, и засел за книгу.

Очевидно, ни в телефонных разговорах, ни в письмах он не позволил себе и намека на истинную причину, почему остался в долине, – и то сказать, это было бы попросту глупо. Так или иначе, никто не поднял вокруг его исчезновения ни малейшего шума.

А долина вернулась к обычным повседневным заботам, и после всех треволнений это было куда как приятно. Соседи делали за Рикардов все покупки, привозили им из города крупы, сахар и всякую всячину, а иногда глава семьи садился в машину и предпринимал очередную попытку выбраться на шоссе.

Но обычно он сидел за столом и писал, и год спустя успешно продал свою первую книгу. Вы, возможно, даже читали ее – она называется «Прислушайтесь к тишине». Правда, его нью-йоркские издатели чуть не рехнулись – никак не могли взять в толк, отчего он упорно отказывается высунуть нос из долины. Отказывается от лекционных турне, отвергает приглашения на званые вечера и обеды, короче, не принимает никаких почестей, вроде бы положенных автору нашумевшей книги.

И вообще успех не вскружил ему голову. К той поре, как книгу напечатали, Рикарда у нас знали и любили все от мала до велика, и он жаловал всех, кроме, пожалуй, Хита. С ним он держался подчеркнуто холодно. Что ни день, он подолгу бродил по округе – уверял, что ради моциона,

но мне сдается, что именно во время прогулок он сочинял большую часть своей книги. А то остановится у ограды и заведет с хозяином разговор о жизни — так с ним, собственно, все в долине и познакомились. Охотнее всего он рассуждал о тех временах, когда сумеет наконец вырваться из заточения, и мы, случалось, тоже подумывали, что, не ровен час, Рикарды нас и вправду покинут. Думали мы об этом с горечью, потому что из них получились хорошие соседи. Наверное в нашей долине действительно есть что-то особенное, раз она заставляет людей поворачиваться к другим лучшей стороной. Я уже говорил — нам отроду не попадались скверные соседи, а многие ли могут сегодня похвастаться тем же?

Как-то раз, по пути из города, заглянул я на минутку к Хиту поболтать, и, пока мы с ним стояли, на дороге показался Рикард. По нему было сразу видно, что никуда он особенно не торопится, а просто гуляет. Он тоже остановился, мы потолковали на разные темы, а потом он возьми да и скажи:

— А знаете, мы решили никуда отсюда не уезжать.

— Ну что ж, прекрасно, — отозвался Хит.

— Вчера вечером, — продолжал Рикард, мы с Грейс стали, как обычно, обсуждать, что будем делать, когда уедем отсюда. И вдруг оба запнулись, переглянулись и поняли, что вовсе не хотим никуда уезжать. Здесь такой покой, и ребятишкам здешняя школа нравится гораздо больше, чем в городе, и люди вокруг такие славные, что об отъезде и думать противно...

— Рад слышать это от вас, — отозвался Хит. — Только зря вы, право, сидите здесь неотлучно, надо бы и встряхнуться. Свозите жену и детишек в город, в кино...

Вот и вся недолга. Легко и просто.

Жизнь течет у нас по-прежнему хорошо, быть может, даже лучше, чем прежде. В долине все здоровы. Обыкновенный насморк и тот теперь, кажется, обходит нас стороной. Когда нам нужен дождь, идет дождь, а когда нужно солнце, то, естественно, светит солнце.

Мы не разбогатели – разве разбогатеешь, когда Вашингтон то и дело вмешивается в фермерские дела, – но живем мы, грех пожаловаться, сносно. Рикард работает над своей второй книгой, а я время от времени выхожу вечерами на крыльцо и пытаюсь отыскать на небе ту звездочку, которую Хит показывал мне однажды многие годы назад.

И все-таки мы не в силах полностью избежать огласки. Вчера вечером слушал я по радио своего любимого комментатора, а он вдруг ни с того ни с сего решил потешить публику на наш счет.

«Да полно, есть ли на свете эта Енотовая долина? – спросил он, и за его вопросом явно слышался ехидный смешок. – Если да, правительству не мешало бы в этом удостовериться. Географические карты настаивают, что такая долина есть на самом деле, статистика утверждает, что там идеальный климат и нет ни болезней, ни неурожаев – прямо-таки молочные реки и кисельные берега. И окрестные жители все как один уверены, что долина существует, но едва кто-нибудь из официальных лиц решит расследовать факты на месте – она исчезает, ее не удастся найти. Пытались звонить по номерам, которые числятся за обитателями долины, – телефонные звонки не проходят. Пытались писать – письма возвращаются к отправителям

под тем или иным предлогом, изобретенным в недрах почтового ведомства. А если те, кто ведет расследование, ожидают в соседних торговых центрах, люди из Енотовой долины отсиживаются дома и не делают покупок. Допустим на минуту, что статистика не врет, тогда властям, право же, не грешно бы поинтересоваться, в чем дело, не грешно бы изучить факторы, отличающие эту долину, и распространить их воздействие на все другие районы. Пока что мы не знаем даже, доходят ли до долины наши передачи, способны ли радиоволны проникнуть туда, куда не проникают ни письма, ни звонки, ни должностные лица. Но если да, если есть на свете Енотовая долина и кто-нибудь из ее обитателей слушает нас сейчас, быть может, он не откажется подать голос?...»

Комментатор еще раз хмыкнул и перешел к последним политическим сплетням.

Я выключил радио и сидел, покачиваясь в кресле, а сам все думал о том, почему же это иногда ни один из нас по три-четыре дня подряд не может добраться в город, а в другие дни телефоны вдруг смолкают разом безо всяких на то причин. Честно сказать, мы не раз обсуждали такие случаи между собой и советовались, не поговорить ли нам про это с Хитом, но каждый раз решали, что лучше не надо. Он наверняка соображает, что делает, и нам остается только надеяться на его здравый смысл.

Наше положение причиняет нам, конечно, известные неудобства, зато имеет и свои преимущества. Вот уже добрых лет десять у нас в долине не бывало ни зазывал, навязывающих подписку на дешевенькие журнальчики, ни страховых агентов.

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мери Хофф – его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место – должен умереть старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мери, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель – стол, стулья, шкаф – обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол – стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился и снова наступила тишина, но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под

ногами у них была теперь стена, которая стала полом, а на ней – обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов: здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь ели необходимое количество пищи – не больше и не меньше; пили необходимое количество воды – не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников – и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время – может быть, скоро – покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, сполна вернет все, что взял от общества, заплатит свой последний долг – и даст право Джону и Мери иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка, – думал Джон, стоя среди обломков, – нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну – так завещал его давно умерший отец, которому он поклялся и теперь должен сдерживать клятву. И еще одно завещал ему отец – беспокойное ощущение того, что закон несправедлив.

Хотя законы всегда были справедливыми, ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен вскрыть его, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». «А это возможно, и есть крайняя необходимость», – сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

– Джон, – сказала Мери, – это был Грохот. Теперь скоро Конец.

– Не знаю, – ответил Джон. – Поживем – увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

– Говорят... – начала Мери, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только *говорилось*; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом:

– Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть, но написанное словоечно и неизменно. Оно не забывает и не меняет своего значения. На него можно положиться.

– Говорят, – продолжала Мери, – что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся в черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? – подумал Джон. – Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего – и Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?»

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, – не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда придет конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно: ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего – ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре слышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

– Джон! Джон! Звезды остановились!

– Я так и знала! – воскликнула Мери. – Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было войти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

«Почему я не подумал об этом раньше, – спросил он себя. – Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...»

– Иду, Джо, – сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: «Теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было».

Джо схватил его за руку и сказал:

– Пойдем.

Они вошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано – звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды – не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Они молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убирали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины – самое дорогое достояние каждой семьи, – снимали лестницы.

Мери Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это получилось, что каждая Священная Картина немного отличается от других. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было Дерево, и еще были овцы под Деревом, и Изгородь, и ручей, а в углу – несколько крохотных Цветов. Ну, и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мери ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого необыкновенная торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает – просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех – счастливых или неудачников, – у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

«Но большинство из них, – думал Джон, медленно шагая вперед, – всю жизнь только и делали, что искусно убивали время». Как они с Джо с их бесконечными шахматами и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий

ход. «А почему бы и нет, – спросил он себя. – Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?»

В коридоре уже никого не было, и стало темнее, потому что здесь горели только редкие лампочки. В течение многих лет лампочки из коридоров переставляли в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал, – а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, – хотя и знал, что никого не будет; но все-таки вдруг кто-то появится, – рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел, к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье: «Раздался Грохот. Звезды остановились. Да, это и есть тот случай, — подумал он, — случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок — это и есть крайний случай».

Он держал Письмо в руке и колебался. Если он вскрыет его, все будет кончено. Больше не будет передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а концом будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения истины, которое к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а, по мере того как корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта человека не умерла где-то среди далеких звезд.

К тому времени, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой,

что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но письмо говорило, что это ложь — была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? «Книга, — вспомнил он. — Книга скажет, что такое назначение».

Дрожащими руками он вытащил книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначать... назначение».

«Назначение» (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направлялся. Придет день, когда он достигнет цели. И, конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно поверить, ведь движется не Корабль, а звезды. «Должно быть какое-то другое объяснение», — подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал, и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под покровом доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания – ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда он туда придет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл, Джон посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему – увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами – никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

Мой любимый к звездам уплыл,

Он не скоро вернется назад...

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

– Мы тебя искали.

– Я ходил гулять, – ответил Джон. – Далеко – на цен-

тральные этажи. Там все наоборот. Теперь они вверху, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

– Звезды весь день не двигались, – заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

– Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это – начало Конца.

– А что такое Конец? – спросил Джон.

– Не знаю, – ответил Джо и вернулся к игре.

«Конец, – подумал Джон. – И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль, или деньги, или звезды».

– Сегодня мы собираемся, – сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? – спросил он себя. – А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда – в Мифе или в Письме?

Он разыскал свою каюту и вошел. Мери лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

– Наконец-то, – произнесла она.

– Я прогуливался, – сказал Джон.

– Ты прогулял обед, – заметил Мери. – Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

– Спасибо.

Мери зевнула.

– День был утомительный, – сказала она. – Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

– Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: «А что, если сказать ей?» Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. «Нужно следить за собой», – подумал он. – Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него, и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он – дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

– Я думаю, – сказал он, и она спросила:

– О чем тут думать?

И, конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай, и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но каков будет этот Конец – остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они – символ этой надежды. Ведь на картинах запечатлены символические образы иных

мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), и все эти символические образы снабжены названиями: Дерево, Ручей, Небо, Облако и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например, Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мери, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что это все — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось, чтобы привыкнуть, — думал он, — Их Корабль перевернулся вверх ногами — и все же это к лучшему».

А вдруг в конце концов правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем бы он мог поговорить. Даже с Мери. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, Джордж, Херб и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе

интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом, и глаза у него были честные, а его чуточку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили еще с пеленок и всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость — они обязательно были в нее замешаны...

«Может быть, Джо... — Джон покачал головой. — Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказать.»

— Ты все еще думаешь, дорогой? — спросила Мери.

— Кончаю, — ответил Джон. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что сказала Луиза, а что — Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — согласился Джон, — действительно большое утешение.

Она встала с кровати.

– Пойду к Луизе. Ты остаешься здесь?

Она нагнулась и поцеловала его.

– Я погуляю до собрания, – сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хромотал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице – та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

– Опять пришел помидоры воровать?

– На этот раз нет.

– Ты тогда был с другим парнем.

– Его звали Джо.

– Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать. – Он спокойно улыбнулся. – Немного мне теперь осталось. Вам с Мери не придется долго ждать.

– Сейчас это не так уж важно, – сказал Джон.

– А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

– Но таков закон, – сказал Джон. – Ни я, ни вы, ни Мери тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

– Посмотри на мои новые помидоры – лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем спели.

Он сорвал один – самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней – переливающийся сок.

– Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

– Ты что-то хотел сказать, парень?

Джон помотал головой.

– Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, – сказал Джошуа. – Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело – и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

– А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил ко мне поговорить, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

– Я тогда нарушил закон, – сказал Джон, – я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

– А я нарушил закон сейчас, когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что он основан на разуме, а от одного помидора разум не пострадает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

– Но нарушать закон нельзя.

– Послушай, – сказал Джошуа. – Помнишь сегодняшнее утро?

– Конечно.

– Посмотри на эти рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

– Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

– А как же стеллажи? Ведь они...

– Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

– Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы – продолжение тех, что шли по стене.

– Стеллажи прикреплены к этим рельсам, – продолжал Джошуа. – А внутри у них – ролики. И, когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

– Так было задумано, – сказал Джон. – Корабль...

– Чтобы закон был справедлив, – продолжал Джошуа, – он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон – это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, – мы могли бы его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене – то есть на бывшей стене – нужно чистить и смазывать. Иногда я думал – зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но

это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны, и стеллажи скатились по ним. Им ничто не мешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать? — спросил Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону, до тех пор пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят. «Все, что ни случается — к лучшему». — Он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или

казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, – а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле, о законах и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения. Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов, – разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но, если не включать их – растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы – на других. На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель. И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

– Я никогда обо всем этом не думал, – сказал Джон.

– А ты вообще никогда не думал, – ответил Джошуа. – Во всяком случае, почти никогда.

– Никто не думает.

– В том-то и беда, что никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин и даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось – все к лучшему, и этого с них хватает.

– Я только что начал думать.

– Ты что-то хотел у меня спросить. Зачем-то ты все же ко мне пришел?

– Теперь это неважно. Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянувшихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме – основание и цель. Но кроме правды есть еще неправда, и чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мери и встал рядом с ней. Она взяла его под руку и улыбнулась.

– Ты опоздал, – прошептала она.

– Виноват, – ответил он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, – своего друга Джо, Грега и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, потому что для этого нужно быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, и Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мери пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, Вера и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мери, она сказала, что Вера – большое утешение. И это была правда. Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец – тоже к лучшему.

«А им нужно утешение, – подумал он. – Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему».

«...Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

«Вот оно, – подумал Джон. – Вот оговорка, которая их утешает – сознание того, что только они одни укрыты и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения?» И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

Он как Джошуа, сказал он себе. Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения.

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину – на Дерево, на Цветы, на Реку, на Дом вдалеке и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. «Где же такое место, – подумал он. – А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?»

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. *Запертых!* Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь, и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мери в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо, о долгих, темных ночах, когда рядом с ним была Мери.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, назначении и цели.

«Что же мне делать, – спросил он себя. – По какой дороге идти? Что значит Конец?»

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине. «Сейф», – было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал

перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней – машина, а в углу – большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве, при ярком свете лампы, освещавшей кровать, машину и стальной ящик, он почувствовал леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, – остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание, и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

Нет, возразил он сам себе, не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения. И он знал, что он сам, если бы имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот наконец результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка, и пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка.

Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату,

стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где находится, почему и многое другое. Знал то, чего не знал раньше, и это теперь напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было мерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — не с самого солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

«Не может быть, — сказал он себе. — Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной и даже меньше, чем ничто — просто шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд.

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

«Знания хранятся там, — подумал он, — так было сказано в Письме. Знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека».

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупинки старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя за собой гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний

этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — ответил Джон.

— Ты уже три дня «так гуляешь», — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать. Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями. У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — набожный, примерный.

Он покачал головой.

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

«Но, если бы он узнал, — подумал Джон, — он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси. Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль».

– Давай сыграем, – решительно сказал он.

– Значит, так, Джон? – спросил Джо.

– Да, так.

– Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

– Ты же всегда ходишь с королевской.

– Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

– Как хочешь.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями... Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле, и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, о книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель

– забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они – это все, что Корабль – Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным вмешательством, и что вся их упорядоченная жизнь направляется хорошо разработанным божественным планом, по которому все идут к лучшему.

Они играли в шахматы, карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали так не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, так как, что бы ни произошло – все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им уют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им некуда было идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

«Младенцы, – подумал Джон. – Младенцы, прижимающиеся к матери и бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают».

Было сказано, что когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести, но, когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если – Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, – если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспособлялся. Он все помнил даже тогда, когда его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга и человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без человека, но в последний момент он понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

«А я, – сказал себе Джон Хофф, – и есть этот человек».

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он подумал о других людях: о Джоне, Хербе, Джордже и обо всех остальных, – и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове: знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало –

нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука – твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его – и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там было много свернутых листов бумаги, а под ними – десятки книг, и в одном из углов – стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу – под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт и увидел два ключа. На одном было написано: «рубка управления», на другом – «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман, взялся за капсулу и быстрым движением разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок – в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был не тяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы – силы человека, который может убивать, – и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из

свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его – это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один – это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль, в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем – машинное отделение.

Он расправил чертеж, взгляделся и увидел, что в нем что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все верно. И он подумал, что так и должно было быть; много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, – специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой – это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадываться, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился – как он мог быть в запертом помещении, ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что

конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой – за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад-вперед и глядя на чертежи, и думал: «Если мне были нужны еще доказательства, то вот они – планы и чертежи Корабля; планы, созданные и вычерченные людьми, мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование».

Он подумал о Священных Картинах: «А что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так, потому что они были таким утешением. Вера тоже была утешением».

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате с машиной, кроватью и ящиком, он съел и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

– Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

– Книги! – воскликнул Джо.

Это слово было неприличным, и Джо произнес его соответственно. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

– Джо... – попытался оправдаться Джон.

– Ты не хотел мне сказать. Ты не хотел моей помощи.
Еще бы!

– Джо, послушай...

– Прятался и читал книги!

– Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец...

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было ни пощады, ни даже жалости.

– Джо!

Он резко повернулся и бросился к двери.

– Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они его поймают...

Когда они поймают Джона Хоффа – это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, гений и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное, преступное расточительство. Нельзя допускать этого. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а в нем все росла ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мери, Херба, Луизы, Джошуа...

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: «Как хорошо, что я много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте». Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет – и впереди услышал топтливые, неверные шаги того, за кем гнался,

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу скорчившись, и в голове у него билась мысль: «Я убил Джо, своего друга».

Но это не был Джо – мальчишка, с которым он вырос. Это не был человек, сидевший напротив него по ту сторону шахматной доски. Это не был Джо – его друг. Это был

кто-то другой – человек с лицом судьи, побежавший созвать толпу, и который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он разглядел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

«Не расточай! Не выбрасывай!» Эти неписанные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них – он убил человека. Убил своего друга.

«Правда, – сказал он себе, – он не был мне другом. Он был врагом – врагом всем нам».

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы унять дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке это было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти, не должны узнать, что произошло. Самое понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь, потому что если убил

один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, то его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а, когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману — ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела и отступил к металлической стене. Его опять затошнило, а в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, о том давно умершем человеке, который написал Письмо и обо всех других, кто предавал его, совершая преступление ради истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил на плечи. Оно безжизненно повисло, раздалось бульканье, и что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению.

Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярко горели огни, и раздавалось жужжание и повизгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое — назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

«Я должен от него избавиться, — с горечью подумал Джон Хофф. — Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще, — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!»

Джон нашел люк конвертора и уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул посильнее, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бу-

шующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжкое бремя все равно осталось с ним. И осталось навсегда, подумал он. Навсегда!

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи они – призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь – шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

– Что ты сделал, парень?

– Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа:

– Было ли у тебя основание?

– Да. Основание и цель.

– Тебе нужен друг, мой мальчик, – сказал Джошуа.

Джон кивнул.

– Я узнал цель корабля. И назначение. Он застал меня.

Он хотел донести. Я... я...

– Ты убил его.

– Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Наконец старик произнес:

– Это неправильно – взять жизнь. Неправильно и недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Так же неправильно обречать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю. Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, парень. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкали, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к этой звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

«А ведь я знал, как это может выглядеть, — подумал Джон. — В отличие от него, я имел какое-то представление».

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем, некогда узнавать его поближе. Все, что нужно, он должен сделать только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг — неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: «А что мы должны делать?»

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот», медленно забрался в него, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, привыкнуть к мысли, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда! — воскликнул Джошуа. — Вот эта, большая, налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу — что-то было неладно, и очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал — он был слишком близко, слишком огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос, нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станет с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому не было все безразлично, были те люди, на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу.

Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок, циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждалась. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

Бесполезно, сказал он себе. Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем.

– Я не сумею это сделать, Джошуа, – простонал он. – Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И, когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на солнце.

Джон не знал, где искать планеты, и Корабль двигался слишком быстро – намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

– Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги, карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти – самые главные, и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем – это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

– Разбираешься? – спросил Джошуа.

Джон покачал головой.

– Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения

на солнце. Проскочить мимо солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения – сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к солнцу. Вот как это делается – по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

– Мы долго здесь пробудем, – сказал Джошуа.

Джон кивнул.

– Да, пожалуй. Это займет много времени.

– Тогда, – сказал старик, – я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

– А Мери? – спросил он.

Джон покачал головой.

– Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

– У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его:

– Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

– Пожалуй, ты прав, – сказал старик, – Я пойду принесу поесть..

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на солнце. Он пройдет близко – слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием солнца, и он будет лететь по орбите – по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на солнце. Пока Корабль не повернет обратно к солнцу, Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное – он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время и кое-что знал, а Джошуа пошел за едой. Но времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся – как это люди, запустившие корабль с Земли, и те, кто управлял им до того, как пришло Невежество, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» – звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только и нужно было – дать задание.

Весь секрет был в том – как же приказать Кораблю, что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но, когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи – некоторые знакомые, а некоторые незнакомые, но самое главное – он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты, – если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа, Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по комнате, боясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету, но, услышав стук, оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все с ненавистью кричали на него, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные – мужчины и женщины. Он поискал глазами Мери, но не нашел ее.

Толпа рвалась вперед. На лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как его окутала волна страха, исходившая от них.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и

нажал кнопку – только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

– Это пистолет. Из него я могу вас убить и сделаю это, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Возвращайтесь туда, откуда пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

– Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

– Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко, – подумал он, – говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

– Джо пропал, – сказал Херб. – Мы ищем его.

– Можете больше не искать.

– Но Джо был твоим другом.

– И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

– Мы отлучим тебя от церкви.

– Отлучите меня от церкви, – насмешливо повторил Джон.

– Мы сошлем тебя в центр Корабля.

– Мы были ссыльными всю нашу жизнь, – сказал Джон, – в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам – мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. А когда я прихожу и доказываю вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная по-

тому, что мы должны были иметь сказку – должны были, – вы готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход. – Он похлопал рукой по пистолету. – Вот выход.

– Джон, ты сумасшедший.

– А ты дурак, – сказал Джон. Сначала он испугался, потом рассердился, а теперь чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы. – Что вы сделали с Джошуа?

– Мы связали его, – ответил Херб.

– Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались, но он сделал угрожающее движение пистолетом.

– Идите!

Они побежали.

Джон захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу – вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много времени, а Джошуа все не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем. Как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно – по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Джон снова уставился на пульт управления. Теперь все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов, это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное – есть время. Много времени, необходимого для того, чтобы все обдумать и рассчитать.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, – вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился – как приказывать Кораблю. А это делалось так – нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово – «автоматический». Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще – с надписью «орбита и «приземление».

«Наконец-то, – подумал он. – После всех волнений и страха – это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались – или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, сошли бы с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим – забвение. К нему и прибегли, что было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эти годы.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели – прямо и точно».

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел и стал ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять принялся ждать.

Еще один шанс – и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Теперь или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ, и никакого другого – повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался – нельзя было рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть и сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, то превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления – как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость, сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал, лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, потом проснулся, снова задремал – и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом, открыл ее – и, споткнувшись на пороге, в

рубку упала Мери. В одной руке у нее был бак, в другой – мешок. А по коридору бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мери внутрь, захлопнул и запер дверь. Он слышал, как бегущие тела ударились в нее, заколотили палками, заорали.

Джон нагнулся над женой.

– Мери, Мери. – Горло его сжалось, он задыхался.

– Я должна была прийти, – сказала она, плача. – Должна, что бы ты там ни сделал.

– То, что я сделал, – к лучшему, – ответил он. – Это была часть плана, Мери – я убежден в этом, – часть общего плана. Люди там, на Земле, все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

– Ты еретик, ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

– Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, наклонила и прижала к себе.

– Мне все равно, – сказала она. – Теперь все равно. Раньше я боялась и была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя – я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

– Что такое?!

– Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не одного. Были и другие – очень мало, – которые хотели идти помогать тебе, но их тоже убили. На Корабле – сплошные убийства, ненависть, подозрения и всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

«Культура за какие-то часы разбилась вдребезги, – подумал он. – А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть».

– Они боятся, – сказал он. – Они больше не чувствуют себя в безопасности.

– Я пыталась прийти раньше. Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды, но мне пришлось ждать, пока за мной не перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

– Вот еда и питье – это все, что я могла притащить.

– Жена моя, – нежно сказал он. – Моя дорогая жена...

– Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

– Сейчас. Сейчас буду есть... Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

– Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она – Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мери и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно», – было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиоле-

товом излучении и разных других вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина — как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мери. — Они смертельно испуганы и не уйдут с Корабля.

«Она права, — сказал он себе. — Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений, находили в нем кров и защиту. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно, потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов. Это была скорлупа, из которой они уже выросли. Это было материнское лоно, выйдя из которого человечество должно обрести второе рождение.

Мери спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

– Но, Джон, эти убийства...

– Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но, чтобы начать, нужно... – Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. – Нужно руководство – чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил, что делать, объединял их.

«Я надеялся, что все кончилось, – подумал он с горечью, – а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И, что бы я ни сделал, конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит книгами – наверное, самыми главными, – которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции – указания, оставленные вместе с книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«Инструкция. Выполнить после посадки». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

– Это было предусмотрено на Земле, – сказал он. – Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества – единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять – любой. Они

смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события. — Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо. — И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас из Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и, чуть потрескивая, как старая пластинка, загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мери за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все до конца. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон...

— Да?

— А теперь мы можем иметь детей?

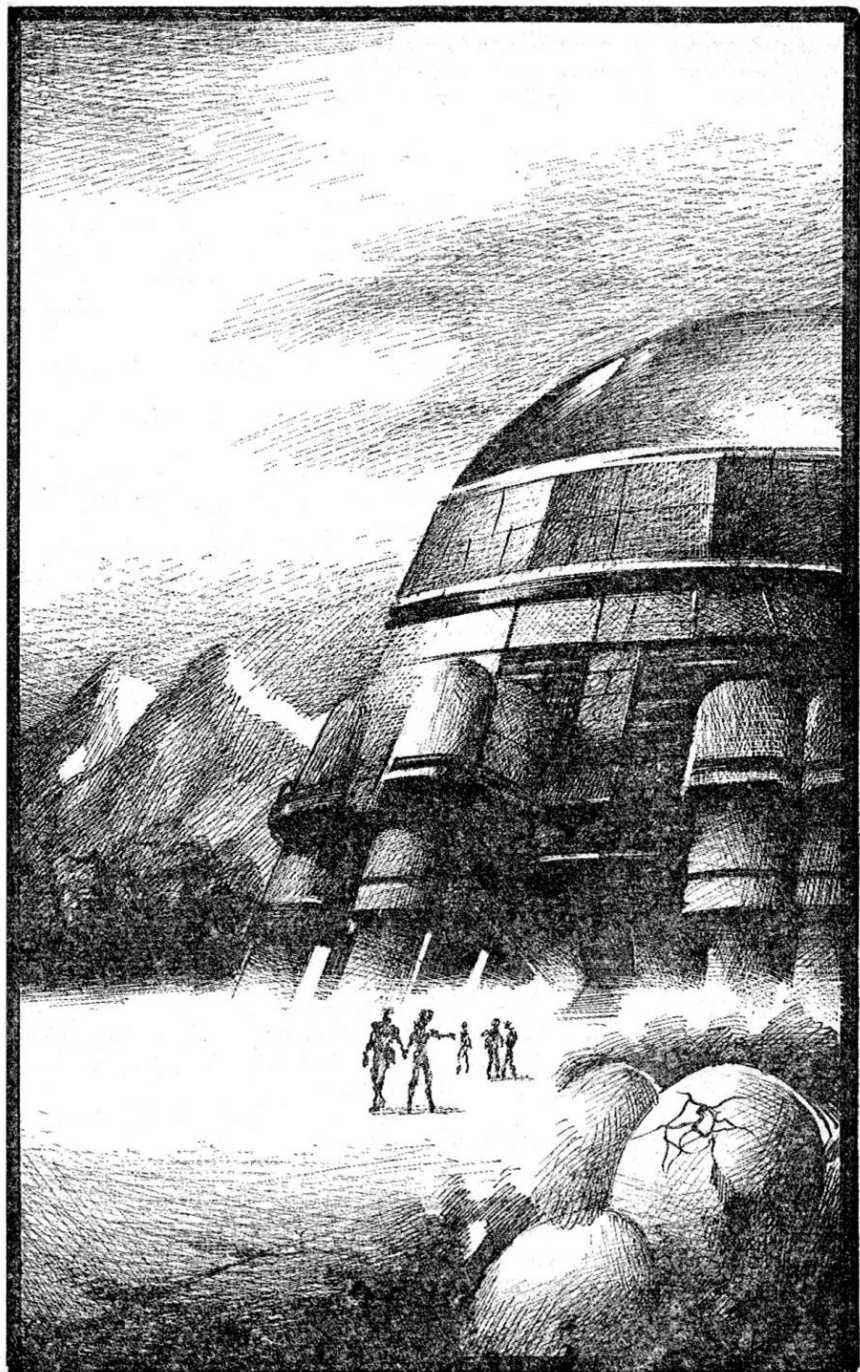
— Да, теперь каждый, кто хочет, может иметь детей. На Корабле нас было так много. На этой планете нас будет так мало.

— Место есть, — сказала Мери. — Много места.

Он отпер дверь рубки и они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мери прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

– Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страх многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

– Постой, – сказал он. – Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты – обнаженные, испуганные, лишённые безопасности, которая окружала их.

Но, когда наступит этот миг, – он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что, если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

НА ЮПИТЕРЕ

Четверо людей – двое, а некоторое время спустя еще двое – скрылись в воющем аду, который зовется атмосферой Юпитера, и не вернулись. Они отправились навстречу бешеному урагану – легкой рысцой, вернее, стелющимися прыжками, – волоча брюхо над самой землей, и их крутые бока блестели от дождя.

Ибо они покинули станцию не в человеческом облике.

А теперь перед столом Кента Фаулера, директора станции № 3 Топографической службы Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера дряхлый Таузер почесал блошинный укус и, свернувшись поудобнее, снова уснул.

У Фаулера вдруг защемило сердце – Гарольд Аллен был очень молод, слишком молод... Беспечная юношеская самоуверенность, прямая спина, бесхитростные глаза, лицо мальчика, еще не знающего, что такое страх. И это было удивительно. Люди, работавшие на станциях Юпитера, хорошо знали, что такое страх – страх и смирение. Человек казался таким крохотным перед лицом могучих сил чудовищной планеты!

– Вы знаете, что не обязаны это делать, – сказал Фаулер. – Вы не обязаны идти туда.

Конечно, это была формальность. Тем четвертым было сказано то же самое, но они пошли. И Фаулер знал, что пойдет и пятый. Но внезапно в его душе шевельнулась слабая надежда, что Аллен все-таки откажется.

– Когда мне выходить? – спросил Аллен.

Прежде этот ответ пробуждал в Фаулере тихую гордость – прежде, но не теперь. Сдвинув брови, он ответил:

– Через час.

Аллен спокойно ждал дальнейших инструкций.

– Четыре человека ушли и не вернулись, – сказал Фаулер. – Как вам, конечно, известно. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Нам не нужно, чтобы вы предпринимали героическую спасательную операцию. От вас требуется одно – вернуться и доказать, что человек способен существовать в юпитерианском облике. Вы дойдете до ближайшего тригонометрического знака и сразу же вернетесь. Не рискуйте. Не отвлекайтесь. Ваша главная задача – вернуться.

Аллен кивнул.

– Я знаю.

– Конверсию произведет мисс Стэнли, – продолжал Фаулер.

В этом отношении вам нечего опасаться. Все ваши предшественники, насколько можно судить, выходили из конвертора в оптимальном состоянии. Вы будете в надежных руках. Мисс Стэнли – первоклассный специалист по конверсиям, лучший в Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Вот почему она здесь.

Аллен улыбнулся мисс Стэнли, и Фаулер заметил, что на ее лице мелькнуло непонятное выражение – может быть, жалость, или гнев, или просто страх. Но оно тут же исчезло, и мисс Стэнли улыбнулась юноше, стоявшему перед письменным столом. Улыбнулась неохотно, своей обычной чопорной улыбкой учительницы.

– Я с нетерпением предвкушаю мою конверсию, – сказал Аллен.

Его тон превратил происходящее в шутку, в нелепую сардоническую шутку.

Но то, что ему предстояло, меньше всего походило на шутку.

Дело было более чем серьезным. Фаулер знал, что от исхода их опытов зависит судьба людей на Юпитере. В случае успеха они получают легкий доступ ко всем ресурсам этого гиганта. Юпитер покорится человеку, как покорились все остальные планеты. Но если опыты окончатся неудачей...

Если они окончатся неудачей, человек на Юпитере по-прежнему будет скован по рукам и ногам невероятным атмосферным давлением, огромной силой тяжести, смертоносной для него химией планеты. Человек по-прежнему останется пленником внутри станций, он так и не выйдет сам на ее поверхность, так и не увидит ее прямо, без помощи приборов, а должен будет и дальше полагаться на громоздкие тракторы и телепередатчики, должен будет работать с неуклюжими механизмами и инструментами или прибегать к посредничеству столь же неуклюжих роботов.

Ибо ничем не защищенный человек в своем естественном виде был бы мгновенно расплюснут чудовищным атмосферным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, по сравнению с которым на дне земного океана царит вакуум.

Даже самый твердый металл, какой удалось создать землянам, не выдерживал этого давления и щелочных ливней, непрерывно обрушивающихся на поверхность Юпитера. Он становился хрупким, расслаивался, рассыпался, как сухая глина, или растекался лужицами аммиачных солей. Только когда удалось повысить крепость этого

металла, усилив его электронные связи, были, наконец, созданы купола, способные противостоять весу тысячемильных толщ бешено крутящихся ядовитых газов, из которых состояла атмосфера планеты. Но и теперь купола, а также все аппараты и механизмы приходилось покрывать толстым слоем кварца, чтобы защитить металл от дождя — от едких струй жидкого аммиака.

Фаулер поймал себя на том, что слушает гул машин в подвальном этаже станции. Шум этот не смолкал никогда. Машины работали непрерывно, потому что, остановись они хотя бы на мгновение, в металлические стены купола перестала бы поступать дополнительная энергия, электронные связи ослабели бы и станции пришел бы конец.

Таузер вылез из-под стола и начал выкусывать очередную блоху, громко стуча ногой по полу.

— Что-нибудь еще? — спросил Аллен.

Фаулер покачал головой.

— Если вам нужно чем-то заняться... Может быть, вы...

Он намеревался сказать: «Вы хотели бы написать письма», но спохватился и не докончил фразы.

Аллен поглядел на часы.

— Я приду вовремя, — сказал он, повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стэнли пристально смотрит на него, но ему меньше всего хотелось встретить ее взгляд, а потому он наклонился и начал перебирать лежащие на столе бумаги.

— И долго вы намерены продолжать? — спросила мисс Стэнли, злобно отчеканивая каждое слово.

Тогда он повернул кресло и посмотрел на нее. Ее губы были сжаты в жесткую узкую полоску, а зачесанные назад

волосы так сильно оттягивали кожу лба, что лицо приобрело странное, почти пугающее сходство с восковой маской.

Стараясь придать своему голосу сдержанность и спокойствие, Фаулер ответил:

— До тех пор, пока в этом будет нужда. До тех пор, пока сохранится хоть какая-то надежда на успех.

— Вы намерены и дальше приговаривать их к смерти, — сказала она. — Вы намерены и дальше гнать их в рукопашный бой с Юпитером. Вы и дальше будете сидеть на станции в безопасности и посылать их наружу умирать.

— Сентиментальность здесь неуместна, мисс Стэнли, — Фаулер сдержал закипавший в нем гнев. — Вы не хуже меня знаете, почему мы это делаем. Вам известно, что человеку в его естественном виде с Юпитером не справиться. Следовательно, людей необходимо превратить в существа, которым такая задача по плечу. Мы уже делали это на других планетах. Если мы в конце концов добьемся успеха, жертвы окажутся не напрасными. На протяжении всей истории люди жертвовали жизнью ради того, что теперь представляется нам нелепостью, повинувшись побуждениям, теперь для нас неприемлемым. Так неужели же то, к чему стремимся мы, не стоит жертв?

Мисс Стэнли сидела выпрямившись, и на ее седеющих волосах лежали блики света. Фаулер смотрел на нее, стараясь понять, что она сейчас чувствует, о чем думает. Не то чтобы он ее боялся, но в ее присутствии он всегда испытывал некоторую неловкость. Ее пронизательные голубые глаза замечали слишком многое, ее руки выглядели чересчур умелыми. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой, си-

деть бы в кресле-качалке с вязаньем! Но нет, она была лучшим специалистом по конверсиям во всей Солнечной системе, и ей не нравилось, как он исполнял свои обязанности.

– Тут что-то не так, мистер Фаулер, – объявила она.

– Вот именно, – согласился Фаулер. – Потому-то я и посылаю Аллена в одиночку. Возможно, он установит, в чем дело.

– А если нет?

– Я пошлю кого-нибудь еще.

Мисс Стэнли поднялась, направилась было к двери, но остановилась перед столом.

– Когда-нибудь, – сказала она, – вы станете большим начальником. Вы не упускаете ни одного шанса. И вот он – ваш шанс! Вы поняли это сразу же, едва вашу станцию выбрали для проведения опытов. Если вы добьетесь своего, то подниметесь на ступеньку-другую. Неважно, сколько людей погибнет, но вы-то подниметесь на ступеньку-другую.

– Мисс Стэнли, – резко сказал Фаулер, – Аллену скоро идти. Будьте добры проверить вашу машину...

– Моя машина тут ни при чем, она работает точно по параметрам, заданным биологами, – произнесла мисс Стэнли ледяным голосом.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как замирают в коридоре ее шаги.

Конечно, она права. Параметры установлены биологами. Но и биологи могут ошибаться. Малейшее отличие, крохотное отклонение – и конвертор пошлет на поверхность планеты уже не то существо, которое имели в виду

они. Существо в чем-то неполноценное, которое не сможет выдержать тех или иных условий или обезумеет, или вообще окажется нежизнеспособным, причем по совершенно неожиданным причинам.

Ведь о том, что происходило за стенами купола, люди знали очень мало — в их распоряжении не было ничего, кроме показаний приборов. И эти сведения, полученные с помощью приборов и автоматических механизмов, были менее всего исчерпывающими, потому что Юпитер был невероятно громаден, а станций была горстка.

Биологи, изучавшие пластунов — по-видимому, высшую форму юпитерианской жизни, — потратили больше трех напряженнейших лет на собирание данных о них, а потом еще два года на проверку этих данных. На Земле такая работа заняла бы не больше двух недель. Однако трудность заключалась в том, что обитателей Юпитера нельзя было доставить на Землю. Искусственно воссоздать юпитерианские условия не представлялось возможным, а в условиях земного давления и температуры пластуны мгновенно превратились бы в облачка газа.

И все-таки эту работу необходимо было проделать, иначе человек никогда не ступил бы на поверхность Юпитера в облике пластуна. Ведь прежде чем конвертор мог преобразить человека в другое существо, требовалось узнать все физические особенности этого существа — узнать совершенно точно, так, чтобы исключить самую возможность малейшей ошибки.

Аллен не вернулся.

Тракторы, прочесавшие окрестности станции, не обна-

ружили никаких его следов — если только быстро скрывшееся из виду существо, о котором сообщил один из водителей, не было пропавшим землянином в облике пластуна.

Когда Фаулер высказал предположение, что в параметры могла вкратиться ошибка, биологи усмехнулись самой презрительной из своих академических усмешек и терпеливо растолковали ему, что параметры отвечают всем необходимым требованиям. Когда человека помещали в конвертор и нажимали кнопку включения, человек становился пластуном. Он выходил наружу и скрывался в мутной тьме атмосферы.

«А вдруг какое-нибудь неуловимое уродство, — сказал Фаулер, — крохотное отклонение в организме, что-то, не свойственное настоящим пластунам...» «Чтобы выявить такое отклонение, — сказали биологи, — потребуются годы».

Но теперь пропавших было уже не четверо, а пятеро, и Гарольд Аллен скрылся в туманах Юпитера напрасно и бессмысленно. Он исчез, а к их знаниям это не прибавило ничего.

Фаулер протянул руку и пододвинул к себе анкеты сотрудников станции — тонкую пачку бумаг, аккуратно скрепленную зажимом. Он многое дал бы, только бы избежать того, что предстояло, но избежать этого было нельзя. Узнать причину странных исчезновений необходимо, а узнать ее можно, только послав кого-нибудь еще.

Несколько минут Фаулер сидел неподвижно, прислушиваясь к реву ветра над куполом, к незатаивающему вою урагана, яростно бушующему по всей планете из века в век.

Он спрашивал себя, не кроется ли там какая-то опасность, о которой они даже не подозревают. Затаившееся чудовище, которое пожирает пластунов, не разбирая, какие из них — настоящие, а какие — конвертированные. Впрочем, для пожирателя между ними и нет никакой разницы!

Или ошибка заключалась в самом выборе пластунов для перевоплощения? Решающим фактором, как ему было известно, послужил их разум, существование которого не вызывало сомнений. Ведь человек, конвертированный в неразумное животное, не мог долго сохранять свою способность мыслить.

А вдруг биологи, придавая решающее значение этому фактору, сочли, что он искупает какую-то другую особенность пластунов, которая оказалась неблагоприятной или даже роковой? Вряд ли. Как ни высокомерны биологи, свое дело они знают.

А может быть, ошибочна и заранее обречена на провал сама идея? Конвертирование на других планетах оказалось удачным, но из этого вовсе не следовало, что так будет и на Юпитере. Вдруг человеческое сознание не в состоянии использовать сенсорный аппарат обитателя Юпитера? Вдруг пластуны настолько отличны от людей, что человеческие знания и юпитерианская концепция жизни просто несовместимы?

Или все дело в самом человеке, в какой-то древней наследственной черте? В каком-то сдвиге сознания, который в совокупности с тем, что они находят снаружи, препятствует их возвращению? Впрочем, это вовсе не обязательно должно быть сдвигом в обычном смысле слова.

Просто некое свойство человеческого сознания, считающееся на Земле вполне нормальным, вступает в такой яростный конфликт с юпитерианской средой, что это приводит к мгновенному безумию.

Из коридора донеслось постукивание когтей, и Фаулер слабо улыбнулся. Это Таузер возвращался из кухни, куда он ходил навестить повара, своего давнего приятеля.

Таузер вошел в кабинет с костью в зубах. Он помахал Фаулеру хвостом, улегся рядом со столом и зажал кость в лапах. Его слезящиеся старые глаза были устремлены на хозяина, и Фаулер, нагнувшись, потрепал рваное ухо пса.

— Ты еще сохранил ко мне симпатию, Таузер? — спросил он, и пес застучал хвостом по полу. — Только ты один и питаешь тут ко мне добрые чувства, — продолжал Фаулер. — А все остальные злы на меня и, наверное, называют меня убийцей.

Он выпрямился и взял анкеты.

Беннет? Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс? Эндрюс намерен вернуться в Марсианский технологический институт, как только заработает денег на год вперед.

Олсон? Олсону скоро на пенсию, и он всем рассказывает, какие будет выращивать розы, когда удалится на покой.

Фаулер медленно положил анкеты на стол.

Он приговаривает людей к смерти. Так сказала мисс Стэнли, и ее бледные губы на пергаментном лице едва шевелились. Посылает людей умирать, а сам отсиживается в безопасности на станции.

Наверное, они все говорят так, особенно теперь, когда

и Аллен не вернулся. Прямо ему они, конечно, этого не скажут. Даже тот – или те, – кого он вызовет сюда, чтобы послать наружу, не скажет ему ничего подобного.

Они только спросят: «Когда мне выходить?», потому что у них на станции принята именно эта фраза.

Но он прочтет невысказанное в их глазах.

Фаулер снова взял анкеты. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть еще и другие, но что толку продолжать!

Кент Фаулер знал, что не сможет этого сделать, не сможет смотреть им в глаза, не сможет послать еще кого-то на смерть.

Он наклонился и нажал клавишу селектора.

– Я слушаю, мистер Фаулер.

– Позовите, пожалуйста, мисс Стэнли.

Он ждал, чтобы мисс Стэнли подошла к аппарату, и слушал, как Таузер вяло грызет кость. Зубы Таузера стали совсем уже никудышными.

– Мисс Стэнли слушает, – раздался ее голос.

– Будьте добры, мисс Стэнли, приготовьтесь к посылке еще двоих.

– А вы не боитесь, что слишком быстро истощите весь свой запас? – осведомилась мисс Стэнли. – Если посылать их поодиночке, вы израсходуете их вдвое медленнее и получите вдвое больше удовольствия.

– Одним будет собака.

– Собака?!

– Да. Таузер.

Фаулер уловил в ее голосе нотки ярости.

– Ваша собственная собака. Она же была с вами всю свою жизнь.

– В том-то и дело, – сказал Фаулер. – Таузер очень огорчится, если я не возьму его с собой.

Это был совсем не тот Юпитер, который он привык наблюдать на телевизионном экране. Он ждал, что увидит планету по-новому, но только не такой! Он ждал, что будет брошен в ад аммиачного дождя, вонючих газов и оглушительного рева урагана. Он ждал клубящихся туч, непроницаемого тумана, зловещих вспышек чудовищных молний.

Но он не ждал, что хлещущий ливень превратится в легкую лиловатую дымку, тихо плывущую над розово-лиловым дерном. И он не мог бы даже вообразить, что змеящиеся молнии окажутся нежным сиянием, озаряющим многоцветные небеса.

Ожидая Таузера, Фаулер напряг мышцы своего нового тела и поразился его мощи и легкости. «Отличное тело!» – подумал он и пристыженно вспомнил, с какой жалостью наблюдал за пластунами на экране телевизора.

Ведь почти невозможно было вообразить себе живой организм, построенный не из воды и кислорода, а из аммиака и водорода, и еще труднее было поверить, что подобное существо способно не хуже человека наслаждаться физической радостью бытия. Жизнь в бешеной мутной тьме за стенами станции представлялась невыносимой – ведь они не знали, что для глаз обитателей Юпитера этой мутной тьмы вообще не существует.

Ветер ласково поглаживал его, и он растерянно вспомнил, что по земным нормам этот ветер был неистовым ураганом, мчащим смертоносные газы со скоростью двести миль в час.

Его тело впитывало приятные ароматы. Но можно ли было назвать их ароматами? Ведь он воспринимал их не с помощью обоняния, не так, как раньше. Казалось, все его существо пронизано ощущением лаванды, но только это была не лаванда. Он понимал, что для обозначения такого восприятия в его распоряжений нет слов – это, без сомнения, была первая из бесчисленных терминологических трудностей, ожидающих его. Ведь слова и мысленные символы, которыми он обходился как землянин, не могли уже служить ему, когда он стал юпитерианином.

В стене станции открылась дверь тамбура, и оттуда выскочил Таузер, то есть, по-видимому, это был Таузер.

Фаулер хотел позвать собаку, и в его мозгу уже возникли нужные слова, но он не смог их произнести. Никак. Ему нечем было их произносить.

На мгновение им овладел ужас, слепой панический страх.

Как разговаривают юпитериане? Как...

Внезапно он ощутил Таузера где-то невероятно близко, ощутил неуклюжую жаркую любовь лохматого зверя, который странствовал с ним по многим планетам. Ему вдруг показалось, что существо, которое было Таузером, очутилось внутри его черепа.

И из буйной радости встречи родились слова:

– Привет, друг!

Нет, не слова, а что-то лучше слов. Мысленные символы в его мозгу, прямо им воспринимаемые и передающие оттенки смысла, которые недоступны словам.

– Привет, Таузер, – сказал он.

– А я отлично себя чувствую, – объявил Таузер. – Буд-

то опять стал щенком. Последнее время я что-то совсем расклеился. Лапы не слушаются, от зубов одни пеньки остались. Уж такими зубами кости не разгрызешь. И блохи допекают. Раньше-то я на них никакого внимания не обращал. В молодости я их и не замечал вовсе.

— Но... но... — мысли Фаулера путались. — Ты со мной разговариваешь!

— А как же! — сказал Таузер. — Я-то с тобой всегда разговаривал, только ты меня не слышал. Я старался, но у меня не получалось.

— Иногда я тебя понимал, — заметил Фаулер.

— Не очень, — возразил Таузер. — Ты, конечно, разбирался, когда я хотел есть, или пить, или прогуляться. Но ничего больше до тебя не доходило.

— Извини, — сказал Фаулер.

— Да чего там! — успокоил его Таузер. — Давай побежим наперегонки вон к тому утесу!

Только сейчас Фаулер заметил этот утес, сверкавший удивительным хрустальным блеском в тени цветных облаков — до него было несколько миль.

— Очень далеко... — нерешительно заметил Фаулер.

— Да ладно тебе! — отозвался Таузер и побежал к утесу.

Фаулер побежал за ним, проверяя свои ноги, проверяя мощь своего нового тела — сначала неуверенно, затем с изумлением. Но уже несколько секунд спустя он бежал, упиваясь восторгом, ощущая себя единым целым с розово-лиловым дерном, с дымкой дождя, плывущей над равниной.

Внезапно он ощутил музыку — музыку, которая вливалась в его бегущее тело, пронизывала все его существо и

уносила все дальше на крыльях серебряной быстроты. Музыка, чем-то похожая на перезвон колоколов, разносящийся в солнечное весеннее утро с одинокой колокольни на холме.

Он приближался к утесу, и музыка становилась все более властной, заполняя всю Вселенную брызгами магических звуков. И тут он понял, что это звенит водопад, легкими клубами низвергаясь с крутого склона сверкающего утеса.

Только, конечно, не водопад, а аммиакопад, и утес был ослепительно белым потому, что слагался из твердого кислорода.

Он резко остановился рядом с Таузером там, где над водопадом висела мерцающая стоцветная радуга. Стоцветная в буквальном смысле слова, потому что тут первичные цвета не переходили один в другой, как их видят люди, но были четко разложены не всевозможные оттенки.

— Музыка... — сказал Таузер.

— Да, конечно. И что?

— Музыка, — повторил Таузер, — это вибрация. Вибрация падающей воды.

— Но, Таузер, ты же ничего не знаешь о вибрациях!

— Нет, знаю, — возразил Таузер. — Это мне только что вскочило в голову.

Фаулер мысленно ахнул.

— Только что вскочило!

И внезапно ему самому пришла в голову формула... формула процесса, с помощью которого можно было бы создать металл, способный выдерживать давление юпитерианской атмосферы.

Фаулер в изумлении уставился на водопад, и его сознание мгновенно восприняло все множество цветов и в точной последовательности распределило их по спектру. Это случилось как-то само собой. На пустом месте – ведь он ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

– Таузер! – вскричал он. – Таузер, с нами что-то происходит!

– Ага, – сказал Таузер. – Я знаю.

– Это наш мозг, – продолжал Фаулер. – Мы используем его весь, до последнего скрытого уголка. Используем, чтобы узнать то, что должны были бы знать с самого начала.

И новообретенная ясность мысли подсказала ему, что дело не ограничится только красками водопада или металлом, способным выдержать давление атмосферы Юпитера, – он уже предвидел многое другое, хотя пока еще не мог точно определить, что именно. Но, во всяком случае, то, что должен был бы знать любой мозг, если бы он полностью использовал свои возможности.

– Мы все еще принадлежим Земле, – сказал Фаулер. – Мы только-только начинаем постигать начатки того, что нам предстоит узнать, того, что мы не сможем узнать, оставаясь просто людьми, так как наш прежний мозг был плохо приспособлен для интенсивного мышления и не обладал некоторыми свойствами, необходимыми для полноты познания.

Он оглянулся на станцию – ее темный купол отсюда казался совсем крохотным.

Там остались его сотрудники, которые не были способны увидеть красоту Юпитера. Они считали, что клу-

блещущий туман и струи ливня скрывают от их взглядов поверхность планеты. Тогда как виноваты в этом были только их глаза. Слабые глаза, не способные увидеть красоту облаков, не способные различить что-либо за завесой дождя. И тела, не воспринимающие упоительную музыку, которую рождают падающие с обрыва струи.

И он, Фаулер, тоже ждал встречи с ужасным, трепетал перед неведомыми опасностями, готовился смириться с тягостным, чуждым существованием.

Но вместо всего этого он обрел многое, что было ему недоступно в человеческом обличье: более сильное и ловкое тело, бьющую ключом радость жизни, более острый ум и мир более прекрасный, чем тот, какой когда-либо грезились мечтателям на Земле.

– Идем же! – теребил его Таузер.

– Куда ты хочешь идти?

– Да куда угодно! – ответил Таузер. – Просто отправимся в путь и посмотрим, где он окончится. У меня такое чувство, ну, просто такое чувство.

– Я понимаю, – сказал Фаулер.

Потому что и у него было это чувство – чувство какого-то высокого предназначения, ощущение величия, уверенность, что за гранью горизонта их ждут удивительные приключения... Нет, нечто большее, чем самые захватывающие приключения!

И он понял, что пять его предшественников также испытали это чувство. Их тоже охватило властное стремление отправиться туда – навстречу более полной жизни, более совершенным знаниям.

Вот почему ни один из них не вернулся.

– Я не хочу назад! – сказал Таузер.

– Но нас там ждут, – ответил Фаулер, направился было к станции и вдруг остановился.

Вернуться в стены купола. Вернуться в прежнее больное тело. Раньше оно не казалось ему больным, но теперь он понял, что такое настоящее здоровье.

Назад – к затуманенному мозгу, к спутанности мыслей, к шевелящимся ртам, которые образуют звуки, воспринимаемые другими. Назад – к зрению, которое хуже, чем слепота, к связанности движений. Назад – к незнанию.

– Нам столько надо сделать и столько увидеть! – настаивал Таузер. – Мы еще должны многому научиться. Узнать, открыть...

Да, они могут многое открыть. Возможно, они найдут тут цивилизацию, по сравнению с которой земная цивилизация покажется ничтожной. Они найдут здесь красоту и – что еще важнее – настоящее восприятие красоты. И дружбу, какой еще никто не знал – ни один человек и ни одна собака.

И жизнь – такую полную, что по сравнению с ней его прошлое казалось лишь прозябанием.

– Я не могу вернуться, – сказал Таузер. – Они опять сделают меня псом.

– А меня – человеком, – ответил Фаулер. – Но мы вернемся, когда узнаем то, что должны узнать.

ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ

Дом был нелеп. Больше того, он был здесь совсем не-кстати. «Ну, откуда он здесь взялся?» – спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и машинально ударами весла удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он ставил машину и снимал ее с крыши каноэ, и все те полчаса, пока плыл сюда, он прислушивался и бережно откладывал в памяти голос водопада, как запоминал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

«Могли бы и подождать, – подумал он с беззлой горечью, – пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом».

Здесь никто никогда не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Бреном.

А теперь вот он, дом, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу.

Каное уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и скорее всего оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. «Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым», – подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище – деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой, – ну, еще туда-суда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере не так бросался бы в глаза. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской, – это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос-архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома – точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы вполне уместен и приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каное еще выше на берег.

Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного досто-

инства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и больше их не потревожит.

Подъем был крутой. «Что-то в последнее время даже малые пригорки стали круты», — подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что человеку под семьдесят нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А, в сущности, путешествие вовсе несложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облако легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

«Сколько раз, – думал он, – мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подвешивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?»

Славное было житье, славно они проводили время вдвоем – два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение: правильно ли он решил? В «Лесном приюте» люди словно бы и отзывчивые, надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании – среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче – среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд – все сложилось бы иначе. Они были друзьями – нечасто отец и сын бывают так близки. Но теперь он вовсе один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он – один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» – наилучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну, ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, «Лесной приют» и не идеальный, но все же выход. Он решил, что надо подумать о будущем, – потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький – еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахнуло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставили материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. Все так же, как прежде, выются в густом молодняке две колеи, между ними все заросло травой. А если материалы подвозили по воде – должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно – одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Между тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть все следы, ведь еще весной они с Беном приезжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом дворик, откуда открывался вид на реку и водопад, подошел к двери, нажал на кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал – вот сейчас послышаться шаги, – но никто не подходил. Грей поднял руку и постучал – едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился – ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

– Эй! – окликнул он. – Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь – она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуту-другую он стоял в нерешительности, потом шагнул в прихожую – сейчас он дотянется до ручки и хлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома – ушли ненадолго, а дверь не заперли. «Впрочем, – подумал он, – в этих краях никто не запирает дверей. Незачем».

«Выкину все это из головы, – пообещал он себе. – Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить этот день».

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Бедая стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, и отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзине. И, развертывая сэндвичи, заметил, что небо хмурится.

«Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, — сказал он себе. — Нечего ждать, пока погода наконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя».

Он доел сандвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. «Надо получше все это запомнить, — думал он, — закрепить в памяти прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку».

Нет, все-таки еще полчаса он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверно там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнувшись на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, он потерял равновесие. Острая боль резанула щиколотку, он рухнул в мелководье — не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не кричать. Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег.

Он попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась, и жгучая боль каленым железом пронзила ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может – придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить – они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить – ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках есть врач. Как будто есть, а может, это ему только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ.

Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу же не подобрать – ее отыщут дикобразы и загубят. Этого нельзя допустить. Ведь эта удочка – часть его самого.

Он сложил все свои пожитки – сапоги, корзинку с рыбой и удочку – аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, ему не удавалось оберечь ногу от толчков, от которых все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костыль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не поработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он полз медленно, то и дело останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу – от раза к разу она все сильнее распухла и делалась уже не красной, а багровой.

И вдруг – поздновато, пожалуй, – он со страхом сооб-

разил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каное, можно считать – дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если б не приходилось так часто останавливаться. В былые времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть – и услышал, как шумят сосны – поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволгло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще быстрее уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косоугору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны жалобно стонали, разыгралась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти – этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каное, но до-

рога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним навалилась свинцовая усталость.

«Можно укрыться в том доме, – подумал он. – Меня впустят».

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель – доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, – стала невыполнимой и недостижимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напрягши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подняться и встал. Нажал кнопку – в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать – сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отвечает?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним – дворик залило светом из прихожей.

– Эй, послушайте! – закричал он. – Есть кто дома?

Никакого ответа – ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликался.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая,

успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся – входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел, как завороченный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

«Странно это, – смутно подумалось ему. – Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь – сама преспокойно закрывается. Но это неважно – Бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами, во тьме». Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался. Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу.

Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяйева. Навряд ли в такую погоду бродят под открытым небом. И, наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то

снеси. Но прибор только один, словно ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната — должно быть, кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено — кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадается иногда такой юридический казус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь — она-то и есть ключ к делу, но упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла. Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорствует, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу прихожей и по ковру до са-

мого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки – он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится – развозить грязь в чужом доме. Надо будет потолковее все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дожидаясь хозяина и клевал носом.

«Семьдесят лет, – думал он, – почти уже семьдесят, и это – последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате – и все вокруг него чужое и неприглядное».

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились – Бен, молодой профессор астрономии, и он – молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями. Тяжко будет лишиться Бена!

А может быть, он не так тяжело переживает эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц – и сам он переселится в «Лесной приют» – Дом престарелых. Хотя теперь это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия, вроде «Лесного приюта», как будто это легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько... кроме него самого, понимаетесь. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каменной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом.

Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе – наверно, все уже остыло. Но, может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

«Не надо кофе, – подумал он. – Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели». Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная – придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин – все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто. Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло – таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумалось: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незваного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная – наверно, начинается жар. Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчиной и закипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глуши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо открытой двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал и ощутил холодный пол. Наверное, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное — не болит. Можно на нее ступать, как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звоном заливился телефон.

— Черт меня побери, — сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку.

Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

– Слушаю, – сказал он.

– Это не доктор Фредерик Грей?

– Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

– Надеюсь, вы хорошо выспались.

– Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

– Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен – она вам подойдет.

– Помилуйте, – сказал Фредерик Грей, – вы так любезны. Но разрешите спросить...

– Отчего же, – заметил голос в трубке. – Но вы лучше поторопитесь, а то завтрак простынет.

И умолк.

– Минуточку! – закричал Грей. – Одну минуту!..

В ответ слышалось только слабое гудение – линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ, ВСЕ, ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это мы, интересно знать?

И где они все?

И как же это – пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся – дом пуст, никого нет. И однако он обжитой, а как это получается – не понятно.

Он умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритвы, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну а телефон? Может быть это какой-нибудь радиотелефон? Интересно, каков радиотелефон с виду – такой же, как обыкновенный телефон, или другой? Кажется, ему такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

– Кто бы вы ни были, спасибо вам, – громко сказал он. – Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили. Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принялся за еду – только после первого глотка он почувствовал, что голоден, как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенового шкафа одежду – не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыболова.

Когда он переоделся – со стола было уже убрано.

Он вышел из дому – сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтоб от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не придет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги, выбросил из корзинки вчерашний улов и надел перевязь через плечо.

И почему только сегодня утром? Почему еще только один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот – штука загадочная, а, впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада – до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы – оказалось, уже позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет – картина на стене, письменный стол и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломаются от книг, причем именно таких, каких он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш.

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда еще ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V – ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III – ГР 7-32-14.

ВЕТО, Элм, Рас Альгете IX – СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд – на переплетах на той полке в кабинете!

«Вывод ясен», – подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смешотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом нечего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем малоприятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице – ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

– Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

– Вы знаете мое имя, – удивился Грей. – Откуда знаете, как меня зовут?

– Сэр, – ответила Справочная, – мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

– Но я не ваш абонент. Я только...

– Конечно, вы наш абонент, – возразила Справочная. – С той минуты, как вы вступили во владение домом...

– Как так «во владение»? Я же не...

– Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

– Ничего я не понял, – рассеянно сказал Грей.

– Дом ваш, – пояснила справочная, – до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

– Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

– А может быть, вы не откажетесь при случае нам немного помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили – дом все равно ваш.

– Помогать? – переспросил Грей. – Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

– В сущности, это неважно, – заметила Справочная. – Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя – и он остался стоять дурак-дураком, сжимая в руке умолкшую телефонную трубку.

Он положил ее на место, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полону перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

«Дом престарелых», подумал Грей.

Ведь если он не ослышался – это оно самое и есть.

И это лучше, несравнимо лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых — для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и повернулся лицом к камину — он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь — все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город — это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, а его не оказалось. И он насилу забрался в постель — нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если заболеешь.

Аспирина не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно: исполняет все твои желания, дает и огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг — именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факульте-

та. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья – друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XXII». И еще много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и многие из этих имен слетели у него с языка с такой легкостью, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, до них и вправду не так уж далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге – номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке – звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет

ничего похожего на телефоны и телефонные справочники, быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации – книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но если с любой из них обратиться к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия этих звезд – тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверное говорили не по-английски, и однако он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета – оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот в чем дело — звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представлении об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

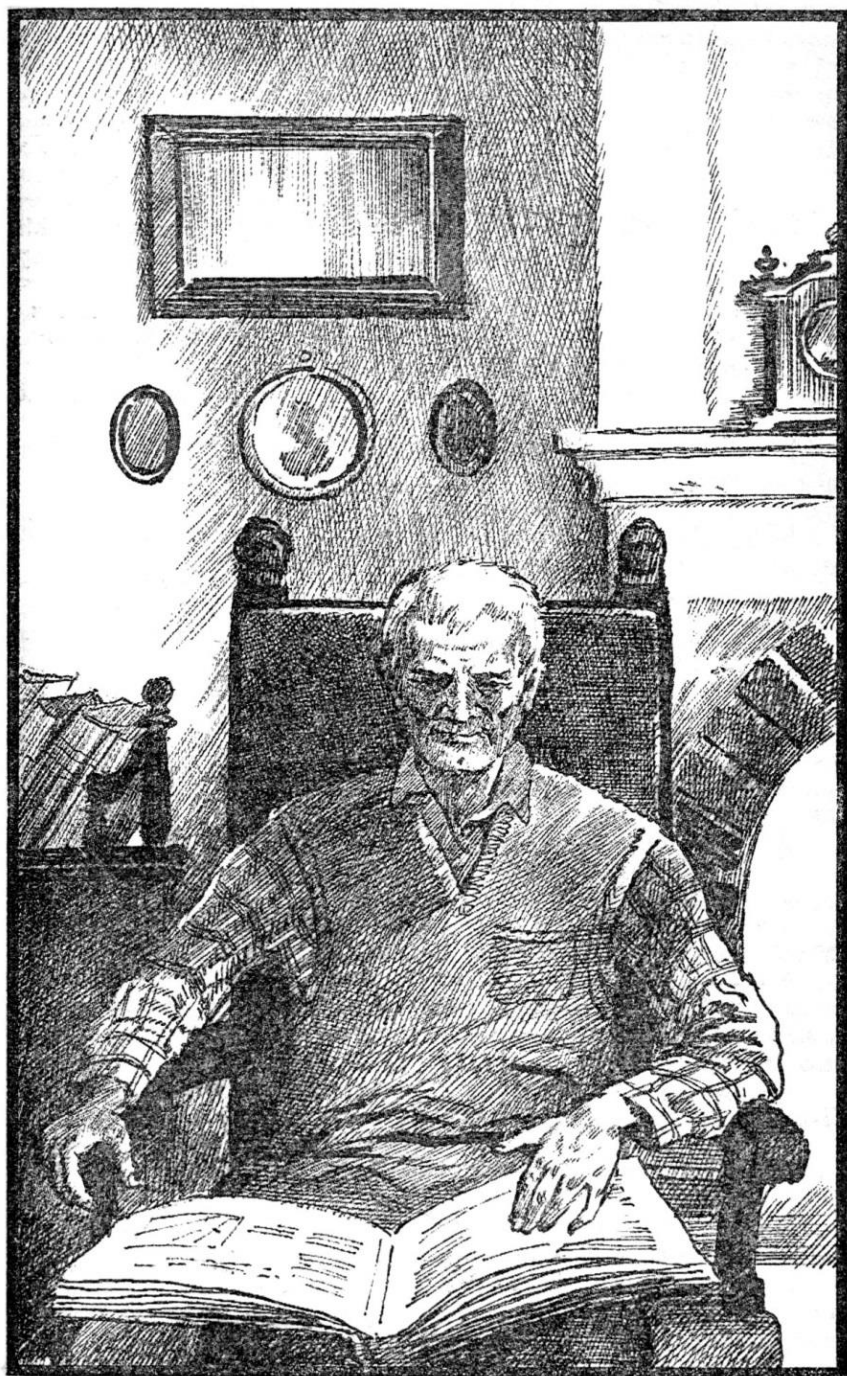
Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит, — чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доньше даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили неожиданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

«Начнем с себя, – подумал он, – поглядим, числюсь ли я в списках». И без труда отыскал: Грей, Фредерик, Гелиос III – СЮ 6-26-49.

Он бегло перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен.

Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось – ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему!

Он отнес справочник в прихожую – на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее – разве их было две? Было две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, взгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке – листы большого формата.

Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как

ставили на стол еду, как полки уставили книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду – и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит покорено не только пространство, но и время. Ведь они, кто бы они не были, не могли знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он. Фредерик Грей, чья специальность – право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все вместе взятое – поиски, перевод, подготовка, печать и доставка – уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ

Балматан против Мер Эл

ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ

**ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА
СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Ванз КАМИС. Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК. Тубан XXVIII
Фредерик ГРЕЙ. Гелиос III**

Он похолодел.

Задражали руки, и он опустил папку на столик, опустил осторожно, как что-то хрупкое: уронишь – разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон, скорей всего, еще из какой-нибудь четвертой системы.

«Немножко помочь», – сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

– Ванза Камиса сейчас нет, – сказал приятный голос, – Что-нибудь передать?

«Ошибся, – подумал Грей. – Не следовало звонить. Бессмысленный поступок».

– Алло, – сказал приятный голос. – Вы слушаете?

– Да, я слушаю.

– Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

– Нет, – сказал Грей. – Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В та-

кие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться – не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку, кепку и вышел из дому.

Всходила луна, снизу ее золотой диск был иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. Где-то в лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

«Вот где можно поразмыслить», – сказал себе Грей. Он остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами – родная земля. И думается лучше, чем в доме, который по сути своей – продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

«Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права», – сказано на первой странице. А существует такая штука – межгалактическое право?..

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть...

Химия — одна для всей Вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия — тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору. Давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становиться теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погода зазвонит телефон, и его спросят, согласен ли он им помогать.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать – работы по горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку.

Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА

Ничего в доме нельзя человеку держать. Вечно все теряется, вечно все пропадает, а ты ищешь, перерываешь все вверх дном, на всех орешь, всех расспрашиваешь, подозреваешь.

И так в каждой семье.

Но запомните одно: не старайтесь выяснять, куда пропадают вещи, кто бы это мог взять их. И думать не думайте заниматься расследованием. Себе дороже станет!

Вот послушайте, какой случай был со мной.

Шел я с работы и купил по дороге лист почтовых марок — хотел разослать чеки, оплатить месячные счета. Но только я сел заполнять чеки, как ввалились супруги Мардж и Льюис Шоу. Льюиса я недолюбиваю, да и он меня едва выносит. Но Мардж с Элен хорошие подруги; они заболтались, и чета Шоу проторчала у нас весь вечер.

Льюис рассказывал мне, чем он занимается в своей исследовательской лаборатории. Я пытался заговорить о другом, но он все долбил одно и то же. Думает, наверно, что раз сам увлекается, то и другие должны интересоваться его работой. А я в электронике ничего не смыслю, микромодуль от микроскопа не отличу.

Унылый был вечер, и, что хуже всего, мне и заикнуться об этом было нельзя. Элен тотчас бы на меня набросилась — стала бы говорить, что я бирюк.

И вот на следующий день я пошел после обеда в свой кабинет заполнять чеки и, разумеется, обнаружил, что марки пропали.

Я оставил марки на письменном столе, но теперь на

столе не было ничего, кроме кубика – хотя юный Билл не интересовался кубиками уже несколько лет, они время от времени все еще оказывались в самых неподходящих местах.

Я окинул взглядом комнату, потом подумал, что марки, вероятно, сдуло со стола, и, став на четвереньки, обшарил весь пол. Марок нигде не было.

Я пошел в гостиную, где, уютно устроившись в кресле, Элен смотрела телевизор.

– Не видела я их, Джо, – сказала она. – Посмотри у себя на столе.

Именно такого ответа я и ожидал.

– Может, Билл знает, – предположил я.

– Его сегодня почти целый день дома не было. Когда появится, спросишь.

– А где он болтается?

– Занят коммерцией. Меняет тот новый пояс, который мы ему купили, на пару шпор.

– Не вижу в этом ничего дурного. Когда я был мальчишкой...

– Дело не только в поясе, – сказала Элен. – Он меняет все подряд. И хуже всего то, что он никогда не остается в проигрыше.

– Смышленный парнишка.

– Если ты будешь так относиться к этому, Джо...

– Мое отношение тут ни при чем, – сказал я. – Такие отношения существуют во всем деловом мире. Когда Билл вырастет...

– Ладно, я поговорю с ним.

Я вернулся в кабинет, потому что атмосфера в гости-

ной была не такой дружественной, как хотелось бы, и потом, мне надо было послать чеки независимо от того, нашел я марки или нет.

Я вынул из ящика пачку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом протянул руку, чтобы переложить кубик и освободить место для работы. Но, как только он оказался у меня в руке, я понял, что это не детский кубик.

Вес и размеры у этого предмета были как у кубика, и на ощупь он напоминал пластик, разве что такого гладкого пластика я никогда не встречал. Он был сухой и в то же время как маслом смазанный.

Я положил его на стол и придвинул поближе лампу. Но ничего особенного не увидел – кубик как кубик.

Вертя его в руке, я старался определить, что это такое. И вдруг увидел на одной из его сторон небольшое продолговатое углубление – совсем маленькое, почти царапину.

Я присмотрелся и увидел, что углубление выточено, и на дне его бледная красная полоска. Могу поклясться, что эта красная полоска мерцала. Я поднес предмет поближе к глазам, но мерцание прекратилось. То ли краска вдруг обесцветилась, то ли мне все померещилось, но уже через несколько секунд я не был уверен, что там была какая-либо полоска.

Я подумал, что эту штуку где-то нашел или выменял Билл. Мальчик как галка – все в дом тащит, но в этом нет ничего дурного, как нет ничего дурного в его коммерции, что бы там ни говорила Элен. Это прекрасные деловые задатки.

Я отложил кубик в сторону и занялся чеками.

На следующий день во время перерыва на ленч я снова

купил марки. Но целый день я то и дело начинал размышлять над тем, куда могли деться вчерашние.

Я совсем не думал о скользком на ощупь кубике. Возможно, я бы вовсе забыл о нем, если б, вернувшись домой, не обнаружил, что у меня пропала ручка.

Я пошел в кабинет за ручкой и увидел ее на столе, на том самом месте, где оставил вчера вечером. Я не помнил, оставлял я ручку на столе или нет, но, увидев ее, тотчас вспомнил, что забыл положить ее обратно в ящик.

Я взял ручку, но оказалось, что это вовсе не ручка. На вид предмет был похож на пробковый цилиндр, но для пробки он был слишком тяжелый. Мне вдруг показалось, что это складная удочка, только поменьше и потяжелее.

Представив себе, что это складная удочка, я сделал движение, будто забрасываю ее, и вдруг и в самом деле неизвестный предмет оказался складной удочкой. Она, видимо, была сложена, а затем выдвинулась, как настоящая удочка. Но странное дело — видны были только первые фута четыре, а все остальное растаяло в воздухе.

Я инстинктивно дернул удочку вверх и на себя, чтобы высвободить конец, попавший Бог знает куда. Удочка было подалась, а потом я вдруг почувствовал, что на конце ее повис какой-то груз — точно я подсек рыбу, но только рыба эта не билась.

Затем так же быстро это ощущение исчезло. Груз как бы мгновенно сорвался с удочки, она сложилась, и в руке у меня снова был предмет, похожий на авторучку.

Я осторожно положил его на стол, твердо решив не делать больше никаких взмахов, и только тут заметил, что рука у меня дрожит.

Я сел, тараща глаза на предмет, похожий на пропавшую ручку, и на другой предмет, похожий на детский кубик.

И вот тут-то уголком глаза я и увидел посередине стола маленькое белое пятнышко.

Оно находилось на том самом месте, где сначала лежала мнимая ручка, да и кубик вчера вечером я нашел, пожалуй, именно там. Пятнышко было цвета слоновой кости и имело в диаметре примерно четверть дюйма.

Я ожесточенно потер его большим пальцем, но пятно не стиралось. Я закрыл глаза, чтобы дать возможность пятну исчезнуть, и, тотчас открыв их, с удивлением убедился, что оно на месте.

Я склонился над столом и стал рассматривать его. У меня было такое впечатление, будто в дерево тщательно вделали пластинку слоновой кости. Я не мог обнаружить никакого зазора между деревом и пятном.

Прежде его там не было; в этом я совершенно уверен. Если бы оно было, я непременно заметил бы. Более того, его заметила бы Элен, потому что она чистюля — нигде у нее и пылинки нет. Да и где это слыхано, чтобы продавали столы, инкрустированные одной-единственной пластинкой слоновой кости?

Нигде не купишь и вещи, которая похожа на ручку, но превращается в складную удочку, причем тонкий конец ее исчезает и подцепляет что-то невидимое, — ручку, которая в следующий раз, возможно, не потеряет то, что подцепила, а выволочет на свет божий.

Из гостиной послышался голос Элен:

— Джо!

- Да! Что тебе?
- Ты поговорил с Биллом?
- С Биллом? О чем?
- О его коммерции.
- Нет. Забыл как-то.
- Смотри, поговори – он опять взялся за свое; выторговал у Джимми новый велосипед, всучив ему всякий хлам. Я заставила его вернуть велосипед.
- Я поговорю с ним, – снова пообещал я.

Но, как помню, тогда мне было не до этики поведения моего сына.

Ничего в доме нельзя держать. Вечно теряешь то одно, то другое. Точно знаешь, куда положил вещь, уверен, что она на месте, ахватишься – ее уже нет.

И всюду так: вещи теряются, и потом их вовек не сыщешь.

Но другие вещи на их месте не появляются – по крайней мере я сроду о таком не слыхал.

Впрочем, бывали, наверно, случаи, когда человек находил другие вещи, брал их, рассматривал, удивлялся, что это такое, а потом зашвыривал куда-нибудь в угол и забывал.

Может быть, склады утиля в самых разных уголках мира забиты всякими неземными кубиками и сумасшедшими удочками.

Я встал и пошел в гостиную, где Элен настраивала телевизор.

Наверно, она заметила, что я расстроен, и потому спросила:

– Что еще случилось?

– Не могу найти ручку.

Она рассмеялась.

– Прости, Джо, но ты невыносим. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Элен уже заснула, я лежал и все думал о пятне на столе. Оно, казалось, говорило: «Коли ты коммерсант, клади прямо сюда, что у тебя есть, и мы произведем обмен».

И тут мне в голову пришла мысль: «А что будет, если кто-нибудь сдвинет стол?»

Долго я лежал, стараясь успокоиться, уговорить себя, что все это чепуха и бред.

Но отделаться от этой мысли я уже не мог.

Наконец я встал и потихоньку – словно вор, а не хозяин дома – выскользнул из спальни и пошел в кабинет.

Закрыв дверь, я включил настольную лампу и поскорее бросился смотреть, не исчезло ли пятно.

Оно было на месте.

Выдвинув ящик стола, я искал там карандаш, но вместо него под руку мне попался один из цветных мелков Билла. Я стал на колени и тщательно очертил на полу ножки стола, чтобы потом поставить его точно на место, если кто-нибудь его сдвинет.

Затем я как бы машинально положил мелок точно на пятно.

Утром, перед уходом на работу, я заглянул в кабинет – мелок все еще лежал на месте. У меня немного отлегло от сердца, и мне удалось убедить себя, что все это игра воображения.

Но вечером, после обеда, я снова пошел в кабинет и обнаружил, что мелок пропал.

На его месте лежало какое-то треугольное устройство с чем-то вроде линз на каждом углу, а посередине треугольника к каркасу из какого-то металла крепилась штука, явно напоминавшая присоску.

Я еще рассматривал ее, когда в кабинет вошла Элен.

— Мы с Мардж идем в кино, — сказала она. — Почему бы тебе не пойти и не выпить с Льюисом пива?

— С этим чванливым болваном?

— Что ты имеешь против Льюиса?

— Ничего, наверно.

Мне было не до супружеских ссор.

— Что это у тебя? — спросила Элен

— Не знаю. Вот нашел.

— Ты прямо как Билл, всякую дрянь стал в дом тащить. Любому из вас только волю дай — весь дом замусорите.

Я смотрел на треугольник, и, сколько ни думал о нем, в голову все приходило одно: это, наверно, очки. Удерживаются они на лице, по-видимому, при помощи той присоски, что посередине, — странный способ носить очки, но, если подумать, такое предположение не лишено основания. Но в таком случае это значит, что у владельца очков три глаза, расположенных на лице треугольником.

Элен ушла, а я все сидел и думал. И думал о том, что, хоть я и недолголюбиваю Льюиса — без его помощи мне не обойтись.

И вот, положив мнимую ручку и треугольные очки в ящик стола, а фальшивый кубик в карман, я отправился в дом напротив.

У Льюиса на кухонном столе была расстелена кипа чертежей, и он тотчас принялся мне что-то объяснять. Я изо всех сил делал вид, что разбираюсь в чертежах. На самом деле я не смыслил в них ни уха, ни рыла.

Наконец мне удалось вернуть словечко; я вытащил из кармана, кубик, положил его на стол и спросил:

— Что это?

Я думал, он тут же скажет, что это детский кубик. Но он этого не сказал. Видимо, что-то подсказало ему, что это не простой кубик. Вот что значит техническое образование!

Льюис взял кубик и повертел его в руке.

— Из чего это сделано? — взволнованно спросил он.

Я пожал плечами.

— Я не знаю, что это, из чего — ничего не знаю. Вот нашел просто.

— Ничего подобного я сроду не видел. — Он заметил углубление на одной из сторон кубика, и я понял что он клюнул. — Позвольте мне взять это с собой в лабораторию. Постараемся разобраться.

Я, разумеется, знал, что ему надо. Если кубик — какое-нибудь техническое новшество, то он хотел воспользоваться случаем... но это меня нисколько не беспокоило. У меня было предчувствие, что слишком больших открытий он не сделает.

Мы выпили еще по несколько стаканов пива, и я пошел домой. Там я разыскал пару старых очков и положил их на стол как раз на пятно.

Я слушал последние известия, когда вошла Элен. Она обрадовалась тому, что я провел вечер с Льюисом, и ска-

зала, что мне следовало бы сойтись с ним поближе, а уж там он, может быть, мне понравится. Она сказала, что раз они с Мардж такие близкие подруги, то просто стыдно, что мы с Льюисом не дружим.

— Может, подружмся, — сказал я и на этом прекратил разговор.

На следующий день Льюис пришел ко мне на работу.

— Где вы взяли эту штуку? — спросил он.

— Нашел, — сказал я.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление, что это?

— Никакого, — весело сказал я. — Потому-то я и дал ее вам.

— Ее приводит в действие какая-то энергия, и она предназначена для измерения. Выемка на одной из сторон служит для считывания показаний. Индикатором, видимо, является интенсивность цвета. Во всяком случае, цветная полоска в выемке все время меняется — не сильно, но все же это можно заметить.

— Теперь надо выяснить, что она измеряет.

— Джо, вы не знаете, где нам достать еще одну такую штуку?

— Не знаю.

— Видите ли, в чем дело, — сказал он. — Нам хотелось бы покопаться в ней, чтобы понять, как она действует, но вскрыть ее мы никак не можем. Наверно, ее можно взломать, но мы боимся. Вдруг испортим? Или она взорвется? Если бы у нас была еще одна...

— Простите, Льюис, но я не знаю, где взять другую.

На этом разговор и кончился.

В тот вечер я шел домой, думая о Льюисе и улыбаясь про себя. Малый завяз в этом деле по самые уши. Он теперь спать не будет спокойно, пока не узнает, что это за штука. И, наверно, на недельку оставит меня в покое.

Я прошел в кабинет. Очки все еще лежали на столе. Я постоял немного, раздумывая, в чем же тут дело, потом заметил, что стекла имеют розовый оттенок.

Взяв очки, я обнаружил, что стекла заменены на другие – того же сорта, что и в треугольных очках, которые я нашел вчера вечером.

Тут в кабинет вошла Элен, и не успела она еще рта открыть, как я догадался, что она ждала меня.

– Джо Адамс, что все это значит? – громко спросила она.

– Ничего, – ответил я.

– Мардж говорит, что ты совсем расстроил Льюиса.

– Немного же надо, чтобы его расстроить.

– Что-то происходит, – не отставала Элен, – и я хочу знать, что именно.

Я знал, что мне не уйти от ответа.

– Я занимаюсь коммерцией.

– Меняешься! И это после всего того, что я тебе сказала о Билле!

– Но это совсем другое дело.

– Коммерция есть коммерция.

Билл вошел в парадное, но, видимо, услышав, как мать сказала «коммерция», выскочил обратно. Я крикнул ему, чтобы он вернулся.

– Садитесь оба и слушайте, что я вам скажу, – приказал я. – Задавать вопросы, высказывать предположения и устраивать мне головомойку будете, когда я закончу.

Мы все трое сели, и заседание семейного совета началось.

Убедить Элен мне удалось не сразу: пришлось показать пятно на столе, треугольные очки и собственные очки, которые были присланы мне обратно, после того как в них вставили розовые стекла. В конце концов она была готова признать, что кое-что действительно происходит. Но это не помешало ей дать мне нагоняй за то, что я обвел на полу ножки стола.

Ни ей, ни Биллу ручки-удочки я не показал, потому что боялся – помашут ею, а потом кто знает, что случится...

Билл, разумеется, весь загорелся. Коммерция – это по его части.

Я предупредил, чтобы они не говорили никому ни слова. Билл не сказал бы, потому что его хлебом не корми, а дай поиграть во всякие секреты, шифры и прочее. Но Элен чуть свет побежала бы к Мардж и выложила ей все по секрету – здесь уж что ни делай, что ни говори – ничего не поможет.

Билл тотчас хотел надеть очки с розовыми стеклами, чтобы посмотреть, отличаются ли они от обычных. Но я ему не позволил. Я и сам хотел надеть эти очки, но, по правде сказать, боялся.

Когда Элен пошла на кухню хлопотать насчет обеда, мы с Биллом занялись стратегией. Для своих десяти лет Билл – человек очень здравомыслящий. Мы порешили, что для ведения своих коммерческих дел нам следует разработать какую-нибудь систему, ибо, как указал Билл, обмен втемную – предприятие рискованное. Надо бы как-то сообщить тому малому, что он может получить за свои вещи.

Но для того, чтобы прийти к взаимопониманию при торговле с кем бы то ни было, надлежало наладить какую-нибудь систему общения. А как общаться с тем, о ком вы ничего не знаете, кроме того, что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл подал великолепную идею. Он сказал, что нам нужно сделать одно – послать каталог. Если собираешься с кем-нибудь торговать, то – само собой понятно – в первую очередь необходимо сообщить, что ты можешь предложить.

Учитывая особые обстоятельства, нужен был каталог иллюстрированный. Впрочем, даже он мог оказаться бесполезным, так как не было никакой уверенности, что Коммерсант, скрывающийся где-то по ту сторону моего письменного стола, поймет, что означает та или иная картинка. Может быть, он вообще понятия не имеет о картинках. Может, он и видит по-другому... не в физическом смысле, хотя и это возможно, а придерживаясь другой точки зрения, руководствуясь чуждым нам мировоззрением.

Но поскольку иного пути не было, мы засели за разработку каталога. Билл считал, что нам надо нарисовать его, но ни он, ни я художественными способностями не отличались. Я предложил вырезать иллюстрации из журналов. Но эта мыслишка тоже была не фонтан, потому что на рекламных картинках товары обычно изображаются украшенными, художники заботятся только о том, чтобы привлечь внимание.

И снова Билл подал великолепную идею.

– Ты знаешь тот детский словарь, который мне пода-

рила тетя Этель? Почему бы не послать его? В нем много картинок и почти ничего не написано. И это очень важно. Может, они там читать не любят.

Мы отправились в комнату Билла и в поисках словаря стали перерывать весь тот хлам, который у него накопился. Нам попался старый букварь, по которому Билл когда-то учился читать, и мы решили, что он еще лучше словаря. В букваре были хорошие, простые картинки, а текста почти никакого не было. Вы знаете, о какого рода книжке я говорю – там стоит буква А и нарисован арбуз, буква Б и барабан и так далее.

Мы отнесли букварь в кабинет и положили его на стол, прикрыв им пятно, а сами пошли обедать.

Наутро книга исчезла, и это было немного странно. До сих пор все исчезало только во второй половине дня.

Примерно после полудня мне позвонил Льюис.

– Я иду к вам, Джо. Есть у вас поблизости какой-нибудь бар, где бы мы могли потолковать с глазу на глаз?

Я сказал, что такой бар есть всего в квартале от меня и что мы встретимся там.

Быстренько справившись с делами, я вышел из конторы, рассчитывая прийти в бар пораньше и перехватить рюмочку еще до прихода Льюиса.

Не знаю, как Льюис успел, но он меня опередил и уже сидел в угловой кабине. По-видимому, он мчался так, что нарушил все правила уличного движения.

Он уже заказал две рюмки и сидел с заговорщическим видом. Он все еще не мог отдышаться от спешки.

– Мардж рассказала мне все, – молвил он.

– Я так и думал.

– На этом можно заработать кучу денег, Джо!

– И об этом я уже подумал. Так что я хочу предложить вам десять процентов...

– Да нет же, вы послушайте, – запротестовал Льюис. – Одному вам такое дело не потянуть. Я и пальцем не пошевельну меньше чем за пятьдесят процентов.

– Я принимаю вас в дело, – сказал я, – потому что вы мой сосед. Я в этом техническом бизнесе ни черта не понимаю. У меня есть кое-что, в чем я не разбираюсь, и мне нужна помощь, чтобы выяснить, что это, но я в любое время могу обратиться к кому-нибудь другому...

Мы пришли к соглашению рюмки через три: он получал 35 процентов, я – 65.

– Теперь, когда все утряслось, – сказал я, – может, вы мне скажете, что вы там разузнали?

– Разузнал?

– О том кубике, что я вам дал. Вы бы не стали мчаться сюда, заказывать заранее выпивку и ждать, если бы чего-нибудь не разузнали.

– Видите ли, в сущности...

– Погодите-ка минутку, – перебил его я. – Мы запишем это в контракте: в случае неспособности представить полный и подробный анализ...

– Что это еще за контракт?

– Мы заключим контракт, за нарушение которого любой из нас может судебным порядком обобрать другого до нитки.

Чертовски неприятно начинать с этого деловое предпринятие, но с таким скользким типом, как Льюис, иначе было нельзя.

И тогда он мне сказал, что разузнал.

— Это прибор для измерения эмоций. Я знаю, что термин этот нескладный, но лучшего придумать не могу.

— А что он делает?

— Он говорит, счастливы вы или грустны и как сильно ненавидите кого-нибудь.

— М-да, — разочарованно замычал я. — А на кой мне такая штукавина? Мне не нужен прибор, который говорит, что я злюсь или радуюсь.

Льюис до того взбеленился, что даже стал красноречив:

— Разве вы не понимаете, какое значение приобретет этот инструмент для психиатров? Он будет говорить о пациентах такое, чего сами они никогда не отважились бы рассказать. Его можно использовать в психиатрических клиниках, им можно замерять реакцию людей при посещении зрелищ, в политике, при введении новых законов... где угодно.

— Хватит трепаться! Пускаем в продажу!

— Но все дело в том...

— В чем?

— В том, что производить эти приборы мы не сможем, — с отчаянием в голосе сказал он. — У нас нет нужного сырья, и мы не знаем, как их делать. Придется вам выменивать их.

— Я не могу. То есть могу, но не сразу. Сперва мне надо дать понять тем Коммерсантам, что я хочу получить от них, а затем узнать, что они хотят взамен.

— Какие-нибудь другие вещи у вас есть?

— Есть несколько.

– Отдайте-ка их лучше мне.

– Некоторые из них могут оказаться опасными. В общем все это принадлежит мне. Я дам вам, что захочу и когда захочу...

Мы снова поспорили.

Прения кончились тем, что мы отправились к адвокату. Мы составили контракт, который был, наверно, одним из любопытнейших курьезов в истории юриспруденции.

Адвокат, несомненно, подумал – и до сих пор думает, – что мы оба сумасшедшие, но теперь это беспокоит меня меньше всего.

В контракте говорилось, что мне надлежит вручать Льюису для определения технической и товарной ценности по крайней мере девяносто процентов предметов, источник получения которых контролирую я один, и что в дальнейшем вышеуказанный источник остается на вечные времена исключительно под моим контролем. Остальные 10 процентов могут без всяких оговорок не передаваться для обследования, причем первая договаривающаяся сторона принимает единоличное решение в отношении определения тех предметов, которые войдут в вышеупомянутые 10 процентов.

Что же касается 90 процентов предметов, передаваемых второй договаривающейся стороне, то эта последняя обязана подвергать их тщательному анализу – представлять отчеты в письменном виде и давать такие дополнительные объяснения, которые понадобятся для полного понимания со стороны первой договаривающейся стороны, в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения предметов, по истечении какового предметы возвра-

щаются в единоличное владение первой договаривающейся стороны. Вышеупомянутый срок изучения и определения может быть продлен на любое время лишь по заключении соответствующего соглашения между сторонами, изложенного в письменном виде.

В случае если вторая договаривающаяся сторона скроет от первой договаривающейся стороны какие-либо открытия, связанные с предметами, о которых идет речь в данном соглашении, то такое сокрытие является достаточным основанием для возбуждения дела о возмещении убытков. В случае, если будет определено, что некоторые предметы можно пустить в производство, таковые могут производиться в соответствии с условиями пунктов А, В и С раздела XII данного соглашения.

Условия продажи вышеупомянутых предметов должны быть оговорены и включены в качестве составной части данного соглашения. Любые доходы от вышеупомянутой продажи делятся следующим образом: 65 процентов — первой договаривающейся стороне (мне — это я на случай, если вы уже запутались, что немудрено) и 35 процентов — второй договаривающейся стороне (Льюису); издержки делятся соответственно.

Разумеется, там было еще много всяких подробностей, но суть дела уже ясна.

Глоток мы друг другу не перегрызли и из конторы адвоката отправились ко мне домой, где застали и Мардж. Льюис пошел со мной, чтобы взглянуть на пятно на письменном столе.

По-видимому, Коммерсант получил букварь и был в состоянии разобраться, для чего его послали, так как на

столе лежала картинка, вырванная из книги. Правда, я сказал бы, что ее не вырвали, а скорее... выжгли из книги.

На картинке была буква «З» и рядом зебра.

Льюис с тревогой уставился на нее.

— Ну и задали нам задачу.

— Да-а, — согласился я. — Не знаю, сколько она стоит, но, видно, недешево.

— Подумайте сами — расходы на экспедицию, сафари, клетки, перевоз по морю и железной дороге, корм, сторожа. Как вы думаете, нельзя ли заинтересовать его чем-нибудь другим?

— Я не знаю как. Заказ дан.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, что происходит. Когда я с унылым видом сказал ему, в чем дело, он радостно воскликнул:

— О, если тебе хочется обменять плохой складной нож, ты его сбываешь тому, кто не знает, как выглядит хороший. В этом весь фокус коммерции, папа!

Льюис ничего не понял, а я сообразил сразу.

— Правильно! Он не знает, что зебра — животное, он не знает даже, каких она размеров!

— Конечно, — уверенно сказал Билл. — Он видел ее только на картинке.

Было уже пять часов, но мы все трое бросились в магазины. Билл нашел дешевый браслет с брелком-зеброй, которая была размером с рисунок в книге. Когда речь идет о всякой такой мелочи, мой сынишка точно знает, где что продают и что сколько стоит. Я подумал было сделать его на всякий пожарный случаем младшим партнером и дать ему примерно десятипроцентную долю в прибылях (разу-

меется, из 35 процентов Льюиса), но я был уверен, что Льюис не согласится. Вместо этого я решил платить Биллу жалованье – один доллар в неделю, но выплату вышеупомянутой суммы начать тотчас после того, как дело станет приносить прибыль.

Итак, с зеброй все было в порядке – при условии что Коммерсант удовлетворится маленькой безделушкой. Я подумал: «Хорошо еще, что нам не пришлось добывать зефир, который тоже на «З»».

С остальными буквами алфавита дело пошло легче, но я не мог не терзаться сомнениями все то время, пока пришлось ждать. Все каталоги, которые можно было послать, – плохи, но хуже букваря ничего нет. Однако, пока Коммерсант не познакомился со всем первым списком, другой посылать не стоило, так как я боялся, что он запутается.

Поэтому я послал ему яблоко, мяч, маленькую куклу вместо девочки, игрушечную кошку и игрушечную собаку и так далее, а потом по ночам все думал, что же Коммерсант будет делать со всем этим добром. Я представлял себе, как он пытается догадаться о назначении резиновой куклы или кошки.

Я отдал Льюису и те, и другие очки, но попридержал ручку-удочку, так как все еще боялся ее. Льюис передал прибор для измерения эмоций одному психиатру, чтобы тот провел своего рода полевые испытания на больных.

Зная, что мы с Льюисом стали как бы компаньонами, Мардж и Элен были теперь неразлучны. Элен не уставала твердить, как она рада, что я наконец понял, какой надежный человек Льюис. Наверно, Мардж говорила то же самое Льюису.

Билла прямо распирало – так ему хотелось похвастаться. Но он был великим маленьким бизнесменом и держал рот на замке. Разумеется, о жалованье я ему сказал.

Льюис всецело стоял за то, чтобы мы сделали попытку расспросить Коммерсанта о приборе для измерения эмоций. Он заказал заводскому чертежнику рисунок прибора и хотел, чтобы я отослал его, тем самым показав, что мы интересуемся прибором.

Но я сказал ему, чтобы он не форсировал событий. Может, сделка с прибором для измерения эмоций и окажется выгодной, но до принятия окончательного решения нам следует ожидать присылки образцов всех товаров, которые может предложить Коммерсант.

Убедившись, по-видимому, в том, что с ним сотрудничают, Коммерсант теперь торговал не в определенный час, а держал лавочку открытой круглые сутки. Просмотрев список товаров по букварю, он прислал обратно чистые страницы из книги с очень грубо сделанными рисунками, – казалось, он рисовал их крошащимся углем. Льюис изготовил серию картинок, чтобы показать, как пользоваться карандашом, и, отослав их Коммерсанту вместе с пачкой бумаги и сотней отточенных карандашей, мы принялись ждать.

Мы ждали неделю и уже стали выходить из себя, когда вся пачка бумаги вернулась обратно – каждый листок был с обеих сторон покрыт самыми различными рисунками. Для того чтобы Коммерсанту не было скучно, мы послали каталог товаров, которые можно заказать по почте, а сами уселись разгадывать рисунки.

Назначение всех вещей без исключения было совер-

шенно непонятно даже Льюису. Он всматривался в рисунки, потом вскакивал, метался по комнате, рвал на себе волосы, дергал себя за уши. Затем снова принимался рассматривать рисунки.

Для меня это была комедия и только.

Наконец мы порешили, что на время затею с каталогами надо оставить, и принялись класть на письменный стол все, что попадалось под руку, — ножницы, тарелки, перочинные ножи, клей, сигары, скрепки, ластики, ложки. Я знаю, что мы действовали не по-научному, но у нас не было времени придерживаться какой-либо системы. Потом, при случае, мы выработали бы более разумную программу, а пока не хотели давать Коммерсанту времени опомниться.

И Коммерсант принялся бомбардировать нас вещами в ответ. Мы сидели часами и отправляли товар ему, а он нам, и у нас на полу образовалась куча самого невероятного хлама.

Мы установили кинокамеру и извели уйму пленки на то, чтобы заснять пятно на столе, где происходил обмен. Мы потратили массу времени, просматривая пленку, замедляя чередование кадров и совсем останавливая проектор, но это ничего нам не дало. Когда вещь исчезала или появлялась, то она просто исчезала или появлялась. В одном кадре она была, в другом кадре ее уже не было.

Льюис отложил всю другую работу, и его лаборатория только и делала, что занималась разгадкой приборов, которые мы получили.

С большинством их них мы так и не справились. Наверно, они для чего-то служили, но этого нам узнать не удалось.

Был там такой флакон с духами, например, – это мы его так называли. Но мы догадывались, что духи в нем – не самое главное, что так называемый флакон имеет совсем иное назначение.

Льюис и его ребята, которые изучали флакон в своей лаборатории и старались разобраться, что к чему, нечаянно включили его. Они работали три дня, причем последние два – в масках, пытаясь выключить его. Когда запах стал невыносим и люди начали звонить в полицию, мы отнесли это устройство в поле и закопали – за несколько дней вся растительность в округе завяла. До самого конца лета ребята с агрономического факультета университета носились всюду как угорелые, стараясь выяснить причину.

Была там штука – часы, наверно, какие-нибудь, – впрочем, с таким же успехом она могла оказаться чем угодно. Если это часы, то у Коммерсанта такая система отсчета времени, что от нее впору с ума сойти.

Была там и еще одна вещица – укажешь на что-нибудь пальцем и нажмешь на определенное место (не на кнопку, не на какое-нибудь механическое устройство, а просто на определенную точку), – и тотчас в пейзаже появится большое пустое место. Перестанешь нажимать – пейзаж снова станет как был. Мы засунули эту вещицу в дальний угол лабораторного сейфа и привесили к ней большую красную бирку с надписью: «Опасно! Не трогать!»

Но с большинством предметом мы просто вытягивали пустой номер. А предметы все поступали и поступали. Я забил ими гараж и начал уже сваливать кучей в подвале. Некоторые меня пугали, и я их из кучи изымал.

Тем временем Льюис мучился с прибором для определения эмоций.

– Он работает, – говорил Льюис. – Психиатр, которому я давал его, в восторге. Но, по-видимому, пустить его в продажу будет почти невозможно.

– Если он работает, – возразил я, передавая ему банку с пивом, – то его должны покупать.

– Покупали бы в любой другой области, кроме медицины. Прежде чем пускать что-либо в продажу, надо представить чертежи, теоретические обоснования, результаты испытаний и тому подобное. А мы не можем этого сделать. Мы не знаем, как он работает, не знаем принципа действия. А пока мы этого не узнаем, ни одна почтенная фирма, торгующая медицинскими приборами, не пустит его в продажу, ни один порядочный медицинский журнал не станет его рекламировать, ни один врач-практик не будет применять.

– Значит, на него надеяться нечего, – сказал я довольно уныло, потому что это была единственная вещь, применение которой нам было известно.

Льюис кивнул, выпил пива и стал мрачнее обычного.

Я теперь вспоминаю с улыбкой, как мы нашли устройство, которое принесло нам богатство. В сущности, это не Льюис, а Элен нашла его.

Элен хорошая хозяйка. Она вечно возится с пылесосом, тряпкой и моет рамы и подоконники с таким остервенением, что нам приходится красить их каждый год.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели телевизор.

– Джо, ты вытирал пыль в кабинете? – спросила Элен.

– Пыль в кабинете? С чего бы это?

– Видишь ли, кто-то вытер. Может, это Билл?

– Билла никакими силами не заставишь взять тряпку в руки.

– Тогда я ничего не понимаю, Джо, – сказала она. – Я пошла вытирать пыль, а там совершенно чисто. Все блестит.

По телевизору показывали что-то очень забавное, и я не обратил тогда на слова Элен никакого внимания.

Но на следующий день я вспомнил об этом и уже не мог выкинуть из головы. Я бы ни за что не стал вытирать пыль в кабинете, а Билл и подавно, и все же кто-то сделал это, раз Элен говорит, что там было чисто.

В тот же вечер я вышел с ведром на улицу, наложил в него пыли и принес в дом.

Элен перехватила меня в дверях.

– Ты что это делаешь?

– Экспериментирую, – ответил я.

– Экспериментировуй в гараже.

– Это невозможно, – возразил я. – Я должен выяснить, кто вытер пыль в кабинете.

Я знал, что если мой номер не удастся, то меня притянут к ответу, потому что Элен пошла следом и стала в дверях, приготовившись обрушиться на меня.

На столе лежало много предметов, полученных от Коммерсанта, а в углу валялось еще больше. Я убрал все со стола, и тут вошел Билл.

– Что ты делаешь, папа? – спросил он.

– Твой отец сошел с ума, – спокойно объяснила Элен.

Я взял горсть пыли и посыпал ею стол.

Через мгновение она исчезла. На столе не было ни пятнышка.

– Билл, – сказал я, – отнеси-ка один из этих приборов в гараж.

– Который?

– Любой.

Он унес один из приборов, а я сыпанул еще горсть пыли, и она тоже исчезла.

Билл вернулся, а я послал его с другим прибором.

Это продолжалось довольно долго, и Билл уже начал выражать недовольство. Но наконец я посыпал стол пылью, и она не исчезла.

– Билл, – сказал я, – ты помнишь, какую штуку ты выносил последней?

– Конечно.

– Ну, тогда иди и принеси ее обратно.

Он принес ее – и только появился на пороге кабинета, как пыль исчезла.

– Вот оно, – сказал я.

– О чем ты? – спросила Элен.

Я показал на устройство, которое держал Билл.

– Об этом. Выбрось свой пылесос, сожги тряпки, закинь куда-нибудь швабру. Достаточно одной такой штуки в доме и...

Она бросилась ко мне в объятия...

– О, Джо!

И мы с ней сплясали джигу.

Затем я сел и стал ругать себя на все корки за то, что связался с Льюисом. Я подумал: а нельзя ли теперь как-нибудь разорвать контракт, раз уж я нашел что-то без его помощи? Но я помнил все эти пункты, которые мы понаписали. Да и что толку – Элен уже побежала в дом напротив рассказать все Мардж.

Я позвонил Льюису, и он мигом примчался.

Мы начали полевые испытания.

В гостиной не было ни пятнышка, потому что Билл прошел через нее с прибором, да и гараж, где прибор оставался ненадолго, тоже был как вылизанный. Хотя мы и не проверяли, но я представляю себе, что на полосе, параллельно дорожке, по которой Билл нес прибор от гаража до двери дома, не осталось ни пылинки.

Мы отнесли прибор вниз и вычистили подвал. Пробрались на задний двор к соседу, где, как мы знали, было много цементной пыли, — и тотчас вся цементная пыль исчезла. Остались одни комочки, которые, я полагаю, пылью считать нельзя.

Этого только нам и надо было.

Вернувшись домой, я стал открывать бутылку шотландского виски, которую до того хранил, а Льюис примостился за кухонным столом и нарисовал прибор.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Рисунок исчез, а мы стали ждать. Через несколько минут появился еще один прибор. Мы подождали еще, но ничего не случилось.

— Надо втолковать ему, что нам надо много приборов, — сказал я.

— Мы никак не сможем это сделать, — заметил Льюис. — Мы не знаем его математических символов, а он не знает наших, и верного способа научить его то же нет. Он не знает ни единого слова нашего языка, а мы — его.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

Льюис сел и нарисовал поперек листа ряд приборов, а позади набросал верхушки множества других, так что казалось, будто приборов сотни.

Мы послали листок.

Пришло пятнадцать приборов – ровно столько, сколько было нарисовано в первом ряду.

Коммерсант явно не имел никакого представления о перспективе. Черточки, которыми Льюис обозначил другие приборы, стоящие за первым рядом, для него ничего не значили.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

– Нам нужны тысячи этих штук, – сказал Льюис, хватаясь руками за голову. – Не сидеть же мне здесь целыми сутками, рисуя их.

– Возможно, придется посидеть, – со злорадством сказал я.

– Но ведь должен быть другой выход.

– Почему бы не нарисовать целую кучу их, а потом заготовить копии на мимеографе? – предложил я. – Копии можно посылать ему пачками.

Не хотелось мне говорить этого, так как я уже увлекся мыслью, что засажу Льюиса куда-нибудь в уголок, и он будет приговорен к пожизненному заключению и рисованию одного и того же снова и снова.

– Может быть, что-нибудь из этого и получится, – сказал возмущительно обрадовавшийся Льюис. – И так просто...

– Скажите лучше – дельно, – отрезал я. – Если бы это было просто, вы бы сами придумали.

– Меня такие частности не интересуют.

– А надо бы!..

Мы успокоились только тогда, когда прикончили бутылку.

На следующий день мы купили мимеограф, и Льюис нарисовал трафарет с двадцатью пятью приборами. Мы отпечатали сотню листов и положили их на стол.

Все вышло, как было задумано, и несколько часов мы занимались тем, что убирали со стола приборы, хлынувшие потоком.

По правде говоря, у нас из головы не шла мысль о том, что захочет получить Коммерсант в обмен на свои пылесосы. Но в ту минуту мы были взволнованы и совсем забыли, что это коммерческая сделка, а не дар.

На следующий день вернулись обратно все мимеографические листки, и на обороте каждого Коммерсант нарисовал по двадцать пять зебр-брелков.

И тут мы оказались перед необходимостью срочно достать две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я бросился в магазин, где был куплен браслет с таким брелком, но у них в запасе было всего штук двадцать. В магазине сказали, что, наверное, не смогут заказать еще одну партию. Производство, сказали, прекращено.

Название компании, которая выпускала их, было отштамповано на внутренней стороне браслета, и, едва добравшись до дому, я заказал междугородный разговор.

В конце концов я добрался до заведующего производством.

— Вы знаете браслеты, которые выпускаются у вас?

— Мы выпускаем миллионы браслетов. О каком вы говорите?

— О том, что с зеброй.

Он задумался на мгновение.

— Да, выпускали такой, совсем недавно. Больше не выпускаем. В нашем деле...

– Мне нужно по меньшей мере две с половиной тысячи штук.

– Две с половиной тысячи браслетов?

– Нет, только зебр.

– Слушайте, вы не шутите?

– Не шучу, мистер, – сказал я. – Мне нужны зебры. Я заплачу за них.

– На складе нет ни одной.

– Вы могли бы их изготовить?

– Две с половиной тысячи не сможем. Слишком мало для специального заказа. Тысяч пятьдесят – это еще разговор.

– Ладно, – сказал я. – Сколько будет стоить пятьдесят тысяч?

Он назвал сумму, и мы немного поторговались, но я был не в состоянии долго торговаться. В конце концов мы сошлись на цене, которая, по-моему, была слишком высока, если учесть, что весь браслет с зеброй и прочими ви-сюльками в розничной торговле стоил всего 39 центов.

– И не закрывайте заказа, – сказал я. – Может потребоваться новая партия зебр.

– Ладно, – ответил он. – Погодите... позвольте задать вопрос, а для чего вам пятьдесят тысяч зебр?

– Не позволю, – сказал я и повесил трубку.

Наверно, он подумал, что у меня шариков не хватает, но мне было наплевать на то, что он думает.

До прибытия пятидесяти тысяч зебр прошло десять дней, и покоя мне не было ни минуты. А потом, когда они прибыли, надо было найти помещение, потому что, к вашему сведению, пятьдесят тысяч зебр, даже если они брелки к браслетам, занимают много места.

Но прежде всего я взял две с половиной тысячи и послал их через стол.

За десять дней, прошедших со времени получения пылесосов, мы ничего не посылали, а Коммерсант ничем не выражал своего нетерпения. Я бы несколько не удивился, если бы он, например, прислал нам свой эквивалент — бомбы, для того чтобы выразить свое разочарование по поводу медленной доставки заказанных им зебр. Мне часто приходило в голову: «А что он думает по поводу задержки, не подозревает ли нас в том, что мы его обманули?»

Все это время я без конца курил и грыз ногти, а Льюис, как мне казалось, был озабочен не меньше моего, выискивая возможности сбыта пылесосов.

Когда я упомянул об этом, он смущенно посмотрел на меня.

— Видите ли, Джо, меня очень тревожит одна вещь.

— Нам теперь беспокоиться не о чем, — сказал я, — кроме сбыта пылесосов.

— Но ведь пыль должна же куда-нибудь деваться, — раздраженно проговорил он.

— Пыль?

— Да, пыль, которую собирают эти штуки. Помните, как исчезла целая куча цемента? И я хочу знать, куда она делась. В приборе цемент поместиться не мог. В него не войдет даже недельная залежь пыли из дома средних размеров. Куда все это девается — вот что меня тревожит.

— А мне все равно куда. Лишь бы девалась.

— Деляческий подход, — сказал он презрительно.

Узнав, что Льюис палец о палец не ударил, чтобы обеспечить сбыт, я взялся за это дело сам.

Но передо мной встали те же препятствия, что и при попытке наладить сбыт приборов, измеряющих эмоции.

Пылесос не был запатентован и не имел фабричной марки. На нем не было красивой таблички с именем фабриканта. И я ничего не мог сказать, когда меня спрашивали, как он работает.

Один оптовик согласился взять партию за такую мизерную цену что я рассмеялся ему в лицо.

В тот вечер мы с Льюисом сидели за столом на кухне и пили пиво. Настроение у нас было не слишком лучезарное. Я предчувствовал тьму неприятностей со сбытом пылесосов. Льюис, по-видимому, все еще тревожился о том, куда девается пыль.

Он разобрал пылесос и узнал только одно: внутри действует какое-то слабое силовое поле... Слабое-то оно слабое, а все электрические цепи в лаборатории и все их чудесные измерительные приборы словно с ума посходили. Льюис сразу сообразил, к чему идет дело, и побыстрее захлопнул крышку пылесоса, так что все обошлось. Оказывается, кожух пылесоса экранировал силовое поле.

— Пыль, по-видимому, вышвыривается в другое измерение, — сказал Льюис; своим видом он напомнил мне гончую, потерявшую след енота.

— А может, и нет. Может, она возносится вверх в виде пыльного облака — вроде тех, что виднеются далеко в космосе.

Льюис покачал головой.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал я, — что Коммерсант такой дурак, что продал нам прибор, который швыряет ему пыль в лицо?

– Вы ничего не поняли. Коммерсант действует из другого измерения. Иначе и быть не может. Но если есть два измерения – его и наше, – то, возможно, есть и другие. Коммерсант, по-видимому, пользовался этими пылесосами сам – не для той цели, для которой собираемся использовать их мы, но, наверно, он тоже отделяется от чего-то ненужного. А следовательно, то, от чего он отделяется, выбрасывается не в его измерение, а в другое.

Мы выпили еще пива, и я стал ломать себе голову над этим делом с разными измерениями. И никак не мог сообразить, что к чему. Наверно, Льюис был прав, когда говорил, что у меня деловой подход. Разве можно поверить в другое измерение, если его нельзя увидеть, потрогать и даже представить себе? Я на такое не способен.

Поэтому я снова заговорил о сбыте пылесосов, и в тот же вечер мы порешили, что нам остается только торговать ими вразнос. Мы даже установили цену – двенадцать долларов пятьдесят центов. Зебры нам обходились по четыре цента каждая, своим коммивояжерам мы собирались платить десять процентов комиссионных, и от продажи каждого пылесоса нам оставалось 11 долларов 21 цент чистой прибыли.

Я поместил в газете объявление о найме коммивояжеров, и на следующий день явилось несколько человек. Мы отправили их в пробный рейс.

Пылесосы расхватывали, как горячие пирожки, и мы поняли, что наше дело выгорело!

Я ушел с работы и занялся торговлей, а Льюис вернулся в лабораторию и принялся за гору того хлама, который мы получили от Коммерсанта.

Когда проводишь массовую распродажу, хлопот бывает полон рот: надо распределять районы между коммивояжерами, получать разрешения в торговой инспекции, брать на поруки своих людей, если их сажают в кутузку за нарушение какого-нибудь постановления, принятого властями забытой богом деревеньки. Вы себе не представляете, сколько тут всяких беспокойств.

Но месяца через два дела пошли в гору. Мы наладили торговлю в своем штате и стали создавать отделения в других. Я заказал дополнительно пятьдесят тысяч зебр и пообещал заказать еще. За моим письменным столом кипела работа. В конце концов я дошел до того, что нанял трех человек, которые работали посменно круглые сутки, и платил им большие деньги, чтоб держали язык за зубами. Восемь часов мы посылали зебр, затем восемь часов убирали со стола пылесосы, следующие восемь часов снова клали на стол зебр...

Если Коммерсанту и было тошно от того, что происходило, он этого не показывал. Его, видимо, вполне устраивал такой обмен.

Соседи сперва сгорали от любопытства и нервничали, но потом привыкли. Если бы я мог переехать в какое-нибудь другое место, я бы так и сделал, потому что дом был теперь больше похож на учреждение, и семейной жизни у нас, в сущности, не стало. Но поскольку нам не хотелось терять наш бизнес, мы вынуждены были сидеть на месте, так как контакт с Коммерсантом мог осуществляться только здесь.

Деньги текли к нам рекой, и все финансы я передал в ведение Элен с Мардж. Сборщики подоходного налога за-

дали нам жару за то, что мы не указывали производственных расходов, но, так как мы не собирались спорить и платили, что положено, они ничего не могли поделать.

Льюис в своей лаборатории вымотал себя так, что превратился в щепку, но не нашел ничего такого, что бы мы могли использовать.

Он по-прежнему время от времени тревожился о том, куда же девается вся пыль. И, наверно, впервые в жизни оказался прав.

Однажды, года через два после того, как мы начали продавать пылесосы, я возвращался из банка, где улаживал всякие финансовые дела, которые Элен с Мардж запутали до невозможности. Только я свернул на дорожку, ведущую к дому, как из него вылетела Элен. Она была покрыта пылью, все лицо в грязных полосах — сроду не видал такой замарашки.

— Сделай что-нибудь с этим, Джо! — закричала она.

— С чем?

— С пылью! Она валит в дом!

— Откуда?

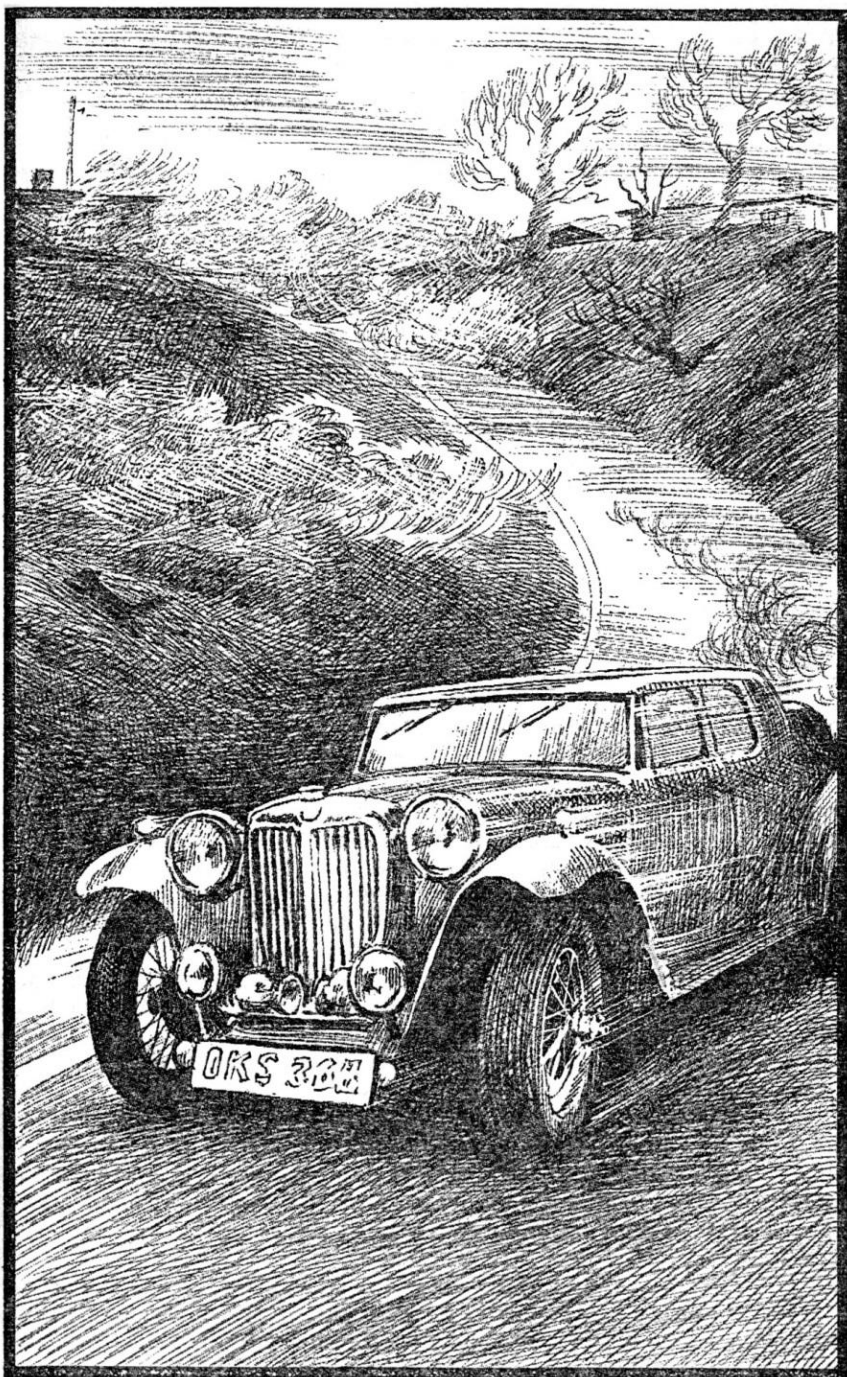
— Отовсюду!

Тут я увидел, что Элен растворила все окна и из них столбом валит пыль. Я выскочил из машины и посмотрел, что делается на улице. Во всех домах квартала окна были открыты, из них клубами валила пыль, всюду сновали злые, визжащие женщины.

— Где Билл? — спросил я.

— За домом.

Завернув за угол, я крикнул Билла, и он тут же примчался.

Из дома напротив пришла Мардж. Она рассвирепела от этой пыли еще почище Элен.

— Садитесь в машину, — сказал я.

— Куда мы поедem? — спросила Мардж.

— За Льюисом.

Наверно, по моему тону они поняли, что я шутить не намерен, и забились в машину. Я повел ее на полной скорости.

Дома, заводы, магазины, купившие у нас пылесосы, извергали столько пыли, что не видно было ни черта.

Чтобы добраться до кабинета Льюиса, мне пришлось проложить себе путь через двухфутový слой пыли, лежавший на полу лаборатории. Прикрыв нос платком, я едва спасся от удушья.

В машине мы вытерли лица и отхаркали пыль, забившую глотки. Только тут я увидел, что Льюис втрое бледнее обычного, впрочем, по правде сказать, он всегда был бледной немочью.

— Это все натворили существа из того, третьего, измерения, — испуганно проговорил он, — из того места, куда мы отправляли всю пыль. Им чертовки надоело, что она валится на них. Они сообразили, что надо делать, и теперь качают ее обратно.

— Успокойтесь. Может, это вовсе и не из-за наших пылесосов.

— Я проверил, Джо. Из-за наших. Пыль валит во всех тех местах, где есть наши пылесосы. И ниоткуда больше.

— Значит, нам остается только отправить ее обратно.

Льюис покачал головой.

— Не выйдет. Пылесос работает теперь только в одну

сторону – от них к нам. – Он закашлялся и посмотрел на меня безумными глазами. – Подумайте только! Два миллиона этих приборов собирали пыль в двух миллионах домов, магазинов, заводов... некоторые из них функционировали целых два года! Джо, как нам теперь быть?

– Спрячемся где-нибудь, пока это все не... гм, не развется.

Имея мерзкую склонность к сутяжничеству, он, верно, тогда еще предвидел, что на нас обрушатся бесчисленные судебные иски.

Лично я больше боялся, что разъяренные женщины устроят над нами самосуд.

Но теперь все это в прошлом. Мы прятались, пока люди немного не успокоились и не стали требовать своих денег обратно через суд. У нас было много денег, и мы смогли заплатить большинству из них. С нас еще должны взыскать несколько сот тысяч. Но мы можем расплатиться довольно быстро, если нападём на что-нибудь столь же доходное, как сбыт пылесосов.

Льюис упорно трудится над этим, но ему пока не везет. Да и Коммерсант наш исчез. Как только мы осмелились вернуться домой, я тотчас отправился в кабинет и взглянул на стол. Пятно исчезло. Я пытался класть всякие предметы на то место, где оно прежде было, но ничего из этого не получилось.

Что спугнуло Коммерсанта? Много бы я отдал, чтобы знать. Впрочем, кое-какие коммерческие перспективы у нас есть.

Возьмите, например, розовые очки, которые мы называем очками счастья. Наденьте их – и будете рады-

радешеньки. Почти всякий человек на земле хотел бы иметь такие, чтобы на время забывать о заботах. С таким бизнесом мы бы, наверное, разорили всех торговцев спиртным.

Беда только в том, что мы не знаем, как их делать, а Коммерсант исчез. Теперь мы не можем добывать их.

Но одно меня продолжает тревожить. Я понимаю, беспокоиться не стоит, но все равно это дело никак не идет из головы.

Ну, что сделал этот Коммерсант с теми двумя миллионами зебр, которые мы послали ему?

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

I

С некоторого времени Стэнли Пакстон слышал раздававшиеся на западе глухие взрывы. Но он продолжал свой путь, так как не исключено было, что преследователь его догоняет, идет за ним по пятам, а значит, он не мог отклоняться от курса. Потому что, если память ему не изменяла, усадьба Нельсона Мура находилась где-то среди тех холмов, впереди. Там он укроется на ночь, а может быть, даже получит средства дальнейшего передвижения. Всякая связь для него в данный момент исключалась — это он знал; люди Хантера прослушивали все линии, жадно ловя каждую весточку о нем.

Много лет назад он гостил у Мура на пасху, и сегодня ему то и дело казалось, что он узнает знакомые места. Но воспоминания его за столь долгое время, прошедшие после визита на эти холмы, потускнели, и положиться на них он не мог.

По мере того как день клонился к закату, страх быть выслеженным ослабевал. В конце концов, сзади могло никого и не быть. На одном из холмов Пакстон полчаса наблюдал из кустов за дорогой, но и намек на преследование не заметил.

Конечно, обломки его летательного аппарата давно обнаружены, но, может быть, когда это случилось, сам он был уже далеко и выяснить, в каком направлении он скрылся, не удалось.

Весь день он старательно наблюдал за пасмурным небом и радовался отсутствию там воздушных разведчиков.

Когда солнце спряталось за тонувший в грозовых тучах горный кряж, он вдруг почувствовал себя в полной безопасности.

Он вышел из долины и стал взбираться на лесистый холм. Странное, сотрясающее воздух громохание слышалось теперь совсем рядом, а небо озарялось всполохами разрывов.

Он поднялся на холм и присел. Внизу площадь в квадратную милю, если не больше, дыбилась от взрывов, между которыми он слышал противное стрекотание, и мурашки бегали у него по спине.

Притаившись, он наблюдал, как волнами прокатываются то с одной, то с другой стороны вспышки огней, перемежаясь с резкими, оглушительными залпами артиллерийских орудий.

Немного посидев, он встал, плотнее завернулся в плащ и поднял капюшон.

С примыкавшей к подножью холма стороны поля смутно вырисовывалось в сумерках квадратное сооружение. А само поле казалось накрытым гигантской перевернутой чашей, хотя из-за темноты это впечатление могло быть обманчивым.

Сердито буркнув себе под нос, Пакстон сбежал вниз и увидел, что заинтересовавшее его сооружение было своеобразным наблюдательным пунктом, надежно укрепленным, высоко поднятым над землей и сверху закрытым до половины толстым стеклом. С одной стороны вышки свисала веревочная лестница.

— Что здесь происходит? — гаркнул Пакстон, но голос его был заглушен доносившимся с поля грохотом.

Чтобы выяснить, в чем дело, Пакстону пришлось карабкаться по лестнице. Когда глаза его оказались на уровне закрывавшего вышку стекла, он остановился.

Мальчик не старше четырнадцати лет был, по-видимому, целиком поглощен разыгрывавшейся впереди баталией. На шее у него болтался бинокль, а сбоку находилась массивная приборная доска.

Пакстон добрался до конца лестницы и проник внутрь вышки.

— Эй, молодой человек!

Мальчишка обернул к посетителю милейшую физиономию со свисавшим на лоб чубом.

— Простите, сэр. Боюсь, я не слышал, как вы вошли.

— Что здесь происходит?

— Война. Петви как раз начал решающее наступление. Я изо всех сил стараюсь сдержать его.

— Невероятно! — Пакстон задыхался от возмущения.

Мальчик наморщил лоб.

— Я не понимаю.

— Ты сын Нельсона Мура?

— Да, сэр. Я Грэм Мур.

— Я давным-давно знаю твоего отца. Мы вместе ходили в школу.

— Он рад будет видеть вас, сэр, — оживился мальчик, которому не терпелось спровадить этого невесть откуда взявшегося зануду. — Ступайте прямо на север, и тропинка выведет вас к нашему дому.

— Может, пойдем вместе? — предложил Пакстон.

— Сейчас никак не могу. Я должен отразить атаку. Петви добился перевеса, сберег боеприпасы и произвел

некоторые маневры, а я их не сразу заметил. Поверьте, сэр, положение мое незавидное.

– Кто этот Петви?

– Противник. Мы вот уже два года воюем.

– Понимаю, – серьезно сказал Пакстон и удалился.

Он нашел тропинку, которая привела его в лощину между двумя холмами. Здесь, под сенью густых деревьев, стоял старинный дом.

Из дворика в виде патио женский голос окликнул:

– Это ты, Нельс?

Женщина сидела в кресле-качалке на гладком плитняке и казалась белым пятнышком: бледное лицо в ореоле седых волос.

– Не Нельс, – сказал Пакстон, – Старый друг вашего сына.

Здесь, он заметил, почти не слышен был шум битвы: благодаря каким-то особенностям акустики звук терялся в холмах. Только небо на востоке вспыхивало от взрывов ракет и тяжелых артиллерийских снарядов.

– Мы рады вам, сэр, – сказала старая дама, не переставая раскачиваться в своем кресле. – Но мне хотелось бы, чтобы Нельсон был дома. Не люблю, когда он бродит в темноте.

– Меня зовут Стэнли Пакстон. Я из политиков.

– Ах, да. Теперь припоминаю. Вы были у нас однажды на пасху, двадцать лет назад. Я Корнелия Мур, но зовите меня просто бабушкой, как все здесь.

– Я очень хорошо вас помню, – сказал Пакстон. – Надеюсь, я вас не стесню.

– Боже упаси! У нас редко кто бывает. Мы рады каж-

дому гостю. Особенно обрадуется Теодор. Зовите его лучше дедей.

– Дедей?

– Дедушкой. Так Грэм, когда был малышом, называл его.

– Я видел Грэма. Он, похоже, очень занят. По его словам, Петви добился перевеса.

– Этот Петви слишком грубо играет, – слегка нахмурилась бабушка.

В патио неслышно вошел робот.

– Обед готов, госпожа.

– Мы подождем Нельсона, – сказала бабушка.

– Да, госпожа. Хорошо бы он вернулся... Нам не следует слишком долго ждать. Дедя уже второй раз принимается за бренди.

– У нас гость, Илайджа. Покажи ему, пожалуйста, его комнату. Это друг Нельсона.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Илайджа. – Попрошу вас пройти со мной. И где ваш багаж? Я могу, пожалуй, сходить за ним.

– Конечно, можешь, – сухо сказала бабушка. – И я просила бы тебя, Илайджа, не ломаться, когда у нас гости.

– У меня нет багажа, – смутился Пакстон.

Он прошел за роботом в дом и через центральный холл поднялся по очень красивой винтовой лестнице.

Комната была большая, со старомодной мебелью и камином.

– Я разожгу огонь, – сказал Илайджа. – Осенью после захода солнца бывает прохладно. И сыро. Похоже, собирается дождь.

Пакстон стоял посреди комнаты, напрягая память.

Бабушка – художница, Нельсон – натуралист, а вот чем занимается старый дедя?

– Старый джентльмен, – сказал робот, нагибаясь к камину, – угостит вас вином. Он будет настаивать на бренди. Но, если желаете, сэр, я могу принести вам что-нибудь другое.

– Нет, спасибо. Пусть будет бренди.

– Старый джентльмен чувствует себя именинником. У него найдется о чем с вами поговорить. Он как раз закончил сонату, сэр, над которой трудился почти семь лет, и сейчас вне себя от гордости. Не скрою, случалось, дело шло крайне туго, и он делался тогда просто невыносим. У меня до сих пор осталась вмятина – поглядите, сэр...

– Я вижу, – с чувством неловкости признал Пакстон.

Робот стоял у камина. Дрова уже начали потрескивать.

– Я схожу за вином, сэр. Если я немного задержусь, не беспокойтесь. Старый джентльмен, без сомнения, воспользуется случаем прочесть мне лекцию о правилах обращения с гостем.

Пакстон снял плащ, повесил его на стойку возле кровати, а затем вернулся к камину и сел в кресло, протянув ноги к огню.

«Не следовало приезжать сюда, – подумал он. – Непозволительно впутывать этих людей в грозящие ему опасности. Они живут в ином, неторопливом, спокойном мире – мире созерцания и раздумий, тогда как его мир – мир политики – состоит из сплошной суеты, а иногда чреват тревогами и смертельным страхом».

Он решил ничего им не рассказывать. И он останется

здесь только на одну ночь – уйдет еще до рассвета. Как-нибудь он сможет связаться со своей партией. Где-нибудь в другом месте он отыщет людей, которые ему помогут.

В дверь постучали. Очевидно, Илайджа управился быстрее, чем рассчитывал.

– Войдите! – крикнул Пакстон.

Это был не Илайджа; это был Нельсон Мур.

Он вошел как был, в верхней одежде, в замызганных сапогах, и на лице его осталась темная полоска грязи, когда он ладонью откинул со лба волосы.

– Бабушка сказала, что ты здесь, – проговорил он, пожимая Пакстону руку.

– У меня две недели отпуска, – по-джентльменски солгал Пакстон. – У нас только что закончились учения. Если тебя это интересует, могу сообщить, что я избран президентом.

– Ну, это замечательно! – с энтузиазмом сказал Нельсон.

– Да, пожалуй.

– Давай сядем.

– Боюсь, из-за меня задержится обед. Робот говорил...

Нельсон рассмеялся.

– Илайджа всегда торопит с едой. Хочет побыстрее отделаться. Мы привыкли и не обращаем на него внимания.

– Я жажду познакомиться с Анастасией, – сказал Пакстон. – Помнится, ты писал мне о ней и...

– Ее нет здесь, – сказал Нельсон. – Она... в общем, она меня бросила. Почти пять лет назад. Ей было тесно в этом мирке. Нам вообще следовало бы вступать в браки только с теми, кто участвует в Продолжении.

– Прости. Я не должен был...

– Ничего, Стэн. Все это в прошлом. Некоторым наш проект просто не подходит. Я после ухода Анастазии не раз думал, что мы собой представляем. И вообще, имеет ли все это смысл.

– Такие мысли возникают порой у каждого, – сказал Пакстон. – Иногда мне приходилось вспоминать историю, чтобы как-то оправдать наши действия. Возьми, к примеру, монахов так называемого средневековья. Им удалось все же сберечь часть эллинской культуры. Конечно, цели у них были эгоистические, как и у нас, участников Продолжения, но выиграл-то весь человеческий род.

– Я тоже обращаюсь к истории и тогда кажусь себе ди-карем, забившемся в темный угол в каменном веке и деловито пыхтящем над своим примитивным орудием, когда другие уже летают к звездам. Все это представляется такой бессмыслицей, Стэн...

– С виду, пожалуй. То, что меня сейчас выбрали президентом, не имеет ни малейшего значения. Но может настать день, когда знание политических методов окажется очень нужным. И тогда человечеству достаточно будет вернуться на Землю, чтобы найти все в готовом виде. Эта кампания, которую я провел, была грязным делом, Нельсон. Мне она не делает чести.

– Грязи в земной цивилизации предостаточно, – сказал Нельсон, – но, раз уж мы взялись сберечь эту цивилизацию, мы должны сохранить все как есть: порок рядом с благородством, грязь рядом с безукоризненной чистотой.

Дверь тихо отворилась, и в комнату мягко скользнул Илайджа с подносом, на котором стояли две рюмки.

– Я слышал, как вы вошли, – сказал он Нельсону, – а потому захватил кое-что и для вас.

– Спасибо. Ты очень любезен.

Илайджа нерешительно помялся.

– Не могли бы вы чуточку поторопиться? Старый джентльмен почти прикончил бутылку. Боюсь, как бы с ним чего не случилось, если я сейчас же не усажу его за стол.

II

После обеда Грэма отправили на боковую, а дедя со всей торжественностью откупорил новую бутылку хорошего бренди.

– Чудной мальчик, – объявил он. – Не знаю, что из него выйдет. Как подумаю, что он целый божий день ведет эти дурацкие баталии. Я всегда полагал, что он хочет заняться каким-нибудь полезным делом. Но нет ничего бесполезнее генерала, когда все войны кончились.

Бабушка сердито скрипнула зубами.

– Не то чтобы мы не старались. Мы перепробовали решительно все. Но его ничем нельзя было увлечь, пока он не ухватился за военное дело.

– Котелок у него варит, – с гордостью заметил дедя. – Но вообразите, на днях этот наглец обратился ко мне с просьбой написать для него военную музыку. Я! Я и военная музыка! – почти завопил дедя, колотя себя по груди.

– В нем сидит дух разрушения, – продолжала возмущаться бабушка. – Он не хочет созидать. Он хочет только уничтожать.

– Не гляди на меня, – сказал Пакстону Нельсон. – Я давно отступился. Дедя и бабушка забрали его у меня сразу после ухода Анастازии. Послушать их, так подумаешь, они его терпеть не могут. Но стоит мне тронуть его пальцем, как оба они...

– Мы сделали все, что могли, – сказала бабушка. – Мы предоставили ему все возможности. Мы покупали ему любые наборы. Ты помнишь?

– Как не помнить? – ответил все еще занятый бутылкой дедя. – Мы купили ему набор для моделирования окружающей среды. И посмотрели бы вы, какую жалкую, несчастную, отвратительную планету он соорудил! Тогда мы попытались занять его роботехникой...

– Он ловко с этим разделался, – съязвила бабушка.

– Да, роботы у него получились. Он с увлечением конструировал их. Помнишь, как он бился, заставляя их воевать? Через неделю от них осталось только две кучки лома. Но я в жизни не видел такого увлеченного человека, каким был всю эту неделю Грэм.

– Его едва можно было заставить поесть, – сказала бабушка.

– Но хуже всего было, – сказал дедя, разливая по рюмкам бренди, – когда мы решили познакомить его с религией. Он придумал такой немыслимый культ, что мы не знали, как с этим покончить...

– А больница? – подхватила бабушка. – Это была твоя идея, Нельсон...

– Оставим этот разговор, – помрачнел Нельсон. – Стэнли, я уверен, он неинтересен.

Пакстон, поняв намек, переменял тему:

– Я хотел спросить вас, бабушка, какие картины вы пишете. Нельсон, насколько я помню, никогда об этом не говорил.

– Пейзажи, – сказала славная старушка. – Я экспериментирую.

– А я ей толкую, что это неправильно, – заявил дедя. – Экспериментировать не положено. Наше дело – соблюдать традиции, а не выдумывать что кому заблагорассудится.

– Наше дело, – обиделась бабушка, – не допускать технического прогресса, но это не значит, что нам недозволен прогресс в чисто человеческих делах. А вы, молодой человек, – обратилась она за поддержкой к Пакстону, – разве не такого мнения?

Пакстон, очутившийся между двух огней, ответил уклончиво:

– Отчасти. В политике мы, естественно, допускаем развитие, но периодически проверяем, насколько оно логично и соответствует принципам человеческого общества. И мы не позволяем себе отбросить ничего из старых приемов, какими бы отжившими они ни выглядели. То же касается и дипломатии. Я кое-что в этом смысле, потому что дипломатия и политика взаимосвязаны и...

– Вот! – сказала бабушка.

– Знаете, что я думаю? – мягко сказал Нельсон. – Мы запуганы. Впервые в нашей истории человечество оказалось в меньшинстве, и мы дрожим от страха. Мы боимся, что среди великого множества существующих в Галактике разумных существ человеческий род затеряется, утратит свое лицо. Мы боимся ассимиляции.

– Ошибаешься, сын, – возразил дедя. – Мы не запуга-

ны, мой мальчик. Мы просто чертовски дальновидны, вот и все. Когда-то мы имели великую культуру, и зачем нам от нее отказываться? Правда, большинство современных людей приспособились к галактическому образу жизни, но это еще не значит, что такой путь наилучший. Когда-нибудь мы можем захотеть вернуться к человеческой культуре или использовать какие-то ее разделы. И, чтобы этот путь навсегда остался открыт для нас, нам необходим Проект Продолжения. Заметьте, это важно не только для человеческого рода – какие-то аспекты нашей культуры могут когда-нибудь очень и очень пригодиться всей Галактике.

– Зачем тогда держать сам проект в тайне?

– Я не считаю это тайной. Просто никто не обращает особого внимания на человечество, а на Землю – и вовсе никакого. Человеческий род против всех остальных – так, мелочь, а Земля – одряхлевшая планета, о которой и говорить не стоит. Вы когда-нибудь слышали, что наше дело – тайна? – спросил он Пакстона.

– По-моему, нет. Я всегда понимал это так, что мы не кричим о себе на всех перекрестках. На Продолжение я смотрю как на вверенную нашему попечению святыню. Пока все остальное человечество осваивает цивилизации других миров, мы храним здесь, на Земле, традиции нашего рода.

Старик хихикнул.

– Если говорить о масштабах, то мы всего лишь группка бушменов, но, попомните мои слова, мы высокоразвитые и даже опасные бушмены.

– Опасные? – спросил Пакстон.

– Он имеет в виду Грэма, – тихо пояснил Нельсон.

– Нет, – сказал дедя. – Не только его. Я имею в виду всех нас. Потому что, согласитесь, все, кто присоединяется к галактической культуре, что-то в нее вносят, но неизбежно и что-то теряют, отказываются от чего-то, не соответствующего общему духу. Это касается и человеческого рода, с той, однако, разницей, что он на самом деле ничего не теряет. Все, от чего он отказывается, он оставляет в надежных руках. Человечество знает, что делает! Не зря оно содержит нас, кучку варваров на старой, доброй планете, на которую члены этого замечательного галактического союза глядеть не хотят!

– Не слушайте его, – сказала бабушка. – Он ужасен. Вы не представляете, сколько в этом высохшем старикашке коварства и напористости.

– А что такое Человек? – вскричал дедя. – Он, когда надо, бывает коварен и напорист. Как достигли бы мы того, что имеем, не будь мы коварны и напористы?

«Доля истины в этом есть, – подумал Пакстон. – Ведь и все, что человечество сейчас здесь проделывает, тоже сознательное надувательство. Впрочем, кто знает, на скольких еще планетах ведется такая же или аналогичная работа?»

И если уж делать ее, то делать как следует. Нельзя просто поместить человеческую культуру в музей, потому что там она станет мертвым экспонатом. Выставка наконечников стрел может выглядеть любопытно, но человек никогда не научится изготавливать эти наконечники, просто глядя на них. Если хочешь сохранить искусство изготовления наконечников, надо продолжать выделывать их, пере-

давая опыт из поколения в поколение еще долго после того, как нужда в самих наконечниках отпадет. Достаточно пропустить одно поколение – искусство будет утеряно.

Так же может затеряться и любое другое искусство или мастерство. И не только связанное с чисто человеческой культурой, но и с тем, что вносит человечество своего, уникального в общую для всех разумных существ деятельность.

Илайджа внес охапку дров, свалил ее у камина, подбросил поленьев в огонь и пошуровал кочергой.

– Ты весь мокрый, – сказала бабушка.

– На дворе дождь, госпожа, – ответил Илайджа, идя к двери.

Пакстон размышлял о Проекте Продолжения, призванном сохранить все накопленные человечеством знания и искусства.

Потому и секция политикой практикует прежние методы политической борьбы, и секция дипломатов старательно создает неразрешимые как будто трудности, чтобы затем преодолевать их. И команды промышленников ведут традиционную нескончаемую войну с профсоюзами. И разбросанные по всей Земле скромные мужчины и женщины создают произведения живописи, и скульптуры, и музыки, и изящной словесности, стремясь сберечь все, из чего складывается исконно человеческая культура, не дать ей раствориться в новой и замечательной культуре, возникшей из слияния духовных богатств многих звездных миров.

«И на какой же случай мы все это бережем? – подумал

вдруг Пакстон. Может быть, мы делаем это из обыкновенного и даже глупого тщеславия? Или мы просто не в силах отбросить скептицизм и высокомерие? А может быть, старый дедя правильно говорит, что наши действия полны глубокого смысла?»?

— Вы сказали, что занимаетесь политикой, — обратился к Пакстону дедя. — Вот эту деятельность нам особенно важно сохранить. Насколько я знаю, ей сейчас не уделяется должного внимания. Есть, конечно, администрация, и понятие о гражданских обязанностях, и прочая такая чепуха, но настоящая политика у этой новой культуры в загоне. Между тем политика может оказаться мощнейшим оружием, когда мы захотим чего-то добиться.

— Политика, — ответил Пакстон, — часто очень грязное дело. Это борьба за власть, стремление пересилить противника, морально его растоптать. А в конечном итоге у побежденного возникает комплекс неполноценности, от которого он страдает.

— И все же это, наверно, забавно. Даже, я бы сказал, волнующе.

— Волнующе — да. Эти наши последние учения предусматривали игру без правил. Мы так запланировали. Выглядело это, должен сказать, отвратительно.

— И тебя избрали президентом, — сказал Нельсон.

— Да, но ты не слышал от меня, что я горжусь этим.

— А следовало бы, — решительно заявила бабушка. — В старину стать президентом было очень почетно.

— Может быть, — согласился Пакстон, — но не таким путем, каким добилась этого моя партия.

«Я мог бы пойти дальше, — подумал Пакстон, — и рассказать им все, чтобы они поняли. Я мог бы сказать: я зашел слишком далеко. Я очернил и опорочил своего противника сверх всякой необходимости. Я использовал любые грязные трюки. Я подкупал, и лгал, и шел на компромиссы, и торговался. И я проделал все это так ловко, что околпачил даже электронную машину, заменяющую прежних избирателей. А теперь мой противник выкинул новый трюк и испытывает его на мне.

Потому что убийство так же неотделимо от политики, как дипломатия или война. В конце концов, политика — это балансирование на острие насилия; мы предпочли моделировать не революцию, а выборы. Но политика во все времена переплеталась с насилием».

Он допил свой бренди и поставил рюмку на стол. Дедя схватил бутылку, но Пакстон покачал головой.

— Спасибо, не стоит. Если не возражаете, я скоро лягу. Мне необходимо на рассвете отправиться в путь.

Он не должен был вообще приезжать сюда. Было бы непростительно, если бы эти люди пострадали от последствий недавних учений.

Впрочем, он неправ, называя это последствиями: все происходящее является неотъемлемой частью все тех же учений.

Тренькнул дверной звонок, и было слышно, как Илайджа торопится открывать.

— Вот это да! — удивилась бабушка. — Кто мог прийти к нам так поздно? Да еще в дождь?

Это был представитель церкви.

Остановившись в холле, он потрогал рукой свой мок-

рый плащ и, сняв шляпу, стряхнул с ее широких полей воду.

Затем он неторопливо и степенно прошел в комнату.

Все встали.

— Добрый вечер, епископ, — сказал дедя. — Хорошо, что в такую погоду вы наткнулись на наш дом. А мы рады вам, ваше преосвященство.

Епископ широко, почти по-приятельски улыбнулся.

— Я не церковник. Я только от Проекта. Но вы можете обращаться ко мне как к священнику. Это поможет мне не выйти из роли.

Илайджа, вошедший следом за ним, унес его плащ и шляпу. Епископ остался в богатом и нарядном облачении.

Дедя представил присутствующих и налил епископу бренди. Тот поднес рюмку к губам, почмокал и сел в кресло у камина.

— Думаю, вы не обедали, — сказала бабушка. — Ясно, нет. Здесь поблизости не найдется где пообедать. Илайджа, принеси епископу поесть, да побыстрей.

— Спасибо, сударыня, — сказал епископ. — У меня позади долгий, трудный день. Я признателен вам за ваше гостеприимство. Я ценю его больше, чем вы можете себе представить.

— У нас сегодня праздник, — радостно объявил дедя, в сотый раз наполняя собственную рюмку. — К нам редко кто заглядывает, а тут за один вечер сразу двое гостей.

— Двое гостей, — повторил епископ, не сводя глаз с Пакстона. — И впрямь славно.

У себя в комнате Пакстон закрыл дверь и плотнее задвинул засов.

Дрова в камине почти догорели; последние угольки, слабо тлея, бросали тусклый свет на пол. Дождь негромко барабанил по закрытому окну.

А Пакстон был объят тревогой и страхом.

Сомневаться не приходилось: епископ – убийца, посланный по его следу.

Никто без причины, и достаточно веской причины, не потащится осенней дождливой ночью через эти холмы. Кстати говоря, епископ почти не промок. С его шляпы упало всего несколько капель, а плащ был чуть влажным.

Более чем вероятно, епископ прилетел и был сброшен здесь, как сброшены, должно быть, еще в полудюжине мест другие убийцы: их разослали повсюду, где предположительно скрылся беглец.

Поместили епископа в комнате прямо напротив, и Пакстон подумал, что при других обстоятельствах все можно было бы закончить на месте. Он поднял лежавшую возле камина кочергу и взвесил ее в руке. Один удар этой штукой – и конец.

Но он не мог пойти на такое. Здесь, в этом доме, не мог.

Он положил кочергу и направился к кровати, рядом с которой висел его плащ. Он взял плащ и стал медленно натягивать его, вспоминая события этого утра.

Он был дома один, когда позвонил телефон, и на экране возникло лицо Салливана – лицо насмерть перепуганного человека.

– Хантер охотится за вами. Он отправил к вам своих людей.

– Но он не смеет этого делать! – запротестовал Пакстон.

– Очень даже смеет. Он действует в рамках учений. Убийство всегда было одним из методов...

– Но учения кончились!

– Для Хантера не кончились. Вы позволили себе лишнее. Вам надо было придерживаться гипотез, связанных с проблемой; вы зря коснулись личных дел Хантера. Вы раскопали такое, о чем, по его убеждению, никто не мог знать. Как вы сумели, дружище?

– У меня есть свои каналы, – сказал Пакстон. – И в таком деле, как это, все средства годились. Он тоже боролся без перчаток.

– В общем, поторопитесь. Они явятся с минуты на минуту. У меня нет никого под рукой. Я не успею вовремя помочь вам.

«И все могло бы обойтись, – подумал Пакстон, – если бы не авария».

Ему вдруг подумалось, не было ли здесь саботажа.

Но так или иначе, ему удалось приземлиться, и он был в состоянии идти, и смог добраться сюда, в этот дом.

Он в нерешительности стоял посреди комнаты.

Было униительно бежать второй раз, но ничего другого не оставалось. Он не мог допустить, чтобы превратности его собственной судьбы обрушились на этот дом.

И, если не считать кочерги, он был безоружен, потому что оружие на этой, ныне мирной планете сделалось

большой редкостью – не предметом обихода, как в былые времена.

Он подошел к окну и, открыв его, увидел, что дождь прекратился и из рваных, быстро несущихся облаков выглядывает половинка луны.

Прямо под его окном была крыша портика, и, окинув ее взглядом, он решил, что босиком здесь можно будет пройти, а расстояние от края крыши до земли, верно, немногим больше семи футов.

Он снял туфли, сунул их в карман плаща и вылез через окно. Но с полдороги он вернулся назад, прошел к двери и тихонько отодвинул засов. Было бы не очень красиво сбегать, оставив комнату запертой.

Крыша была скользкой после дождя, но он благополучно добрался до края. Спрыгнув, он попал в кусты и немного оцарапался, но это, сказал он себе, – пустяки.

Он снова обулся и поспешно зашагал прочь от дома. Дойдя до опушки леса, он оглянулся. Позади было темно и тихо.

Он дал себе слово, как только вся эта эпопея кончится, подробно написать обо всем Нельсону и извиниться перед ним.

Он нащупал ногами тропинку и пошел по ней в призрачном полумраке – луна по-прежнему едва пробивалась сквозь тучи.

– Сэр, – послышался голос совсем рядом с ним, – я вижу, вы решили прогуляться...

Пакстон от страха подскочил.

– Славная ночь для прогулки, – спокойно продолжал тот же голос. – После дождя кругом все так чисто и свежо.

– Кто здесь? – вне себя от испуга спросил Пакстон.

– Это Петви, сэр. Петви – робот, сэр.

Пакстон издал нервный смешок.

– Ах, да. Теперь припоминаю: противник Грэма.

Робот вышел из-за деревьев и двинулся вместе с ним по тропинке.

– Только подумать, что вы захотели взглянуть на поле боя!

– А что! – ухватился Пакстон за протянутую роботом соломинку. – Именно это я хочу сделать. Я никогда ни о чем подобном не слышал и, естественно, заинтригован.

– Сэр, – с готовностью произнес робот, – я весь в вашем распоряжении. Уверяю вас, никто лучше меня не сможет вам всего объяснить. Я с самого начала здесь, при мастере Грэме, и, если у вас есть вопросы, я охотно отвечу на них.

– Да, у меня есть один вопрос. Какова цель всей этой затеи?

– Ну, вначале, конечно, просто хотели развлечь подрастающего мальчугана. Но сейчас, с вашего позволения, сэр, я сказал бы, что дело куда важнее.

– Ты хочешь сказать, что это часть Продолжения?

– Ну да, сэр. Я понимаю естественное нежелание людей признаться в этом даже самим себе, но факт остается фактом: в истории человечества почти на всем ее протяжении война играла важную и разностороннюю роль. Пожалуй, ни одному из развитых им искусств Человек не уделил столько времени, внимания и денег, сколько он не пожалел уделить войне.

Тропинка пошла под откос, и в бледном, неверном свете луны проступил полигон.

– Не пойму, – сказал Пакстон, – моментами мне кажется, что поле накрыто чем-то вроде чаши, а потом она пропадает...

– По-моему, это называется экранирующим прикрытием, сэр, – ответил Петви. – Его создали другие роботы. Насколько я понимаю, сэр, это не новшество – просто вариант прежних способов защиты. Несколько, конечно, усиленной.

– Но такого рода защита...

– Мы пользуемся ППБ – полностью переработанными бомбами. Их у нас очень много, и каждая из сторон применяет их по мере своих сил...

– Но вы не можете применять здесь ядерное оружие!

– Эти бомбы вроде игрушечных, сэр, – весело возразил Петви. – Они очень маленькие, почти как горошины, сэр. Критическая масса, как вы сами понимаете, ничтожна. И опасное действие радиации очень недолговременно, что-нибудь около часа...

– Ну, джентльмены, – мрачно заметил Пакстон, – вы явно стараетесь добиться полной реальности.

– Естественно. Однако операторы не подвергаются ни малейшей опасности. Мы примерно в таком же положении, как генеральный штаб. И это нормально, потому что цель всей затеи – сохранить искусство ведения войны.

– Но это искусство... – начал было Пакстон – и умолк.

Что он мог сказать? Если решено сберечь старую культуру, сберечь ее действенной и пригодной для Продолжения, значит, она должна быть сохранена целиком.

Война, надо признать, – такая же часть этой культуры, как и все другие характерные, в той или иной степени

уникальные приметы именно человеческого культурного наследия, подлежащего консервации здесь для того, чтобы оказаться под рукой, когда придет время пустить его в ход.

— Конечно, в том, что мы делаем, есть определенная жестокость, — сознался Петви, — но для меня, сэр, как для робота она, пожалуй, чувствительнее, чем для человека. Ведь потеря среди воюющих роботов колоссальные. Но при огромной концентрации огневой мощи на столь ограниченном пространстве это неизбежно.

— Ты хочешь сказать, что у вас есть войска, то есть, что вы посылаете сюда роботов?

— Ну да. А как иначе пользоваться всем оружием? И потом, глупо ведь было бы разработать стратегию, а дальше...

— Но роботы...

— Они малюсенькие, сэр. Это необходимо хотя бы в интересах реальности. Мы стремимся создать иллюзию настоящего сражения, и потому все, чем мы оперируем, должно соответствовать масштабам поля боя. Наши войска комплектуются из самых примитивных роботов, наделенных только двумя особенностями: полным послушанием и стремлением к победе. При том массовом производстве, которое мы в своих мастерских наладили, мы не имеем возможности придавать роботам индивидуальность, да и все равно ведь...

— Да, да, понимаю. — Пакстон был несколько ошеломлен. — Однако сейчас мне, пожалуй...

— Но я ведь только еще начал объяснять, сэр, и ничего вам не показал. А здесь столько соображений, столько проблем.

Они подошли уже к самому краю насыпи, и Петви указал на ведущую вниз, на полигон, лестницу.

— Я хочу, чтобы вы увидели все своими глазами, сэр. — С этими словами он начал торопливо спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему. Здесь у нас единственный вход на полигон. Через него мы в периоды перемирия посылаем вниз свежие войска и боеприпасы или проникаем, чтобы немного убрать поле.

Он нажал на кнопку с одной стороны щита, и тот бесшумно пополз вверх.

— Сейчас здесь беспорядок, потому что мы уже несколько недель сражаемся, — пояснил робот.

Через проем Пакстон увидел развороченную землю со всеми красноречивыми следами недавней битвы. Вид этого зрелища подействовал на него точно удар под ложечку. У него перехватило дыхание и закружилась голова; его едва не стошнило. Он оперся рукой о стенку траншеи, чтобы не упасть.

Петви нажал другую кнопку, и щит соскользнул вниз.

— Это только поначалу тяжело, — робот словно бы извинялся. — Но со временем привыкаешь.

Пакстон медленно перевел дух и огляделся. Проем был шире самой траншеи, и подножье лестницы имело форму буквы «Т». Пакстон увидел, что здесь прорублены узкие бойницы.

— Вы пришли в себя, сэр?

— Вполне, — с усилием отозвался Пакстон.

— А сейчас, — весело пообещал Петви, — я объясню вам, как ведется огонь и как работает контрольная установка.

Он засеменял вверх по лестнице. Пакстон шел следом.

– Боюсь, это дело затянется, – сказал он.

Но робот отмел возражение.

– Раз вы уже здесь, сэр, вы непременно должны все увидеть. – Тон его был умоляющим. – Вы не можете так уйти.

«Я должен спешить, – говорил себе Пакстон. – Я не могу задерживаться. Как только епископ убедится, что все уснули, он пустится в погоню. Мне к этому времени надо уже быть далеко».

Петви в обход поля добрался до наблюдательного пункта, на котором Пакстон вечером побывал.

– Прошу вас, сэр, – робот указал на веревочную лестницу.

Пакстон, чуть поколебавшись, быстро залез наверх.

«Авось мы тут не застрянем надолго, – подумал он, – не желая быть слишком резким с роботом».

Петви прошмыгнул в темноте мимо Пакстона и склонился к приборной доске. Щелкнул тумблер; панель осветилась.

– Вот здесь схематически отражается все, что происходит на поле. Сейчас экран пуст, конечно, – поле ведь тоже неподвижно. Но во время боевых действий вы получаете абсолютно точное представление о ходе дел. А вот эта панель служит для корректировки артиллерийского огня, следующая – для отдачи команд войскам, эта панель... – увлеченно объяснял робот.

Отвернувшись наконец от приборной доски, он гордо посмотрел на Пакстона и, явно напрашиваясь на похвалу, спросил:

– Ну, как ваше мнение?

– Замечательно. – Пакстон готов был сейчас подтвердить что угодно, лишь бы побыстрее вырваться.
– Загляните сюда завтра, и вы увидите нас за делом.
И вот тут Пакстона осенило.

IV

– Вообще-то, – сказал он, – я сам охотно потренировался бы. В юности я почитывал военные труды и, хоть это, может, и нескромно с моей стороны, считал себя в некотором роде знатоком военного дела.

– Сэр! – Петви пришел в восторг. – Вы хотите попробовать?

– Если не возражаешь.

– Вы уверены, что сможете пользоваться пультом?

– Я очень внимательно слушал твои объяснения.

– Дайте мне пятнадцать минут. Как только я доберусь на свой пункт, я подам сигнал. После этого каждый из нас может в любой момент начинать атаку.

– Пятнадцать минут?

– Может, я уложусь и быстрее. Я буду стараться.

– А тебя все это не слишком затруднит?

– Сэр, – с чувством сказал Петви, – я буду только рад. Мы с мастером Грэмом уже насквозь изучили друг друга, и это становится неинтересным. Сами понимаете, сэр, скучно воевать все время с одним и тем же противником.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Пакстон.

Он выждал, пока Петви спустился и отойдет подальше, а затем спустился и сам.

Тучи почти рассеялись, луна светила ярче, и на откры-

том пространстве можно было теперь довольно легко ориентироваться. Однако густой лес по-прежнему тонул в темноте.

Выходя на тропинку, Пакстон заметил какое-то шевеление в кустах. Он быстро спрятался под дерево и стал ждать.

Вот снова промелькнула чья-то тень, а затем Пакстон увидел епископа. И тут у него неожиданно возникла идея: кажется, появилась возможность окончательно разделаться с врагом.

Епископ прилетел, когда было уже совсем темно и шел дождь. Полигона он наверняка не заметил. Правда, он может увидеть его сейчас, но едва ли догадается о его назначении.

Пакстон восстановил в памяти разговор, который велся после появления епископа. О Грэме и его военных забавах тогда уже как будто не говорили.

Попытка, решил Пакстон, не пытка. Даже если дело не выгорит, я потеряю лишь несколько минут.

Он бросился назад к полигону. Достигнув насыпи, он прижался к земле и оглянулся: епископ крадучись шел следом за ним.

До сих пор все развивалось по плану.

Пакстон нарочно пошевелился, чтобы обнаружить себя, а затем стал спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему.

Он нажал на кнопку, поднял щит и отступил к бойницам.

Епископ медленно, соблюдая осторожность, подошел к проему и постоял, вглядываясь в развороченное поле. В

руке он держал отвратительный, холодящий душу пистолет.

Пакстон, стараясь не дышать, плотнее прижался к земляному валу, но епископ даже не обернулся.

Немного постояв, он ринулся через проем на полигон. Слышно было, как шуршит его шелковый наряд.

Пакстон не двигался, пока епископ не отошел на достаточно большое расстояние, и только затем нажал пальцем другую кнопку. Щит тихо, медленно опустился.

Пакстон наконец облегченно перевел дух.

Все кончилось.

Хантер просчитался.

Пакстон неторопливо стал подниматься по ступенькам.

Ему незачем было больше спешить.

Он мог просто остаться у Нельсона, пока тот либо сам отправит его дальше, либо поможет организовать переезд в надежное место.

Хантеру не могло быть известно, какой из посланных им убийц напал на след противника. У епископа не было до сих пор возможности связаться со своими, да он, верно, и не решился бы.

Уже на самом верху Пакстон споткнулся и кубарем покатился с лестницы, и тут раздался оглушительный взрыв, потрясший, казалось, вселенную и ударом отдавшийся в его, Пакстона, мозгу.

Ошеломленный, он встал на четвереньки и, преодолевая боль, из последних сил потащился вниз, а сквозь треск и грохот настойчиво пробивалась одна-единственная мысль:

Я ДОЛЖЕН ВЫТАЩИТЬ ЕГО ОТСЮДА, ПОКА НЕ

ПОЗДНО! Я НЕ МОГУ БРОСИТЬ ЕГО НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ! Я НЕ МОГУ УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Он слез с лестницы и продолжал ползти, пока не застрял в узком проходе.

И не слышно было орудийного огня, не рвались снаряды, не было тошнотворного стрекотания пулемета. На небе ярко светила луна, а вокруг царила умиротворенная тишина — как на кладбище.

«Только смерть, — с оттенком мистического ужаса подумал он, — здесь не тихая. Она обрушивается на человека, убийственно страшная, сводящая с ума; тишина приходит потом, когда все уже кончено».

При падении он ушиб голову и теперь понимал, что треск и грохот, которые так потрясли его, раздались только в его мозгу. Но с минуты на минуту Петви начнет атаку, и тишина нарушится, и поздно будет что-либо предпринять.

А из глубин сознания возник вдруг внутренний голос, сердитый, язвительный, насмехающийся над глупым добросердечием.

Вопрос, говорил этот внутренний голос, стоит так: либо ты, либо он. Ты боролся за свою жизнь единственным доступным тебе способом. И любые твои действия оправданны.

— Я не могу этого сделать! — вскричал Пакстон, и все же он знал, что неправ, что поступает неразумно, что внутренний голос не напрасно издевается над его нелогичностью.

Он встал на ноги и, пошатываясь, побрел вниз. Голова

у него раскалывалась, горло сжимал страх, но определенное, безотчетное побуждение, пересилившее страх, рассудок и боль, гнало его вперед.

Он дошел до щита, нажал на кнопку и через открывшийся проем выбрался на полигон, застыв от ужаса, потрясенный одиночеством и заброшенностью, которыми веяло от этой квадратной мили пространства, отгороженного от всей остальной Земли, точно место последнего, окончательного суда.

«А может быть, так оно и есть, — подумал он: — место, где вершится суд над Человеком.

Юный Грэм, возможно, единственный из всех нас по-настоящему честен. Он истинный варвар, как называет его дедя; он лицемерит; он видит наше прошлое таким, каким оно было в действительности, и живет по его законам».

Пакстон мельком оглянулся и увидел, что проем закрыт. А впереди, по искромсанному, исковерканному, перепаханному полю брела одинокая фигура — это мог быть только епископ.

Пакстон с криком побежал к нему, а епископ обернулся и стал поднимать руку с пистолетом.

Пакстон остановился, отчаянно жестикулируя. Пистолет поднялся выше, из дула его вырвалось голубоватое облачко, и в тот же миг Пакстона словно полоснуло по шее, и он почувствовал на коже теплую влагу.

Отскочив в сторону, он бросился на землю, ударился и пополз к ближайшей воронке. Терзаемый страхом и унижением, он забрался в нее, весь кипя от гнева и ярости.

Он пришел спасти человека, а тот едва не убил его!

«Я должен был бросить его здесь, — подумал он.

Я должен был оставить его умирать.

Я убил бы его собственными руками, если бы мог».

Впрочем, теперь он действительно должен был убить епископа. Убить его, либо самому быть убитым – иного выбора не было.

И не просто убить, но убить как можно быстрее. Пятнадцать минут, о которых говорил Петви, истекали, и надо было успеть покончить с епископом и выбраться отсюда, прежде чем Петви откроет огонь.

А можно ли отсюда выбраться? – подумал Пакстон. Если бежать, пригнувшись и петляя, есть ли надежда вернуться от пуль епископа?

Вот так и надо сделать. Не тратить времени на убийство, если только епископ не вынудит его к этому, а просто бежать. Епископа пусть убивает Петви.

Он поднес руку к шее, и пальцы его сделались липкими. «Странно, – подумал он, – странно, что я не чувствую боли. Наверняка боль придет потом».

Он осторожно выбрался из воронки и, перекатившись через ее край, очутился в куче металла – всего, что осталось от воющих роботов.

А прямо перед ним тускло поблескивало в лунном свете новехонькое, без единой царапинки ружье, выпавшее, должно быть, из рук погибшего робота.

Пакстон потянулся к ружью и в этот миг увидел епископа, который был уже совсем близко: шел убедиться, что прикончил его, Пакстона!

Бежать было поздно и – странное дело – не хотелось. Пакстон никогда еще не питал ни к кому настоящей ненависти, он даже не знал до сих пор, что это такое, но теперь

он узнал это. Теперь его обуяла дикая ненависть, теперь он был способен на убийство – на убийство без пощады, без жалости.

Он поднял ружье, его палец судорожно обхватил курок; из дула вырвалось пламя, раздался громкий треск.

Но епископ все шел, все приближался; он не бежал, он шел большим, размеренным шагом, чуть подавшись вперед, как будто его тело вобрало в себя смертоносный огонь, но смерть отступила перед волей, перед желанием убить противника.

Пистолет епископа взметнулся, и что-то ударило Пакстона в грудь, раз, другой, третий, и по телу его заструилась какая-то жидкость, а в сознании вдруг пронеслось: что-то здесь не так.

Потому что не могут двое людей с расстояния в дюжину футов палить и палить друг в друга, оставаясь при этом на ногах. Как бы плохо оба они ни стреляли, это невозможно.

Пакстон выпрямился во весь рост и опустил бесполезное ружье. А в нескольких шагах от него остановился епископ, отбросив пистолет.

Они стояли, глядя друг на друга в бледном свете луны, а гнев их таял и улетучивался, и на душе у Пакстона было противно.

– Пакстон, – тупо спросил епископ, – кто сотворил это с нами?

И было странно слышать его слова, как если бы он спросил: кто помешал нам убить друг друга?

На какую-то долю секунды Пакстон подумал, что, может быть, правильнее было бы не мешать им совершить

убийство. Потому что некогда убийство почиталось доблестью, доказательством силы и мужества, может быть, даже доказательством права именоваться человеком.

Но им двоим не позволили убить друг друга.

Потому что нельзя убить, стреляя из пугача пластмассовыми пульками, наполненными похожей на кровь жидкостью. И нельзя убить, стреляя из ружья, которое с грохотом выплескивает какое-то подобие дыма и пламени, но заряжено холостыми патронами.

А может быть, и все это поле игрушечное? И роботы, в самые трагические моменты распадающиеся на части, будут собраны потом вновь и опять примут участие в игрушечной войне? И не является ли игрушкой вся эта артиллерия, все эти полностью переработанные бомбы, извергающие пламя и даже способные перепахать землю, но ни для кого по-настоящему не опасные?

Епископ сказал:

— Я чувствую себя последним дураком, Пакстон, — и добавил еще несколько слов, которых никогда не произнес бы настоящий епископ, даже если бы захотел сказать, каким дураком он себя чувствует.

— Пойдемте отсюда, — сказал Пакстон, чувствуя себя примерно так же, как епископ.

— Я не понимаю...

— Забудем об этом, — гаркнул Пакстон. — Главное сейчас обратиться отсюда. Петви откроет...

Но он не закончил фразы, вдруг поняв, что, если даже Петви откроет огонь, ничего страшного не произойдет. И не откроет Петви никакого огня, потому что он знает, конечно, что они здесь.

Как кибер, надзирающий за расшалившимися детьми, он не препятствует их забавам, не вмешивается, пока они не подвергают себя угрозе утонуть, или свалиться с крыши, или еще какой-нибудь опасности. А затем вмешивается ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы не позволить им сломать себе шею. Может быть, он даже поощряет их шалости, чтобы они могли разрядиться, найти выход своей энергии – в чисто человеческом стиле подменить реальность игрой.

Как киберы, надзирающие за детьми, не препятствующие им воображать себя кем угодно, задаваться и важничать.

Пакстон направился к выходу с полигона, епископ в своем замызганном одеянии поплелся следом за Пакстоном.

Когда они были в сотне футов от проема, щит пополз вверх, а возле него стоял Петви, ожидая, пока они подойдут, и выглядел он, как и прежде, но все-таки чуть как будто значительнее.

Они подошли к проему и смущенно выбрались наружу, не глядя по сторонам и притворяясь, что не замечают Петви.

– Джентльмены, – спросил он, – не желаете ли поиграть?

– Нет, – сказал Пакстон. – Нет, спасибо. Я не берусь говорить за нас обоих...

– Можете говорить за обоих, дружище, – вмешался епископ. – Продолжайте!

– Мой друг и я вдоволь наигрались, – сказал Пакстон. –

А ты молодец, что подстраховал нас, не дал нам поранить друг друга.

Петви прикинулся удивленным.

– Но почему здесь должны быть несчастные случаи? Это ведь только игра.

– Так мы и поняли. Куда нам идти теперь?

– Ну, – сказал робот, – куда угодно, только не назад.

ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ

Вначале были две планеты, начисто лишенные руд, выработанные, выпотрошенные и оставленные нагими, словно трупы, обглоданные космическим вороньем.

Потом была планета с космическим городком, наводящим на мысль о паутине, на которой еще не высохли блестящие росы, – царство хрусталя и пластика, выполненное такой чудесной красоты, что при одном взгляде щеко- тало в горле.

Однако город был только один. На всей планете, кроме него, не видно было никаких признаков разумной жизни. К тому же он был покинут. Исключительной красоты го- род, но пустой, как хихиканье.

Наконец, была металлическая планета, третья от свети- ла. Не просто глыба металлической руды, а планета с по- верхностью – или крышей – из выплавленного металла, отполированного до блеска ярких стальных зеркал. И, от- ражая свет, планета сверкала, точно второе солнце.

– Не могу избавиться от ощущения, – проговорил Дун- кан Гриффит, – что это не город, а всего-навсего лагерь.

– По-моему, ты спятил, – резко ответил Пол Лоуренс, рукавом вытирая со лба пот.

Возможно, выглядит он не как лагерь, – настойчиво твердил Гриффит, – но это все же временное жилье.

«Что до меня, то он выглядит как город, – подумал Ло- уренс, – И всегда так выглядел, с того мгновенья, как я увидел его впервые, и всегда так будет. Большой и прони- заный жизнью, несмотря на атмосферу сказочности, –

место, где можно жить, мечтать и черпать силы и смелость, чтобы претворять мечты в жизнь. Великие мечты. Мечты под стать городу – такому городу, что людям на сооружение подобного понадобилась бы тысяча лет».

– Единственное, что мне совсем непонятно, – сказал он, – причина такого запустения, без видимых признаков насилия...

– Жители покинули его добровольно, – отозвался Гриффит. – Вот так, просто, снялись с места и улетели. И, очевидно, потому, что этот город не был для них настоящим домом, а был всего лишь лагерем, не оброс традициями, не окутался легендами. А лагерь не представлял никакой ценности для тех, кто его выстроил.

– Лагерь, – упрямо возразил Лоуренс, – это всего лишь место привала. Временное жилье, которое воздвигается наскоро и где, по возможности, подручными средствами оборудуется комфорт.

– Ну и что? – спросил Гриффит.

– Здесь был не просто привал, – пояснил Лоуренс. – Этот город сколочен не кое-как, на скорую руку – его проектировали с дальним прицелом, строили любовно и тщательно.

– С человеческой точки зрения – бесспорно, – сказал Гриффит, – Но здесь ты столкнулся с нечеловеческими категориями и с нечеловеческой точкой зрения.

Присев на корточки, Лоуренс сорвал травинку, зажал ее зубами и принялся задумчиво покусывать. То и дело он косился на молчаливый, пустынный город, сверкающий в ослепительном блеске полуденного солнца.

Гриффит присел рядом с Лоуренсом.

– Как ты не понимаешь, Пол, – заговорил он, – ведь это временное жилье. На планете нет никаких остатков старой культуры – никакой утвари, никаких орудий труда. Здесь вел раскопки сам Кинг со своими молодцами, и даже он ничего не нашел. Ничего, кроме города. Подумай только: совершенно девственная планета и город, который может пригрезится разве что расе, существующей не менее миллиона лет. Сначала прячутся под деревом во время дождя, потом забираются в пещеру, когда наступает ночь. После этого приходит очередь навеса, вигвама или хижины, затем три хижины – и вот тебе селение.

– Знаю, – сказал Лоуренс. – Знаю...

– Миллион лет развития, – безжалостно повторил Гриффит. – Десять тысяч веков должны пройти, прежде чем раса научится воздвигать такую феерию из хрусталя и пластика. И этот миллион проходил не здесь. Миллион лет жизни оставляет на планете шрамы. А здесь нет даже их подобия. Новенькая, с иголки, планета.

– Ты убежден, что они прибыли откуда-то издалека, Дунк?

Гриффит кивнул:

– Должно быть, так.

– Наверное, с планеты Три.

– Этого мы не знаем. Во всяком случае, пока не можем знать.

– Скорей всего никогда и не узнаем, – пожал плечами Лоуренс и выплюнул изжеванный стебелек.

– Эта планетная система, – заявил он, – похожа на неудачный детективный роман. Куда ни повернись, натыкаешься на улику, и все улики страшно запутаны. Слишком

много загадок, Дунк. Этот город, металлическая планета, ограбленные планеты – слишком много всего в один присест: Нечего сказать, повезло – набрали на уютное местечко.

– У меня такое предчувствие, что все эти загадки между собой связаны, – сказал Гриффит.

Лоуренс что-то неодобрительно промычал.

– Это чувство истории, – пояснил Гриффит. – Чувство соответствия предметов. Рано или поздно оно развивается у всех историков.

Позади закрипели шаги, и собеседники, вскочив на ноги, обернулись.

К ним спешил радист Дойл из лагеря, который члены экипажа десантной ракеты раскинули на планете Четыре.

– Сэр, – обратился он к Лоуренсу, – только что я говорил с Тэйлором, который сейчас находится на планете Три. Он спрашивает, не можете ли вы туда вылететь. Похоже, они нашли люк.

– Люк! – воскликнул Лоуренс. – Окно в планету! Что же там внутри?

– Он не сказал, сэр.

– Не сказал?

– Нет. Видите ли, сэр, им никак не удастся взломать этот люк.

С виду люк был довольно невзрачен.

Двенадцать отверстий на поверхности планеты были сгруппированы в четыре ряда по три отверстия в каждом, словно перчатки для трехпалых рук.

И все. Невозможно было угадать, где начинается люк и где кончается.

– Здесь есть щель, – рассказывал Тэйлор, – но ее едва видно через увеличительное стекло. Даже с увеличением она не толще волоса. Люк пригнан настолько идеально, что практически составляет одно целое с поверхностью. Долгое время мы и не подозревали, что это люк. Сидели кругом и гадали, зачем тут дырки. Нашел его Скотт. Он просто катался здесь и увидел какие-то дырочки. Вообще-то можно было смотреть, пока глаза не вылезут, и никогда не обнаружить этот люк, если бы не счастливый случай.

– И нет никакой возможности открыть его? – спросил Лоуренс.

– Пока что нет. Мы пробовали приподнять дверцу, засовывая пальцы в эти отверстия. С таким же успехом можно пытаться приподнять планету. Да и вообще здесь не очень-то развернешься. Просто невозможно удержаться на ногах. Эта штука до того скользкая, что по ней еле ходишь – вернее, не ходишь, а скользишь, как по льду. Как подумаешь, что может случиться, если ребята со скуки затеют возню и кого-нибудь толкнут.

– Я знаю, – посочувствовал Лоуренс. – Я посадил ракету со всей мыслимой осторожностью, и то мы скользили миль сорок, если не больше.

Тэйлор хмыкнул:

– Звездолет я поставил на все магнитные якоря, и все равно он качается из стороны в сторону, едва к нему прислонишься. По сравнению с этой чертовщиной, лед шершав, как терка.

– Кстати, о люке, – прервал его Лоуренс. – Вам не приходило в голову, что отверстия могут быть секретным замком?

Тэйлор кивнул:

– Конечно, мы об этом думали. Если так, то у нас нет ни тени надежды. Умножьте элемент случайности на непредсказуемость чуждого разума.

– Вы проверяли?

– Да, – ответил Тэйлор. – Вставляли отвод кинокамеры в эти отверстия и делали всевозможные снимки – ничего. Совершенно ничего. Глубина – дюймов восемь или около того, книзу расширяются. Однако отверстия гладкие – ни выступов, ни граней, ни замочных скважин. Мы умудрились выпилить кусок металла для анализа – испортили три ножовки, пока пилили. В основном, это сталь, но в сплаве с чем-то таким, к чему Мюллер никак не может приклеить ярлык. А молекулярная структура просто сводит его с ума.

– Значит, люк заклинился? – спросил Лоуренс.

– Ну да. Я подвел звездолет к самому люку, мы подцепили его подъемным краном и стали тащить изо всех сил. Корабль раскачивался как маятник, а люк не шелохнулся.

– Можно поискать другие люки, – предложил Лоуренс.
– Не все же они похожи один на другой.

– Искали, – ответил Тэйлор. – Как ни смешно, искали. Все ползали на коленях. Мы разделили эту зону на секторы и по-пластунски обшарили многие квадратные мили, пяля глаза вовсю. Чуть не ослепли – а тут еще солнце отражается в металле и наши рожи на нас глазают, будто по зеркалу ползем.

– Если вдуматься хорошенько, – сказал Лоуренс, – то едва ли люки располагаются вплотную один к другому. Скажем, через каждые сто миль... а может быть, через каждую тысячу.

– Возможно, вы правы, – согласился Тэйлор.

– Остается только одно...

– Да, знаю. Однако к этому у меня душа не лежит. Здесь ведь сложная задача – нечто, требующее особого решения. А если мы начнем взрывать – значит, провалились на первом же уравнении.

Лоуренс беспокойно заерзал.

– Я понимаю, – отозвался он. – Если с первого хода выявится их преимущество, то на втором и третьем ходу у нас не останется никаких шансов.

– Однако нельзя же сидеть сложа руки.

– Нельзя, – поддержал Лоуренс. – По-моему, никак нельзя.

– Надеюсь, хоть это поможет, – заключил Тэйлор.

Это помогло...

Взрыв оторвал крышку люка и швырнул ее в пространство. Она упала на расстоянии около мили и как причудливое, неровно вырезанное колесо покатила по скользкой поверхности.

Примерно пол-акра поверхности отошло вверх и в сторону и повисло, искореженное, напоминая поблескивающий под солнцем вопросительный знак.

Десантную ракету, на которой не оставили даже дежурного, удерживало на металле слабое магнитное поле. При взрыве ракета отклеилась, как плохо смоченная марка, и на протяжении добрых двенадцати миль неуклюже исполняла танец конькобежцев.

Толщина металлической оболочки не превышала четырнадцати дюймов – по сути, папиросная бумага, если принять во внимание, что диаметр планеты не уступал земному.

Вниз, внутрь, наподобие винтовой лестницы, уходил металлический пандус, верхние десять футов которого были искорежены и разрушены взрывом.

Из отверстия не доносилось ничего — ни звука, ни света, ни запаха.

Семеро начали спускаться по пандусу — в разведку. Прочие остались ждать наверху, в лихорадочном волнении и гнетущей неизвестности.

Возьмите триллион детских наборов «Конструктор».

Дайте волю миллиарду детишек.

Предоставьте им неограниченное время, лишив инструкций.

Если кто-то из детишек рожден не людьми, а иными разумными существами, — это еще лучше.

Потом, располагая миллионом лет, определите, что произойдет.

Миллион лет, друзья, вовсе не такой уж долгий срок. Даже за миллион лет вам это не удастся.

Внизу, разумеется, были машины. Ничего иного быть не могло.

Однако машины походили на игрушечные — как будто собрал их ребенок, переполненный ощущением богатства и всемогущества, в день, когда ему подарили настоящий дорогой «Конструктор».

Там были валы, бобины, эксцентрики и батареи сверкающих хрустальных кубиков, которые, возможно, выполняли роль электронных устройств, хотя никто этого не знал доподлинно.

Вся эта техника занимала многие кубические мили и под лучами светильников, вмонтированных в шлемы зем-

лян, блестела и переливалась наподобие новогодней елки, словно была отполирована всего за час до их прихода. Однако когда Лоуренс перегнулся через перила пандуса и провел рукой, затянутой в перчатку, по блестящей поверхности вала, пальцы его испачкались пылью – мелкой, точно мука.

Люди все спускались всемером по спиральному пандусу, пока у них не закружилась голова, и отовсюду, насколько удавалось разглядеть в частично рассеянной мгле, вдаль уходили машины.

Машины, тихие и неподвижные – и казалось (хотя никто не мог толком обосновать это впечатление), что машины бездействуют вот уже несчетные века.

Одни и те же, снова и снова повторяющиеся детали – бессмысленный набор валов, бобин, эксцентриков и батарей из сверкающих хрустальных кубиков.

Наконец спуск закончился площадкой, которая тянулась во все стороны, насколько можно было охватить взглядом при скудном освещении; высоко вверху переплетались паутинообразные детали – они, очевидно, служили крышей, – а на металлическом полу была расставлена мебель (или то, что показалось мебелью).

Люди стояли тесной кучкой; их светильники вызывающе пронизывали мглу, а сами они необычно притихли в темноте, безмолвии и тени иных веков, иных народов.

– Контора, – произнес, наконец, Дункан Гриффит.

– Или пункт управления, – высказал предположение инженер-механик Тед Баклей.

– А может быть, жилье, – возразил Тэйлор.

– Не исключено, что здесь был ремонтный цех, – сказал математик Джек Скот.

– Не приходит ли вам в голову, джентльмены, – спросил геолог Герберт Энсон, – что это может оказаться ни тем, ни другим, ни третьим? Возможно, то, что мы здесь видим, не связано ни с какими известными нам понятиями.

– Все, что остается делать, – ответил археолог Спенсер Кинг, – это по возможности лучше перевести все, что мы видим, на язык известных нам понятий. Вот я, например, полагаю, что здесь находилась библиотека.

Лоуренс подумал словами басни: «Как-то раз семеро слепцов повстречали слона»...

Вслух он сказал:

– Давайте начнем с осмотра. Если мы этого не сделаем, то никогда ничего не узнаем.

Они осмотрели...

...И все равно ничего не узнали.

Взять, например, картотеку. Очень удобная вещь.

Выбираете какое-то определенное пространство, облекаете его сталью – вот вам место хранения. Вставляете выдвижные ящики и кладете туда хорошенькие, чистенькие карточки, надписываете эти карточки и расставляете в алфавитном порядке. После этого, если вам нужна какая-то определенная бумажка, вы почти всегда ее находите.

Важны два фактора – пространство и нечто, в нем заключенное, – чтобы отличить от другого пространства, чтобы в любой момент можно было отыскать место, предназначенное вами для хранения информации.

Ящики и карточки, расставленные в алфавитном порядке, – это лишь усовершенствование. Они подразделяют пространства так, что вы можете мгновенно узнать любой его сектор.

Таково преимущество картотеки над беспорядочным хранением всех нужных предметов в виде кучи, сваленной в углу комнаты.

Но попробуйте представить, что некто завел у себя картотеку без ящиков.

— Эге, — воскликнул Баклей, — а это штука легкая. Подсобите-ка мне кто-нибудь.

Скотт быстро выступил вперед; вдвоем они подняли с полу ящик и встряхнули его. Внутри что-то загремело.

Они снова поставили ящик на пол.

— Там внутри что-то есть, — взволнованно прошептал Баклей.

— Да, — согласился Кинг. — Это какое-то вместилище. Несомненно. И внутри что-то есть.

— Что-то гремящее, — уточнил Баклей.

— А мне кажется, — объявил Скотт, — что звук больше походил на шорох, чем на грохот.

— Немного же нам пользы от звука, — сказал Тэйлор, — если мы не можем добраться до содержимого. Если только и делать, что слушать, как вы, ребята, трясете эту штуку — выводов будет мало.

— Да ведь это легко, — пошутил Гриффит. — Она же четырехмерная. Произнесите волшебное слово, ткните рукой в любой уголок, — и вытянете то, что вам нужно.

Лоуренс покачал головой.

— Прекрати насмешки, Дунк. Тут дело серьезное. Кто-нибудь из нас представляет себе, как сделана эта штука?

— Не может того быть, чтобы ее сделали, — взвыл Баклей. — Ее просто-напросто не делали. Нельзя взять металл и сделать из него куб без спаев или сварочных швов.

– Сравни с люком на поверхности, – напомнил Энсон. – Там тоже ничего не было видно, пока мы не взяли стальную лупу. Так или иначе, ящик открывается. Кто-то или что-то уже открывал его – когда положил туда-то, что гремит, когда встряхиваешь.

– А он бы не клал, – добавил Скотт, – если бы не знал способа извлечь оттуда.

– А может быть, – предположил Гриффит, – он запихнул сюда то, от чего хотел избавиться.

– Мы могли бы распилить ящик, – сказал Кинг. – Дайте фонарь.

Лоуренс остановил его:

– Один раз мы уже так поступили и вынуждены были взорвать люк.

– Эти ящики тянутся здесь на полмили, – заметил Баклей. – Все стоят рядком. Давайте потрясем еще какие-нибудь.

Они встряхнули еще десяток. Грохота не слышали.

Ящики были пусты.

– Все вынули, – печально проговорил Баклей.

– Пора уносить отсюда ноги, – сказал Энсон. – От этого места меня мороз по коже пробирает. Вернемся к кораблю, присядем и обсудим все как следует. Ломая себе голову здесь, внизу, мы свихнемся. Взять хоть те пульта управления.

– Может быть, это вовсе не пульта управления, – одернул его Гриффит. – Надо следить за собой, чтобы не делать якобы очевидных, а в действительности – поспешных выводов.

В спор вмешался Баклей.

– Чем бы они ни были, – сказал он, – у них есть какое-то целевое назначение. В качестве пультов они пригодились бы больше, чем в любом другом, как ни прикидывай.

– Однако на них нет никаких индикаторов, – возразил Тэйлор. – На пульте управления должны быть циферблаты, сигнальные лампочки или хоть что-нибудь такое, на что можно смотреть.

– Не обязательно такое, на что может смотреть человек, – парировал Баклей. – Иной расе мы показались бы безнадежно слепыми.

– У меня есть зловещее предчувствие, что мы ничего не достигнем, – пожаловался Лоуренс.

– Мы опозорились перед люком, – подытожил Тэйлор, – и здесь тоже.

Кинг сказал:

– Придется разработать упорядоченный план исследования. Надо все разметить. Начинать с начала и по порядку.

Лоуренс кивнул.

– Оставим нескольких человек на поверхности, а остальные спустятся вниз и разобьют лагерь. Будем работать группами и по возможности быстро определим ситуацию – общую ситуацию. Потом можно заполнять пробелы деталями.

– Начинать с начала, – пробормотал Тэйлор. – А где оно?

– Понятия не имею, – ответил Лоуренс. – А у всех остальных есть какие-нибудь идеи?

– Давайте выясним, что здесь такое, – предложил Кинг, – планета или планетарная машина.

– Надо поискать еще пандусы, – сказал Тэйлор. – Здесь должны быть и еще спуски.

Заговорил Скотт:

– Попытаемся выяснить, как далеко простираются эти механизмы. Какое пространство занимают.

– И выяснить, работают ли они, – прибавил Баклей.

– Те, что мы видели, не работают, – откликнулся Лоуренс.

– Те, что мы видели, – провозгласил Баклей тоном лектора, – возможно, представляют собой уголок гигантского комплекса механизмов. Все они могут работать и не одновременно. По всей вероятности, раз в тысячелетие или около того используется какая-то определенная часть комплекса, да и то в течение нескольких минут, если не секунд. После этого она может простоять в бездействии еще тысячу лет. Однако часть эта должна быть наготове и дожидаться своего мига в тысячелетии.

– Стоило бы попытаться, по крайней мере, высказать грамотное предположение о том, для чего служат механизмы: что они делают, что производят, – сказал Гриффит.

– Но при этом держать от них руки подальше, – предостерег Баклей. – «Тут подтянул, там подтолкнул – хотел знать, что получится» – чтоб этого здесь не было. Один Бог ведает, к чему это может привести. Ваше дело маленькое – лапы прочь, пока не будете твердо знать, что делаете.

Это была самая настоящая планета.

Внизу, на глубине двадцати миль, под двадцатью милями хитросплетенного лабиринта сверкающих мертвых механизмов, исследователи нашли поверхность планеты.

Там был воздух, почти столь же пригодный для дыхания, как на Земле, и они разбили лагерь на нижних горизонтах, довольные тем, что избавились от космических скафандров и живут как нормальные люди.

Но там не было света и не было жизни. Не было даже насекомых — ни одной ползающей, пресмыкающейся твари.

А ведь некогда здесь была жизнь.

Историю этой жизни поведали развалины городов. «Примитивная культура, — заключил Кинг. — Немногим выше, чем на Земле в двадцатом веке».

Дункан Гриффит сидел на корточках возле портативной атомной плиты, протянув руки к желанному теплу.

— Переселились на планету Четыре, — говорил он с самодовольной уверенностью. — Здесь не хватало жизненного пространства, вот они и отправились туда и встали там лагерем.

— А горные работы вели на двух других планетах, — продолжил Тэйлор не без иронии. — Добывали необходимую руду.

Лоуренс, подавленный, ссутулился.

— Что мне не дает покоя, — сказал он, — так это мысль о побудительной причине, стоящей за всеми загадками — о всепоглощающей, нерассуждающей тяге, о духе, который гонит расу с родной планеты на чужую и разрешает затратить века, чтобы превратить родную планету в сплошную машину. — Он обернулся к Скотту.

— Ведь правда, нет никаких сомнений, — спросил он, — это не что иное, как машина?

Скотт покачал головой:

– Не всю же ее мы видели, сам понимаешь. Для этого нужны годы, а мы не можем позволить себе швыряться годами. Однако мы почти уверены, что это единый машино-мир, покрытый слоем механизмов высотой в двадцать миль.

– И к тому же бездействующих механизмов, – добавил Гриффит. – Бездействующих, потому что их остановили. Жители этой планеты выключили все механизмы, изъяли все свои записи и все приборы, укатили и оставили пустую скорлупу. Точно так же, как покинули город на планете Четыре.

– Или же были отовсюду изгнаны, – уточнил Тэйлор.

– Нет, никто их не изгонял, – решительно заявил Гриффит. – Нигде во всей системе мы не нашли следов насилия. Никакого признака поспешности. Они не торопились, уложили все свое добро и не забыли ни единой мелочи, ни одного ключа к тайне. Должны же где-то быть кальки чертежей. Нельзя построить и нельзя эксплуатировать такую махину без какого-нибудь подобия карты или плана. Где-то должны храниться записи – записи, где фиксировались производственные результаты этого машиномира. Однако мы ведь их не нашли? Это потому, что их увезли при отъезде.

– Не везде же мы искали, – буркнул Тэйлор.

– Мы не нашли помещения архивов, где, по законам логики, все это должно храниться, – возразил Гриффит, – но там не было никаких записей. Вообще ничего не было.

– А некоторые ящики, куда невозможно заглянуть. Помните? Те, что мы нашли в первый же день на верхнем горизонте.

– Были тысячи других мест, куда можно заглянуть и где мы смотрели, – отрезал Гриффит. – Однако мы не нашли орудий производства, не нашли ни единой записи и вообще ничего такого, что намекало бы на былое присутствие хоть чего-нибудь.

– Вот ящики наверху, на последнем горизонте, – заметил Тэйлор. – Ведь это место, если рассуждать логически, само собой напрашивается на поиски.

– Мы их встряхивали, – напомнил Гриффит, – все пусты.

– Все, кроме одного, – настаивал Тэйлор.

– Я склонен верить в твою правоту, Дунк, – сказал Лоуренс. – Этот мир покинут, обобран и брошен на съедение ржавчине. По-настоящему нам следовало догадаться, как только мы обнаружили, что он беззащитен. Эти существа предусмотрели бы какие-то средства обороны – по всей вероятности, автоматические, – и если бы кто-нибудь не захотел нас впустить, мы бы никогда здесь и не очутились.

– Если бы мы оказались поблизости, когда этот мир функционировал, – поддержал Гриффит, – нас бы разнесло вдребезги, прежде чем мы его увидели.

– Должно быть, это была великая раса, – задумчиво сказал Лоуренс. – Одной лишь экономики такой планеты достаточно, чтобы любого бросило в дрожь. Чтобы создать такую планету, надо было много веков целиком затрачивать рабочую силу всей расы, а потом еще много веков надо было держать эту планету-машину на ходу. Это означает, что местное население тратило минимальное время на добывание пищи, на производство миллионов вещей, необходимых для жизни.

– Они устроили свой образ жизни и свои нужды, – сказал Кинг, – сведя их к самому необходимому. Одно уж это, само по себе, – знак величия.

– Притом же они были фанатики, – высказался Гриффит. – Не забывайте этого ни на миг. Работу, подобную этой, мог проделать лишь народ, одержимый всепоглощающей, слепой, односторонней целью.

– Но зачем? – спросил Лоуренс. – Зачем они выстроили эту штуковину?

Никто не ответил.

Гриффит тихонько хмыкнул.

– Даже ни одного предположения? – подзадорил он. – Ни одной осмысленной гипотезы.

Из тьмы, окутывающей крохотный кружок света от включенной плиты, медленно поднялся человек.

– У меня есть гипотеза, – признался он. – Вернее, мне кажется, я знаю, в чем дело.

– Послушаем Скота, – громогласно объявил Лоуренс.

Математик покачал головой.

– Мне нужны доказательства. Иначе вы заподозрите, что я рехнулся.

– Доказательств не существует, – скептически заметил Лоуренс. – Нет доказательств чего бы то ни было.

– Я знаю место, где, возможно, есть доказательство – не утверждаю с уверенностью, но, может быть, и есть.

Все, кто сидел тесным кругом возле плиты, затаили дыхание.

– Помнишь тот ящик? – продолжал Скотт. – Тот самый, о котором только сейчас упомянул Тэйлор. Тот, где что-то гремело, когда мы его встряхивали. Тот, что мы не могли открыть.

– Мы по-прежнему не можем его открыть.

– Дайте мне инструменты, – предложил Скотт, – и я открою.

– Это уже было, – мрачно сказал Лоуренс. – Мы отличились бычьей силой и ловкостью, открывая ту злополучную дверь. Нельзя все время применять силу при решении нашей задачи. Здесь нужно нечто большее, чем сила. Здесь нужно понимание.

– По-моему, я знаю, что там гремело, – заявил Скотт. Лоуренс промолчал.

– Послушай-ка, – не унимался Скотт. – Если у тебя есть какая-то ценность – какой-то предмет, который ты бережешь от воров – что ты с ним делаешь?

– Да в сейф кладу, – ответил Лоуренс не задумываясь.

По длинным, мертвым пролетам исполинской машины разлилась зловещая и пугающая тишина.

– Нет и не может быть более надежного места, – снова заговорил Скотт, – чем ящик, который не открывается. В этих ящиках хранилось что-то важное. Хозяева планеты забыли одну вещь – чего-то они не доглядели.

Лоуренс медленно поднялся с места.

– Достанем инструменты, – сказал он.

...То была продолговатая карточка, весьма заурядная на вид, с асимметрично пробитыми отверстиями.

Скотт держал ее в дрожащей руке.

– Надеюсь, – горько заметил Гриффит, – ты не разочарован.

– Нисколько, – ответил Скотт. – Именно это я и предполагал.

Все дожидались продолжения.

– Не будешь ли ты любезен... – не вытерпел, наконец, Гриффит.

– Это перфокарта, – объяснил Скотт. – Ответ некоей задачи, введенной в дифференциальное счетно-решающее устройство.

– Но ведь мы не можем дешифровать ее, – сказал Тэйлор. – Никакими силами нельзя установить, что она означает.

– Ее и не надо дешифровывать, – усмехнулся Скотт. – Она и без того рассказывает, что здесь такое. Эта машина – вся машина в целом – представляет собой вычислительное устройство.

– Какая бредовая идея! – воскликнул Баклей. – Математическое...

Скотт покачал головой.

– Не математическое – по крайней мере, не чисто математическое, а нечто более значительное. Логическое, по всей вероятности. Быть может, даже этическое.

Он оглядел присутствующих и прочел на их лицах неверие, еще не до конца развеянное.

– Да посудите же сами! – вскричал он, – Бесконечное повторение, монотонная одинаковость всей машины. Таково и есть вычислительное устройство – сотни, тысячи, миллионы или даже миллиарды интегрирующих схем, сколько бы их ни было нужно, чтобы ответить на поставленный вопрос.

– Существует же какой-то фактор ограничения, – пробубнил Баклей.

– На всем протяжении своей истории, – ответил Скотт, – человечество не слишком-то обращало внимание на та-

кие факторы. Оно продолжало делать свое дело и преодолевало всевозможные факторы ограничения. Очевидно, эта раса тоже не слишком-то обращала на них внимание.

– Есть такие факторы, – упрямо твердил Баклей, – которыми просто невозможно пренебречь.

У мозга есть свои ограничения.

Он ни за что не станет заниматься самим собой.

Он слишком легко забывает, забывает слишком многое и всегда именно то, что следовало бы помнить.

Он склонен к терзаниям – а для мозга это почти равносильно самоубийству.

Если слишком напрягать мозг, он находит убежище в безумии.

И, наконец, он умирает. Умирает как раз тогда, когда становится полноценным.

Поэтому создают механический мозг-гигант, двадцатимильным слоем покрывающий планету с Землю величиной – мозг, который займется делом и никогда ничего не забудет, и не сойдет с ума, ибо ему неведомо смятение.

Затем срываются с места и покидают такой мозг – это уже двойное безумие.

– Все наши догадки не имеют смысла, – сказал Гриффит. – Ведь мы никогда не узнаем, для чего служил этот мозг. Вы упорно исходите из предпосылки, будто хозяева этой планеты были гуманоиды, а ведь столько же шансов за то, что они отнюдь не гуманоиды.

– Предположение, что они в корне отличаются от нас, совершенно абсурдно, – возразил Лоуренс. – В городе на Четвертой могли бы жить и люди. Обитатели этой плане-

ты столкнулись с теми же техническими проблемами, что встали бы и перед нами, если бы мы затеяли подобное начинание, и выполнили все в том стиле, какого придерживались бы и мы.

— Ты не учишь того, что сам же так часто подчеркиваешь, — указал Гриффит. — Ты не учишь фанатической тяги, которая заставила их пожертвовать решительно всем во имя великой идеи. Мы никакими силами не достигли бы столь тесного и фанатического сотрудничества. Один допустил бы грубейшую ошибку, другой перерезал бы горло третьему, четвертый потребовал бы следствия, а тогда оказалось бы, что вся свора спущена с цепи и лает на ветер.

— Они были последовательны, — продолжал Гриффит. — Ужасающе последовательны. Здесь нет жизни. Мы не нашли ни малейшего признака жизни — нет даже насекомых. А почему, как ты думаешь? Не потому ли, что жук мог бы запутаться в шестернях или еще где-нибудь и расстроить весь комплекс? Поэтому жукам пришлось исчезнуть.

Помолчав, Гриффит вскинул голову:

— Если на то пошло, хозяева планеты сами напоминают жуков, вернее, муравьев. Колонию муравьев. Бездушное общество взаимных услуг, которое в слепом, но разумном повиновении неуклонно движется к намеченной цели. А если это так, друг мой, то твоя гипотеза, будто вычислительная машина применялась для разработки экономических и социальных теорий, просто вздор собачий.

— Это вовсе не моя гипотеза, — поправил его Лоуренс. — Это всего лишь одно из нескольких предположений. Есть

и другое, не более спорное, – что они пытались разгадать тайну Вселенной: отчего она существует, что она такое и к чему идет.

– И каким образом, – прибавил Гриффит.

– Ты прав. И каким образом. А если они этим занимались, то, я уверен, не из праздного любопытства. Значит, был какой-то серьезнейший стимул, что-то вынуждало их к этому занятию.

– Продолжай, – усмехнулся Тэйлор. – Я жду с нетерпением. Докажи свою сказку до конца. Они проникли во все тайны Вселенной и...

– Едва ли проникли, – спокойно проговорил Баклей. – Чего бы они ни добивались, вероятность того, что им удалось получить окончательный ответ, крайне мала.

– Что касается меня, – сказал Гриффит, – то я склонен думать, что они своего добились. Иначе зачем было уезжать и бросать эту гигантскую машину? Они нашли то, что искали, поэтому им стал не нужен ими же созданный инструмент познания.

– Ты прав, – подхватил Баклей. – Инструмент стал не нужен, но не потому, что сделал все возможное и этого оказалось достаточно. Его бросили, потому что он слишком мал, он не может решить задачу, которую должен был решить.

– Слишком мал?! – не выдержал Скотт. – Да ведь все, что в таком случае надо было сделать – это нарастить вокруг планеты еще один ярус!

Баклей покачал головой:

– Помнишь, я говорил о факторах ограничения? Так вот, перед тобой фактор, которым не так-то просто прене-

бречь. Подвергни сталь давлению в пятьдесят тысяч фунтов на квадратный дюйм – и она потечет. Здесь-то, должно быть, металл воспринимает гораздо большее давление, но и у него есть предел прочности, выходить за который было небезопасно. На высоте двадцати миль над поверхностью планеты ее хозяева достигли этого предела. Уперлись в тупик.

Гриффит шумно вздохнул.

– Моральный износ, – пробормотал он.

– Аналитическая машина – это вопрос габаритов, – рассуждал Баклей вслух. – Каждая интегрирующая схема соответствует клеточке человеческого мозга. У нее ограниченная функция и ограниченные возможности. То, что делает одна клетка, контролируют две другие. Принцип «зри в три» как гарантия, что ошибок не будет.

– Можно было стереть все, что хранилось в запоминающих устройствах, и начать все сызнова, – сказал Скотт.

– Не исключено, что так и поступали, – ответил Баклей. – Много-много раз. Хотя всегда был элемент риска, что каждый раз после стирания машина потеряет какие-то... э-э... ну, рациональные, что ли, качества, или моральные. Стирание памяти для машин таких размеров – шок, подобно тому как коррективная хирургия мозга – шок для человека. Здесь произошло что-то одно из двух. Либо машина очутилась на пределе стирания – в электронных устройствах слишком заметно скапливалась остаточная память...

– Подсознательное, – перебил Гриффит. – Интересная мысль – развивается ли у машины подсознание?

– Либо, – продолжал Баклей, – ее неизвестные хозяева

подошли к проблеме настолько сложной, настолько многогранной, что эта машина, несмотря на фантастические размеры, не могла с нею справиться.

— И тогда они отправились на поиски еще большей планеты, — продолжал Тэйлор, сам не вполне веря в свои слова. — Другой планеты, масса которой достаточно мала, чтобы там можно было жить и работать, но диаметр велик для создания более мощной вычислительной машины.

— В этом был какой-то смысл, — неохотно признал Скотт. — Понимаете ли, они бы начали все заново, но с учетом ответов, полученных здесь. При усовершенствованной конструкции и новой технологии.

— А теперь, — торжественно провозгласил Кинг, — на вахту становится человечество. Интересно, что нам удастся сделать с такой диковиной? Во всяком случае, совсем не то, к чему ее предназначали строители.

— Человечеству, — ответил Баклей, — решительно ничего не придется с нею делать, по крайней мере в течении ста лет. Головой ручаюсь. Никакой инженер не осмелится повернуть ни единое колесико в этой машине, пока не будет достоверно знать, для чего она, как и почему сделана. Тут надо вычертить миллионы схем, проверить миллионы полупроводников, сделать чертежи, подготовить техников...

Лоуренс грубовато ответил:

— Это не наша забота, Кинг. Мы с тобой — сеттеры. Мы выслеживаем и вспугиваем перепелов, а дальше обойдутся без нас, и мы переходим к очередным вопросам. Как поступит человечество с нашими находками — это опять-таки очередной вопрос, но не нам с тобой его решать.

Он поднял с пола мешок с походным снаряжением и взвалил на спину.

– Все готовы к выходу? – спросил он.

Десятью милями выше Тэйлор перегнулся через перила, ограждающие пандус, и взглянул на расстилающийся под ним лабиринт машин. Из наспех уложенного рюкзака выскользнула ложка и, вертясь, полетела вниз.

Долго все прислушивались к тому, как она звенит, задевая о металл.

Даже когда ничего уже не было слышно, всем казалось, что до них еще доносится звон.

ПОДАРОК

Он нашел эту вещь на ежевичной поляне, когда искал коров. Среди высоких тополевых стволов спустились сумерки, и он не мог разглядеть хорошенько, что это такое, да ему некогда было рассматривать, так как дядя Эб очень сердился, что две телки пропали; и если он не поторопится найти их, то дядя Эб опять возьмет ремень, и накажет его. А ему и так придется остаться без ужина, потому что он забыл сходить к роднику за водой; и тетя Эм ворчала на него весь день за то, что он не наловчился полоть огород.

— Я никогда в жизни не видывала такого никчемного мальчишки, — визгливо начинала она и повторяла, что уж если они с дядей Эбом взяли его из приюта, то она вправе ожидать от него благодарности. Но никакой благодарности он не чувствует, а зато причиняет столько неприятностей, сколько может, и он лентяй, и она откровенно заявляет, что не знает, что из него получится.

Он нашел тёлок в дальнем углу пастбища, у рощи, и прогнал их домой. Он брел позади них, снова думая о том, чтобы убежать, но знал, что не убежит — некуда. «Правда, — говорил он себе, — в любом другом месте ему будет лучше, чем у тети Эм и дяди Эба, которые совсем не были ему родственниками — просто люди, на которых он работал».

Дядя Эб только что кончил доить, когда он вошел в сарай, гоня обеих тёлок; и, конечно, сердился на него за то, что телки не пришли вместе с остальными коровами.

— Ну вот что, — сказал дядя Эб, — ты, наверное, решил, что я должен доить и за себя, и за тебя, и все потому, что

ты не считал коров, как я тебе велел, и не видел, все ли на месте. Я тебя проучу: садись и дои этих тёлочек.

И Джонни взял треногую табуретку и ведро и стал доить тёлочек: а тёлочек доить трудно, и одна из них, рыжая, брыкнула и ударила Джонни в живот, а все молоко вылилось из ведра.

Дядя Эб, видя это, снял ремень, висевший за дверью, и хлестнул Джонни несколько раз, чтобы научить его быть поосторожнее и показать ему, что молоко стоит денег; и на этом дойка закончилась.

Они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал насчет мальчишек, от которых больше хлопот, чем пользы. А тетя Эм встретила их на пороге и сказала, чтобы Джонни вымыл ноги перед тем, как ложиться спать: она вовсе не хочет, чтобы он пачкал ее красивые, чистые простыни.

— Тетя Эм, — сказал он, — я ужасно хочу есть.

— Неужто? — возразила она, поджимая губы. — Если бы ты немножко проголодался, то не стал бы забывать всего на свете.

— Только кусочек хлеба, — попросил Джонни. — Без масла, безо всего. Просто кусочек хлеба.

— Молодой человек, — сказал дядя Эб, — ты слышал, что сказала твоя тетя? Вымой ноги, и марш ложиться.

— И смотри, вымой хорошенько, — прибавила тетя Эм.

Он вымыл ноги и лег. Уже в постели он вспомнил о том, что видел на ежевичной поляне, и вспомнил также, что не сказал об этом ни слова, так как дядя Эб и тетя Эм все время бранились и не дали ему случая рассказать.

И он тут же решил, что не скажет им ничего, не то они отнимут это у него, как всегда. А если не отнимут, то ис-

портят так, что ему станет совсем неинтересно и неприятно.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, был старый перочинный ножик с обломанным лезвием. Ножик нужно было бы заменить новым, но он знал, что не должен просить об этом. Однажды он попросил, и дядя Эб и тетя Эм целыми днями потом твердили ему, что он неблагодарное существо, что они взяли его с улицы, а ему этого мало, и он еще хочет швырять деньги на перочинные ножи. Джонни очень удивился, услышав, что они взяли его с улицы, так как, насколько он помнил, он никогда не бывал ни на какой улице — никогда.

Лежа в постели, глядя в окно на звезды, он задумался о том, что видел на ежевичной поляне, и не мог вспомнить об этом ясно, так как не успел рассмотреть. Но в этой находке было что-то странное, и чем больше он думал, тем больше ему хотелось побежать на ту поляну.

«Завтра, как только мне удастся, — подумал он, — я разгляжу». Потом он понял, что завтра ему не вырваться, потому что тетя Эм с утра заберет его полоть огород и не будет спускать с него глаз, так что ускользнуть он не сможет.

Он лежал и думал об этом, и ему стало ясно, как день, что если он хочет посмотреть, то должен пойти туда сейчас, ночью. По храпу он понял, что дядя Эб и тетя Эм уснули; тогда он выскользнул из постели, поскорее надел рубашку и штаны и осторожно прокрался по лестнице вниз, стараясь не попадать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он взобрался на стул, чтобы дотянуться до ящика со спичками на верхушке печи. Он захватил пригоршню

спичек, но, подумав, вернул все, кроме полудюжины, так как боялся, что тетя Эм заметит, если он возьмет слишком много.

Он вышел. Трава была холодная, мокрая от росы, и он закатал штаны повыше, чтобы не вымочить их внизу, а тогда пустился через пастбище.

В роще были страшные колдовские места, но он не очень боялся, хотя нельзя идти ночью по лесу и не бояться вовсе.

Наконец, он достиг ежевичной поляны и остановился, размышляя, как перебраться через нее в темноте, не изорвав одежды и не исколов себе босых ног. И он задумался над тем, здесь ли еще это что-то, и тотчас же узнал, что оно здесь, ибо почувствовал идущую от него дружественность, словно оно говорило, что оно здесь и что его не нужно бояться.

Он был слегка встревожен, так как не привык к дружескому отношению. Его единственным другом был Бенни Смит, его сверстник, и он встречался с Бенни только в школе, да и то не всегда, потому что Бенни часто болел и целыми неделями оставался дома; а так как Бенни жил на другом конце школьного округа, то на каникулах они совсем не виделись.

Тем временем глаза Джонни привыкли к темноте на ежевичной поляне, и ему показалось, что он различает темные очертания чего-то, лежащего здесь; и он пытался понять, каким образом может ощущать дружественность, так как был уверен, что это только предмет, вроде фургона или силосорезки, а совсем не что-нибудь новое. Если бы он подумал, что оно живое, то испугался бы по-настоящему.

Оно продолжало давать ему ощущение дружественности.

Он протянул руки и начал раздвигать кусты, чтобы пробраться поближе и рассмотреть. Если удастся подойти ближе, подумал он, то он сможет зажечь спичку и посмотреть яснее.

— Стой, — сказала дружественность, и он остановился, хотя совсем не знал, слышал ли это слово.

— Не смотри на нас и не подходи слишком близко, — сказала дружественность, и Джонни тихонько зашептал в ответ; он совсем не смотрел.

— Хорошо, — сказал он, — я не буду смотреть. — И подумал, что это, наверно, такая игра, как в прятки у них в школе.

— Когда мы подружимся совсем, тогда сможем смотреть друг на друга, и все будет хорошо, потому что мы будем знать, какие мы внутри, а какие мы снаружи — это не будет важно.

И Джонни подумал, что они должны быть очень страшными, если не хотят, чтобы он видел их; и они ответили:

— Мы покажемся страшными тебе, ты покажешься страшным нам.

— Тогда, может быть, — сказал Джонни, — это и хорошо, что я не вижу в темноте.

— Ты не видишь в темноте? — спросили они, и Джонни сказал, что не видит, и наступило молчание, хотя Джонни слышал, как они удивляются тому, что он не умеет видеть в темноте. Потом они спросили, что он умеет делать, но он так и не смог понять их, и в конце концов они, должно быть, подумали, что он не умеет делать ничего.

— Ты боишься, — сказали они ему. — Нас не надо бояться.

И Джонни объяснил, что не боится их, какими бы они ни были, ведь они отнеслись к нему дружески; но он боится того, что станется, если дядя Эб и тетя Эм узнают, что он украдкой ушел из Дома. Тогда они стали расспрашивать его о дяде Эбе и тете Эм, и Джонни попытался объяснить, но они не понимали, и кажется, думали, что он говорит о правительстве — было ясно, что они не понимают его. Наконец, очень вежливо, чтобы они не обиделись, мальчик объявил, что ему пора уйти.

Так как он пробыл здесь гораздо больше, чем собирался, Джонни пришлось бежать всю дорогу домой. Вернувшись, он благополучно юркнул в постель, и все было хорошо. Но утром тетя Эм нашла спички у него в кармане и прочла ему нотацию об опасности сжечь амбар. Дабы подчеркнуть свои слова, она стегала его розгой по ногам, да так сильно, что он подпрыгивал и кричал, как ни старался стерпеть.

Весь день он работал на прополке огорода, а перед самыми сумерками пошел загонять коров.

Ему не пришлось делать крюк, чтобы попасть к ежевичной поляне — коровы были именно в той стороне, но он, если бы они пошли в другую сторону, все равно завернул бы сюда, ибо целый день вспоминал о дружественности, которую ощутил там.

На этот раз было еще светло, сумерки только начинались, и он увидел, что его находка была вовсе не живая, а походила на глыбу металла, вроде двух сложенных вместе тарелок, с острым пояском вокруг, совершенно как у тарел-

лок, сложенных вместе доньшками наружу. И этот металл казался старым, словно лежал здесь уже давно, и был весь в ямках, как часть машины, долго пролежавшая под открытым небом.

Странный предмет проложил себе довольно длинную дорогу сквозь чащу ежевики и врезался в землю, пропахав метров двадцать, и, проследив его путь, Джонни увидел, что обломана верхушка высокого тополя.

Они заговорили опять, как и тогда, ночью, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни не понял бы этого последнего слова, никогда не встречавшегося ему в учебниках.

Разговор начался так:

— Теперь ты можешь взглянуть на нас, но немного. Не смотри пристально. Взгляни и отвернись. Постепенно ты привыкнешь к нам.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Вот здесь, — ответили они.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

— Здесь, внутри, — ответили они.

— Тогда я не могу вас увидеть, — сказал Джонни, — Я не могу видеть сквозь металл.

— Он не может видеть сквозь металл, — сказал один из них.

— Не может видеть, когда звезда зашла, — сказал другой.

— Значит, он не может увидеть нас, — сказали оба.

— Вы можете выйти, — предложил Джонни.

— Не можем, — ответили они. — Мы умрем, если выйдем.

— Значит, я не могу даже увидеть вас?

— Ты не можешь даже увидеть нас, Джонни.

И он почувствовал себя страшно одиноким, потому что никогда не увидит этих своих друзей.

— Мы не поняли, кто ты такой, — сказали они, — Расскажи нам о себе.

И потому, что они были такие ласковые и дружелюбные, он рассказал им, кто он; и как он был сиротой, и как его взяли дядя Эб и тетя Эм, которые совсем не были ему родными. Он не говорил о том, как дядя Эб и тетя Эм плохо обращаются с ним, как бьют его, бранят и отсылают спать без ужина. Его друзья поняли это так же, как и то, что он говорил им, и теперь они посылали ему больше, чем дружеское, товарищеское чувство. Теперь это было сострадание и нечто, означавшее у них материнскую любовь.

— Это еще ребенок, — сказали они друг другу.

И они словно вышли к нему, обняли и крепко прижали к себе. Джонни упал на колени, сам того не замечая, и протягивал руки к тому, что лежало среди поломанных кустов, и звал их, словно это было чем-то, что он мог схватить и удержать, — утешением, которого он никогда не видел, которого жаждал и которое нашел, наконец. Его сердце кричало и молило о том, что он не мог высказать словами. И они ответили ему:

— Нет, Джонни, мы не покинем тебя. Мы не можем тебя покинуть, Джонни.

— Вы обещаете? — спросил он.

— Нам незачем обещать, Джонни. Наши машины сломаны, и мы не можем их исправить. Один из нас умирает, другой скоро умрет. — Джонни стоял на коленях, и слова

медленно доходили до его сознания. Он начинал понимать сказанное, и это было больше, чем он мог вынести: найти двоих друзей, когда они близки к смерти.

— Джонни, — сказали они ему.

— Да, — отозвался Джонни, стараясь не плакать.

— Хочешь поменяться с нами?

— Поменяться?

— Скрепить нашу дружбу. Ты дашь нам что-нибудь, и мы дадим тебе что-нибудь.

— Но, — начал Джонни, — у меня ничего нет...

Но тут он вспомнил: у него есть ножик — неважный ножик со сломанным лезвием, но больше у него ничего не было.

— Прекрасно, — сказали они. — Это как раз то, что нужно. Положи его на землю, поближе к машине.

Он достал ножик из кармана и положил у самой машины. И тогда что-то произошло, так быстро, что он не успел увидеть, — но, как бы то ни было, ножик исчез, а вместо него лежало что-то другое.

— Спасибо, Джонни, — сказали они. — Хорошо, что ты поменялся с нами.

Он протянул руку и взял то, что они дали ему, и даже в темноте оно загорелось скрытым огнем. Он пошевелил его на ладони и увидел, что это что-то вроде многогранного кристалла, и что сияние идет изнутри, а грани сверкают множеством разноцветных бликов.

Только теперь, увидев, как ярко светится этот кристалл, он понял, как долго пробыл здесь. Поняв это, он вскочил и побежал, не успев даже попрощаться.

Было уже слишком темно, чтобы искать коров, и он надеялся, что они пошли домой сами и что он сможет до-

гнать их и прийти вместе с ними. Он скажет дяде Эбу, что две тёлки ушли за ограду, и ему пришлось искать их и загонять обратно. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Дыхание у него прерывалось, и сердце билось так, что он весь вздрагивал, и страх вцепился ему в плечи – страх перед своим ужасным проступком, перед этим последним непростительным проступком после всех прочих, после того, как он не пошел к ручью за водой, после двух телок, упущенных вчера вечером, после спичек в кармане.

Он не нагнал коров, идущих домой без него, а нашел их в коровнике, увидев, что они уже выдоены, и понял, что пробыл на поляне слишком долго и что ему будет гораздо хуже, чем он думал.

Он направился к дому, весь дрожа от страха. В кухне был свет, дядя и тетя ждали его. Он вошел в кухню – они сидели у стола, глядя на него, ожидая его, и лица у них в свете лампы были суровыми и жесткими, как могильные плиты.

Дядя Эб встал – огромный, почти до потолка, и видно было, как мускулы вздуваются у него на руках, на которых рукава засучены по локоть.

Он потянулся к Джонни. Тот хотел увернуться, но руки сомкнулись у него на затылке, обхватили шею, подняли и затрясли.

– Я тебя научу, – говорил дядя Эб свирепо, сквозь стиснутые зубы. – Я тебя научу... Я тебя научу...

Что-то упало на пол и покатилося в угол, оставляя за собой огненный след.

Дядя Эб перестал трясти его, подержал в воздухе, потом бросил на пол.

– Это выпало у тебя из кармана, – сказал он. – Что это такое?

Джонни отшатнулся, покачивая головой.

Он не скажет им, что это такое. Не скажет никогда. Пусть дядя Эб делает с ним что угодно, но он не скажет. Пусть даже они убьют его.

Дядя Эб шагнул к кристаллу, наклонился и поднял его. Он вернулся к столу, положил на него кристалл и наклонился, разглядывая его разноцветные сверкания.

Тетя Эм подалась вперед на стуле, чтобы тоже взглянуть.

– Что это? – произнесла она.

Они склонились над кристаллом, пристально разглядывая его. Глаза у них блеснули и светились, тела напряглись, дыхание стало шумным и хриплым. Случись сейчас светопреставление, они не заметили бы его.

Потом они выпрямились и обернулись к Джонни, не замечая кристалла, словно он больше не интересовал их, словно у него была своя задача, которую он выполнил и больше не был нужен. В них было что-то странное, нет, не странное – необычное.

– Ты, наверное, голоден, – обратилась к Джонни тетя Эм. – Я приготовлю тебе поужинать. Хочешь яичницы?

Джонни проглотил слюну и кивнул.

Дядя Эб снова сел, не обращая на кристалл никакого внимания.

– Знаешь, – сказал он, – я видел как-то в городе перочинный ножик, как раз такой, какой тебе нужен.

Джонни почти не слышал его. Он стоял, замерев, и прислушивался к потоку любви и нежности, заливавшему весь дом.

ИЗГОРОДЬ

Он спустился по лестнице и на секунду остановился, давая глазам привыкнуть к полутьме.

Рядом с высокими бокалами на подносе прошел робот-официант.

– Добрый день, мистер Крейг.

– Здравствуй, Герман.

– Не хотите ли чего-нибудь, сэр?

– Нет, спасибо. Я пойду.

Крейг на цыпочках пересек помещение и неожиданно для себя отметил, что почти всегда ходил здесь на цыпочках. Дозволялся только кашель, и лишь самый тихий, самый деликатный кашель. Громкий разговор в пределах комнаты отдыха казался святотатством.

Аппарат стоял в углу, и, как и все здесь, это был почти бесшумный аппарат. Лента выходила из прорези и спускалась в корзину; за корзиной следили и вовремя опустошали, так что лента никогда-никогда не падала на ковер.

Он поднял ленту, быстро перебирая пальцами, пробежал ее до буквы К, а затем стал читать внимательнее.

Кокс – 108,5; Колфилд – 92; Коттон – 97; Кратчфилд – 111,5; Крейг – 75... Крейг – 75!

Вчера было 78, 81 позавчера и 83 третьего дня. А месяц назад было 96,5 и год назад – 120.

Все еще сжимая ленту в руках, он оглядел темную комнату. Вот над спинкой кресла виднеется лысая голова, вот вьется дымок невидимой сигары. Кто-то сидит лицом к Крейгу, но почти неразличим, сливаясь с креслом; блестя только черные ботинки, светится белоснежная рубашка и укрывающая лицо газета.

Крейг медленно повернул голову и, внезапно слабея, увидел, что кто-то занял его кресло, третье от камина. Месяц назад этого бы не было, год назад это было бы немыслимо. Тогда его индекс удовлетворенности был высоким.

Но они знали, что он катится вниз. Они видели ленту и, несомненно, обсуждали это. И презирали его, несмотря на сладкие речи.

– Бедняга Крейг. Славный парень. И такой молодой, – говорили они с самодовольным превосходством, абсолютно уверенные, что уж с ними-то ничего подобного не произойдет.

Советник был добрым и внимательным, и Крейг сразу понял, что он любит свою работу и вполне удовлетворен.

– Семьдесят пять... – повторил советник. – Не очень-то хорошо.

– Да, – согласился Крейг.

– Вы чем-нибудь занимаетесь? – Отшлифованная профессиональная улыбка давала понять, что он в этом совершенно уверен, но спрашивает по долгу службы. – О, в высшей степени интересный предмет. Я знал нескольких джентльменов, страстно увлеченных историей.

– Я специализируюсь, – сказал Крейг, – на изучении одного акра.

– Одного акра? – переспросил советник, совершенно не удивленный. – Я не вполне...

– История одного акра, – объяснил Крейг. – Надо прослеживать ее вдаль, час за часом, день за днем, по темповизору, регистрировать детально все события, все, что случилось на этом акре, с соответствующими замечаниями и комментариями.

— Чрезвычайно интересное занятие, мистер Крейг. Ну и как, нашли вы что-нибудь особенное на своем... акре?

— Я проследил за ростом деревьев. В обратную сторону. Вы понимаете? От стареющих гигантов до ростков; от ростков до семян. Хитрая штука, это обратное слежение. Сначала сильно сбивает с толку, но потом привыкаешь. Клянусь, даже думать начинаешь в обратную сторону... Кроме того, я веду историю гнезд и самих птиц. И цветов, разумеется. Регистрирую погоду. У меня неплохой обзор погоды за последние пару тысяч лет.

— Как интересно, — заметил советник.

— Было и убийство, — продолжал Крейг. — Но оно произошло за пределами акра, и я не могу включать его в свое исследование. Убийца после преступления пробежал по моей территории.

— Убийца, мистер Крейг?

— Совершенно верно. Понимаете, один человек убил другого.

— Ужасно. Что-нибудь еще?

— Пока нет, — ответил Крейг. — Хотя есть кое-какие надежды. Я нашел старые развалины.

— Зданий?

— Да. Я стремлюсь дойти до тех времен, когда они еще не были развалинами. Не исключено, что в них жили люди.

— А вы поторопитесь немного, — предложил советник. — Продайте этот участок побыстрее.

Крейг покачал головой.

— Чтобы исследование не утратило своей ценности, надо регистрировать все детали. Я не могу перескочить через них, чтобы скорее добраться до интересного.

Советник изобразил сочувствие.

— В высшей степени интересное занятие, — сказал он. — Я просто не представляю, почему ваш индекс падает.

— Я осознал, — проговорил Крейг, — что всем все равно. Я вложу в исследование годы труда, опубликую результаты, несколько экземпляров раздам друзьям и знакомым, и они будут благодарить меня, а потом поставят книгу на полку и никогда не откроют. Я разошлю свой труд в библиотеки, но, вы знаете, что сейчас никто туда не ходит. Я буду единственным, кто когда-либо прочтет эту книгу.

— Но, мистер Крейг, — заметил советник, — есть масса людей, которые находятся в таком же положении. И все они сравнительно счастливы.

— Я говорил себе это, — признался Крейг. — Не помогает.

— Давайте сейчас не будем вдаваться в подробности, а обсудим главное. Скажите, мистер Крейг, вы совершенно уверены, что не можете более быть счастливы, занимаясь своим акром?

— Да, — произнес Крейг. — Уверен.

— А теперь ни на минуту не допуская, что ваше заявление отвечает однозначно на наш вопрос, скажите мне: вы никогда не думали о другой возможности?

— О другой?

— Конечно. Я знаю некоторых джентльменов, которые сменили свои занятия и с тех пор чувствуют себя превосходно.

— Нет, — признался Крейг. — Даже не представляю, чем можно еще заняться.

— Ну, например, наблюдать за змеями, — предложил советник.

– Нет, – убежденно сказал Крейг.

– Или коллекционировать марки. Или вязать. Многие джентльмены вяжут и находят это весьма приятным и успокаивающим.

– Я не хочу вязать.

– Начните делать деньги.

– Зачем?

– Вот этого я и сам не могу взять в толк, – доверительно сообщил советник. – Ведь в них нет никакой нужды, стоит сходить в банк. Но есть немало людей, которые с головой ушли в это дело и добывают деньги, порой, я бы сказал, весьма сомнительными способами. Но, как бы то ни было, они черпают в этом глубокое удовлетворение.

– А что потом они делают с деньгами? – спросил Крейг.

– Не знаю, – ответил советник. – Один человек зарыл их и забыл где. Остаток жизни он был вполне счастлив, занимаясь их поисками с лопатой и фонарем в руках.

– Почему с фонарем?

– О, он вел поиски только по ночам.

– Ну и как, нашел?

– По-моему, нет.

– Кажется, меня не тянет делать деньги, – сказал Крейг.

– Вы можете вступить в клуб.

– Я давно уже член клуба. Одного из самых лучших и респектабельных. Его корни...

– Нет, – перебил советник. – Я имею в виду другой клуб. Знаете, группа людей, которые вместе работают, имеют много общего и собираются, чтобы получить удовольствие от беседы на интересные темы.

– Сомневаюсь, что такой клуб решил бы мою проблему, – проговорил Крейг.

– Вы можете жениться, – предложил советник.

– Что? Вы имеете в виду... на одной женщине?

– Ну да.

– И завести кучу детей?

– Многие мужчины занимались этим. И были вполне удовлетворены.

– Знаете, – произнес Крейг, – по-моему, это как-то неприлично.

– Есть масса других возможностей, – не сдавался советник. – Я могу перечислить...

– Нет, спасибо. – Крейг покачал головой. – В другой раз. Мне надо все обдумать.

– Вы абсолютно уверены, что стали относиться к истории неприязненно? Предпочтительнее оживить ваше старое занятие, нежели заинтересоваться новым.

– Да, я отношусь неприязненно, – сказал Крейг. – Меня тошнит от одной мысли о нем.

– Хорошенько отдохните, – предложил советник. – Отдых придаст вам бодрости и сил.

– Пожалуй, для начала я немного прогуляюсь, – согласился Крейг.

– Прогулки весьма, весьма полезны, – сообщил ему советник.

– Сколько я вам должен? – спросил Крейг.

– Сотню, – ответил советник. – Но мне безразлично, заплатите вы или нет.

– Знаю, – сказал Крейг. – Вы просто любите свою работу.

На берегу маленького пруда, привалившись спиной к дереву, сидел человек. Он курил, не сводя глаз с поплавок. Рядом стоял грубо вылепленный глиняный кувшин.

Человек поднял голову и увидел Крейга.

— Садитесь, отдохните, — сказал он.

Крейг подошел и сел.

— Сегодня пригревает, — сказал он, вытирая лоб платком.

— Здесь прохладно, — отозвался мужчина. — Днем вот сижу с удочкой. А вечером, когда жара спадает, вожусь в саду.

— Цветы, — задумчиво проговорил Крейг. — А ведь это идея. Я и сам иногда подумывал, что это небезынтересно — вырастить целый сад цветов.

— Не цветов, — поправил человек. — Овощей. Я их ем.

— То есть вы хотите сказать, что работаете, чтобы получить продукты питания?

— Ага. Я вспахиваю и удобряю землю, и готовлю ее к посеву. Затем я сажаю семена, ухаживаю за всходами и собираю урожай. На еду мне хватает.

— Такая большая работа!

— Меня это несколько не смущает.

— Вы могли бы нанять робота, — посоветовал Крейг.

— Вероятно. Но зачем? Труд успокаивает мои нервы, — сказал человек.

Поплавок ушел под воду, и он схватился за удочку, но было поздно.

— Сорвалась, — пожаловался рыбак. — Я уже не первую упускаю. Никак не могу сосредоточиться. — Он насадил на крючок червя из банки, закинул удочку и снова привалил-

ся к стволу дерева. – Дом у меня небольшой, но удобный. С урожая обычно остается немного зерна, и, когда мои запасы подходят к концу, я делаю брагу. Держу собаку и двух кошек и раздражаю соседей.

– Раздражаете соседей? – переспросил Крейг.

– Ну, – подтвердил человек. – Они считают, что я спятил.

Он вытащил из кувшина пробку и протянул его Крейгу. Крейг, приготовившись к худшему, сделал глоток. Со всем недурно.

– Сейчас, пожалуй, чуть перебродила, – виновато произнес человек. – Но вообще получается неплохо.

– Скажите, – произнес Крейг, – вы удовлетворены?

– Конечно, – ответил человек.

– И у вас, должно быть, высокий ИУ?

– ИУУ?

– Нет, ИУ. Личный индекс удовлетворенности.

Человек покачал головой.

– У меня такого вообще нет.

Крейг чуть не онемел.

– Но как же?!

– Вот и до вас приходил тут один. Довольно давно... Рассказывал про этот ИУ, только мне что-то слышалось ИУУ. Уверял, что я должен такой иметь. Ужасно расстроился, когда я сказал, что не собираюсь заниматься ничем подобным.

– У каждого есть ИУ, – сказал Крейг.

– У каждого, кроме меня. – Он пристально посмотрел на Крейга. – Слушай, сынок, у тебя неприятности?

Крейг кивнул.

– Мой ИУ падает вниз. Я потерял ко всему интерес. Мне кажется, что что-то у нас не так, неправильно. Я чувствую это, но никак не могу определить.

– Им все дается даром, – сказал человек. – Они и пальцем не пошевелият, и все равно будут иметь и еду, и дом, и одежду, и утопать в роскоши, если захотят. Тебе нужны деньги – пожалуйста, иди в банк и бери сколько надо. В магазине забирай любые товары и уходи; продавцу плевать, заплатишь ты или нет. Потому что ему они ничего не стоили. Ему их дали. На самом деле он просто играет в магазин. Точно так же, как все остальные играют в другие игры. От скуки. Работать, чтобы жить, никому не надо. Все приходит само собой. А вся эта затея с ИУ?.. – способ сведения счета в одной большой игре.

Крейг не сводил с него глаз.

– Большая игра, – произнес он. – Точно. Вот что это такое.

Человек улыбнулся.

– Никогда не думали об этом? В том-то и беда. Никто не задумывается. Все так страшно заняты, стараясь убедить себя в собственном благополучии и счастье, что ни на что другое не остается времени. У меня, – добавил он, – хватает времени.

– Я всегда считал наш образ жизни, – сказал Крейг, – конечной стадией экономического развития. Так нас учат в школе. Ты обеспечен всем и волен заниматься, чем хочешь.

– Вот вы сегодня перед прогулкой позавтракали, – после некоторой паузы начал человек. – Вечером пообедайте, немного выпьете. Завтра поменяете туфли или наденете свежую рубашку...

– Да, – подтвердил Крейг.

– Что я хочу сказать, это откуда берутся все эти вещи? Рубашка или пара туфель, положим, могут быть сделаны тем, кому нравится делать рубашки или туфли. Пишущую машинку, которой вы пользуетесь, тоже мог изготовить какой-нибудь механик-любитель. Но ведь до этого она была металлом в земле! Скажите мне: кто собирает зерно, кто растит лен, кто ищет и добывает руду?

– Не знаю, – сказал Крейг. – Я никогда не думал об этом.

– Нас *содержат*, – проговорил человек. – Да-да, нас кто-то содержит. Ну, а я не хочу быть на содержании.

Он поднял удочку и стал укладываться.

– Жара немного спала. Пора идти работать.

– Приятно было поговорить с вами, – произнес, поднимаясь, Крейг.

– Спуститесь по этой тропинке, – предложил человек. – Изумительное место – цветы, тень, прохлада. Если пройдете подальше, наткнетесь на выставку. – Он взглянул на Крейга. – Вы интересуетесь искусством?

– Да, – сказал Крейг. – Но я понятия не имел, что здесь поблизости есть музеи.

– О, неплохой. Недурные картины, пара приличных деревянных скульптур. Очень интересные здания, только не пугайтесь необычности очертаний. Сам я там частенько бываю.

– Обязательно схожу. Спасибо.

Человек поднялся и отряхнул штаны.

– Если задержитесь, заходите ко мне, переночуете. Моя лачуга рядом, на двоих места хватит. – Он взял кувшин. – Мое имя Шерман.

Они пожали руки.

Шерман отправился в свой сад, а Крейг пошел вниз по тропинке.

Строения казались совсем рядом, и все же представить их очертания было трудно. «Из-за какого-то сумасшедшего архитектурного принципа», – подумал Крейг.

Они были розовыми до тех пор, пока он не решил, что вовсе они не розовые, а голубые, а иногда они казались и не розовыми, и не голубыми, а, скорее, зелеными, хотя, конечно, такой цвет нельзя однозначно назвать зеленым.

Они были красивыми безусловно, но красота эта раздражала и беспокоила – совсем незнакомая и необычная красота.

Здания, как показалось Крейгу, находились в пяти минутах ходьбы полем. Он шел минут пятнадцать, но достиг лишь того, что смотрел на них чуть под другим углом. Впрочем, трудно сказать – здания как бы постоянно меняли свои формы.

Это было, разумеется, не более чем оптическая иллюзия.

Цель не приблизилась и еще через пятнадцать минут, хотя он мог поклясться, что шел прямо.

Тогда он почувствовал страх.

Казалось, что, продвигаясь вперед, он уходил вбок. Как будто что-то гладкое и скользкое перед ним не давало пройти. Как изгородь, которую невозможно увидеть или почувствовать.

Он остановился, и дремавший в нем страх перерос в ужас.

В воздухе что-то мелькнуло. На мгновение ему почудилось, что он увидел глаз — один-единственный глаз, смотрящий прямо на него. Он застыл, а чувство, что за ним наблюдают, еще больше усилилось, и на траве по ту сторону незримой ограды заколыхались какие-то тени. Как будто там стоял кто-то невидимый и с улыбкой наблюдал за его тщетными попытками пробиться сквозь стену.

Он поднял руку и вытянул ее перед собой — никакой стены не было, но рука отклонялась в сторону, продвинувшись вперед не больше фута.

И в этот миг он почувствовал, как смотрел на него из-за ограды этот невидимый — с добротой, жалостью и безграничным превосходством.

Он повернулся и побежал.

Крейг ввалился в дом Шермана и рухнул на стул, пытаясь глядя в глаза хозяина.

— Вы знали, — произнес он. — Вы знали и послали меня.

Шерман кивнул.

— Вы бы не поверили.

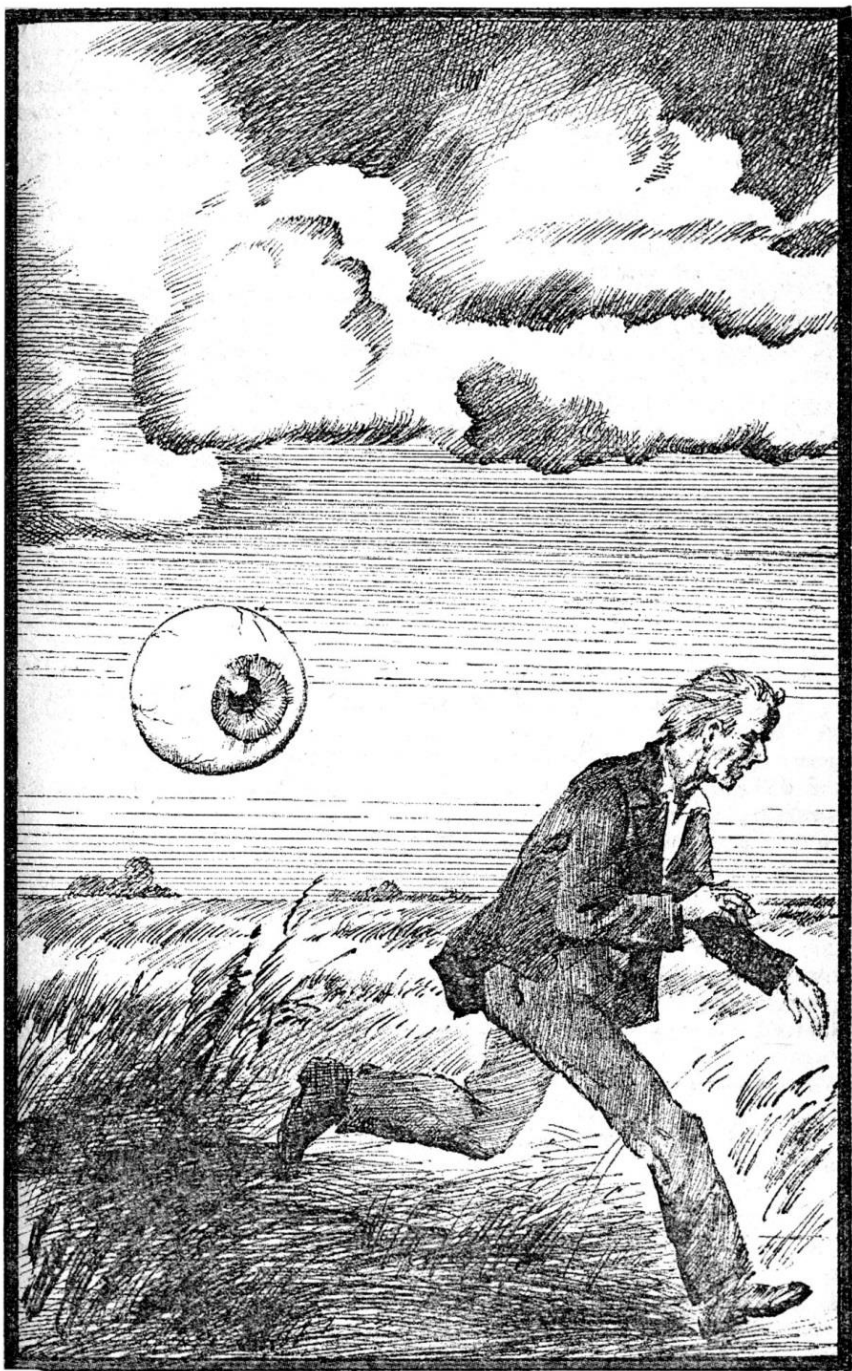
— Кто они? — прерывающимся голосом спросил Крейг.
— Что они там делают?

— Я не знаю, — ответил Шерман.

Он подошел к плите, снял крышку и заглянул в котелок, из которого сразу потянуло чем-то вкусным. Затем он вернулся к столу, чиркнул спичкой и зажег старую масляную лампу.

— У меня все по-старому, — сказал Шерман. — Электричества нет. Ничего нет. Уж не обессудьте. На ужин кроличья похлебка.

Он смотрел на Крейга через коптящую лампу, пламя закрывало его тело, и в слабом свете казалось, что в воздухе плавают одна голова.

– Что это за изгородь? – почти выкрикнул Крейг. – За что их заперли?

– Сынок, – проговорил Шерман, – отгорожены не они.

– Не они?

– Отгорожены *мы*. Неужели не видишь? Мы находимся за изгородью.

– Вы говорили днем, что нас содержат. Это они?

Шерман кивнул. – Я так думаю. Они обеспечивают нас, заботятся о нас, наблюдают за нами. Они дают нам все, что мы просим.

– Но почему?!

– Не знаю, – произнес Шерман. – Может быть, это зоопарк. Может быть, резервация, сохранение последних представителей вида. Они не хотят нам ничего плохого.

– Да, – убежденно сказал Крейг. – Я почувствовал это. Вот что меня напугало.

Они тихо сидели, слушая, как гудит пламя в плите, и глядя на танцующий огонек лампы.

– Что же нам делать? – прошептал Крейг.

– Надо решать, – сказал Шерман. – Быть может, мы все не хотим ничего делать.

Он подошел к котелку, снял крышку и помешал.

– Не вы первый, не вы последний. Приходили и будут приходить другие. – Он повернулся к Крейгу. – Мы ждем. Они не могут дурачить и держать нас в загоне вечно.

Крейг молча сидел, вспоминая взгляд, преисполненный доброты и жалости.

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

М-р Ривз. По моему убеждению, возникшая ситуация требует разработки хорошо продуманной системы мер, препятствующих тому, чтобы продление жизни попало в зависимость от политических или каких-либо иных влиятельных организаций.

Председательствующий м-р Леонард. Вы опасаетесь, что продление жизни может стать средством политического шантажа?

М-р Ривз. И не только этого, сэр. Я опасаясь, что организации начнут продлевать сверх разумных пределов жизнь отдельным деятелям старшего поколения лишь потому, что такие фигуры нужны ради престижа, ради того, чтобы организация сохраняла вес в глазах общественного мнения.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Посетители явились неспроста. Сенатор Гомер Леонард чувствовал, как они нервничают, сидя у него в кабинете и потягивая его выдержанное виски. Они толковали о том о сем по обыкновению своему с многозначительным видом, но ходили вокруг да около того единственного разговора, с которым пришли. Они кружили, как охотничьи собаки подле енота, выжидая удобного случая, подбираясь к теме исподтишка, чтобы она, едва выдастся повод, всплыла как бы экспромтом, словно только что вспомнилась, словно они добивались встречи с сенатором вовсе не ради этой единственной цели.

«Странно», – подумал сенатор. Ведь он знаком с ними обоими давным-давно. И их знакомство с ним ничуть не короче. Не должно бы оставаться ничего, просто ничего такого, что они постеснялись бы сказать ему напрямик. В прошлом они, обсуждая с ним его политические дела, не раз бывали прямолинейны до жестокости.

«Наверное, скверные новости из Америки», – решил он. Но и скверные новости для него тоже отнюдь не новость. «В конце концов, – философски поучал он себя, – никто, если он в здравом уме, не вправе рассчитывать, что пробудет на выборной должности вечно. Рано или поздно придет день, когда избиратели – просто со скуки, если не подвернется других причин, – проголосуют против того, кто служил им верой и правдой». И сенатор был достаточно честен с самим собой, чтобы признать, хотя бы в глубине души, что подчас не служил избирателям ни верой, ни правдой.

«И все равно, – решил он, – я еще не повержен. До выборов еще несколько месяцев, и в запасе есть еще парочка трюков, каких я раньше не пробовал, чтобы сохранить за собой сенаторское кресло. Стоит лишь точно рассчитать время и место удара, и победа не уплывет из рук. Точный расчет, – сказал он себе, – вот и все, что от меня требуется».

Крупный, неповоротливый, он покойно утонул в кресле и на какое-то мгновение прикрыл глаза, чтоб не видеть ни комнаты, ни солнечного света за окном. «Точный расчет», – повторил он про себя. Да, точный расчет и еще знание людей, умение слышать пульс общественного мнения, способность угадывать наперед, к чему избиратель

склонится с течением времени, – вот компоненты тактического мастерства. Угадывать наперед, обгонять избирателей в выводах, чтобы через неделю, через месяц, через год они твердили друг другу: «Послушай, Билл, а ведь старый сенатор Леонард оказался прав! Помнишь, что он заявил на прошлой неделе – или месяц, или год назад – в Женеве? Вот именно, будто в воду глядел. Такого старого лиса, как Леонард, не проведешь...»

Он чуть приподнял веки, чтобы дать посетителям понять, что они не смежились, а лишь оставались все время полуприкрыты. Это было неучтиво и просто глупо – закрывать глаза на виду у посетителей. Они могли вообразить, что ему не интересно. Или воспользоваться случаем и перерезать ему глотку.

«Все потому, что я опять старею, – сказал себе сенатор. – Старею и впадаю в дрему. Но соображаю я четко, как никогда. Да, сэр, – повторил сенатор, беседуя сам с собой, – соображаю я четко, и голыми руками меня не возьмешь».

По напряженному выражению лиц посетителей сенатор понял, что они наконец решились вымолвить то, с чем явились к нему. Они примеривались, принюхивались – не помогло. Теперь приходится хочешь не хочешь выложить карты на стол.

– Есть одно дело, – сказал Александр Джиббс, – одна проблема, вставшая перед нашей организацией уже довольно давно. Мы надеялись, что все утрясется и обстоятельства позволят нам не привлекать к ней вашего внимания, сенатор. Однако позавчера на заседании исполнительного комитета в Нью-Йорке принято решение довести суть дела до вашего сведения.

«Плохо, — подумал сенатор, — даже хуже, чем мне представлялось, раз Джиббс заговорил в такой окольной манере».

Помогать гонцам сенатор не стал. Он невозмутимо откинулся в кресле, твердой рукой сжимая стакан с виски, и не спрашивал, о чем речь, словно ему это было совершенно безразлично. Джиббс слегка запнулся, потом выдавил из себя:

— Дело касается лично вас, сенатор.

— Продления вашей жизни, — выпалил Эндрю Скотт.

Воцарилась неловкая тишина, все были потрясены, и Скотт в том числе: ему не следовало бы называть вещи своими именами. В политике ни к чему идти напролом, куда удобнее выбирать уклончивые, нечеткие формулировки.

— Понятно, — произнес сенатор в конце концов. — Организация полагает, что избиратели предпочли бы видеть меня обычным человеком, которому суждено умереть обычной смертью.

Джиббс кое-как стер с лица выражение растерянности.

— Простые люди, — объявил он, — не любят тех, кто живет дольше предначертанного природой.

— Особенно тех, — перебил сенатор, — кто ничем не заслужил подобной чести.

— Я не ставил вопрос так резко, — запротестовал Джиббс.

— Может, и нет, — согласился сенатор. — Но в какую бы форму вы его ни облекли, в виду-то вы имели именно это.

Кабинетные кресла вдруг стали казаться чертовски жесткими, а в окна по-прежнему било яркое солнце Жене-вы.

– Итак, – сказал сенатор, – организация пришла к выводу, что делать ставку на меня более не стоит, и решила не возобновлять ходатайства о продлении моей жизни. Таков смысл того, что вам поручено мне сообщить.

«С тем же успехом можно и не тянуть волюнку, – подумал он мрачно. – Теперь, когда все окончательно прояснилось, что толочь воду в ступе».

– Да, сенатор, примерно так, – согласился Скотт.

– Именно так, – подтвердил Джиббс.

Сенатор оторвал отяжелевшее тело от кресла, потянувшись за бутылкой виски, наполнил стаканы.

– Вы огласили смертный приговор с большим искусством, – сказал он. – За это следует выпить.

«Интересно, – мелькнула мысль, – а чего они ждали. Что я паду перед ними на колени? Или примусь крушить мебель в кабинете? Или стану проклинать тех, кто их послал?.. Марионетки, мальчики на побегушках. Глупенькие мальчики на побегушках, перепуганные до ужаса...»

Посетители пили виски, не сводя с него глаз, и он содрогнулся от беззвучного хохота, представляя себе, как горек для них сейчас каждый глоток.

Председательствующий м-р Леонард. Значит, мистер Чэпмен, вы согласны с другими ораторами в том, что никому не должно быть дано права просить о продлении жизни для себя лично, что такое продление может иметь место лишь по ходатайству третьих лиц и что...

М-р Чэпмен. Продление жизни должно рассматриваться как дар общества тем индивидуумам, деяния ко-

торых весомо благодетельствовали человечество в целом.

Председательствующий м-р Леонард. Весьма удачно сказано, сэр.

Из стенографического отчета о заседаниях комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

В приемной Института продления жизни сенатор неспешно погрузился в кресло, устроился поудобнее, развернул свежий номер «Норт америкэн трибюн».

Заголовок первой колонки гласил, что, по данным Всемирной коммерческой палаты, мировая торговля развивается нормально. Далее следовало подробное изложение доклада секретаря палаты. Вторая колонка начиналась с ехидного сообщения в рамочке: на Марсе, возможно, обнаружена новая форма жизни, но, поскольку обнаружил ее астронавт, пьяный более обыкновенного, к его заверениям отнеслись с изрядной долей скептицизма. Ниже рамки был помещен список мальчиков и девочек — чемпионов здоровья, отобранных Финляндией для участия в предстоящем всемирном конкурсе здоровья. Третья колонка излагала последние сплетни о самой богатой женщине мира.

А четвертую колонку венчал вопрос:

КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА ДОКТОРА КАРСОНА?

СМЕРТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНО НЕ ДОКАЗАНА

Заметив, что под колонкой стоит подпись — Энсон Ли, сенатор сухо усмехнулся. Опять этот Ли что-то затеял. Вечно он что-нибудь пронюхает, выудит какой-нибудь фактик, и уж можете не сомневаться, что фактик этот ко-

му-то встанет поперек горла. Ли неумолим, как стальной капкан, не дай Бог, если такой вцепится именно в вас.

Что далеко ходить за примерами – достаточно вспомнить историю с космическим фрахтом.

«Энсон Ли, – изрек сенатор про себя, – паразит. Самый настоящий паразит».

Но доктор Карсон... Кто такой доктор Карсон?

Сенатор вступил в невинную тихую игру с самим собой – постараться сообразить, кому принадлежит это имя, сообразить до того, как заглянуть в текст.

Доктор Карсон...

«Ну конечно, – обрадовался сенатор, – помню! Только это было давно. Биохимик или что-то в том же роде. Весьма незаурядный человек. Ставил какие-то опыты с колониями почвенных бактерий, выращивал их для каких-то медицинских надобностей.

Да, да, – повторил сенатор, – весьма незаурядный человек. Меня с ним даже познакомили. Правда, я не понял и половины того, о чем он толковал тогда. Но это было давно. Лет сто назад.

Лет сто назад – а может, много больше.

– Значит, Господи прости, – воскликнул сенатор, – он же должен быть одним из нас!..»

Сенатор поник головой, газета выскользнула у него из рук и упала на пол. Вздвогнув, он выпрямился. «Ну вот, опять задремал»– упрекнул он себя. – Снова подкрадывается старость...»

Он сидел в кресле, сидел очень спокойно и тихо, как испуганный ребенок, не желающий признаваться, что он испуган, а мыслями все отчетливее завладевали давние,

давние кошмары. «Слишком поздно, — упрекал он себя. — Я слишком долго тянул, куда дольше, чем следовало. Ждал, что организация возобновит ходатайство, и дождался, что она передумала. Вышвырнула меня за борт. Покинула меня как раз тогда, когда я сильнее всего нуждался в ней».

«Смертный приговор», — так сказал он у себя в кабинете, и это был действительно смертный приговор: долго он теперь не протянет. У него теперь почти не осталось времени. А ему нужно время — на то, чтобы придумать, какие шаги предпринять. Нужно действовать, действовать с величайшей осторожностью и ни при каких обстоятельствах не поскользнуться. Иначе — кара, ужасная, жесточайшая кара.

— Доктор Смит вас примет, — сообщила секретарша.

— Что? — встрепнулся сенатор.

— Вы хотели видеть доктора Дейну Смита, — напомнила секретарша. — Он согласен вас принять.

— Благодарю вас, мисс, — сказал сенатор. — Я что-то слегка задремал.

Он тяжело поднялся на ноги.

— Вот сюда, в эту дверь, — подсказала секретарша.

— Сам знаю, — пробормотал сенатор раздраженно. — Знаю. Бывал здесь не раз и не два.

Доктор Смит встретил его как почетного гостя.

— Располагайтесь, сенатор, — пригласил он. — Хотите выпить? Тогда, быть может, сигару? Что привело вас ко мне?

Сенатор не торопился отвечать, устраиваясь в кресле. Удовлетворенно хмыкнув, отрезал кончик сигары, перекатил ее из одного уголка рта в другой.

– Да просто зашел без особого повода. Шел мимо и решил заглянуть. Давно и искренне интересуюсь вашей работой. Всегда интересовался. Ведь я связан с вами с самого начала.

Директор института кивнул.

– Да, я знаю. Вы проводили самые первые обсуждения кодекса продления жизни.

Сенатор усмехнулся.

– Тогда все казалось легко и просто. Конечно, были какие-то сложности, и мы не уклонялись от них, а боролись с ними, как могли.

– Вы справились со своей задачей удивительно хорошо, – заявил директор. – Кодекс, выработанный вами пять веков назад, настолько справедлив, что его никто никогда не оспаривал. Отдельные поправки, внесенные позже, касаются второстепенных деталей, которые вы никак не могли предусмотреть.

– Однако дело слишком затянулось, – заметил сенатор.

Лицо директора приобрело жесткое выражение.

– Не понимаю вас.

Сенатор зажег сигару, сосредоточив на этом процессе все свое внимание, старательно окуная ее кончик в огонь, чтобы табак занялся ровно. Затем поерзал в кресле, устраиваясь еще прочнее.

– Видите ли, – произнес он. – Мы полагали, что продление жизни явится первым шагом, первым робким шагом к бессмертию. Мы разрабатывали кодекс как временную меру, необходимую на тот период, пока наука не добьется бессмертия – не для избранных, для всех. Мы рассматривали тех немногих, кому даруется продление жиз-

ни, как служителей человечества, которые помогут приблизить день, когда оно обретет бессмертие – не отдельные люди, все человечество в целом.

– С этим и сегодня никто не спорит, – холодно откликнулся доктор Смит.

– Однако люди теряют терпение.

– И очень плохо. От них требуется только немного подождать.

– Как представители человечества они готовы ждать сколько угодно. Но не как отдельные личности.

– Не понимаю, к чему вы клоните, сенатор.

– Да, наверное, ни к чему не клоню. В последние годы я частенько обсуждал сам с собой правомерность принятого нами решения. Продление жизни без бессмертия – это бочка с динамитом. Заставьте людей ждать слишком долго – и она взорвет всю мировую систему.

– Что вы предлагаете, сенатор?

– Ничего. Боюсь, мне нечего предложить. Но мне нередко сдается, что лучше было бы играть с людьми в открытую; знакомить их с результатами поисков и исследований, держать их в курсе всех событий. Информированный человек – разумный человек.

Директор не отвечал, и сенатор ощутил, как тягостный холод уверенности капля за каплей просачивается в подсознание.

«Смит все знает, – понял сенатор. – Ему известно, что организация решила не возобновлять ходатайства, что я мертвец. Ему известно, что мне почти крышка и помощи от меня больше ждать не приходится, – и он вычеркнул меня из своих расчетов. Смит не скажет мне ничего, тем более того, что я хочу знать».

Но ни один мускул не дрогнул у сенатора на лице — этого он себе не позволил. Его лицо не предаст его. Оно прошло слишком долгую выучку.

— А ответ существует, — произнес сенатор, — и всегда существовал. Ответ на любой вопрос о бессмертии. Бессмертия не может быть, пока нет жизненного пространства, достаточного, чтобы отселить всех лишних, и чтоб его было больше, чем нам понадобится во веки веков, и чтоб его можно было еще расширить в случае нужды.

Доктор Смит снова кивнул.

— Вы правы, это ответ. Единственный, какой я могу вам дать. — Он помолчал и добавил. — Разрешите, сенатор, заверить вас в одном. Как только корабли Межзвездного поиска обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие.

Сенатор выбрался из кресла и встал — твердо, не качаясь.

— Приятно было услышать это от вас, доктор. Ваше мнение очень обнадеживает. Благодарю вас за длительную беседу.

Выйдя на улицу, он сказал себе с горечью; «У них оно уже есть. Они открыли секрет бессмертия. Теперь они ждут только жизненного пространства — и дождутся в ближайшие сто лет. Ближайшие сто лет решат и эту проблему, иначе просто не может быть...

Еще сто лет, — повторил он себе, — еще одно единственное продление, и я остался бы жить навсегда».

М-р Эндрюс. Мы обязаны четко отделить продление жизни от отношений купли-продажи. Нельзя позволить

тому, у кого есть деньги, покупать себе дополнительные годы жизни — ни путем прямых денежных выплат, ни используя свое финансовое влияние, в то время как другие обречены умереть естественной смертью лишь потому, что они бедны?

Председательствующий м-р Леонард. Но разве кто-нибудь ставит эти положения под сомнение?

М-р Эндрюс. Тем не менее надо подчеркивать снова и снова. Продление жизни ни при каких обстоятельствах не должно стать товаром, который можно купить в определенной лавке — столько-то долларов за каждый добавочный год.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сидя за шахматной доской, сенатор притворялся, что решает задачу. Притворялся, потому что мысли его были заняты отнюдь не шахматами.

Итак, они знают секрет бессмертия, знают, но выжидают, сохраняя в тайне до поры, когда будут уверены, что в распоряжении человечества есть достаточное жизненное пространство. Причем это держится в тайне и от народа, и от правительства, и от тех ученых — мужчин и женщин, — что поколение за поколением тратят свои жизни на поиски давно открытого.

Да, сомнений нет: Смит не просто обнадеживал, он был уверен в том, что говорит. «Как только корабли Межзвездного поиска, — заявил он, — обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие». И это

означает, что бессмертие у них в кармане. Ведь его нельзя предсказать. Нельзя заранее определить, что секрет будет найден в нужный момент. Уверенность такого рода можно испытывать только в том случае, если он уже есть.

Сенатор сделал ход слонем и тут же увидел, что ход неверен. Он медленно вернул слона на прежнее место.

Жизненное пространство – вот ключ, и не всякое пространство, а экономически замкнутое, способное обеспечить людей пищей и сырьем, в особенности пищей. Ведь если бы речь шла просто о жизненном пространстве, то пространством в этом смысле человечество располагает. Взять хотя бы Марс, Венеру, спутники Юпитера. Но ни один из этих миров не может существовать самостоятельно. И потому не решает проблемы.

Остановка только за жизненным пространством, и столет с лихвой хватит на то, чтобы его обнаружить. Еще столет – и каждый, кем бы он ни был, вступит во владение благом бессмертия, доступным всему человечеству.

«Еще одно продление даст мне эти столет, – сказал сенатор, беседуя сам с собой. – Сто лет, и даже с запасом, ведь на сей раз я стал бы щадить себя. Я вел бы более праведную жизнь. Ел бы в меру, отказался бы от спиртного, от курева и от охоты за женщинами».

Разумеется, есть способы добиться своего. Их не может не быть. И он их отыщет, поскольку знает все ходы и выходы. Недаром же он провел в сенате пятьсот лет – для него не осталось тайн. Иначе он просто-напросто столько не продержался бы.

Мысленно он принялся перебирать возможности, оценивая их одну за другой.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРВАЯ: устроить разрешение на продление жизни кому-то еще, а потом заставить этого кого-то передать разрешение ему, сенатору Леонарду. Обойдется, конечно, недешево, да что поделаешь.

Надо найти кого-то, кому можно довериться, — и вполне вероятно, что довериться до такой степени нельзя никому. Продление жизни, прямо скажем, — не та поблажка, от которой легко отказаться. Нормальный человек, получив разрешение, его уже не отдаст.

Впрочем, если разобраться, из этого, наверное, вообще ничего не выйдет. Ведь есть еще и юридическая сторона дела. Продление жизни — дар общества одному конкретному человеку, лично ему и никому другому. Разрешение нельзя передать. Его нельзя рассматривать как юридическую собственность. Оно не может быть предметом владения. Его нельзя ни купить, ни продать, следовательно, передать его тоже нельзя.

Однако если тот, кому даровано продление, умрет, прежде чем воспользуется разрешением, — умрет, конечно же. естественной смертью, и чтобы ее естественность не вызывала ни малейших сомнений, — тогда, быть может... Да нет, все равно ничего не получится. Раз продление жизни нельзя рассматривать как собственность, оно не есть часть состояния. Его нельзя унаследовать. Разрешение, по всей вероятности, подлежит автоматическому возврату ходатайствующей организации.

«Ну что ж, — сказал себе сенатор, — вычеркнем этот путь как бесперспективный».

ВОЗМОЖНОСТЬ ВТОРАЯ: съездить в Нью-Йорк и поговорить с ответственным секретарем организации. В

конце концов Джиббс и Скотт – всего-навсего посыльные. Они выполняют чужие приказы, передают волю власть имущих, не более того. Если бы потолковать с кем-либо из боссов...

«Нет, – осадил себя сенатор, – не строй воздушных замков. Организация вышвырнула тебя за борт. Повидимому, боссы выжали из Института продления жизни все, что только посмели, нахватали разрешений больше, чем могли надеяться. Теперь они уже ни на что претендовать не могут, и мое разрешение понадобилось им для кого-то, кто идет на подъем и способен привлечь избирателей.

А я – отживший свое старый лис. Хотя и хитрый лис, и опасный, если загонят в угол, и увертливый – как-никак пять столетий на виду у публики прожиты не даром.

Пять столетий, – заметил сенатор мимоходом, – срок достаточно долгий, чтобы не питать иллюзий, даже по отношению к самому себе.

Нет, – решил он, – этому не бывать. Я перестану уважать себя, если поползу на коленях в Нью-Йорк, – уж видит Бог, я сумел бы перенести унижение, но все же не такое. Я никогда не ползал на коленях и сейчас не поползу – даже во имя добавочной сотни лет и прыжка к бессмертию.

Вычеркнем и этот путь», – приказал себе сенатор.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТРЕТЬЯ: а что, если подкупить кого-нибудь?

Из всех возможностей эта представлялась самой надежной. Всегда найдется кто-то, кого можно купить, и еще кто-то, согласный выступить посредником. Есте-

ственно, что член Всемирного сената может ввязываться в дела подобного сорта только через подставных лиц.

Да, услуги такого рода, вероятно, кусаются – но для чего же деньги в конце концов? Вот подходящий случай напомнить себе, что он вел в общем-то экономную жизнь и сумел отложить известную сумму на черный день.

Сенатор сделал ход ладьей, и этот ход выглядел умным, тонким ходом, так что он оставил ладью на новом поле.

Разумеется, после нелегального продления жизни ему придется скраться. Как бы ни хотелось бросить свой триумф в лицо боссам, об этом нечего и мечтать. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь вздумал поинтересоваться, каким же образом он добился продления. Ему придется раствориться в толпе, стать невидимкой, поселиться в каком-нибудь глухом углу и постараться не привлекать к себе внимания.

Надо повидаться с Нортоном. Если вам позарез необходимо повернуть какое-то дельце, надо повидаться с Нортоном. Обеспечить тайну делового свидания, убрать кого-то с дороги, получить концессию на Венере или зафрахтовать космический корабль – Нортон возьмется за все. И выполнит любое поручение шито-крыто и без лишних вопросов. При одном условии – если у вас есть деньги. Если денег нет, обращаться к Нортону – пустая трата времени.

Мягко ступая, в комнату вошел Отто.

– К вам джентльмен, сэр, – произнес он.

Сенатор вздрогнул и окаменел в кресле.

— Какого черта ты шпионишь за мной? — заорал он. — Вечно подкрадываешься, как кошка. Норовишь испугать меня. С нынешнего дня изволь сначала покашлять или зацепиться за стул, или что хочешь, но чтобы я знал, что ты тут.

— Извините, сэр, — ответил Отто. — К вам джентльмен. И у вас на столе письма, которые надо прочесть.

— Прочту позже, — отрезал сенатор.

— Не позабудьте это сделать, сэр, — Отто был непреклонен.

— Я никогда ничего не забываю. Ты что думаешь, я окончательно одряхлел, что мне нужно обо всем напоминать?

— Вас хочет видеть джентльмен, — повторил Отто терпеливо. — Некий мистер Ли.

— Случайно не Энсон Ли?

Отто шумно засопел, потом ответил:

— Кажется так. Он газетчик, сэр.

— Проси его сюда, — распорядился сенатор.

Флегматично утонув в кресле, он подумал: «Ли что-то пронюхал. Каким-то образом он проведал, что организация вышвырнула меня за борт. И вот пожаловал, чтобы четвертовать меня.

Ну нет, — поправился сенатор тут же, — он мог заподозрить что-то, но не более. Мог подцепить слушок, но уверенности ему взять негде. Организация будет держать язык за зубами — не может же она открыто признать, что продление жизни тоже стало предметом политического расчета! И вот Ли, подцепив слушок, явился ко мне, чтобы выжать из меня правду, взять на испуг и поймать на неосторожном слове.

А я ему этого не позволю, – решил сенатор. – Ведь если правда выплывет наружу, вся стая окажется тут как тут и растерзает меня в клочья».

Как только Ли появился на пороге, сенатор поднялся и пожал ему руку.

– Извините за беспокойство, сенатор, – сказал Ли, – но я надеялся, что вы не откажетесь мне помочь.

– Ну, о чем речь! – дружелюбно откликнулся сенатор, – Для вас – что угодно. Присаживайтесь, мистер Ли.

– Вы читали мою статью в утреннем выпуске? – осведомился Ли. – Об исчезновении доктора Карсона?

– Нет, – ответил сенатор. – Боюсь, что...

Он запнулся, ошеломленный.

Он не прочел газету!

Он забыл ее прочесть!

Он читал ее всегда. Он не пропускал ни одного номера. Это был торжественный ритуал – начать с самого начала и дочитать до конца, исключая лишь те рубрики, которые, как он убедился годы назад, и читать-то не стоит.

Он развернул газету в институте, потом его отвлекла секретарша, оповестившая, что доктор Смит согласен его принять. А выйдя из кабинета, он так и оставил газету в приемной.

Случилось нечто ужасное. Ни одна новость, ни одно событие в целом свете не могли бы расстроить его в такой степени, как тот злополучный факт, что он забыл прочесть газету.

– Боюсь, что я пропустил вашу статью, – промямлил сенатор. Он был попросту не в силах признать во всеуслышание, что забыл прочесть газету.

– Доктор Карсон, – сказал Ли, – был биохимик и довольно известный. Согласно официальной версии, он умер лет десять назад в Испании, в маленькой деревушке, где провел последние годы жизни. Но у меня есть основания думать, что он вовсе не умирал и, вполне возможно, жив-живехонек до сих пор...

– Прячется? – предположил сенатор.

– Не исключено. Хотя, с другой стороны, зачем ему прятаться? Репутация у него была безупречная.

– Тогда почему вы сомневаетесь, что он умер?

– Потому что нет свидетельства о смерти. И он далеко не единственный, кто ухитрился умереть без свидетельства.

– М-м? – отозвался сенатор.

– Гэллоуэй, антрополог, скончался пять лет назад. Свидетельства нет. Гендерсон, знаток сельского хозяйства, умер шесть лет назад. Свидетельства опять-таки нет. Могу перечислить еще добрую дюжину подобных случаев – и, вероятно, есть множество других, до которых я не докопался.

– А есть между ними что-нибудь общее? – осведомился сенатор. – Что-то связывало их между собой?

– Только одно – всем им хоть раз продлевали жизнь.

– Вот оно что, – отозвался сенатор. Чтобы руки не выдали предательской дрожи, он сжал подлокотники до боли в пальцах. – Интересно. Весьма интересно.

– Понимаю, что как должностное лицо вы не вправе мне ничего сообщать, но не могли бы вы поделиться со мной какой-нибудь догадкой, соображениями не для протокола? Естественно, вы не разрешите мне сослаться на вас, но дайте мне ключ, помогите хотя бы намеком...

Он замолк, выжидая ответа.

– Вы обратились ко мне потому, что я был близок к Институту продления жизни? – спросил сенатор.

Ли ответил кивком.

– Если об этом хоть кому-то что-то известно, то в первую очередь вам, сенатор. Вы возглавляли комиссию, где велись первоначальные слушания о продлении жизни. С тех пор вы занимали различные посты, связанные с той же проблемой. Только сегодня утром вы были у доктора Смита.

– Ничего я вам не скажу, – пробормотал сенатор. – Да я ничего толком и не знаю. Тут, понимаете, замешаны политические интересы...

– А я-то надеялся, что вы поможете мне.

– Не могу, – признался сенатор. – Вы, конечно, ни за что не поверите, но мне и вправду ничего не известно. – Помолчав немного, он спросил: – Вы говорите, что всем, кого вы упомянули, продлевали жизнь. Разумеется, вы проверяли – возобновлялись ли ходатайства о продлении?

– Проверял. Не возобновлялись ни для кого – по крайней мере это нигде не зафиксировано. Некоторые из них приближались к своему смертному часу и действительно могли к настоящему времени умереть, только я очень сомневаюсь, что смерть настигла их там и тогда, где и когда это якобы произошло.

– Интересно, – повторил сенатор. – И, несомненно, весьма таинственно.

Ли, намеренно меняя тему, показал на шахматную доску.

– Вы хорошо играете, сенатор?

Сенатор покачал головой.

– Игра мне нравится, вот и балуюсь иногда. Она привлекает меня своей логикой и своей этикой. Играя в шахматы, вы волей-неволей становитесь джентльменом. Вы соблюдаете определенные правила поведения.

– Как и в жизни, сенатор?

– Как должно бы быть и в жизни. Когда положение безнадежно, вы сдаетесь. Вы не заставляете противника играть до унижительного для вас обоих конца. Так требует этика. Когда вы видите, что выигрыша нет, но и резервы защиты не исчерпаны, вы продолжаете бороться за ничью. Так требует логика.

Ли засмеялся, пожалуй, чуть-чуть натянуто.

– Вы и в жизни придерживаетесь таких же правил?

– Стараюсь по мере сил, – ответил сенатор с напускным смирением.

Ли поднялся на ноги.

– Мне надо идти, сенатор.

– Посидите еще, выпейте рюмочку.

Репортер отказался:

– Спасибо, меня ждет работа.

– Выходит, я должен вам выпивку, – заметил сенатор. – Напомните мне об этом при случае.

Когда Ли ушел, сенатор Гомер Леонард долго сидел в кресле, будто оцепенев. Потом протянул руку, хотел сделать ход конем, но пальцы дрожали так, что он выронил фигуру и она со стуком покатилась по доске.

Каждый, кто добьется продления своей жизни нелегальными или полунелегальными методами, без надлежа-

щих рекомендаций, утвержденных установленным порядком в соответствии с законной процедурой, подлежит фактическому отчуждению от человечества. Как только его виновность будет доказана, это должно быть оглашено всеми доступными людям средствами по всей Земле до самых дальних ее уголков, чтобы каждый человек Земли мог без труда опознать виновного. В целях большей точности и безошибочности подобного опознания виновный приговаривается к пожизненному ношению позорного жетона, публично оглашающего его вину и заметного на значительном расстоянии. Нельзя отказать виновному в удовлетворении основных жизненных потребностей, как-то: в пище, одеже, скромном жилище и медицинской помощи, однако ему воспрещается пользоваться в какой бы то ни было форме иными достижениями цивилизации. Виновному не разрешается делать приобретения, превышающие минимальные требования сохранения жизни, здоровья и благопристойности; он не допускается к участию в любых предпринимаемых людьми начинаниях и учреждаемых ими объединениях; он лишается права пользоваться услугами библиотек, лекционных залов, увеселительных и прочих заведений, как общественных, так и частных, действующих ради просвещения, отдыха или развлечения других людей. В равной степени воспрещается всем жителям Земли во избежание сурового наказания сознательно вступать с виновным в беседу или какие-либо иные отношения, принятые между людьми. Виновному дозволяется прожить незаконно продленную жизнь до ее естественного завершения в рамках человеческого об-

щества, но с лишением фактически всех прав и обязанностей, общих для человеческих существ. И все перечисленные выше санкции в полной мере налагаются на пособника или пособников, которые с сознательно обдуманным намерением так или иначе помогли виновному добиться продления своей жизни иными, нежели законные, средствами.

Из Кодекса продления жизни.

– Стало быть, – сказал Дж. Баркер Нортон, – все эти столетия организация ходатайствовала о продлении вашей жизни, тем самым расплачиваясь с вами за услуги, которые вы ей оказывали? – Сенатор кивнул. – А теперь, когда вы того и гляди завалите выборы, боссы решили, что ставить на вас больше нет резона, и отказались возобновлять ходатайство?

– Грубовато, – сказал сенатор, – но по существу верно.

– И вы бросились ко мне. А что я, черт побери, могу поделаться?

Сенатор наклонился поближе к собеседнику.

– Давай перейдем на деловой язык, Нортон. Нам с тобой уже доводилось работать вместе.

– Это точно, – согласился он. – На том космическом фрахте мы оба неплохо погрели руки.

– Я хочу прожить еще сотню лет и готов заплатить за это. И не сомневаюсь, что ты можешь это устроить.

– Каким образом?

– Не знаю. Действовать я предоставляю тебе. Какие рычаги тыпустишь в ход, мне все равно.

Нортон откинулся на спинку стула и сцепил пальцы обеих рук.

– Думаете, я подкуплю кого-то, чтобы он походатайствовал за вас? Или дам в лапу кому-нибудь в Институте, чтобы вам продлили жизнь, минуя ходатайство?

– И та, и другая мысль заслуживают внимания.

– А если меня поймают на этом, что тогда? Отлучение от человечества? Благодарю, сенатор, я в такие игры не играю.

Сенатор невозмутимо взглянул в лицо человека, сидящего по другую сторону стола, и тихо произнес:

– Сто тысяч.

Вместо ответа Нортон расхохотался.

– Хорошо, полмиллиона.

– А отлучение? Чтобы принять такой риск, овчинка должна стоить выделки.

– Миллион, – заявил сенатор. – Но это мое последнее слово.

– Миллион сию минуту, – сказал Нортон. – Наличными. Никаких расписок. Никаких банковских отметок о переводе. Еще миллион, – когда я, если сумею, выполню поручение.

Сенатор неторопливо, с непроницаемым лицом, поднялся в полный рост, изо всех сил скрывая охватившее его возбуждение, более того – неистовый восторг. Но голос у него даже не дрогнул.

– Я соберу миллион к концу недели.

– Тогда и я начну наводить справки.

Когда сенатор вышел на улицу, в его походке была упругость, какой он не помнил долгие годы. Он шагал быстро, уверенно, помахивая тростью.

Эти исчезнувшие, Карсон, Гэллоуэй и Гендерсон, ушли

со сцены так же, как придется уйти ему, едва он получит свои вожделенные сто лет. Они сварганили себе фальшивое объявление о смерти, а сами сгинули с глаз долой, надеясь дожить до дня, когда бессмертие начнут раздавать всем подряд по первому требованию.

Каким-то образом они добились нового продления, нелегально – ведь ходатайство нигде не зарегистрировано. И кто-то обстряпал им это. Более чем вероятно – Нортон.

Только они напортачили. Старались замести следы, а на деле лишь привлекли внимание к своему исчезновению. В таких предприятиях нельзя допускать ни малейшей промашки. Впрочем, человек тертый и продумавший все заранее не промахнется.

Вытянув дряблые губы, сенатор принялся насвистывать какой-то мотивчик.

Нортон, конечно, мошенник. Прикидываясь, что не знает, как взяться за поручение, что боится отлучения от человечества, он лишь взвинчивал цену.

Сенатор криво усмехнулся: сумма, запрошенная Нртоном, означала, что он останется почти без гроша, – но игра стоит свеч.

Чтобы наскрести столь внушительную сумму, потребуетс немалая осторожность. Придется собирать ее по частям – немножко из одного банка, немножко из другого, чередуя изъятие вкладов с погашением ценных бумаг, а то и признав кое-что по мелочи, чтобы избежать лишних вопросов.

На углу он купил газету и подозвал такси. Откинувшись на сиденье, он сложил газету пополам и начал, как всегда, с первой колонки. Снова конкурс здоровья. На сей раз в Австралии.

«Здоровье, — подумал сенатор. — Просто помешались они на здоровье. Культ здоровья. Центры здоровья. Клиники здоровья...» Эту колонку он пропустил и принялся за вторую. Заголовок гласил:

ШЕСТЬ СЕНАТОРОВ ПОЧТИ НЕ ИМЕЮТ ШАНСОВ НА ПЕРЕИЗБРАНИЕ

Сенатор негодуяще фыркнул. Один из шестерых, разумеется, — он сам.

Но, собственно, ему-то какая печаль? К чему лезть из кожи и пытаться удержать за собой сенатское кресло, в котором он не собирается сидеть? Он намерен помолодеть и заново строить жизнь. Уехать куда-нибудь за тридевять земель и стать другим человеком.

Совершенно другим. Подумать об этом и то приятно. Сбросить с себя шелуху старых связей, опостылевшее за долгие века бремя ответственности.

Нортон взялся за дело. Нортон не подведет.

М-р Миллер. И все-таки мне непонятно, где тут граница. Вы предложите продлить жизнь кому-то, а он захочет, чтоб вы заодно продлили жизнь его жене и детишкам. А жена в свою очередь захочет, чтоб вы продлили жизнь тетушке Минни, детишки захотят, чтоб вы продлили жизнь их любимому песику, а песик захочет...

Председательствующий м-р Леонард. Вы утрируете, мистер Миллер.

М-р Миллер. Мне, уважаемый, непонятно, что это значит. Вы тут в Женеве привыкли перекидываться заумными словечками, морочить людям головы. Нынче

пришла пора объяснить все простому народу простым языком.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

– По правде говоря, – признался Нортон, – впервые в жизни сталкиваюсь с чем-то, чего не могу устроить. Попросите меня о чем угодно еще, сенатор, и я достану вам это из-под земли.

Сенатор почти лишился дара речи.

– Так, значит, у тебя ничего не вышло? Но как же, Нортон, ведь доктор Карсон, и Гэллоуэй, и Гендерсон... Кто-то же позаботился о них...

Нортон покачал головой.

– Только не я. Я про них и не слыхивал.

– Тогда кто же? Они исчезли...

Голос изменил ему, он ссутулился в кресле и вдруг осознал правду – правду, которой раньше не хотел видеть.

«Слепец! – сказал он себе. – Безмозглый слепец!..»

Да, они исчезли – и это все, что о них известно. Они объявили о собственной смерти, но не умерли, а исчезли. Он убедил себя, что они исчезли, так как сумели нелегально продлить себе жизнь. Но это же был чистейший самообман! Такой вывод не подкреплялся фактами, да что там, для такого вывода не было ровным счетом никаких оснований.

«Будто нельзя придумать иных причин, – упрекнул он себя, – иных обстоятельств, которые побудили бы человека замечать следы, объявив о собственной смерти!..»

Однако ведь и вправду все так хорошо сходилась...

Им продлевали жизнь, а затем не возобновили ходатайства. Точно так же, как продлевали жизнь и ему самому, а теперь перестали. Они ушли со сцены, как ушел бы он сам, если бы ухитрился вновь отсрочить свой конец.

Все сходилась так хорошо – и все оказалось блефом.

– Я перепробовал все известные мне каналы, – сказал Нортон. – Подъезжал к каждому, кто мог бы дать ходатайство на ваше имя, а они поднимали меня на смех. Этот номер уже пытались провернуть задолго до нас с вами, и у него не осталось шансов на успех. Если организация, выдавшая первоначальное ходатайство, отвернулась от вас, – ваше имя вычеркивается из списка автоматически и навсегда. Пытался я прощупать и персонал Института – тех, кто, по моим соображениям, мог бы клюнуть, – но они неподкупны. За честность им платят добавочными годами жизни, и среди них нет дураков, согласных променять годы на доллары.

– Похоже, вопрос исчерпан, – произнес сенатор устало. – Мог бы и предвидеть, что все обернется именно так. – Он тяжело поднялся с кресла и посмотрел на Нортон в упор. – Послушай, а ты не обманываешь меня? Не пытаешься поднять цену еще выше?

Нортон ответил удивленным взглядом, словно не веря своим ушам.

– Поднять цену? Помилуйте, сенатор, если бы мне удалось провернуть это дельце, я бы обобрал вас до нитки. Хотите знать, сколько вы стоите? Могу сообщить вам с точностью до тысячи долларов. – Он обвел рукой ряды полок вдоль стены, уставленных папками. – Вы у меня там

со всеми потрохами, сенатор. Вы и все остальные шишки. Полное досье на каждого из вас. Когда ко мне является очередной гусь с деликатным порученьцем вроде вашего, я справляюсь в досье и раздеваю его донага.

– Просить тебя вернуть хотя бы часть денег, вероятно, нет смысла?

Нортон покачал головой.

– Ни малейшего. Вы пошли на риск, сенатор, и проиграли. Вы ничем не докажете, что вообще платили мне. Да к тому же, у вас и теперь с избытком хватит денег на те несколько лет, что вам еще остались.

Сенатор сделал шаг к двери, потом приостановился.

– Слушай, Нортон, но я не могу умереть! Только не сейчас. Еще одно продление, и я...

Выражение лица Нортоня оборвало его на полуслове. Такое же выражение он замечал и на других лицах, в других обстоятельствах, – но только мельком. Теперь же он вдруг очутился один на один с ней – с ненавистью тех, чья жизнь коротка, к тому, чья жизнь неизмеримо дольше.

– Почему же это не можете? – с издевкой проговорил Нортон. – Очень даже можете. И скоро умрете. Или вы собирались жить вечно? За какие, разрешите спросить, заслуги?

Чтобы не упасть, сенатор протянул руку и уцепился за край стола.

– Но ты просто не понимаешь...

– Вы уже прожили вдесятеро дольше меня, – произнес Нортон холодно, взвешивая каждое слово, – и я ненавижу вас до судорог. Выметайтесь отсюда, болван, трусливая старая баба, пока я не вышвырнул тебя своими руками!..

Д-р Бартон. Вы, наверное, считаете, что продление жизни – великое благо для человечества, но заверяю вас, сэр, что это не благо, а проклятие. Жизнь, продолжающаяся вечно, утратит свою ценность и смысл – а ведь вы, начав с продления жизни, рано или поздно придете к бессмертию. И когда это случится, сэр, вам придется устанавливать порядок рассмотрения ходатайств о возвращении людям блага смерти. Люди, уставшие от жизни, станут штурмовать ваши залы заседаний, умоляя о гибели.

Председательствующий м-р Леонард. Новые возможности по крайней мере устранят из жизни неуверенность и страх.

Д-р Бартон. Вы намекаете на страх смерти? Но это не более чем детская болезнь.

Председательствующий м-р Леонард. Нельзя, однако, не видеть известных выгод...

Д-р Бартон. Выгод? Да, разумеется. Дать ученому несколько дополнительных лет для завершения исследований, композитору – еще одну жизнь для создания новой симфонии. Когда иссякнет прелесть новизны, люди будут соглашаться на добавочную жизнь лишь под давлением, только из чувства долга.

Председательствующий м-р Леонард. Вы рассуждаете слишком абстрактно, доктор.

Д-р Бартон. О, нет. Я рассуждаю конкретно, поземному. Человечество нуждается в обновлении. Оно не может жить, погибая со скуки. Как вы полагаете, многое ли останется человеку предвкушать после миллионной

по счету любви, после миллиардного куска рождественского пирога?

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Значит, Нортон ненавидел его. Ненавидел, как все нормальные люди в глубине сердца ненавидят счастливых, живущих сверх положенного срока.

Обычно эта ненависть подавлена, спрятана в тайниках души. Но подчас она вырывается наружу, как вырвалась у Нортон.

Человечество возмущено — возмущение скрадывается лишь благодаря умело, исподволь подогреваемой надежде, что те, кому дается долгая жизнь, в один прекрасный день сотворят чудо, и каждый, если не падет жертвой насилия, несчастного случая или неизлечимой болезни, будет жить столько, сколько пожелает.

«Теперь-то я понимаю их, — подумал сенатор, — ведь я и сам теперь один из них. Я один из тех, чья жизнь не будет продолжена, и лет у меня впереди даже меньше, чем у большинства».

Он стоял у окна в сгущающихся сумерках и следил за тем, как вспыхивают огни, как над неправдоподобно синими водами всемирно известного озера умирает день. Красота захватила его, и он не мог оторваться от окна — а ведь совсем не замечал ее вот уже многие годы. Красота покоя, тихое счастье остаться наедине с огнями города и с последними отблесками дня над засыпающим озером. Страх? Да, сенатор не отрицал, что ощущает страх.

Горечь? Да, естественно, и горечь.

И все же, несмотря на страх и горечь, окно заворожило его картиной, которую обрамляло.

«Земля, вода и небо, – подумал он. – И я чувствую себя единым с ними. Это смерть дала мне такое чувство. Смерть возвращает нас к исходным стихиям, к земле и деревьям, к облакам на небе и солнцу, умирающему на багровом западе в потоках собственной крови.

Такова цена, которую мы платим, цена, какая назначена человечеству за вечную жизнь: мы утратим способность воспринимать истинную красоту, истинный смысл самого для нас, казалось бы, дорогого – ведь то, чему нет предела, что будет всегда, неизбежно потеряет для нас всякую ценность.

Философствуешь? – упрекнул он себя. – Да, конечно, философствую. А что остается? Хочу прожить еще сто лет, хочу, как никогда ничего не хотел. Хочу получить шанс на бессмертие. А поскольку не получу, то и выменяю вечную жизнь на закат, отраженный в озере. И хорошо, что я еще способен на это. Счастье мое, что способен».

У сенатора вырвался хриплый горловой стон.

Позади него внезапно ожил телефон, и он обернулся. Телефон заверещал повторно. Внизу, в гостиной, раздались шаги, и сенатор поспешно крикнул:

– Я подойду, Отто.

Он снял трубку.

– Вызов из Нью-Йорка, – сообщила телефонистка. – Попросите, пожалуйста, сенатора Леонарда.

– Леонард слушает.

В трубке возник другой голос:

– Сенатор, говорит Джиббс.

– Да, да, – отозвался сенатор. – Палач.

– Звоню вам, – пояснил Джиббс, – потолковать насчет выборов.

– Каких еще выборов?

– Выборов в Северной Америке. Тех, в которых вы принимаете участие. Не забыли?

– Я старик и скоро умру. Выборы меня не интересуют.

Джиббс трещал не останавливаясь:

– Но почему же, сенатор? Какая муха вас укусила? Вам необходимо что-то предпринять. Подготовить речи, выступить с заявлением для печати, прибыть сюда и поехать по стране. Организация не в силах принять все хлопоты на себя. Часть их неизбежно выпадет и на вашу долю.

– Ладно, я что-нибудь придумаю. Да, да, я в самом деле что-нибудь придумаю.

Повесив трубку, он подошел к письменному столу и включил свет. Достал из ящика бумагу, вынул из кармана перо.

Телефон совершенно сошел с ума – он не удостоивал звонки вниманием. Однако телефон не унимался, и в конце концов трубку снял Отто.

– Вас вызывает Нью-Йорк, сэр, – доложил он.

Сенатор сердито затряс головой и услышал, как Отто тихо говорит что-то в трубку, но слов не разобрал. Больше телефон не звонил.

Всем, кого это касается, – написал сенатор.

Вычеркнул.

Заявление для мировой печати.

Вычеркнул.

Заявление сенатора Гомера Леонарда.

Вычеркнул и это – и принялся писать без заголовка:

Пять столетий назад люди мира предложили немногим избранным, мужчинам и женщинам, дар продления жизни. Предложили, надеясь и веря, что избранники используют этот дар для того, чтобы своим трудом приблизить тот день, когда большая продолжительность жизни станет достоянием всего человечества.

Время от времени продление жизни даровалось дополнительным группам людей – и всякий раз подразумевалось, что дар предложен на тех же условиях, что удостоенные его лица будут жить и трудиться во имя дня, когда населению всей планеты можно будет сказать: живите долго, живите вечно.

В течение столетий иные из нас внесли свой вклад в осуществление этой мечты, возвращали ее, жили ради нее, не жалели сил, чтобы обосновать ее и приблизить.

Иные из нас такого вклада не внесли.

После долгих раздумий, тщательно взвесив свои собственные усилия и возможности, я пришел к выводу, что не вправе вновь принимать дар; которого я более не стою.

Простое человеческое достоинство требует от меня, чтоб я встречался с прохожими на улице, с братьями в любом закоулке мира, не пряча глаз. Я не имел бы на это права, если бы продолжал принимать дар, которого не заслуживаю, дар, недоступный большинству людей.

И расписался – аккуратно, разборчиво, без привычных завитушек.

– Ну вот, – произнес сенатор вслух в тишине ночной комнаты, – это они прожуют не сразу.

Заслышав мягкие шаги, он обернулся.

– Вам бы давно следовало быть в постели, сэр, – напомнил Отто.

Сенатор неуклюже поднялся с кресла – ломило кости, тело ныло, требуя покоя. «Старею, – подумал он. – Опять старею. А ведь так несложно начать сначала, вернуть юность, зажить новой жизнью. Чей-то кивок, единственный росчерк пера – и я стал бы опять молодым».

– Вот заявление для печати, Отто, – сказал он, – Будь добр, передай его по назначению.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Отто, бережно принимая бумагу.

– Сегодня же, – подчеркнул сенатор.

– Сегодня? Время довольно позднее...

– И тем не менее я хочу, чтобы оно было напечатано сегодня

– Значит, оно очень важное, сэр?

– Это моя отставка.

– Отставка, сэр? Из сената?

– Нет. Отставка из жизни.

М-р Майкельсон. Как священнослужитель, я не могу рассуждать иначе: план, предложенный вашему рассмотрению джентльмены, противоречит божественным установлениям. Человек не вправе утверждать, что создания божии способны жить сверх отпущенного им срока.

Председательствующий м-р Леонард. Но разреши-

те спросить: как установить границы отпущенного человеку срока? Медицина уже продлила жизнь многим и многим людям. Что же, по-вашему, любой врач – нарушитель божественной воли?

М-р Майкельсон. Другие ораторы, стоявшие на этой трибуне, дали ясно понять, что конечная цель научных изысканий – бессмертие. Нетрудно видеть, что физическое бессмертие не согласуется с концепцией христианства. Заявляю вам, сэр: нечего и надеяться обмануть Господа и не понести возмездия.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Шахматы – игра логическая.

И одновременно игра этическая.

За доской нельзя орать и нельзя свистеть, нельзя греметь фигурами, нельзя зевать со скуки, нельзя сделать ход, а потом забрать его назад. Если вы побеждены, то признаете свое поражение. Вы не заставляете противника продолжать игру, когда ваш проигрыш очевиден. Вы сдаете партию и предлагаете начать другую, если располагаете временем. Если нет – вы просто сдаетесь и при этом ведете себя тактично. Вы не сбрасываете в ярости фигуры на пол. Не вскакиваете и не выбегаете из комнаты с криком. Не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху.

Когда вы играете в шахматы, вы становитесь – или по крайней мере прикидываетесь – джентльменом.

Сенатор лежал без сна, глядя в потолок широко раскрытыми глазами.

Вы не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху. Не сбрасываете в ярости фигуры на пол.

«Но это же не шахматы, – повторял он, споря с самим собой. – Это не шахматы, а вопрос жизни и смерти. Умиравший не может быть джентльменом. Ни один человек не свернется клубочком, чтобы тихо скончаться от полученных ран. Он отступит в угол, но будет сражаться – и будет наносить ответные удары, стараясь причинить врагу наибольший урон.

А меня ранили. Смертельно ранили.

И я нанес ответный удар. Удар сокрушительной силы.

Те, кто вынес мне приговор, теперь не смогут выйти на улицу, даже носа высунуть не посмеют. Потому что прав на продление жизни у них не больше, чем у меня, и люди теперь знают это. И уж люди позаботятся, чтоб им в дальнейшем ничегошеньки не перепало.

Да, я умру, но, умирая, потяну за собой и всех остальных. И они будут знать, что именно я потянул их за собой в колодец смерти. Это самое сладкое – они будут знать, кто потянул их за собой, и не смогут ответить мне ни единым словом. Не посмеют даже возразить против благородных истин, какие я изрек...»

И тут кто-то из тайного уголка души, из иного пространства – времени – вдруг воскликнул:

– Ты не джентльмен, сенатор. Ты затеял грязную игру.

«Конечно, затеял, – отвечал сенатор. – Они первые сыграли не по правилам. Политика всегда была грязной игрой».

– А помнишь, какие возвышенные речи ты произносил перед Эпсоном Ли буквально на днях?

«Это было на днях», – отрубил сенатор.

– Ты же теперь не посмеешь взглянуть настоящему шахматисту в глаза, – не унимался голос.

«Зато смогу смотреть в глаза простым людям Земли», – заявил сенатор.

– Да ну? – осведомился голос. – И ты серьезно этого хочешь?

Да, это, конечно, вопрос. Хочет ли он?

«Мне все равно, – в отчаянии вскричал сенатор. – Будь что будет. Они сыграли со мной грязную шутку. Я им этого не спущу. Сдеру с них кожу живьем. Заставлю...»

– Ну, еще бы, – перебил голос, насмехаясь.

«Убирайся прочь! – завопил сенатор. – Убирайся, оставь меня в покое! Неужели даже ночью я не могу побыть один?..»

– Ты и так один, – произнес голос из тайника души. – В таком одиночестве, какого не ведал никто на Земле.

Председательствующий м-р Леонард. Вы представляете страховую компанию, не так ли, м-р Маркли? Крупную страховую компанию?

М-р Маркли. Совершенно верно.

Председательствующий м-р Леонард. Когда умирает ваш клиент, это стоит вашей компании денег?

М-р Маркли. Ну, можно при желании выразиться и так, хотя вряд ли это наилучший способ...

Председательствующий м-р Леонард. Но вы выплачиваете страховые премии в случае смерти клиента, не так ли?

М-р Маркли. Разумеется.

Председательствующий м-р Леонард. В таком случае я вообще не понимаю, почему вы противитесь продлению жизни. Если смертей станет меньше, вам придется меньше платить.

М-р Маркли. Не спорю, сэр. Но если у клиентов появятся основания думать, что они будут жить практически вечно, они просто перестанут заключать страховые договоры.

Председательствующий м-р Леонард. Ах, вот оно что! Вот, значит, как вы на это смотрите.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сенатор проснулся. Он не видел снов, но чувствовал себя так, будто очнулся от кошмара — или очнулся от предстоящего кошмара, — и отчаянно попытался вновь уйти в сон, провалиться в нирвану неведения, задержать штору над безжалостной реальностью бытия, увильнуть от необходимости вспоминать со стыдом, кто он и что он.

Но по комнате шелестели чьи-то шаги, и чей-то голос обратился к нему, и он сел в постели, сразу проснувшись, разбуженный не столько голосом, сколько тоном — счастливым, почти обожающим.

— Это замечательно, сэр, — сказал Отто. — Вам звонили всю ночь не переставая. Телеграммы и радиogramмы все прибывают и прибывают...

Сенатор протер глаза пухлыми кулаками.

— Звонили, Отто? Люди сердятся на меня?

— Некоторые — да, сэр. Некоторые ужасно злы, сэр. Но

так их не слишком много. А большинство очень рады и хотели выразить вам признательность за великий шаг, который вы сделали. Но я отвечал, что вы устали и я не стану вас будить.

— Великий шаг? — удивился сенатор. — Какой великий шаг?

— Ну как же, сэр, ваш отказ от продления жизни. Один из звонивших просил передать вам, что это самый выдающийся пример моральной отваги во всей истории человечества. Он еще сказал, что простые люди будут молиться на вас, сэр. Так прямо и сказал. Это звучало очень торжественно, сэр.

Сенатор спустил ноги на пол и почесал себе грудь, сидя на краю кровати.

«Поразительно, — подумал он, — как круто иной раз поворачивается судьба. Вечером — пария, а поутру — герой...»

— Понимаете, сэр, — продолжал Отто, — вы теперь сделались одним из нас, простых людей, чей век короток. Никто никогда не решался ни на что подобное.

— Я был одним из простых людей задолго до этого заявления. И вовсе я ни на что не решался. Меня вынудили снова стать одним из вас, в сущности, вопреки моей воле.

Однако Отто в своем возбуждении, похоже, ничего не слышал. Он трещал без умолку:

— Газеты только об этом и пишут, сэр. Самая крупная сенсация за многие годы. Политические комментаторы судачат о ней на все лады. По их мнению, это самый ловкий политический ход с самого сотворения мира. До заявления, считают они, у вас не было никаких шансов на переизбрание в сенат, а сейчас довольно одного вашего слова — и вас могут выдвинуть в президенты.

Сенатор вздохнул.

— Отто, — сказал он, — дай мне, пожалуйста, штаны. Здесь холодно.

Отто подал ему брюки.

— В кабинете вас ждет газетчик, сэр. Я выпроводил всех остальных, но этот пролез с черного хода. Вы знаете его, сэр, так что я позволил ему подождать. Это мистер Ли.

— Я приму его, — решил сенатор.

Значит, это был ловкий политический ход — и только? Да, пожалуй. Но пройдет день-другой, и даже прожженные политики, оправившись от изумления, станут дивиться логике человека, в буквальном смысле слова променявшего собственную жизнь на право заседать в сенате.

Разумеется, простонародью это придется по вкусу — но он-то писал заявление не ради оваций! Впрочем, если людям так уж хочется считать его благородным и великим — пусть их считают, не повредит...

Сенатор тщательно поправил галстук, застегнул пиджак, и направился в кабинет, где ждал Ли.

— Вы, вероятно, хотите взять у меня интервью? — осведомился он. — О мотивах, побудивших меня выступить с таким заявлением?

Ли отрицательно покачал головой.

— Нет, у меня на уме кое-что другое. Просто я рассудил, что вам не мешало бы тоже узнать об этом. Помните наш разговор на прошлой неделе? Об исчезновениях? — Сенатор кивнул. — Так вот, я разузнал еще кое-что. Тогда вы мне ничего не сказали, однако теперь, может, и скажете. Я проверил, сенатор, и выяснил: исчезают не только

старики, но и победители конкурсов здоровья. За последние десять лет более восьмидесяти процентов участников финальных соревнований также исчезли без следа.

– Ничего не понимаю.

– Их куда-то увозят, – продолжал Ли. – Что-то с ними происходит. Что-то происходит с людьми двух категорий – с теми, кому продлевали жизнь, и с самыми здоровыми представителями молодого поколения.

– Минуточку, – у сенатора перехватило дыхание. – Минуточку, мистер Ли.

Он наощупь добрался до стола и, опершись на крышку, медленно опустился в кресло.

– Вам нехорошо? – поинтересовался Ли.

– Нехорошо? – промычал сенатор. – Да, наверное, и в самом деле нехорошо.

– Они нашли жизненное пространство! – воскликнул Ли с торжеством. – Это и есть объяснение, не правда ли? Нашли жизненное пространство и теперь посылают пионеров-освоителей...

Сенатор пожал плечами.

– Не знаю, Ли, меня не информировали. Свяжитесь с Межзвездным поиском. Кроме них ответа никто не знает. Но они не скажут.

Ли усмехнулся.

– Всего доброго, сенатор. Большое спасибо за помощь. Сенатор тупо смотрел ему вслед.

Жизненное пространство? Да, конечно, вот вам и объяснение.

Они нашли жизненное пространство, и теперь Меж-

звездный поиск посылает на новооткрытые планеты тщательно подобранные группы пионеров, призванных проложить путь всем остальным. Потребуются годы труда, годы кропотливого планирования, прежде чем можно будет объявить об этом во всеуслышание. Прежде чем предать открытие гласности. Всемирный совет должен подготовиться к прививкам бессмертия в массовом масштабе, должен построить корабли, способные доставить переселенцев к далеким новым мирам. Преждевременное разглашение тайны вызвало бы психологический и экономический хаос. Вот почему они держали новость в секрете — они не могли поступить иначе.

Шаря глазами по столу, он наткнулся на стопку писем, сдвинутую в угол, и с внезапным чувством вины вспомнил, что намеревался прочесть их. Обещал Отто, что непременно прочтет, — и тем не менее забыл.

«Я все время забываю, — упрекнул себя сенатор. — Забываю прочесть газету, забываю прочесть письма, забываю, что есть люди морально стойкие и неподкупные, а не только беспринципные хитрецы. И все время принимаю желаемое за действительное — это хуже всего.

Мои коллеги по продлению жизни и чемпионы здоровья исчезают. Естественно, что исчезают. Они устремляются к новым мирам, к бессмертию.

А я... я... если бы только меня сподобило держать язык за зубами...»

На столе защебетал телефон, сенатор снял трубку.

— Говорит Саттон из Межзвездного поиска, — прозвучал сердитый голос.

— Слушаю, доктор Саттон, — откликнулся сенатор. — Искренне рад вашему звонку.

– Звоню по поводу приглашения, посланного вам на прошлой неделе, – произнес Саттон. – В связи с вашим сегодняшним заявлением, которое мы не можем расценить иначе, как несправедливый выпад в наш адрес, мы аннулируем приглашение.

– Приглашение? – переспросил сенатор. – Но ведь я...

– У меня в голове не укладывается, – продолжал Саттон, – какого черта, уже имея приглашение в кармане, вы тем не менее поступили подобным образом.

– Но, – промямлил сенатор, – но, доктор...

– Всего доброго, сенатор.

Медленно-медленно он опустил трубку на рычаг. Неверной рукой дотянулся до стопки писем.

Оно лежало третьим сверху. Обратный адрес – Управление Межзвездного поиска. Заказное, доставлено с нарочным. Со штампом «Дело особой важности» «Вскрыть лично».

Конверт выскользнул из дрожащих пальцев и спланировал на пол. Сенатор не стал поднимать письмо.

Он знал: теперь уже поздно. Теперь он окончательно не в силах ничего предпринять.

ПЛАЦДАРМ

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели – занять на чужой планете плацдарм, уничтожив вокруг корабля все живое, и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется – удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые, исследуя все до мельчайших подробностей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не получается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой сложной ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

За его спиной с легким щелчком открылась дверь, и Деккер обернулся.

– Разрешите войти, сэр? – спросил Дуг Джексон.

– Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

– Что же нас тут ожидает? – произнес он.

– Еще одно обычное задание, – пожал плечами Деккер.
– Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

– Похоже, здесь будет посложнее, – сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. – На планетах с джунглями всегда трудно.

– Это просто еще одна работа, еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

– Или поставят отчет на пыльную полку архива и забудут, – возразил Джексон.

– Это уже их дело. Наша задача – его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не сделав ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой неуверенно встал, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

– Когда-нибудь, – сказал он, затягиваясь, – мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

– Может быть, даже здесь, – настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

– Ты романтик, – резко ответил Деккер. – Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

– Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

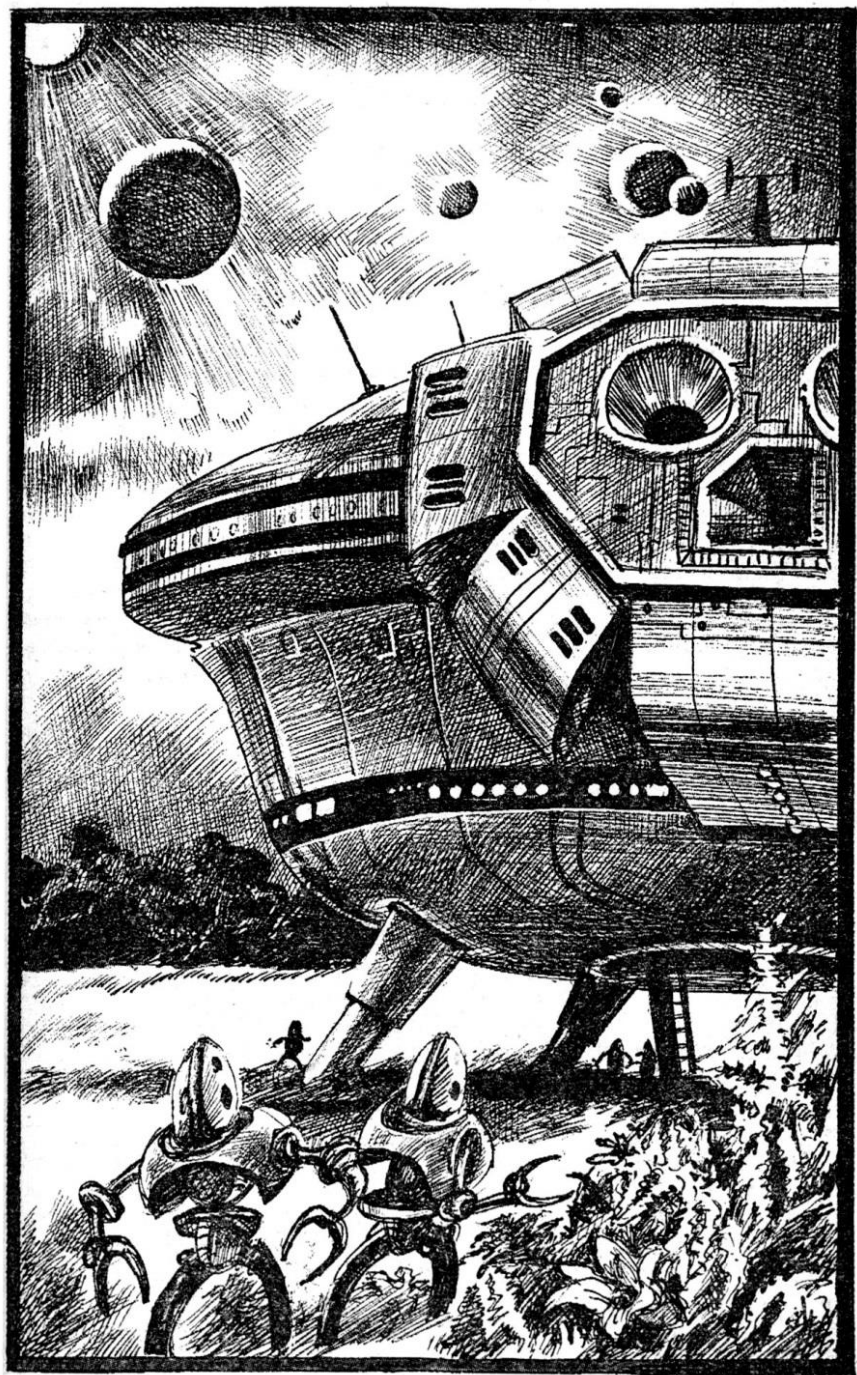
Деккер сонно кивнул:

– Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего – не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск – не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и кое-где экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся сонные темно-коричневые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватало глаз, тянулись джунгли – мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать – три рабочие группы.

– Вот так! – возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. – Никакого риска. Сначала роботы – они распаковывают и собирают друг друга, затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул:

– Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

– А как же иначе? – Деккер поднялся с кресла и потянулся. – Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое...

– Я вам нужен, сэр? – спросил Джексон. – Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново...

– Нет, не нужен. А это... Еще лет двадцать, и это пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружающего корабль. Затем некоторое время работал, листая отчеты и складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий – на планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок – хорошо бы он продержался... Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиация: местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности – обязательно установить наблюдение... Бактерии, вирусы: как всегда на таких планетах, много. Но, очевидно, никакой опасности. Команда напичкана прививками и гормонами, хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь... Растительность и почва наверняка просто

кишат микроскопической живностью. Скорее всего, вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет...

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир подразделения Легиона. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

– Разрешите доложить, сэр! – четко произнес Карр. – Легион готов к высадке!

– Отлично, капитан. Отлично, – ответил Деккер.

«Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов – это естественно. Зачем такие формальности?

Наверное, виной тому характер Карра. Легион с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них всегда привлекал таких людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и не известной болезни, натасканные в чужой психологии земляне с огромным потенциалом выживания, выручающим их в самых опасных ситуациях...»

– Некоторое время мы еще не будем готовы, капитан, – сказал Деккер. – Роботы только начали сборку.

– Жду ваших приказаний, сэр!

– Благодарю вас, капитан. – Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но, когда Карр подошел к двери, он снова подозвал его.

– Да, сэр!

– Я подумал... – медленно произнес Деккер. – Просто

подумал... В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

– Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул:

– Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были уже собраны. Появились и первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо около пятисот футов диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипела живностью в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, с тем чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа – разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, – уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

– Добрый вечер, джентльмены.

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался, и, когда заговорил, слова ему самому показались неожиданными.

– Отец наш, мы, слуги Твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие их дела, все еще дети Твои. Благослови хлеб наш. Господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и взглянул вдоль стола. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик не выдерживает, кончается. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке... Все этот молодой Джексон...

– Прекрасные слова, сэр, – сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. – Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Вдоль стола начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

– Похоже, здесь будет интересно, – начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. – Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое...

– Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли, – ответил Деккер, накладывая себе в тарелку обжаренный картофель. – Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

– Существа, которых мы с Уолдроном видели, напоминали людей.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

– Вы уверены?

Диксон покачал головой.

– Видно было неважно, но двоих или троих мне все-таки удалось разглядеть. Эдакие спичечные человечки.

– Как дети рисуют, – кивнул Уолдрон. – Одна палка – туловище, две – ножки, еще две – ручки, кружок – голова. Угловатые такие, тощие...

– Но двигаются красиво, – добавил Диксон. – Мягко, плавно, как кошки.

– Ладно, скоро узнаем, кто это такие. Через день-два мы их найдем, – ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу «находит» гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что же, вполне понятное желание – вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

– Я все думаю о том горном массиве к западу, – вступил в разговор Фрейни, начальник геологической группы, – который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобнее для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

– Первая разведка будет в том направлении, – неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы.

Машины поменьше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо то и дело озарялось новыми всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Доделывают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобнее, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояло несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры — в колонну по двое, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, — организация крайне эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к

границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и ученые могли покинуть безопасные стены корабля.

«Организованность и эффективность! – с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом. – Ни одной лазейки для случайностей! Подавить любое сопротивление, пока оно не разрослось! Абсолютный контроль на плацдарме!»

Конечно, позже может что-то случиться – всего не предусмотреть. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это тоже несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база – абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контратаковать или прислать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, но не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует...

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу до-

кументов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте были нанесены лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым. Но это ненадолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Донелли, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустил кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное — эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждал с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся — способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядят праздными.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и

подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы – все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели...

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет их маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел, развалившись в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. «Хорошо, – подумалось Деккеру, – но, наверное, это ненадолго.

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улетать, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами...

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

– В чем дело, Джексон? – с неожиданной резкостью спросил он. – Почему ты не...

– Местного привели, сэр! – выдохнул Джексон. Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек – живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума. Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг молча стояли в ожидании его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывала у него какое-то тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо, потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил «гостю» второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. «Он нас не боится, – подумал Деккер. – Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле... Стоять не дрогнув в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара»...

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голове, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли бы удалось передать свои ощущения словами – слишком все было чужое, предельно чужое.

«Мы друзья, – заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения, – Мы друзья. Мы друзья. Мы друзья. Мы»...

«Вам не следовало сюда прилетать», – слышалась ответная мысль.

– Мы не причиним вам зла, – думал Деккер. – Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы...

– Вы никогда не улетите отсюда.

– Мы предлагаем дружбу, – продолжал Деккер. – У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем...

– Вам не следовало прилетать сюда, – настойчиво звучала мысль аборигена, – Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

– Ладно, хорошо, – Деккер решил не спорить с ним. – Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

– Вы никогда не улетите отсюда, – звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то,

что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты... — Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер, — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человечек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

Джексон, сообщите legionерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружающих его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер. — Сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен... Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — надо принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, кивнул Деккер, — До тех пор пока не удостоверимся...

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами и солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать...

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего — мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных

местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни, недели. Роботы и машины несли дежурство, легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружили радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

– Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием, только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

– И что вы обо все этом думаете?

Деккер покачал головой.

– Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль... Наверное, ерунда.

– Не знаю, – ответил Уолдрон. – Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты – тоже. И все-таки это развитая культура.

– Они, безусловно, развиты, – сказал Деккер, – Посмотри, как они за нами наблюдают – совершенно без страха, просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, – он знал, что нужно делать со шлемом...

– Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, – помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье, – Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вздох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

– Мои... тоже, – голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь неудобство и раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

– Общий сбор! – закричал он, – Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню.

Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся со своего места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, тени бегали по павильону, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участков экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться – во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: «Вот – опасность!»

Известен лишь простой факт – все часы остановились. Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть иными, нежели на Земле.

Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации – избегать риска. И, повинуясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить

корабль к взлету, роботам быть готовыми к немедленной погрузке оборудования, и ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: «Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому...»

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся:

– В чем дело, Джексон?

– Дальние лагеря не отвечают, сэр. Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

– Они ответят, обязательно ответят спустя какое-то время, – сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному. На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

– Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, – сказал он и, повернувшись к стоящему неподалеку роботу, потребовал:

– Пиво сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

– Джексон, – выдохнул он, – Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и

легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова слышались торопливые приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось – это Макдональд, главный инженер.

– Корабль, сэр... Наш корабль...

Деккер, глядя в сторону, кивнул:

– Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

– Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура... инжекторы... – он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. – Вы знали, сэр? Как? Откуда?

– Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит...

Аборигены... У них совсем не было металла – каменные инструменты, утварь... Металла здесь хватало – огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация, культура без металла. Немыслимо! Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук...

В павильон тихо вошел Уолдрон.

– Радио не работает. И роботы мрут как мухи. Они являются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

– Сначала портятся точные приборы, – кивнул Деккер, – часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров, потом все остальное.

– Нас предупреждали, – сказал Уолдрон.

– А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, что мы слишком сильны, чтобы бояться угроз... А нас просто предупреждали...

Все замолчали.

– Из-за чего это произошло? – спросил наконец Деккер.

– Точно никто не знает, – тихо ответил Уолдрон. – По крайней мере пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет... Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет, иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

– Если это так, то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

– Не знаю. А может, я ошибаюсь и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое – воздух, например.

– Мы проверяли атмосферу... – Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

– Вот и ответ на твой вопрос, – сказал он. – Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

– Я помню, сэр, – кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормозил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ ЛЕС

1

Была пора, когда варят яблоки впрок, когда цветут золотые шары и набухают бутоны дикой астры, и в эту-то пору шли по тропе двое детей. Когда она заметила их из окна кухни, то на первый взгляд показалось – дети как дети, возвращаются домой из школы, у каждого в руке сумка, в ней, понятно, учебники. Будто Чарлз и Джемс, подумала она, будто Алис и Магги, да только давно минуло то время, когда эта четверка шагала по тропинке в школу. Теперь у них свои дети в школу ходят.

Она повернулась к плите помешать яблоки – вон на столе ждет широкогорлая банка, – потом снова выглянул в окно. Они уже ближе, и видно: мальчик постарше, лет десять ему, девочке-то никак не больше восьми.

Может, мимо? Да нет, не похоже, ведь тропа сюда приводит, куда еще по ней попадешь?

Не дойдя до сарая, они свернули с тропы и деловито зашагали по дорожке к дому. Ведь как идут – не задумываются, точно знают, куда идти.

Прямо к крыльцу подошли, и она вышла на порог, а они смотрели на нее снизу, с первой ступеньки.

Мальчик заговорил:

– Вы наша бабушка. Папа велел первым делом сказать, что вы наша бабушка.

– Но ведь это... – она осеклась.

Она хотела сказать, что это невозможно, она не может быть их бабушкой. Но, посмотрев вниз, на сосредоточен-

ные детские лица, обрадовалась, что не произнесла этих слов.

– Меня звать Элен, – тоненьким голоском сказала девочка.

– А меня Пол, – сказал мальчик.

Она отворила затянутую сеткой дверь, дети вошли в кухню и примолкли, озираясь по сторонам, будто в жизни не видели кухни.

– Все как папа говорил, – сказала Элен. – Плита вот, и маслобойка, и...

– Наша фамилия Форбс, – перебил ее мальчик.

Тут женщина не выдержала.

– Но это невозможно, – возразила она. – Это же наша фамилия.

Мальчик важно кивнул.

– Ага, мы знаем.

– Вы, наверное, хотите молока и печенья, – сказала женщина.

– Печенья! – радостно взвизгнула Элен.

– Мы не хотим причинять вам хлопот, – сказал мальчик. – Папа говорил, чтобы мы не причиняли хлопот.

– Он сказал, чтобы мы постарались быть хорошими детьми, – пропищала Элен.

– Я уверена, вы постараетесь, – отозвалась женщина. – Какие уж тут хлопоты!

Ничего, подумала она, сейчас разберемся, в чем дело.

Она подошла к плите и отставила кастрюлю с яблоками в сторонку, чтобы не пригорели.

– Садитесь-ка за стол, – сказала она. – Я принесу молока и печенья.

Она взглянула на часы, тикающие на полке: скоро четыре. Вот-вот мужчины придут с поля. Джексон Форбс сообразит, как тут быть, уж он всегда найдется.

Дети вскарабкались каждый на свой стул и с важным видом смотрели вокруг — на тикающие часы, на плиту с алым отсветом в поддувале, на дрова в дровяном ящике, на маслобойку, стоящую в углу.

Сумки они поставили на пол рядом с собой. Странные сумки. Из толстого материала, может брезента, но ни завязок на них, ни застежек. Да, без завязок и застежек, а все равно закрыты.

— У вас есть марки? — спросила Элен.

— Марки? — удивилась миссис Форбс.

— Не слушайте ее, — сказал Пол, — Ей же не велели спрашивать. Она всех спрашивает, и мама ей не велела.

— А что за марки?

— Она их собирает. Ходит, таскает чужие письма, только чтобы марки добыть, на конверте которые.

— Ладно уж, поглядим, — сказала миссис Форбс. — Как знать, может, найдутся старые письма. Потом и поищем.

Она пошла в кладовку, взяла глиняный кувшин с молоком, положила на тарелку печенья из банки. Они степенно сидели на месте, дожидаясь печенья.

— Мы ведь ненадолго, — сказал Пол. — Как бы на каникулы. А потом родители придут за нами, заберут обратно.

Элен усердно закивала.

— Они нам так сказали, когда мы уходили. Когда я испугалась, не хотела уходить.

— Ты боялась уходить?

— Да. Почему-то вдруг понадобилось уйти.

– Времени было совсем мало, – пояснил Пол. – Все спешили. Скорей-скорей уходить.

– А откуда вы? – спросила миссис Форбс.

– Тут совсем недалеко, – ответил мальчик. – Мы шли недолго, и ведь у нас карта была. Папа дал нам карту и все как следует рассказал...

– Вы уверены, что ваша фамилия Форбс?

Элен кивнула.

– Ну да, как же еще?

– Странно, – сказала миссис Форбс.

Мало сказать странно, во всей округе нет больше никаких Форбсов, кроме ее детей и внуков. Да еще этих детей, но они-то чужие, что бы сами ни говорили.

Они занялись молоком, печеньем, и она вернулась к плите, снова поставила на огонь кастрюлю с яблоками и помешала их деревянной ложкой.

– А где дедушка? – спросила Элен.

– Дедушка в поле. Он скоро придет. Вы управились с печеньем?

– Все съели, – ответила девочка.

– Тогда давайте накроем на стол и согреем обед. Вы мне не поможете?

Элен соскочила со стула на пол.

– Я помогу, – сказала она.

– И я, – подхватил Пол. – Пойду дров принесу. Папа сказал, чтобы я не ленился. Сказал, чтобы я носил дрова, кормил цыплят, собирал яйца...

– Пол, – перебила его миссис Форбс, – скажи-ка мне лучше, чем занят твой папа.

– Папа – инженер, он служит в управлении времени, – ответил мальчик.

Два батрака за кухонным столом склонились над шашечной доской. Старики сидели в горнице.

– В жизни не видала ничего похожего, – сказала миссис Форбс. – Такая металлическая штучка – берешься за нее, тянешь, она скользит по железной дорожке, и сумка открывается. Тянешь обратно – закрывается.

– Новинка, не иначе, – отозвался Джексон Форбс. – Мало ли новинок не доходит до нас тут, в нашей глуши. Эти изобретатели – башковитый народ, чего только не придумают.

– И точно такая штука у мальчика на штанах, – продолжала она. – Я подняла их с пола, где он бросил, когда спать ложился, взяла и положила на стул. Гляжу – железная дорожка, по краям зубчики. Да и сама одежда-то – у мальчика штаны обрезаны выше колен, и платье у девочки уж такое короткое...

– Про самолеты какие-то говорили, – задумчиво произнес Джексон Форбс, – не про те, которые мы знаем, а другие, будто люди на них едут. И про ракеты, опять же не для лапты, а будто в воздухе летают.

– И спрашивать как-то боязно, – сказала миссис Форбс. – Они... не такие какие-то, вот чувствую, а назвать не могу.

Муж кивнул.

– И словно напуганы чем-то.

– И тебе боязно, Джексон?

– Не знаю, – ответил он. – Да ведь нету других Форбсов. То есть по соседству-то нету. До Чарли пять миль как-никак, а они говорят – совсем немного прошли.

– Ну, и что ты думаешь? – спросила она. – Что мы можем тут сделать?

– Хотел бы я знать, – сказал он. – Может, поехать в поселок потолковать с шерифом? Кто знает, вдруг они потерялись, дети эти? А кто-нибудь их ищет.

– По ним вовсе и не скажешь, что потерялись, – возразила она. – Они знали, куда идут. Знали, что мы тут. Сказали мне, что я их бабушка, про тебя спросили, назвали дедушкой. И все будто так и надо, будто и не чужие. Им про нас рассказали. Как бы на каникулы, видишь ли. Так и держаться. Словно в гости зашли.

– Ну вот что, – сказал Джексон Форбс, – запрягу-ка я Нелли после завтрака, поеду по соседям, поспрошаю. Смотришь, от кого-нибудь что-то и узнаю.

– Мальчик говорит, отец у них инженер в управлении времени. Вот и разберись. Управление – это же власти какие-то, как я понимаю...

– А может, шутка? – предположил муж. – Отец просто пошутил, а мальчонка за правду принял.

– Пойду-ка я наверх да погляжу, спят ли они, – сказала миссис Форбс. – Лампы-то я им оставила. Вон они какие маленькие, и дом чужой для них. Коли уснули, задую лампы.

Джексон Форбс одобрительно кашлянул.

– Опасно на ночь огонь оставлять, – заметил он. – А ну как пожар займется.

3

Мальчуган спал, раскинув руки, спал глубоким, здоровым сном юности. Раздеваясь перед сном, он бросил

одежду на пол, но теперь все опрятно лежало на стуле – она сложила, когда приходила пожелать ему спокойной ночи.

Сумка стояла рядом со стулом, открытая, и два ряда железных зубчиков слабо поблескивали в тусклом свете лампы. И в ней что-то лежало – кое-как, в полном беспорядке. Разве так вещи складывают?

Она наклонилась, подняла сумку и взялась за металлическую скобочку, чтобы закрыть. Уж, во всяком случае, сказала она себе, мог бы закрыть, не бросать так, открытой. Потянула скобочку, и та легко заскользила по дорожке, пока не уперлась во что-то торчащее наружу.

Книга... Она взялась за нее, хотела засунуть поглубже, чтоб не мешала. И тут увидела название – стершиеся золотые буквы на корешке. Библия.

Она помедлила, держа книгу на весу, потом осторожно вынула ее. Переплет из дорогой черной кожи, потертый, старинный. Уголки помяты, погнуты, страницы тоже стерты от долгого употребления. Золотой обрез потемнел.

Она нерешительно раскрыла книгу и на самом первом листе увидела старую, выцветшую надпись:

Сестре Элен от Амелии

30 октября 1896 года

С самыми добрыми пожеланиями

У нее подкосились колени, она мягко села на пол и, притулившись подле стула, прочла еще раз.

Тридцатое октября 1896 года – ну да, ее день рождения, но ведь он еще не настал, еще только начало сентября 1896 года.

А сама Библия – да сколько ей лет? Сто, наверно, а то и больше будет.

Библия – как раз то, что подарила бы ей Амелия. Но подарка-то еще нет и не может быть, до числа, которое написано на листе, целый месяц.

Вот и ясно – такого не может быть. Просто глупая шутка какая-то. Или ошибка. А может, совпадение? Где-то еще есть женщина, которую звать Элен, и у нее тоже есть сестра по имени Амелия, а число – что ж, ошибся кто-то, не тот год написал. Будто люди не ошибаются.

И все-таки она недоумевала. Они сказали, их фамилия Форбс, и пришли прямо сюда, и Пол говорил про какую-то карту, по которой они нашли дорогу.

Может, в сумке еще что-нибудь такое есть? Она поглядела не нее и покачала головой. Нет, не годится выведывать. И Библию-то она зря достала.

Тридцатого октября ей будет пятьдесят девять лет – старая женщина, жена фермера, сыновья женаты, дочери замужем, под воскресенье и на праздники внуки приезжают погостить. И сестра Амелия есть, которая в этом, 1896 году подарит ей на день рождения Библию.

Дрожащими руками она подняла Библию и положила обратно в сумку. «Спускаюсь вниз, Джексону расскажу. Пусть-ка поразмыслит, может, что и надумает».

Она засунула книгу на место, потянула за железку, и сумка закрылась. Поставила ее на пол, поглядела на мальчугана на кровати. Он крепко спал, и она задула лампу.

В комнате рядом спала крошка Элен, лежа по-детски, ничком. Маленький огонек над прикрученным фитилем трепетал от легкого ветерка, который струился из открытого окна.

Сумка Элен была закрыта и бережно прислонена к

ножке стула. Женщина задержала на ней взгляд, потом решительно двинулась мимо кровати к столику, на котором стояла лампа.

Дети спят, все в порядке, сейчас она задует лампу и пойдет вниз, поговорит с Джексоном, и может ему вовсе незачем будет утром запрягать Нелли и объезжать соседей с расспросами.

Наклоняясь над лампой, она вдруг заметила на столе конверт с двумя большими многокрасочными марками в правом верхнем углу.

«Какие красивые марки, никогда таких не видела». Она нагнулась еще больше, чтобы лучше их разглядеть, и прочла название страны: Израиль. Но ведь нет на свете такого места. Это библейское имя, а страны такой нет. Раз нет страны, откуда марки?

Она взяла конверт в руки, еще раз посмотрела на марки, проверяя. Очень красивые марки!

Пол говорил, она их собирает. Таскает чужие письма.

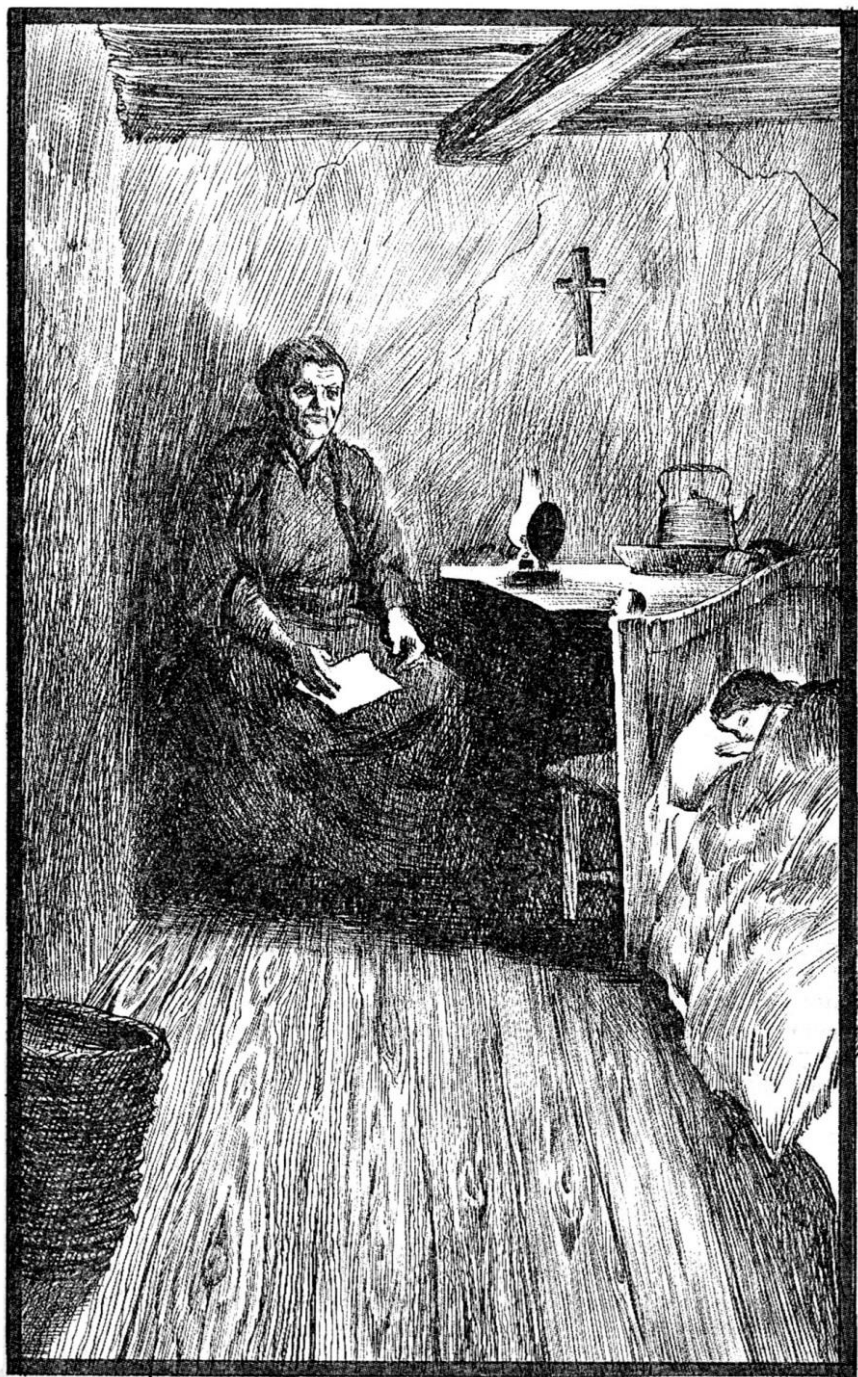
На конверте была печать, и число должно быть, но проштемпелевано наспех, все смазано, не разобрать.

Из-под рваного края конверта, там, где его вскрывали, самую малость выглядывал краешек письма, и она поспешно извлекла его; от волнения трудно дышать, и холодок сжал сердце...

Это был конец письма, последняя страница, и буквы не писанные, а печатные, почти как в газете или книге.

Не иначе, опять какая-нибудь новомодная штука, из тех, что стоят в учреждениях в большом городе. Где-то она про них читала – пишущие машинки, что ли?

«...не думаю, — читала она, — чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватает времени.

И даже если бы хватило, надо еще продумать этическую сторону. По совести говоря, какое у нас право лезть в прошлое и вмешиваться в дела людей, которые жили сто лет назад? Только представь себе, чем это будет для них, для их психологии, для всей их жизни!

А если ты все-таки решишь послать хотя бы детей, подумай, какое смятение ты внесешь в души этих двух добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят.

Боюсь, ты меня все равно не послушаешь. Я сделал то, о чем ты просил, — написал тебе все, что знаю о наших предках на этой ферме в Висконсине. Как историк нашего рода, я уверен в достоверности всех фактов. Поступай, как знаешь, и пусть Бог нас милует.

Твой любящий брат Джексон.

P. S. Кстати, если ты все-таки отправишь туда детей, пошли с ними хорошую дозу нового противоракового средства. Прапрапрабабушка Форбс умерла в 1904 году, насколько я понимаю, от рака.

С этими таблетками она сможет прожить лишних десять-двадцать лет. И ведь это ничего не значит для нашего сумбурного будущего, верно? Что выйдет, не знаю. Может быть, это спасет нас. Может, ускорит нашу гибель. Может, никак не повлияет. Сам разбирайся.

Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец».

Она машинально сунула письмо обратно в конверт и положила его на стол рядом с мигающей лампой.

Медленно подошла к окну и посмотрела на пустынную тропинку.

«Они придут за нами», говорил Пол. Придут ли? Смогут ли?

Хоть бы им это удалось. Бедные люди, бедные, испуганные дети, запертые в западне будущего. Кровь от моей крови, плоть от плоти, и столько лет нас разделяет. Пусть они далеко, все равно моя плоть и кровь. Не только эти двое, что спят под моей крышей сегодня ночью, но и все те, которые остались там.

В письме написано – 1904 год, рак. До тех пор еще восемь лет, она будет совсем старуха. И подпись – Джексон. Уж не Джексон ли Форбс? Может, имя из поколения в поколение передавалось?

Она словно окаменела. После придет страх. После она будет не рада, что прочла это письмо, не рада, что знает.

А теперь надо идти вниз и как-то все объяснить Джексону.

Она прошла к столу, задула лампу и вышла из комнаты.

Чей-то голос раздался за ее спиной:

– Бабушка, это ты?

– Да, Пол, – ответила она. – Что тебе?

Стоя на пороге, она увидела, как он, освещенный полоской лунного света из окна, присел подле стула и что-то ищет в сумке.

– Я забыл. Папа велел мне, как приду, сразу отдать тебе одну вещь.

Я ВЕСЬ ВНУТРИ ПЛАЧУ

Моя работа пропалывать кукурузу. Но меня беспокоит, что говорит Звяк-Нога. Все наши слушают, что он говорит. Но люди не знают. Он никогда не говорит то, что он говорит, когда люди могут услышать. Люди могут обидеться.

Звяк-Нога путешествует. Туда-сюда. Иногда далеко. Часто возвращается рассказать нам. Хотя почему он рассказывает нам снова и снова, я не понимаю. Он всегда говорит одно и то же.

Он — Звяк-Нога, потому что, когда он ходит, у него звякает в ногу. Он не хочет ее чинить. От этого он хромает. Но все равно не хочет. Чтобы жалели. Пока он хромает и звякает, его жалко. Ему нравится, когда его жалеют. Он говорит — это добродетель. Он думает, что он добродетельный.

Смит, кузнец, говорит: «Надоело, давай починю. Не так хорошо, как механики, но лучше, чем вообще не чинить. Механики тоже живут недалеко. Им тоже надоело. Они говорят, что Звяк-Нога выпендривается».

Смит добрый. Хочет починить ногу. У него и так много работы. Ему не надо просить работу, как другим роботам. Он все время кует металл. Делает листы. Потом отправляет механикам. Они все чинят. Нужно всегда следить за собой и чинить все вовремя. Все надо чинить самим. Людей, которые умеют, не осталось. Люди, которые остались, не умеют. Слишком утонченные, благородные все. Они никогда не работают.

Я пропалываю кукурузу. Приходит домашний робот и

говорит: змеи. Домашние роботы не работают на улице. Приходят за нами. Я спрашиваю, настоящие змеи или самогонные змеи? Он говорит, настоящие змеи.

Дед в гамаке на лужайке. Гамак натянут между двумя деревьями. Дядя Джон сидит на земле у дерева. Па сидит на земле у другого дерева. Па говорит: «Сэм, там за домом змеи». Я иду за дом. Там гремучая змея. Я ее ловлю. Она злится и пытается меня укусить. Я иду дальше и ловлю еще гремучую змею и мокасиновую змею и двух ужей.

Я иду через кукурузное поле, через ручей. К болоту. Там я их выпускаю. Отсюда им потребуется много времени, чтобы добраться до дома. Может, совсем не доберутся.

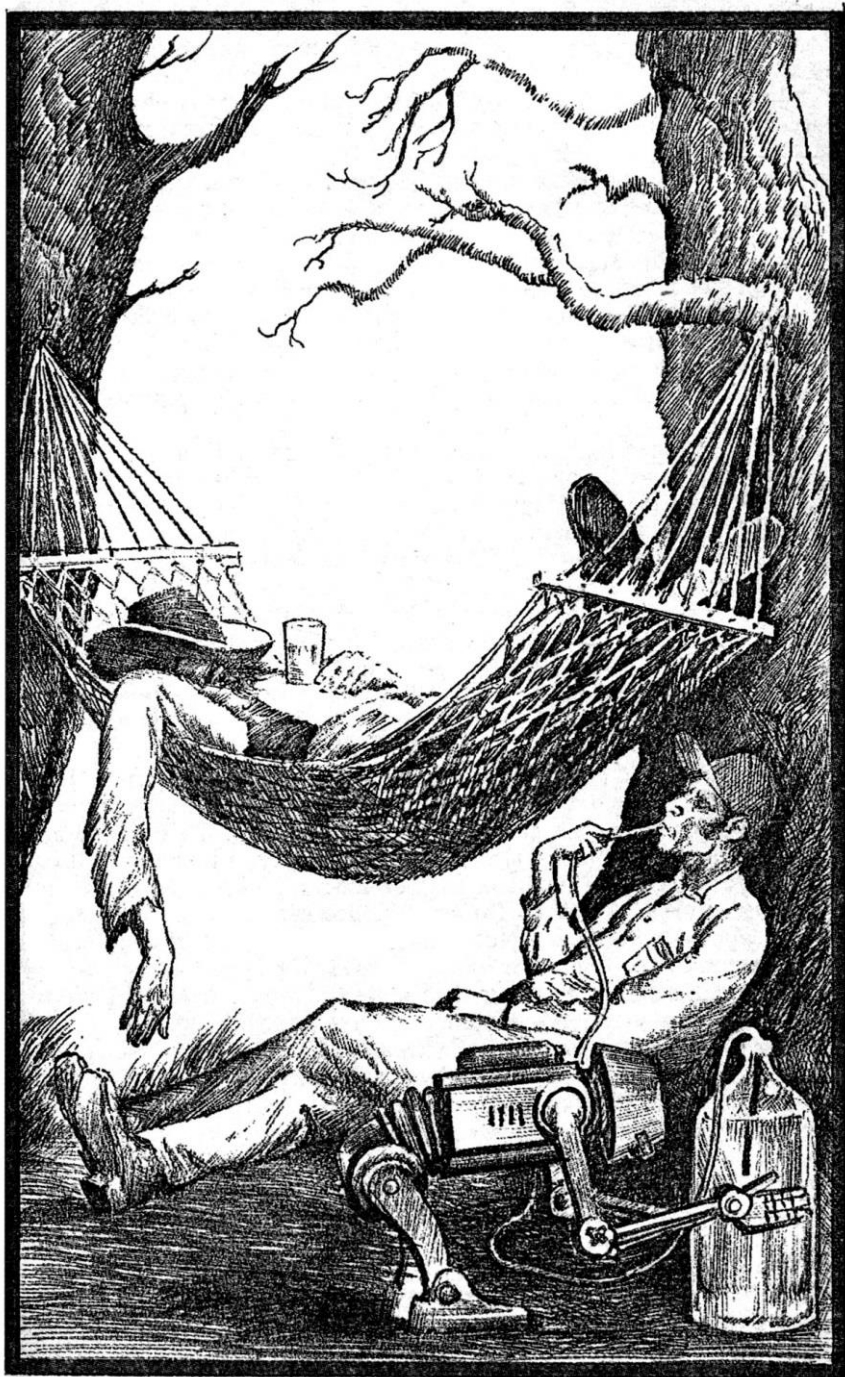
Я иду на поле и снова пропалываю кукурузу. Должен выдергивать все сорняки. Должен носить воду, когда сухо. Чтобы земля была мягкая. Должен пугать ворон, когда сажаю семена. Должен пугать енотов и оленей, когда кукуруза подрастает. Постоянная работа. Очень важная. Джордж делает из кукурузы самогон. Другие участки кукурузы для еды. Мой для самогона. Я и Джордж партнеры. Мы делаем очень хороший самогон. Дед, Па и дядя Джон употребляют его с большой радостью. Что остается, могут употреблять другие мужчины. Но не женщины. Женщины не употребляют самогон. Я не понимаю, зачем самогон. Дед говорит, вкусно. Я не знаю, что такое вкусно. Я пропалываю кукурузу. Слышу за спиной шорох. Я оборачиваюсь и вижу Джошуа. Он читает библию. Он всегда читает библию. Он так работает. Он наступает на мою кукурузу. Я кричу на него и бегу к нему. Я ударяю его мотыгой. Он убегает с поля. Я всегда его прогоняю. Должен знать, что нельзя наступать на кукурузу. Он стоит под де-

ревом и читает. Стоит в тени. Выпендривается. Только людям нужно стоять в тени. Роботам не нужно.

Мотыга сломалась об Джошуа. Я иду к Смиту чинить. Смит рад меня видеть. Мы друзья. Мы всегда рады видеть друг друга. Он бросает все и чинит мотыгу. Знает, как важно растить кукурузу. И ему приятно оказать мне услугу. Мы говорим о Звяк-Ноге. Мы соглашаемся, что он говорит неправильно. Он говорит ересь. Смит говорит, есть такое слово. Джошуа, когда перестает сердиться на меня, говорит, как надо его писать. Мы соглашаемся. Люди не такие, как говорит Звяк-Нога. Люди благородные. Надо что-то делать со Звяк-Ногой. Не знаем, что делать.

Приходит Джордж. Говорит, я ему нужен. У людей кончается питье. Я иду с ним. Смит продолжает чинить мотыгу. У Джорджа хороший аппарат. Большая производительность. Высокая очистка. Все время пытаемся сделать запас. Не получается. Люди употребляют самогон слишком быстро. Остается четыре двадцатилитровые бутылки. Мы берем каждый две и идем к дому. Мы останавливаемся у гамака. Они говорят, одну оставьте. Три отнесите в сарай. Принесите стаканы. Мы приносим. Наливаем стаканы Деду и Па. Дядя Джон говорит, не надо стакан. Оставьте бутылку рядом со мной. Мы ставим. Дядя Джон достает резиновый шланг. Он опускает один конец в бутылку. Другой берет в рот. Прислоняется к дереву и пьет.

Они выглядят красиво. Дед выглядит счастливым. Он качается в гамаке. Стакан стоит у него на груди. Мы счастливы, что они счастливы. Мы идем работать. Смит отдает мне мотыгу. У нее новая хорошая рукоятка. Я благодарю его. Смит говорит, что он не понимает Звяк-Ногу.

Звяк-Нога уверяет, что он читал про то, что говорит. В старых рукописях. Ищет рукописи в древнем городе. Далеко. Смит спрашивает, что я знаю про город. Я ничего не знаю. Кроме того, я не знаю, что такое рукопись. Звучит важно.

Я пропалываю кукурузу. Приходит Проповедник. Я говорю, Джошуа недавно стоял под деревом, читал библию. Он говорит, Джошуа только читает. Проповедник интерпретирует. Я спрашиваю, что такое «интрепретирует». Он говорит, что. Я спрашиваю, как писать. Он говорит, как. Он знает, что я учусь писать. Всегда помогает. Но он очень важный.

Наступает ночь. Луны еще нет. Не могу больше пропалывать, потому что ничего не видно. Прислоняю мотыгу к дереву. Иду к Джорджу помогать делать самогон. Джордж рад. Один не справляется.

Я спрашиваю, почему Звяк-Нога говорит одно и то же. Он говорит, повторение. Я спрашиваю, зачем. Он не уверен. Думает, что, если повторять одно и то же часто, роботы верят. Люди делали так в давние времена. Чтобы заставлять других людей верить. Я спрашиваю, что он знает про давние времена. Он говорит, мало. Должен помнить больше, но не помнит. Я тоже должен помнить, но не помню.

Джордж разводит хороший огонь под котлом, и он светит на нас. Мы стоим у огня и смотрим. Внутри делается хорошо. Не знаю, почему от огня хорошо. Сова кричит на болоте. Не знаю, почему крик совы заставляет чувствовать одиночество. Я не одинокий. Рядом со мною Джордж. Я многого не знаю. Что такое рукопись и про город. Что та-

кое вкусно. Что было в давние времена. Но мне хорошо. Никто не понимает, что такое хорошо. Все равно хорошо.

Прибегают домашние роботы. Говорят, дядя Джон болеет. Нужен врач. Говорят, дядя Джон уже не видит змей. Видит теперь голубого крокодила. С розовыми пятнами. Должно быть, дядя Джон сильно болеет. Не бывает голубых крокодилов. С розовыми пятнами.

Джордж говорит, что бежит в дом помогать. Говорит, чтобы я бежал за врачом. Джордж и домашние роботы убегают. Очень быстро. Я бегу за Доком. Очень быстро. Нахожу Дока на болоте. У него есть фонарь. Он выкапывает корешки. Он всегда выкапывает корешки. Все про них знает. Делает из них лекарства, чтобы чинить людей.

Он стоит в грязи. Говорит, плохо, что дядя Джон болеет. Говорит, плохо, что голубой крокодил. Говорит, потом бывает фиолетовый слон. Это совсем плохо.

Мы бежим. Потом я держу фонарь. Док смывает грязь. Он никогда не приходит к людям грязный. Мы берем лекарства и бежим к дому.

Мы прибегаем к дому. Гамак между деревьями пустой. Ветер качает гамак. Дом высокий и белый. Все окна светятся. Дед сидит в кресле-качалке перед домом. Он раскачивается. Он один. В доме плачут женщины. Через высокое окно я вижу, что внутри. Большая штука, которую люди называют люстра, висит под потолком. Она стеклянная. В ней много свечей. Все свечи горят. Стекло выглядит красиво. Мебель блестит на свету. Все чисто и отполировано. Домашние роботы работают хорошо. Я горжусь.

Мы поднимаемся по ступенькам. Дед говорит, поздно. Говорит, мой сын Джон умер. Я не понимаю, что такое

умер. Когда люди умирают, их кладут в землю. Засыпают. Говорят над ними разные слова. Над головой кладут большой камень. За домом есть специальное место для тех, кто умер. Там много камней. Некоторые новые. Некоторые старые.

Док вбегает в дом. Хочет убедиться, что Дед не ошибся. Я стою и не знаю, что делать. Очень печально. Не знаю, почему. Знаю только, что, когда умер, это плохо. Наверно, потому, что Дед очень печальный. Он говорит: «Сэм, садись, поговорим». Я говорю, я не могу сидеть. Роботы стоят, когда люди сидят. Нельзя забывать обычай. Он говорит, к чертовой матери забудь свою упрямую гордость. Садись. Сидеть хорошо. Я все время сижу. Согни колени и садись. Он говорит, вон в то кресло. Я смотрю на кресло. Думаю, что может сломаться. Не хочется сломать кресло. Чтобы его сделать, надо много времени.

Дед приказывает садиться. Я думаю, ладно, не мое дело. Сажусь. Кресло скрипит, но не ломается. Сидеть хорошо. Я немного раскачиваюсь. Раскачиваться тоже хорошо. Мы сидим и смотрим на лужайку. Светит луна. Лужайка красивая в лунном свете.

Дед говорит, что за черт, человек живет всю жизнь, ничего не делает и умирает от самогона. Я спрашиваю, почему от самогона. Обидно, что Дед говорит от самогона. Мы с Джорджем делаем очень хороший самогон. Дед говорит, от чего же еще. Только от самогона бывают голубые крокодилы с розовыми пятнами. Про фиолетового слона он не говорит. Я думаю, что такое слон. Этого я тоже не знаю.

Дед говорит: «Сэм, мы все ни к чему не годимся. Ни

вы, ни мы. Люди только сидят целыми днями и ни черта не делают. Немного охотятся. Немного ловят рыбу. Играют в карты. Пьют. Нужно делать что-то большое и важное. А мы не делаем. Когда мы живем, мы никому не нужны. Когда мы умираем, никто про нас не вспоминает. Ни к черту мы не годимся».

Он качается в кресле. Мне не нравится, что он говорит. Ему печально.

У подножья холма собираются роботы. Стоят. Смотрят на дом. Потом подходят ближе. Стоят молча. Сочувствуют. Дают людям понять, что им тоже печально.

Дед говорит, мы все отбросы. Давно это понимал, но не мог сказать. Теперь могу. Живем как в болоте. Все разваливается, потому что нам ни до чего нет дела.

Я хочу его остановить. Я говорю. Дед, не надо. Я не хочу его слушать. Он говорит то, что говорит Звяк-Нога. Он не обращает на меня внимания.

Он говорит, давно-давно люди научились летать к звездам. Очень быстро. Во много раз быстрее скорости света. Они нашли много хороших планет. Лучше чем Земля. Намного лучше. Построили много кораблей. Все улетели. Все кроме нас. Нас оставили. Умные улетели. Работяги улетели. А бродяг, бездельников и лентяев оставили. Мы никому не нужны на их новых планетах. Когда все улетели, мы переселились в хорошие дома. Нас некому было остановить. Им все равно, что мы тут делаем. Так и живем. Ничего не делаем и не меняемся. Нам ни к чему. Все за нас делаете вы. А мы ни черта не делаем. Даже не учимся читать. Когда над могилой сына будут читать молитву, это будет делать кто-то из вас.

Я говорю, не надо, не надо так говорить. Я весь плачу внутри. Своими словами он ломает красоту. Он отбирает гордость и смысл. Он делает то, что не мог сделать Звяк-Нога.

Он говорит, вам тоже нечем гордиться. Мы все никуда не годимся. Хороших роботов тоже взяли с собой. А вас оставили здесь. Потому что вы устарели. Потому что вы неуклюжие и неаккуратные. Вы не нужны им. И нас и вас оставили здесь, потому что никто из нас не стоит даже места, которое мы заняли бы в ракете.

Док выходит из дома. Говорит, у меня есть для тебя работа. Я пытаюсь встать из кресла и не могу. В первый раз не могу сделать то, что хочу. Ноги меня не слушаются. Дед говорит, Сэм, я на тебя рассчитываю. Когда он говорит так, я поднимаюсь из кресла. Иду вниз по лужайке. Я знаю, что делать. Док может не говорить. Я уже делал раньше.

Я говорю с другими роботами. Ты и ты копать могилу. Ты и ты делать гроб. Ты и ты бежать в другие дома. Сказать, пусть приходят на похороны. Сказать, надо красивые похороны. Много плакать, много есть, много пить. Ты найди Проповедника. Пусть готовит молитвы. Ты найди Джошуа. Пусть читает библию. Ты, ты и ты идите к Джорджу помогать делать самогон. Придут другие люди. Надо, чтобы было красиво.

Все работают. Я иду по лужайке. Думаю о гордости и потере. Красота уходит. Радость уходит. Гордость уходит. Не вся гордость. Немного остается. Дед говорит: «Сэм, я рассчитываю на тебя». Это гордость. Не как раньше, но все равно я ему нужен.

Никто больше не знает. Дед не говорит никому то, что сказал мне. Это секрет. Печальный секрет. Все думают по-старому. Звяк- Нога не мешает. Никто не верит Звяк-Ноге. Никто не знает, что он говорит правду. Правда тяжелая. Пусть все остается по-старому. Только я знаю. Дед очень хотел сказать. Не знаю, почему мне. Наверно, он любит меня больше всех. Я горжусь. Но я весь внутри плачу...

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Оно существовало. Но что это было – пробуждение ото сна, первый миг появления на свет, а, может быть, его просто включили. Оно не помнило ни иного времени, ни иного мира.

Сами собой пришли слова. Они всплывали ниоткуда, – совсем непрошенные символы; пробуждались, возникали и включались, как и оно само.

Мир вокруг был красно-желтым – красная земля и желтое небо. Над красной землей в желтом небе стояло ослепительное сияние. Журча, по земле бежал поток.

Минутой позже оно уже знало гораздо больше, помнило лучше. Оно знало, что сияние – это солнце, а журчащий поток называется ручейком. В ручейке бежала не вода, но эта бежавшая жидкость, как и вода в его представлении, состояла из нескольких элементов. Из красной земли на зеленых стеблях, тянулись кверху растения, увенчанные пурпурными ягодами.

Оно уже располагало словами и символами, которых достаточно было для обозначения понятий жизнь, земля, небо, красный, желтый, пурпурный, зеленый, солнце, яркий, вода. С каждой минутой слов, символов и обозначений появлялось все больше. К тому же оно могло наблюдать, хотя слово «наблюдать» было не совсем подходящим – у него не было ни глаз, ни ног, ни рук, ни тела.

Не было ни глаз, ни тела. Оно не знало, какое занимает положение – стоит ли, лежит или сидит. Не повернув головы – ее у него не было, – оно могло взглянуть в любую сторону. Но как ни странно, оно сознавало, что занимает определенное положение по отношению к ландшафту.

Оно посмотрело вверх, прямо на слепящее солнце. Сияющий диск не ослепил – ведь глаз, этих хрупких органических конструкций, которые мог разрушить солнечный свет, у него не было.

Оно знало – звезда класса Б8 с массой впятеро больше Солнца, отстоящая от планеты на 3.75 а.е.

Солнце с большой буквы? А.Е.? Впятеро? 3.75? Планета?

Когда-то, в прошлом – каком прошлом, где, когда? – оно было знакомо с этими терминами, с тем, что Солнце пишется с прописной буквы, что вода бежит ручейком, представляло себе тело и глаза. Может быть, оно их знало? Было ли у него когда-нибудь прошлое, в котором оно их знало? А может быть, это лишь термины, введенные в него для использования в случае необходимости, инструмент – для познания того мира, где оно оказалось? Познания с какой целью? Для себя? Нелепо, ибо ему эти знания ни к чему, оно даже не задавалось такой мыслью.

Оно знало все, но откуда? Как оно узнало, что это Солнце – звезда класса Б8 и что такое класс Б8? Как оно узнало расстояние до Солнца, его диаметр и массу? Визуально? Как оно вообще узнало, что это звезда – ведь прежде оно звезд не видело.

И тогда, напряженно думая, оно пришло к заключению, что видело. Видело множество звезд, их долгую последовательность, протянувшуюся через всю галактику, и оно изучало каждую из них, определяя спектральный класс, расстояние, диаметр, состав, возраст и вероятный срок оставшейся им жизни, и про каждую оно знало, постоянная ли это звезда или пульсирующая, ему были из-

вестны ее спектр и множество мелких параметров, позволяющих отличать одну звезду от другой. Красные гиганты, сверхгиганты, белые карлики и даже один черный. И, самое главное, оно знало, что почти каждой звезде сопутствуют планеты, потому что практически не встречало звезд без планет.

Наверное, никто никогда не видел столько звезд и не знал о них больше, чем видело и знало оно.

Во имя чего? Оно старалось осознать, с какой целью изучало их, но ему это никак не удавалось. Цель была неуловима, если только вообще существовала.

Оно перестало рассматривать солнце и огляделось вокруг, окинув единым взглядом всю панораму. «Словно у меня множество глаз вокруг несуществующей головы, — подумало оно. — Интересно, почему меня так привлекает мысль о голове и глазах? Может быть, когда-то они у меня были? А может быть, мысль о них — это рудимент, примитивные воспоминания, которые настойчиво отказываются исчезнуть и почему-то сохраняются и проявляются при первой же возможности?»

Оно старалось доискаться до причины, дотянуться и ухватить мысль о памяти, вытащить ее, сопротивляющуюся, из норы. И не смогло.

Оно сосредоточило внимание на поверхности планеты. Находилось оно (если так можно выразиться) на крутом склоне, вокруг громоздились валуны черной породы. Склон закрывал одну сторону, зато остальная часть поверхности лежала перед ним до горизонта, как на ладони.

Поверхность была ровной, только вдалеке, из земли выступало конусообразное вздутие с зубчатой вершиной,

склоны которого были изборозжены складками, как у древнего кратера.

По этой равнине текло несколько речушек, жидкость в которых не была водой. К небу тянулась редкая растительность. Только не первый взгляд казалось, что растения, увенчанные пурпурными ягодами, — единственные на планете, просто их было подавляющее большинство и уж очень необычный вид они имели.

Почва напоминала крупный песок. Оно протянуло руку, вернее, не руку — ведь рук у него не было — но так оно подумало. Протянуло руку, запустило пальцы глубоко в землю, и в него потекла информация. Песок. Почти чистый песок. Кремний, немного железа, алюминия, следы кислорода, водорода, кальция и магния. Практически бескислотный. К нему стекались цифры, проценты, но вряд ли оно их замечало. Они просто поступали, и все.

Воздух планеты был смертелен. Смертелен для кого? Радиация, которую обрушивала на планету звезда Б8 тоже была смертельная. Опять же для кого?

«Что же я должно знать?» — подумало оно. Еще одно слово, не употреблявшееся ранее. Я. Мне. Само. Существо. Личность. Целостная личность, сама по себе, а не часть другой. Индивидуальность.

«Что я такое? — спросило оно себя. — Где я? Почему? Почему я должно собирать информацию? Что мне до почвы, радиации, атмосферы? Почему мне необходимо знать класс сияющей сверху звезды? У меня нет тела, на котором это могло бы сказаться. Судя по всему, у меня нет даже формы; у меня есть только бытие. Бесплотная индивидуальность, туманное я».

Глядя на красно-желтую планету и пурпур цветов, оно на какое-то время застыло, ничего не предпринимая.

Немного погодя оно вновь принялось за работу. Ощупав нагромождения глыб и обнаружив ровные проходы между ними, оно поплыло по склону, следуя проходам.

Известняк. Массивный, жесткий известняк, отложившийся на морском дне миллионы лет назад.

На мгновение оно замерло, ощущая смутное беспокойство, потом определило его причину. Окаменелости!

«Но почему окаменелости нарушают мой покой?» – спросило оно себя и неожиданно с волнением или чем-то очень похожим на волнение догадалось: окаменелости принадлежали не растениям, древним предкам тех пурпурных цветов, которые росли на теперешней поверхности, а животным – формам, более совершенным по своей структуре, гораздо дальше продвинувшимся по лестнице эволюции.

Жизнь в Космосе была такой редкостью! На некоторых планетах существовали лишь простейшие формы, находящиеся на грани растительного и животного мира – чуть более развитые, чем растения, но еще не животные. «Я могло бы и догадаться, – подумало оно. – Меня должны были насторожить эти пурпурные растения – ведь они достаточно организованы, это не простейшие формы». Несмотря на смертельную атмосферу, радиацию, жидкость, которая не была водой, силы эволюции на этой планете не дремали.

Оно отобрало небольшую окаменелость – скорее всего хитиновый покров, – которая все еще содержала нечто, напоминающее скелет. У него были голова, тело, лапы,

довольно плоский хвост для передвижения в том жутком химическом вареве, которое когда-то было океаном. Были у него и челюсти, чтоб хватать и удерживать добычу, глаза — возможно, гораздо больше глаз, чем диктовалось необходимостью. Сохранились отдельные следы пищевода, остатки нервов или, по меньшей мере, каналов, по которым они тянулись.

Оно подумало о том далеком, туманном времени, когда он («Он? Сначала было я. А теперь он. Две личности, вернее, две ипостаси одной личности. Не оно, а я и он».) лежал, разлившись тонким слоем по твердому пласти известняка, и думал об окаменелостях и о себе. Особенно его интересовала именно эта окаменелость и то далекое, туманное время, в котором окаменелость была найдена впервые, когда он вообще в первый раз узнал о существовании окаменелостей. Он вспомнил, как ее нашли и как она называлась. Трилобит. Кто-то сказал ему, что это трилобит, но он не мог припомнить, кто. Все это было слишком давно и настолько затеряно в пространстве, что в памяти осталась лишь окаменелость, которая называлась трилобит.

Но ведь было же другое время, другой мир, в котором он был молод! Тогда, в первые мгновения после пробуждения, он знал, что его не включали, не высиживали и не рожали каждый раз снова. У него было прошлое. В былые времена, проснувшись, он сохранял личность. «Я не молод, — подумал он. — Я — сама древность. Существо с прошлым».

«Мысли о глазах, теле, руках, ногах — может быть, это память об ином времени или временах? Может быть, когда-то я действительно обладал головой, глазами, телом?»

Вероятно, он ошибался. Вероятно, это лишь призрак памяти, порожденный какой-то случайностью, событием или сочетанием того и другого, происшедших с другим существом. Возможно, это память, привнесенная по ошибке, — не его, а чья-то еще. А если окажется, что это его собственная память, то что же с ним произошло, как он изменился?

На какое-то время он забыл про известняк и окаменелости. Он расслабленно и спокойно лежал, распластавшись в складках породы, надеясь, что спокойствие и расслабленность принесут ответ. Ответ появился, но частичный, раздражающий и мучительный своей неопределенностью. Была не одна, а множество планет, разбросанных на расстоянии бесконечных световых лет.

«Если это так, — думал он, — то во всем должен быть какой-то смысл. Иначе зачем нужны множество планет и информация о них?» И это была новая непрощенная мысль — информация о планетах. Зачем нужна информация? С какой целью он ее собирал? Безусловно, не для себя — ему эта информация не была нужна, он не мог ею воспользоваться. Может быть, он всего лишь собиратель, жнец, накопитель и передатчик собранной информации?

А если не для себя, то для кого? Он подождал, пока не возникнет ответ, пока память не возьмет свое, но понял, что достиг предела.

Он медленно вернулся на склон холма.

Комок грунта возле него шевельнулся, и наблюдатель сразу заметил, что это не порода, а живое существо такой же окраски. Существо передвигалось быстро. Оно перемещалось короткими плавными движениями, будто тень, а когда останавливалось — сливалось с грунтом.

Наблюдатель знал, что существо изучает его, рассматривает, и силился предположить, что оно может видеть. Возможно, существо почуяло нечто, обладающее тем же странным и неопределенным качеством, которое называется жизнью, почувствовало присутствие иной личности. «Может быть, оно чувствует силовое поле? – подумал он. – Могу я быть силовым полем, разумом, лишенным членов и заключенным в силовое поле?»

Он не шевелился, позволяя существу рассмотреть себя. Оно плавно кружило вокруг, взметая при каждом движении фонтанчики песка и оставляя за собой взрыхленную бороздку. Оно приближалось.

Вот и попало! Он держал замершее существо, будто охватив его множеством рук. Он исследовал его, но это не было аналитическое исследование – ему лишь надо было знать, что это такое. Протоплазма, хорошо защищенная от радиации и, возможно, – в этом он не был уверен, – даже развившая в себе способность использовать ее энергию. Вероятнее всего – организм, не способный существовать без радиации, который нуждался в ней так же, как другие нуждаются в тепле, пище или кислороде. Существо разумное, обладающее многочисленными эмоциями – вероятно вид разума, еще не способный построить развитую культуру, но все же достаточно развитый. Еще несколько миллионов лет – и, наверное, он породит цивилизацию.

Он отпустил его. Существо, все так же плавно, умчалось прочь. Он потерял его из виду, но какое-то время еще мог следить за его перемещением по разматывающейся ниточке следов и фонтанчикам взлетающего в воздух песка.

У него было много дел. Надо узнать профиль атмосферы, провести анализ почвы и тех микроорганизмов, которые могли в ней оказаться, определить состав жидкости в ручье, исследовать растительный мир, провести геологические исследования, измерить силу магнитного поля и интенсивность радиации. Но сначала необходимо произвести общее исследование планеты, чтобы классифицировать ее и указать районы, которые могли бы представлять экономический интерес.

Опять всплыло новое слово, которого раньше у него не было – экономический. Напрягая память, свой теоретический разум, заключенный в гипотетическое силовое поле, он старался найти определение этому слову.

Когда он нашел его, то смысл проступил ясно и четко – единственное, что ясно и четко представилось ему на этой планете.

Что здесь можно добыть и каковы затраты на разработку?

«Охота за сырьем», – подумал он. Именно в этом и заключался смысл его пребывания на планете. Ясно, что сам он никак не может использовать какое бы то ни было сырье. Должен существовать еще кто-то, кто мог бы вести эксплуатацию. Но в то же время он почувствовал, как при мысли о сырье по нему прошла волна удовольствия.

«Что здесь приятного? – подумал он. – Искать сырье?» Какую пользу он извлекал от поиска этих скрытых на планетах сокровищ? Хотя, если вдуматься, не так уж много существовало планет с запасами сырья. А там, где запасы и были, они ничего не значили, так как местные условия исключали разработку. Много, слишком много планет

позволяли приблизиться к себе лишь такому существу, как он.

Он припомнил, что в свое время, когда становилось очевидным, что дальнейшие исследования бессмысленны, его пытались отозвать с каких-то планет. Он сопротивлялся, игнорировал приказы вернуться. По элементарным нормам его этики всякую работу надо было доводить до конца, и он не возвращался, пока не выполнял ее полностью. Всякое начатое дело он был не в силах оставить незавершенным. Основной чертой его характера была упрямая преданность начатому делу; таково было условие, необходимое для выполнения работы, которую он исполнял.

Или так, или никак. Или он существовал, или нет. Он или работал, или не работал. Он был так устроен, что его интересовала всякая возникающая перед ним проблема, и он не отбрасывал ее в сторону до тех пор, пока не решал до конца. Им приходилось мириться с этим, и теперь они это знали. Его больше не беспокоили, пытаясь отозвать с экономически невыгодной планеты.

«Они?» – спросил он себя и смутно припомнил других существ, таких, каким он был когда-то. Они обучили его, сделали из него то, чем он являлся, они эксплуатировали его так же, как и открытые им бесценные планеты. Но он не возражал – это была его жизнь, единственная, которую он имел. Или такая жизнь, или никакой. Он попытался припомнить подробности, но что-то мешало. Никогда он не мог получить полного представления о других виденных им планетах – только какие-то обрывочные данные. Он полагал, что кто-то совершает большую ошибку – ведь накопленный им опыт мог бы служить ему при исследова-

нии каждой новой планеты. Но почему-то они так не считали, стараясь (правда, не совсем удачно) перед очередной засылкой стереть из его памяти все воспоминания о прошлом. Они говорили, что для свежести восприятия, гарантии от ошибок и во избежание недоразумений на каждую новую планету необходимо посылать полностью обновленный разум. Именно поэтому всякий раз у него появлялось ощущение, что он родился именно на этой планете и только на ней.

Что же делать. Такова жизнь, а он, будучи в полной безопасности, повидал множество самых разных планет независимо от условий на них. Ничто не могло коснуться его – ни клыки, ни когти, ни яд, ни атмосфера, ни гравитация или радиация, – ничто не могло причинить ему вред, потому что вредить было нечему. Он шел – нет, не шел, он передвигался – через все преисподние Вселенной с полным к ним безразличием.

Раздвигая горизонт, поднималось второе солнце – огромная, чванливая звезда кирпично-красного цвета, а первое солнце тем временем склонялось к западу. «Удобно, что на востоке восходит такая громадина», – подумал он.

«К2, – решил он, – в тридцать с небольшим раз больше Солнца, температура поверхности, вероятно, не более 4000°C. Двойная система, но звезд может быть даже больше. Возможно, есть и другие, которых я пока не видел». Он постарался определить расстояние, но сделать это было невозможно, даже приблизительно, пока гигант не поднимется выше, пока он не пройдет линию горизонта, которая сейчас разделяла его на два полушария.

Однако второе солнце могло подождать, да и все остальное тоже не к спеху. Есть одна вещь, которую он должен рассмотреть в первую очередь. Раньше он не отдавал себе в этом отчета, но теперь понял – его раздражало несоответствие в ландшафте: явно противоестественным здесь был кратер, его не могло тут быть. И хотя налицо были все присущие кратеру черты, он не мог иметь вулканического происхождения, потому что находился посреди песчаной равнины, а песчаник, разбросанный по его склонам, состоял из осадочных пород. Не было ни следов извержения, ни старых лавовых потоков. Не мог он образоваться и в результате падения метеорита – всякий метеорит, создавший такой огромный кратер, превратил бы груды материала в спеченную массу и тоже выбросил бы потоки лавы.

Он стал потихоньку перемещаться к кратеру. Грунт оставался все тем же, – все та же красная почва.

Он остановился отдохнуть – если это подходящее слово – на краю кратера и, заглянув в него, застыл в недоумении.

Кратер был заполнен каким-то веществом, которое образовало что-то вроде вогнутого зеркала. Но это было не зеркало – вещество ничего не отражало.

И вдруг на поверхности появилось изображение, и если бы только у наблюдателя могло перехватить дыхание, то это бы непременно случилось.

Два существа, большое и маленькое, стояли у края кратера над железнодорожным полотном, а прямо перед ними возвышался известняк. Маленькое существо копалось в обломках с помощью какого-то инструмента, который

держало в руке. Рука переходила в предплечье и соединялась с туловищем, имевшим голову с глазами.

«Это же я, – подумал он. – Это я, только в молодости!»

Он почувствовал, как его охватила слабость, все поплыло, как в тумане, а увиденная картина, казалось, притягивала к себе, чтобы он слился с собственным изображением. Шлюзы памяти, внезапно открывшись, низвергли на него давние, запретные сведения о прошедших временах и его родных. Он отбивался, стараясь прогнать их подалее, но они не желали уходить. Словно кто-то схватил его и, не выпуская, нашептывал на ухо слова, которые он не желал слушать.

Люди, отец и сын, железнодорожное полотно, Земля, находка первого трилобита. В него – в это интеллектуальное поле, служившее ему доселе убежищем и дававшее покой, в этот продукт эволюции или инженерного мастерства – безжалостно устремилось прошлое.

На отце был старый, дырявый на локтях свитер и черные пузырящиеся на коленях брюки. Он курил старую обожженную трубку с обкусанным мундштуком и с интересом наблюдал, как мальчик осторожно откапывал крошечный кусочек камня, сохранивший отпечаток древнего животного.

Потом изображение мелькнуло и исчезло, и он присел (?) на край кратера, обрамлявшего теперь мертвое зеркало, которое не отражало уже ничего, кроме красного и голубого солнц.

«Теперь я знаю», – подумал он. Он знал не то, каким стал, а то, кем он был – существом, которое передвигалось на двух ногах, имело тело, две руки, голову, глаза и рот,

которое могло захлебываться от восторга при находке трилобита. Существом, которое шествовало гордо и уверенно, хотя оснований для такой уверенности и не имело — ведь оно и отдаленно не обладало его сегодняшним иммунитетом.

Как он мог развиваться из такого слабого, беззащитного существа?

«Может быть, через смерть?» — подумал он, и мысль о смерти была так нова, что ошеломила его. Смерть — это значит конец, но ведь конца нет, его никогда не будет; нечто — интеллект, заключенный в силовое поле — могло существовать вечно. Но, может быть, где-то в процессе эволюции или конструирования смерть сыграла свою роль? Должен ли человек пройти через смерть, чтобы стать таким, как он?

Он сидел на краю кратера, зная все о поверхности планеты на много миль вокруг — о красной почве, о желтизне неба, о пурпуре цветов, о журчании жидкости в ручье, о красноте и сини солнц и теней, которые они отбрасывали, о бегущем существе, взметавшем фонтанчики песка, об известняке и окаменелостях.

Знал он и кое-что еще, и при мысли об этом его охватили неизвестные доселе паника и страх. Прежде он не знал этих чувств, потому что обладал защитой и иммунитетом. Он был недосыгаем ни для каких сил и даже на солнце, пожалуй, чувствовал бы себя в безопасности. Ничто не могло нанести ему вред, ничто не могло проникнуть в него.

Теперь все изменилось. Теперь что-то преодолело его защитный слой. Что-то вырвало из него стародавние воспоминания, а потом отобразило их в зеркале. На этой пла-

нете существовала сила, которая могла проникнуть к нему, вырвать то, о чем он и сам не подозревал.

«Кто вы? Кто вы? Кто вы?» – понеслось по планете, но в ответ, будто насмехаясь, пришло только эхо. Слабее, слабее – только эхо.

Нечто могло позволить себе не отвечать. Зачем ему это? Оно могло сидеть – чопорное и молчаливое – слушая, как он кричит, и выжидая, не содрать ли еще один пласт его памяти, чтобы как-то использовать или посмеяться над ним.

Он утратил свою безопасность. Он стал беззащитен, обнажен перед этой силой, которая продемонстрировала ему его беззащитность с помощью зеркала.

Он опять закричал, но на этот раз обращаясь к тем, кто послал его сюда.

«Заберите меня! Я беззащитен! Спасите меня!»

Молчание.

«Я же работал на вас – я добывал информацию – я сделал свое дело – теперь вы должны помочь мне!»

Молчание.

«Пожалуйста!»

Молчание.

Молчание и даже нечто большее. Не только молчание, но и отсутствие, вакуум.

Случившееся потрясло его. Его бросили, порвали с ним все связи, оставили на произвол судьбы в глубине неизведанного пространства. Они умыли руки, бросили его не только без защиты, но и в одиночестве.

Они знали о случившемся, знали все, что с ним когда-либо происходило. Они постоянно управляли им и знали все то, что знал он. Они почувствовали опасность раньше,

чем ощутил ее он сам, поняли, что опасность угрожает не только ему, но и им самим. Если какая-то сила могла проникнуть сквозь его защиту, она могла проследить и его связи и добраться до них. Поэтому связь была прервана раз и навсегда. Они не хотели рисковать. Именно об этом они постоянно заботились. «Ты не должен обнаруживать себя. О твоём присутствии никто не должен догадываться. Ты не должен ничем выдавать свое присутствие. И никогда ты не должен позволить выследить нас».

Холодные, расчетливые, безразличные. И испуганные. Вероятно, более испуганные, чем он. Теперь им было известно о существовании в галактике такой силы, которая могла обнаружить посланного ими бесплотного наблюдателя. Теперь они никогда не смогут послать другого, даже если он у них будет, потому что в них всегда будет жить страх. Возможно, страх даже усилится – что, если связь прервана недостаточно быстро, если та сила, которая обнаружила их наблюдателя, уже нашла дорогу к ним?

Страх за их тела, доходы...

«Не за их тела, – произнес голос внутри него. Не за их биологические тела. Ни у кого из твоего племени больше нет прежних тел...»

– А кто же они? – спросил он.

«Они лишь исполнители функций, значение которых сами смутно понимают».

– Кто ты? – спросил он. – Откуда ты все это знаешь?

«Я почти ничем не отличаюсь от тебя. Теперь и ты станешь таким же, как я. Ты осознал себя и стал свободен».

– А разве достаточно осознать себя? – спросил он и тут же понял, что ответ ему уже не нужен.

– Благодарю тебя, – сказал он.

КТО ТАМ, В ТОЛЩЕ СКАЛ?

I

Он бродил по холмам, визнавая, что видели эти холмы в каждую из геологических эр. Он слушал звезды и записывал, что они говорили. Он обнаружил существо, замурованное в толще скал. Он взбирался на дерево, на которое до того взбирались только дикие кошки, когда возвращались домой в пещеру, высеченную временем и непогодой в суровой крутизне утеса. Он жил в одиночестве на заброшенной ферме, взгромоздившейся на высокий и узкий гребень над слиянием двух рек. А его ближайший сосед – хватило же совести – отправился за тридцать миль в окружной городишко и донес шерифу, что он, читающий тайны холмов и внимающий звездам, ворует кур.

Примерно через неделю шериф заехал на ферму и, перейдя двор, заметил человека, который сидел на веранде в кресле-качалке лицом к заречным холмам. Шериф остановился у подножия лесенки, ведущей на веранду, и представился:

– Шериф Харли Шеперд. Завернул к вам по дороге. Лет пять, наверное, не заглядывал в этот медвежий угол. Вы ведь здесь новосел, так?

Человек поднялся на ноги и жестом показал на кресло рядом со своим.

– Я здесь уже три года, – ответил он. – Зовут меня Уоллес Дэниельс. Поднимайтесь сюда, посидим, потолкуем.

Шериф вскарабкался по лесенке, они обменялись рукопожатием и опустились в кресла.

– Вы, смотрю, совсем не обрабатываете землю, – сказал шериф.

Заросшие сорняками поля подступали вплотную к опоясывающей двор ограде. Дэниельс покачал головой:

– На жизнь хватает, а большего мне не надо. Держу кур, чтоб несли яйца, парочку коров, чтоб давали молоко и масло, свиней на мясо – правда, забивать их сам не могу, приходится звать на помощь, – ну, и еще огород. Вот, пожалуй, и все.

– И того довольно, – поддержал шериф. – Ферма-то уже ни на что другое не годна. Старый Эймос Уильямс разорил тут все вконец. Хозяин он был прямо-таки никудышный...

– Зато земля отдыхает, – отвечал Дэниельс. – Дайте ей десять лет, а еще лучше двадцать, и она будет родить опять. А сейчас она годится разве что для кроликов и сурков да мышей-полевок. Ну, и птиц тут, ясное дело, не счесть. Перепелок такая прорва, какой я в жизни не видел.

– Белкам тут всегда было раздолье, – подхватил шериф. – И енотам тоже. Думаю, что еноты у вас и сейчас есть. Вы не охотник, мистер Дэниельс?

– У меня и ружья-то нет.

Шериф глубоко откинулся в кресле, слегка покачиваясь.

– Красивые здесь места, – объявил он. – Особенно перед листопадом. Листья словно кто специально раскрасил. Но изрезано тут у вас просто черт знает как. То и дело вверх-вниз... Зато красиво.

– Здесь все сохранилось, как было встарь, В последний раз море отступило от этих мест четыреста миллионов лет

назад. С тех пор, с конца силурийского периода, здесь суша. Если не забираться на север, к самому Канадскому щиту, то немного сыщется в нашей стране уголков, не изменявшихся с таких давних времен.

— Вы геолог, мистер Дэниельс?

— Куда мне! Интересуюсь, и только. По правде сказать, я дилетант. Нужно же как-нибудь убить время, вот я и брожу по холмам, лазаю вверх да вниз. А на холмах, хочешь не хочешь, столкнешься с геологией лицо к лицу. Мало-помалу заинтересовался. Нашел однажды окаменевших брахиоподов, решил про них разузнать — выписал себе книжек, начал читать. Одно потянуло за собой другое, ну и...

— Брахиоподы — это как динозавры, что ли? В жизни не слышал, чтобы здесь водились динозавры.

— Нет, это не динозавры. Те, которых я нашел, жили много раньше динозавров. Они совсем маленькие, вроде моллюсков или устриц. Только раковины закручены по-другому. Мои брахиоподы очень древние, вымершие миллионы лет назад. Но есть и такие виды, которые уцелели до наших дней. Правда, таких немного.

— Должно быть, интересное дело.

— На мой взгляд, да.

— Вы знавали старого Эймаса Уильямса?

— Нет, он умер раньше, чем я сюда перебрался. Я купил землю через банк, который распоряжался его имуществом.

— Старый дурак, — заявил шериф, — Перессорился со всеми соседями. Особенно с Беном Адамсом. Они с Беном вели тут форменную междоусобную войну. Бен утверждал, что Эймас не желает чинить ограду. А Эймас обви-

нял Бена, что тот нарочно валит ее, чтобы запустить свой скот – вроде по чистой случайности – на сенокосные угодья Эймаса. Между прочим, как вы с Беном ладите?

– Да ничего, – отвечал Дэниельс. – Пожаловаться не на что. Я его почти и не знаю.

– Бен тоже в общем-то не фермер. Охотится, рыбачит, ищет женьшень, зимой не брезгует браконьерством. А то вдруг заведется и затеет поиски минералов...

– Здесь под холмами в самом деле кое-что припрятано – свинец и цинк. Но добывать их невыгодно: истратишь больше, чем заработаешь. При нынешних-то ценах...

– И все-то Бену неймется, – продолжал шериф. – Хлебом его не корми, только бы завести склоку. Только бы с кем-нибудь схлестнуться, что-нибудь пронюхать, к кому-нибудь пристать. Не дай Бог враждовать с таким. На днях пожаловал ко мне с кляузой, что не досчитался нескольких кур. А у вас куры часом не пропадали?

Дэниельс усмехнулся.

– Тут неподалеку живет лиса, и она иной раз взимает с моего курятника определенную дань. Но я на нее не сержусь.

– Странная вещь, – заявил шериф. – Кажется, нет на свете ничего, что взъярило бы фермера больше, чем пропажа цыпленка. Не спорю, цыпленок тоже денег стоит, но не столько же, чтобы впадать в ярость...

– Если Бен не досчитывается кур, то похоже, что виновница – моя лиса.

– Ваша? Вы говорите о ней так, будто она ваша собственная...

– Нет, конечно. Лиса ничья. Но она живет здесь на

холмах, как и я. Я считаю, что мы с ней соседи. Изредка я встречаю ее и наблюдаю за ней. Может, это и значит, что отчасти она теперь моя. Хотя не удивлюсь, если она наблюдает за мной куда чаще, чем я за ней. Она ведь проворней меня.

Шериф грузно поднялся с кресла.

— До чего же не хочется уходить, — сказал он, — Поверьте, я с большим удовольствием посидел с вами, потолковал, поглядел на ваши холмы. Вы, наверное, часто на них глядите.

— Очень часто, — отвечал Дэниельс.

Он сидел на веранде и смотрел вслед машине шерифа. Вот она одолела подъем на дальнюю гряду и скрылась из виду.

«Что все это значило?» — спросил он себя. Шериф не просто «завернул по дороге». Он был здесь по делу. Вся его якобы праздная, дружелюбная болтовня преследовала какую-то цель, и шериф, болтая, ухитрился задать Дэниельсу кучу вопросов.

Быть может, неожиданный визит как-то связан с Беном Адамсом? В чем же, спрашивается, провинился этот Бен — разве в том, что он лентяй до мозга костей? Нагловатый, подловатый, но лентяй. Может, шериф прослышал, что Адамс помаленьку варит самогон, и решил навестить соседей в надежде, что кто-нибудь проговорится? Напрасный труд — никто, конечно, не проболтается: чихать соседям на самогон, от которого никому никакого вреда. Сколько там Бен наварит — разве можно принимать это всерьез? Бен слишком ленив, и не стоит обращать на него внимание, что бы он ни затеял.

Снизу, от подножия холмов, донеслось позвякивание колокольчиков. Две коровы Дэниельса решили сами вернуться домой. Выходит, сейчас уже гораздо позже, чем он предполагал. Не то чтобы точное время имело для Дэниельса какое-либо значение. Вот уже несколько месяцев он не следил за временем — с тех пор как разбил часы, сорвавшись с утеса. И даже не удосужился отдать их в починку. Он не испытывал нужды в часах. На кухне, правда, стоял старый колченогий будильник, но это был сумасбродный механизм, не заслуживающий доверия. Дэниельс, как правило, и не вспоминал про будильник.

«Посижу еще чуточку, — подумал он, — и придется взять себя в руки и заняться хозяйством — подоить коров, накормить свиней и кур, собрать яйца...» С той поры, как на огороде поспели овощи, у него почти не осталось забот. На днях, конечно, надо будет снести тыквы в подвал, а потом выбрать три-четыре самых больших и выдолбить для соседских ребятишек, чтобы понаделали себе страшилищ на праздники. Интересно, что лучше: самому вырезать на тыквах рожи или предоставить ребятам сделать, как они хотят?..

Но колокольчики звякали еще далеко: в его распоряжении было пока что немало времени. Дэниельс откинулся в кресле и замер, вглядываясь в холмистую даль.

И холмы сдвинулись с мест и стали меняться у него на глазах.

Когда это произошло впервые, он испугался до одури. Теперь-то он уже немного привык.

Он смотрел — а холмы меняли свои очертания. На холмах появлялась иная растительность, диковинная жизнь.

На этот раз он увидел динозавров. Целое стало динозавров, впрочем, не слишком крупных. По всей вероятности, середина триасового периода. Но главное – на этот раз лишь смотрел на них издали, и не больше. Смотрел с безопасного расстояния, на что походило давнее прошлое, а не ворвался в самую гущу событий прошлого, как нередко случалось.

И хорошо, что не ворвался, – ведь его ждали домашние дела.

Разглядывая прошлое, Дэниельс вновь и вновь терялся в догадках: на что же еще он теперь способен? Он ощущал беспокойство – но беспокоили его не динозавры, и не более ранние земноводные, и не прочие твари, жившие на этих холмах во время оно. По-настоящему его тревожило лишь существо, погребенное в глубине под пластами известняка.

Надо, непременно надо рассказать об этом существе людям. Подобное знание не может, не должно угаснуть. Тогда, в грядущие годы – допустим, лет через сто, если земная наука достигнет таких высот, чтобы справиться с задачей, – можно будет попытаться понять, а то и освободить обитателя каменных толщ.

Надо, разумеется, оставить записи, подробные записи. Кому, как не ему, Дэниельсу, позаботиться об этом? Именно так он и делал – день за днем, неделя за неделей отчитывался о том, что видел, слышал и узнавал. Три толстые конторские книги уже были от корки до корки заполнены аккуратным почерком, и начата четвертая. В книгах все изложено со всей полнотой, тщательностью и объективностью, на какие он только способен.

Однако, кто поверит тому, что там написано? Еще важнее – кто вообще заглянет в эти записи? Более чем вероятно, что им суждено пылиться где-нибудь на дальней полке до скончания веков, и ничья рука даже не коснется их. А если кто-нибудь когда-нибудь и снимет книги с полки и не поленится, стряхнув скопившуюся пыль, перелистать страницы, то разве мыслимо, чтобы он или она поверили тому, что прочтут?

Ясно как день – надо сначала убедить кого-то в своей правоте. Самые искренние слова, если они принадлежат умершему, к тому же умершему в неизвестности, нетрудно объявить игрой больного воображения. Другое дело, если кто-то из ученых с солидной репутацией выслушает Дэниельса и засвидетельствует, что записи заслуживают доверия: тогда и только тогда все записанное – и о том, что происходило в древности на холмах, и о том, что скрыто в их недрах, – обретет силу факта и привлечет серьезное внимание будущих поколений.

К кому обратиться – к биологу? К невропатологу? К психиатру? К палеонтологу?

Пожалуй, не играет роли, какую отрасль знания будет представлять этот ученый. Только бы он выслушал, а не высмеял. Это главное – чтобы выслушал.

Сидя у себя на веранде и разглядывая динозавров, щиплющих траву на холмах, человек, умеющий слушать звезды, вспомнил, как однажды рискнул прийти к палеонтологу.

– Бен, – сказал шериф, – что-то тебя не туда занесло. Не станет этот Дэниельс красть у тебя кур. У него своих хватает.

– Вопрос только в том, – откликнулся Адамс, – откуда он их берет.

– Ерунда, – сказал шериф. – Он джентльмен. Это сразу видно, едва заговоришь с ним. Образованный джентльмен.

– Если он джентльмен, тогда чего ему надо в нашей глуши? Здесь джентльменам не место. Как переехал сюда два, не то три года назад, с тех самых пор пальцем о палец не ударил. Только и знает, что шляться вверх да вниз по холмам...

– Он геолог, – сказал шериф. – Или по крайней мере интересуется геологией. Такое у него увлечение. Говорит, что ищет окаменелости.

Адамс насторожился, как пес, приметивший кролика.

– Ах, вот оно что, – произнес он. – Держу пари, никакие он окаменелости не ищет.

– Брось, – сказал шериф.

– Он минералы ищет, – продолжал Адамс, – Полезные ископаемые разведывает, вот что он делает. В этих холмах минералов невпроворот. Надо только знать, где искать.

– Ты же сам потратил на поиски уйму времени.

– Я не геолог. Геолог даст мне сто очков вперед. Он знает породы и всякое такое.

– Не похоже, чтобы Дэниельс занимался разведкой. Интересуется геологией, вот и все. Нашел каких-то окаменелых моллюсков.

– А может, он ищет клады, – предположил Адамс. – Может, у него карта есть или какой-нибудь план?

– Да черт тебя возьми, – вскипел шериф, – ты же сам знаешь, что кладов здесь нет и в помине!

– Должны быть, – настаивал Адамс. – Здесь когда-то

проходили французы и испанцы. А уж они понимали толк в кладях, — что одни, что другие — отыскивали золотиносные жилы, закапывали сокровища в пещерах. Неспроста в той пещере за рекой нашелся скелет в испанских латах, а рядом — скелет медведя и ржавый меч, воткнутый точнехонько туда, где у медведя была печенка...

— Болтовня, — сказал шериф безглаголиво. — Какой-то дурень раззвонил, а ты поверил. Из университета приезжали, хотели этот скелет найти. И выяснилось, что все это чушь собачья.

— А Дэниельс все равно лазит по пещерам, своими глазами видел. Сколько часов он провел в пещере, которую мы зовем Кошачьей Берлогой! Чтобы попасть туда, надо забираться на дерево.

— Ты что, следил за ним?

— Конечно, следил. Он что-то задумал, и я хочу знать — что.

— Смотри, как бы он тебя не застукал за этим занятием.

Адамс предпочел пропустить замечание мимо ушей.

— Все равно. Если тут у нас и нет кладов, то полным-полно свинца и цинка. Тот, кто отыщет залежь, заработает миллион.

— Сперва отыщи капитал, чтоб открыть дело, — заметил шериф.

Адамс ковырнул землю каблуком.

— Так, стало быть, он, по-вашему, ни в чем не замешан?

— Он мне говорил, что у него у самого пропадали куры. Их, верно, утащила лиса. Очень даже похоже, что с твоими приключилось то же самое.

— Если лиса таскает у него кур, — спросил Адамс, — почему же он ее не застрелит?

– А это его не волнует. Он вроде бы считает, что лиса имеет право на добычу. Да у него и ружья-то нет.

– Ну, если у него нет ружья и душа не лежит к охоте, почему бы не разрешить поохотиться другим? А он, как увидел у меня с ребятами ружьишко, так даже не пустил нас к себе на участок. И вывесок повешал: «Охота воспрещена». Разве это по-соседски? Как тут прикажете с ним ладить? Мы испокон веку охотились на этой земле. Уж на что старый Эймос был не из уживчивых, и тот не возражал, чтобы мы там постреляли немного. Мы всегда охотились, где хотели, и никто не возражал. Мне вообще сдается, что на охоту не должно быть ограничений. Человек вправе охотиться там, где пожелает...

Шериф присел на скамеечку, врытую в истоптанный грунт перед ветхим домишком, и огляделся. По двору, апатично поклевывая, бродили куры; тощий пес, вздремнувший в тени, подергивал шеей, отгоняя редких осенних мух; старая веревка, натянутая меж двумя деревьями, провисла под тяжестью мокрой одежды и полотенец, а к стенке дома была небрежно прислонена большая лохань. «Господи, – подумал шериф, – ну неужели человеку лень купить себе пристойную бельевую веревку вместо этой мочалки!...»

– Бен, – сказал он, – ты просто затеваешь свару. Тебе не нравится, что Дэниельс живет на ферме, не возделывая полей, ты обижен, что он не дает тебе охотиться на своей земле. Но он имеет право жить, где ему заблагорассудится, и имеет право не разрешать охоту. На твоём месте я бы оставил его в покое. Никто не заставляет тебя любить его, можешь, если не хочешь, вовсе с ним не знаться – но не

возводи на него напраслину. За это тебя недолго и к суду привлечь.

2

...Войдя в кабинет палеонтолога, Дэниельс не сразу даже разглядел человека, сидящего в глубине комнаты у захламленного стола. И вся комната была захламлена. Повсюду длинные стенды, а на стендах куски пород с вросшими в них окаменелостями. Там и сям кипы бумаг. Большая, плохо освещенная комната производила неприятное, гнетущее впечатление.

– Доктор! – позвал Дэниельс. – Вы доктор Торн?

Человек встал, воткнув трубку в полную до краев пепельницу. Высокий и плотный, сидящие волосы взъерошены, лицо обветренное, в морщинах. Он двинулся навстречу гостю, волоча ноги, как медведь.

– Вы, вероятно, Дэниельс, – сказал он. – У меня на календаре помечено, что вы придете в три. Хорошо, что не передумали.

Рука Дэниельса утонула в его лапище. Он указал на кресло подле себя, сел сам и, высвободив трубку из пластов пепла, принялся набивать ее табаком из большой коробки, занимающей центр стола.

– Вы писали, что хотите видеть меня по важному делу, – продолжал он. – Впрочем, все так пишут. Но в вашем письме было, должно быть, что-то особенное – настоятельность, искренность, не знаю что. Понимаете, у меня нет времени принимать каждого, кто мне пишет. И все до одного, понимаете, что-нибудь нашли. Что же такое нашли вы, мистер Дэниельс?

– Право, доктор, не знаю, как и начать. Пожалуй, лучше сперва сказать, что у меня случилось что-то странное с головой...

Торн раскуривал трубку. Не вынимая ее изо рта, он проворчал:

– В таком случае я, наверное, не тот, к кому вам следовало бы обратиться. Есть много других...

– Да нет, вы меня неправильно поняли, – перебил Дэниельс. – Я не собираюсь просить о помощи. Я совершенно здоров и телом, и душой. Правда, лет пять назад я попал в автомобильную катастрофу. Жена и дочь погибли, а меня тяжело ранило...

– Мои соболезнования, мистер Дэниельс.

– Спасибо – но это уже в прошлом. Мне выпали трудные дни, но я кое-как выкарабкался. К вам меня привело другое. Я уже упоминал, что был тяжело ранен...

– Мозг затронут?

– Незначительно. По крайней мере врачи утверждали, что совсем незначительно. Небольшое сотрясение, только и всего. Хуже было с раздавленной грудью и пробитым легким...

– А сейчас вы вполне здоровы?

– Будто и не болел никогда. Но разум мой со дня катастрофы стал иным. словно у меня появились новые органы чувств. Я теперь вижу и воспринимаю вещи, казалось бы, совершенно немыслимые...

– Галлюцинации?

– Да нет. Уверен, это не галлюцинации. Я вижу *прошрое*.

– Как это понимать – видите прошлое?

– Позвольте, я попробую объяснить, – сказал Дэниельс, – с чего все началось. Три года назад я купил заброшенную ферму в юго-западной части Висконсина. Выбрал место, где можно укрыться, спрятаться от людей. С тех пор, как не стало жены и дочери, я испытывал отвращение ко всем на свете. Первую острую боль потери я пережил, но мне нужна была нора, чтобылизать свои раны. Не думайте, что я себя оправдываю, – просто стараюсь объективно разобраться, почему я поступил так, а не иначе, почему купил ферму.

– Да, я понимаю вас, – откликнулся Торн. – Хотя и не убежден, что прятаться – наилучший выход из положения.

– Может, и нет, но тогда мне казалось, что это выход. И случилось то, на что я наделся. Я влюбился в окрестные края. Эта часть Висконсина – древняя суша. Море не подступало сюда четыреста миллионов лет. И ледники в плейстоцене почему-то сюда тоже не добрались. Что-то изменялось, конечно, но только в результате выветривания. Район не знал ни смещения пластов, ни резких эрозийных процессов – никаких катаклизмов...

– Мистер Дэниельс, – произнес Торн раздраженно, – я что-то не совсем понимаю, в какой мере это касается...

– Прошу прощения. Я как раз и пытаюсь подвести разговор к тому, с чем пришел к вам. Начиналось все не сразу, а постепенно, и я, признаться, думал, что сошел с ума, что мне мерещится, что мозг поврежден сильнее, чем предполагали, и я в конце концов рехнулся. Понимаете, я много ходил пешком по холмам. Местность там дикая, изрезанная и красивая, будто нарочно для этого созданная. Устанешь от ходьбы – тогда ночью удастся заснуть. Но по

временам холмы менялись. Сперва чуть-чуть. Потом больше и больше — и наконец на их месте начали появляться пейзажи, каких я никогда не видел, каких никто никогда не видел.

Торн нахмурился.

— Вы хотите уверить меня, что пейзажи становились такими, как были в прошлом?

Дэниельс кивнул.

— Необычная растительность, странной формы деревья. В более ранние эпохи, разумеется, никакой травы. Подлесок — папоротники и стелющиеся хвощи. Странные животные, странные твари в небе. Саблезубые тигры и мастодонты, птерозавры, пещерные носороги...

— Все одновременно? — не стерпев, перебил Торн. — Все вперемешку?

— Ничего подобного. Все, что я вижу, каждый раз относится к строго определенному периоду. Никаких несоответствий. Сперва я этого не знал, но когда я убедился, что мои видения — не бред, я выписал нужные книги и проштудировал их. Конечно, мне никогда не стать специалистом — ни геологом, ни палеонтологом, — но я нахватался достаточно, чтобы отличать один период от другого и до какой-то степени разбираться в том, что вижу.

Торн вынул трубку изо рта и водрузил на пепельницу. Провел тяжелой рукой по взъерошенным волосам.

— Это невероятно, — сказал он. — Такого просто не может быть. Вы говорите, эти явления начинались у вас постепенно?

— Вначале я видел все как в тумане, — прошлое, смутным контуром наложенное на настоящее, — потом настоя-

щее потихоньку бледнело, а прошлое проступало отчетливее и резче. Теперь не так. Иногда настоящее, прежде чем уступить место прошлому, словно бы мигнет раз-другой, но по большей части перемена внезапна, как молния. Настоящее вдруг исчезает, и я попадаю в прошлое, которое окружает меня со всех сторон. От настоящего не остается и следа.

— Но ведь на самом-то деле вы не можете перенестись в прошлое? Я подразумеваю — физически...

— В отдельных случаях я ощущаю себя вне прошлого. Я нахожусь в настоящем, а меняются лишь дальние холмы или речная долина. Но обычно меняется все вокруг, хотя самое смешное в том, что вы совершенно правы — на самом деле я в прошлое отнюдь не переселяюсь. Я вижу его, и оно представляется мне достаточно реальным, чтобы двигаться, не покидая его пределов. Я могу подойти к дереву, протянуть руку и ощупать пальцами ствол. Но воздействовать на прошлое я не могу. Как если бы меня там вовсе не было. Звери меня не замечают. Я проходил буквально в двух шагах от динозавров. Они меня не видят, не слышат и не обоняют. Если бы не это, я бы уже сто раз погиб. А так я словно на сеансе в стереокино. Сперва я очень беспокоился о возможных несовпадениях рельефа. Ночами просыпался в холодном поту: мне снилось, что я перенесся в прошлое и тут же ушел в землю по самые плечи — за последующие века эту землю сдуло и смыло. Но в действительности ничего подобного не происходит. Я живу в настоящем, а спустя секунду оказываюсь в прошлом. Словно между ними есть дверь, и я просто переступаю порог.

Я уже говорил вам, что физически я в прошлое не падаю, но ведь и в настоящем тоже не остаюсь! Я пытался раздобыть доказательства. Брал с собой фотоаппарат и делал снимки. А когда проявлял пленку, то вынимал ее из бачка пустой. Никакого прошлого – однако, что еще важнее, и настоящего тоже! Если бы я бредил наяву, фотоаппарат запечатлевал бы сегодняшний день. Но, очевидно, вокруг меня просто не было ничего, что могло бы запечатлеться на пленке. Ну а если аппарат неисправен или пленка неподходящая? Тогда я перепробовал несколько камер и разные типы пленок – с тем же результатом. Снимков не получалось.

Я пытался принести что-нибудь из прошлого. Рвал цветы, благо цветов там пропасть. Рвать их удавалось без труда, но назад в настоящее я возвращался с пустыми руками. Делал я и попытки другого рода. Думал, нельзя перенести только живую материю, например цветы, а неорганические вещества можно. Пробовал собирать камни, но донести их домой тоже не сумел...

– А брать с собой блокнот и делать зарисовки вы не пытались?

– Подумал было, но не пытался. Я не силен в рисовании – и, кроме того, что толку? Блокнот все равно останется чистым.

– Но вы же не пробовали!

– Нет, – признался Дэниельс, – не пробовал. Время от времени я делаю зарисовки задним числом, когда возвращаюсь в настоящее. Не каждый раз, но время от времени. По памяти. Но я уже говорил вам – в рисовании я не силен.

– Не знаю, что и ответить, – проронил Торн. – Право, не знаю. Звучит ваш рассказ совершенно неправдоподобно. Но если тут все-таки что-то есть... Послушайте, и вы нисколько не боялись? Сейчас вы говорите об этом самым спокойным, обыденным тоном. Но сначала-то вы должны были испугаться!

– Сначала, – подтвердил Дэниельс, – я окаменел от ужаса. Я не просто ощутил страх за свою жизнь, не просто испугался, что попал куда-то, откуда нет возврата, – я ужаснулся, что сошел с ума. А потом еще и чувство непередаваемого одиночества...

– Одиночества?..

– Может, это не точное слово. Может, правильнее сказать – неуместности. Я находился там, где находиться не имел никакого права – там, где человек еще не появлялся и не появится в течение миллионов лет. Мир вокруг был таким непередаваемо чужим, что хотелось съежиться и забиться куда-нибудь в укромный угол. На самом-то деле отнюдь не мир был чужим – это я был чужим в том мире. Меня и в дальнейшем нет-нет да и охватывало такое чувство. И хотя оно теперь для меня не внове и я вроде бы научился давать ему отпор, иной раз такая тоска накатит... В те далекие времена самый воздух был иным, самый свет, – впрочем, это, наверное, игра воображения...

– Почему же, не обязательно, – отозвался Торн.

– Но главный страх – что я сошел с ума – теперь прошел, совсем прошел. Теперь я уверен, что рассудок мне не изменил.

– Как уверены? Как может человек быть в этом уверен?

– Звери. Существа, которых я там видел.

– Ну да, вы же потом узнавали их на иллюстрациях в книгах, которые прочли.

– Нет, нет, соль не в этом. Не только в этом. Разумеется, картинки мне помогли. Но в действительности все как раз наоборот. Соль не в сходстве, а в отличиях. Понимаете, ни одно из этих существ не повторяет свое изображение в книгах. А иные так и вовсе не походят на изображения – на те рисунки, что сделаны палеонтологами. Если бы звери оказались точь-в-точь такими, как на рисунках, я мог бы по-прежнему считать, что это галлюцинации, повторяющие то, что я прочел либо увидел в книгах. Мол, воображение питается накопленным знанием. Но если обнаруживаются отличия, то логика требует допустить, что мои видения реальны. Как иначе мог бы я узнать, что у тираннозавра подгрудок окрашен во все цвета радуги? Как мог бы я догадаться, что у некоторых разновидностей саблезубых были кисточки на ушах? Какое воображение способно подсказать, что у гигантов, живших в эоцене, шкуры были пятнистые, как у жирафов?

– Мистер Дэниельс, – обратился к нему Торн. – Мне трудно безоговорочно поверить в то, что вы рассказали. Все, чему меня когда-либо учили, восстает против этого. И я не могу отделаться от мысли, что не стоит тратить время на такую нелепицу. Но несомненно, что сами вы верите в свой рассказ. Вы производите впечатление честного человека. Скажите, вы беседовали на эту тему с кем-нибудь еще? С другими палеонтологами? Или с геологами? Или, может быть, *с психиатром*?

– Нет, – ответил Дэниельс. – Вы первый специалист, первый человек, которому я об этом рассказал. Да и то да-

леко не все. Честно признаться, это было только вступление.

– Мой Бог, как прикажете вас понимать? Только вступление?..

– Да, вступление. Понимаете, я еще слушаю звезды.

Торн вскочил на ноги и принялся сгребать в кучу бумажки, разбросанные по столу. Он схватил из пепельницы потухшую трубку и стиснул ее зубами. Когда он заговорил снова, голос его звучал сухо и безучастно:

– Спасибо за визит. Беседа с вами была весьма поучительной.

3

«И надо же было так оплошать, – клял себя Дэниельс. – Надо же было заикнуться про звезды!..» До этих слов все шло хорошо. Торн, конечно, не поверил, но был заинтригован и согласен слушать дальше. Не исключено, мог бы даже провести небольшое расследование, конечно, втайне от всех и крайне осторожно.

«Вся беда, – размышлял Дэниельс, – в навязчивой идее насчет существа, замурованного в толще скал. Прошное – пустяки: куда важнее рассказать про существо в скалах... Но чтобы рассказать, чтобы объяснить, как ты дознался про это существо, волей-неволей приходится упомянуть и про звезды».

«Надо было живей шевелить мозгами, – попрекал себя Дэниельс. – И попрердержать язык. Ну, не глупо ли: в кои-то веки нашелся человек, который, пусть не без колебаний, готов был тебя выслушать, а не просто поднять на

смех. И вот ты из чувства благодарности к нему сболтнул лишнее...»

Из-под плохо пригнанных рам в комнату проникали юркие сквознячки и, взобравшись на кухонный стол, играли пламенем керосиновой лампы. Вечером, едва Дэниельс успел подоить коров, поднялся ветер, и теперь весь дом содрогался под штормовыми ударами. В дальнем углу комнаты в печи пылали дрова, от огня по полу бежали светлые дрожащие блики, а в дымоходе, когда ветер задувал в трубу, клокотало и хлюпало.

Дэниельсу вспомнилось, как Торн недвусмысленно намекнул на психиатра. Может, и правда, следовало бы сначала обратиться к специалисту такого рода. Может, прежде чем пытаться заинтересовать других тем, что он видит и слышит, следовало бы выяснить, как и почему он видит и слышит неведомое другим. Только человек, глубоко знающий строение мозга и работу сознания, в состоянии ответить на эти вопросы – если ответ вообще можно найти.

Неужели травма при катастрофе так изменила, так переиначила мыслительные процессы, что мозг приобрел какие-то новые, невиданные свойства? Возможно ли, чтобы сотрясение и нервное расстройство вызвали к жизни некие дремлющие силы, которым в грядущие тысячелетия суждено развиваться естественным, эволюционным путем? Выходит, повреждение мозга как бы замкнуло эволюцию накоротко и дало ему – одному ему – способности и чувства, чуть не на миллион лет обогнавшие свою эпоху?

Это казалось ему, ну, если не безупречным, то един-

ственно приемлемым объяснением. Однако у специалиста наверняка найдется какая-нибудь другая теория.

Оттолкнув табуретку, он встал от стола и подошел к печке. Дверцу совсем перекосило, она не открывалась, пока Дэниельс не поддел ее кочергой. Дрова в печи прогорели до угольков. Наклонившись, он достал из ларя у стенки полено, кинул в топку, потом добавил второе полено, поменьше, и закрыл печку. «Хочешь не хочешь, – сказал он себе, – на днях придется заняться этой дверцей и навесить ее как следует».

Он вышел за дверь и постоял на веранде, глядя в сторону заречных холмов. Ветер налетал с севера, со свистом огибал постройки и обрушивался в глубокие овраги, сбегающие к реке, но небо оставалось ясным – сурово ясным, будто его вытерли дочиста ветром и сбрызнули капельками звезд, и светлые эти капельки дрожали в бушующей атмосфере.

Окинув звезды взглядом, он не удержался и спросил себя: «О чем-то они говорят сегодня?» – но вслушиваться не стал. Чтобы слушать звезды, надо было сделать усилие и сосредоточиться. Помнится, впервые он прислушался к звездам в такую же ясную ночь, выйдя на веранду и вдруг задумавшись: о чем они говорят, беседуют ли между собой? Глупая, праздная мыслишка, дикое, химерическое намерение – но, раз уж взбрело такое в голову, он и в самом деле начал вслушиваться, сознавая, что это глупость, и в то же время упиваясь ею, повторяя себе: «Какой же я счастливый, что могу в своей праздности дойти до того, чтобы слушать звезды, словно ребенок, верящий в Санта-Клауса или в доброго пасхального кролика». Он вслуши-

вался... и услышал. Как ни удивительно, однако не подлежало сомнению: где-то там, далеко-далеко, какие-то иные существа переговаривались друг с другом. Он словно подключился к исполинскому телефонному кабелю, несущему одновременно миллионы, а то и миллиарды дальних переговоров. Конечно, эти переговоры велись не словами, но каким-то кодом (возможно, мыслями), не менее понятным, чем слова. А, по правде говоря, часто вовсе не понятным – не хватало знаний. Он сравнивал себя с дикарем, который прислушивается к дискуссии физиков-ядерщиков, обсуждающих проблемы своей науки.

И вот вскоре после той ночи, забравшись в неглубокую пещеру – в ту самую, что прозвали Кошачьей Берлогой, – он впервые ощутил присутствие существа, замурованного в толще скал. «Наверное, – подумал он, – если бы я не слушал звезды, если бы не обострил восприятие, слушая звезды, я бы и не заподозрил о том, что оно погребено под слоями известняка».

Он стоял на веранде, глядя на звезды и слыша только ветер, а потом за рекой по дороге, что вилась по дальним холмам, промелькнул слабый отблеск фар – там в ночи шла машина. Ветер на мгновение стих, будто набирая силу для того, чтобы задуть еще свирепее, и в ту крошечную долю секунды, которая выдалась перед новым порывом. Дэниельсу почудился еще один звук – звук топора, вгрызающегося в дерево. Он прислушался – звук донесся снова, но с какой стороны, не понять: все перекрыл ветер.

«Должно быть, я все-таки ошибся, – решил Дэниельс. – Кто же выйдет рубить дрова в такую ночь?..» Впрочем, не исключено, что это охотники за енотами. Охотники под-

час не останавливаются перед тем, чтобы свалить дерево, если не могут отыскать хорошо замаскированную нору. Не слишком честный прием, достойный разве что Бена Адамса с его придурковатыми сыновьями-переростками. Но такая бурная ночь просто не годится для охоты на енотов. Ветер смешивает все запахи, и собаки не возьмут след. Для охоты на енотов хороши только тихие ночи. И кто, если он в своем уме, станет валить деревья в такую бурю — того и гляди, ветер повернет падающий ствол и обрушит на самих дровосеков.

Он еще прислушался, пытаясь вновь уловить непонятный звук, но ветер, передохнув, засвистал сильнее, чем прежде, и различить что бы то ни было, кроме свиста, стало просто невозможно.

Утро пришло тихое, серое, ветер сник до легкого шепотка. Проснувшись среди ночи, Дэниельс слышал, как ветер барабанит по окнам, колотит по крыше, горестно завывает в крутобоких оврагах над рекой. А когда проснулся снова — все успокоилось, и в окнах серел тусклый рассвет. Он оделся и вышел из дому вокруг тишь, облака затянули небо, не оставив и намека на солнце, воздух свеж, словно только что выстиран, и тяжел от влажной седины, укутавшей землю. И блеск одевшей холмы осенней листвы казался ослепительнее, чем в самый яркий солнечный день.

Отделавшись от хозяйственных забот и позавтракав, Дэниельс отправился бродить по холмам. Когда спускался под уклон к ближнему из оврагов, то поймал себя на мысли: «Пусть сегодняшний день обойдется без сдвигов во

времени...» Как ни парадоксально, сдвиги подстерегали его не каждый день, и не удавалось найти никаких причин, которые бы их предопределяли. Время от времени он пробовал доискаться этих причин хотя бы приблизительно: записывал со всеми подробностями, какие ощущения испытывал с утра и что предпринимал и даже какой маршрут выбирал, выйдя на прогулку, — но закономерности так и не обнаружил. Закономерность пряталась, конечно же, где-то в глубине мозга — что-то задевало какую-то струну и включало новые способности. Но явление это оставалось неожиданным и непроизвольным. Дэниельс был не в силах управлять им, по крайней мере управлять сознательно. Изредка он пробовал сдвинуть время по своей воле, намеренно оживить прошлое — и каждый раз терпел неудачу. Одно из двух: или он не знал, как обращаться с собственным даром, или этот дар был действительно неподконтрольным.

Сегодня ему искренне хотелось, чтобы удивительные способности не просыпались. Хотелось побродить по холмам, пока они не утратили одного из самых заманчивых своих обличей, пока исполнены легкой грусти: все резкие линии смягчены висящей в воздухе сединой, деревья застыли и будто старые верные друзья молча поджидают его прихода, а палая листва и мох под ногами глушат звуки, и шаги становятся не слышны.

Он спустился в лощину и присел на поваленный ствол у щедрого родничка, от которого брал начало ручей, с журчанием бегущий вниз по каменистому руслу. В мае заводь у родничка бывала усыпана мелкими болотными цветами, а склоны холмов расцвечены нежными красками

трав. Сейчас здесь не видно было ни трав, ни цветов. Леса цепенели, готовясь к зиме. Летние и осенние растения умерли или умирали, и листья слой за слоем ложились на грунт, заботливо укрывая корни деревьев от льда и снега.

«В таких местах словно смешаны приметы всех времен года сразу...» — подумал он. Миллион лет, а может, и больше здесь все выглядело так же, как сейчас. Но не всегда: в давным-давно минувшие тысячелетия эти холмы, да и весь мир грелись в лучах вечной весны. А чуть более десяти тысяч лет назад на севере, совсем неподалеку, вздыбилась стена льда высотой в добрую милю. С гребня, на котором расположена ферма, тогда, наверное, можно было увидеть на горизонте синеватую линию — верхнюю кромку ледника. Однако в пору ледников, какой бы она ни была студеной, уже существовала не только зима, но и другие времена года.

Поднявшись на ноги, Дэниельс вновь двинулся по узкой тропе, что петляла по склону. Это была коровья тропа, пробитая еще в ту пору, когда в здешних лесах паслись не две его коровенки, а целые стада; шагая по тропе, Дэниельс вновь — в который раз — поразился тонкости чутья, присущей коровам. Протаптывая свои тропы, они безошибочно выбирают самый пологий уклон.

На мгновение он задержался под раскидистым белым дубом, вставшим на повороте тропы, и любовался гигантским растением — ариземой, которой не уставал любоваться все эти годы. Растение уже готовилось к зиме: зеленая с пурпуром шапка листвы полностью облетела, обнажив алую гроздь ягод, — в предстоящие голодные месяцы они пойдут на корм птицам.

Тропа вилась дальше, глубже врезаясь в холмы, и тишина звенела все напряженнее, а седина сгущалась, пока Дэниельсу не показалось, что мир вокруг стал его безраздельной собственностью.

И вот она, на той стороне ручья, Кошачья Берлога. Ее желтая пасть зияет сквозь искривленные, уродливые кедровые ветви. Весной под кедром играют лисята. Издалека, с заводей в речной долине, сюда доносится глуховатое кряканье уток. А наверху, на самой крутизне, виднеется берлога, высеченная в отвесной скале временем и непогодой.

Только сегодня что-то здесь было не так.

Дэниельс застыл на тропе, глядя на противоположный склон и ощущая какую-то неточность, но сперва не понимая, в чем она. Перед ним открывалась большая часть скалы — и все-таки чего-то не хватало. Внезапно он сообразил, что не хватает дерева, того самого, по которому годами взбирались дикие кошки, возвращаясь домой с ночной охоты, а потом и люди, если им, как ему, приспичило осмотреть берлогу. Кошек там, разумеется, теперь не было и в помине. Еще в дни первых переселенцев их вывели в этих краях почти начисто — ведь кошки порой оказывались столь неблагоразумны, что давили ягнят. Но следы кошачьего житья до сих пор различались без труда. В глубине пещеры, в дальних ее уголках, дно было усеяно хрупкими косточками и раздробленными черепами зверушек, которых хозяева берлоги таскали когда-то на обед своему потомству.

Дерево, старое и увечное, простояло здесь, вероятно, не одно столетие, и рубить его не было никакого смысла:

корявая древесина не имела ни малейшей ценности. Да и вытащить срубленный кедр из лощины – дело совершенно немыслимое. И все же прошлой ночью, выйдя на веранду, Дэниельс в минуту затишья различал вдали стук топора, а сегодня дерево исчезло.

Не веря своим глазам, он стал карабкаться по склону – быстро, как мог. Первозданный склон местами вздымался под углом почти в сорок пять градусов – приходилось падать на четвереньки, подтягиваться вверх на руках, повинаясь безотчетному страху, за которым скрывалось нечто большее, чем недоумение: куда же девалось дерево? Ведь именно здесь и только здесь, в Кошачьей Берлоге, можно было услышать существо, погребенное в толще скал.

Дэниельс навсегда запомнил день, когда впервые слышал таинственное существо – он тогда не поверил собственным ощущениям. Он решил, что ловит шорохи, рожденные воображением, навеянные прогулками среди динозавров, попытками вникнуть в переговоры звезд. В конце концов, ему и раньше случалось взбираться на дерево и залезать в пещеру-берлогу. Он бывал там не раз и даже находил какое-то извращенное удовольствие в том, что открыл для себя столь необычное убежище. Он любил сидеть у края уступа перед входом в пещеру и глядеть поверх крон, одевших вершину холма за оврагом, – над листвою различался отблеск заводов на заречных лугах. Но самой реки он отсюда увидеть не мог: чтобы увидеть реку, надо было бы подняться по склону еще выше.

Он любил берлогу и уступ перед ней, потому что находил здесь уединение, как бы отрезал себя от мира: забравшись в берлогу, он по-прежнему видел какую-то, пусть

ограниченную, часть мира, а его не видел никто. «Я как те дикие кошки, – повторял он себе, – им тоже нравилось чувствовать себя отрезанными от мира...» Впрочем, кошки искали тут не просто уединения, а безопасности – для себя и, главное, для своих котят. К берлоге никто не мог подступиться, путь сюда был только один – по ветвям старого дерева.

Впервые Дэниельс услышал существо, когда заполз однажды в самую глубину пещеры и, конечно, опять наткнулся на россыпь костей – остатки тех вековой давности пиршеств, когда котята грызли добычу, припадая к земле и урча. Припав ко дну пещеры, совсем как котята, он вдруг ощутил чье-то присутствие – ощущение шло снизу, просачивалось из дальних каменных толщ. Вначале это было не более чем ощущение, не более чем догадка – там внизу есть нечто живое. Естественно, он и сам поначалу отнесся к своей догадке скептически, а поверил в нее гораздо позже. Понадобилось немало времени, чтобы вера переросла в твердое убеждение.

Он, конечно же, не мог передать услышанное словами, потому что на деле не слышал ни слова. Но чей-то разум, чье-то сознание исподволь проникали в мозг через пальцы, ощупывающие каменное дно пещеры, через прижатые к камню колени. Он впитывал эти токи, слушал их без помощи слуха и, чем дольше впитывал, тем сильнее убеждался, что где-то там, глубоко в пластах известняка, находится погребенное заживо разумное существо. И наконец настал день, когда он сумел уловить обрывки каких-то мыслей – несомненные отзвуки работы интеллекта, запертого в толще скал.

Он не понял того, что услышал. И это непонимание было само по себе знаменательно. Если бы он все понял, то со спокойной совестью посчитал бы свое открытие игрой воображения. А непонимание свидетельствовало, что у него просто нет опыта, опираясь на который можно было бы воспринять необычные представления. Он уловил некую схему сложных жизненных отношений, казалось бы не имевшую никакого смысла, — ее нельзя было постичь, она распадалась на крохотные и бессвязные кусочки информации, настолько чуждой (хотя и простой), что его человеческий мозг наотрез отказывался в ней разбираться. И еще он волей-неволей получил понятие о расстояниях столь протяженных, что разум буксовал, едва соприкоснувшись с теми пустынями пространства, в каких подобные расстояния только и могли существовать. Даже вслушиваясь в переговоры звезд, он никогда не испытывал таких обескураживающих столкновений с иными представлениями о пространстве-времени.

В потоке информации встречались и крупинки иных сведений, обрывки иных фактов — смутно чувствовалось, что они могли бы пригодиться в системе человеческих знаний. Но ни единая крупинка не прорисовывалась достаточно четко для того, чтобы поставить ее в системе знаний на predetermined ей место. А большая часть того, что доносилось к нему, лежала попросту за пределами его понимания, да, наверное, и за пределами человеческих возможностей вообще. Тем не менее мозг улавливал и удерживал эту информацию во всей ее невосприимчивости, и она вспухала и ныла на фоне привычных, повседневных мыслей.

Дэниельс отдавал себе отчет, что они (или оно) отнюдь не пытаются вести с ним беседу, напротив – они (или оно) и понятия не имеют о существовании рода человеческого, не говоря уже о нем лично. Однако что именно происходит там, в толще скал: то ли оно (или они – употреблять множественное число почему-то казалось проще) размышляет, то ли в своем неизбывном одиночестве разговаривает с собой, то ли пробует связаться с какой-то иной, отличной от себя сущностью – в этом Дэниельс при всем желании разобраться не мог.

Обдумывая свое открытие, часами сидя на уступе перед входом в берлогу, он пытался привести факты в соответствие с логикой, дать присутствию существа в толще скал наилучшее объяснение. И, отнюдь не будучи в том уверенным – точнее, не располагая никакими данными в подкрепление своей мысли, – пришел к выводу, что в отдаленную геологическую пору, когда здесь плескалось мелководное море, из космических далей на Землю упал корабль, упал и увяз в донной грязи, которую последующие миллионы лет уплотнили в известняк. Корабль угодил в ловушку и застрял в ней на веки вечные. Дэниельс и сам понимал, что в цепи его рассуждений есть слабые звенья – ну, к примеру, давления, при которых только и возможно формирование горных пород, должны быть настолько велики, что сомнут и расплющат любой корабль, разве что он сделан из материалов, далеко превосходящих лучшие достижения человеческой техники.

«Случайность, – спрашивал он себя, – или намеренный акт. Попало существо в ловушку или спряталось?..» Как ответить однозначно, если любые умозрительные рассу-
ж-

дения просто смешны: все они по необходимости построены на догадках, а те в свою очередь лишены оснований.

Карабкаясь по склону, он подобрался наконец вплотную к скале и убедился, что дерево действительно срубили. Кедр свалился вниз и, прежде чем затормозить, скользнул футов тридцать под откос, пока ветви не уперлись в грунт и не запутались меж других деревьев. Пень еще не утратил свежести, белизна среза кричала на фоне серого дня. С той стороны пня, что смотрела под гору, виднелась глубокая засечка, а довершили дело пилой. Подле пня лежали кучки желтоватых опилок. Пила, как он заметил по срезу, была двуручная.

От площадки, где теперь стоял Дэниельс, склон круто падал вниз, зато чуть выше, как раз под самым пнем, крутизну прерывала странная насыпь. Скорее всего, когда-то давно с отвесной скалы обрушилась каменная лавина и задержалась здесь, а потом эти камни замаскировал лесной сор и постепенно на них выросла почва. На насыпи поселилась семейка берез, и их белые, словно припудренные стволы по сравнению с другими, сумрачными деревьями казались невесомыми, как привидения.

«Срубить дерево, – повторил он про себя, – ну что может быть бессмысленнее?..» Дерево не представляло собой ни малейшей ценности, служило одной-единственной цели – чтобы забираться по его ветвям в берлогу. Выходит, кто-то проведал, что кедр служит Дэниельсу мостом в берлогу, и разрушил этот мост по злему умыслу? А может, кто-нибудь спрятал что-либо в пещере и срубил дерево, перерезав тем самым единственный путь к тайнику?

Но кто, спрашивается, мог набраться такой злобы, что-

бы срубить дерево среди ночи, в бурю, работая при свете фонаря на крутизне и невольно рискуя сломать себе шею? Кто? Бен Адамс? Конечно, Бен разозлился оттого, что Дэниельс не позволил охотиться на своей земле, но разве это причина для сведения счетов, к тому же столь трудоемким способом?

Другое предположение: дерево срубили после того, как в пещере что-то спрятали, – представлялось, пожалуй, более правдоподобным. Хотя само уничтожение дерева лишь привлекало к тайнику внимание.

Дэниельс стоял на склоне озадаченный, недоуменно качая головой. Потом его вдруг осенило, как дознаться до истины. День едва начался, а делать было все равно больше нечего.

Он двинулся по тропе обратно. В сарае, надо думать, отыщется какая-нибудь веревка.

4

В пещере было пусто. Она оставалась точно такой, как раньше. Лишь десяток-другой осенних листьев занесло ветром в глухие ее уголки, да несколько каменных крошек осыпалось с козырька над входом – крохотные улики, свидетельствующие, что бесконечный процесс выветривания, образовавший некогда эту пещеру, способен со временем и разрушить ее без следа.

Вернувшись на узкий уступ перед входом в пещеру, Дэниельс бросил взгляд на другую сторону оврага – и удивился: как изменился весь пейзаж от того, что срубили одно-единственно дерево! Сместилось все – самые холмы

и те стали другими. Но, всмотревшись пристальнее в их контуры, он в конце концов удостоверился, что не изменилось ничего, кроме раскрывающейся перед ним перспективы. Теперь отсюда, с уступа, были видны контуры и силуэты, которые прежде скрывались за кедровыми ветвями. Веревка спускалась с каменного козырька, нависшего над головой и переходящего в свод пещеры. Она слегка покачивалась на ветру, и, подметив это, Дэниельс сказал себе: «А ведь с утра никакого ветра не было...» Зато сейчас ветер задул снова – сильный, западный. Деревья внизу так и кланялись под его ударами.

Повернувшись лицом на запад, Дэниельс ощутил щекой холодок. Дыхание ветра встревожило его, будто подняв со дна души смутные страхи, уцелевшие с тех времен, когда люди не знали одежды и бродили ордами, беспокойно вслушиваясь, вот как он сейчас, в подступающую непогоду. Ветер мог означать только одно: погода меняется, пора вылезать по веревке наверх и отправляться домой, на ферму.

Но уходить, как ни странно, не хотелось. Такое, по советам говоря, случалось и раньше. Кошачья Берлога давала ему своего рода убежище, здесь он оказывался отгороженным от мира – та малая часть мира, что оставалась с ним, словно бы меняла свой характер, была существеннее, милее и проще, чем тот жестокий мир, от которого он бежал.

Выводок диких уток поднялся с одной из речных заводей, стремительно пронесся над лесом, взмыл вверх, преодолевая исполинский изгиб утеса, и, преодолев, плавно повернул обратно к реке. Дэниельс следил за утками, пока

те не скрылись за деревьями, окаймляющими реку-невидимку.

И все-таки пришла пора уходить. Чего еще ждать? С самого начала это была никудышная затея: кто же в здравом уме хоть на минуту позволит себе уверовать, что в пещере что-то спрятано!..

Дэниельс обернулся к веревке – ее как не бывало.

Секунду-другую он тупо пялился в ту точку, откуда только что свисала веревка, чуть подрагивающая на ветру. Потом принялся искать глазами, не осталось ли от нее какого-либо следа, хотя искать было в общем-то негде. Конечно, веревка могла немного соскользнуть, сдвинуться вдоль нависшей над головой каменной плиты – но не настолько же, чтобы совсем исчезнуть из виду!

Веревка была новая, прочная, и он своими руками привязал ее к дереву на вершине утеса – крепко затянул узел да еще и подергал, желая убедиться, что она не развяжется.

И тем не менее веревку как ветром сдуло. Тут не обошлось без чьего-то вмешательства. Кто-то проходил мимо, заметил веревку, тихо вытянул ее, а теперь притаился наверху и ждет: когда же хозяин веревки поймет, что попал впросак, и поднимет испуганный крик? Любому из тех, кто живет по соседству, именно такая грубая шутка должна представляться вершиной юмора. Самое остроумное, бесспорно – оставить выходку без внимания и молча выждать, пока она не обернется против самого шутника.

Придя к такому выводу, Дэниельс опустил на корточки и принялся выжидать. «Десять минут, – сказал он себе, – самое большее четверть часа, и терпение шутника

истощится. Веревка благополучно вернется на место, я выкарабкаюсь наверх и отправлюсь домой. А может даже — смотря кем окажется шутник — приглашу его к себе, налью ему стаканчик, и мы посидим на кухне и вместе посмеемся над приключением...»

Тут Дэниельс неожиданно для себя обнаружил, что горбится, защищаясь от ветра, который, похоже, стал еще пронзительнее, чем в первые минуты. Ветер менялся с западного на северный, и это было не к добру.

Присев на краю уступа, он обратил внимание, что на рукава куртки налипли капельки влаги — не от дождя — дождя в сущности не было, — а от оседающего тумана. Если температура упадет еще на градус-другой, погода станет пренеприятной...

Он выжидал, скорчившись, вылавливая из тишины хоть какой-нибудь звук — шуршание листьев под ногами, треск надломленной ветки, — который выдал бы присутствие человека на вершине утеса. Но в мире не осталось звуков. День был совершенно беззвучный. Даже ветви деревьев на склоне ниже уступа качались на ветру без обычных поскрипываний и стонов.

Четверть часа, по-видимому, давно миновала, а с вершины утеса по-прежнему не доносилось ни малейшего шума. Ветер, пожалуй, еще усилился, и когда Дэниельс выворачивал голову в тщетных попытках заглянуть за каменный козырек, то щекой чувствовал, как шевелятся на ветру мягкие пряди тумана.

Дольше сдерживать себя в надежде переупрямить шутника он уже не мог. Он ощутил острый приступ страха и понял наконец, что время не терпит.

– Эй, кто там наверху!.. – крикнул он и подождал ответа.

Ответа не было.

Он крикнул снова, на этот раз еще громче.

В обычный день скала по ту сторону оврага отозвалась бы на крик эхом. Сегодня эха не было, и самый крик казался приглушенным, словно Дэниельса окружила серая, поглощающая звук стена.

Он крикнул еще раз – туман взял его голос и поглотил. Снизу донеслось какое-то шуршание, и он понял, что это шуршат обледеневшие ветки. Туман, оседая меж порывами ветра, превращался в наледь.

Дэниельс прошелся вдоль уступа перед входом в пещеру – от силы двадцать футов в длину, и никакого пути к спасению. Уступ выдавался над пропастью и обрывался отвесно. Над головой нависала гладкая каменная глыба. Поймали его ловко, ничего не скажешь.

Он снова укрылся в пещере и присел на корточки. Здесь он был по крайней мере защищен от ветра и, несмотря на вновь подкравшийся страх, чувствовал себя относительно уютно. Пещера еще не остыла. Но температура, видимо, падала, и притом довольно быстро, иначе туман не оседал бы наледью. А на плечах у Дэниельса была лишь легкая куртка, и он не мог развести костер – он не курил и не носил при себе спичек.

Только теперь он впервые по-настоящему осознал серьезность положения. Пройдут многие дни, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, куда же он запропастился. Навещали его редко – собственно, никому до него не было дела. Да если даже и обнаружат, что он пропал, и будет

объявлен розыск – велики ли шансы, что его найдут? Кто додумается заглянуть в эту пещеру? И долго ли способен человек прожить в такую погоду без огня и пищи?

А если он не выберется отсюда, и скоро – что станется со скотиной? Коровы вернутся с пастбища, подгоняемые непогодой, и некому будет впустить их в хлев. Если они постоят недоенными день-другой, разбухшее вымя начнет причинять им страдания. Свиньям и курам никто не задаст корма. «Человек, – мелькнула мысль, – просто не вправе рисковать своей жизнью так безрассудно, когда от него зависит жизнь стольких беззащитных существ».,

Дэниельс заполз поглубже в пещеру и распластался ничком, втиснув плечи в самую дальнюю нишу и прижавшись ухом к каменному ее дну.

Таинственное существо было по-прежнему там – разумеется, куда же ему деться, если его поймали еще надежнее, чем Дэниельса. Оно томилось под слоем камня толщиной, вероятно, в триста-четыре фута, который природа наращивала не спеша, на протяжении многих миллионов лет...

Существо опять предавалось воспоминаниям. Оно мысленно перенеслось в какие-то иные места – что-то в потоке его памяти казалось зыбким и смазанным, что-то виделось кристально четко.

Исполинская темная каменная равнина, цельная каменная плита, уходящая к далекому горизонту; над горизонтом встает багровый шар солнца, а на фоне восходящего солнца угадывается некое сооружение – неровность горизонта допускает лишь такое объяснение. Не то замок, не то город, не то гигантский обрыв с жилыми пещерами –

трудно истолковать, что именно, трудно даже признать, что увиденное вообще поддается истолкованию.

Быть может, это родина загадочного существа? Быть может, черное каменное пространство – космический порт его родной планеты? Или не родина, а какие-то края, которые существо посетило перед прибытием на Землю? Быть может, пейзаж показался столь фантастическим, что врезался в память?

Затем к воспоминаниям стали примешиваться иные явления, иные чувственные символы, относящиеся, по видимому, к каким-то формам жизни, индивидуальностям, запахам, вкусам. Конечно, Дэниельс понимал, что, приписывая существу, замурованному в толще скал, человеческую систему восприятия, легко и ошибиться; но другой системы, кроме человеческой, он просто не ведал.

И тут, прислушавшись к воспоминаниям о черной каменной равнине, представив себе восходящее солнце и на его фоне – очертания гигантского сооружения на горизонте, Дэниельс сделал то, чего никогда не делал раньше. Он попытался заговорить с существом – узником скал, попытался дать знать, что есть человек, который слушал и слышал, и что существо не так одиноко, не так отчуждено от всех, как, по всей вероятности, полагало.

Естественно, он не стал говорить вслух – это было бы бессмысленно. Звук никогда не пробьется сквозь толщу камня. Дэниельс заговорил про себя, в уме.

– *Эй, кто там внизу, – сказал он. – Говорит твой друг. Я слушаю тебя уже очень, очень давно и надеюсь, что ты меня тоже слышишь. Если слышишь, давай побеседуем. Разреши, я попробую дать тебе представление о себе и о*

мире, в котором живу, а ты расскажешь мне о себе и о мире, в котором жил прежде, и о том, как ты попал сюда, в толщу скал, и могу ли я хоть что-нибудь для тебя сделать, хоть чем-то тебе помочь...

Больше он не рискнул ничего сказать. Проговорив это, он лежал еще какое-то время, не отнимая уха от твердого дна пещеры, пытаясь угадать: расслышало ли его зов существо? Но, очевидно, оно не расслышало или, расслышав, не признало зов достойным внимания. Оно продолжало вспоминать планету, где над горизонтом встает тусклое багровое солнце.

«Это было глупо, — упрекнул он себя. — Обращаться к неведомому существу было самонадеянно и глупо...» До сих пор он ни разу не отваживался на это, а просто слушал. Точно так же, как не пробовал обращаться к тем, кто беседовал друг с другом среди звезд, — тех он тоже только слушал.

Какие же новые способности открыл он в себе, если счел себя вправе обратиться к этому существу? Быть может, подобный поступок продиктован лишь страхом смерти?

А что если существу в толще скал незнакомо само понятие смерти, если оно способно жить вечно? Дэниельс выполз из дальней ниши и перебрался обратно в ту часть пещеры, где мог хотя бы присесть.

Поднималась метель. Пошел дождь, пополам со снегом, и температура продолжала падать. Уступ перед входом в пещеру покрылся скользкой ледяной коркой. Если бы теперь кому-то вздумалось прогуляться перед пещерой — смельчак неизбежно сорвался бы с утеса и разбился насмерть.

А ветер все крепчал. Ветви деревьев качались сильнее и сильнее, и по склону холма неся вихрь палой листвы, перемешанный с дождем и снегом. С того места, где сидел Дэниельс, он видел лишь верхние ветви березок, что поселились на странной насыпи чуть ниже корявого кедра, служившего прежде мостом в пещеру. И ему почудилось вдруг, что эти ветви качаются еще яростнее, чем должны бы на ветру. Березки так и кланялись из стороны в сторону и, казалось, прямо на глазах вырастали еще выше, заламывая ветви в немой мольбе.

Дэниельс подполз на четвереньках к выходу и высунул голову наружу — посмотреть, что творится на склоне. И увидел, что качаются не только верхние ветви, — вся рощица дрожала и шаталась, будто невидимая рука пыталась вытолкнуть деревья из земли. Не успел он подумать об этом, как заметил, что и самая почва заходила ходуном. Казалось, кто-то снял замедленной съемкой кипящую, вспухающую пузырями лаву, а теперь прокручивал пленку с обычной скоростью. Вздымалась почва — поднимались и березки. Вниз по склону катились стронутые с места камушки и сор. А вот и тяжелый камень сорвался со склона и с треском рухнул в овраг, ломая по дороге кусты и оставляя в подлеске безобразные шрамы.

Дэниельс следил за камнем как зачарованный.

«Неужели, — спрашивал он себя, — я стал свидетелем какого-то геологического процесса, только необъяснимо ускоренного?» Он попытался понять, что бы это мог быть за процесс, но не припомнил ничего подходящего. Насыпь вспучивалась, разваливалась в стороны. Поток, катившийся вниз, с каждой секундой густел, перечеркивая бурыми

мазками белизну свежеснеженного снега. Наконец березы опрокинулись и соскользнули вниз, и из ямы, возникшей там, где они только что стояли, явился призрак.

Призрак не имел четких очертаний – контуры его были смутными, словно с неба соскребли звездную пыль и сплавляли в неустойчивый сгусток, не способный принять определенную форму, а беспрерывно продолжающий меняться и преображаться, хотя и не утрачивающий окончательного сходства с неким первоначальным обликом. Такой вид могло бы иметь скопление разрозненных, не связанных в молекулы атомов – если бы атомы можно было видеть. Призрак мягко мерцал в бесцветье серого дня и, хотя казался бестелесным, обладал, по-видимому, изрядной силой – он продолжал высвобождаться из полуразрушенной насыпи, пока не высвободился совсем. А потом поплыл вверх, к пещере.

Как ни странно, Дэниельс ощущал не страх, а одно лишь безграничное любопытство. Он старался разобраться, на что похож подплывающий призрак, но так и не пришел ни к какому ясному выводу. Когда призрак добился успеха, Дэниельс отодвинулся вглубь и вновь опустился на корточки. Призрак приблизился еще на фут-другой и у входа в пещеру не то уселся, не то повис над обрывом.

– *Ты говорил*, – обратился искрящийся призрак к Дэниельсу. Это не было ни вопросом, ни утверждением, да и речью это назвать было нельзя. Звучало это в точности так же, как те переговоры, которые Дэниельс слышал, когда слушал звезды. – *Ты говорил с ним, как друг*, – продолжал призрак (понятие, выбранное призраком, означало не «друг», а нечто иное, но тоже теплое и доброжелательное).

– *Ты предложил ему помощь. Разве ты можешь помочь?*

По крайней мере теперь был задан вопрос, и достаточно четкий.

– Не знаю, – ответил Дэниельс. – Сейчас, наверное, не могу. Но лет через сто – ты меня слышишь? Слышишь и понимаешь, что я говорю?

– *Ты говоришь, что помощь возможна, –* отозвалось призрачное существо, *– только спустя время. Уточни, какое время спустя?*

– Через сто лет, – ответил Дэниельс. – Когда планета обернется вокруг центрального светила сто раз.

– *Что значит сто раз?* – переспросило существо.

Дэниельс вытянул перед собой пальцы обеих рук.

– Можешь ты увидеть мои пальцы? Придатки на концах моих рук?

– *Что значит увидеть?* – переспросило существо.

– Ощутить их так или иначе. Сосчитать их.

– *Да, я могу их сосчитать.*

– Их всего десять, – пояснил Дэниельс. – Десять раз по десять составляет сто.

– *Это не слишком долгий срок, –* отозвалось существо,

– *Что за помощь станет возможна тогда?*

– Знаешь ли ты о генетике? О том, как зарождается все живое и как зародившееся создание узнает, кем ему стать? Как оно растет и почему знает, как ему расти и кем быть? Известно тебе что-нибудь о нуклеиновых кислотах, предписывающих каждой клетке, как ей развиваться и какие функции выполнять?

– *Я не знаю твоих терминов, –* отозвалось существо, *– но я понимаю тебя. Следовательно, тебе известно все*

это? Следовательно, ты не просто тупая дикая тварь, как другие, что стоят на одном месте, или зарываются в грунт, или лазают по тем неподвижным, или бегают по земле?..

Разумеется, звучало это вовсе не так. И кроме слов — или смысловых единиц, оставляющих ощущение слов, — были еще и зрительные образы деревьев, мышей в норках, белок, кроликов, неуклюжего крота и быстроногой лисы.

— Если неизвестно мне, — ответил Дэниельс, — то известно другим из моего племени. Я сам знаю немного. Но есть люди, посвятившие изучению законов наследственности всю свою жизнь.

Призрак висел над краем уступа и довольно долго молчал. Позади него гнулись на ветру деревья, кружились снежные вихри. Дэниельс, дрожа от холода, заполз в пещеру поглубже и спросил себя, не пригрезилась ли ему эта искристая тень.

Но не успел он подумать об этом, как существо заговорило снова, хотя обращалось на сей раз, кажется, вовсе не к человеку. Скорее даже оно ни к кому не обращалось, а просто вспоминало, подобно тому другому существу, замурованному в толще скал. Может статься, эти воспоминания и не предназначались для человека, но у Дэниельса не было способа отгородиться от них. Поток образов, излучаемый существом, достигал его мозга и заполнял мозг, вытесняя его собственные мысли, будто, эти образы принадлежали самому Дэниельсу, а не призраку, замершему напротив.

Вначале Дэниельс увидел пространство – безбрежное, бескрайнее, жестокое, холодное, такое отстраненное от всего, такое безразличное ко всему, что разум цепенел, й не столько от страха или одиночества, сколько от осознания, что по сравнению с вечностью космоса ты пигмей, пылинка, мизерность которой не поддается исчислению. Пылинка канет в безмерной дали, лишенная всяких ориентиров, – но нет, все-таки не лишенная, потому что пространство сохранило след, отметину, отпечаток, суть которых не объяснишь и не выразишь словами, они не укладываются в рамки человеческих представлений; след, метина, отпечаток указывают, правда почти безнадежно смутно, путь, по которому в незапамятные времена проследовал кто-то еще. И безрассудная решимость, глубочайшая преданность, какая-то неодолимая потребность влекут пылинку по этому слабому, расплывчатому следу, куда бы он ни вел – пусть за пределы пространства, за пределы времени или того и другого вместе. Влекут без отдыха, без колебаний и без сомнений, пока след не приведет к цели или пока не будет вытерт дочиста ветрами – если существуют ветры, не гаснущие в пустоте.

«...Не в ней ли, – спросил себя Дэниельс, – не в этой ли решимости кроется, при всей ее чужеродности, что-то знакомое, что-то поддающееся переводу на земной язык и потому способное стать как бы мостиком между этим вспоминающим инопланетянином и моим человеческим «я»?»

Пустота, молчание и холодное равнодушие космоса

длились века, века и века – казалось, пути вообще не будет конца. Но так или иначе Дэниельсу дано было понять, что конец все же настал – и настал именно здесь, среди иссеченных временем холмов над древней рекой. И тогда на смену почти бесконечным векам мрака и холода пришли почти бесконечные века ожидания; путь был завершен, след привел в недостижимые дали и оставалось только ждать, набравшись безграничного, неистощимого терпения.

– *Ты говорил о помощи,* – обратилось к Дэниельсу искристое существо. – *Но почему? Ты не знаешь того, другого. Почему ты хочешь ему помочь?*

– Он живой, – ответил Дэниельс. – Он живой, и я живой. Разве этого недостаточно?

– *Не знаю,* – отозвалось существо.

– По-моему, достаточно, – решил Дэниельс.

– *Как ты можешь помочь?*

– Я уже упоминал о генетике. Как бы это объяснить...

– *Я перенял терминологию из твоих мыслей. Ты имеешь в виду генетический код.*

– Согласится ли тот, другой, замурованный в толще скал, тот, кого ты охраняешь...

– *Не охраняю,* – отозвалось существо. – *Я просто жду его.*

– Долго же тебе придется ждать!

– *Я наделен умением ждать. Я жду уже долго. Могу ждать и дольше.*

– Когда-нибудь, – заявил Дэниельс, – выветривание разрушит камень. Но тебе не понадобится столько ждать. Знает ли тот, другой, свой генетический код?

– *Знает*, – отозвалось существо. – *Он знает много больше, чем я.*

– Знает ли он свой код полностью? – настойчиво повторил Дэниельс. – Вплоть до самой ничтожной связи, до последней составляющей, точный порядок неисчислимых миллиардов...

– *Знает*, – подтвердило существо. – *Первейшая забота разумной жизни – познать себя.*

– А может ли он, согласится ли он передать нам эти сведения, сообщить нам свой генетический код?

– *Твое предложение – дерзость*, – оскорбилось искристое существо (слово, которого оно употребило, было жестче, чем «дерзость»). – *Таких сведений никто не передаст другому. Это нескромно и неприлично* (опять-таки слова были несколько иными, чем «нескромно» и «неприлично»). *Это значит, в сущности, отдать в чужие руки собственное «я».* *Полная и бессмысленная капитуляция.*

– Не капитуляция, – возразил Дэниельс, – а способ выйти из заточения. В свое время, через сто лет, о которых я говорил, люди моего племени сумеют по генетическому коду воссоздать любое живое существо. Сумеют скопировать того, другого, с предельной точностью.

– *Но он же останется по-прежнему замурованным!*

– Только один из двоих. Первому из двух близнецов действительно придется ждать, пока ветер не сточит скалы. Зато второй, копия первого, начнет жить заново.

«А что, – мелькнула мысль, – если существо в толще скал вовсе не хочет, чтобы его спасали? Что если оно сознательно погребло себя под каменными пластами? Что если оно просто искало укрытия, искало убежища? Может

статься, появившись у него желание – и оно освободилось бы из своей темницы с такой же легкостью, с какой этот силуэт, это скопище искр выбралось из-под насыпи?..»

– *Нет, это исключено, – отозвалось скопище искр, ви-сящее на самом краю уступа. – Я проявил беспечность. Я уснул, ожидая, и спал слишком долго.*

«Действительно, куда уж дальше», – подумал Дэниельс. Так долго, что над спящим крупинка за крупинкой наслои-лась земля и образовалась насыпь, что в эту землю вросли камни, сколотые морозом с утеса, а рядом с камнями поселилась семейка берез, и они благополучно вымахали до тридцатифутовой высоты... Тут подразумевалось такое различие в восприятии времени, какого человеку просто не осмыслить.

«Однако погоди, – остановил себя Дэниельс, – кое-что ты все-таки понял...» Он уловил безграничную преданность и бесконечное терпение, с каким искристое существо следовало за тем другим сквозь звездные бездны. И не сомневался, что уловил точно: разум иного создания – преданного звездного пса, сидящего на уступе перед пещерой, – словно приблизился к нему, Дэниельсу, и коснулся собственного его разума, и на мгновение оба разума, при всех их отличиях, слились воедино в порыве понимания и признательности, – ведь это, наверное, впервые за многие миллионы лет пес из дальнего космоса встретил кого-то, кто способен постичь веление долга и смысл призвания.

– Можно попытаться откопать того, другого, – предложил Дэниельс. – Я, конечно, уже думал об этом, но испугался, не причинить бы ему вреда. Да и нелегко будет убедить людей...

– Нет, – отозвалось существо, – его не откопаешь. Тут есть много такого, чего тебе не понять. Но первое твоё предложение не лишено известных достоинств. Ты говоришь, что не располагаешь достаточными знаниями генетики, чтобы предпринять необходимые шаги теперь же. А ты пробовал советоваться со своими соплеменниками?

– С одним пробовал, – ответил Дэниельс, – только он не стал слушать. Он решил, что я свихнулся. Но в конце концов он и не был тем человеком, с которым следовало бы говорить. Наверное, потом я сумею поговорить с другими людьми, но не сейчас. Как бы я ни желал помочь, сейчас я ничего не добьюсь. Они будут смеяться надо мной, а я не вынесу насмешек. Лет через сто, а быть может, и раньше я сумею...

– Ты же не проживешь сто лет, – отозвался звездный пес. – Ты принадлежишь к недолговечному виду. Что, наверное, и объясняет ваш стремительный взлет. Вся жизнь здесь недолговечна, и это дает эволюции шансы сформировать разум. Когда я попал на вашу планету, здесь жили одни безмозглые твари.

– Ты прав, – ответил Дэниельс. – Я не проживу сто лет. Даже если вести отсчет с самого рождения, я не способен прожить сто лет, а большая часть моей жизни уже позади. Не исключено, что позади уже вся жизнь. Ибо если я не выберусь из этой пещеры, то умру буквально через два-три дня.

– Протяни руку, – предложил сгусток искр. – Протяни руку и коснись меня, собеседник.

Медленно-медленно Дэниельс вытянул руку перед со-

бой. Рука прошла сквозь мерцание и блики, и он не ощутил ничего – как если бы провел рукой просто по воздуху.

– *Вот видишь, – заметило существо, – я не в состоянии тебе помочь. Нет таких путей, чтобы заставить наши энергии взаимодействовать. Очень сожалею, друг.* (Слово, которое выбрал призрак, не вполне соответствовало понятию «друг», но это было хорошее слово, и, как догадался Дэниельс, оно, возможно, значило гораздо больше, чем «друг».)

– Я тоже сожалею, – ответил Дэниельс. – Мне бы хотелось пожить еще.

Воцарилось молчание, мягкое раздумчивое молчание, какое случается только в снежный день, и вместе с ними в это молчание вслушивались деревья, скалы и притаившаяся живая мелюзга.

«Значит, – спросил себя Дэниельс, – эта встреча с посланцем иных миров тоже бессмысленна? Если только я каким-то чудом не слезу с уступа, то не сумею сделать ничего, ровным счетом ничего... А, с другой стороны, почему я должен заботиться о спасении существа, замурованного в толще скал? Выживу ли я сам – вот что единственно важно сейчас, а вовсе не то, отнимет ли моя смерть у замурованного последнюю надежду на спасение...»

– Но, может, наша встреча все-таки не напрасна? – обратился Дэниельс к сгустку искр. – Теперь, когда ты понял...

– *Понял я или нет, – откликнулся тот, – это не имеет значения. Чтобы добиться цели, я должен был бы передать полученные сведения тем, кто далеко на звездах, но даже если бы я мог связаться с ними, они не удостоили*

бы меня вниманием. Я слишком ничтожен, я не вправе беседовать с высшими. Моя единственная надежда – твои соплеменники, и то, если не ошибаюсь, при том непременном условии, что ты уцелеешь. Ибо я уловил твою мимолетную мысль, что, ты – единственный, кто способен понять меня. Среди твоих соплеменников нет второго, кто хотя бы допустил мысль о моем существовании.

Дэниельс кивнул – это была подлинная правда. Никто из живущих на Земле людей не обладал теми же способностями, что и он. Никто больше не повредил себе голову так удачно, чтобы приобрести их. Для существа в толще скал он был единственной надеждой, да и то слабенькой, – ведь прежде чем надежда станет реальной, надо найти кого-нибудь, кто выслушает и поверит. И не просто поверит, а пронесет эту веру сквозь годы в те дальние времена, когда гениальная инженерия станет гораздо могущественнее, чем сегодня.

– Если тебе удастся выбраться из критического положения живым, – заявил пес из иных миров, – тогда я, наверное, смогу изыскать энергию и технические средства для осуществления твоего замысла. Но ты должен отдать себе отчет, что я не в состоянии предложить тебе никаких путей к личному спасению.

– А вдруг кто-то пройдет мимо, – ответил Дэниельс. – Если я стану кричать, меня могут услышать...

И он снова стал кричать, но не получил ответа. Выюга глушила крики, да он и сам прекрасно понимал, что в такую погоду люди, как правило, сидят дома – у огня, в безопасности.

В конце концов он устал и привалился к камню, чтобы

отдохнуть. Искристое существо по-прежнему висело над уступом, но снова изменило форму и стало, пожалуй, напоминать накренившуюся запорошенную снегом рождественскую елку.

Дэниельс уговаривал себя не засыпать. Закрывать глаза лишь на мгновение и сразу же раскрывать их снова, не разрешать векам смыкаться надолго, иначе одолеет сон. Хорошо бы подвигаться, похлопать себя по плечам, чтобы согреться, — только руки налились свинцом и не желали действовать.

Он почувствовал, что сползает на дно пещеры, и попытался встать. Но воля притупилась, а на каменном дне было очень уютно. Так уютно, что, право же, стоило разрешить себе отдохнуть минутку, прежде чем подниматься, напрягая все силы. Самое странное, что дно пещеры вдруг покрылось грязью и водой, а над головой взойшло солнце и снова стало тепло...

Он вскочил в испуге и увидел, что стоит по щиколотку в воде, разлившейся до самого горизонта, и под ногами у него не камень, и липкий черный ил.

Не было ни пещеры, ни холма, в котором могла бы появиться пещера. Было лишь необъятное зеркало воды, а если обернуться, то совсем близко, в каких-нибудь тридцати футах, лежал грязный берег крошечного островка — грязного каменистого островка с отвратительными зелеными потеками на камнях.

Дэниельс знал по опыту, что попал в иное время, но местонахождения своего не менял. Каждый раз, когда время для него сдвигалось, он продолжал находиться в той

же точке земной поверхности, где был до сдвига. И теперь, стоя на мелководье, он вновь – в который раз – по-divился странной механике, которая поддерживает его тело в пространстве с такой точностью, что, передвинувшись в иную эпоху, он не рискует быть погребенным под двадцатифутовым слоем песка и камня или, напротив, повиснуть без опоры на двадцатифутовой высоте.

Однако сегодня и тупице было бы ясно, что на размышления не осталось ни минуты. По невероятному стечению обстоятельств он уже не заточен в пещере, и здравый смысл требует уйти с того места, где он очутился, как можно скорее. Если замешкаешься, то чего доброго внезапно опять очутишься в своем настоящем и придется снова корчиться и коченеть в пещере.

Он неуклюже повернулся – ноги вязли в донном иле – и кинулся к берегу. Далось это нелегко, но он добрался до островка, поднялся по грязному скользкому берегу к хаотично разбросанным камням и там наконец позволил себе присесть и перевести дух.

Дышать было трудно. Дэниельс отчаянно хватал ртом воздух, ощущая в нем необычный, ни на что не похожий привкус. Он сидел на камнях, ловил воздух ртом и разглядывал водную ширь, поблескивающую под высоким теплым солнцем. Далеко-далеко на воде появилась длинная горбатая складка и на глазах у Дэниельса поползла к берегу. Достигнув островка, она вскинулась по илистой отмели почти до самых его ног. А вдали на сияющем зеркале воды стала набухать новая складка.

Дэниельс отдал себе отчет в том, что водная гладь еще необъятнее, чем думалось поначалу. Впервые за все свои

скитания по прошлому он натолкнулся на столь внушительный водоем. До сих пор он всегда оказывался на суше и к тому же всегда знал местность хотя бы в общих чертах – на заднем плане меж холмов неизменно текла река.

Сегодня все было неузнаваемым. Он попал в совершенно неведомые края – вне сомнения, его отбросило во времени гораздо дальше, чем случилось до сих пор, и он, по-видимому, очутился у берегов большого внутриконтинентального моря в дни, когда атмосфера была бедна кислородом – беднее, чем во все последующие эпохи. «Вероятно, – решил он, – я сейчас вплотную приблизился к рубежу, за которым жизнь для меня стала бы попросту невозможна...» Сейчас кислорода еще хватало, хотя и с грехом пополам – из-за этого он и дышал гораздо чаще обычного. Отступи он в прошлое еще на миллион лет – кислорода перестало бы хватать. А отступи еще немного дальше – и свободного кислорода не оказалось бы совсем.

Всмотревшись в береговую кромку, Дэниельс заметил, что она населена множеством крохотных созданий, снующих туда-сюда, копошащихся в пенном прибрежном соре или сверлящих булавочные норки в грязи. Он опустил руку и слегка поскреб камень, на котором сидел. На камне проступало зеленоватое пятно – оно тут же отделилось и прилипло к ладони толстой пленкой, склизкой и противной на ощупь.

Значит, перед ним была первая жизнь, осмелившаяся выбраться на сушу, – существа, что и существами-то еще не назовешь, боязливо жмущиеся к берегу, не готовые, да и не способные оторваться от подола ласковой материводы, которая бессменно пестовала жизнь с самого ее

начала. Даже растения и те еще льнули к морю, взбираясь на скалы, по-видимому, лишь там, где до них хоть изредка долетали брызги прибоя.

Через несколько минут Дэниельс почувствовал, что одышка спадает. Брести, разгребая ногами ил, при такой нехватке кислорода превращалось в тяжкую муку. Но если просто сидеть на камнях без движения, удавалось кое-как дышать тем воздухом, что есть.

Теперь, когда кровь перестала стучать в висках, Дэниельс услышал тишину. Он различал один-единственный звук – мягкое пошлепывание воды по илистому берегу, и этот однообразный звук скорее подчеркивал тишину, чем нарушал ее.

Никогда во всей своей жизни он не встречал такого совершенного однозвучия. Во все другие времена над миром даже в самые тихие дни витала уйма разных звуков. А здесь, кроме моря, просто не было ничего, что могло бы издавать звук, – ни деревьев, ни зверей, ни насекомых, ни птиц, лишь вода, разлившаяся до самого горизонта, и яркое солнце в небе.

Впервые за много месяцев он вновь познал чувство отделенности от окружающего, чувство собственной неуместности здесь, куда его не приглашали и где он, по существу, не имел права быть; он явился сюда самозванно, и потому окружающий мир оставался чуждым ему, как, впрочем, и всякому, кто размером или разумом отличается от мелюзги, снующей по берегу. Он сидел под чуждым солнцем посреди чуждой воды, наблюдая за крохотными козявками, которым в грядущие эпохи суждено развиваться до уровня существ, подобных ему, Дэниельсу, – наблюдая

за ними и пытаюсь ощутить свое, пусть отдаленное, с ними родство. Но попытки не принесли успеха: ощутить родство Дэниельс так и не смог.

И вдруг в этот однозвучный мир ворвалось какое-то биение, слабое, но отчетливое. Биение усилилось, отразилось от воды, сотрясло маленький островок — оно шло с неба.

Дэниельс вскочил, запрокинул голову — и точно, с неба спускался корабль. Даже не корабль в привычном понимании — не было никаких четких контуров, а лишь искажение пространства, словно множество плоскостей света (если существует такая штука, как плоскости света) пересекались между собой без всякой определенной системы. Биение усилилось до воя, раздирающего атмосферу, а плоскости света непрерывно то ли меняли форму, то ли менялись местами, так что корабль каждый миг представлялся иным, чем прежде.

Сначала корабль спускался быстро, потом стал тормозить — и все же продолжал падать — тяжело и целеустремленно — прямо на островок.

Дэниельс помимо воли съежился, подавленный этой массой небесного света и грома. Море, илистый берег и камни — все вокруг, даже при ярком солнце, засверкало от игры вспышек. Он зажмурился, защищая глаза, и тем не менее понял, что если корабль и коснется поверхности, то — можно не опасаться — сядет не на островок, а футах в ста, а то и ста пятидесяти от берега.

До поверхности моря оставалось совсем немного, когда исполинский корабль вдруг резко застопорил, повис и из-под плоскостей показался какой-то блестящий предмет

и упал, взметнув брызги, но не ушел под воду, а лег на илистую отмель, открыв взгляду почти всю верхнюю свою половину. Это был шар – ослепительно сверкающая сфера, о которую плескалась волна, и Дэниельсу почудилось, что плеск слышен даже сквозь оглушительные раскаты грома.

И тогда над пустынным миром, над грохотом корабля, над неотвязным плеском воды вознесся голос, печально бесстрастный, – нет, разумеется, это не мог быть голос, любой голос оказался бы сейчас слишком немоощным, чтобы передать слова. Но слова прозвучали, и не было даже тени сомнения в том, что они значили:

– *Итак, во исполнение воли великих и приговора суда, мы высылаем тебя на эту бесплодную планету и оставляем здесь в искренней надежде, что теперь у тебя достаточно времени и желания поразмыслить о содеянных преступлениях и в особенности о...* (тут последовали понятия, которые человеку не дано было постичь, – они как бы сливались в долгий невнятный гул, но самый этот гул или что-то в нем замораживало кровь в жилах и одновременно наполняло душу отвращением и ненавистью, каких Дэниельс в себе раньше не ведал). *Воистину достойно сожаления, что ты не подвержен смерти, ибо убить тебя, при всем нашем отвращении к убийству, было бы милосердней и точнее соответствовало бы нашей цели, каковая состоит в том, чтобы ты никогда более не мог вступить в контакт с жизнью любого вида и рода. Остается лишь надеяться, что здесь, за пределами самых дальних межзвездных путей, на этой не отмеченной на картах планете, наша цель будет достигнута. Однако мы налагаем на*

тебя еще и кару углубленного самоанализа, и если в какие-то непостижимо далекие времена ты по чьему-то неведению или по злему умыслу будешь освобожден, то все равно станешь вести себя иначе, дабы ни при каких условиях не подвергнуться вновь подобной участи. А теперь, в соответствии с законом, тебе разрешается произнести последнее слово – какое ты пожелаешь.

Голос умолк, и спустя секунду на смену ему пришел другой. Фраза, которую произнес этот новый голос, была сложнее, чем Дэниельс мог охватить, но смысл ее легко укладывался в три земных слова:

– Пропади вы пропадом!..

Грохот разросся, и корабль тронулся ввысь, в небо. Дэниельс следил за полетом, пока гром не замер вдали, а корабль не превратился в тусклую точку в синеве. Тогда он выпрямился во весь рост, но не сумел одолеть дрожь и слабость. Нашупал за спиной камень и снова сел.

И опять единственным в мире звуком остался шелест воды, набегающей на берег. Никакого плеска волны о блестящую сферу, лежащую в сотне футов от берега, слышно не было – это просто померещилось. Солнце нещадно пылало в небе, играло огнем на поверхности шара, и Дэниельс обнаружил, что ему опять не хватает воздуха.

Вне всякого сомнения, перед ним не мелководье, вернее, на илистой отмели, взбегающей к островку, находился тот, кого он привык называть «существом, замурованным в толще скал». Но каким же образом удалось ему, Дэниельсу, перенестись через сотни миллионов лет в тот ничтожный отрезок времени, который таил в себе ответы на все вопросы о том, что за разум погребен под пластами

известняка? Это не могло быть случайным совпадением – вероятность подобного совпадения настолько мала, что вообще не поддается расчету. Что, если он помимо воли выведаль у мерцающего призрака перед входом в пещеру гораздо больше, чем подозревал? Ведь их мысли, припомнил Дэниельс, встретились и слились, пусть на мгновение, но не произошло ли в это мгновение непроизвольной передачи знания? Знание укрылось в каком-то уголке мозга, а теперь пробудилось. Или он нечаянно привел в действие систему психического предупреждения, призванную отпугивать тех, кто вздумал бы освободить опального изгнанника?

А мерцающий призрак, выходит, ни при чем? Это еще как сказать... Что, если опальный узник – обитатель шара – воплощает сокровенное, неведомое судьям доброе начало? Иначе, как добром, не объяснить того, что призрак сумел пронести чувство долга и преданности сквозь неспешное течение геологических эр. Но тогда неизбежен еще один вопрос: что есть добро и что есть зло? Кому дано судить?

Впрочем, существование мерцающего призрака само по себе, пожалуй, ничего не доказывает. Ни одному человеку еще не удавалось пасть так низко, чтобы не нашлось пса, готового охранять хозяина и проводить хоть до могилы.

Куда удивительнее другое: что же такое стряслось с его собственной головой? Как и почему он сумел безошибочно выбрать в прошлом момент редчайшего происшествия? И какие новые способности, сногшибательные, неповторимые, ему еще предстоит открыть в себе? Далеко

ли они уведут его в движении к абсолютному знанию? И какова собственно цель этого движения?

Дэниельс сидел на камнях и тяжело дышал. Над ним пылало солнце, перед ним стелилось море, тихое и безмятежное, если не считать длинных складок, огибающих шар и бегущих к берегу. В грязи под ногами сновали крохотные козявки. Он вытер ладонь о брюки, пытаясь счистить клейкую зеленую пленку.

«Можно бы, — мелькнула мысль, — подойти поближе и рассмотреть шар как следует, пока его не засосало в ил...» Но нет, в такой атмосфере сто футов — слишком дальний путь, а главное — нельзя рисковать, нельзя подходить близко к будущей пещере, ведь рано или поздно предстоит перепрыгнуть обратно в свое время.

Хмелящая мысль — куда меня занесло! — мало-помалу потускнела, чувство полной своей неуместности в древней эпохе развеялось, и тогда выяснилось, что грязный плоский островок — царство изнурительной скуки. Глядеть было совершенно не на что, одно только небо, море да илистый берег. «Вот уж местечко, — подумал он, — где больше никогда ничего не случалось и не случится: корабль улетел, знаменательное событие подошло к концу...» Естественно, здесь и сейчас происходит многое, что даст себя знать в грядущем, но происходит тайно, исподволь, по большей части на дне этого мелководного моря. Снующие по берегу козявки и ослизлый налет на скалах — отважные в своем неразумии предвестники далеких дней — внушали, пожалуй, известное почтение, но приковать к себе внимания не могли.

От нечего делать Дэниельс принялся водить носком

ботинка по грязному берегу. Попытался вычертить какой-то узор, но на ботинок налипло столько грязи, что ни один узор не получался.

И вдруг он увидел, что уже не рисует по грязи, а шевелит носком опавшие листья — задеревеневшие, присыпанные снегом.

Солнца не стало. Все вокруг тонуло во тьме, только за стволами ниже по склону брезжил какой-то слабый свет. В лицо била бешеная снежная круговерть, и Дэниельс содрогнулся. Поспешно запахнул куртку, стал застегивать пуговицы. Подумалось, что эдак немудрено и заоченеть: слишком уж резким был переход от парной духоты илистого побережья к пронизывающим порывам вьюги.

Желтоватый свет за деревьями ниже по склону проступал все отчетливее, потом донеслись невнятные голоса. Что там происходит? Он уже понял, где находится, — примерно в ста футах над верхним краем утеса: но там, на утесе, не должно быть сейчас ни души, не должно быть и света.

Он сделал шаг под уклон — и остановился в нерешительности. Разве есть у него время спускаться к обрыву? Ему надо немедленно бежать домой. Скотина, облепленная снегом, скучилась у ворот, просится от бурана в хлев, ждет не дождется тепла и крыши над головой. Свиньи не кормлены, куры тоже не кормлены. Человек не вправе забывать про тех, кто живет на его попечении.

Однако там внизу — люди. Правда, у них есть фонари, но они почти на самой кромке утеса. Если эти олухи не поостерегутся, они запросто могут оскользнуться и сорваться вниз со стофудовой высоты. Почти наверняка

охотника за енотами, хотя какая же охота в такую ночь! Еноты давно попрятались по норам. Нет, кто бы ни были эти люди, надо спуститься и предупредить их.

Он прошел примерно полпути, когда кто-то подхватил фонарь, до того, по-видимому, стоявший на земле, и поднял над головой. Дэниельс разглядел лицо этого человека — и бросился бегом.

— Шериф, что вы здесь делаете?

Но еще не договорив, почувствовал, что знает ответ, знает едва ли не с той секунды, когда завидел огонь у обрыва.

— Кто там? — круто повернувшись, спросил шериф и наклонил фонарь, посылая луч в нужную сторону. — Дэниельс!.. — У шерифа перехватило дыхание. — Боже правый, где вы были, дружище?..

— Да вот, решил прогуляться немного, — промямлил Дэниельс. Объяснение, он и сам понимал, совершенно неудовлетворительное, но не прикажете ли сообщить шерифу, что он, Уоллес Дэниельс, сию минуту вернулся из путешествия во времени?

Черт бы вас побрал! — возмущенно отозвался шериф. — А мы-то ищем! Бен Адамс поднял переполох: заехал к вам на ферму и не застал вас дома. Для него не секрет, что вы вечно бродите по лесу, вот он и перепугался, что с вами что-то стряслось. И позвонил мне, а сам с сыновьями тоже кинулся на поиски. Мы боялись, что вы откуда-нибудь сверзились и что-нибудь себе поломали. В такую штормовую ночь без помощи долго не продержишься.

— А где Бен? — спросил Дэниельс.

Шериф махнул рукой, указывая еще ниже по склону, и

Дэниельс заметил двоих парней, вероятно сыновей Адамса: те закрепили веревку вокруг ствола и теперь вытравливали ее за край утеса.

— Он там, на веревке, — ответил шериф. — Осматривает пещеру. Решил почему-то, что вы могли залезть в пещеру.

— Ну что ж, у него было достаточно оснований... — начал Дэниельс, но досказать не успел: ночь взорвалась воплем ужаса. Вопль был безостановочный, резкий, назойливый, и шериф, сунув фонарь Дэниельсу, поспешил вниз.

«Трус, — подумал Дэниельс. — Подлая тварь — обрек другого на смерть, заточив в пещере, а потом наложил в штаны и побежал звонить шерифу, чтобы тот засвидетельствовал его благонамеренность. Самый что ни на есть отъявленный негодяй и трус...»

Вопль заглох, упав до стога. Шериф вцепился в веревку, ему помогал один из сыновей. Над обрывом показалась голова и плечи Адамса, шериф протянул руку и выволок его в безопасное место. Бен Адамс рухнул наземь, ни на секунду не прекращая стонать. Шериф рывком поднял его на ноги.

— Что с тобой, Бен?

— Там кто-то есть, — проскулил Адамс. — В пещере кто-то есть...

— Кто, черт побери? Кто там может быть? Кошка? Пантера?

— Я не разглядел. Просто понял, что там кто-то есть. Оно запряталось в глубине пещеры.

— Да откуда ему там взяться? Дерево кто-то спилил. Теперь туда никому не забраться.

– Ничего я не знаю, – всхлипывал Адамс. – Должно быть, оно сидело там еще до того, как спилили дерево. И попало в ловушку.

Один из сыновей поддержал Бена и дал шерифу возможность отойти. Другой вытягивал веревку и сматывал ее в аккуратную бухту.

– Еще вопрос, – сказал шериф. – Как тебе вообще пришло в голову, что Дэниельс залез в пещеру? Дерево спилили, а спуститься по веревке, как ты, он не мог – ведь там не было никакой веревки. Если бы он спускался по веревке, она бы там так и висела. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Ты валандаешься зачем-то в пещере, а Дэниельс выходит себе преспокойно из леса. Хотел бы я, чтобы кто-то из вас объяснил мне...

Тут Адамс, который плелся, спотыкаясь, в гору, наконец-то увидел Дэниельса и замер как вкопанный.

– Вы здесь? Откуда? – растерянно спросил он. – Мы тут с ног сбились... Ищем вас повсюду, а вы...

– Слушай, Бен, шел бы ты домой, – перебил шериф, уже не скрывая досады. – Пахнет все это более чем подозрительно. Не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело.

Дэниельс протянул руку к тому из сыновей, который сматывал веревку.

– По-моему, это моя.

В изумлении Адамс-младший отдал веревку, не возражив ни слова.

– Мы, пожалуй, срежем напрямую через лес, – заявил Бен. – Так нам гораздо ближе.

– Спокойной ночи, – бросил шериф. Вдвоем с Дэниельсом они продолжали не спеша подниматься в гору. –

Послушайте, Дэниельс, – догадался вдруг шериф, – нигде вы не прогуливались. Если бы вы и впрямь бродили по лесу в такую вьюгу, на вас налипло бы куда больше снега. А у вас вид, словно вы только что из дому.

– Ну, может, это и не вполне точно утверждать, что я прогуливался...

– Тогда, черт возьми, объясните мне, где вы все-таки были. Я не отказываюсь исполнять свой долг в меру своего разумения, но мне вовсе не улыбается, если меня при этом выставляют дурачком...

– Не могу я ничего объяснить, шериф. Очень сожалею, но, право, не могу.

– Ну ладно. А что с веревкой?

– Это моя веревка, – ответил Дэниельс. – Я потерял ее сегодня днем.

– И наверное, тоже не можете ничего толком объяснить.

– Да, пожалуй, тоже не могу.

– Знаете, – произнес шериф, – за последние годы у меня была пропасть неприятностей с Беном Адамсом. Не хотелось бы мне думать, что теперь у меня начнутся неприятности еще и с вами.

Они поднялись на холм и подошли к дому. Машина шерифа стояла у ворот на дороге.

– Не зайдете ли? – предложил Дэниельс. – У меня найдется что выпить.

Шериф покачал головой.

– Как-нибудь в другой раз, – сказал он. – Не исключено, что скоро. Думаете, там и вправду был кто-то в пещере? Или у Бена просто воображение разыгралось? Он у нас из пугливеньких...

– Может, там никого и не было, – ответил Дэниельс, – но если Бен решил, что кто-то есть, то не будем с ним спорить. Воображаемое может оказаться таким же реальным, как если бы оно встретилось вам наяву. У каждого из нас, шериф, в жизни есть спутники, видеть которых не дано никому, кроме нас самих.

Шериф кинул на него быстрый взгляд.

– Дэниельс, какая муха вас укусила? Какие такие спутники? Что вас гложет? Чего ради вы похоронили себя заживо в этой дремучей глуши? Что тут делается?..

Ответа он ждать не стал. Сел в машину, завел мотор и укатил.

Дэниельс стоял у дороги, наблюдая, как тают в круговороте метели гневные хвостовые огни. Все, что оставалось, – смущенно пожать плечами: шериф задал кучу вопросов и ни на один не потребовал ответа. Наверное, бывают вопросы, ответа на которые и знать не хочется.

Потом Дэниельс повернулся и побрел по заснеженной тропинке к дому. Сейчас бы чашечку кофе и что-нибудь перекусить – но сначала надо заняться хозяйством. Надо доить коров и кормить свиней. Куры потерпят до утра – все равно сегодня задавать им корм слишком поздно. А коровы, наверное, мерзнут у запертого хлева, мерзнут уже давно – и заставлять их мерзнуть дольше просто нечестно.

Он отворил дверь и шагнул в кухню.

Его ждали. Нечто сидело на столе, а быть может, висело над столом так низко, что казалось сидящим. Огня в очаге не было, в комнате стояла тьма – лишь существо искрилось.

– *Ты видел?* – осведомилось существо.

– Да, – ответил Дэниельс. – Я видел и слышал. И не знаю, что предпринять. Что есть добро и что есть зло? Кому дано судить, что есть добро и что есть зло?

– *Не тебе, – отозвалось существо. – И не мне. Я могу только ждать. Ждать и не терять надежды.*

«А, быть может, там, среди звезд, – подумал Дэниельс, – есть и такие, кому дано судить? Быть может, если слушать звезды – и не просто слушать, а пытаться вмешаться в разговор, пытаться ставить вопросы, то получишь ответ? Должна же существовать во Вселенной какая-то единая этика. Например, что-то вроде галактических заповедей. Пусть не десять, пусть лишь две или три – довольно и их...»

– Извини, я сейчас тороплюсь и не могу беседовать, – сказал он вслух. – У меня есть живность, я должен о ней позаботиться. Но ты не уходи. Попозже у нас найдется время потолковать.

Он пошарил по скамье у стены, отыскал фонарь, ощупью достал с полки спички. Зажег фонарь – слабое пламя разлило в центре темной комнаты лужицу света.

– *С тобой живут другие, о ком ты должен заботиться?* – осведомилось существо. – *Другие, не вполне такие же, как ты? Доверяющие тебе и не обладающие твоим разумом?*

– Наверное, можно сказать и так, – ответил Дэниельс. – Хотя, признаться, никогда до сих пор не слышал, чтобы к этому подходили с такой точки зрения.

– *А можно мне пойти с тобой?* – спросило существо. – *Мне только что пришло на ум, что во многих отношениях мы с тобой очень схожи.*

– Очень схо... – Дэниельс не договорил, фраза повисла в воздухе.

«А если это не пес? – спросил он себя. – Не преданный сторожевой пес, а пастух? И тот, под толщей скал, не хозяин, а отбившаяся от стада овца? Неужели мыслимо и такое?..»

Он даже протянул руку в сторону существа инстинктивным жестом взаимопонимания, но вовремя вспомнил, что притронуться не к чему. Тогда он просто поднял фонарь и направился к двери.

– Пошли, – бросил он через плечо.

И они двинулись вдвоем сквозь метель к хлеву, туда, где терпеливо ждали коровы.

ЗЕЛЕНый МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

После ленча я вернулся в контору, устроился поудобней, закинув ноги на стол, и принялся усердно думать над тем, как отвадить пса, который растаскивал мусор у меня из бака.

Вот уже несколько месяцев, как я воевал с этой животиной, и был готов прибегнуть к крайним мерам.

Я загородил мусорный бак тяжелыми бетонными плитами так, чтобы пес не мог его опрокинуть. Но кобель был здоровый: поднявшись на задние лапы, он вставал на бак и легко выгребал из него мусор. Я уже подумывал: не поставить ли небольшой лисий капкан, чтобы, когда пес сунет морду в бак, ему прищемило нос? Однако если так сделать, то как пить дать в какой-нибудь четверг утром забуду убрать капкан, и вместо собаки в него попадет мусорщик.

Я даже, хотя и не всерьез, подумывал провести к баку электропроводку, чтобы пса стукнуло разок током. Но, во-первых, я не знал, как эта проводка подводится, а потом, если и соображу, то десять шансов против одного, что бедняга не только испугается, он будет просто убит током, а убивать пса мне не хотелось.

Понимаете ли, я люблю всех собак. Это, конечно, не значит, что я должен любить их всех без разбора, не так ли? И если бы вам пришлось каждое утро вновь собирать мусор, то вы бы разозлились на этого остолопа не меньше моего.

Пока я размышлял над тем, нельзя ли в какой-нибудь особо аппетитный кусок выброшенных продуктов подсы-

пять чего-нибудь такого, от чего пес заболел бы, но не умер, зазвонил телефон.

Звонил Пит Скиннер из Экорнриджа.

– Вы не могли бы сейчас приехать ко мне? – спросил он.

– Мог бы, – ответил я. – Что у вас хорошего?

– Яма на сороковом участке.

– Выгребная?

– Нет. Похоже, кто-то ее выкопал и всю землю увез.

– Кто бы это мог сделать, Пит?

– Откуда я знаю? Но это еще не все? Возле ямы оставлена куча песка.

– Нет. Вы же прекрасно знаете, – заметил Пит, – что на участке нет песчаной почвы. Все, что есть у меня, так это чернозем.

– Хорошо, сейчас приеду, – сказал я и повесил трубку.

Мне, как окружному агенту по развитию сельского хозяйства, приходится выслушивать много всяких вздорных звонков, но этот превзошел все остальные. Чума у свиней, кукурузная совка, черви на плодовых деревьях, рекордные удои молока – все они относились к моей компетенции. Но яма на сороковом участке?! Извините!

Но мне все-таки сдается, что раз Пит позвонил именно нам в контору, а не кому-нибудь другому, то это следует принять как комплимент. Когда ты работаешь окружным агентом пятнадцать лет, то многие фермеры начинают верить в тебя и часть их, подобно Питу, считает, что ты можешь разрешить любое затруднение. А я, признаться, страсть как люблю похвалу, не в пример другим. Чего я не люблю, так это головную боль, которая приходит вместе со всякими затруднениями.

И я поехал к Скиннеру.

Его жена сказала, что он на сороковом участке, так что я направился туда и застал, кроме Пита, еще несколько соседей. Все они разглядывали яму и высказывали массу глупых предположений. Мне никогда до этого не доводилось видеть более озабоченной толпы людей.

Яма — почти идеальный конус — была диаметром не менее семи футов, а в глубину — почти десять, и совсем не походила на яму, которую копали лопатой и киркой: ее стенки были срезаны гладко, как фрезой, однако земля не была примята, как это обязательно случилось бы, будь для этого использована какая-нибудь машина.

Рядом с ямой лежала куча песка. Глядя на нее, я подумал, что если весь этот песок сгрести в яму, то он заполнил бы ее тюнелька в тюнельку.

Песок был самый белый из всех, какие мне только доводилось видеть: не просто чистый, а абсолютно стерильный — словно его промывали по крупинке.

Я постоял немного, уставившись с другими на яму и кучу песка, страстно желая, чтобы меня осенила какая-нибудь блестящая идея. Но увы, ничего интересного в голову не приходило. Вот яма, а вот песок. Верхний пахотный слой земли был мокрым, и на нем обязательно были бы видны следы колес или чего другого, если бы эти следы были. Но в том-то и дело, что их не было.

Я сказал Питу, что ему, быть может, лучше огородить все вокруг колючей проволокой: вдруг шериф или еще кто из штата или университета захочет взглянуть на эту штуку. Пит сказал, что мысль хорошая, и он это сделает немедленно.

Я вернулся на ферму Пита и попросил миссис Скиннер дать мне пару банок. Одну из них я наполнил песком, а другую с большими предосторожностями так, чтобы стенки ямы не осыпались, набил почвой из ямы.

Тем временем Пит с двумя соседями нагрузил фургон столбами, мотками колючей проволоки и привез их к яме. Я помог разгрузить фургон, а затем поехал назад в контору.

Там меня уже ожидало три человека. Я передал своей секретарше Милли банки и попросил ее послать их немедленно в почвоведческую лабораторию сельскохозяйственного колледжа штата, после чего занялся приемом граждан.

Было уже далеко за полдень, когда в мой кабинет вошла Милли.

— Вам звонил банкир Стивенс и просил заехать к нему по пути к дому.

— Что от меня нужно этому жирному борову? — спросил я, — Он же не фермер, а денег я у него не занимал.

— У него с цветами случилось что-то страшное, — сказала мне секретарша. — Он прямо убит горем.

По дороге домой я завернул к Стивенсу. Банкир уже ждал меня на улице. Вид у него был ужасный. Он повел меня за дом к большому цветнику, представлявшему печальное зрелище. В саду не осталось ни одного живого цветка. Все они погибли и, увядшие, валялись на грядках.

— От чего это могло произойти, Джо? — спросил Стивенс так, что его слова и тон, какими они были сказаны, вызвали во мне жалость.

В конце концов, эти цветы многое значили в его жизни.

Он выращивал их из особых семян, все время нянчился с ними, и они у него были высший сорт.

– Возможно, их опрыскивали каким-то химикатом, – заметил я.

Обойдя кругом сад, я пристально осмотрел увядшие цветы, но нигде не заметил следов ожогов, обычно оставляемые химикатами.

Затем я увидел маленькие ямки – сперва только две, а затем, осмотрев все вокруг, еще целую дюжину.

Диаметром в дюйм, ямки виднелись по всему саду, словно кто-то взял черенок лопаты и понатыкал дыр по всему участку. Опустившись на колени, я увидел, что ямки имели коническую форму – так образуются лунки, когда из грядок выдергивают растения с толстыми корешками.

– Вы что, недавно пропалывали сорняки? – спросил я Стивенса.

– Да, но не такие крупные, – отвечал банкир. – Вы, Джо, знаете, сколько сил и труда я вкладывал в эти цветы: поливал и разрыхлял землю, опрыскивал, вносил точно установленное количество минеральных удобрений в почву...

Я, слушая вполуха и не мешая ему выговориться, тем временем подобрал комочек земли и растер его пальцами. Это была совершенно высушенная земля, она рассыпалась от малейшего прикосновения.

– Вы давно поливали эту грядку? – спросил я.

– Вчера вечером, – ответил Стивенс.

– А когда вы увидели, что ваши цветы погибли?

– Сегодня утром. Вчера вечером они были в хорошем

состоянии, а сегодня... – И его глаза быстро заморгали от слез.

Я попросил у него стеклянную банку и наполнил ее почвой.

– Пошлем в лабораторию и посмотрим, что с ней случилось, – сказал я Стивенсу и, распрощавшись, ушел.

По дороге домой я увидел, как свора собак окружила что-то у ограды перед моим домом – собаки, как известно, любят гонять кошек. Я припарковал машину, взял черенок от старой мотыги и вышел на улицу спасти кота, которого собаки, видимо, загнали под изгородь.

При виде меня собаки разбежались, и я стал искать бедного кота под забором. Но там никого не оказалось, так что мое любопытство усилилось, и мне захотелось понять, на кого же тогда собаки напали. Итак, я продолжал поиски.

И нашел!

Оно лежало на земле под самыми нижними ветками живой изгороди, словно вползло туда в поисках укрытия.

Я протянул руку и вытащил его наружу: какой-то сорняк футов пять длиной, с очень странной корневой системой: восемь корней, каждый диаметром с дюйм у основания. Корни не перевивались, как обычно у растений, а были похожи на отростки по четыре в ряд на каждой стороне растения. Я осмотрел их внимательно и увидел, что корни не были отломаны, а имели тупые прочные кончики. Стебель у растения внизу был толщиной в кулак. От него отходили четыре крупные ветки, покрытые толстыми прочными мясистыми листьями, однако концы ветвей с фут

длинной были голыми. На верхушке имелось несколько мясистых завязей стручков. Самый крупный был похож на небольшой кофейник.

Сидя на корточках, я разглядывал растение, но чем больше смотрел, тем сильнее недоумевал. Мне, как окружному агенту по сельскому хозяйству, следует хоть немного знать ботанику, но это растение ни на что из виденного мною прежде не было похоже.

Я перетащил его через лужайку к сараю с инструментами и бросил там, решив заняться им посерьезней завтра утром. Затем направился домой, чтобы организовать ужин: поджарить бифштекс и приготовить тарелку зеленого салата.

Поев и вымыв посуду, я заглянул в справочник по ботанике: нет ли там каких-либо сведений, которые могли бы помочь определить, что это за растение я нашел?

Однако в справочнике ничего такого не оказалось. Перед тем как лечь в кровать, я взял карманный фонарик и вышел во двор, чтобы заглянуть в сарай, возможно, рассчитывая, что сорняк окажется каким-то другим, чем я его помню.

Открыв дверь сарая, я осветил фонариком то место, где бросил растение, но его там не оказалось. В одном из дальних углов послышался шелест листьев, и я направил луч света туда.

Мой сорняк переполз в угол и старался подняться — его ствол, прижавшись к стене сарая, изогнулся так, как человек изгибает спину, когда хочет подняться.

Стоя с раскрытым ртом и глядя, как сорняк старается выпрямиться и встать, я в первый момент оцепенел от ужаса, а затем кинулся в угол сарая и схватил топор.

Если бы тому удалось подняться, я, вероятно, изрубил бы его на куски. Но пока я стоял с топором в руке, я понял, что растение не может встать. И меня ничуть не удивило, когда оно свалилось на пол.

То, что я дальше сделал, было столь же неразумно и выполнено помимо моей воли, как инстинктивное хватание за топор.

Я отыскал старую ванну и наполнил ее водой. Затем подобрал с пола растение, почувствовав при этом, как оно начало извиваться, словно червь, и сунул его корнями в воду. Потом перетащил ванну к стенке сарая так, чтобы сорняк мог, держась за стенку, стоять прямо.

Вернувшись в дом, я перерыл два чулана, пока нашел кварцевую лампу, которую купил несколько лет назад, чтобы подлечить свой артрит плечевого сустава. Установив лампу, я направил свет на растение и, набрав полную пригоршню земли, высыпал ее в ванну. Вот и все, что я мог, по своим расчетам, сделать: дал растению воду, питание, искусственный свет. Я боялся, что если придумаю еще что-нибудь, то могу навредить, ибо понятия не имею, в каких условиях оно привыкло расти.

Но, кажется, все было правильно. Растение сразу же ожило и, пока я суетился, похожий на кофейник стручок на его верхушке поворачивался туда-сюда, следя за каждым моим шагом.

Некоторое время я наблюдал за ним, потом передвинул немного подальше кварцевую лампу, чтобы она не обожгла ему листья, и вернулся в дом.

Вот тут-то я действительно перепугался не на шутку. Я грешным делом испугался еще в сарае, но сейчас был про-

сто потрясен. Перебирая в памяти все заново, я начал понимать более четко, какого рода создание нашел под изгородью. Помнится, что я еще не был готов к тому, чтобы сказать об этом вслух, но, по всей вероятности, мой гость был разумным существом с другой планеты.

Каким образом он сюда попал, думалось мне, и не он ли понаделал ямок на цветочных клумбах у банкира Стивенса, и не связано ли все это с ямой на сороковом участке Пита Скиннера?

Я посидел немного в раздумье, ибо не пойдешь ведь так просто шнырять по чужому саду в полночь.

Но должен же я все выяснить!

Темным переулком я прошел на зады усадьбы Стивенса и полез в сад. Прикрыв фонарик шляпой, я еще раз осмотрел лунки на загубленных цветочных грядках. Меня не слишком удивило, что ямки встречаются группами по восемь штук: четыре на каждой стороне – точно такие же лунки оставило бы растение, находившееся в моем сарае, если его корнями воткнуть в землю.

Вернулся я к себе как раз вовремя, чтобы застать расшвыривающего мусор пса за работой. Он засунул голову прямо в бак, и мне удалось незаметно подкрасться. Учув меня, он попытался выпрыгнуть из бака, но еще больше застрял в нем. Прежде чем ему удалось высвободиться, я наградил его таким пинком в одно наиболее подходящее место, что, получив соответствующее ускорение, пес, надо полагать, установил новый мировой рекорд скорости среди собак.

Я подошел к сараю и открыл дверь. Ванна, полная мутной воды, оставалась на месте, кварцевая лампа горела

по-прежнему, но само растение исчезло. Я оглядел сарай, но нигде его не увидел. Тогда я выдернул из розетки шнур и направился к дому.

Сказать по правде, я почувствовал облегчение оттого, что мой гость ушел. Но когда я завернул за угол дома, то увидел, что это не так — растение стояло в оконном цветочном ящике, и герани, которые я выращивал всю весну, безжизненно свисали по краям ящика.

Я стоял и смотрел на растение, и у меня было такое ощущение, будто оно также смотрит на меня. И тут я подумал, что ему пришлось не только пройти от сарая до дома, а потом взобраться в цветочный ящик на окне, но надо было еще открыть запертую дверь сарая и запереть ее снова.

Растение стояло твердо и прямо и, как видимо, находилось в полном здравии. В цветочном ящике у окна оно выглядело столь же нелепо, как если бы кто-то вырастил там кукурузу, хотя растение ничем не напоминало кукурузный стебель.

Взяв ведро воды и вылив его в цветочный ящик, я вдруг почувствовал, как кто-то хлопнул меня по затылку, и поднял глаза — надо мною склонилось растение и одобрительно хлопало меня одной из веток, мягкий лист на конце которой вытянулся так, что стал похож на кисть руки.

Я зашел в дом и свалился на кровать. Размышляя над случившимся, я главным образом думал о том, что если растение станет мне очень досаждать или окажется опасным, то все, что нужно сделать, так это смешать сильную дозу какого-нибудь минерального удобрения, мышьяка

или чего-то столь же смертельного и напоить его этой дрянью.

Хотите верьте, хотите нет, но я уснул спокойно.

На следующее утро после завтрака я вышел во двор, чтобы посмотреть на растеньице и, может быть запереть его на весь день в гараже, где замки получше, но ни на подоконнике, ни в каком другом месте его не оказалось. А поскольку день был субботний, когда в город наезжают фермеры, многие из которых наверняка решат заглянуть ко мне в контору, то я поспешил на работу.

Весь день я занимался делами и не имел ни минуты свободного времени, чтобы подумать или поволноваться, но когда занялся упаковкой образцов почвы из сада банкира Стивенса, чтобы послать их на анализ в лабораторию, то мне подумалось, а не следует ли известить кого-нибудь в Вашингтоне о моем растении, но не знал, с кем там связаться и в какое министерство обратиться.

Вернувшись домой, я нашел растение на огороде, где оно стояло на маленькой грядке редиса. Хотя несколько листьев завяли, в остальном все вокруг было в полном порядке. Я бросил добрый взгляд на растение, и оно помахало мне парой своих веток – нет, не думайте, то не ветер их пошевелил, ибо никакого ветра не было, – затем кивнуло своим кофейным стручком, как бы давая понять, что узнало меня.

После ужина я обшарил изгородь перед домом и нашел еще два таких растения, но оба были мертвы. Поскольку мой ближайший сосед ушел в кино, то я осмотрел также и его участок и нашел еще четыре растения в одном из укромных уголков под кустами, куда они заползли, чтобы спокойно умереть.

Я все понял: семь этих растений выбрали цветочные грядки банкира Стивенса себе на завтрак, но минеральные удобрения, которые он применял, погубили их всех, кроме одного. Этот единственный оставшийся в живых пришелец как-то добрался до моего участка.

Я спрашивал себя, почему редис, герань на окне, цветы в саду Стивенса среагировали таким вот образом. Быть может, эти растения-пришельцы вырабатывают какой-то яд, который впрыскивают затем в почву, чтобы другие травы и деревья не могли расти там, где поселились они. Такое предположение не лишено оснований. Ведь есть же на Земле деревья и травы, которые проделывают точно такую же операцию различными способами. Или, возможно, пришельцы высасывают из почвы всю влагу и питательные вещества так, что другим ничего не остается и они погибают от голода?

Если они прибыли с другой планеты, то должны были прилететь на каком-то корабле. Так что яма на сороковом участке у Пита образовалась там, где пришельцы приземлились, чтобы возобновить запас пищи, оставив рядом с ямой равное количество отходов.

А эти семь, как они очутились здесь? Бросили корабль, спасаясь от опасности, как моряки, терпящие бедствие?

Корабль, наверное, искал пропавших членов экипажа и, не найдя их, улетел. Если это так, тогда мое растение – единственный оставшийся на Земле пришелец. Но, может быть корабль все еще продолжает поиски?

Я сильно устал, размышляя над всеми этими вопросами, и завалился пораньше спать, однако долго еще лежал без сна, беспокойно ворочаясь. Но в тот самый момент,

когда на меня напал сон, услышал, как у мусорного бака опять завозился пес. Думаете, после того, что случилось с ним накануне, он решил избегать мой двор? Не на того напали! Он как ни в чем не бывало гремел и стучал по баку, стараясь опрокинуть его и выпотрошить.

Схватив с кухонной плиты кастрюлю с ручкой, я открыл заднюю дверь и бросил кастрюлей в него, но промахнулся на добрых три метра. Это меня так раздосадовало, что я даже не захотел пойти и подобрать кастрюлю. Я просто вернулся и снова лег спать.

Прошло порядочно времени, когда меня внезапно поднял с постели визг смертельно перепуганной собаки. Я вскочил на ноги и бросился к окну.

В свете луны пес мчался по садовой дорожке так, словно за ним гнались черти. Следом на всех парусах летело растение-гость. Оно схватило одной веткой бедного пса за хвост, а оставшимися тремя надавало ему жару.

Они выскочили на улицу и скрылись из виду, но долго еще в окрестностях раздавался собачий визг. Спустя некоторое время я увидел, как растение ступило на усыпанную гравием дорожку сада и зашагало, словно большое насекомое, на своих восьми корнях.

Свернув с дорожки, растение пристроилось возле куста сирени и, как видно, расположилось на ночь. Если во всем происходящем и нет ничего хорошего, решил я, то, по крайней мере, мусорный бак теперь будет вне опасности — если пес еще раз попробует вернуться, мой гость всегда готов задать ему трепку.

Долго я лежал с открытыми глазами, силясь понять, как это растение догадалось, что я не хочу, чтобы пес рыл-

ся у меня в баке с мусором. Вероятно, оно видело – если это надлежащее слово, – как я гнал разбойника со двора.

Я уснул с приятным чувством, что наконец-то мы с растением начали понимать друг друга.

На следующий день было воскресенье, и я занялся оранжереей, чтобы привести ее в порядок и посадить туда прищельца, который пока что отыскивал для себя на огороде солнечное местечко и притворился большим, особенно неприглядным сорняком, который я поленился раньше выполоть.

Во время работы ко мне подошел сосед, чтобы дать бесплатный совет, а потом долго стоял и мялся, и по всему было видно: ему хочется еще что-то сказать мне, но он не решается.

– Странное дело, – наконец выпалил он, – но моя Дженни клянется, что видела, как какое-то небольшое деревце расхаживает у тебя по двору. Мой мальчишка также видел его и говорит, что оно гналось за ним. – Сосед, смущенно хихикнув, закончил: – Дети есть дети, как ты понимаешь.

– Да, конечно, – подтвердил я.

Постояв еще немного и дав мне пару каких-то советов, сосед ушел к себе.

Меня встревожили его слова. Если растение в самом деле гоняется за детьми, то хлопот не оберешься.

Весь день напролет я работал в оранжерее, но нужно было так много сделать, ибо ею не пользовались почти десять лет, что к вечеру я устал до чертиков.

Поужинав, я вышел на заднее крыльцо и уселся на ступеньки посмотреть на звезды. Тишь да гладь стояла во круг.

Не прошло и четверти часа, как до меня донесся шелест листьев. Я оглянулся и увидел растеньице, которое вышло из сада на своих корнях и подошло ко мне. Оно как будто опустилось со мной на ступеньки, и мы сидели вдвоем и смотрели на звезды.

Немного погодя растеньице протянуло одну из своих веток и взяло меня под руку своим похожим на ладонь листом.

Я слегка вздрогнул, но оно коснулось меня столь деликатно, что я остался спокойно сидеть, решив, что если уж нам приходится жить вдвоем, то незачем избегать друг друга.

Спустя некоторое время я начал постепенно ощущать, как на меня накатываются волны благодарности, словно растеньице хотело мне сказать «спасибо».

Слова, сами понимаете, не произносились. Растеньице, кроме как шелестеть листьями, других звуков издавать не могло, однако я понял, что существует какая-то система общения без помощи слов, а чувствами – глубокими, чистыми, крайне искренними.

Наконец такое беспрерывное излияние благодарности стало несколько смущать меня.

– Ну, хватит, хватит, – сказал я, стараясь положить конец этому. – Вы бы то же самое сделали для меня.

Каким-то образом растение, должно быть, почувствовало, что его признательность понята и воспринята, так как чувство благодарности немного ослабло и вместо него возобладало другое – ощущение мира и спокойствия.

Растеньице поднялось и пошло прочь, но я окликнул его.

– Эй, погоди минутку!

Оно, видимо, поняло и вернулось. Я взял его за ветку и повел вдоль границ своего участка, стараясь как можно усердней внушить, чтобы оно не выходило за изгородь.

К концу этой передачи мыслей я был весь мокрый от чрезмерного напряжения. Но в конце концов растение сказало нечто вроде «о'кей!». Тогда я нарисовал в уме картину, как оно гонялось за мальчишкой, и мысленно пригрозил пальцем. Растение согласилось. Затем я попробовал сказать ему, чтобы оно не ходило средь бела дня по двору, когда люди могут увидеть. Не знаю, то ли это наставление было труднее понять, то ли я уже устал, но мы оба выдохлись до конца, прежде чем растеньице показало, что поняло меня. Лежа в кровати, я долго размышлял над проблемой общения. По-видимому, это была не телепатия, но что-то также основанное на мысленных образах и эмоциях. Я уснул, радуясь мысли, что мой дом и сад станут школой для инопланетянина.

На следующий день мне позвонили из почвоведческой лаборатории сельскохозяйственного колледжа.

– Что это за дрянь вы нам прислали? – спросил знакомый голос.

– Образцы почвы, – ответил я слегка обескураженно. – А чем они вам не нравятся?

– С образцом номер один – полный порядок. Это обычная для округа Бартон почва. А вот образец номер два – песок, причем не простой, а в смеси с блестками золота, серебра и меди. Все частицы, разумеется, очень мелкие. Но если у какого-то фермера в вашем округе такого песка целая шахта, то он может считать себя миллионером.

— Ну, у него этого песка самое большее пять вагонеток.

— А где он его взял?

Глубоко вздохнув, я рассказал все, что мне было известно о происшествии на сороковом участке Пита.

Ученый-почвовед сказал, что они сейчас приедут к нам, но прежде чем он повесил трубку, я спросил его насчет третьего образца с участка банкира Стивенса.

— Что он выращивал на этой земле? — спросили меня на другом конце провода озадаченно. — Насколько мы понимаем, она абсолютно истощена. Скажите ему, пусть прежде, чем что-нибудь сеять на ней, внесет как можно больше органических удобрений и все необходимое, чтобы земля вновь стала плодородной.

Почвовед приехал на участок Пита вместе с тремя другими учеными из колледжа. Чуть позже, на неделе, после того, как газеты под крупными заголовками протрубили на всю страну об этом инциденте, прикатила парочка господ из Вашингтона. Однако они, как видно, ничего не могли понять из случившегося, так что в конце концов отчалили обратно. Газеты еще немного пожевали эту тему, но вскоре бросили ее.

За это время масса любопытных посетила ферму Пита, чтобы собственными глазами посмотреть на яму и песок. Они растащили больше половины кучи и довели Пита до бешенства.

— Я решил засыпать эту яму — и дело с концом, — заявил он мне, что и сделал немедленно.

Тем временем в моем доме положение все более улучшалось. Растеньице, кажется, поняло мое предупреждение не выходить со двора, вело себя как и подобает растению

днем и оставило детей в покое: пусть играют себе на здоровье на моем дворе, если это им так нравится. Но самым прекрасным было то, что пес, совершавший набег на бак с мусором, больше ни разу не появился.

Много раз, пока продолжался ажиотаж вокруг ямы у Пита, мне страсть как хотелось рассказать кому-нибудь из ученых о моем госте, но каждый раз я откладывал, потому что мы с ним мало продвинулись по части преодоления языкового барьера. Правда, в других отношениях мы ладили отлично.

Я предоставил как-то раз пришельцу возможность посмотреть, как разбирается, а затем вновь собирается электромотор, но был не слишком уверен, что он понял что-либо. Я пытался объяснить ему, что такое механическая сила, и показал, как мотор эту силу производит; попробовал рассказать немного об электричестве, электронах и протонах, однако быстро запутался, так как сам очень мало что смыслил во всем этом. Сказать по совести, я не думаю, чтобы растеньице поняло хоть что-либо по части электрических двигателей.

Зато с автомобильным мотором мы добились успеха. Затратив целое воскресенье, мы его разобрали на части, а затем снова собрали. Следя за моими действиями, растеньице, кажется, заинтересовалось мотором всерьез.

День был жарким, а дверь в гараже нам пришлось держать на запоре, и я грешным делом предпочел бы потратить воскресенье на рыбалку, а не на разборку грязного, в мазуте, двигателя. Десятки раз я задавал себе вопрос: «Стоит ли вообще заниматься этим делом и нет ли каких-то более легких методов ознакомления моего гостя с фактами нашей земной жизни?»

Я так устал за воскресенье, что в понедельник утром не расслышал будильника и проснулся на час позже, чем нужно. Быстро натянув на себя рубашку и штаны, я кинулся к гаражу — дверь оказалась открытой, а внутри находилось растение. Оно разбросало по всему полу части двигателя и продолжало, радо-радехонько, трудиться над моей автомашиной. Я чуть было не набросился на него с топором, но вовремя сдержался. Заперев дверь гаража, я пошел на работу пешком.

Весь день меня мучил вопрос, каким образом пришелец попал в гараж. Может, он проник туда вечером заранее, когда я отвлекся, или же он умеет открывать замки отмычкой. Я также спрашивал себя, в каком состоянии окажется машина к моему приходу, и уже ясно представлял, как работаю в гараже допоздна, собирая ее.

Я ушел с работы на час пораньше, решив, что если уж мне нужно возиться с машиной, то лучше начать поскорей.

Придя домой, я увидел, что мотор собран, а пришелец стоит в огороде, изображая собой сорняк. Значит, он умеет открывать замки — ведь я, уходя на работу, гараж запер.

Держа пари сам с собой, что мотор не заведется, я включил зажигание. Однако двигатель заработал вполне нормально. Я проехал по улице, чтобы проверить машину — она оказалась в полном порядке.

Для следующего занятия я постарался найти что-нибудь попроще. Я достал столярный инструмент, показал его моему гостю и дал возможность посмотреть, как я буду делать птичью клетку. Не то чтоб мне очень нужна была такая клетка — в доме их имелось достаточно, — но я по-

лагал, что так мне будет легче и проще показать, как мы работаем по дереву.

Растение внимательно следило за мной, но, мне показалось, было чем-то недовольно. Положив руку на ветку, я спросил в чем дело, но в ответ получил угрюмое молчание.

Я был озадачен. Почему растеньице проявило самый живой интерес при разборке мотора, а тут, когда я стал делать птичью клетку, опечалилось? Я не мог догадаться до тех пор пока несколько дней спустя мой гость не застал меня за срезанием цветов для моей вазы в столовой.

И тогда он ударил меня.

Растение есть растение, а цветы тоже являются растениями. Да и доски тоже когда-то были растениями. Я стоял в саду с подрагивающим в руке букетом, а пришелец смотрел на меня, и я подумал о всех тех потрясениях, которые его ожидают, когда он получше узнает нас: как мы вырубаем леса, выращиваем растения на корм и одежду, выжимаем из них соки и извлекаем лекарства. Как я понял, растеньице во всем напоминало человека, который попал на другую планету и увидел там, как некоторая форма выращивает людей себе на корм.

Растеньице, казалось, не разозлилось и не убежало от меня в ужасе. Оно просто опечалилось, а когда оно печалилось, то становилось самым печальным существом, какое вы только можете себе представить. По сравнению с ним пропойца с похмелья выглядит наверняка веселей.

Если мы когда-нибудь доживем до такого момента, когда действительно сможем разговаривать друг с другом (я имею в виду беседы о таких вещах, как мораль, этика, фи-

лософия), я тогда узнаю, какие чувства испытывает мой гость к нашей потребляющей растения цивилизации. Он наверняка пытался рассказать мне об этом, но я не сумел понять многое из того, на что он намекал.

Как-то раз вечером мы сидели на ступеньках крыльца и глядели на звезды. Еще раньше пришелец показал мне свою родную планету, а может быть одну из планет, которую он посетил, – не знаю. Все, что я уловил тогда, состояло из каких-то смутных образов. Одно место казалось горячим и красным, другое – холодным и голубым. Было еще одно, третье. Окрашенное во все цвета радуги, оно вызывало в душе спокойное, чуть радостное чувство, словно там веял нежный, прохладный ветерок, журчали фонтаны и в легком сумраке пели птицы.

Мы уже долго сидели на крыльце, когда вдруг мой гость положил свою ветку на мое плечо и мысленно показал какое-то растение. Должно быть, ему приходилось делать значительные усилия, чтобы дать мне его визуальное изображение, ибо картина была четкой и ясной. Растение было тощим, поникшим и выглядело, если такое возможно, еще более печальным и грустным, чем мое, когда оно впадало в печаль. Я проникся жалостью, и тогда мой гость начал думать о доброте, а когда он думает о таких вещах, как доброта и печаль, благодарность и счастье, то прямо изливается ими.

Пришелец вызвал во мне столько возвышенных, благородных мыслей, что я боялся, что меня разорвет на части.

И пока я сидел на крыльце, размышляя об этом, то мысленно увидел, как бедное растение начало понемногу оживать и расти, а потом расцвело и превратилось в са-

мый красивый цветок, который мне только доводилось когда-либо видеть. Семена созрели, и растеньице рассыпало их. Мгновенно из семян проросли совсем маленькие растеньица, тоже полные жизни.

Несколько дней я ходил сам не свой под впечатлением виденного, спрашивая себя, уж не схожу ли с ума. Я пробовал избавиться от этого наваждения, но не мог — картина навела меня на одну идею, и единственный способ, каким я мог избавиться от нее, — это проверить ее правильность на практике.

Возле сарая с инструментом росла желтая роза — самая печальная и жалкая из всех роз в городе. Зачем она год за годом цеплялась за жизнь, я не мог понять. Она росла там, когда я еще был мальчишкой. Единственная причина, почему ее давным-давно не выбросили, заключалась в том, что никому не нужен был тот клочок земли, на котором она росла.

Я решил, что если какое-то растение нуждается в моральной помощи, так это желтая роза.

Итак, я тайком, чтобы прищелец меня не заметил, пробрался к сараю и встал перед розой. Я начал думать о ней добрые мысли, хотя одному Богу известно, как трудно думать доброжелательно о таком жалком кустике. Я чувствовал себя дураком и надеялся, что никто из моих соседей не увидит моих упражнений, но продолжал свое. Кажется, на первый раз я достиг немногого, но раз за разом возвращался к розе. Примерно через неделю я дошел до того, что в самом деле полюбил этот цветок.

А еще через четыре дня заметил на ней некоторые перемены. К концу второй недели роза из тощего жалкого

куста превратилась в цветок, который любой любитель роз был бы горд иметь в своем саду. Роза сбросила все изъеденные червями листья и выпустила новые, которые казались такими блестящими, словно их навозили. Затем появились крупные цветочные почки, и вскоре куст весь засиял в желтом ореоле.

Однако я не совсем поверил первому опыту. Где-то в глубине души я подозревал, что пришелец видел мои упражнения и слегка помог мне, и я решил проверить свою теорию еще раз там, где мой гость не мог помешать.

В нашей конторе Милли вот уже два года старалась вырастить африканскую фиалку и к описываемому мною моменту уже готова была признать свое поражение. Я часто отпускал шутки насчет этой фиалки, так что иногда моя секретарша даже дулась на меня. Подобно желтой розе, это было несчастнейшее из растений. Его поедали насекомые, Милли часто забывала его полить, цветок не раз роняли на пол, а посетители использовали горшок в качестве пепельницы.

Я, естественно, не мог дать фиалке такой интенсивный курс лечения, как розе, но взял за правило ежедневно оставаться на несколько минут возле окна и думать о ней по-доброму. Через пару недель фиалка стала выпрямляться и крепнуть, а к концу месяца расцвела впервые за свою жизнь.

Тем временем курс обучения пришельца продолжался.

Вначале он отказывался входить в дом, но в конце концов достаточно поверил мне, чтобы войти в комнаты. Однако он не любил проводить много времени в закрытом помещении, так как дом был чересчур переполнен напо-

минанием о том, что наша цивилизация – цивилизация, потребляющая растения. Мебель, одежда, крупы, бумага, даже сам дом – все было сделано из растений. Я достал старую кадку, наполнил ее землей и поставил в углу столовой, но я не помню, чтобы он хоть раз воспользовался ею.

Хотя тогда я и мысли не допускал об этом, но понимал, что все, что мы с пришельцем делаем, – все обречено на провал. Сумел бы кто-то сделать лучше или нет – не знаю. Думаю, что сумел бы. Но лично я не знал, с кем и как начать разговор об этом, так как боялся, что меня высмеют. Ужасно, как мы, люди, боимся показаться смешными.

Кроме того, надо было считаться и с гостем. Что бы он подумал, если бы я вдруг отдал его кому-то? Я не раз подбивал себя на то, чтобы предпринять какие-то конкретные шаги, но тут из сада выходило растение, усаживалось рядом со мной на ступеньки, и мы начинали беседу – ни о чем, по сути, конкретном, а о счастье и горе, о братстве и воле, и моя решимость постепенно улетучивалась.

С тех пор я часто думаю, насколько мы с ним, наверное, походим на двух затерявшихся детей – незнакомых, выросших в разных странах, – которым очень хотелось бы поиграть вместе, но ни один не понимал ни правил игры другого, ни языка.

Знаю, знаю! Вы скажете, что надо было начинать с математики. Вы показываете инопланетянину, что дважды два – четыре. Затем рисуете Солнечную систему и показываете на чертеже Солнце, а затем тычете пальцем на светило в небе, потом показываете на рисунке Землю и показываете на себя и на пол. Таким образом даете ему знать, что вам известно о Солнечной системе, о космосе,

звездах и так далее. Затем вы вручаете ему карандаш и бумагу, чтобы он нарисовал звездную карту родного неба, свою солнечную систему и ту планету, откуда он прилетел.

Но что, если он не знает математики? Что, если выражение «два плюс два равно четырем» для него ничего ровным счетом не означает? Что, если он не умеет чертить или видеть, слышать, чувствовать и думать так, как это делаем мы?

Чтобы иметь дело с пришельцами из другого мира, надо иметь какую-то первооснову.

Но, может быть, математика не есть такая первооснова?

Чертежи также?

В этом случае надо искать что-то другое.

Ведь должны же быть какие-то определенные, всеобщие, универсальные первоосновы.

Думаю, что я знаю, каковы они.

Если уж ничему другому, то этому растеньице научило меня.

Счастье — вот первооснова. И горе — первооснова. И благодарность, возможно, в чуть меньшей степени. И доброта. И, вероятно, ненависть — хотя мы с моим гостем никогда не имели с ней дела.

Быть может, братство.

Но доброта, счастье и братство — инструменты, не очень удобные в обращении, когда хотят добиться понимания по какому-то конкретному вопросу, хотя в мире растений это может быть не так.

Приближалась осень, и я начал подумывать, как устроиться с моим гостем на зиму. Разумеется, я мог бы его

держат в доме, но он не любил бывать в закрытом помещении.

Как-то вечером мы сидели вдвоем на ступеньках заднего крыльца, слушая первых сверчков за сезон.

Корабль спустился бесшумно. Я заметил его только тогда, когда он оказался на уровне деревьев. Он опустился вниз и приземлился как раз между моим домом и сараем.

Я слегка вздрогнул, но не испугался и, кажется, не очень удивился. Где-то в глубине души я все время интересовался: неужели товарищи и собратья растеньица так и не разыщут его в конце концов?

Корабль весь светился мерцающим светом. Из него вышли три растеньица, но странная вещь — ни дверей, ни люков не было, и растеньица как бы вышли из него сквозь стены, и они снова закрылись за ними.

Мое растеньице взяло меня за руку и потянуло слегка за собой, показывая, что хочет войти вместе со мной на корабль. Чтобы успокоить меня, оно начало изливаться на меня мирные успокаивающие мысли. И все время, пока это продолжалось, я слушал разговор между моим растеньицем и тремя вновь прибывшими, но улавливал только какие-то неясные обрывки их беседы, едва ли осознавая, что ведется разговор, и, уж конечно, не понимая, о чем они говорят.

Потом мое растеньице встало рядом со мной, а трое сошедших с корабля подошли поближе. Они по очереди брали меня за руку и некоторое время смотрели на меня, благодаря за помощь и желая счастья.

То же самое сказала мое растеньице, а затем они вчетвером направились к кораблю и скрылись в нем.

Я стоял и смотрел, как корабль медленно уходит в

ночь, до тех пор, пока он не исчез из виду. И чувства благодарности и счастья постепенно меркли во мне, уступая чувству одиночества и печали.

Я понял, что где-то там, наверху, есть большой корабль-матка, что в нем много других растений, одно из которых жило со мной почти полгода, тогда как другие шесть его товарищей умерли под забором по соседству.

Я понял также, что это корабль-матка вычерпала плодородную землю с участка Пита Скиннера.

Наконец я перестал смотреть на небо. За сараем я увидел красоту желтой розы в цвету и опять подумал о первоосновах общения живых существ.

Я хотел знать, уж не используются ли счастье и доброта, а быть может, даже такие чувства, о которых мы, люди, еще не знаем, в мире растений так, как мы используем науки?

Ведь расцвел же розовый куст, когда я стал думать по-доброму о нем. А африканская фиалка? Разве она не обрела новую жизнь в человеческой доброте?

Вам это может показаться удивительной несуразицей, но такой феномен не так уж нов или неизвестен. Есть люди, которые умеют получить с грядки или сада все, что захотят. О таких говорят, что у них дома живет зеленый помощник — мальчик с пальчик.

И, может быть, наличие зеленого помощника, мальчика с пальчик, зависит не столько от умения или трудов, вкладываемых в растения, сколько от доброты и интереса, проявляемого к ним человеком?

В течение многих веков растительная жизнь на нашей планете воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Все было легко и просто. В целом растениям уде-

лялось мало любви. Их сажали или сеяли. Они росли. В должное время с них снимали урожай.

Иногда я спрашивал себя: «А что, когда голод сожмет нашу перенаселенную планету в своих тисках, разве тогда не появится крайняя нужда в раскрытии секрета садоводческого искусства, тайны зеленого мальчика с пальчик?»

Если доброта и любовь могут побудить растения производить в несколько раз больше обычной нормы, то неужели мы не возьмем доброту в качестве орудия, с помощью которого можно спасти Землю от голода?

Во сколько раз больше можно получить зерна, если фермер, полюбит, скажем, выращиваемую пшеницу?»

Конечно, такой простой принцип вряд ли получит одобрение.

Во всяком случае, он не сработает, не сработает в потребляющем растения обществе.

Ибо как можно сохранить у растения убеждение, что вы его любите и испытываете к нему добрые чувства, когда из года в год доказываете, что ваш единственный интерес к нему сводится к тому, чтобы или съесть его, или сделать из него одежду, или срубить на дрова.

Я прошел за сарай и встал возле желтой розы, стараясь найти ответ. Роза разволновалась подобно красивой женщине, которая знает, что ею восхищаются, однако никаких чувств от нее не исходило.

Благодарность и счастье исчезли, растворились. И ничего не осталось, кроме чувства тоски и одиночества.

Вот собачьи дети эти растительные пришельцы – травили человека так, что он теперь не может спокойно съесть кашу на завтрак!

ЗЕМЛЯ ОСЕНИ

Он сидел на веранде в качалке, и, когда кресло раскачивалось, доски под ним поскрипывали. В доме напротив пожилая седовласая женщина подстригала кустики хризантем. В просветах между старыми домами вдалеке виднелись деревья и пустырь. На землю нежной синевой легло бабье лето. Деревушка была тихой и спокойной – такой тихой и спокойной, какими бывают старые деревушки скорее в мечтах, чем в реальной жизни. Еще рано было для старика соседа, который каждый вечер брел по тротуару, ощупывая тростью заросшие травой кирпичи. Он не слышал и детей, обычно затевавших возню вдалеке, когда падали сумерки. Впрочем, слышал ли он их прежде? Он не всегда прислушивался к ним.

Книга была под рукой, но читать не хотелось. Можно было выйти на задний двор, снова взять лопату и грабли и вскопать грядки, но стоило ли готовить семена к весне, которая никогда не придет сюда? Раньше, еще до того, как он узнал правду об этих местах, об осени и весне, он напоминал о семенах Молочнику, а тот очень смущался.

Он миновал все эти зачарованные мили, в горечи бросив свой мир. В первые дни своей жизни здесь он был удовлетворен возможностью жить ничего не делая – быть первосортным бездельником, не ощущая при этом ни вины, ни стыда, и не заниматься абсолютно ничем, точнее, абсолютно ничем из того, чем обычно бывает занят человек.

Он брел тогда по улице в тишине и золоте солнечного света, и первым, кого он встретил, была старушка – та, что

жила напротив. Она стояла у открытой калитки, будто ждала его, и сказала: долгие месяцы – вы первый, кто пришел жить к нам. Нынче приходят немногие. Ваш дом напротив моего, и я надеюсь, мы будем хорошими соседями.

Он хотел снять шляпу и поднял руку, но вспомнил, что шляпы у него нет.

– Меня зовут Нельсон Рэнд, – сказал он, – Я инженер. Попытаюсь стать достойным соседом.

Он заметил, как старушка подтянулась при этих словах. Несмотря на то, что она была седой и сгорбленной, в ней чувствовалась какая-то успокаивающая приветливость.

– Заходите, пожалуйста, – предложила она. – Попробуйте мою стряпню и лимонад. У меня гости, но я не буду знакомить их с вами.

Он ждал, что старушка объяснит, почему не представит его, но объяснения не последовало, и пошел за ней по разрушенным временем кирпичам дорожки среди клумб с астрами и хризантемами.

В большой гостиной с высокими потолками, со скамеечками в пролетах окон, с громоздкой старинной мебелью и пылающим камином стоял у огня маленький столик. Хозяйка пригласила Рэнда садиться, а сама, сев напротив, налила лимонаду и придвинула гостю тарелку со стряпней.

– Не обращайтесь на них внимания, – сказала она. – Все они до смерти хотят познакомиться с вами, но я не стану им потакать.

Не обращать внимания на гостей было проще простого, потому что в комнате не было ни одного человека.

– Майору, что облокотился вон там на камин, – сказала хозяйка, – не нравится мой лимонад. Ему по вкусу более крепкие напитки. Прошу вас, мистер Рэнд, попробуйте лимонаду. Уверяю вас, он хороший. Я сама готовлю его. У меня нет ни служанки, ни кухарки. Я живу совсем одна и страшно довольна этим, а мои друзья заглядывают ко мне порой даже чаще, чем хотелось бы.

Он попробовал лимонад не без опаски, и его удивило, что это действительно был лимонад, и даже по-настоящему хороший; такой лимонад он пил мальчишкой на праздниках 4 июля да на школьных пикниках и с тех пор никогда больше не пробовал.

– Превосходный лимонад, – одобрил он.

– Женщина в синем, что сидит у окна, – продолжала хозяйка, – живет здесь много лет. Мы были подругами. Она уезжала однажды, и я была удивлена, что она вернулась. Меня раздражает, что я никак не вспомню ее имя, – если я вообще его знала. Вы случайно не знаете, как ее звать?

– Боюсь, что нет.

– О, конечно, вы и не можете знать. Я и забыла. Я стала такой забывчивой. Вы же приехали недавно.

Он просидел здесь всю вторую половину дня, пил лимонад и ел стряпню, пока она болтала о своих несуществующих гостях. И только тогда, когда он пересек улицу, вошел в дом, по ее словам принадлежавший ему, и помахал ей рукой, прощаясь, он вспомнил: она не назвала своего имени...

Он и теперь не знал его.

Как давно это было? Он удивился, поняв, что не знает.

Во всем была виновата осень. Как может человек заметить бег времени, когда все тянется осень?

Все это началось в тот день, когда он отправился через Айову в Чикаго. Нет, поправил он себя, это началось с ощущения слабости. Он решил, что это что-то нервное, а может, просто вызвано перепадом атмосферного давления. Выглядело это так, словно мир, который должен быть определенным и устойчивым, внезапно оказался каким-то мистическим рубежом между «здесь» и «там».

Он остался без работы: лопнул контракт. Его компания была не единственной; многие другие компании тоже потеряли контракты, и немало сбитых с толку инженеров было выброшено на улицу. Возможности получить работу в Чикаго практически нет. «Хотя, – подумал он, – теперь-то ее, может быть, уже достаточно». И вообще, сказал он себе тогда, даже если он и не получит работу сразу, то все равно будет в лучшем положении, чем многие другие. Он молод и одинок, в банке еще оставалось немного денег, он не закладывал дом, не выплачивал за машину, и детей у него не было. Значит, и рассчитывать он мог только на себя – ни семьи, ни родни. Старый скупой холостяк дядя, вырастивший его после того, как родители погибли в автотрагедии, и из последних сил убивавшийся на ферме в Висконсине, давно канул в прошлое, и воспоминания о нем оставались самые туманные. Рэнд помнил, что не любил дядюшку. Не то чтобы ненавидел – просто недолголюбил. И когда узнал, что его забодал бык, то не заплакал. Итак, Рэнд остался на свете один.

Все-таки денег он скопил меньше, чем мог бы, и это ограничивало время на поиск работы, а поскольку работу

искали и другие, более опытные инженеры, Рэнд понимал, что сразу ему ее не найти. Он ехал и ехал по стране, ночуя в своем потрепанном автомобиле, останавливался на маленьких придорожных стоянках, чтобы приготовить себе еду.

Он почти что уже пересек штат. Дорога извивалась среди холмов, окружавших Миссисипи. Впереди за поворотом он мельком увидел дымящиеся трубы и высокие здания. Это означало, что там был город.

Рэнд выехал на обрыв, и тот предстал перед ним – маленький захолустный городок, лежавший за рекой. Ему показалось, что город виден хуже, чем должно быть, будто он был каким-то нереальным, декорацией, вырисовывающейся за занавесом, с неясными очертаниями и сглаженными углами, словно Рэнд смотрел на него сквозь озеро прозрачной, кристально чистой воды, подернутой мелкой рябью. Вначале он приписал это дорожной усталости и открыл окно, чтобы свежий воздух попадал в кабину, потом остановил машину, чтобы размяться и прогнать усталость.

Но стало еще хуже, чем раньше, и он даже немного испугался – не столько призрачного города в мареве, сколько своего состояния: он не понимал, что с ним могло случиться.

Он съехал на обочину, затормозил. Слабость, казалось, прошла. Он заметил, что дорога изменилась, и понял, почему она показалась ему неудобной. Поверхность ее была в «оспинах» – торчали куски бетона, а кое-где плиты были разбиты и выбоины засыпаны галькой.

Он оторвал глаза от дороги, чтобы взглянуть на город,

и не увидел его — город исчез. Только развалины остались на том месте, где он стоял. Рэнд опустил руки на баранку и слушал вороний грой. Он, ошеломленный, пытался припомнить, слышал ли раньше ворон, а затем увидел их — черные кляксы над вершиной обрыва. И еще там были деревья. Нет, не высокие и стройные, а раскиданные повсюду черные обрубки.

Едва ли он отдавал себе отчет в том, что делает, но остался в автомобиле. Потом, вспоминая, он решил, что это было глупостью. Но машина была единственной вещью, связывавшей его с реальностью. Его руки шарили по сиденью и вдруг наткнулись на что-то твердое и продолговатое. Пальцы сжали находку, и до тех пор, пока он не вылез из автомобиля, никак не мог сообразить, что же это такое у него в руках. Это был фотоаппарат, валявшийся около него на сиденье.

Сидя на веранде, разохшийся пол которой поскрипывал под качалкой, он подумал, что снимки все еще сохранились, хотя очень много времени прошло с тех пор, как он вообще задумался о чем-либо из своей потусторонней жизни в этой стране осени. Это была дельная мысль, и он пытался удержать ее, сохраняя спокойствие и не допуская того, чтобы он догадался или, точнее сказать, решил, что догадался.

Фотографировал он бессознательно, хотя впоследствии пытался доказать себе, что это не так, поздравляя себя с ловким трюком, обеспечившим хоть малюсенькое доказательство того, чего одна лишь его память никогда бы доказать не смогла. Ведь верно — человек, грезящий о многом, обдумывающий, воображающий всякие события, никак не может доверять своей памяти.

Все, о чем он вспоминал, было туманным, словно действительность разрушенного города лежала в другом измерении, которое невозможно было объяснить, ни даже представить себе. Он мог лишь смутно вспомнить, как наводил на резкость и щелкал затвором. Он вспомнил людей, бросившихся к нему по склону холма, сумасшедший бег к автомобилю, захлопнутую дверь, машину, зигзагами летевшую по мостовой, по разрушенной дороге от вопящих людей, бывших менее чем в сотне футов позади.

Он снова съехал на обочину, дорога больше не была разрушенной. Она спокойно и ровно текла к городу, который недавно был разнесен в щепки. Да, он снова свернул с дороги и остановился. Сердце колотилось, и прошло немало времени, прежде чем он смог тронуться в путь, и двигался очень медленно, потому что не доверял себе и боялся, словно вел машину на повышенной скорости.

Он намеревался переправиться через реку и, добравшись до Чикаго, переночевать там, но теперь планы его изменились. Он чувствовал себя не в своей тарелке, но у него были пленка и время, чтобы как следует обдумать все происшедшее.

Он нашел загородную стоянку в пяти милях от города, заехал туда, остановился рядом с жаровней и старой колонкой. Он взял несколько поленьев из поленицы и развел огонь, вытащил коробку с кухонной утварью и продуктами, повесил котелок с кофе, поставил сковороду на жаровню и разбил в нее три яйца.

Съезжая с дороги, он заметил человека, бредущего по обочине, а теперь, занявшись обедом, он увидел, что человек свернул и идет к автомобилю.

Незнакомец остановился у колонки.

— Работает? — спросил он.

Рэнд кивнул:

— Я только что набрал воды в котелок.

— Жаркий денек, — заметил человек. Он заработал рычагом колонки. — Жаркий для прогулок, — добавил он.

— Давно идете?

— Да уже недель шесть.

Рэнд внимательно посмотрел на него. Одежда путника была старой и потрепанной, но совершенно чистой. Он брился день-два тому назад. Волосы у него были длинными, но, видимо, не потому, что ему так нравилось, — просто он давно не стригся.

Вода хлынула в желоб, и человек, сложив руки ковшичком, подставил их под струю, собираясь напиться.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Очень хотелось пить.

— Давно ели? — спросил Рэнд.

Человек заколебался.

— Давненько, — произнес он.

— Возьмите вон ту коробку на заднем сиденье. Берите себе тарелку и вилку. И чашку тоже. Кофе скоро поспеет.

— Не хотелось бы мне, мистер, чтобы вы подумали, что я подошел сюда...

— Бросьте, — сказал Рэнд. — Я знаю, как обстоят дела. Этого нам хватит на двоих.

Человек взял тарелку, кружку, нож, вилку, ложку, подошел к огню.

— Никак не могу привыкнуть, — пожаловался он. — Сроду я не бездельничал. Всю жизнь работал. С семнадцати лет.

— Вам готово, — сказал Рэнд. Он перевернул яичницу на тарелку, вернулся к ящику и взял еще три яйца.

Человек подошел к столу и поставил на него тарелку.

— Не ждите меня, — сказал Рэнд, — ешьте, пока не остыло. Кофе вот-вот будет. Там хлеб, если надо.

— Я возьму ломтик потом, — отозвался человек, — затру им тарелку.

А звали его Джоном Стирлингом. «И где он теперь? — подумал Рэнд. — По-прежнему бредет по шоссе в поисках хоть какой-нибудь работы на день, на час, — человек, который с семнадцати лет держался работой и вдруг потерял ее?» Думая о Стирлинге, он почувствовал свою вину перед ним. Долг, причитавшийся ему, он не в силах вернуть и не знал, что та беседа сделает его должником.

Они сидели, беседовали и ели яичницу, затирая тарелки хлебом и запивая горячим кофе.

— С семнадцати лет работаю, — говорил Стирлинг. — Золотые руки. И все годы в одной компании. Потом меня из нее вышвырнули. Меня и сотни четыре таких же. Всех сразу. А после и от других избавились. Я не один был. Нас было много. И всех нас не уволили, а просто распустили. И вернуть не обещали. Я понимаю, компания не виновата. Был большой контракт, и с ним не повезло. Не было работы. А вы? Вас тоже отпустили?

Рэнд кивнул:

— Откуда вы знаете?

— По этой еде. Дешевле, чем в ресторане. И у вас есть спальный мешок. Вы ведь в машине спите?

— Да, — ответил Рэнд. — Мне еще не так плохо — у меня нет семьи. Другим хуже.

– А у меня есть семья, – вздохнул Стирлинг. – Жена и трое ребятишек. Мы с женой потолковали. Она не хотела меня отпускать, но понимала, что мне надо уходить. Деньги вышли, а работы в округе не было. Я долго бродил все вокруг да около, но нигде легче не было. А если я ее оставлю, решили мы, ей станет легче. По крайней мере, у жены и детей будет еда и крыша над головой. Это мне теперь потяжелее. Но и всем нам нелегко. Когда-нибудь я вернусь. Вернусь, когда времена будут получше. Семья подождет.

По шоссе мчались автомобили. Белочка спустилась с дерева, осторожно подобралась к столу, но внезапно повернулась, словно испугавшись чего-то, и вскарабкалась на ближайший ствол.

– Я не знаю, – продолжал Стирлинг. – Может, оно слишком развито для нас, это наше общество? Может быть, оно вышло из-под контроля? Я много читал – всегда любил читать – и раздумывать над прочитанным. Мне кажется, что у нас просто мозги отстают. В доисторические времена, наверное, наши мозги были хороши. Мы правильно ими шевелили, пока не возвели слишком большое и сложное здание. Может, оно сложнее нашего разума? Может, наши мозги больше не в силах достаточно хорошо управлять тем, что у нас есть? Мы высвободили экономические силы, которые не понимаем, и политические силы, которые не можем осмыслить, а раз уж мы не можем всего этого уразуметь, то и управлять не в силах. Наверное, поэтому мы с вами и потеряли работу.

– Не знаю, никогда не задумывался над этим.

– Человек о многом думает. Он грезит о многом, идя по

дороге. Нечего делать, кроме этого. Мечтаешь о всякой ерунде. Вероятно, все это и выглядит глупо, но, может быть, и с вами так бывало?

— Иногда, — согласился Рэнд.

— Я над одним долго раздумывал. Ужасно глупая мысль. Может, я раздумывал над этим потому, что сам так много хожу? Иногда меня подвозят, но чаще всего я бреду пешком. И вот о чем я думал: а если человек уйдет очень-очень далеко, то не сможет ли он уйти от всего этого? Чем дальше человек может идти, тем дальше он ото всего будет.

— Куда вы направляетесь? — спросил Рэнд.

— Вообще-то никуда. Лишь бы идти куда-нибудь. Этак с месяц я буду идти на юг. Подходящее направление перед началом зимы. Эти северные штаты — не лучшее место для зимовки.

— Там осталась парочка яиц, — заметил Рэнд. — Как насчет добавки?

— Черт возьми, парень, я не могу. Я уже...

— Что такое три яйца? А меня это не разорит.

— Ну ладно, если ты уверен, что для тебя это ничего не значит. Вот что я тебе скажу: разбей их — и поделим пополам.

...Забывчивая старушка закончила собирать букет и отправилась домой. Сверху по улице донеслось постукивание трости: другой старый сосед Рэнда возвращался с вечерней прогулки. Заходящее солнце заливало землю благодатью. Листья были золотыми и красными, палевыми и желтыми. Они оставались такими с тех пор, как Рэнд по-

явился здесь. Травы золотились вокруг них – не сухие, но лишь тронутые легкой кистью осени.

Старик брел потихоньку, возвращаясь с прогулки. Трость не давала ему споткнуться, хотя он опирался на нее без видимой необходимости. Дойдя до веранды, он остановился.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Добрый вечер, – отозвался Рэнд. – Вы выбрали чудесное время для прогулки.

Старик кивнул с оттенком скромности, как будто он сам каким-то образом был причастен к тому, что время было великолепным.

– Глядите-ка, – сказал он, – похоже у нас завтра опять будет погожий денек.

И, промолвив это, побрел дальше по улице.

Это стало уже ритуалом. Такие слова произносились каждый вечер. Ни деревушка, ни погода в ней никогда не менялись.

«Я буду сидеть здесь на веранде тысячу лет, – сказал себе Рэнд, – и старик будет возвращаться с прогулки, и каждый раз будут звучать те же самые слова – диалог пьесы, кадр из фильма, повторяемый снова и снова. Что-то случилось со временем. Время застыло этой осенью».

Рэнд не понимал этого. Он и не пытался понять, хотя ничто не мешало ему попытаться. Стирлинг говорил, что человеческие способности могут превосходить немощный человеческий – доисторический – мозг. И это уменьшало шансы понять, как вернуться в тот, другой мир.

Он обнаружил, что мысль о том своем мире представляется ему столь же фантастической. Тот мир казался

столь же нереальным, как и этот. «Интересно, – подумал Рэнд, – а отыщется ли когда-нибудь снова реальный мир? И захочу ли я снова отыскать реальность?»

Он знал, что способ отыскать реальность был. Стоит войти в дом, вынуть из тумбочки фотографии, перебрать их, освежить память и снова взглянуть в лицо реальности. Но эти неумолимые фотографии были куда реальнее мира, который он знал. На фотоаппарат не влияют иллюзии, что действуют на человеческий глаз, сбивают с толку разум. Они были, как-никак, фактом: фотоаппарат запечатлел то, что было, он не мог солгать. Это не было мистикой, это не было реальностью и это не было ложной памятью, свойственной человеческому сознанию.

Он вернулся в фотоателье, куда отдавал пленку, и приемщик отыскал ее в коробке на прилавке.

– Три девяносто пять, – сказал он.

Рэнд вынул из бумажника пятерку и положил на прилавок.

– И еще хочу спросить, – добавил приемщик, – где вы делали эти фотографии?

– Это трюковая съемка, – ответил Рэнд.

Приемщик покачал головой.

– Если так, то это самая удачная работа из всех, что мне доводилось видеть.

Он отбил чек и, оставив кассу открытой, повернулся и взял пакет.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Рэнд.

Человек вытряхнул снимки из пакета и перетасовал их.

– Вот этот, – сказал он.

Рэнд спокойно смотрел на него.

– И что же там? – поинтересовался он.

– Люди. Я кой-кого из них знаю. Переднего. Это Боб Джентри – мой лучший друг.

– Вы могли и спутать, – холодно сказал Рэнд.

Он взял снимки из рук приемщика и засунул их в пакет. Приемщик дал сдачу. Он по-прежнему покачивал головой, сбитый с толку и, пожалуй, немного напуганный, когда Рэнд покинул ателье.

Не теряя времени, Рэнд осторожно двинулся через город к мосту. Выехав в поле за рекой, он увеличил скорость, посматривая в зеркальце заднего обзора – обеспокоенный приемщик, возможно, позвонил в полицию. Эти снимки могли увидеть посторонние и тоже забеспокоиться. «Хотя, – сказал он себе, – что толку волноваться из-за полиции». Он фотографировал, не нарушая правил и не переступая закона. Он не совершил ничего недозволенного, сделав снимки.

Миновав реку, он притормозил двенадцатью милями ниже у узкого пыльного проселка и поехал по нему, пока не нашел съезд с дороги, где она расширялась, приближаясь к мосту через маленькую речушку. Очевидно, съездом часто пользовались: рыбаки обычно оставляли там машины, пытая удачу. Но теперь здесь было пусто.

Он заметил, что руки у него тряслись, когда он срывал обертку с пакета и доставал фотографии.

Они были там, как он и помнил.

Рэнд удивился, что наснимал так много. Он не помнил и половины из этого. Но снимки – перед глазами, и, глянув на них, он припомнил многое, хотя фотографии были

отчетливее воспоминаний. Мир, вспомнил он, казался затуманенным, когда Рэнд смотрел на него, а снимки обрисовали этот мир жестоко, безжалостно и ясно. Унылые и окоченевшие, вздымались черные обломки, и невозможно было усомниться в том, что на фотографиях действительно был снят разбомбленный город. На снимках были бесплодные камни, больше не маскируемые деревьями, и повсюду скелеты деревьев, каким-то чудом не уничтоженных огнем штормом. Группа людей была лишь на одном снимке; люди бежали к нему с холма, и тот, кто посмотрел бы на них, понял бы, почему Рэнд в спешке кинулся к машине. Изучая фото, он понял, что они были много ближе, чем он думал. По-видимому, они все время были там, неподалеку, а он, ошеломленный картиной погибшего города, не разглядел их. Если бы они немного подождали, то бросились бы и схватили Рэнда, прежде чем он их обнаружил. Он внимательно посмотрел на снимок. Люди были настолько близко, что лица можно было превосходно различить. Он попытался угадать, кого узнал приемщик.

Он сложил фотографии, втолкнул их в пакет и положил в карман. Вылез из автомобиля и побрел к берегу реки. Река, заметил он, была не шире десяти футов, но разливалась у запруды. Трава была вытоптана — наверняка здесь сидели рыбаки. Рэнд присел в одном из таких мест и осмотрел пруд. Течение шло вплотную к берегу и, наверное, подмывало его; там, в омутке, могла лежать рыба, которую искали отсутствовавшие сейчас рыбаки, болтая своими червяками на концах длинных бамбуковых удилищ и ожидая клева.

Место было приятное и прохладное, затененное большими дубами, растущими на берегу около моста. Откуда-то с дальнего поля доносился приглушенный шум жнейки. На воде возникала ямка, когда рыба подходила к ее поверхности, всасывая плывущую мошку. «Хорошее место для стоянки, — подумал Рэнд, — чтобы посидеть и отдохнуть некоторое время». Он попытался вытряхнуть заботы из головы, стереть воспоминания и забыть о фотографиях, притвориться, что ничего не случилось, что не было ничего такого, о чем нужно было бы поразмыслить.

И тут он обнаружил, что ему все же есть над чем подумать. Не над фотографиями, а кое над чем из того, что сказал ему день назад Стирлинг. «А вот интересно, — сказал тот, — если человек уйдет очень-очень далеко, не сможет ли он оставить все это позади?» «До какого отчаяния должен дойти человек, — подумал Рэнд, — чтобы задать этот вопрос. Может, даже и не отчаяться, а просто дойти до точки. Встревоженный, одинокий, усталый и не видящий конца своим бедам. Либо такой, кто боится будущего и знает, что, может быть, через несколько лет (и не слишком много их пройдет, ведь приемщик смог узнать на фотографии приятеля) боеголовка ударит по маленькому городку в Айове и разрушит его. Конечно, нет особых причин разрушать именно его. Это не Лос-Анджелес, не Нью-Йорк, не Вашингтон, не важный порт, не крупный промышленный центр, не транспортный узел и не резиденция правительства. Просто-напросто городок подвернется кому-то под руку. А может, и по ошибке, из-за того, что что-то не сработало, кто-то просчитался. Хотя это-то большого значения иметь не будет, потому что страна, а может, и

вся цивилизация к тому времени уже исчезнут. Несколько лет – и дело дойдет до этого. После всех трудов, после всех грез и надежд мир придет именно к этому».

Это было именно то, от чего человек хочет сбежать, надеясь со временем позабыть об угрозе. «Но для того, чтобы уйти, – неторопливо подумал он, – надо найти отправную точку; невозможно уйти от всего, просто отправившись куда-то».

Это было пустой мыслью, проблеском воспоминания о беседе со Стирлингом, и, праздно сидя на берегу речушки, он почувствовал привлекательность этой мысли, задержал ее, не дал ей уйти, как это бывает со всеми ленивыми мыслями.

Пока он сидел там, смакуя эту мысль, другая мысль, другое место и другое время подкрались к нему, и внезапно без сомнений, без реальных раздумий, без поиска ответа он понял, что знает место, откуда можно отправиться.

Он, на мгновение испугавшись, застыл, чувствуя, как глупо попался в плен собственной фантазии. Ведь все это подсказал ему здравый смысл, все, что есть. Горькие раздумья потерпевшего поражение человека, пока он бредет по бесконечной дороге в поисках работы; потрясение от увиденного на фотографиях; какое-то странное, гипнотическое свойство этого тенистого пруда, места в стороне от жесткого, как камень, мира, – все вместе и вызвало эту фантазию.

Рэнд встал и побрел к автомобилю, но по дороге вновь увидел внутренним взором это особое место отправления. Он был ребенком – может, девятилетним, может, десятилетним. И он набрел на маленькую долину (не овраг, но и

не совсем долина), расположенную пониже к реке от дя-дюшкиной фермы. Он никогда не бывал там раньше и по-том туда тоже не ходил, потому что на ферме было так много забот и так много дел, что времени вообще куда-нибудь пойти просто не хватало. Он попытался припом-нить обстоятельства своего похода туда и понял, что не в силах этого сделать. Все, что он мог вспомнить, казалось ему одним-единственным волшебным мгновением, как будто он увидел единственный кадр идущего фильма — один-единственный кадр, запечатлевшийся в памяти. По-чему? Потому что свет, озарявший лощину, был необы-чен? Потому что на мгновение он взглянул на мир иными глазами, иными, чем раньше и позже тоже? Потому что почуял незатейливую правду за внешней обыденностью мира? Не в том дело — он видел в этот момент волшебство.

Рэнд вернулся к автомобилю, сел за руль, посмотрел на воду, на мост и поля за ним, но вместо них увидел карту. Выехав на шоссе, он свернет не направо, а налево, обратно к реке и городу, и, прежде чем доберется до них, повернет на север, на другую дорогу, и долина волшебного мгнове-ния окажется менее чем в ста милях впереди.

Он сидел и разглядывал карту, цель оформлялась у не-го в голове. «Достаточно глупостей, — сказал он себе, — волшебного мгновения не было, никогда такого не было; а когда я доберусь до автострады, то поверну направо и бу-ду надеяться, что работа будет ждать меня, как только я достигну Чикаго».

Когда он доехал до автострады, то повернул не напра-во, а налево.

Рэнд двигался прямо к цели, как будто еще тогда знал,

что вернется, и специально запомнил путь. Остановил машину у выхода долины, где дорога кончалась, и пошел пешком вверх по маленькой долине. «Вполне могло случиться, – сказал он, впервые признаваясь себе, что вовсе не был так уверен, как думал, – что я не нашел бы этого места, что мог бы заблудиться, мог бы пройти всю долину и не найти волшебного места или мог бы пройти мимо него, рассматривая его другими глазами и просто не распознав».

Но оно все еще было там, и он остановился, всмотрелся и узнал; снова ему было не то девять, не то десять лет, и было видно, что волшебство оставалось нетронутым. Он нашел тропинку, которую не разглядел раньше, и пошел по ней. Волшебство не исчезало, и, когда он добрался до вершины, там стояла деревня. Рэнд пошел вниз по улице в безмолвном золоте солнечного света, и первым человеком, которого он встретил, была старушка, поджидавшая его у калитки палисадника, как будто кто-то предупредил ее, что Рэнд придет.

После того как Рэнд ушел от нее, он пересек улицу к дому напротив, по ее словам принадлежавшему ему. Он входил в парадную дверь, когда с черного хода постучали.

– Я – Молочник, – представился гость. Он походил на привидение: Рэнд видел и в то же время словно бы не видел его. Когда он отводил взгляд и потом возвращал его, он словно видел его впервые.

– Молочник? Да, мне, наверное, понадобится молоко.

– Кроме того, могу вам предложить яйца, хлеб, масло, бекон – все, что вам потребуется. В доме есть бидон с кетосином, если понадобится зажечь лампу. Дрова запасены,

а если потребуется, я подвезу еще. Растопка сложена слева от входа.

Рэнд вспомнил, что ни разу не платил Молочнику, а тот даже не заикался о плате. Молочник был не из тех, кому предлагают деньги. Не было и нужды совать заказ в ящик для молочных бутылок. Молочник, казалось, и без напоминаний знал, кто из его подопечных, в чем и когда нуждается. С некоторым смущением Рэнд вспомнил случай, когда попросил цветочные семена для сада, чем смутил не только Молочника, но и смутился сам. Как только он намекнул ему об этом, то сразу почувствовал, что нарушает какой-то очень тонкий кодекс, который должен знать.

День затухал, и скоро наступит пора идти готовить ужин. «А что потом?» – подумал он. Можно было почистить, но не хотелось. Он мог вытащить составленный им проект перепланировки сада и с часок поработать над ним, но теперь Рэнд знал, что ему никогда не вырастить сад. В стране вечной осени не сажают садов, и семян здесь нет.

В соседнем доме в окнах огромной гостиной сиял свет. Он заливал массивную мебель, просторные подоконники, огромный камин до потолка. Старик с тростью еще не возвращался, хотя время было позднее. Теперь до Рэнда издали доносились голоса детей, игравших в сумерках.

«Старые и молодые, – думал он. – Старики ко всему равнодушны, и дети, которые не рассуждают. И что здесь понадобилось мне – ни молодому, ни старому?»

Рэнд сошел с веранды и отправился погулять. Улица, как обычно, была пуста. Он побрел вниз, к маленькому парку на краю деревни. Он часто ходил туда посидеть на

скамейке под приветливыми деревьями. Там – Рэнд был уверен – он найдет детей. Хотя почему он был так в этом уверен – неизвестно: ему до этого никогда не удавалось обнаружить детей, до него доносились лишь их голоса.

Он прошел мимо старых домов, прочно стоявших в сумерках. «Жили ли в них когда-нибудь люди? – гадал он. – Было ли когда-нибудь в безымянной деревне много людей? Старушка-соседка говорила о друзьях, которых когда-то знала, о людях, которые жили здесь и исчезли. Но была ли это память или легкое помешательство, приходящее со старостью?»

Дома, отметил он, были в отличном состоянии. Сдвинувшаяся черепица, слегка шелушащаяся краска, но окна в домах были целы; водосточные трубы, свисавшие с карнизов крыш, не болтались; столбики крылечек не подгнили, как будто рачительные хозяева жили здесь еще совсем недавно.

Рэнд дошел до парка и увидел, что он пуст. Однако по-прежнему слышались голоса детей, но теперь их крики отдалились и долетали откуда-то из-за парка. Он пересек его и остановился на краю, всматриваясь сквозь кусты в покинутые поля.

На востоке всходила полная луна, освещавшая пейзаж так, что Рэнд мог разглядеть даже маленькие группы кустарников и отдаленные деревья. И, разглядывая все это, он вдруг с неожиданным испугом заметил, что луна была полной – она всегда была полной. Всходила она сразу после заката солнца и заходила перед самым восходом. И она всегда была огромной тыквой – осенняя луна поры сбора урожая, освещавшая землю вечной осени.

Это потрясло его. Почему Рэнд не замечал этого раньше? Ведь он жил здесь довольно долго и достаточно часто видел луну, чтобы заметить это. Он был здесь довольно долго... А как долго он был здесь – несколько недель, несколько месяцев, год? Рэнд понял, что не знает. Он попытался подсчитать, но не сумел. Не было временных вех, которые помогли бы отличить один день от другого. Жизнь здесь текла так ровно и гладко, как будто время прекратило свое течение.

Голоса игравших детей удалялись от него, затихая, и, когда Рэнд прислушался, то обнаружил, что эти голоса звучат у него в голове. Дети пришли и поиграли, а теперь перестали играть. Они вернутся снова – если не сегодня, то через день или два. «Это неважно, – сказал он, – вернутся ли они, ведь на самом-то деле детей здесь нет».

Он тяжело повернулся и отправился обратно. Когда Рэнд приблизился к дому, какая-то темная фигура двинулась из тени деревьев и остановилась, поджидая его. Это была старушка из дома напротив. Рэнд понял, что она дожидалась его возвращения.

– Добрый вечер, – сказал он мрачно. – Приятная ночь.

– Он ушел, – промолвила соседка, – и не вернется. Он ушел так же, как и другие, и не вернется.

– Вы говорите о старике?

– О нашем соседе, – уточнила она, – о старике с тростью. Не знаю его имени. Я никогда не знала, как его зовут. И вашего имени я не знаю.

– Я представлялся вам как-то, – сказал Рэнд, но старушка не обратила на его слова никакого внимания.

– Всего через несколько домов жили, – вздохнула она,

— и я никогда не знала его имени. Сомневаюсь, что он знал мое. Мы все здесь безымянные люди, а это так ужасно — быть безымянным.

— Я поищу его, — сказал Рэнд. — Он мог просто заблудиться.

— Да-да, конечно, сходите, поищите его. Ради всего святого, отыщите его. Это успокоит вас и позволит снять чувство вины. Но вам никогда уже его не найти.

Рэнд пошел в том направлении, куда обычно уходил его сосед, решив, что во время очередной прогулки старик забрел в другой квартал и заблудился. Рэнд поймал себя на мысли, что раньше его не интересовало, куда ходит гулять старик.

Когда он вышел на площадь, ему сразу бросился в глаза темный предмет, лежавший на мостовой. Рэнд узнал шляпу старика, но самого его видно не было.

Рэнд поднял шляпу, аккуратно расправил ее складки и осторожно взял за поля так, чтобы с ней ничего больше не случилось.

Деловой квартал дремал в лунном свете. Статуя, неизвестно чья, стояла на постаменте в центре площади. Придя сюда впервые, вспомнил Рэнд, он попытался определить, в чью честь была воздвигнута эта статуя, и потерпел неудачу. На гранитном цоколе не было ни имени, ни даты. Лицо истукана не примечательно ничем, каменный костюм не позволял определить эпоху. В позе и осанке тоже не было ничего такого, что дало бы ключ к разгадке.

Осматривая площадь, Рэнд снова поразился старомодности здешних учреждений: парикмахерская, гостиница, велосипедная мастерская, шорня, бакалейная лавка, мяс-

ной магазинчик, скобяная лавка — ни гаража, ни станции техобслуживания, ни пиццерии, ни гамбургерной. Это был старый городок, забытый, не тронутый движением времени, чьей-то волей вырванный из другого века. Все это вызывало чувство нереальности: не просто старое селение, а место, умышленно оформленное так, чтобы изображать кусочек прошлого.

Рэнд тряхнул головой. Что произошло сегодняшним вечером? Чаще всего он принимал деревню такой, какой она казалась, но сегодня он ощутил беспокойство и сомнение.

На другом конце площади он нашел трость старика. «Если сосед шел в этом направлении, — рассуждал Рэнд, — он должен был пересечь площадь и пойти вниз по улице до того места, где потерял трость. Но почему он ее обронил? Сначала шляпу, а затем трость. Что здесь произошло?»

Рэнд быстро огляделся, надеясь уловить в сумерках какое-нибудь движение, увидеть кого-нибудь, пугливо прижавшегося на краю площади. Но там ничего не было. Теперь — ничего.

Пытаясь проследить дальнейший путь пропавшего, Рэнд осторожно шел, пристально вглядываясь в тени. Они обманывали его, воображение придавало им затейливые формы, похожие на лежащего человека. Несколько раз Рэнду казалось, что он заметил что-то движущееся, но это в конце концов оказывалось лишь игрой теней.

Когда улица кончилась, а дорога превратилась в тропинку, Рэнд остановился, пытаясь наметить план дальнейших действий. Старик потерял свою шляпу и трость,

но все свидетельствовало о том, что он намеревался идти дальше вниз по улице, по которой теперь прошел и Рэнд. Старик мог пройти дальше по тропе – из деревни и прочь от нее. Может быть, он убегал от чего-то?

Рэнд не мог проверить этого. Но можно было пройти дальше, раз он уже здесь. Может быть, сейчас старик где-то там, уставший, испуганный, лежит возле тропы и ждет помощи.

И Рэнд двинулся вперед. Тропа, хорошо заметная вначале, становилась еле различимой, извиваясь по волнующемуся в лунном свете лугу. Испуганный кролик проскакал в траве, злобно закричала вдалеке сова. С запада потянул прохладный ветерок. С ним пришло ощущение одиночества, ощущение пространства – открытого и пустого, – где не было ничего, кроме кролика, совы и ветра.

Тропа кончилась, истончившись вконец. Роща и заросли низких кустов расступились, открыв взгляду плоскую равнину, покрытую волнующимися травами, – отбеленную луной, безликую просторную прерию. Удивленно осматриваясь, Рэнд подумал, что вся эта равнина, должно быть, продолжается в бесконечность. Она, казалось, имела и запах, и вкус, и это были запах и вкус вечности. Он содрогнулся, хотя и не мог понять, что во всем этом страшного. Потом сообразил: трава смотрела на него, знала о его присутствии и терпеливо ждала, когда он придет к ней. Он должен заблудиться в ней и остаться там навсегда, растворившись в ее необъятной безликости.

Рэнд повернулся и побежал, не стыдясь своего малодушия. И кровь его леденела, и мозг стыл, потрясенный. Только добежав до околицы, он наконец остановился и

оглянулся на пустошь. Он убежал от травы, но подсознательно чувствовал, что она крадется за ним следом – пока вне поля зрения, но готовая вскоре появиться вместе с ветром, гонящим волны ее белизны.

Рэнд побежал дальше, но уже не так быстро. Он пересек площадь, а когда добрался до дома, то увидел, что у соседки напротив в окнах темно. Больше он не колебался и пошел вниз по улице, по которой попал в деревню. Он утвердился в решении покинуть это зачарованное место, эту странную тихую деревушку, эту землю вечной осени и полной круглой луны, это безликое море травы, этих детей, которые удаляются, стоит лишь захотеть на них взглянуть, этого старика, который ушел в забытие, уронив шляпу и трость. Рэнд должен отыскать дорогу, вернуться назад, в тот, другой мир, где можно поискать работу, где люди бродят по дорогам, где отвратительные маленькие войны горят в забытых уголках земли, а фотоаппарат заснял грядущую гибель.

Он миновал деревню, зная, что надо лишь достичь места, где тропа сворачивает направо и спускается по неровному склону в маленькую долину, к той волшебной точке, которую он нашел через столько лет. Он шел медленно и осторожно, чтобы не сбиться с тропинки; он помнил – тропа была еле заметной... Впереди он снова увидел луг, и под ногами не было уже никакой тропы. Рэнд понял, что попал в ловушку, ему никогда не уйти из деревни, пока он не покинет ее тем же способом, что и старик, – выйдя из нее в никуда. Он не подходил близко к траве, потому что знал: в ней таится ужас, а он уже натерпелся страху. «Трус!» – сказал он себе.

Возвращаясь в деревню, он соблюдал все предосторожности, шел так медленно, что ни за что не пропустил бы поворота. Тем не менее поворота не было, хотя тот был, когда он вышел из-за него из другого мира, от которого бежал.

Деревенская улица была покрыта пятнами лунного света, падавшего сквозь шелестевшую листву деревьев. В доме напротив было по-прежнему темно. Вокруг Рэнда расстиралось безмолвное одиночество. Рэнд вспомнил, что сегодня он не ел ничего, кроме сэндвича, который сделал себе еще в полдень. В молочном ящике что-то должно быть — он не заглядывал туда утром. Или заглядывал? Он не мог вспомнить. Рэнд пошел вокруг дома к заднему крыльцу, где стоял ящик, и нос к носу столкнулся с Молочником. Он на сей раз казался еще призрачнее, чем обычно, и еще хуже был виден в лунном свете, блестевшем на полях широкополой шляпы, утопивших его лицо в глубокой тени.

Рэнд резко остановился, пораженный тем, что Молочник ждал его здесь. Тот приходил обычно рано утром и никогда — в другое время дня. Он был не на месте в осеннем свете луны.

— Я пришел, — сказал Молочник, — чтобы узнать, не могу ли помочь вам чем-нибудь...

Рэнд промолчал. Ему просто нечего было сказать в ответ.

— Револьвер, например, — продолжал Молочник. — Может, вам потребуется оружие?

— Оружие? Зачем оно мне?

— У вас был очень бурный вечер. Может, вы почув-

ствуєте більше уверенності, ощутите себе в більшій безопасності з оружьем в руках?

Рэнд колебался. Он угадував в голосе Молочника яку-то насмешку.

— А может быть, вы хотите крест?

— Крест?

— Или распятие? Символ...

— Нет, — сказал Рэнд, — крест мне не нужен.

— Томик философских сочинений, может быть?

— Нет! — крикнул Рэнд. — Все это уже было. Мы пытались все это использовать. Мы полагались на это, но напрасно. А сейчас...

Рэнд умолк. Он и не думал говорить Молочнику ничего подобного, да и вообще не собирался с ним разговаривать. У него осталось впечатление, что слова эти его голосом произнес кто-то другой.

— ...А может быть, немного денег?

— Вы смеетесь надо мной! — закричал Рэнд. — Вы не имеете права...

— Я просто перечисляю те вещи, на которые надеяться люди...

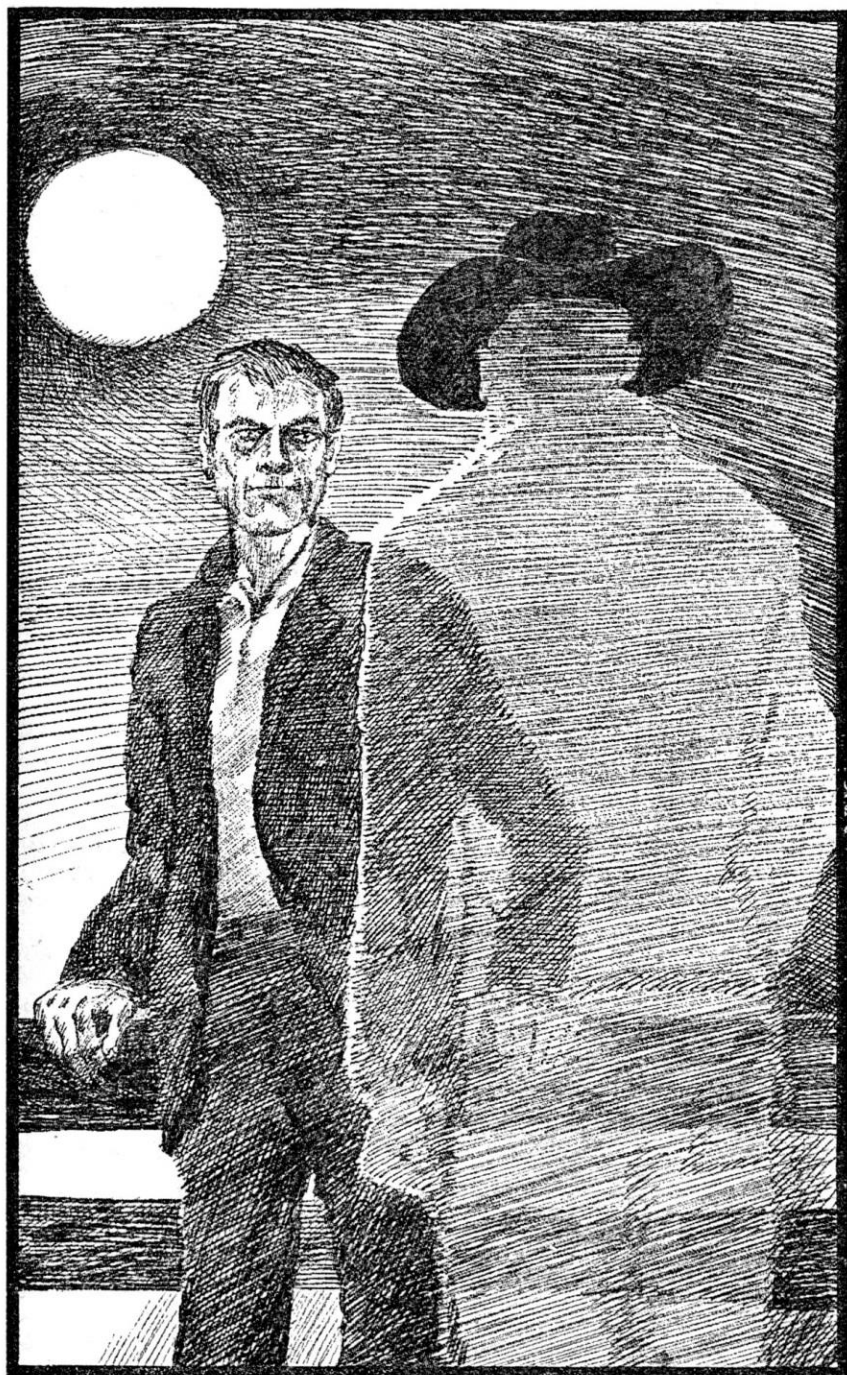
— Объясните мне лучше одну вещь, — сказал Рэнд, — так просто, как только сможете. Есть ли какой-нибудь способ выбраться отсюда?

— Вернуться туда, откуда вы сюда пришли?

— Да, именно это я и имею в виду.

— Там не к чему возвращаться, — ответил Молочник. — Никто из тех, кто пришел сюда, не имеет ничего, к чему стоило бы возвращаться.

— Но старик ушел. Тот, что носил черную фетровую шляпу и трость. Он обронил их, а я нашел.

– Он не вернулся, – возразил Молочник. – Он просто ушел еще дальше. И не спрашивайте куда, так как этого я не знаю.

– Но ведь вы часть этого!

– Я всего лишь слуга – выполняю то, что мне поручено, и стараюсь выполнять честно. Мои обязанности – заботиться о наших гостях наилучшим образом. Но приходит время, когда каждый гость покидает нас. Я подозреваю, что наша деревня – это промежуточная стоянка на дороге, ведущей куда-то дальше.

– Пункт переподготовки, – задумчиво произнес Рэнд.

– Что вы имеете в виду? – спросил Молочник.

– Я не уверен и не собирался говорить этого.

Уже второй раз он сказал то, чего не собирался говорить.

– Есть в этом месте одно удобство, – заметил Молочник, – одно достоинство, которое вы не должны упускать из виду. Здесь никогда ничего не случается.

И он спустился с крыльца на дорожку.

– Вы вспомнили о старике, – сказал он. – Это произошло не только с ним. Старушка, ваша соседка, тоже ушла. Они двое задержались здесь намного дольше, чем им было положено.

– Вы хотите сказать, что я остался здесь один?

Молочник уже шагал по садовой дорожке, но на звук его голоса остановился и обернулся.

– Сюда придут другие, – сказал он. – Сюда приходят другие.

«Что это Стирлинг говорил о людях, чьи способности превзошли пределы, поставленные мозгом? – Рэнд попы-

тался припомнить те слова, но теперь, в смятении, они вылетели у него из головы. — Но если это был именно тот случай, если Стирлинг был прав: не может человек хоть раз в жизни не пожелать для себя места вроде этого, где никогда ничего не происходит, где по ночам по небу всегда плывет полная луна и где год застрял на осени?»

Пришли и другие мысли, и Рэнд покачнулся, крикнув Молочнику с неожиданным страхом:

— А те, другие... захотят ли они поговорить со мной? Смогу ли я потолковать с ними? Узнаю ли я их имена?

Но Молочник был уже у калитки и, похоже, не слышал этого крика.

Лунный свет постепенно бледнел. Разгорался алым восточный край небосклона. Над землей осени вставала заря нового бесподобного осеннего дня.

Рэнд обошел вокруг дома и поднялся по ступенькам на веранду. Он опустился в качалку и стал ждать.

ВОСПИТЕЛЛЫ

Кончилась первая неделя занятий. Джонсон Дин, инспектор милвиллской школы второй ступени, в пятницу под вечер, сидя за столом, наслаждался тишиной и сознанием исполненного долга.

Тишину нарушил мускулистый белокожий тренер Джерри Хиггинс. Он вломился в кабинет и тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, можете отменить состязание по регби в этом году, — со злостью проговорил он, — Прямо хоть уходи из ассоциации.

Дин отодвинул в сторону бумаги, с которыми работал, и откинулся в кресле. Луч заходящего солнца упал из окна на его пышную серебряную шевелюру и превратил ее в сверкающий ореол. Его белые, морщинистые, с голубыми прожилками руки старательно разглаживали поблекшую складку на поблекших брюках.

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Это все Кинг и Мартин, мистер Дин. Они не хотят выступать в этом сезоне.

Дин хмыкнул сочувствующе, но как-то неискренне, словно в глубине души он был с ними заодно.

— Давайте-ка разберемся, — сказал он. — Если память мне не изменяет — в прошлом сезоне эти двое были в числе сильнейших. Кинг был защитником, а Мартин — нападающим.

Хиггинс прямо зашелся от праведного гнева:

— Да слыханное ли это дело — чтобы нападающий сам решил бросить игру? И не просто какой-нибудь рядовой

игрок, а один из лучших. На нем в прошлом году буквально все держалось.

– Вы, конечно, уже беседовали с ними?

– Да, я встал перед ними на колени, – ответил тренер. – Спросил, хотят ли они, чтобы меня уволили. Спросил, может, они что затаили против меня. Сказал, что они подведут всю школу. Сказал, что без них у нас все равно что нет команды. Они не смеялись надо мной, но...

– Они и не будут смеяться, – сказал Дин. – Эти мальчишки – настоящие джентльмены. По правде говоря, все наше молодое пополнение...

– Все до одного – слюнтяи! – взвился тренер.

– Ну, кто как считает, – мягко возразил ему Дин. – В моей жизни бывали периоды, когда я тоже не был склонен придавать регби такое значение, которое, казалось бы, следовало.

– Ну, это другое дело, – заметил тренер. – Когда человек становится взрослым, понятно, что игра интересует его уже меньше. Но ведь эти двое – мальчишки. Тут что-то не так. Они молодые, им бы просто землю рыть. У всех нормальных мальчишек должно быть сильно развито чувство соперничества. Но даже если этого нет – о выгоде подумали бы, что ли. Ведь всякий выдающийся регбист при поступлении в колледж...

– Нашим ребятам не нужны спортивные надбавки, – довольно резко прервал его Дин, – Они получают больше, чем стипендию.

– Да если б у нас было побольше игроков, разве мы так убивались бы по Кингу и Мартину? – застонал Хиггинс. – Пусть бы мы не всегда выигрывали, но все же у нас была

бы команда. А то, что у нас сейчас... Мистер Дин, поймите же, с каждым годом игроков у нас все меньше и меньше. Вот сейчас у меня нет...

– Так вы говорили о Кинге и Мартине. Вы убеждены, что они не передумают?

– Знаете, что они сказали? Что регби мешает их *занятиям*.

Хиггинс произнес эти слова таким тоном, что они прозвучали невесть какой крамолой.

– Стало быть, придется с этим примириться, – бодрым тоном произнес Дин.

– Но это ненормально! – запротестовал тренер. – Не существует таких мальчишек, которые больше думали бы о занятиях, чем о регби. Таких мальчишек, которые бы уткнулись в книжки...

– Такие мальчишки существуют, – ответил Дин, – Да их полным-полно и здесь, в Милвилле. Если не верите, можете взглянуть на их отметки за последние десять лет...

– Н-да, они ведут себя не как мальчишки, а как взрослые люди. – Тренер покачал головой в знак того, что это выше его понимания. – Стыд-позор! Ну, если еще хоть один из старичков сделает от ворот поворот – придется воспитывать новую команду.

– Так же, как мы у себя в школе воспитываем юношей и девушек, которыми потом, может быть, будет гордиться Милвилл.

Тренер сердито встал.

– Нам не выиграть ни у кого, – предупредил он. – Даже у Багли.

– Вот уж из-за чего я не стану расстраиваться, – философски заметил Дин.

Он спокойно сидел за столом и слушал, как шаги тренера гулко отдаются в коридоре и замирают вдали.

Но вот Дин услышал характерный посвист и дребезжание автощетки, которая подметала лестницу. Интересно знать, куда запропастился Стаффи. Где-то шляется, конечно. Вооруженный всеми этими автощетками и автопротирателями, Стаффи был не слишком загружен уборкой. Впрочем, в свое время работы у него было по горло: он хлопотал с утра до ночи и прекрасно убирал помещения.

Если б хватало рабочих рук, Стаффи уволили бы уже несколько лет назад. Но теперь не увольняли так легко, как раньше. Когда люди достигли звезд – на человеческую расу легло непосильное бремя. «Стоит только начать увольнять людей, – подумал Дин, – как я и сам окажусь без работы».

Для него ничего не могло быть страшнее, потому что милвиллская школа была его детищем. Больше полувека он жил ради школы сначала был молодым учителем-энтузиастом, потом директором, а последние пятнадцать лет инспектором.

Он отдал ей все. И она заменила ему все – жену, ребенка, семью. Она была и началом и концом. Ему было приятно и то, что сегодня пятница, и то, что начался учебный год, и что Стаффи бродит где-то здесь, и что нет спортивной команды – точнее, почти нет.

Он поднялся из-за стола и встал у окна. По газону шла студентка; видно, она где-то задержалась и теперь торопилась домой. Дин подумал, что знает ее, хотя в сумерках плохо видел вдаль.

Он прищурился, почти уверенный, что перед ним Джуди Чарльсон. Когда-то давно он знал ее деда и подумал, что у девушки походка Генри Чарльсона. Он хмыкнул, углубившись в воспоминания. Насколько ему помнится, на старину Чарльсона нельзя было особенно полагаться в практических вопросах. В то время он буквально бредил турбодвигателями для старта космических кораблей.

Дин прогнал прочь мысли о прошлых днях, стремясь стереть их из памяти. Предаешься воспоминаниям — значит старость надвигается, значит впадаешь в детство.

И все же старина Генри Чарльсон был единственный человек в Милвилле, который когда-либо имел хоть какое-то отношение к космическим кораблям. Конечно, кроме Леймонта Стайлса.

Дин едва заметно ухмыльнулся, вспомнив Леймонта Стайлса, его непреклонность и то, как через много лет он возвысился, к величайшему раздражению тех, кто самонадеянно предрекал, что он добром не кончит.

Конечно, теперь не осталось ни одной живой души, которая знает или знала когда-то, к чему же в конце концов пришел Леймонт Стайлс. Или к чему он приходит сейчас.

«Может, в эту минуту Леймонт Стайлс шагает по улице некоего фантастического города на некоей отдаленной планете», — подумал Дин.

Если это действительно так, и если он когда-нибудь снова вернется в родные места — кого привезет он с собой на этот раз?

Вернувшись домой в последний раз — а он и приезжал-то всего однажды, — он привез Воспителл, и это было очень чудно.

Дин отвернулся от окна и опять пошел к письменному столу, сел, пододвинул к себе бумаги. Но работа не шла на ум. Такое случалось с ним нередко. Стоит только подумать о прежних временах, когда было много друзей и много интересных дел, как погружаешься в воспоминания настолько, что больше уже не можешь сосредоточиться.

Он услышал в холле знакомую поступь и отодвинул бумаги в сторону. По шаркающей походке он узнал Стаффи – видно, тот решил зайти, чтобы скоротать время.

Дин с удивлением отметил, что в глубине души он нетерпеливо ожидает предстоящую встречу. Кое-кому это могло показаться необычным, хотя на самом деле здесь не было ничего особенно странного. Немного оставалось таких, как Стаффи – тех, с кем Дин мог поговорить по душам.

«Со стариками происходят чудеса, – думал он. – Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают или уходят со сцены, или их одолевают недуги. Или же старики замыкаются в себе, в своем внутреннем мире, где ищут покоя, которого больше не могут найти во внешнем мире».

Стаффи прошлепал к двери, остановился и, прислонившись к косяку, вытер грязной рукой обвислые желтые усы.

– Что это с тренером? – спросил он. – Выскочил откуда как ошпаренный.

– У него нет спортивной команды, – сказал Дин. – Или он только говорит, что нет.

– Каждый сезон одно и то же, – заметил Стаффи. – Спектакль, да и только.

– На этот раз, может быть, и вправду нет. Кинг и Мартин отказались выйти на поле.

Волоча ноги, Стаффи сделал еще несколько шагов и уселся в кресло.

– Это все Воспителлы, – заявил он. – Их работа.

Дин подался вперед.

– Что ты такое говоришь?!

– Я наблюдал за ними долгие годы. На всех ребятах, которых они воспитывали или которые ходили в их дошкольную группу, лежит какая-то печать. Что-то они делают с ребятами.

– Вот еще выдумки! – сказал Дин.

– И вовсе не выдумки, – Стаффи упрямо стоял на своем. – Ты же знаешь, я без предрассудков. Только потому, что они, Воспителлы, с какой-то другой планеты... Да, скажи, ты узнал, с какой планеты они прилетели?

Дин покачал головой.

– Леймонт что-то там говорил. Может он и рассказывал, но я никогда не слышал.

– Они какие-то необыкновенные, – сказал Стаффи, медленно поглаживая усы. У него был такой вид, будто он обдумывал каждое слово. – Но я никогда не ставил им этого в упрек. В конце концов, не только они на Земле чужаки. То есть, в Милвилле, конечно, только они, но ведь в разных концах Земли живут тысячи обитателей других планет.

Дин кивнул, соглашаясь с ним, но едва ли сознавая, с чем же именно он согласен. Однако он ничего не сказал – это было бесполезно. Стоит только Стаффи затеять разговор – его уже не остановишь.

– Они кажутся порядочными, – сказал Стаффи. – Не злоупотребляют ничьим доверием. Когда Леймонт уехал и оставил их здесь, они сами устроились и никогда никого не просят за них вступить. Все эти годы они жили как порядочные – вот и все, что можно о них сказать.

– Но по-твоему, они все же что-то дали ребятам? – спросил Дин.

– Они *изменили* ребят. Разве ты не заметил?

Дин покачал головой.

– Вот уж не замечал. Я знаю этих ребят много лет. Я знал их родителей. Как же, по-твоему, они изменились?

– Они слишком быстро развиваются, – сказал Стаффи.

– Конкретнее, – отрезал Дин. – Кто их развивает, что значит «слишком» быстро?

– Да эти Воспителлы уж очень развивают детей. В том-то и беда. У нас школа второй ступени, а ребята совсем как взрослые.

Откуда-то снизу донеслось унылое жужжание авто-щетки. Стаффи вскочил на ноги.

– Это подметалка. Держу пари, она опять застряла в дверях.

Он повернулся к выходу и бодрой трусцой рванулся вперед, волоча ногу.

– У-у, дурацкая машина! – рявкнул он, хлопнув дверью.

Дин опять пододвинул к себе бумаги и взял карандаш. Уже поздно, нужно кончать работу.

Но он не видел бумаг. Вместо этого со стола на него смотрели маленькие лица, их было много – большеглазые, серьезные, со взглядом, которому трудно подобрать определение.

Ему был знаком этот взгляд — так из детских лиц проглядывает зрелость.

Они слишком быстро развиваются!

«Нет, — сказал Дин сам себе. — Нет, этого не может быть!»

Однако очевидным подтверждением этому была высокая успеваемость, необычно большое число стипендиатов, пренебрежение к спорту. И кроме того, отношение к жизни в целом. И отсутствие преступности среди подростков — долгие годы милвиллцы гордились тем, что преступность у них сходит на нет. Дину пришлось на память, что несколько лет назад его просили написать об этом статью в журнал, посвященный вопросам воспитания.

Покопавшись в памяти, он вспомнил, что же такое он написал в этой статье, — о том, как родители должны осознавать, что ребенок — не последняя спица в колеснице, а полноправный член семьи, о роли, которую играла в Милвилле церковь; о том, что в школах нужно делать особый акцент на социальные науки.

«Разве я был не прав? — спросил он себя. — Разве это не так, разве тут что-то другое или кто-то другой?»

Он попытался сосредоточиться на работе, но не мог. Он был выбит из колеи. Перед его глазами так и стояли улыбающиеся лица. Они вглядывались в него.

Наконец он сунул бумаги в ящик и поднялся из-за стола. Надел издававшее виды пальто, водрузил на седую голову старую, помятую фетровую шляпу.

На первом этаже он увидел Стаффи, загонявшего на ночь последнюю автощетку в каморку. Стаффи был полон возмущения.

— Зацепиться за калорифер! — негодовал он. — Да если бы я чуть замешкался, она бы сломала всю ходовую часть. — С досады он покачал головой. — Они, эти машины, хороши, только когда все в порядке. А случись что-нибудь — сразу паника. По старинке-то лучше, Джон.

Когда последняя машина вперевалку вползла в каморку, Стаффи со злостью захлопнул за ней дверь.

— Стаффи, ты хорошо знал Леймонта Стайлса? — спросил Дин.

Стаффи покрутил усы, как бы обдумывая ответ.

— Да, хорошо. Ведь мы с ним были сверстниками, а ты немного постарше. Ты был заводилой.

Дин неторопливо склонил голову.

— Да, я помню. Только такие чудачки, как мы с тобой, и остались в нашем старом городе. Сколько народу уехало!

— Леймонт уехал в семнадцать лет. Зачем ему было оставаться? Его старуха померла, старик с утра до ночи пил горькую, а Леймонт уже пару раз побывал в переделках. И все в один голос говорили, что из Леймонта не выйдет ничего путного.

— Легко ли мальчишке, когда весь город восстает против него?

— Что верно, то верно, — отозвался Стаффи. — Никто не был на его стороне. Уезжая, он мне сказал, что когда-нибудь вернется и покажет им, кто он такой. Но я думал, что он хвастается. Ну, как это обычно делают ребята, знаешь, чтобы подбодрить самих себя.

— Как ты ошибся, — сказал Дин.

— Уж дальше некуда, Джон.

Потому что, пробыв на чужбине больше тридцати лет,

Леймонт Стайлс вернулся, вернулся в старый, овеянный бурями дом на Мейпл-стрит, в пустой дом, который ждал его все эти одинокие годы; он вернулся старый, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, большой и сильный, хотя волосы у него теперь были белее снега, а кожа, обожженная чужими солнцами, стала дубленой; вернулся после долгих скитаний от одной далекой звезды к другой.

Но Милвилл для него не был своим. Город помнил его, а он забыл город. Годы, проведенные в чужих краях, исказили его представление о родном городе, и то, что он помнил о нем, скорее походило на сказку, чем на правду, на сказку, которую породили годы, заполненные думами о прошлом, тоской и ненавистью.

— Мне надо идти, — сказал Дин, — У Керри, наверное, ужин готов. Она не любит, когда на столе стынет.

— Спокойной ночи, Джон, — сказал Стаффи.

Когда Дин закрыл за собой дверь и пошел вниз по улице, солнце почти село. Он не предполагал, что уже так поздно. Керри обидится на него и накричит.

Дин что-то пробурчал себе под нос. Керри была несравнима ни с кем.

Она не жена — у него никогда не было жены. Не мать и не сестра — обе они умерли. Просто домоправительница, преданно служившая ему долгие годы; немножко жена, немножко сестра, а иногда даже мать.

«В привязанностях человека есть нечто странное, — подумал Дин. — Они ослепляют, связывают, делают человека таким, каков он есть. Это они помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими».

Ничего похожего на ярко блистающие вершины Леймонта Стайлса, который шагнул на Землю со звезд и привез с собой этих три странных создания, которые стали сидеть с ребяташками. Привез их, устроил в своем доме на Мейпл-стрит, а потом через год-другой опять отправился к звездам, оставив Воспителл в Милвилле.

Чудно, что их провинциальный городок так спокойно принял эти экзотические создания. Еще чудней, что матери Милвилла в свое время вверили детей заботам чужаков.

Заворачивая за угол Линкольн-стрит, Дин встретил женщину с маленьким, всего ей по колено, мальчуганом.

Он увидел, что это была Милдред Андерсон, вернее — когда-то она была Милдред Андерсон, но потом вышла замуж, и он, хоть убей, не мог вспомнить ее нынешней фамилии. «Занятно, как быстро взрослеет молодежь», — подумал он. Казалось, Милдред кончила школу от силы два года назад; но в глубине души он знал, что ошибается, — прошло уже больше десяти лет.

Он коснулся своей шляпы.

— Добрый вечер, Милдред. Ого, как вырос твой мальчик!

— Я хожу в гьюпу, — пролепетал ребенок.

Мать уточнила:

— Он говорит, что ходит в группу. Он этим так гордится.

— Конечно, в дошкольную группу?

— Да, мистер Дин. Воспителлы. Они такие милые и так хороши с ребятами. Да к тому же плата, точнее, никакой платы — просто приносите им букет цветов или флакончик духов, или хорошую картинку, и они довольны. Они ре-

шительно отказываются брать деньги. Я не могу этого понять. А вы, мистер Дин?

— Да, — ответил Джонсон. — И я не могу.

Он уже позабыл, какой болтушкой была Милдред. Сейчас он вспомнил, что был период, когда ее за это прозвали Трещоткой.

— Я иногда думаю, — сказала она торопливо, будто боясь что-то упустить, — что мы, люди, здесь, на Земле, слишком большое значение придаем деньгам. А вот Воспителлы, кажется, вообще не знают, что такое деньги, или если и знают, то не обращают на них никакого внимания. Словно это что-то совсем незначительное. Я понимаю, что такие расы тоже существуют. Это наводит на размышления, верно, мистер Дин?

Теперь он вспомнил еще об одной ужасной особенности Милдред — каждый речевой период она неизбежно заканчивала вопросом.

Он и не пытался ответить ей. Он знал, что ответа не ждут.

— Мне надо идти, — сказал он. — Я и так уже опоздал.

— Мне было очень приятно вас повидать, мистер Дин, — проговорила Милдред. — Я так часто вспоминаю школьные денечки, и иногда мне кажется, что прошли долгие годы, а иногда — будто это было вчера и...

— Правда, это очень приятно, — сказал Дин, приподняв шляпу, и припустил чуть не бегом.

— Недостойное зрелище, когда среди бела дня на людной улице тебя обращает в бегство болтливая женщина, — проворчал он себе под нос.

Подойдя к дому, он услышал сердитую суетню Керри.

– Джонсон Дин, – крикнула она, едва он переступил порог, – сейчас же садитесь за стол! Все давно остыло. Сегодня вечером у меня кружок. И рук не мойте.

Дин неторопливо повесил пальто и шляпу.

– Если уж на то пошло, мне и мыть-то их не надо, – сказал он. – У меня такая работа, что не очень-то испачкаешься.

Она засуетилась, склонившись над столом, налила ему чашку кофе, переставила на середину стола бутылку пива.

– Ведь сегодня вечером у меня кружок, – сказала она, делая особое ударение на этих словах, чтобы ему стало стыдно за опоздание. – Я и посуду мыть не буду. Оставьте ее на столе. Когда приду – вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Он не понимал, в чем тут дело, но, бессознательно выполнив требование Керри, вдруг ощутил уверенность в себе. Она заглушила глодавшие его беспокойство и ростки страха, которые чуть было не оплели его, хотя он и не отдавал себе в этом отчета.

Керри прошла через жилую комнату, решительно водрузив шляпу на непреклонную голову, с видом женщины, которая опаздывает на заседание кружка не по своей вине. Она поспешила к двери.

– Вам больше ничего не надо? – спросила она, окинув быстрым взглядом стол.

– Ничего. – Он хмыкнул. – Желаю хорошо провести время в кружке. Собрать как можно больше сплетен.

Это была его излюбленная колкость и, хотя он знал, что Керри будет взбешена – выходка и впрямь была детской, – удержаться не мог.

Керри бросилась вон из комнаты, и он услышал, как она нарочито громко застучала каблуками.

С ее уходом в доме воцарилась гнетущая тишина, и, когда Дин сел за стол, комнату окутал глубокий сумрак.

«Цел и невредим, — подумал он, — старина Джонсон Дин, учитель, цел и невредим в доме, который построил еще его дед — сколько же лет назад?» Теперь он кажется несовременным с его комнатами, расположенными на одном уровне, с камином, выложенным кирпичом, с двойным гаражом, пристроенным к дому, и с большим пнем перед окнами.

Невредим и одинок.

Невредим, несмотря на угрозу, на подкравшуюся к нему тревогу, такую незаметную, что ее и распознать нельзя.

Он покачал головой.

Но вот одиночество — другое дело. Это можно объяснить. «Молодые и очень старые всегда одиноки, — подумал он. Молодые — потому, что еще не установили связей с обществом, а старые — потому, что уже разорвали их.

Общество состоит из разных слоев и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это еще не все. Такое деление можно продолжать до бесконечности. Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества. В законченном виде — если это только вообще возможно — такая таблица стала бы потрясающим документом».

Он кончил ужинать и тщательно вытер рот салфеткой. Встал из-за стола, крадучись пошел по обьятному тьмой помещению.

Он знал, что надо хотя бы собрать тарелки и навести порядок на столе. По совести говоря, посуду следовало бы вымыть. Он своим опозданием причинил Керри столько хлопот! Но он никак не мог заставить себя приняться за работу. Он цел и невредим, но все еще не пришел в себя.

Теперь он понял, что бессмысленно оттягивать это дело, бессмысленно увертываться от страха, который его изводит. Он понимал, с чем ему придется столкнуться, если только до этого дойдет дело.

Конечно, у Стаффи ум за разум зашел. Это не может быть правдой. Слишком уж он умничает, наверное, воображение разыгралось.

Ребята теперь такие же, как и всегда.

Разве, что за последний десяток лет у них заметно улучшилась успеваемость.

Разве что, как и следовало ожидать, возросла их эрудиция.

Разве что притягательность спортивных соревнований дня них уменьшилась.

Разве что здесь, в Милвилле, почти перевелись преступления.

Да еще эти торжественные детские лица с сияющими глазами, они неотрывно глядят на него с бумаг на столе.

Он стал медленно расхаживать взад-вперед по ковру возле большого кирпичного камина, чья мертвенно-черная утроба с резким запахом сгоревшего старого ясеня казалась ему пастью, и эта пасть хохотала над ним.

Он ударил старым, слабым кулаком по дрожащей ладони.

– Не может этого быть! – твердо сказал он себе.

И все же перед лицом очевидности следовало признать, что это правда.

Дети в Милвилле выросли, росли в интеллектуальном отношении намного быстрее, чем им было положено.

А может, здесь кроется и еще что-то.

«Вдруг они растут в каком-то качественно ином отношении, – подумал он. – Еще один шаг вперед из дикости, в которой пока прозябает человечество. Потому что спорт, на какой бы то ни было основе, хоть и усовершенствованный, все же остается продуктом пещерной эпохи – под различными масками человек протаскивает соперничество, временами оно прорывается в открытую именно в области спорта».

Если б он только мог поговорить с учениками, как-нибудь проникнуть в их мысли, тогда, вероятно, что-то и удалось бы для них сделать.

Но это невозможно. Слишком высоки и сложны барьеры, слишком сильно забиты линии коммуникаций. Ибо он стар, а они молоды, он власть, а они его подчиненные. Опять разные напластования отделяют их от него. Никак к ним не подойти.

Конечно, всегда можно сослаться на что-нибудь, но это может прозвучать нелепо. Однако самое главное – при случае выяснить, какие цели преследуют эти Воспителлы, и выработать свою линию поведения.

Стаффи мог ошибаться. Фанатично само предположение, что Воспителлы расставляют какие-то сети.

Особенно странно, что эти чужаки обосновались в Милвилле солидно, как старожилы. Он был уверен, что они

не пожелают подвергнуть хотя бы малейшему риску уже завоеванное ими положение — ведь все их признали, предоставили в основном самим себе и говорят о них мало.

Они делают все возможное, чтобы не привлекать к себе внимание. За эти долгие годы слишком уж много чужаков нажило себе неприятности из-за того, что совали нос в чужие дела или занимались самолюбованием. Хотя, если пораскинуть умом, то, что с человеческой точки зрения можно счесть самолюбованием, с точки зрения чужаков представляется нормой поведения.

Этим еще сильно повезло, что у них на родине мыслящие существа внешне похожи на человека. Они на деле зарекомендовали себя прекрасными детскими воспитателями, поэтому их стали высоко ценить и с готовностью приняли в свои ряды.

Вот уже много лет они пекутся о детях Милвилла: ведь они обладают всеми достоинствами воспитателей. Некогда они организовали дошкольную группу, хотя теперь он припоминает, что в связи с этим было немало шума, поскольку Воспителлы совершенно сознательно не придерживались установленных правил обучения».

Он включил свет и подошел к полкам поискать что-нибудь для чтения. Но ни одна из книг не пробудила в нем интереса. Он провел пальцем по корешкам томов, пробежал глазами заголовки, но не нашел абсолютно ничего.

От книжной полки он шагнул к широкому окну и выглянул наружу. Уличных фонарей еще не зажгли, но в окнах там и сям уже горел свет, и время от времени по мостовой медленно проезжала шаровидная машина, ее рыс-

кающие фары выхватывали из тьмы то дрожащую под ветром листву, то прильнувшую к земле кошку.

Эта улица была одной из самых старых в городе; когда-то Дин знал ее обитателей. Он без малейших колебаний мог бы назвать их имена — Вилсон, Бекет, Джонсон, Рэндом, — но никто из них здесь больше не жил. Имена были уже не те и лица незнакомые, разные слои людей смешались, и теперь на этой улице он не знал почти никого.

«Молодые и очень старые — вот кто по-настоящему одинок», — подумал он.

Он пошел к креслу и, держась очень прямо, сел перед зажженной лампой. И стал нервно барабанить пальцами по руке. Ему ужасно хотелось встать, но дел не было, разве что помыть посуду, а заниматься этим не хотелось.

«Можно пойти погулять, — сказал он себе. Прекрасная мысль! Вечерняя прогулка хорошо успокаивает.»

Надев пальто и шляпу, он вышел из ворот и повернул на запад.

И, только пройдя больше полпути, оставив в стороне деловой район, он отдал себе отчет в том, что направляется к дому Стайлса, к Воспителлам — видно, иначе он не мог.

Он не представлял себе, что ему там делать, что он там может узнать. Никакой реальной цели он не преследовал. Словно это была некая неведомая миссия, словно какая-то сила толкала его туда, будто у него не было выбора.

Он подошел к дому Стайлса и, стоя на тротуаре, оглядел его.

Это был старый дом, окруженный тенистыми деревья-

ми — их посадили много лет назад; двор, выходящий на улицу, весь зарос кустарником. Иногда вдруг кто-то приходил, подстригал газон, а то и подрезал зелень и приводил в порядок клумбы, чтобы отблагодарить Воспителл за заботу о детях, потому что они не брали денег.

«Чудно, они совсем не берут денег, — подумал Дин. — Будто деньги им не нужны, будто, если б они у них были, Воспителлы не знали бы, что с ними делать. А может, деньги им и вправду не нужны — ведь они не покупали провизии, вели один и тот же образ жизни и ни разу не болели, во всяком случае, этого никто не замечал. Может быть, временами они мерзли, хотя никогда не жаловались, но и топлива не покупали, а для уплаты налогов Леймонт Стайлс оставил им определенную сумму — так, может, деньги им и вправду ни к чему?

Было время, когда в городе ломали голову над тем, как это Воспителлы обходятся без пищи или, во всяком случае, не покупают еды. Потом об этом перестали судачить — жители решили, что насчет чужаков никогда ничего не узнаешь, не надо и пытаться.

И это, конечно, было правильно».

Внезапно Дин осознал, что дом Стайлса был даже старше его собственного. Он был построен не по единому плану — такие дома были в моде задолго до того, как стали делать все комнаты этажа на одном и том же уровне.

Окна были занавешены тяжелыми порттьерами, но в щелки пробивался свет, и Дин понял, что Воспителлы у себя. Ведь они никуда не отлучались из дома, разве что нужно было присмотреть за младенцами: но в последние годы они совсем редко выходили, потому что у людей во-

шло в привычку оставлять детишек в их домах. Ребята у них никогда не плачут, даже самые крошечные. Им всем очень нравится бывать у Воспителл.

Он сделал еще несколько шагов, поднялся на крыльцо, позвонил.

Подождав немного, он услышал какое-то движение в доме.

Дверь отворилась, и на пороге, загораясь светом, показалась фигура одной из Воспителл. Дин уже совсем забыл их облик – ведь он их видел много лет назад.

Дин припомнил, что вскоре после того, как Леймонт Стайлс вернулся домой, он встретил всех трех и потом время от времени то одну, то другую видел на улице изда- лека. Но воспоминание о них и удивление при виде их из- гладились из памяти, и сейчас как будто заново, с прежней силой его поразили волшебная грация, неожиданное ощу- щение, будто столкнулся лицом к лицу с нежным цветком.

Лицо это, если его вообще можно было так назвать, светилось добротой, оно было слишком нежным – таким нежным, что в нем совсем не чувствовалось характера и даже индивидуальности. Удивительная кожа – румяная, словно лепестки цветка, а тело стройное до неправдоподобия, и все же оно настолько исполнено грации и гармонии, что при виде его забываешь о хрупкости. От ее фигуры ве- яло милой простотой, такой наивностью, что все осталь- ное перед этим меркло.

«Нет ничего удивительного в том, что дети так любят их», – подумал Дин.

– Мистер Дин, – произнесла Воспителла, – пожалуйста, войдите. Это для нас большая честь.

– Спасибо, – ответил он, снимая шляпу.

Он сделал несколько шагов и услышал, как закрылась дверь. И вот Воспителла вдруг снова оказалась рядом с ним.

– Пожалуйста, в это кресло, – предложила она. – Оно у нас специально для особо почетных гостей.

Все было очень просто и по-дружески, однако в этом чувствовалось что-то чужое, пугающее.

Где-то в доме послышался детский смех. Дин повертел головой, чтобы понять, откуда он доносится.

– Это из детской, – сказала Воспителла. – Я закрою дверь.

Дин погрузился в кресло, положил старую, мягкую шляпу на свое костлявое колено и принялся поглаживать ее костлявыми пальцами.

Воспителла вернулась и села на пол перед Дином, села единым движением, без малейшего усилия, и у Дина создалось впечатление, будто взметнулся яркий подол, хотя на самом деле никакого подола не было.

– Да, – произнесла Воспителла так, словно хотела сказать, что теперь все ее внимание приковано к Дину.

Но он молчал, потому что в комнате все еще слышался смех. Даже когда дверь в детскую закрыли, все еще слышался детский смех. Он заполнял комнату, это был по-настоящему счастливый, веселый, непринужденный, искренний, беспечный смех ребятишек, которые упиваются игрой.

Но мало того – искорка детства сверкала в воздухе, и у Дина возникло давно забытое чувство, что он вне времени, что день никогда не кончится, что о конце его даже поду-

мать невозможно. Легкий ветерок из несбыточной страны принес с собой запах ручья, что влечет по течению флотилии опавших осенних листьев, и чуть слышное благоухание клевера и ноготков, и аромат пушистого, только что выстиранного одеяла, какие бывают на детских кроватках.

– Мистер Дин, – сказала Воспителла.

Он виновато поднял глаза.

– Простите, – сказал он. – Я заслушался.

– Но ведь дверь закрыта.

– И все же в этой комнате – дети, – проговорил Дин.

– В комнате нет детей.

– Совершенно верно, – ответил он. – Совершенно верно.

Но они были здесь. Он слышал их смех и топот их ног.

Здесь были дети или, по крайней мере, такое ощущение, будто они здесь есть, и будто здесь много цветов, которые на самом деле давным-давно засохли и погибли, но ощущение осталось. И ощущение красоты, красоты в разных ее проявлениях – и в цветах, и в ювелирных поделках, и в маленьких картинках, и в веселых разноцветных шарфах – вещах, которые на протяжении многих лет давали Воспителлам вместо денег.

– Эта комната... – запинаясь, смущенно сказал он. – До чего же приятная комната. Мне здесь так хорошо.

Он почувствовал, что окунается в юность и веселье. «Если б он мог, – подумалось ему, – если б он только мог влиться в течение этой жизни и быть таким, как они».

– Мистер Дин, – произнесла Воспителла, – вы очень чувствительны.

– Мне очень много лет. Может быть, в этом причина, – ответил Дин.

Комната была и старой, и старомодной, словно двухсотлетней давности, – небольшой кирпичный камин, отделанный белым деревом, и сводчатые дверные проемы, и окна, от потолка до пола, скрытые тяжелыми чернo-зелеными занавесями с золотой нитью. Здесь царили прочно обосновавшийся комфорт и ощущение нежности, которого современная архитектура – алюминий и стекло – никак не могла дать. В комнате кое-где виднелась пыль, было шумно, может, и грязновато, но возникало чувство, что ты дома.

– Я человек старого склада и, видимо, скоро совсем впаду в детство, – сказал Дин. – Боюсь, что для меня опять настало время уверовать в сказки и волшебство.

– Это не волшебство, – ответила Воспителла. – Это наш образ жизни, только так мы и можем жить. Согласитесь, что нам тоже хочется выжить.

– Конечно.

Он снял мятую шляпу с колена и медленно поднялся.

Теперь смех казался слабее, а топот – тише. Но ощущение юности – свежести, кипучей силы, радости – все еще наполняло комнату. Оно озарило своим сиянием всю эту старую ветошь, и сердце Дина внезапно защемило от счастья.

Воспителла все еще сидела на полу.

– Вам что-нибудь нужно, мистер Дин?

Он мял в руках шляпу.

– Больше ничего. Кажется, я получил ответ.

Даже произнося эти слова, он не мог поверить – и знал, что невозможно поверить – будто он когда-то, стоя перед дверью этого дома, твердо считал, что до правды докопаться нельзя.

Воспителла поднялась.

– Вы придете к нам еще? Мы будем очень рады видеть вас.

– Может быть, – сказал Дин и повернулся к двери.

Вдруг на полу, вертясь, возник волчок – золотой волчок, искрящийся драгоценностями, он вбирал свет и разбрасывал вокруг себя тысячи цветных бликов, и его кружение сопровождалось мелодичным свистом – чем-то вроде музыки, запрятанной внутрь и расплавлявшей человеческую душу.

Дин почувствовал, что надо уходить, хотя, сидя в кресле, он думал, что уйти невозможно. Снова донесся смех, и реальный мир куда-то уплыл, и внезапно комната наполнилась волшебным светом рождества.

Он быстро сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не знал ни своего имени, ни того, где он сейчас, ни как он попал сюда, – все это было ему безразлично. Он почувствовал, как счастье в нем бурлит и переливается через край, и он наклонился, чтобы достать волчок.

Дина отделяло от него лишь один-два дюйма, и он, наклонившись, сделал еще шаг, протянул руку – и попал ногой в дыру на старом ковре и рухнул вниз.

Волчок пропал, и рождественские огни погасли, и опять перед ним возник реальный мир. Ощущение бурлящего счастья исчезло, и в этой комнате – убежище для всех – остался лишь старик, который силился встать с пола, чтобы оказаться лицом к лицу с чужаком.

– Простите, – сказала Воспителла. – Вы почти дотянулись. Может быть, в другой раз.

Дин покачал головой.

– Нет! Только не в другой раз!

Воспителла мягко ответила:

– Мы не могли предложить вам ничего лучшего.

Дин неумело водрузил шляпу на голову и, дрожа как в лихорадке, повернулся к двери. Воспителла открыла ее, и Дин, пошатываясь, вышел на улицу.

– Приходите еще, – произнесла Воспителла очень мягко. – В любое время.

На улице Дин остановился и привалился к дереву. Он снял шляпу и вытер лоб.

Если раньше Дин был просто потрясен, то теперь в его душу вполз страх перед существами, устроенными иначе, которые едят не как люди, а по-другому, которые высасывают юность и красоту, которые пьют воду из высыхающего букета, которые отщипывают по кусочкам радость у веселящегося ребенка и даже заедают смехом.

И неудивительно, что здешние дети взрослее, чем полагается быть в их годы. Потому что чужаки лишают их ребячливости, дети для них – лишь подножный корм. «Каждому человеку, наверное, положено немало веселой беготни и детского смеха, – подумал он. – Иной использует не все, что ему причитается, на это может быть лимит, а другой истратит все до конца – радость уйдет, он будет взрослым, а в душе у него не останется больше ни смеха, ни удивления».

Воспителлы не берут денег. Им и ни к чему их брать, потому что деньги им не нужны. В доме у них чего только нет, чего только они не накопили за долгие годы!

И вот за все это время он первый ощутил, он первый выявил истинную сущность чужаков, привезенных домой

Леймонтом Стайлсом. Грустно было сознавать, что он первый это обнаружил. Он сказал себе, что он стар, может потому и оказался первым. Но это были всего лишь слова, почти автоматически сорвавшиеся с губ, просто он сам себя пожалел. Однако можно было предположить и это.

Может, старикам как-то компенсируют потерю способностей? Может, когда тело слабеет и разум мутнеет, появляются некие таинственные силы, нечто вроде чутья ищейки, — они словно угольки почти сгоревшей жизни?

Он всегда беспокоился о том, что стареет, но кто же считает старость достоинством? Он забывал о настоящем, зато его озабоченность по поводу прошлого росла все больше и больше. Он начал впадать в детство и сам об этом знал — может, тут и заключалась разгадка? Может, потому он видел волчок и рождественские огни?

Ему хотелось знать, что бы произошло, если бы он схватил волчок?

Он надел шляпу на затылок, оторвался от дерева и медленно побрел вверх по улице, направляясь к дому.

Что он должен сделать теперь, когда он раскрыл тайну Воспителл, спрашивал он себя. Конечно, он мог бы побежать и разстрелять об этом, но никто бы ему не поверил. Его бы вежливо выслушали, чтобы не ранить чувства старика, но любой житель городка счел бы это игрой воображения, и тут ничего нельзя было бы поделать. Потому что кроме собственной непоколебимой уверенности, он не располагал бы ни единым доказательством.

Он мог бы привлечь внимание к тому, что молодежь теперь рано созревает, как сегодня днем к этому привлечь его внимание Стаффи. Но он не сумеет доказать даже это,

так как в конечном счете все жители городка дадут рациональное объяснение случившемуся. Даже если других причин не найдется, они это сделают из чувства родительской гордости. Ни один человек не будет удивляться тому, что у его сына или дочери особенно хорошие манеры, и что по развитию молодежь Милвилла стоит выше среднего уровня.

Казалось бы, родители должны заметить, им просто следовало бы задуматься над этим – ведь не могут же дети всего городка быть так хорошо воспитаны и так уравновешенны! И все же никто ничего не замечал. Перемены подкрадывались так медленно, происходили так гладко, что просто не были заметны.

Да если уж на то пошло, он и сам не заметил их – он, большую часть жизни теснейшим образом связанный с этими самыми детьми, в которых теперь находит так много удивительного. А если уж и он не заметил, то как можно ждать, чтобы это сделал кто-то другой? Болтливому старику, вроде Стаффи, который лезет, куда не нужно, остается только чесать языком.

В горле у него пересохло и засосало под ложечкой. Больше всего ему сейчас хотелось чашечку кофе.

Он свернул на улицу, которая вела в деловую часть города, и побрел по ней, нагнув голову, как бы вступая в сражение с темнотой.

«Чем все это кончится, – спросил он себя. – Кому нужно, чтобы дети не видели детства? Чтоб их обкрадывали? Какова цена того, что подрастающие юноши и девушки бросают игры намного раньше срока, что они прежде времени перенимают у взрослых их отношение к жизни?»

Кому-то, видимо, это нужно. Дети Милвилла послушны и вежливы, к игре они подходят творчески; среди них больше нет ни снобов, ни маленьких дикарей.

Но все несчастье в том, что стоит им только задуматься над этим, как они перестают быть детьми.

Ну, а в будущем? Будет ли Милвилл поставщиком великих государственных деятелей, ловких дипломатов, первоклассных педагогов и талантливых ученых? Может быть, да, однако не это главное. Ведь чтобы выработать у них эти качества, детей обкрадывают, лишают детства — вот что самое главное.

Дин оказался в деловом районе, занимавшем не больше трех кварталов, и медленно побрел по улице, направляясь к единственной в городе аптеке.

В ней было лишь несколько человек. Он прошел к стойке, с несчастным видом взобрался на высокий стул, надвинув на глаза мягкую шляпу, и ухватился за край стойки, чтоб руки не дрожали.

— Кофе, — сказал он девушке, которая подошла принять заказ.

Она принесла кофе.

Он сделал маленький глоток, но кофе был слишком горячий. Дин уже жалел о том, что пришел.

Внезапно он почувствовал себя совсем одиноким и чужим среди блеска ламп и металла, будто он приплелся из прошлого и занял место, предназначенное для настоящего.

Он почти никогда не появлялся в деловом районе, и, наверное, поэтому у него родилось такое чувство. Еще того реже появлялся он здесь вечером; впрочем, некогда он тут бывал.

Дин улыбнулся, вспомнив, как они когда-то собирались и болтали в кружках о всякой всячине, не придавая этому особого значения.

Но теперь все кончено. Его товарищей больше нет. Одни умерли, другие уехали, и мало кто еще способен на рискованный шаг.

Так он сидел в раздумье, понимая, что расчувствовался, но не придавая этому значения; он слишком устал и ослаб, чтобы перебороть себя.

Чья-то рука коснулась его плеча, и он удивленно обернулся.

Перед ним стоял молодой Боб Мартин. Он улыбался, но с таким видом, будто был не совсем уверен в том, что поступает правильно.

– Сэр, мы вон там, за тем столиком, – сказал молодой Мартин, захлебнувшись от собственной храбрости.

Дин кивнул.

– Очень приятно, – пробормотал он.

– Мы хотели узнать, может... то есть, мистер Дин, мы были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам.

– В самом деле, весьма любезно с вашей стороны.

– Мы не имели в виду, сэр... то есть...

– Ну конечно, – сказал Дин. – Я буду очень рад.

– Разрешите перенести ваш кофе, сэр. Я не пролью ни капельки.

– Доверяю тебе, Боб, – сказал Дин, поднимаясь из-за стола. – У тебя верная рука.

– Я сейчас вам объясню, мистер Дин. Не то чтобы я не хотел играть... Просто...

Дин слегка похлопал его по плечу.

– Я понимаю. Не к чему объяснять.

Он помедлил секунду, пытаясь сообразить, стоит ли рассказывать о том, что у него на уме.

И решился:

– Если ты не проболтаешься тренеру, я даже скажу, что согласен с тобой. В жизни бывают такие этапы, когда регби начинает казаться довольно глупой игрой.

Мартин с облегчением улыбнулся.

– Вы попали в самую точку. Вот именно.

Он пошел к своему столику.

За столом сидели четверо – Рональд Кинг, Джордж Вудз, Джуди Чарльсон и Донна Томпсон. «Все хороши, – подумал Дин. – Будто на подбор». Он глядел, как они неторопливо потягивают содовую, стараясь растянуть удовольствие.

Они смотрели на него и улыбались, а Джордж Вудз отодвинул один из стульев, как бы приглашая Дина. Тот осторожно сел и положил шляпу на пол за своим стулом. Боб пододвинул ему кофе.

– Вы очень добры, – сказал Дин и удивился, почему он чувствует себя скованным. В конце концов это его дети, которых он каждый день видел в школе, те, кого он лелеял и у кого пробуждал охоту к знанию, дети, которых у него самого не было никогда.

– Вы сейчас нам так нужны, – сказал Рональд Кинг, – Мы тут говорили о Леймонте Стайлсе. Он единственный милвиллец, который побывал в космосе и...

– Вы, должно быть, знали его, мистер Дин, – сказала Джуди.

– Да, – неторопливо ответил Дин, – Я его знал, но ху-

же, чем Стафф. Они со Стаффом вместе провели детство. Я был немного старше.

– Что он за человек? – спросила Донна.

Дин хмыкнул.

– Леймонт Стайлс? Он был в нашем городе козлом отпущения. Когда он учился в школе, – ни денег, ни домашнего очага у него не было, он так и не доучился. Если в городе происходила какая-то заваруха, вы могли ручаться головой, что в этом замешан Леймонт. Каждый встречный и поперечный утверждал, что из Леймонта ничего путного не выйдет, а так как о нем судачили часто и долго, Леймонт, должно быть, принимал это близко к сердцу.

Он все говорил и говорил, и они задавали ему вопросы, а Рональд Кинг сходил к стойке и принес ему еще одну чашечку кофе.

От Стайлса разговор перекинулся на регби. Кинг и Мартин повторили ему то, что сказали тренеру. Потом затронули проблемы школьного самоуправления, а потом перешли к обсуждению новой, недавно открытой теории ионного двигателя.

Дин не всегда принимал участие в разговоре; он больше слушал, задавал вопросы, и время промелькнуло незаметно.

Внезапно огни начали мигать, и Дин в изумлении поднял глаза.

Джуди, смеясь, разъяснила:

– Это сигнал к закрытию. Значит, нам пора уходить.

– Понятно, – сказал Дин, – А что, с вами частенько так бывает – я хочу сказать, часто вы сидите здесь до самого закрытия?

– Не очень, – ответил ему Боб Мартин. – В будни больно уж много задают.

– А я вот помню, когда-то давно такое со мной было, – начал Дин, но осекся на полуслове.

«Да, и впрямь давно, – подумал он. – И сегодня вечером – снова!»

Он окинул их взглядом – пять лиц склонились над столом. «Вежливы, добры и почтительны, – подумал он. – Но этого мало».

В разговоре с ними Дин забыл о том, что он стар. Они принимали его просто как живое существо, а не как человека преклонных лет, не как символ авторитета. Они стали ему близки, он почувствовал, будто он один из них, а они – это он. Они сломали не только барьер между учениками и учителем, но и барьер между молодостью и старостью.

– У меня здесь машина, – сказал Боб Мартин. – Разрешите подвезти вас до дому.

Дин подобрал с пола шляпу и медленно поднялся на ноги.

– Нет, спасибо, – сказал он, – Пожалуй, я лучше пройду пешком. Мне нужно кое-что обдумать, а когда идешь – думается

– Приходите еще, – сказала Джуди Чарльсон. – Может, как-нибудь в пятницу вечером.

– Спасибо, – ответил Дин. – Пожалуй, я приду.

«Большие дети, – сказал он себе с некоторой гордостью. – Намного добрее и вежливее обычных подростков – ни нахальства, ни снисходительности, будто они и не дети, и все же есть в них великолепие юности – и мечтательность, и честолюбие, что идут рука об руку с юностью».

Повзрослевшие прежде времени, лишенные цинизма. А это очень важно – отсутствие цинизма.

Конечно, в их человеколюбии нет ничего дурного. Быть может, именно этим одарили их Воспителлы взамен украденного детства.

Если они и впрямь его украли. Потому что, может, они и не крали, а просто взяли и отложили про запас.

А если это так, то Воспителлы одарили ребят новым чувством зрелости и новым ощущением равенства. И взяли у ребят другое – то, что так или иначе пропадало впустую, – нечто такое, чему люди, в сущности, не находили применения, но для Воспителл это было самым главным.

Они взяли себе юность и красоту и отложили в своем доме про запас; они сохранили то, что человеческие существа могли хранить лишь в памяти. Они ловили быстротечные мгновения и удерживали их, – и вот он, урожай многих лет, дом был доверху набит ими.

«Леймонт Стайлс, – спросил он, ведя мысленный разговор с этим человеком через долгие годы, через дальние расстояния, – ты об этом знал? Какую цель ты преследовал?

Не было ли это вызовом самодовольству чопорного городка, который вынудил его стать сильным? Надеждой, уверенностью, что ни один милвиллец больше уж не скажет ни про кого из ребят, как говорили про Леймонта Стайлса, что из этого мальчика или девочки ничего путного не выйдет».

Это, конечно, важно, но это еще не все.

Донна дотронулась до его локтя и потянула за рукав.

– Пойдемте, мистер Дин, – настойчиво звала она. – Вам нельзя здесь оставаться.

Они все вместе направились к двери, попрощались, и он вышел на улицу, как ему показалось, немного быстрее обычного.

Это потому, что теперь он стал чуть моложе, чем был два часа назад, совершенно серьезно сказал он себе.

Дин пошел быстрее и больше не прихрамывал, и совсем не устал, но боялся признаться в этом самому себе — ведь это была мечта, надежда, поиски, в которых никто никогда не признается.

Он шел куда глаза глядят. Ему нужно было отправляться домой. Было поздно, давно пора в постель.

Но он не мог произнести этого слова. Не мог облечь мысль в словесную оболочку.

Он пошел вверх по улице — мимо лужайки, заросшей кустарником, и увидел, что свет все еще просачивается сквозь спущенные занавеси. «Это и Стаффи, и я сам, и старина Эйб Хокинс. Нас много...»

Дверь отворилась; на пороге стояла Воспителла, спокойная и красивая. Она нисколько не удивилась. «Словно она специально ждала меня», — подумал Дин.

И увидел остальных двух, которые сидели у камина.

— Пожалуйста, входите в дом, — предложила Воспителла. — Мы очень рады тому, что вы решили вернуться. Все дети ушли. Давайте поговорим в тишине и покое.

Он вошел и снова сел в кресло, аккуратно положив шляпу себе на колено.

Еще раз дети пробежали по комнате, и он почувствовал себя вне времени и пространства и услышал смех.

Он сидел в кресле и думал, покачивая головой, а Воспителлы ждали.

«Трудно, – думал он. – Трудно найти нужные слова».

И вновь, как много лет назад, он почувствовал себя учеником, которого учитель вызвал отвечать урок.

Они все еще ждали, но они были терпеливы; надо дать ему время.

Он должен сказать обо всем как следует. Он должен добиться того, чтоб они поняли. Он не может просто сболтнуть, что придется. Его слова должны прозвучать естественно и в то же время быть логичными.

«Но как сделать, чтобы в них была логика?» – спросил он себя.

В том, что старики, подобные ему и Стаффи, нуждаются в Воспителлах, не было ни капли логики.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Когда подошло время спускаться за почтой, старый Клайд Паккер оторвался от своих марок и прошел в ванную – расчесать седые волосы и бороду. Как будто и без того забот мало, подумал он в который раз, однако никуда не денешься: на лестнице ему наверняка встретится кто-нибудь из соседей, а им до всего есть дело. Паккер не сомневался, что они сплетничают, обсуждают его между собой, и хуже всех была вдова Фоше, что жила в квартире напротив. Хотя, в общем-то, его мало трогало, что о нем думают.

Прежде чем отправиться за почтой, он открыл ящик стола в центре захламленной гостиной – на столе в полном беспорядке грудami лежали нужные и ненужные бумаги – и достал маленькую коробочку, присланную с одной из планет системы Унук-аль-Хэй. Паккер отщипнул кусочек от хранившегося в коробке высушенного листка и отправил в рот.

Он замер на несколько секунд у выдвинутого ящика, наслаждаясь сочным диковинным вкусом: не мята и не виски – лишь привкус и того, и другого, но к ним примешивалось и что-то еще, совершенно особенное, присущее только этим странным листьям. Ни одному человеку на Земле не доводилось пробовать ничего подобного. Паккер подозревал, что отвыкнуть от них будет очень трудно, хотя ни о чем таком Пуг-Аль-Наш его не предупреждал.

Впрочем, подумал Паккер, даже если бы Пуг-Аль-Наш решил сделать это, он – здесь, на Земле – скорее всего, ничего бы не понял: пытаюсь расшифровать записки Пуг-

Аль-Наша, Паккер всякий раз поражался, до чего же унукские представления о земном языке и земной грамматике далеки от истинной картины.

Коробочка, заметил он, почти опустела. Оставалось только надеяться, что его странный, но верный корреспондент, на которого он так привык рассчитывать, не подведет и теперь. Хотя повода сомневаться в нем у Паккера не было: за те двенадцать лет, что они переписывались, Пуг-Аль-Наш его никогда не подводил. Когда содержимое предыдущей бандероли подходило к концу, обязательно прибывала новая коробочка листьев с короткой дружеской запиской — и вся в самых новых унукских марках.

Ни днем раньше, ни днем позже, а именно тогда, когда кончался последний листок — словно Пуг-Аль-Наш каким-то непостижимым для землянина образом узнавал, когда у того кончаются эти листья.

«Надежный парень, — говорил себе Клайд Паккер. — Не гуманоид, конечно, но на него вполне можно положиться».

И он снова задумался, как все-таки Пуг выглядит. Почему-то ему всегда представлялось, что это маленькое существо, но на самом деле он не знал ни его размеров, ни внешнего вида. Унук относился к числу тех планет, где землянам просто не выжить, поэтому все коммерческие операции и прочие контакты — как и со многими другими цивилизациями — осуществлялись при помощи посредников.

Что, интересно, делал Пуг с теми сигарами, которые Паккер посылал ему в обмен на коробочки с листьями?

Ел? Курил? Нюхал? Валялся на них или втирал в волосы? Если у него вообще есть волосы...

Паккер потряс головой и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. Затем дважды проверил, сработали ли замок. Кто их знает, этих соседей и особенно вдову Фоше: может, они только и ждут, как бы пробраться к нему в квартиру, пока его нет.

На лестничной площадке никого не оказалось, что Паккера очень обрадовало. Чуть не крадучись, он подошел к лифту и нажал кнопку, надеясь, что удача не оставит его, и никто так и не появится.

Увы.

В конце длинного коридора показался сосед, развязный, горластый тип из тех, что бесцеремонно – в их понимании, по-дружески – хлопают людей по спине и думают, что это нормально.

– Доброе утро, Клайд! – радостно заорал он издалека.

– Доброе утро, мистер Мортон, – ответил Паккер довольно прохладным тоном. С какой стати этот Мортон обращается к нему по имени? Никто никогда его так не называет – разве что изредка племянник, Антон Кампер, который зовет его «дядя Клайд» или чаще – просто «дядюшка». А Тони – просто никчемный болтун. Вечно что-то затевает, строит грандиозные планы. Послушать его, так он на днях миллионером станет, только все его планы превращаются в пшик. А еще он – пройдоха, каких свет не видывал.

«Как и я, в точности, – подумалось Паккеру, – не то что эти, теперешние. Одни только разговоры... Будь я помоложе, – решил он, с гордостью и теплотой вспоминая прошлое, – я бы их всех ощипал как цыплят».

– Как сегодня марочный бизнес? – поинтересовался Мортон, подойдя ближе, и от души хлопнул Паккера по спине.

– Должен напомнить вам, мистер Мортон, что я не занимаюсь филателистическим бизнесом, – резко ответил Паккер. – Хотя действительно интересуюсь марками, увлечен ими и настоятельно рекомендую...

– Я не то имел в виду, – пояснил Мортон несколько смущенно. – Я не хочу сказать, что вы продаете марки или там...

– Строго говоря, продаю, – перебил его Паккер. – Но изредка и в небольших количествах. Это едва ли можно назвать бизнесом. Просто некоторые коллекционеры знают о моих обширных связях и время от времени...

– Вот я и говорю! – радостно заорал Мортон и от избытка чувств снова хлопнул Паккера по спине. – Все дело в связях! Если есть связи, тогда в любом деле не пропадешь. Вот я, например...

От продолжения тирады Паккера спасло лишь то, что прибыл наконец лифт.

Спустившись вниз, он сразу направился к стойке дежурного.

– Доброе утро, мистер Паккер, – сказал клерк, вручая ему стопку писем. – Тут для вас еще посылка, и довольно тяжелая. Может быть, вам помочь?

– Нет, благодарю вас, – ответил Паккер. – Я уверен, что справлюсь сам.

Клерк выложил посылку на стойку. Паккер взял ее в руки и тут же опустил на пол – весил пакт, должно быть, фунтов тридцать. А адресную наклейку почти всю покры-

вали марки с такими высокими номиналами, что аж дух захватывало.

Паккер взглянул на наклейку повнимательнее: его фамилия и адрес были выведены печатными буквами и так старательно, словно земной алфавит представлялся отправителю непостижимым таинством. Вместо обратного адреса — мешанина из точек, закорючек и черточек: понять ничего невозможно, но вроде бы что-то знакомое. Марки, сразу определил Паккер, выпущены в систем девятой звезды созвездия Рака — за всю его жизнь ему доводилось видеть такие лишь один раз. Некоторое время он просто стоял, пытаясь сообразить, сколько они могут стоить.

Затем сунул стопку писем под мышку и поднял посылку с пола. Теперь она показалась Паккеру еще тяжелее, и он тут же пожалел, что отказался от помощи. Но сказанного не воротишь. Да и в конце концов, не такой уж он еще старый и дряхлый.

Доковыляв до лифта, он опустил пакет на пол и остановился лицом к двери, ожидая кабину. Неожиданно у него за спиной раздался голос, похожий на птичье щебетание, и Паккер вздрогнул, узнав голос вдовы Фоше.

— О, мистер Паккер, — затараторила она, — я так рада, что вас встретила.

Паккер обернулся, ибо ничего другого ему не оставалось — нельзя же в самом деле стоять к ней спиной, словно ее там нет.

— О, какие вы тяжести носите... — пожалела его вдова Фоше. — Позвольте, я вам помогу.

С этими словами она выхватила у него из-под руки стопку писем и добавила:

— Бедняжка. Я помогу вам их донести.

Паккер с удовольствием бы ее придушил, но вместо этого лишь улыбнулся. Улыбка, правда, вышла несколько натянутая, даже зловещая, но на большее его не хватило.

— Как мне повезло, что я вас встретил, — ответил он. — Один бы я ни за что не справился.

Не заметив скрытой иронии, вдова Фоше продрожала молотъ языком как ни в чем не бывало:

— Сегодня к ленчу я собиралась приготовить бульон, и у меня всегда получается слишком много. Может, вы присоединитесь?

— Нет, к сожалению, это невозможно, — встревоженно сказал Паккер. — Прошу меня извинить, но сегодня у меня очень много работы. — Кивнув на стопку писем у нее в руках и на посылку, он, словно рассерженный морж, выпустил воздух через усы, но вдова Фоше ничего не заметила.

— Как это, должно быть, романтично и увлекательно! — снова затрещала она. — Все эти письма и пакеты с разных концов Галактики! С таких далеких и странных планет! Вы непременно должны как-нибудь просветить меня, рассказать, что такое собрание марок!

— Видите ли, мадам, — несколько раздраженно ответил Паккер, — я занимаюсь марками больше двадцати лет и едва только начинаю понимать, что такое филателия, так что я едва ли возьмусь объяснять это кому-либо еще.

Она продолжала болтать.

«Черт бы ее побрал, — подумал Паккер. — Когда же она замолчит?»

Старая перечница! Он снова с шумом выпустил воздух через усы. Теперь она три дня будет носиться по всем со-

седам и рассказывать, как они «странно» встретились и какой он «странный» старикашка. Письма, мол, получает со всяких чужих планет, и бандероли, и посылки. И уж наверняка здесь дело не только в марках. Здесь, мол, что-то не чисто, можете и не сомневаться даже...

У его двери вдова Фоше неохотно отдала письма и спросила:

– Вы уверены, что не передумаете насчет бульона? Это не просто бульон. Я его готовлю по особому рецепту.

– К сожалению, я вынужден отказаться.

Паккер отпер замок и открыл дверь. Она все не уходила.

– Я бы с удовольствием пригласил вас зайти, – соврал он, вежливо улыбаясь, – но у меня немного не прибрано.

«Немного не прибрано» – это было, конечно, мягко сказано.

Оказавшись, наконец, за надежно запертой дверью, Паккер пробрался мимо беспорядочных штабелей из кляс-серов, ящиков, коробок к столу и поставил посылку рядом. Первым делом он просмотрел письма; одно оказалось с Дахиба, другое – из системы Лиры, третье – с Муфрида, а четвертое – с Марса – просто рекламный проспект какого-то концерна.

Паккер откинулся на спинку громоздкого кресла и обвел комнату взглядом.

«Надо все-таки взяться как-нибудь и привести квартиру в порядок», – сказал он себе. Без сомнения, здесь полно барахла, которое можно просто выбросить, а все ценное надо рассортировать по коробкам и надписать, чтобы всегда можно было найти то, что нужно. Может быть, есть

смысл даже составить генеральный каталог — тогда он, по крайней мере, будет знать, что у него уже есть, а чего нет, и сколько все это стоит.

Хотя это, конечно, не самый главный вопрос.

Возможно, ему пора специализироваться. Большинство коллекционеров так и поступают. Галактика слишком велика, чтобы собрать все галактические марки. Даже два тысячелетия назад, когда коллекционерам приходилось беспокоиться только о земных марках, их печатали так много, что филателисты придумали специализацию.

Однако, на чем же все-таки специализироваться, если сознательно хочешь ограничить свои интересы? Может быть, на марках только с одной какой-то планеты или звездной системы? Может, на планетах за пределами определенного радиуса, скажем, в пятьсот световых лет? Или на конвертах? Например, было бы очень интересно составить коллекцию конвертов с гашениями и почтовыми отметками, демонстрирующую различия и тонкости почтового сообщения в глубине космоса, среди далеких звезд.

Но в том-то и дело, что тут все интересно. Можно потратить три жизни, но так и не добраться до конца.

Хотя за двадцать лет можно, если постараться, собрать огромное количество материала. А уж он-то старался! Он отдавал коллекционированию всего себя и наслаждался каждой минутой, проведенной с марками. В некоторых областях, не без гордости подумал Паккер, ему удалось стать своего рода экспертом. Время от времени он писал статьи для филателистических журналов, и едва ли не каждую неделю кто-нибудь из знаменитейших коллекционеров обращался к нему за помощью или просто заходил поболтать.

Марки, чего уж там говорить, способны доставить огромное наслаждение, признавал Паккер, словно извиняясь. Огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но само собирание материала – лишь часть коллекционирования, своего рода начальная стадия. Гораздо важнее были контакты. И без них просто не обойтись, особенно без контактов в дальних пределах Галактики. Если вы не хотите полагаться на жуликоватых дельцов в филателистических магазинах, которые предлагают лишь то, что легко достать, контакты просто необходимы. Контакты с другими коллекционерами, которые желают обмениваться марками, контакты с одинокими людьми на одиноких форпостах и на самом краю Галактики, где, скорее всего, и можно найти редкий, экзотический материал, с людьми, которые готовы отыскать его, сохранить и переслать вам за вполне приемлемую цену, или с каким-нибудь Богом забытыми организациями, что приторговывали наборами различных марок в попытках хоть немного пополнить скудный бюджет.

В системе еотовой Шкуры, например, жил человек, которому в обмен на его марки нужны были лишь последние музыкальные записи с Земли. А один бесстрашный миссионер на пустынном Агустроне собирал пустые жестянки из-под табака и бутылки, которые по какой-то причине ценились на этой безумной планете очень высоко. Но среди многих других – землян и инопланетян – самым важным для Паккера корреспондентом всегда был Пуг-Аль-Наш.

Паккер перекатил размокший и почти уже лишенный вкуса листок на языке, с наслаждением всасывая последние капли божественного нектара.

Если бы кому-нибудь удалось раздобыть крупную партию этих листьев, подумалось ему, человек мог бы ска- зочно разбогатеть. Расфасовать их в маленькие пакетики наподобие жевательной резинки, и здесь, на Земле, листья будут разметать как горячие пирожки. Он как-то пытался поднять этот вопрос в переписке с Пуг-Аль-Нашем, но только запутал беднягу-унукийца, который почему-то просто не видел смысла в коммерческих операциях, выхо- дивших за рамки личных потребностей самих участников обмена.

Позвонили в дверь, и Паккер пошел открывать.

Оказалось, это Тони Кампер.

– Привет, дядя Клайд, – беззаботно произнес он.

Паккер неохотно открыл дверь пошире.

– Ладно, заходи уж, раз пришел.

Тони шагнул через порог, сдвинул шляпу на затылок и окинул квартиру оценивающим взглядом.

– Честное слово, дядюшка, тебе нужно взять как- нибудь и выкинуть весь этот хлам. Просто не представ- ляю, как ты тут живешь.

– Нормально живу, – осадил его Паккер. – Но, может быть, я при случае разберу здесь немного.

– Хотелось бы верить.

– Мальчик мой, – горделиво произнес Паккер, – думаю, я без всякого преувеличения могу сказать, что у меня одна из лучших коллекций галактических марок на Земле. Ко- гда-нибудь я помещу их все в альбомы...

– Этого никогда не произойдет, дядюшка. Ты просто будешь складывать их в кучи, как и раньше. Твоя коллек- ция растет так быстро, что ты не успеваешь сортировать даже новые поступления.

Он пнул носком ботинка стоящую у стола коробку.

– Вот, например? Опять новая посылка?

– Только что пришла, – признал Паккер. – И пока я не выяснял, откуда она.

– Отлично! – сказал Тони, – Что ж, развлекайся. Ты еще нас всех переживешь.

– И переживу! – запальчиво ответил Паккер. – Однако зачем ты все-таки пришел?

– Да ни за чем, дядюшка. Просто заскочил проведать и напомнить, что выходной ты обещал провести у нас. Энн настояла, чтобы я непременно зашел и напомнил. Дети всю неделю дни считали...

– Я помню, – соврал Паккер, поскольку напрочь забыл о данном обещании.

– Я могу заехать за тобой. Скажем, в три пополудни?

– Нет, Тони. Спасибо. Не беспокойся. Я вызову стратотакси. В три будет очень рано, а у меня еще полно дел.

– Надо думать! – сказал Тони и двинулся к выходу, потом добавил с порога: – Не забудь!

– Разумеется, не забуду, – резко ответил Паккер.

– Энн обидится, если ты не приедешь. Она запланировала на вечер все твои любимые блюда.

Паккер проворчал что-то в ответ.

– Ужин в семь, – напомнил Тони жизнерадостно.

– Хорошо, Тони. Я приеду.

– Ладно, дядюшка, до вечера.

«Молокосос, – подумал Паккер. – Опять неизвестно что затеял, наверно. Всю жизнь проворачивает какие-то делишки, а толку никакого. Еле на жизнь хватает...»

Он вернулся к столу.

«Наверно думает, что получит в наследство мои деньги. Хоть там и не бог весть сколько... Что же, пусть думает. Я, пока не потрачу все до последнего цента, помирать не собираюсь».

Паккер сел за стол, взял один из конвертов, вскрыл его перочинным ножом и высыпал содержимое на маленький расчищенный в середине стола пяточок. Затем включил лампу, пододвинул плафон ближе и склонился над марками.

Очень даже неплохая подборка, оценил он сходу. Вот, например, марка с р-Близнецов-ХII — или это XVI? — отличный образчик современной классики: сколько изящества, сколько фантазии, какая тонкая работа гравера и сколько здесь чувствуется любви и внимания, бумага высочайшего качества и превосходная печать.

Паккер принялся искать пинцет, но на столе его не оказалось. Он порылся в ящике, содержимое которого и без того напоминало разоренное крысиное гнездо, но тоже безрезультатно. Тогда он опустился на колени и поискал под столом.

Пинцета нигде не было.

Отдуваясь, он забрался обратно в кресло. Настроение было испорчено.

«Куда они вечно деваются? — подумал он сердито. — Наверно, уже двенадцатый пинцет... Черт бы их побрал, никогда не помню, куда в последний раз положил...»

В дверь снова позвонили.

— Войдите! — в сердцах крикнул Паккер.

Вошел небольшого роста человек, чем-то похожий на мышь, мягко прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно теребя в руках шляпу.

– Прошу прощения... Мистер Паккер?

– Ну разумеется, это я, – нетерпеливо произнес Паккер.
– Кого еще вы ожидали тут увидеть?

– Э-э-э... сэр... – незнакомец сделал несколько шажков и остановился. – Меня зовут Джейсон Пикеринг. Возможно, вы обо мне слышали...

– Пикеринг? – Паккер на мгновение задумался, – Пикеринг? О, конечно же, я слышал о вас! Вы собираете систему Полярной звезды.

– Верно, – признал Пикеринг чуть жеманно. – Я весьма польщен, что вы...

– Напротив, – перебил его Паккер, поднимаясь, и протягивая гостю руку. – Это большая честь *для меня!*

Он наклонился и скинул со стула два кляссера и три обувные коробки. Одна из них опрокинулась, и на пол посыпались марки.

– Прошу вас, садитесь, мистер Пикеринг, – галантно предложил Паккер.

Гость несколько ошарашенно присел на край стула.

– Боже, – произнес он, окидывая взглядом царивший в квартире беспорядок, – у вас тут огромное количество материала. Но вы, без сомнения, всегда можете отыскать то, что вам нужно...

– Чаще всего, нет, – ответил Паккер, опускаясь в кресло. – Я по большей части даже не знаю, что у меня есть.

Пикеринг хихикнул.

– Тогда, сэр, вас ждет в будущем множество замечательных сюрпризов.

– Едва ли. Я никогда ничему не удивляюсь, – заносчиво произнес Паккер.

– Однако, к делу. Я бы не хотел отнимать у вас время попусту. Нет ли у вас случайно марки «Поларис-176» на конверте? Это довольно редкий номер, даже сам по себе, и я ни разу не слышал, чтобы кому-то марка встречалась вместе с конвертом. Однако мне посоветовали обратиться к вам: возможно, у вас есть то, что я ищу...

– Подождите, дайте вспомнить. – Паккер откинулся на спинку кресла и мысленно перелистал страницы каталога. Есть: вспомнил! «Поларис-176» – маленькая марка, можно даже сказать, крошечная, ярко-голубая с алым пятнышком в нижнем левом углу, а по всему полю – плотный орнамент из тонких завитков.

– Да, – сказал он, открывая глаза. – Похоже, у меня есть такая марка. Помнится, много лет назад...

Пикеринг, затаив дыхание, наклонился вперед.

– Вы хотите сказать, у вас действительно...

– Да, я уверен, она где-то здесь. – Паккер неуверенно обвел рукой сразу полкомнаты.

– Если вы найдете ее, я готов заплатить десять тысяч.

– Насколько я помню, это была полоска из пяти марок. Письмо шло с Полариса-VII на Бетельгейзе-XIII через... Нет, похоже, я уже не вспомню, через какую планету.

– Полоска из пяти марок!!!

– Насколько помню. Но может быть, я и ошибаюсь.

– Пятьдесят тысяч! – выкрикнул Пикеринг, чуть не пуская слюну. – Пятьдесят тысяч, если вы их отыщете!

Паккер зевнул.

– Всего за пятьдесят тысяч, мистер Пикеринг, я даже искать не стану.

– Сто!

— Я подумаю.

— Но вы начнете розыски прямо сейчас? Должно быть, вы помните хотя бы приблизительно...

— Мистер Пикеринг, чтобы накопить эти груды материала, которые вы видите вокруг, мне потребовалось двадцать лет, и память у меня уже не та. Честно говоря, я понятия не имею, где они могут лежать.

— Назначайте вашу цену, — взмолился Пикеринг. — Сколько вы хотите?

— Если я найду их, — сказал Паккер, — возможно, мы сойдемся на четверти миллиона. Но если найду.

— Вы поищите?

— Посмотрим. Может быть, я рано или поздно просто наткнусь на них случайно. Надо будет как-нибудь привести все это в порядок. Если они мне попадутся, то я о вас не забуду.

Пикеринг резко встал.

— Вы надо мной смеетесь, — обиженно произнес он.

Паккер махнул рукой.

— Я никогда ни над кем не смеюсь.

Пикеринг двинулся к двери. Паккер поднялся с кресла.

— Позвольте, я вас провожу.

— Не стоит. И извините за беспокойство.

Паккер снова опустился в кресло, глядя, как гость закрывает за собой дверь.

Довольно долго он сидел, пытаясь вспомнить, где же у него лежит конверт из системы Полярной звезды, но в конце концов сдался: это было так давно.

Затем он снова принялся искать пинцет, но тоже безуспешно. Видимо, утром придется пойти и купить новый.

Тут Паккер вспомнил, что утром его дома не будет, поскольку обещал навестить семью Тони в их летнем коттедже на берегу Гудзонова залива.

Черт, и как только он умудряется терять столько пинцетов?

Паккер сидел, погрузившись в какое-то полудремотное-полузадумчивое состояние, размышляя о самых разных вещах. В основном, о марках с клейким слоем и о том, как из многочисленных идей, возникших на Земле, именно эту жители Галактики подхватили быстрее всего и за две тысячи лет распространили до самых дальних пределов обитаемого пространства.

Становилось все труднее уследить за новинками; да и самих планет, что выпускали марки, становилось все больше. Марки множились с невероятной быстротой, и чтобы не отстать, не пропустить что-то, приходилось тратить огромные усилия.

А марок, в том числе и очень необычных, навывпускали множество. Взять хотя бы марки с Манкалина, у которых номинал определяется запахом. Не пятицентовые, скажем, или пятидолларовые, или даже стодолларовые марки, а марки с запахом роз — для местной почты, марки с запахом сыра — для межпланетной корреспонденции внутри звездной системы, и еще один вид для межзвездных пересылок — эти воняли так, что человеку за сорок шагов становилось дурно.

Или выпуски с Альгейба, отпечатанные цветами, которые человеческому глазу не дано видеть — хуже всего то, что номиналы на них были напечатаны этими же цветами. А взять ту знаменитую классическую серию, выпущенную

– разумеется, нелегально – пиратами с Леониды; вместо бумаги они использовали обработанную кожу землян, попавших некогда в их лапы...

Паккер сидел, уронив подбородок на грудь и прислушиваясь к нарушающему тишину тиканью часов, безнадежно утерянных где-то в завалах коллекционного материала.

Марки дали ему новую жизнь, причем жизнь, которой он был вполне доволен. Двадцать лет назад, когда умерла Мира и он продал свою долю акций экспортной компании, ему казалось, что жизнь кончилась, что ничего хорошего у него уже не будет. Однако сейчас марки увлекали его даже больше, чем в свое время экспортный бизнес – и это просто благословение, да, именно благословение.

Продолжая сидеть, Паккер с теплой признательностью вспоминал свою коллекцию, спасшую его от пучины одиночества, вернувшую ему интерес к жизни и словно бы омоложившую его.

А затем он уснул.

Разбудил его звонок дверь, и Паккер, протирая глаза пошел открывать.

У порога стояла вдова Фоше с маленькой кастрюлькой в руках. Она протянула ее Паккеру и затараторила:

– Я все-таки подумала: наверно, бедняжке это понравится. Тут немного бульона, что я приготовила. У меня всегда получается больше, чем нужно. Для одной так неудобно готовить...

Паккер взял кастрюльку у нее из рук.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Вдова бросила на него пристальный взгляд.

– Вы больны! – заявила она и шагнула через порог, заставив Паккера попятиться.

– Я вовсе не болен, – попытался отбиться Паккер. – Я просто заснул в кресле, а так со мной все в порядке.

Она протянула пухлую руку и потрогала его лоб.

– Да у вас температура! Вы просто горите!

– Ничего у меня нет! – не выдержал Паккер. – Говорю же я вам: я просто уснул.

Вдова Фоше обогнула его и, пробравшись между стопками коробок, ворвалась в комнату. Паккер только успел подумать: «Боже, она-таки проникла в квартиру! Как же ее теперь выдворить?»

– Ну-ка идите сюда и садитесь, – приказала вдова. – Термометра, надо полагать, у вас нет?

Паккер, уже покоровшись судьбе, покачал головой.

– И не было. Я никогда не болел.

Вдова Фоше вдруг взвизгнула, подпрыгнула и неуклюжим галопом понеслась к выходу. На полпути она споткнулась о тяжелую картонную коробку и растянулась на полу, но торопливо вскочила и, что-то проверещав напоследок, вылетела на лестничную площадку.

Паккер захлопнул за ней дверь и в некотором недоумении уставился на кастрюльку: он по-прежнему держал ее в руках и за все это время не пролил ни капли.

Однако что же так напугало вдову Фоше?

И тут он увидел: по полу бегала маленькая мышка.

Паккер приподнял кастрюльку, салютуя своей спасительнице и серьезным тоном произнес:

– Спасибо, дружок!

Мыши... Одно время ему казалось, что мыши здесь

действительно есть – то сыр обгрызут на кухонной полке, то кто-то шуршит по ночам – и его это беспокоило: вдруг они устроили себе гнездо где-нибудь в завалах филателистического материала?..

Но нет худа без добра, подумалось Паккеру.

Он взглянул на часы; оказалось, уже пять вечера. Каким-то образом он забылся и пропустил ленч, а до отъезда оставалось совсем немного. «Что же, похлебаю бульона, – решил он, – и заодно просмотрю содержимое пакета...»

Паккер взял со стола несколько полных коробок и переставил их на пол: места стало побольше – как раз чтобы разложить новые поступления.

Он прошел на кухню отыскал ложку и, попробовав бульон, счел, что готовить вдова Фоше действительно умеет. Кастрюлька была еще теплая и для полировки на столе это, конечно, плохо, но Бог с ней, с полировкой: еще об этом не хватало беспокоиться.

Паккер подтащил пакет к столу и прежде всего расшифровал загадочный обратный адрес. Эту новую знаковую систему начали несколько лет назад использовать в созвездии Волопаса, а посылка пришла от одного из его загадочных корреспондентов из созвездия Лебедя. Время от времени Паккер посылал ему в обмен ящик лучшего шотландского виски.

Прикинув, сколько весит посылка, он решил, что на этот раз нужно будет отправить, по крайней мере, два.

Вскрыв пакт, Паккер взял его за низ, перевернул, и на стол хлынул поток конвертов. Он отшвырнул пустой пакет в угол и в самом приятном расположении духа уселся в кресло, затем, прихлебывая бульон, принялся нетороп-

ливо разбирать свои новые сокровища. Даже на первый взгляд это была великолепная подборка. Отправитель взял на себя труд систематизировать конверты по месту выпуска и рассортировать их в маленькие стопки, перетянутые резинками.

Стопка конвертов с Расальхейга, еще одна с Челеба, с Нунки, с Каус-Бореалис и множество других с различных далеких миров.

Одну из них Паккер даже не распознал. В стопке оказалось двадцать пять или тридцать конвертов, но на всех была одна и та же марка – маленький желтый квадратик без единой надписи, довольно толстый и шершавый на ощупь. Он провел по ней пальцем, и ему показалось, что марка крошится, стирается, словно поверхность ее покрывал толченый мел.

Несколько озадаченный, Паккер вытащил один конверт из-под резинки и бросил стопку на стол. Порывшись в ящике, он отыскал увеличительное стекло и склонился над маркой. Да, действительно, никаких надписей или пометок – просто маленький желтый квадратик – толстый, с зернистой поверхностью, словно на бумаге были наклеены песчинки.

Он выпрямился, проглотил еще ложку бульона, затем долго пытался сообразить, что это могут быть за марки. Увы, хранящийся в памяти каталог ничего не подсказывал. Похоже, он такую марку никогда еще не видел и даже не слышал о ней.

Часть почтовых штемпелей на конверте он узнал сразу, другие оказались совершенно незнакомыми. Впрочем, это не важно: позже можно будет отыскать их в справочниках.

Однако у Паккера и без того складывалось впечатление, что планета или звездная система, откуда отправили конверты, лежали где-то в направлении созвездия Весов. На это указывали те штемпеля, которые ему удалось распознать.

Отложив увеличительное стекло в сторону, он вновь принялся за бульон. Главное, напоминал себе Паккер, поднося ко рту очередную ложку, не замочить усы; даже если человек не носит усы, есть все равно нужно аккуратно...

Но тут рука как назло дрогнула: немного бульона пролилось на бороду, немного капнуло на стол, и почти полная ложка выплеснулась на конверт с желтой маркой.

Паккер выхватил из кармана платок и попытался стереть расплзающееся жирное пятно, но уже было поздно. Конверт промок почти мгновенно, марка потемнела от влаги, и Паккер в сердцах выругался, проклиная собственную неуклюжесть.

Затем взял мокрый конверт за уголок, отыскал мусорную корзину и разжал пальцы.

После выходных, проведенных с семьей Тони на берегу Гудзонова залива, Паккеру не терпелось вернуться домой.

«Тони совсем рехнулся, – подумал он. – Надо же всадить столько денег в роскошный загородный дом! Шансов разбогатеть у него, считай, никаких, все его грандиозные планы рушились один за другим, однако он по-прежнему строил из себя большого дельца и цеплялся за эту дорогую виллу. Впрочем, может быть, так сейчас и надо; если

удастся одурачить кого-нибудь, заставить поверить, что ты чего-то стоишь, тогда у тебя может появиться реальный шанс влезть в большое дело. Может быть, так и надо, кто его знает...»

Паккер остановился в холле забрать почту, надеясь, что бандероль от Пуг-Аль-Наша уже прибыла. Со всей этой суетой он забыл прихватить коробочку с листьями, и за три дня успел понять, насколько сильно к ним привык. Каждый раз, когда он вспоминал, как мало у него осталось листьев, Паккера охватывало беспокойство: а вдруг Пуг-Аль-Наш забудет о нем?

За три дня накопилось множество писем, но от Пуг-Аль-Наша ничего не было.

Впрочем, этого следовало ожидать, напомнил себе Паккер: новые бандероли ни разу не приходили, пока листья не кончались совсем. Поначалу он нередко задумывался, что за пророческий дар позволяет его другу точно угадывать, когда у него кончается запас, и как тот рассчитывает время отправки, чтобы бандероли приходили именно в тот день, когда в них возникает необходимость. Теперь он об этом не думал: все равно бесполезно, чудо оно и есть чудо.

– С возвращением! – радостно приветствовал его дежурный клерк. – Как отдохнули, мистер Паккер?

– Сносно, – проворчал он и направился к лифту.

Однако на полпути его перехватил управляющий Элмер Ланг.

– Мистер Паккер, – заверещал он, – мне непременно нужно с вами поговорить.

– Ну так говорите.

– Это насчет мышей, мистер Паккер.

– Каких еще мышей?

– Миссис Фоше сказала мне, что у вас в квартире есть мыши.

Паккер расправил плечи и выпрямился, чтобы казаться выше, хотя при его сложении это было непросто.

– Это ваши мыши, Ланг. Вы ими и занимаетесь.

– Но как же я могу, мистер Паккер? – произнес Ланг, заламывая руки. – Ваша квартира... Там столько всякого хлама... надо бы все это разобрать.

– Должен вам заметить, сэр, что этот *хлам* является, возможно, одной из самых полных коллекций марок во всей галактике. Я действительно несколько запустил разборку новых поступлений, но я никому не позволю называть свою коллекцию хламом.

– Но, может быть, я попрошу Майлса, уборщика, помочь вам разобраться с коллекцией?

– Помочь мне мог бы только человек, имеющий определенный опыт работы с филателистическим материалом, – строго сказал Паккер. – Ваш уборщик, надо полагать, такого опыта не...

– Но, мистер Паккер, – взмолился Ланг, – все эти горы бумаги и коробки – идеальное место для мышей. Я не смогу вывести мышей, если вы не вычистите свои завалы.

– Вычистить?! – взорвался Паккер. – Да вы хоть понимаете о чем говорите? Где-то, в огромной массе материала есть, например, конверт – для вас это просто конверт с марками и штемпелями, – за который мне несколько дней назад предлагали четверть миллиона долларов – если только я его отыщу. И это лишь малая толика от всего

накопленного. Вы что, Ланг, все это предлагаете мне «вычистить»?

– Но, мистер Паккер, так больше продолжаться не может. Я вынужден настаивать...

Тут прибыл лифт, и Паккер с видом оскорбленного достоинства шагнул в кабину, оставив управляющего с его проблемами в холле.

– Сует свой нос, куда не просят... – пробормотал он, отдуваясь сквозь усы.

– Что вы говорите, сэр? – спросил лифтер.

– Миссис Фоше. Сует свой нос куда ее не просят.

– Возможно, вы правы, сэр, – рассудительно ответил лифтер.

Паккер надеялся, что в коридоре никого не будет, и на этот раз ему повезло. Он отпер дверь, шагнул вперед...

И замер, услышав странный булькающий звук.

Какое-то время он стоял неподвижно, прислушивался – с недоверием и чуть-чуть испуганно.

В комнате по-прежнему булькало.

Паккер опасливо прошел дальше и сразу же увидел, в чем дело.

Мусорная корзина у стола была до краев заполнена какой-то булькающей желтой массой. В нескольких местах масса даже сползла по стенке корзины и растеклась лужичками по полу.

Готовый в случае чего повернуться и броситься наутек, Паккер медленно подошел ближе, но ничего не произошло. Желтая масса в корзине продолжала булькать, и только.

Это была густая, похоже, клейкая масса без пены, и,

хотя она булькала, ни пузырьков, ни бурления не было заметно.

Паккер подошел совсем близко и протянул к корзине руку. Никто его не схватил, да и вообще, масса никак не отреагировала.

Он ткнул ее пальцем: на ощупь поверхность оказалась довольно плотной, чуть теплой, и у него вдруг возникла мысль, что это нечто живое.

Паккер тут же подумал о вымоченном бульоном конверте, который бросил перед отъездом в мусорную корзину. Он даже не удивился своей догадке: масса в корзине была такого же цвета, что и марка на конверте.

Обогнув стол, он положил туда почту и тяжело опустился в кресло.

«Выходит, марка ожила, – подумал Паккер, – и это очень странно...» Впрочем, чего уж там. На самом деле она не страннее некоторых марок, что ему доводилось видеть раньше. Хотя Земля и передала Галактике идею их использования, многие развили ее гораздо дальше – порой с очень необычными результатами.

«А мне теперь, – подумал он вяло, – придется выносить эту дрянь в корзину. Не хватало еще, чтобы Ланг увидел...»

Его немного беспокоило то, что Ланг требовал привести квартиру в порядок, и в какой-то степени задевало: он заплатил за нее немалые деньги, причем заплатил вперед, и никогда никому не мешал. А кроме того, он живет здесь уже двадцать лет, и с этим Лангу тоже придется считаться.

Потом он, наконец, встал, обошел стол сбоку и наклонился. Осторожно, чтобы не вляпаться, где желтая масса

перетекла через край, взялся за корзину и попытался ее поднять. Не тут-то было. Он тянул изо всех сил, но корзина оставалась на месте. Паккер выпрямился и двинул ее ногой – она даже не шелохнулась.

Он шагнул назад и устоял на корзине, сердито отдуваясь сквозь усы. Как будто ему и без того забот мало! Надо разбирать все эти завалы и избавляться от мусора. Надо искать конверт из системы Полярной звезды. Кроме того, куда-то подевался пинцет, и придется идти покупать новый, а значит, опять тратить время.

Но прежде всего нужно будет убрать отсюда корзину. Очевидно, она просто прилипла: эта желтая дрянь затекла под дно и засохла. Нужно будет взять ломик или еще что-нибудь длинное, поддеть ее и отодрать от пола.

Желтая масса в корзине по-прежнему весело булькала.

Паккер вновь надел шляпу, вышел на лестницу и запер за собой дверь.

Стоял чудный летний день, и он решил немного прогуляться, а заодно подумать о своих бесчисленных проблемах. Однако о чем бы Паккер ни думал, мысли его возвращались к корзине с ползущим через край желтым киселем, и он понимал, что не сможет заниматься ничем другим, пока он от нее не избавится.

Отыскав магазин, где продавали скобяные изделия, Паккер купил средних размеров ломик и направился к дому. Возможно, он поцарапает немного пол, но зато уж точно отдерет приклеившуюся корзину.

В холле первого этажа на него снова напустился Ланг.

– Мистер Паккер, – спросил он строго, – куда это вы направляетесь с таким ломом?

– Я его купил специально, чтобы вывести мышей.

– Но, мистер Паккер...

– Вы ведь хотите, чтобы я от них избавился?

– Да, разумеется.

– Ситуация складывается критическая, и от меня могут потребоваться решительные действия, – сурово произнес Паккер.

– Но... лом!

– Не беспокойтесь, я буду осторожен и не стану бить слишком сильно, – пообещал Паккер.

Он поднялся на лифте к себе. Написанная на лице Ланга растерянность немного улучшила ему настроение, и, двигаясь по коридору, Паккер даже насвистывал какую-то мелодию.

Однако ковыряясь ключом в замке, он услышал за дверью шорох и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок: шорох казался таинственным и зловещим.

«Боже, – подумал он, – там не может быть столько мышей».

Сжав ломик покрепче, Паккер отпер замок и распахнул дверь.

В квартире бушевал бумажный шторм.

Паккер быстро шагнул через порог и захлопнул за собой дверь, чтобы ни одна бумажка не улетела на лестницу.

«Должно быть, оставил окно открытым», – мелькнула мысль. Но нет, не оставлял. Да и на улице – ни ветерка.

А тут... тут не то что ветерок – самый настоящий шторм.

Паккер стоял, прислонившись спиной к двери, и испуганно наблюдал за происходящим в квартире, затем пере-хватил ломик понадежнее.

Ливень конвертов, шквал пакетов, снегопад танцующих в воздухе марок... На полу тут и там стояли раскрытые коробки, куда, укладываясь аккуратными рядами, сыпались пакеты, марки и конверты, а вдоль стены стояли ровными штабелями другие коробки, что само по себе уже вызывало беспокойство: меньше двух часов назад, когда он уходил, в квартире не было абсолютно ничего ровного и аккуратного.

Однако прямо на глазах шторм стихал. В воздухе кружилось уже меньше бумаг, коробки закрывались, словно невидимой рукой, и, взлетая сами по себе, укладывались вместе с другими у стены.

«Полтергейст!» – в ужасе подумал Паккер, лихорадочно припоминая, что он читал или слышал об этом явлении, и пытаюсь отыскать какое-то объяснение.

Но тут все закончилось.

По воздуху уже ничего не летало. Коробки стояли ровными штабелями у стены. Все замерло.

Паккер шагнул в комнату и ошарашенно обвел взглядом свое жилище.

Письменный и обеденный стол сияли полировкой. На окнах висели желтые ровные шторы. Ковер выглядел как новый. Кресла, журнальные столики, лампы и множество других вещей, давно похороненных под горами филателистического материала и забытых, вновь стояли на своих местах – вычищенные и отполированные до блеска.

А в центре всего этого упорядоченного благообозраия весело булькала мусорная корзина.

Паккер выронил ломик и двинулся к столу.

Окно перед ним распахнулось. Ломик, просвистел у

него над головой, вылетел на улицу и с треском продрался сквозь крону ближайшего дерева, затем окно захлопнулось, и Паккер потерял ломик из вида.

Он снял шляпу и швырнул ее на стол.

Шляпа немедленно поднялась в воздух и поплыла к шкафу в прихожей. Дверцы шкафа распахнулись, шляпа скользнула внутрь, и дверцы мягко закрылись.

Паккер в задумчивости надул щеки и выпустил воздух сквозь усы. Затем достал платок и промокнул лоб.

– Странные творятся дела, – пробормотал он себе под нос.

Медленно, настороженно, Паккер принялся осматривать квартиру. Все коробки стояли вдоль одной из стен – от пола до потолка по три в ряд. У противоположной стены стояли три картотечных шкафа, и Паккер удивленно потер глаза: за долгие годы он успел про один забыть и думал, что у него их только два. А вся квартира была аккуратно прибрана, вычищена и только что не светилась.

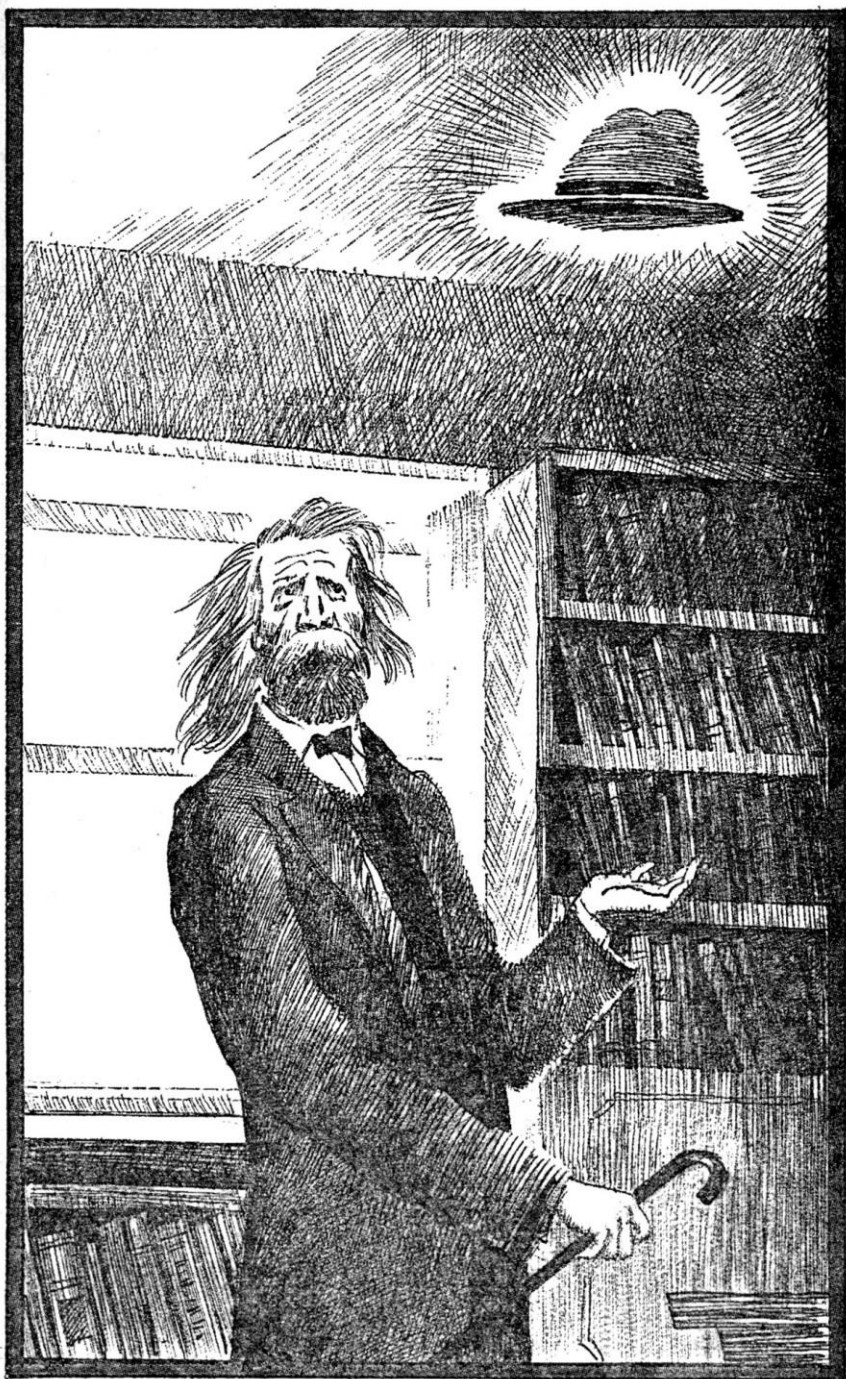
Паккер переходил из комнаты в комнату – везде царил полный порядок.

Сковородки и кастрюли на кухне стояли на своих местах, в буфете виселись аккуратные стопки тарелок. Плита и холодильник сияли чистотой, и даже в раковине не оказалось ни одной грязной тарелки, а Паккер не сомневался, что они должны быть. Кастрюлька миссис Фоше, уже без остатков бульона и оттертая до блеска, стояла на кухонном столе.

Паккер вернулся к письменному столу и там, словно кто-то выложил все это для его обозрения, обнаружил:

Десять мертвых мышей.

Восемь филателистических пинцетов.

Стопку конвертов со странными желтыми марками.

Два – не один, а сразу два – конверта с марками «Поларис-176», на одном – четыре марки, на другом – пять.

Паккер устало опустил в кресло и снова взглянул на стол.

Как же это могло случиться, черт побери? И что вообще происходит?

Он наклонился и посмотрел на корзину, стоявшую сбоку от стола. Ему даже показалось, что она булькала специально для него. Видимо, все дело в ней, решил Паккер, иначе просто и быть не может. Ничего другого в квартире не появилось, ничего нового – только эта мусорная корзина с желтой кашей.

Он взял со стола стопку конвертов с желтыми марками и открыл ящик стола, чтобы найти увеличительное стекло. В ящике тоже был полный порядок, а увеличительных стекол оказалось сразу пять штук. Паккер выбрал самое сильное.

При таком увеличении поверхность марки превратилась в равнину с ровно уложенными вплотную друг к другу маленькими шариками – вовсе не песчинки, как ему показалось раньше. Склонившись над увеличительным стеклом, Паккер вдруг понял, что это споры.

Крохотные безжизненные оболочки, способные тем не менее возродить жизнь – что в данном случае и произошло. Он пролил на марку бульон, споры ожили, и возникла эта странная колония микроорганизмов в корзине.

Паккер положил увеличительное стекло на место и встал, собралдохлых мышей за хвостики, отнес к люку мусоросжигателя и выбросил.

Затем прошел к книжному шкафу: книги тоже были расставлены по тематике; нашлись даже те, что он давным-давно потерял и не мог отыскать долгие годы. Длинные ряды каталогов марок, подборка справочников по галактическим гашениям, огромный том по разновидностям почтовых отметок, путеводители по Галактике, целая полка словарей экзотических языков – книги, совершенно необходимые для распознавания марок, – и множество изданий, посвященных тонкостям филателии.

От книжного шкафа он перешел к сложенным у стены коробкам. Взял одну из них и поставил на пол. Коробка оказалась заполненной конвертами и прозрачными пакетами с отдельными марками, блоками, марками в листах и полосах. С растущим чувством радостного удивления, Паккер продолжал перебирать содержимое коробки.

Все марки и конверты в ней оказались из системы Тубана. Он закрыл коробку и собрался поставить ее на место, однако, не дожидаясь его, коробка сама поднялась над полом и установилась туда, откуда он ее взял.

Паккер проверил еще три, что стояли рядом. В одной коробке хранился материал с Корефороса, в другой – из системы Антареса, а в третьей – с Джуббы. Споры не только привели в порядок квартиру, но и рассортировали всю его коллекцию!

Он вернулся на дрожащих ногах к креслу и сел. Просто невероятно! Слишком невероятно!

Споры впитали бульон и ожили. И теперь у него в мусорной корзине поселилась наземная форма жизни – или колония различных форм жизни – короче, существа, с явным пристрастием к порядку, неудержимым стремлением

работать и умением направить свое стремление в нужное русло.

Но самое главное – эта чертовщина в корзине делала именно то, что человеку нужно.

Корзина навела порядок в квартире, рассортировала марки и конверты, извела мышей и отыскала конверты из системы Полярной звезды вместе со всеми потерявшимися пинцетами.

Откуда эти существа узнали, что ему нужно? Может быть, они читают мысли?

От этой догадки по спине у него пробежали мурашки, но до его возвращения корзина и в самом деле ничего не делала, лишь весело побулькивала. Возможно, она не знала, что делать, а затем он вернулся и каким-то образом ей передались его мысли. Да, пожалуй, так: едва он вернулся, корзина узнала, какую работу надо выполнять, и сделала ее.

Зазвенел звонок в прихожей, И Паккер пошел открывать. Оказалось, это Тони.

– Привет, дядюшка, – сказал он. – Ты забыл свою пижаму, и я решил забежать вернуть. Ты оставил ее на кровати.

Он протянул Паккеру небольшой сверток и только тут заметил, что произошло в квартире.

– Боже, дядюшка! Что случилось? Ты никак навел здесь порядок?

Паккер в смущении покачал головой.

– Да нет, Тони. Тут произошло нечто необъяснимое...

Племянник прошел в гостиную и остановился, восхищенно и несколько ошарашено оглядывая комнату.

– Ты славно потрудился, дядюшка.

– Я палец о палец не ударил.

– А! Понятно. Нанял кого-то, чтобы здесь убрали, пока ты гостил у нас.

– Нет, что ты. Все случилось сегодня утром. И всю работу сделала вот эта штуковина, – Паккер указал на корзину.

– Да ты, видимо, рехнулся, дядюшка, – без тени сомнения заявил Тони. – Совсем крыша поехала.

– Возможно, но все сделала вот эта корзина.

Тони настороженно обошел вокруг корзины, затем протянул руку и ткнул пальцем в желтую булькающую массу.

– Похоже на тесто, – сообщил он, выпрямился и посмотрел Паккеру в глаза: – А ты меня не разыгрываешь?

– Я понятия не имею, что это такое, – ответил Паккер, – и не знаю, как и зачем оно навело у меня порядок, но клянусь, все это – чистая правда.

– А знаешь, дядюшка, – задумчиво сказал Тони, – тут, кажется, что-то есть...

– Не сомневаюсь.

– Нет, я серьезно. Не исключено, что это величайшее открытие за всю историю человечества... Так значит, ты говоришь, эта чертовщина делает то, что тебе нужно?

– В общем, да, – сказал Паккер. – Только я не понимаю – как. У нее определенно есть ощущение порядка, и она делает ту работу, которую тебе нужно. Она словно понимает тебя – даже предвидит твои желания. Может быть, на самом деле это мозг с огромным пси-потенциалом. Видишь ли, я тут перед отъездом разглядывал один конверт с желтой маркой...

И он рассказал ему все, что с ним произошло.

Тони задумчиво слушал, теребя себя за подбородок.

– Так, ладно, дядюшка, – произнес он наконец, – все ясно. Мы не знаем, что это такое и как оно действует, но давай пораскинем мозгами. Представь себе ведерко этой вот чертовщины в какой-нибудь конторе – в большой, серьезной конторе. Они смогут добиться такой эффективности, какая им и не снилась. Эта штукавина будет сортировать и хранить бумаги, регистрировать документацию и вообще поддерживать полный порядок в делах. У них никогда ничего не потеряется! Все будет лежать на своих местах, а найти нужный документ можно будет в считанные секунды. Скажем, босс или еще кто хочет просмотреть какое-нибудь досье: хлоп! – и оно уже на столе. Да с такой штуковиной можно вообще уволить всех клерков! Или, например, библиотека: она может работать даже без библиотекарей, и еще как! Но больше всего пользы эта чертовщина принесет в крупных конторах – в страховых фирмах, в промышленных корпорациях или транспортных компаниях. Тут ей просто цены нет.

Паккер немного растерянно покачал головой.

– Может быть. Тони, может быть, но кто тебе поверит? Кто обратит внимание? Это слишком фантастичный план, ты просто станешь посмешищем.

– Ну, это все ты оставь мне, – сказал Тони. – Я знаю, что надо делать, и тебе без меня не обойтись.

– Ага! Значит, мы уже деловые партнеры.

– У меня есть друг... – Послушать его, так у Тони везде друзья. – Он разрешит мне провести проверку. Мы поставим ведерко с этой штуковиной у него в конторе и по-

смотрим, что получится. — Он огляделся, уже готовый действовать. — У тебя есть ведро?

— На кухне должно быть.

— А мясной бульон? Ты ведь облил марку мясным бульоном?

Паккер кивнул.

— Кажется, есть банка консервированного.

Тони почесал в голове.

— Значит, так, дядюшка: прежде всего нам нужен стабильный источник поставок.

— У меня осталось еще несколько таких конвертов. Все — с марками. Мы можем использовать один из них.

Тони нетерпеливо отмахнулся.

— Нет, так не пойдет. Эти конверты — наш резервный фонд. Их нужно спрятать куда-нибудь в сейф — на крайний случай. Но сдается мне, мы сможем вырастить не одно ведро этой штуковины из того, что у нас уже есть. Отчерпнем немного, подкормим бульоном и...

— Но откуда ты знаешь?..

— А тебе не кажется странным, дядюшка, что спор на марке и бульона, который ты пролил, оказалось ровно столько, чтобы заполнить желтой массой одну мусорную корзину до краев?

— Да, в общем-то, но...

— По-моему, эта чертовщина разумна. Или, во всяком случае, она знает, что делает. Так сказать, сама себе устанавливает правила. Ты ей дал корзину, и она живет в ней, никуда не выползает. Разрослась как раз до краев и немного вытекла, но лишь для того, чтобы приклеить корзину к полу. И все. Она не прет через край, не заполняет комнату — короче, знает свое место.

– Может быть, ты и прав, но не объясняет...

– Подожди секунду, дядюшка. Вот смотри...

Тони сунул руку в корзину и вырвал кусок желтой массы.

– Теперь следи за корзиной.

Прямо у них на глазах споры расплзлись и заполнили пустое пространство. Спустя несколько минут корзина снова была полна до краев.

– Видишь, что я имею в виду? – сказал Тони. – Дашь ей больше места – она вырастет. Нужно только кормить. А уж место мы ей дадим – много-много ведер – и пусть растет сколько душе угодно...

– Черт, дашь ты мне сказать, наконец?! Я тебя хочу спросить, что мы будем делать, чтобы она не приклеивалась к полу? Ну, разведем мы еще ведро этой чертовщины, или несколько ведер, а они возьмут и приклеятся тут к полу, как первое.

– Очень хорошо, что ты об этом подумал. Но я знаю, что надо делать – мы просто подвесим ведро за ручку. Подвесим, и ей не к чему будет приклеиваться.

– Хм-м... Ладно. Похоже, мы все предусмотрели. Пойду разогрею бульон.

Они разогрели бульон, нашли ведро и подвесили его на рукоятку швабры, уложенной на спинки двух стульев. Затем бросили туда кусок желтой массы, вырванной из мусорной корзины, и приготовились наблюдать. Однако масса лежала куском и, похоже, совсем не собиралась расти.

– Выходит, я был прав, – заявил Тони. – Чтобы она начала расти, ей нужно немного бульона.

Он плеснул в ведро бульон, но спустя несколько се-

кунд масса растаяла, расползлась и превратилась в тягучую черную жижу.

– Что-то здесь не так, – обеспокоенно сказал Тони.

– Да уж, – согласился Паккер.

– Знаешь, у меня есть идея, дядюшка. Очевидно, ты в первый раз облил марку другим бульоном. У разных фирм, что производят консервы, наверняка и разная рецептура. Дело, скорее всего, не в самом бульоне, а в каком-то ингредиенте, который побуждает споры к росту. Похоже, у нас не тот бульон.

Паккер смущенно шаркнул ногой.

– Тони, я не помню, какой был бульон.

– Но ты должен вспомнить! – закричал Тони, – Думай! Ты должен вспомнить, что это была за фирма!

С несчастным видом Паккер шумно выдохнул через усы и признался:

– По правде говоря. Тони, я его не покупал. Этот бульон приготовила миссис Фоше.

– Вот, уже кое-что! Кто такая миссис Фоше?

– Любопытная старуха, что живет на этой же лестничной площадке.

– Отлично! Тебе надо лишь попросить, чтобы она приготовила еще немного.

– Я не могу, Тони.

– Но нам нужна всего одна порция. Мы отдадим бульон на анализ, чтобы узнать состав, и дело сделано!

– Она захочет узнать, зачем мне бульон. И всем расскажет, как я ее попросил. Возможно, она даже догадается, что здесь дело нечисто.

– Вот этого допустить нельзя, – озабоченно произнес

Тони. – Все должно оставаться между нами. Зачем нам делиться с кем-то еще?

Он сел и задумался.

– А кроме того, она, наверно, на меня злится, – добавил Паккер. – Перед моим отъездом она-таки пробралась в квартиру и до смерти перепугалась, когда увидела мышь. После чего понеслась к управляющему жаловаться.

Тони щелкнул пальцами.

– Придумал! – воскликнул он. – Я знаю, как мы это об-
тпаем. Ты иди и ложись в постель, а...

– Еще чего! – проворчал Паккер.

– Послушай, дядюшка, другого выхода нет. Тебе придется мне подыграть.

– Что-то мне это не нравится. Совсем не нравится.

– Иди ложись в постель и притворяйся больным. Сделай вид, что тебе плохо. А я отправлюсь к этой миссис Фоше и распишу ей, как ты переживаешь из-за того, что ее напугала мышь. Скажу, что ты, мол, весь день вкалывал и приводил квартиру в порядок, только чтобы этого не повторилось. Скажу, ты так, мол, работал, что...

– Ни в коем случае, – взвизгнул Паккер. – Она же сюда пулей прилетит! Очень мне это нужно!

– А парочку миллиардов тебе не нужно, а? – сердито спросил Тони.

– Да не особенно, – ответил Паккер. – Душа как-то не лежит.

– Ладно. Я скажу ей, то ты совсем не встаешь – сердце, мол, слабое – но ты очень просил приготовить тебе еще такого же бульона.

– Я запрещаю тебе говорить это! – не выдержал Паккер. – Не смей ее приваживать!

– Но, дядюшка, – попытался уговорить его Тони, – если ты не хочешь сделать это ради себя, подумай обо мне. Я у тебя один родственник на всем свете остался. И это первый случай, когда мне выпала возможность действительно разбогатеть. Может быть, я много хвастаюсь и делаю вид, что процветаю, но на самом деле... – Он понял, что это не довод, и сменил тактику: – Ну хорошо, если не ради меня, то сделай это хотя бы ради Энн, ради ребятишек. Тебе же не хочется, чтобы маленьким бедняжкам пришлось...

– Ладно, заткнись, а то ты еще расплачешься сейчас, – сказал Паккер. – Черт с тобой, я согласен.

Вышло еще хуже, чем он предполагал. Знал бы заранее, что так получится, – в жизни бы не согласился на такую авантюру.

Вдова Фоше сама принесла кастрюльку с бульоном. Затем села на край кровати, приподняла ему голову и, сующая, принялась кормить его с ложки.

Паккер чуть не провалился от стыда.

Но то, что им было нужно, они все-таки получили.

Когда вдова Фоше решила, что ему уже достаточно, в кастрюльке осталось еще примерно столько же, и она оставила бульон им. «Бедняжке он еще пригодится», – сказала она.

Время приближалось к трем, и с минуты на минуту должна была явиться вдова Фоше с бульоном.

При мысли о бульоне у Паккера сдавило горло.

«В один прекрасный день, – пообещал он себе, – я разобью Тони башку». Если бы не этот проныра, ничего бы и не началось.

Прошло уже полгода, и каждый божий день она приносила свои бульон, садилась рядом и начинала без умолку трещать, а он тем временем должен был через силу вливать в себя целую тарелку. И хуже всего то, что приходилось делать вид, будто бульон ему нравится.

А она-то как радовалась! Боже, ну откуда в ней столько веселости и энергии? *Toujours gai*², припомнилось ему французское выражение. Как тот ненормальный кот, которого древний писатель описал в своих глупых стишках³.

«И надо же до этого додуматься! Чеснок в говяжьем бульоне! Ну кто о таком слышал?» – беспомощно сокрушался Паккер. Ведь это просто... варварство! Особый рецепт, называется... Однако именно чеснок подействовал на споры, именно эта питательная среда пробудила их к жизни и заставила расти.

А возможно, чеснок в бульоне пошел на пользу и ему самому, признавал Паккер. Уже долгие годы он не чувствовал себя так славно. В походке появилась упругость, да и уставать он стал гораздо меньше. Раньше его всегда клонило после полудня в сон, и он ложился вздремнуть, а теперь об этом и не вспоминал. Работал как обычно, нет, даже больше обычного и – если не принимать в расчет вдову с ее бульоном – считал себя очень счастливым человеком. Да, именно так – очень счастливым.

И если Тони не станет отрывать его от марок, ему этого счастья надолго хватит. Тони – молодой, шустрый, вот пусть и тащит на себе корпорацию «Эффективность». В конце концов, он сам на этом настаивал. Хотя, надо при-

---

² *Toujours gai* (фр.) – всегда веселый.

³ Имеется в виду книга детского писателя Доктора Сюзса «Кот в шляпе».

знать, дела у него идут отлично: множество промышленных предприятий, страховых компаний, банковских контор и прочих организаций уже сделали заказы. Пройдет какое-то время, утверждал Тони, и ни одному деловому человеку даже в голову не придет, что можно обойтись без услуг корпорации «Эффективность»...

Прозвонил звонок, и Паккер пошел открывать дверь. Наверняка вдова Фоше со своей кастрюлькой.

Оказалось, нет.

– Мистер Клайд Паккер? – спросил человек, стоявший на лестничной площадке.

– Да, сэр, – ответил Паккер. – Проходите пожалуйста.

– Меня зовут Джон Гриффин, – сказал гость, сев в предложенное кресло. – Я представляю Женеву.

– Женеву? Вы имеете в виду правительство?

Гриффин предъявил свои документы.

Хорошо. Чем могу быть полезен? – спросил Паккер несколько прохладным тоном, поскольку большой любви к правительству не испытывал.

– Насколько я понимаю, вы являетесь старшим партнером в корпорации «Эффективность», верно?

– Кажется, так оно и есть.

– Вы не уверены?!

– Не на все сто. Я, безусловно, партнер, а вот старшин или еще как, утверждать не стану. Всеми делами управляет Тони, и я в них не вмешиваюсь.

– Вы и ваш племянник – единственные владельцы фирмы.

– Вот это абсолютно точно. Мы никого не хотим брать в долю.

– Мистер Паккер, в течение определенного времени правительственные службы вели переговоры с мистером Кампером... Он ничего вам об этом не рассказывал?

– Ни слова. Я занят своими марками, и он старается меня не беспокоить.

Мы заинтересованы в ваших услугах, – сказал Гриффин, и пытались их купить.

– Пожалуйста. Платите деньги и...

– Но вы не знаете сути проблемы. Мистер Кампер настаивает на отдельных контрактах для каждого подразделения правительственных служб. Получается чудовищная сумма...

– Оно того стоит, – заверил гостя Паккер. – Можете не сомневаться.

– Но это несправедливо, – твердо сказал Гриффин. – Мы готовы заключить соглашения по каждому департаменту, хотя и это – уступка с нашей стороны, поскольку правительство положено бы рассматривать как одного заказчика.

– Послушайте, – не выдержал Паккер. – Зачем вы со мной об этом говорите? Я не занимаюсь делами корпорации. Этими вопросами ведает Тони. Вам придется вести переговоры с ним. Я лично в мальчишку верю: у него голова варит. А меня «Эффективность» мало интересует – только марки.

– Вот именно, – обрадованно произнес Гриффин. – Я об этом и хотел поговорить.

– В смысле?

– Дело в том, – Гриффин перешел на доверительную интонацию, – что правительство получает ежедневно вме-

сте с почтой множество марок. Не помню точную цифру, но это несколько тонн филателистического материала в день со всех планет Галактики. В прошлом мы реализовывали их через несколько филателистических компаний, но теперь администрация склоняется к тому, чтобы предложить весь филателистический материал оптом и весьма недорого – в качестве условия заключения сделки.

– Отлично. Но что я буду делать с марками, если они будут поступать по несколько тонн в день?

– Не знаю. Но ведь вы так интересуетесь марками, а это великолепная возможность первому покопаться в превосходном материале. Думаю, что вам вряд ли кто предложит такой богатый источник.

– И вы хотите уступить мне все это, если я уговорю Тони пойти вам на уступки?

Гриффин расплылся в счастливой улыбке.

– Вы прекрасно меня понимаете.

Паккер хмыкнул.

– Понимаете?! Да я вас насквозь вижу!

– О, я бы не хотел, чтобы у вас создалось неверное впечатление о правительстве. Это деловое предложение, чисто деловое.

– Надо полагать, за эти горы бумаги, от которых я вас избавлю, вы рассчитываете получить лишь небольшую номинальную плату.

– Чисто условную, – заверил его Гриффин.

– Хорошо. Я подумаю и сообщу вам свое решение. Но сейчас, разумеется, ничего обещать не буду.

– Конечно, мистер Паккер. Я не стану вас торопить.

Когда Гриффин ушел, Паккер задумался о его предло-

жении, и, чем больше он думал, тем привлекательнее оно ему казалось.

Можно будет арендовать большое складское помещение, установить там «Корзину эффективности» и просто сваливать туда все новые поступления – «Корзина» рассортирует их сама.

У него не было уверенности, что одна корзина справится с подробной классификацией – разве что разберет материал по планетарным группам, – но если так, он просто установит еще одну, и уж с двумя-то корзинами он сможет добиться любой точности. А после того, как они отберут для него наиболее ценные экземпляры, он передаст весь хлам специально созданной торговой организации продавать по таким ценам, что все остальные дельцы от филателии просто вылетят в трубу.

Паккер удовлетворенно потер руки, представляя, как он «разденет всех этих жуликов». Сами они такое вытворяют, что им только поделом будет.

Радужные перспективы омрачала только одна маленькая деталь. Конечно, предложение Гриффина – это почти то же самое, что взятка, хотя чего еще можно ожидать от правительства? В администрации полно взяточников, вымогателей, лоббистов, «борцов за особые интересы» и прочих жуликов. Возможно, никто ничего и не подумает, если он согласится на сделку с марками – кроме оптовых торговцев, разумеется, но они-то уж никак не могут помешать: им останется только сесть на задние лапы и выть на луну.

Однако имеет ли он право вмешиваться в дела Тони? Ему, конечно, несложно будет упомянуть об этом при случае, и Тони скажет «да». Но вот стоит ли?

Паккер мучился, не находя ответа и даже не приближаясь к нему, пока в дверь снова не позвонили.

На этот раз пришла вдова Фоше, но с пустыми руками. Без бульона.

— Добрый день, — сказал Паккер. — Сегодня вы несколько позже.

— Я было уже собралась, но увидела, что у вас посетитель. Он уже ушел?

— Да, не очень давно.

Она шагнула через порог, и Паккер закрыл за ней дверь.

— Мистер Паккер, — сказала вдова Фоше, когда они прошли в гостиную, — я должна извиниться: сегодня без бульона. По правде говоря, мне немного надоело варить его каждый день.

— В таком случае, — галантно произнес Паккер, — угощение сегодня за мной.

Он открыл ящик стола и достал новую коробочку с листьями, присланную Пуг-Аль-Нашем всего днем раньше. Почти благоговейно Паккер открыл крышку и протянул коробочку вдове Фоше. Та невольно шагнула назад.

— Попробуйте, — предложил Паккер. — Возьмите щепотку. Только не глотайте, а жуйте.

Вдова осторожно отщипнула пальцами кусочек высушенного листка.

— Это слишком много, — предостерег ее Паккер. — нужно совсем чуть-чуть. Да и достать их нелегко.

Она сунула щепотку зелени в рот. Паккер, улыбаясь, следил за ее выражением лица. Поначалу вдова выглядела так, словно он предложил ей яд, но вскоре откинулась на

спинку кресла и успокоилась – видимо, решила, что смертельная опасность ей не угрожает.

– У меня такое впечатление, – произнесла она, – что я за всю свою жизнь ничего похожего не пробовала.

– Наверняка не пробовали. Возможно, кроме меня самого, вы – единственный человек на Земле, кто попробовал это лакомство. Я получаю его от своего друга, который живет на планете у очень далекой звезды. Его зовут Пуг-Аль-Наш. Он регулярно присылает мне бандероли с этими листьями и всегда прикладывает небольшие записки.

Паккер искал в ящике и нашел последнюю.

– Вот послушайте, – сказал он и прочел записку вслух:

Дараго друг: я в агромный щастье твой последний насылка с табак. Пжалста еще тот самый. Ты неznать что я прарочиский и сматреть вперед тебе. Но так это есть и я агромный радость сделат такой задача для друг. Я заверить ты это все к лучший. Можетбыт ты скоро богатеть много.

Твои добрый друг ПугАльНаш.

Паккер бросил записку на стол.

– И что вы об этом думаете? – спросил он, – Особенно о том, что он пророк и видит мое будущее?

– Наверно, ничего страшного. Он же утверждает, что вы скоро разбогатеете.

– А по-моему, это очень напоминает цыганские предсказания. Мне поначалу даже как-то не по себе стало.

– Почему же?

– Потому что я не хочу знать, что со мной случится. А он как-нибудь возьмет и напишет. Если бы человек мог видеть будущее, он бы знал, например, когда умрет, и как, и прочие...

– Мистер Паккер, – перебила его вдова, – я думаю, вам еще рано об этом беспокоиться. Готова поклясться, вы с каждым днем выглядите все моложе и моложе.

Паккер зарделся от удовольствия.

– Вообще-то говоря, я и чувствую себя гораздо лучше. Давно уже такого не было.

– Может быть, это листья так действуют?

– Нет, я думаю – дело здесь, скорее, в вашем бульоне.

Короче, время за беседой протекло легко и приятно – более приятно, признал Паккер, чем можно было бы ожидать. Но когда вдова Фоше ушла, в мыслях вдруг всплыл вопрос, от которого ему стало даже как-то не по себе: с чего это он так расщедрился и предложил ей – *ей!* – попробовать листья?

Паккер спрятал коробочку в ящик стола и снова взял в руки письмо Пуг-Аль-Наша, разгладил и перечитал.

Ошибки невольно заставили его улыбнуться, но улыбка быстро погасла. Как бы там ни было, Пуг-Аль-Наш все же его опередил, освоил – пусть даже и так – земной язык, тогда как самому Паккеру язык Пуга оказался не по силам.

Я прарочиский и сматреть вперед тебе.

С ума можно сойти! Хотя не исключено, что это просто шутка или нечто такое, что на планете Пуга заменяет шутки.

Паккер отложил письмо в сторону. Смутное беспокойство, вызванное всеми накопившимися проблемами, необ-

ходимостью что-то решать, не давало сидеть на месте. Расхаживая по квартире он продолжал думать.

Как ответить на предложение Гриффина?

Почему он угостил листьями вдову Фоше?

Что кроется за этой фразой в письме Пуга?

Он подошел к книжному шкафу, провел пальцем по широким корешкам «Галактического обзора» и, выбрав нужный том, отнес тяжелую книгу на стол.

Долго искал и наконец отыскал звезду Унук-аль-Хэй. Пуг, он помнил, жил на десятой планете системы.

Наморщив лоб, Паккер принялся расшифровывать сжатые фразы и дикие, порой загадочные сокращения. Неудобно, конечно, но смысл здесь тоже есть: в Галактике слишком много планет, которые необходимо включить, и даже в таком виде справочник занимал несколько толстенных томов, а уж с полным текстом и подробными описаниями он стал бы просто неподъемным.

Х – м. изуч. пл., раз. обит., непр. д. л. (Т-67), торг, поср (Т-102), леч. тр., лег. прор., тр. яз,...

Секундочку!

Лег. прор.

Может быть, это «легенда о пророчестве»?

Он снова перечитал абзац, переводя текст на привычный язык:

Х – мало изученная планета, разумные обитатели, непригодна для людей (см. таблицу 67), торговля через посредников (см. таблицу 102), лечебные травы, легенда о пророчестве или «легализованное пророчество»? , трудный язык...

«Насчет языка – это точно», – подумал Паккер. За дол-

гие годы он научился разбираться во многих галактических языках – во всяком случае, для его целей этих знаний хватало, – но язык Пуга так и остался для него полной загадкой.

Лег. прор.?

Ни в чем нельзя быть уверенным, но кто знает, может, это и правда...

Он захлопнул справочник и отнес книгу на место.

«Значит, смотришь в будущее? Почему бы это? Для чего?» – подумал Паккер, мысленно обращаясь к своему другу, и, ухмыльнувшись, добавил: – Ох, дождешься ты у меня, сверну я тебе твою длинную, тощую шею, чтоб не лез, куда не просили.

Последнее, разумеется, в шутку: слишком уж далеко Пуг-Аль-Наш жил, да и неизвестно еще, какая у него шея, если она вообще есть.

Когда пришло время укладываться на ночь, Паккер переоделся в ярко-красную с желтыми попугаями пижаму и сел на краю кровати, шевеля пальцами ног.

«Ничего себе денек выдался», – подумал он.

Нужно будет поговорить с Тони насчет сделки, предложенной правительством. Может быть, даже настоять на своем мнении – несмотря на то, что при этом несколько упадут доходы корпорации «Эффективность». Зачем же отказываться от того, что хочется, когда оно самое идет в руки? Тони еще, того и гляди, обдерет его как липку. Пора бы уже, но, видимо, он пока слишком занят делами, чтобы всерьез планировать, как обжулить своего компаньона. Хотя это и странно: нечестный доллар всегда радовал его гораздо больше, чем законный.

Паккер вспомнил, как сказал Гриффину, что верит в Тони. Что ж, похоже, он сказал правду. Верит и даже гордится. Спору нет, Тони еще тот тип... – Подумав об этом, Паккер самодовольно улыбнулся. «Ну прямо как я в молодости».

Вспомнить хотя бы ту тройную сделку с поддельной старинной мебелью в английском стиле, картинами с Антареса и местной разновидностью самогона из системы Крысы! Боже, как он их всех тогда обобрал!

Зазвонил телефон, и Паккер двинулся в гостиную, шлепая босыми ногами по полу.

Телефон продолжал трезвонить.

– Иду уже! – сердито крикнул Паккер. – Иду!

Он подошел к телефону и снял трубку.

– Это Пикеринг, – сказал голос в трубке.

– Пикеринг... О, да. Рад вас слышать.

– Мы договаривались насчет конверта из системы Полярной звезды.

– Да, Пикеринг, я вас помню.

– Вы случайно не отыскиали тот конверт?

– Отыскал, но, извините, там полоска только из четырех марок. Я говорил тогда о пяти, но, сами понимаете, память, годы идут, и...

– Мистер Паккер, вы согласны продать этот конверт?

– Продать? Да, я ведь обещал. Дал слово, сами понимаете... Хотя теперь об этом жалею.

– Он в хорошем состоянии?

– Мистер Пикеринг, учитывая, что это единственный конверт...

– Могу я подъехать к вам в ближайшее время взглянуть на него?

– Пожалуйста. Когда вам угодно.

– Вы поддержите его для меня?

– Разумеется, – согласился Паккер. – В конце концов, никто кроме вас и не знает еще, что у меня есть этот конверт.

– А цена?

– М-м-м... Я говорил о четверти миллиона, но речь тогда шла о полоске из пяти марок. Поскольку их только четыре, можно несколько снизить цену. Я же не вымогатель, и со мной всегда можно договориться.

– Да уж, – сказал Пикеринг с ноткой обиды в голосе.

После того как они распрощались, Паккер долго сидел в кресле, положив ноги на стол, шевелил пальцами и удивленно разглядывал их, словно никогда раньше не видел.

Сначала он продаст Пикерингу конверт с полоской из четырех марок за двести тысяч. А затем пустит слух, что существует конверт с полоской из пяти. Пикеринг, когда узнает, будет вне себя. Конечно, он испугается, что кто-нибудь его опередит и купит конверт с пятью марками, тогда как у него есть только четыре. Такого позора коллекционер вроде Пикеринга просто не вынесет.

Паккер усмехнулся и произнес вслух:

– Ключнул.

За конверт с пятью марками, он, возможно, выручит сразу полмиллиона. И Пикеринг никуда не денется, выложит. Нужно будет только назначить цену повыше и позволить ему сбить ее до пятисот тысяч...

Часы на столе показывали десять – обычно он в девять уже лежал в постели.

Паккер пошевелил пальцами ног. Странное дело не то что спать, но даже лечь не хотелось. Он и разделся-то только по привычке.

«Девять часов, надо же. В такую рань – и лечь спать. Но ведь было время, когда он раньше полуночи об этом даже и не думал. А то случилось, и вовсе не ложился», – вспомнил Паккер, добродушно усмехаясь.

Однако в те годы ему было чем заняться, куда пойти, с кем встретиться. И елось тогда славно и пилось в удовольствие... Не то что сейчас. Теперь и выпивку-то делают какую-то не ту, и повара хорошие перевелись. А что касается развлечений... – эх, да что там говорить. Друзья тоже – кого-то уже нет, с другими просто жизнь развела в стороны. Все ушли.

«Ничто не вечно», – подумал Паккер.

Он сидел, шевелил пальцами ног и смотрел на часы. Непонятно почему, но его вдруг охватило странное будоражащее чувство.

Тишину квартиры нарушали только два звука – мягкое тиканье часов и неторопливое бульканье корзины со спорами.

Паккер наклонился над краем стола и взглянул на корзину – стоит, как вкопанная – полная корзина небывальщины, пробудившейся вдруг к жизни.

Когда-нибудь, подумалось ему, кто-нибудь наверняка узнает, откуда взялись эти споры, с какой далекой планеты в туманных далях у окраины Галактики. Может быть, даже сейчас нетрудно определить, где выпускаются марки – если только он поделится с кем-то своей информацией, если покажет кому-нибудь в правительстве эти конверты.

Но и конверты, и информация стали теперь коммерческой тайной – слишком ценной, чтобы делиться ею с кем-то посторонним, а потому конверты заперты сейчас в надежном банковском сейфе.

Разумные споры – отличное средство для доставки почты, наносишь немного этой желтой каши на конверт или бандероль, пишешь адрес – и готово! А когда письмо доставлено, споры покрываются оболочками и ждут, пока снова кому-нибудь не понадобятся.

Сегодня они работают на земле, и, может быть, наступит день, когда они возьмут на себя заботу о порядке на всей планете; будут мыть улицы и собирать мусор – в конце концов они установят на Земле эру чистоты и порядка, какой не знала еще ни одна галактическая раса.

Паккер пошевелил пальцами и еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали почти половину одиннадцатого, но спать совсем не хотелось.

«А чего я сижу? – подумал Паккер. – Может быть, переодеться и пойти погулять, как говорится, при луне?» На небе действительно светила полная луна, он видел ее в окно. «Совсем сдурел», – тут же сказал он себе, отдуваясь сквозь усы, однако снял ноги со стола и направился переодеваться.

По пути в спальню он невольно хмыкнул, представив себе, как обдерет этого беднягу Пикеринга...

Склонившись перед зеркалом, он пытался завязать галстук, и тут настойчиво зазвонили в дверь.

«Если это Пикеринг, – подумал Паккер, – я его спущу с лестницы. До утра не мог подождать...»

Оказалось, это не Пикеринг. На визитной карточке, ко-

тору протянул посетитель, значилось, что его зовут Фредерик Хазлитт, и что он президент торговой корпорации.

– И чего же вы от меня хотите, мистер Хазлитт?

– Я хотел бы поговорить с вами, – ответил он, воровато оглядываясь. – Мы здесь одни?

– Одни, не беспокойтесь.

– Дело, которое привело меня к вам, носит довольно деликатный характер и очень меня тревожит. Я обратился именно к вам, а не к мистеру Камперу, потому что наслышан о ваших деловых качествах. Я чувствую, что вы сможете понять мои затруднения, тогда как мистер Кампер...

– Что ж, выкладывайте, что произошло, – добродушно предложил Паккер. У него вдруг возникло ощущение, что разговор доставит ему удовольствие. Гость был явно чем-то расстроен и очень напуган.

Хазлитт наклонился вперед, и голос его упал почти до шепота:

– Дело в том, мистер Паккер, – признался он с содроганием, – что я становлюсь честным.

– Это ужасно, – сказал Паккер сочувственно.

– Вот именно. Человек в моем положении – да и любой бизнесмен – просто не может быть *честным*. Могу сказать вам по секрету, мистер Паккер, что на прошлой неделе я потерял колоссальную сумму на одной из самых больших своих операций – и все потому, что стал честным.

– Но может быть, если вы сделаете над собой усилие, постараетесь, так сказать, от души, вам удастся хотя бы частично сохранить бесчестность?

Хазлитт удрученно покачал головой.

– Поверьте, сэр, я пытался, но ничего не выходит. Вы и

не представляете, как я старался. Но несмотря ни на что, я теперь всем говорю правду. Мне никого не удастся обмануть, даже заказчиков. А на днях дошло до того, что я сам срезал свои показатели чистого дохода до более реалистичных цифр.

– Какой кошмар! – воскликнул Паккер.

– И все это из-за вас! – взвизгнул Хазлитт.

– Из-за меня? – Паккер возмущенно запыхтел сквозь усы. – Поверьте, мистер Хазлитт, я просто не понимаю, откуда у вас могла появиться такая мысль. Я не имею к вашим проблемам никакого отношения.

– А эти ваши комплекты? «Эффективность»? Это они во всем виноваты!

– Мистер, Хазлитт, продукция нашей компании тут совершенно ни при чем, – рассерженно заявил Паккер, – Комплекты «Эффективность» всего лишь...

Тут он умолк.

Боже правый, а ведь они и в самом деле могли...

Сам он уже много лет не чувствовал себя так хорошо, даже перестал спать днем, а теперь вот собрался посреди ночи идти гулять.

– Давно это началось? – спросил Паккер, борясь с накатывающим страхом.

– Месяц назад, по крайней мере, – ответил Хазлитт. – Думаю, первые признаки я заметил месяц назад, может быть, полтора.

– Почему вы просто не выкинули наш комплект.

– Выкинул! – взвизгнул Хазлитт. – Но толку никакого.

Ничего тогда не понимаю. Если вы выкинули комплект «Эффективность», все должно было кончиться.

– Я тоже поначалу так думал, но ничего не вышло. Эта желтая чертовщина теперь везде. В трещинах пола, в воздухе; от нее невозможно избавиться.

Паккер сочувственно хмыкнул.

– Вы можете перебраться на новое место.

– А вы представляете, во сколько мне обойдется такой переезд, Паккер? И кроме того, это бесполезно. Споры уже у меня внутри! – Он постучал себя по груди. – Я чувствую, что они там делают из меня честного, порядочного человека, у которого все разложено по полочкам, как в наших картотеках. А я не хочу быть порядочным, Паккер! Я хочу делать деньги! Много денег!

– Возможно, вас утешит, что то же самое происходит и с нашими конкурентами.

– Пусть даже и так, – возразил Хазлитт, – но будет уже неинтересно жить. Зачем, вы думаете, люди занимаются бизнесом? Только лишь для того, чтобы открывать новые возможности, считаться предпринимателями и делать деньги? Совсем нет – это азарт, игра: или ты оставишь конкурента без штанов, или потеряешь последнее...

– Аминь, – громко произнес Паккер.

Хазлитт бросил на него недоуменный взгляд

– Вы что, тоже?..

– Боже упаси, – самодовольно ответил Паккер. – Я каким был пройдохой, таким и остался.

Хазлитт устало откинулся на спинку кресла. Теперь его голос звучал резко, холодно:

– Я хотел было разоблачить вас, предупредить мир, но потом понял, что не могу...

– Разумеется, не можете, – отрезал Паккер, – Зачем же

вам становится посмешищем? Вы ведь из тех людей, кому даже мысль об этом кажется совершенно невыносимой.

— Что вы задумали, Паккер?

— Задумал?

— Вы распространили эту чертовщину по всему миру, и, видимо, вам с самого начала было ясно, что произойдет. Однако на вас споры вроде бы никак не повлияли. Что вы замыслили? Подмять под себя всю планету?

Паккер надул щеки и выпустил воздух через усы.

— Вообще-то я об этом не думал. Но идея интересная. — Он встал, выпрямился и добавил: — Пожалуй, я немного стар для этого, но несколько лет у меня все же осталось. Я еще в отличной форме. Давно уже так себя...

— Вы куда-то собирались, — сказал Хазлитт, поднимаясь. — Не смею вас задерживать.

— Благодарю вас, сэр. Я заметил, какая сегодня луна, и решил прогуляться. Может быть, вы ко мне присоединитесь?

— У меня есть дела поважней, чем прогулки при луне, Паккер.

— Не сомневаюсь, — ответил он, отвесив сдержанный поклон, — У такого честного, порядочного бизнесмена наверняка полно дел.

Уходя, Хазлитт громко хлопнул дверью.

Паккер вернулся в спальню и снова занялся галстуком.

Хазлитт — и вдруг честный человек! Подумать только. Сколько их еще стало честными к сегодняшнему вечеру? А сколько будет через год? Как скоро станет честной вся земля? Если споры прячутся в трещинах и разносятся ветром и реками, то, возможно, очень скоро.

Наверно, именно поэтому Тони его еще и не надул. Видимо, Тони тоже становится честным. «Жаль, – подумал Паккер без всякой иронии. – Если это случится – он уже не будет так интересен».

А что же станет с правительством? С правительством, которое само просит продать споры – можно сказать, просит сделать их честными, хотя на самом деле они еще ничего об этом не знают.

«Честное правительство! Вот это фокус, – подумал Паккер. – Впрочем, так им, паразитам, и надо! Вот у них у всех физиономии вытянутся!»

Он оставил наконец попытки завязать галстук, сел на кровать и несколько минут трясся от неудержимого раскатистого смеха, Затем стер выступившие слезы и все-таки справился с галстуком.

Завтра утром он первым делом свяжется с Гриффином и договорится о поставках марок. Нужно будет поторговаться, конечно, а под конец предложить чуть больше той суммы, на которой они сойдутся – за долгосрочный контракт. Честное правительство будет слишком честным, чтобы пойти на попятную, даже если, обрета это новое качество, они сообразят, как их нагрели. Честность, к счастью, подразумевает выполнение обязательств и в неудачной сделке, как бы ее ни заключали.

Паккер надел пиджак и прошел в гостиную. Остановился у стола, выдвинул ящик и открыл коробочку с листьями от Пуг-Аль-Наша. Затем взял щепотку, но не успел поднести ее ко рту и застыл, пораженный новой мыслью. Все фрагменты головоломки встали на свои места, и он неожиданно понял, хотя и не задавался еще таким вопро-

сом, почему на всей Земле лишь одному ему удалось остаться нечестным.

Я прарочиский и сматреть вперед тебе!

Паккер сунул щепотку листьев в рот и почувствовал их успокаивающее действие.

«Противоядие», – подумал он и тут же понял, что прав.

Но откуда Пуг-Аль-Наш знал? Как он предугадал длинную, запутанную вереницу случайных событий, что должны привести к этому вот мгновению?

Лег. прор.?

Паккер закрыл коробочку, задвинул ящик и направился к двери.

Единственный нечестный человек на всей Земле, это надо же. Человек с иммунитетом против порядочности, которую прививают желтые споры, с иммунитетом, что выработался в нем за долгие годы употребления этих листьев.

Он уже приготовил ловушку для Пикеринга, завтра займется правительством. И одному Богу известно, на что он еще способен. Хазлитт говорил что-то насчет всей планеты... В общем-то, неплохая идея, хватило бы только времени.

Паккер усмехнулся, представив себе, как все честные простаки безропотно ждут своей очереди быть надутыми и ничего не могут поделать – жертвы одного-единственного нечестного человека на всей планете. Ну прямо волк среди овец!

Он расправил плечи и старательно натянул белые перчатки, взмахнул тростью, затем стукнул себя в грудь – лишь один раз – и вышел на лестничную площадку, даже не заперев за собой дверь.

Выходя в холле из лифта, Паккер увидел вдову Фоше. Она, видимо, возвращалась из гостей и, остановившись в дверях, прощалась с друзьями, которые провожали ее до дома.

Паккер по-стариковски учтиво снял шляпу, хотя ему казалось, что он уже давно забыл, как это делается.

Вдова Фоше с деланным удивлением всплеснула руками и воскликнула:

– Мистер Паккер, что с вами случилось? Куда это вы собрались в такое время, когда все порядочные люди спят?

– Минерва, – сказал он совершенно серьезным тоном, – я, знаете ли, собрался прогуляться и вот сейчас подумал, не составите ли вы мне компанию.

Она колебалась всего секунду – просто ради приличия изображая неуверенность и нерешительность.

Паккер шумно выдохнул через усы.

– А кроме того, с чего вы решили, что я *порядочный* человек? – спросил он и галантно предложил ей руку.

ГУЛЯЯ ПО УЛИЦАМ

Джо остановил машину.

— Ты знаешь, что должен делать, — сказал он.

— Я должен ходить по улицам, — ответил Эрни, — Ничего не делать и ходить до тех пор, пока мне не скажут, что хватит. Эти люди уже там?

— Да.

— Почему бы мне не пойти одному?

— Сбежишь, — сказал Джо. — Так однажды уже было.

— Теперь я не убежал бы.

— Это только слова!

— Не нравится мне эта работа, — заметил Эрни.

— Это очень хорошая работа. Тебе не нужно ничего делать, просто ходить по улице.

— Да, но это ты указываешь мне эти улицы. Я не могу сам выбирать.

— А какая тебе разница?

— Я не могу делать того, чего сам хочу. И в этом все дело. Я даже не могу ходить там, где хочу.

— А где бы ты хотел ходить?

— Не знаю, — ответил Эрни, — Где-нибудь. Там, где бы вы за мной не следили. Когда-то было иначе; я делал то, что хотел.

— А теперь у тебя есть что жрать, — сказал Джо. — И что пить. Тебе есть где спать. У тебя есть деньги в кармане, есть деньги в банке.

— Что-то здесь не так.

— Слушай, старик, что с тобой? Ты не хочешь помогать людям?

– Не скажу, что не хочу. Но откуда мне знать, что я им помогаю? У меня есть только твое слово. Твое и того типа из Вашингтона.

– Он тебе это объяснял.

– Ну да, он много говорил, но я не все понял и не знаю, можно ли верить его словам.

– А ты думаешь, я понимаю? – спросил Джо. – Зато я видел цифры.

– Я не знаток цифр.

– Пойдешь ты наконец, или мне тебя подтолкнуть?

– Ну, хорошо, я иду. Когда нужно начинать?

– Мы тебе скажем.

– И будете за мной следить?

– Ну, ясно, – сказал Джо.

– Это какой-то нищий район. Почему я всегда должен ходить по улицам таких районов?

– Ты должен чувствовать себя здесь как дома. В подобном районе ты жил, когда мы тебя нашли. В ином ты не чувствовал бы себя счастливым.

– Но там, откуда вы меня забрали, у меня были друзья: Сюзи, Джек, Павиан и другие. Почему я не могу к ним вернуться?

– Ты бы начал говорить и выболтал все.

– Вы мне не верите?

– А можем ли мы тебе верить, Эрни?

– Пожалуй, нет, – сказал он и вылез из машины. – Но я был счастлив, понимаешь?

– Да, да, – ответил Джо. – Знаю.

В баре за одним из столов сидел мужчина, двое других стояли у столика в глубине зала. Это заведение напомнило

ему тот бар, где вместе с Сюзи, Павианом, а иногда с Джеком и Мари они проводили вечера за пивом. Он сел. Ему было удобно, и чувствовал он себя так, как в старые, добрые времена.

— Мне один крепкий, — сказал он бармену.

— А у тебя есть деньги, приятель?

— Конечно, есть.

Эрни положил на стойку доллар. Бармен вынул бутылку и налил. Эрни проглотил одним глотком.

— Еще раз то же самое, — сказал он. Бармен налил.

— Похоже, ты не здешний, — заметил он.

— Никогда раньше здесь не был.

Теперь он сидел спокойно, медленно потягивая из третьего стакана.

— Угадай, что я делаю? — спросил он бармена.

— Понятия не имею. Наверное, то же, что и все. То есть ничего...

— Я лечу людей.

— В самом деле?

— Я хожу и лечу людей.

— Вот хорошо, — сказал бармен. — У меня как раз насморк. Вылечи меня.

— Ты уже вылечился.

— Я чувствую себя так же, как и тогда, когда ты только вошел.

— Подожди до утра. Утром ты почувствуешь себя лучше. На это нужно время.

— Но я не собираюсь тебе за это платить!

— Это совсем не обязательно. Мне платят другие.

— Какие другие?

– Просто другие люди. Я не знаю, кто они.
– Наверное, чокнутые.
– Они не хотят пустить меня домой, – пожаловался Эр-ни.

– Ну, это не страшно.
– У меня были друзья – Сюзи, Павиан...
– У каждого есть друзья, – сказал бармен.
– А я излучаю. Так они думают.
– Что ты делаешь?
– Излучаю. Так они это называют.
– Никогда не слышал ни о чем подобном. Хочешь выпить?
– Ладно, налей еще одну, потом мне нужно будет идти.

Чарли стоял на тротуаре перед баром и смотрел на него. Эрни не хотелось, чтобы Чарли сейчас вошел и, например, сказал: «Принимайся за работу». Ему было бы неудобно.

В окне наверху он увидел вывеску и взбежал по лестнице. Джек стоял на другой стороне улицы, а Эл – через один дом от него. Они увидят его и прибегут, но, может, он успеет заскочить в контору, прежде чем его схватят.

На дверях надпись: «Лоусон и Крамер. Юристы».

Он ворвался внутрь.

– Я должен увидеться с юристом, – сказал он секретарше.

– Вы по договоренности?

– Нет, я не по договоренности, но мне необходим юрист. У меня есть деньги...

Он вынул комок смятых банкнот.

– Мистер Крамер занят.

– А тот, второй? Тоже занят?

– Нет никакого второго. Когда-то был...

– Послушайте, у меня нет времени на болтовню.

Двери кабинета открылись, и в них появился какой-то мужчина.

– Что здесь происходит?

– Этот господин...

– Никакой я не господин, – сказал Эрни. – Мне нужен юрист.

– Хорошо, – произнес мужчина. – Входите.

– Так это вы Крамер?

– Да, это я.

– Вы мне поможете?

– Попробую.

Крамер закрыл дверь и сел за стол.

– Садитесь, – сказал он, – Как вас зовут?

– Эрни Фосс.

Крамер записал это на листе желтого блокнота.

– Эрни. Это, наверное, от Эрнеста?

– Точно.

– Ваш адрес, мистер Фосс?

– У меня нет адреса. Я путешествую. Когда-то он у меня был. У меня были друзья: Сюзи, Павиан и...

– А в чем, собственно, дело, мистер Фосс?

– Меня держат!

– Кто вас держит?

– Правительство. Они не пускают меня домой и все время за мной следят.

– А почему вы думаете, что за вами следят? Что вы им сделали?

– Ничего я не сделал. Видите ли, во мне есть что-то.

– Что в вас есть?

– Я лечу людей.

– На доктора вы не похожи.

– Я не доктор. Я только лечу людей. Хожу и лечу. Я излучаю

– Что вы делаете?

– Излучаю.

– Не понимаю.

– Во мне что-то есть. Что-то, что я распространяю. Может, у вас есть насморк или что-нибудь подобное?

– Нет, у меня нет насморка.

– Если бы был, я бы вам его вылечил.

Я вам кое-что скажу, мистер Фосс. Выйдите в ту комнату и посидите. Я сейчас приду.

Выходя, Эрни увидел, как мужчина снимает трубку телефона. Ждать он не стал и молниеносно выскочил в холл. Джек и Эл уже были там.

– Ты сделал глупость, – сказал Джо.

– Он мне не поверил, – ответил Эрни, – хотел звонить и вызвать полицию.

– Может, и поверил. Мы боялись того, что мог бы поверить. Поэтому-то мы здесь.

– Он вел себя так, как будто считал меня ненормальным.

– Зачем ты это сделал?

– У меня же есть права – права гражданина. Вы никогда о них не слышали?

– Конечно, слышали. У тебя есть права. Все тебе объяснено. Ты работаешь на правительство и согласился на наши условия, тебе платят. Все устроено легально.

– Но что-то мне здесь не нравится.

– Что тебе не нравится? Заработок у тебя неплохой. Работа легкая. Ты просто прогуливаешься. Немного найдется людей, которым платят за хождение.

– Если мне так хорошо платят, то почему мы останавливаемся в таких убогих отелях?

– Ты не платишь ни за комнату, ни за еду, – сказал Джо. – Все это оплачивает государство. Мы делаем это за тебя. А не останавливаемся в лучших отелях потому, что неподходяще одеты. В отеле высшей категории мы выглядели бы смешно и обращали на себя общее внимание.

– Вы все одеваетесь так, как я, – сказал Эрни, – и говорите похоже. Почему?

– В этом и заключается наша работа.

– Знаю. Нищие кварталы. Что касается меня, то все в порядке. Я всю жизнь провел в таких кварталах, но с вами, парни, совсем другое дело. Вы привыкли к белым рубашкам, галстукам и костюмам. Вычищенным и выглаженным. И держу пари, что когда вы не со мной, то даже говорите иначе.

– Джек, – сказал Джо, – идите с Элом перекусите. Я и Чарли придем позднее.

– А, кстати, – отметил Эрни, – вы никогда не приходите и не уходите все вместе. Похоже, что вы не держитесь вместе. Это для того, чтобы вас не заметили?

– Ох, – вздохнул Джо, которому все это осточертело. Какая разница?

Джек, Эл и Эрни вышли.

– Это становится невыносимым, – сказал Чарли.

– Видишь ли, – сказал Джо, – есть только один такой,

как он, к тому же кретин или нечто подобное.

– До сих пор неизвестно о других?

Джо покачал головой.

– Нет. Наверняка нет до последнего моего разговора с Вашингтоном. То есть до вчерашнего дня. Разумеется, они делают все, что в их силах, но как взяться за такое дело? Единственный выход – это статистика. Обнаружение – если это когда-нибудь произойдет районов, в которых нет болезней, а затем выявление того, кто является этому причиной.

– То есть другого такого, как Эрни?

– Да, другого такого, как Эрни. Но знаешь что? Пожалуй, другого такого нет. Это феномен.

– А почему бы не быть еще одному феномену?

– Очень мало шансов. Впрочем, даже если бы такой и был, то каковы, в свою очередь, шансы обнаружить его? Нам чертовски повезло, что мы добрались до Эрни.

– Мы плохо беремся за дело.

– Конечно, плохо. Правильный, научный подход заключается в изучении, почему он такой. Мы уже пробовали, помнишь? Почти год с этим возились. Десятки тестов, а он только злился и хотел вернуться домой к Сюзи и Павиану.

– А если мы перестали как раз тогда, когда были близки к решению загадки?

Джо покачал головой.

– Не думаю, Чарли. Я разговаривал с Розенмейром. Он утверждает, что это безнадежное дело. А если Роза признает, что что-то безнадежно, значит это действительно должен быть твердый орешек. Его нельзя было держать в

Вашингтоне и проводить дальнейшие исследования в то время, когда шанс узнать что-либо был так мал. Они держали его в руках, и его использование было следующим логическим шагом.

— Но наша страна огромна. У нас так много городов... Так много заштатных местечек. Столько нужды. Мы каждый день проходим с ним по улицам несколько миль. Проводим его мимо больниц и домов престарелых...

— И не забывай, что с каждым его шагом обретают здоровье десятки больных, десятки других благодаря ему вообще не заболевают, что иначе было бы неизбежно.

— Не понимаю, как можно не сознавать этого. Мы говорили ему об этом десятки раз. Он должен быть доволен, что может послужить людям.

— Я же говорил тебе: этот человек кретин. Самовлюбленный кретин, — сказал Джо.

— По-моему, нужно взглянуть на это и с его точки зрения, — сказал Чарли. — Мы забрали его из дому.

— У него никогда не было дома. Он спал на улице или в дешевых отелях. Попрошайничал. Иногда крал, если представлялся случай. Иногда спал с Сюзи. Часто ел бесплатный суп и рылся на помойках.

— Может, именно это ему нравилось?

— Может быть. Полное отсутствие ответственности. Он жил одним днем как зверь. Теперь у него есть ответственность возможно даже больше, чем у кого бы то ни было. Он должен принять на себя эту ответственность.

— Может быть, в мире, в котором живем ты и я, но не в его мире.

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, как обстоят дела,

– сказал Джо. – Я уже совсем обалдел от него. Это одно большое притворство. Эта его говорильня о доме – сплошной вздор. Он жил там всего четыре или пять лет.

– А может, оставить его в одном месте и под разными предложениями приводить к нему людей? Сидел бы он никем не замеченный в кресле, а люди проходили бы мимо него. Можно еще забирать его на крупные собрания и съезды. Пусть немного придет в себя. Он бы привык.

– Дело получило бы огласку. Нельзя, чтобы нас заметили. Мы не можем допустить огласки. Боже мой, да представляешь ли ты, что стало бы, перестань это быть тайной? Он, конечно, этим хвалится. В том притоне, куда он зашел после полудня, он им наверняка все рассказал. А они не обратили на него внимания. Юрист решил, что он сумасшедший. Эрни мог бы залезть на крышу и с высоты кричать это всему миру, и все равно ему бы не поверили. Но если бы информация шла из Вашингтона...

– Знаю, – сказал Чарли, – Знаю.

– Мы делаем это единственным возможным способом. Мы «обрекаем» людей на отсутствие болезней так же, как они на эти болезни обречены. И делаем это там, где это нужно больше всего.

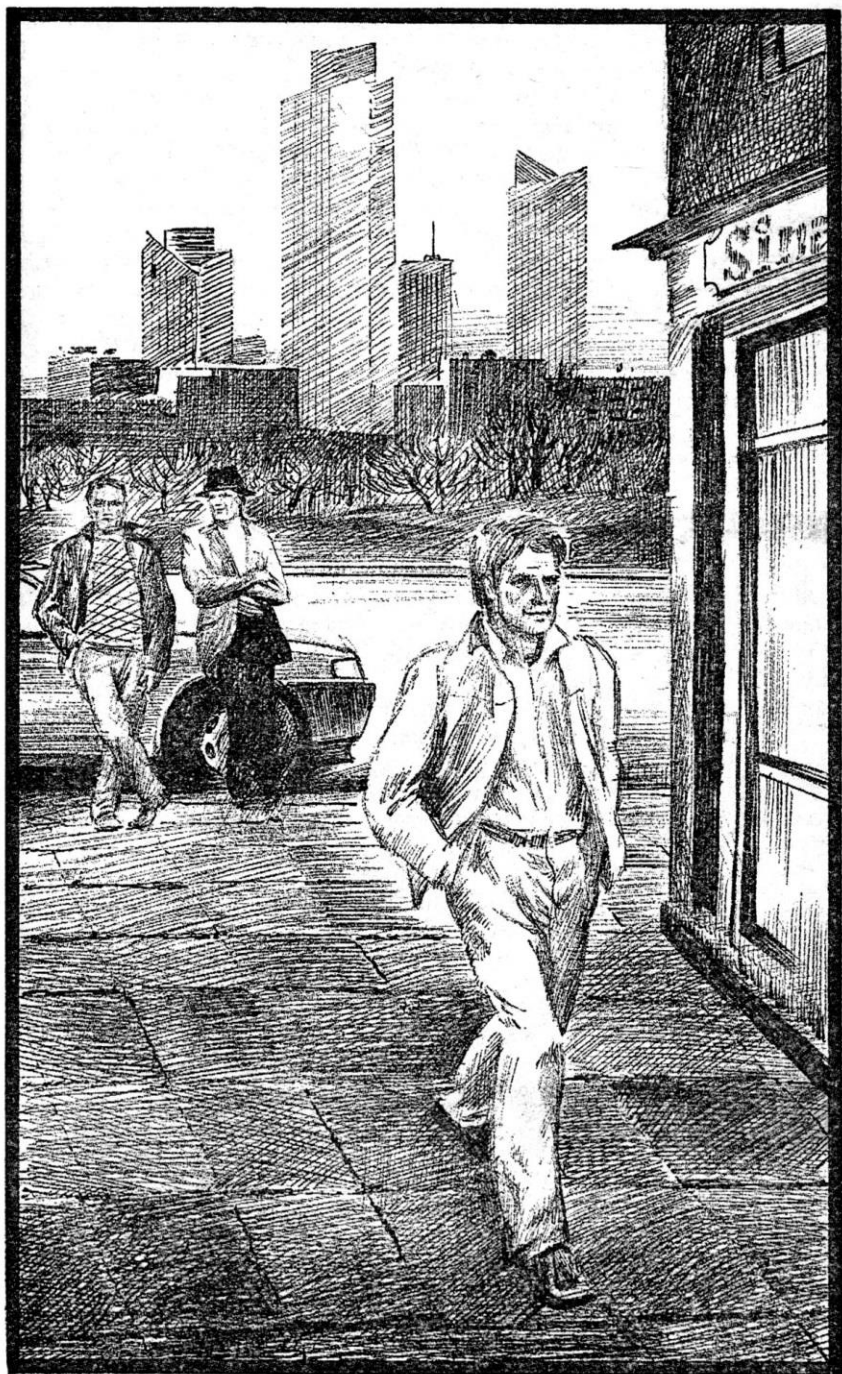
– У меня какое-то странное чувство, Джо.

– Какое чувство?

– Может, мы все-таки совершаем ошибку? Иногда мне кажется, будто что-то здесь не так.

– Ты имеешь в виду это хождение наугад? Делание чего-то без знания, в чем оно заключается? Без понимания?

– Может, так оно и есть, не знаю. Я уже ничего не понимаю. Но мы все же помогаем людям.

– Себе тоже. Мы в таком тесном контакте с этим типом, что должны жить вечно.

– Ну да, – сказал Чарли.

Какое-то время они сидели молча. Наконец Чарли спросил:

– Ты случайно не знаешь, Джо, когда кончится вся эта затея? Эта последняя тянется уже месяц. Самая длинная из всех. Если я вскоре не вернусь домой, меня родные дети не узнают.

– Знаю, – сказал Джо. – Такому человеку, как ты – отцу семейства, – наверняка тяжело. А мне все равно. Элу, наверное, тоже. Не знаю, как с Джеком. Это человек, который никогда ничего не говорит. Во всяком случае о себе.

– Кажется, где-то у него есть семья. Я не знаю ничего, кроме того, что она где-то существует.

– Послушай, Джо, а не выпить ли нам чего-нибудь? В сумке у меня есть бутылка. Я могу за ней сходить.

– Выпить... Это неплохая мысль.

Зазвонил телефон, и Чарли, уже направившийся к двери, остановился на полпути и вернулся.

– Это, может быть, меня, – сказал он. – Недавно я звонил домой и не застал Мирт, а потому попросил маленького Чарли передать ей, чтобы она позвонила. Наверное, это она.

Джо поднял трубку, послушал и покачал головой.

– Это не Мирт, а Рози.

Чарли направился к выходу.

– Минуточку, Чарли, – остановил его Джо, не кладя трубки. – Рози, – сказал он своему собеседнику, – ты уверен?

Он слушал еще какое-то время, потом произнес:

– Спасибо, Рози. Большое спасибо. Ты дьявольски рисковал, звоня сюда.

Он положил трубку и сел, уставившись в стену.

– Что случилось, Джо? Чего хотел Рози?

– Он позвонил, чтобы нас предупредить. Где-то допущена ошибка. Не знаю, в чем она состоит и откуда взялась. Все оказалось колоссальной ошибкой.

– Что мы сделали неправильно?

– Это не мы. Это Вашингтон.

– Все дело в Эрни? В его правах или что-то вроде этого, да?

– Нет, дело не в его правах. Чарли, он не лечит людей, а *убивает* их. Он разносчик.

– Но мы же об этом знаем. Другие люди разносят болезни, а он...

– Он тоже разносит болезнь. Только не известно какую.

– Но там, где он когда-то жил, все перестали болеть. Везде, где бы он ни появлялся, он излечивал людей. Благодаря этому его и нашли. Известно было, что это должно быть что-то или кто-то. Поиски велись до тех пор, пока...

– Чарли, да замолчи же ты, наконец! Сейчас я тебе расскажу. Там, где он когда-то жил, люди теперь мрут, как мухи. Это началось несколько дней назад, и люди все еще умирают. Совершенно здоровые люди. Ничего у них не болит, и все же они умирают. Все.

– О, Боже, Джо, этого не может быть! Это какая-то ошибка!

– Нет никакой ошибки. Умирают теперь те самые люди, которых он когда-то вылечил.

– Но это же нонсенс.

– Роза предполагает, что это может быть какой-то новый вид вируса. Он убивает все остальные вирусы и бактерии, которые вызывают у людей болезни. Нет конкуренции, понимаешь? Это «что-то» уничтожает конкурентов, чтобы самому пировать на свободе. Потом оно укореняется и начинает развиваться. Все это время тело в полном порядке, ибо оно ему не очень вредит, но приходит такой момент...

– Это только домыслы Розы.

– Разумеется, это только домыслы. Но то, что он говорит, имеет смысл.

– Если это правда, – сказал Чарли, – то подумай о людях, о тех миллионах людей...

– Об этом я и думаю, – прервал его Джо. – Роза очень рисковал, звоня нам. Ему будет очень плохо, если об этом звонке узнают.

– Узнают. Разговор записан.

– Может, они не определяют, что это был он. Он звонил из телефона-автомата, где-то на Мэриленде. Роза увяз в этом деле по шею, так же как и мы. Он провел с Эрни столько же времени, сколько и мы, и знает столько же, а может, и больше.

– Он думает, что, находясь столько времени с Эрни, мы тоже стали разносчиками?

– Нет, кажется, дело не в этом. Но мы много знаем и могли бы начать говорить. А никому об этом знать нельзя. Представляешь, что бы началось, какая была бы общественная реакция...

– Джо, сколько, ты говоришь, времени Эрни жил там?

– Четыре или пять лет.

– Значит, это время, которое нам осталось. Мне, тебе и всем остальным. Может, четыре года, а может, и меньше.

– Верно. Но если нас схватят, то мы проведем эти годы в таком месте, где у нас не будет никаких шансов с кем-нибудь говорить. Кто-то уже наверняка едет за нами. У них же есть маршрут нашего путешествия.

– Значит, нужно что-то быстро решать, Джо. Я знаю одно такое место на севере. Заберу туда семью. Никому не придет в голову искать меня там.

– А если ты стал разносчиком?

– Если я разносчик, то моя семья уже заражена, а если нет, то я хочу провести эти годы...

– А другие люди?

– Там, куда я собираюсь, людей нет. Мы будем там одни.

– Держи, – сказал Джо. Он вынул из кармана ключи от машины и бросил их Чарли через комнату.

– А что будет с тобой, Джо?

– Я должен предупредить остальных. Да, Чарли...

– Ну?

– До утра сделай что-нибудь с этой машиной. Тебя будут искать, и когда не найдут тебя здесь, то начнут наблюдать за домом и семьей. Будь осторожен.

– Хорошо. А ты, Джо?

– Обо мне не беспокойся. Я только предупрежу остальных.

– А Эрни? Мы не можем позволить ему...

– Об Эрни я тоже позабочусь, – сказал Джо.

СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ

Ему снился родной дом, и когда он проснулся, то долго не открывал глаз, силясь удержать видение. Что-то осталось, но это «что-то» было смутно, размыто, лишено отчетливости и красок. Родной дом... Он представлял себе его, знал, какой он, мог воскресить в памяти далекое, недостижимое, но нет: во сне все было ярче!

И все-таки он не открывал глаз, так как слишком хорошо знал, что предстанет его взгляду, и всячески оттягивал встречу с грязной, неудобной конурой, в которой находился. «Если бы только грязь и отсутствие уюта, – подумал он, – а то ведь еще тоскливое одиночество, это чувство, что ты на чужбине». Пока глаза закрыты, можно делать вид, будто суровой действительности нет, но он уже на грани, щупальца реальности уже протянулись к полной теплоты и задушевности картине, которую он тщится сохранить в уме...

Все, дольше нельзя. Ткань сновидения стала чересчур тонкой и редкой, чтобы противостоять реальности. Хочешь не хочешь, открывай глаза.

Так и есть – отвратительно; неудобно, грязно, безотрадно, и кругом притаилась эта враждебность, от которой можно сойти с ума. Теперь – взять себя в руки, собраться с духом и встать, начать еще один мучительный день.

Штукатурка на потолке потрескалась, осыпалась, получились большие безобразные кляксы. Краска на стенах шелушилась, темные потеки напоминали о дождях. И запах. Затхлый запах давно не проветриваемого жилого помещения.

Глядя на потолок, он пытался представить себе небо. Когда-то он мог увидеть его сквозь любой потолок, потому что небо было его стихией – небо и пустынный призывный космос за ним. Теперь он их лишился, они ему больше не принадлежат.

Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле – все, что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь его на изгнание на чужой планете.

Он сел на край кровати, нашарил пяткой брошенные на пол брюки, надел их, втиснул ноги в ботинки, встал.

Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе, и когда последние уйдут – придется искать работу, любую работу. Может, стоило позаботиться об этом раньше, не тянуть до последнего? Но он не мог себя заставить. Связаться с работой, осесть здесь – значит признать свое поражение, поставить крест на мечте о возвращении домой.

«Дурак, – сказал он себе, – и что тебя потянуло в космос?» Эх, попасть бы только домой, на Марс, и больше его канатом из дома не вытянешь. Вернется на ферму, займется хозяйством, как отец хотел. Женится на Элен, осядет, пусть другие дурни с риском для жизни носятся по Солнечной системе.

Романтика... Это она кружит голову мальчишкам, юнцам с восторженными глазами. Романтика дальних странствий, дебрей космоса с лучистыми зрачками звезд, романтика поющих двигателей, холодного булата, испаряющего черноту и безлюдье пустоты, романтика вопло-

щенных в комочке плоти куража и удали, бросающих вызов пустоте.

А романтики-то не было. Был тяжелый труд, вечное напряжение и щемящая тревога, точащий душу страх, который ловил перебои в работе силового устройства... звонкий удар о металлическую оболочку... — любую из тысяч бед, подстерегающих человека в космосе.

Он взял с ночного столика бумажник, сунул его в карман, вышел в коридор и спустился по шаткой лестнице вниз.

Покосившаяся, ветхая терраса. И зелень, неистовая, буйная зелень Земли — мерзкий, отвратительный цвет, который оглушает и вызывает внутренний отпор. Все зеленое: трава, кусты, каждое дерево. Если смотреть на зелень чересчур долго, так и кажется, что она пульсирует, трепещет потайной жизнью, и ведь нет спасения от нее, разве что запереться где-нибудь.

Зелень, яркое солнце, изнуряющий зной — все это делает Землю невыносимой. Правда, от света можно уйти, с жарой тоже можно как-то справиться, но зелень вездесуща.

Он спустился с крыльца, ища в кармане сигареты. Нащупал смятую пачку и в ней единственную смятую сигарету. Прилепил ее к губе, выбросил пачку и остановился в воротах, соображая, что делать дальше.

Но это усилие мысли было показным, — он заранее знал, как поступит. Выбора не было. Одно и то же повторялось изо дня в день уже которую неделю. То же будет и сегодня, и завтра, и послезавтра, пока не уйдет последний цент.

А потом? Да, что потом?

Поступить на работу и попытаться хоть что-то и этого извлечь? Копить деньги, пока не наберется на билет до Марса? Пусть любая должность на корабле ему заказана, но ведь пассажира-то они обязаны взять? Эх, пустые расчеты все это... Чтобы накопить достаточно, нужно двадцать лет, а где они?

Он закурил и побрел по улице. Даже сквозь сигаретный дым он ощущал запах ненавистной зелени.

Миновав десять кварталов, он очутился у космодрома. Над полем возвышался корабль. Он постоял, глядя на него, затем направился к убогому ресторанчику позавтракать.

«Корабль, — думал он, — обнадеживающий признак». В иные дни ни одного не увидишь, а иногда — сразу три-четыре. Сегодня есть корабль; может, тот самый.

«Когда-нибудь, — сказал он себе, — найду же я корабль, который доставит меня домой». Корабль, которому до за-резу нужен механик, и капитан закроет глаза на злополучную запись в трудовой книжке.

Но он знал, что обманывает себя. Каждый день он говорит себе одно и то же. Вероятно, чтобы оправдать свои ежедневные визиты в отдел найма. Самообман, который помогает сохранить надежду, не пасть духом, который позволяет даже кое-как терпеть мрачную, душную конуру и зеленую Землю.

Он вошел в ресторан и сел за столик.

Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Опять олады? — спросила она.

Он кивнул. Олады — дешевая и сытная пища, а ему надо подольше растянуть деньги.

– Сегодня вы найдете свой корабль, – сказала официантка. – У меня такое чувство.

– Возможно, – отозвался он, не очень-то веря.

– Я знаю, что у вас на душе, – продолжала официантка. Знаю, как это тяжело. Сама мучилась тоской по родине, когда впервые уехала из дому. Думала – умру.

Он промолчал, чувствуя, что ответить – значит уронить свое достоинство. Хотя на кой оно черт ему теперь, это достоинство!

Конечно, речь шла не об обычной тоске по родине. Это уже планетная ностальгия, тоска по другой культуре, боль от разлуки со всем, к чему привык и к чему привязан.

И тут, сидя в ожидании оладий, он воскресил в памяти сон: уходящие вдаль красные увалы, ласкающий кожу сухой, прохладный воздух, блеск звезд в сумерках, волшебное золото отдаленных песчаных бурь. И низенький дом жмется к земле, и на террасе, обращенной к закату, неподвижно сидит в кресле седой старик...

Официантка принесла оладьи.

«Настанет день, – мысленно сказал он, когда я не смогу больше выносить этого самоистязания, этой жалости к самому себе». Он давно ее раскусил, и давно пора от нее избавиться. И тем не менее мирился с ней – больше того, она стала определять его помыслы и поступки. Она была его щитом и самооправданием, движущей силой, которая поддерживала его на ходу.

Он доел оладьи и расплатился.

– Счастливо, – сказала официантка, улыбаясь.

– Спасибо, – ответил он.

Он потащился по дороге, по скрипучему гравию, и

солнце припекало ему спину, но хоть от зелени он был избавлен. Космодром голый, безжизненный – обожженный и обнаженный.

Он достиг цели и подошел к конторке.

– Опять вы, – сказал уполномоченный по найму.

– Есть рейс на Марс?

– Нет. Хотя постойте. Тут недавно один справлялся...

Уполномоченный поднялся, вышел за дверь и стал кого-то звать.

Через несколько минут он вернулся к конторке. За ним шел свирепый тяжеловес. На голове у него была фуражка с потертыми, тусклыми буквами «КАПИТАН». В остальном костюм никак не соответствовал его званию.

– Вот этот человек, – сказал уполномоченный капитану. – Имя – Энсон Купер. Механик первого класса, но личное дело...

– К черту личное дело! – рявкнул капитан. Он обратился к Куперу: – «Моррисоны» знаете?

– С пеленок, – ответил Купер.

Это была неправда, но он был уверен, что справится с двигателями.

– Они в общем-то ничего, – продолжал капитан, – только иногда барахлят немного, капризничают. Придется вам понынчиться с ними, глаз не сводить с них. Заезжаетесь – пиши пропало.

– Как-нибудь, – сказал Купер.

– Мой механик подвел меня, сбежал. – Капитан плюнул на пол, демонстрируя презрение к дезертирующим механикам. – Слабоват в коленках оказался.

– У меня коленки в порядке, – твердо сказал Купер.

Он знал, что его ждет. Но выбора не было – путь на Марс лежал через «моррисоны».

– Что ж, тогда пошли, – сказал капитан.

– Минутку, – вмешался уполномоченный. – Так это не делается. Вы обязаны дать ему время собрать свои пожитки.

– Мне нечего собирать, – вставил Купер, вспоминая жалкое барахло, которое осталось в гостинице. – Ничего стоящего.

– Вам должно быть ясно, – продолжал уполномоченный, обращаясь к капитану: – Союз не может поручиться за человека с таким личным делом.

– А мне наплевать, – отрезал капитан. – Лишь бы он знал толк в двигателях. Больше мне ничего не надо.

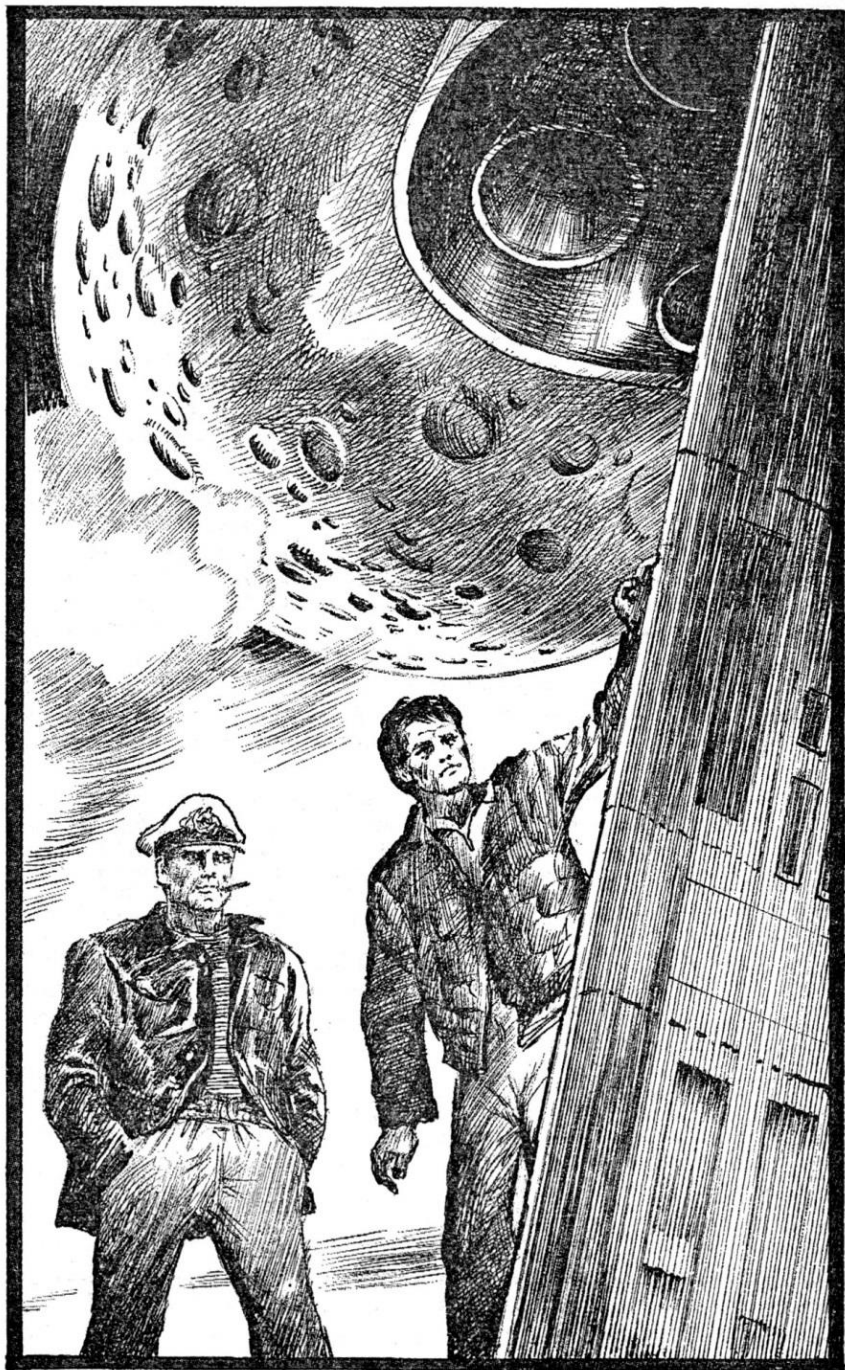
Идти до корабля было далеко. Он и новый-то не представлял собой ничего особенного, а с годами не стал лучше. Да на таком вообще летать – пытка, не говоря уж о том, чтобы нянчиться с «моррисонами»...

– Не рассыпется, не бойтесь, – сказал капитан. – Он протянет дольше, чем вы думаете. Просто удивительно, на что способна такая посудина всем чертям назло.

«Только еще один рейс, – подумал Купер, – чтобы доставить меня на Марс. А там пусть рассыпается».

– Корабль великолепен, – сказал он совершенно искренне.

Он подошел к могучему стабилизатору и положил на него ладонь. Тяжелый металл, краска давно облупилась, рябой от коррозии, и холодильник затаился в толще, точно корабль еще не отдал всю впитавшуюся в него космическую стужу.

«Наконец, – подумал он. – После стольких недель ожидания вот оно, наконец, стальное произведение инженерного искусства, которое доставит меня домой».

Он вернулся туда, где стоял капитан.

– Приступим, что ли, – сказал он. – Хочу посмотреть на двигатели.

– Они в порядке, – ответил капитан.

– Возможно. Все-таки я их проверю.

Он ждал, что двигатели будут в скверном состоянии, но не настолько. На что уж корабль выглядел жалко, а «моррисоны» оказались еще хуже.

– Тут надо поработать, – сказал он. – С такими двигателями нельзя выходить в рейс.

Капитан вспылил и выругался:

– Учтите, вылетаем на рассвете! Срочное задание!

– На рассвете и вылетим, – отрезал Купер. – Вы только не вмешивайтесь.

Он расставил людей по местам и сам проработал четырнадцать часов подряд без передышки, не спал и не ел. После чего зажал большой палец в кулаке и доложил капитану, что все готово.

Они благополучно прошли атмосферу. Купер разжал кулак и облегченно вздохнул. Теперь только следить за тем, чтобы не было перебоев.

Капитан вызвал его к себе и поставил на стол бутылку.

– А вы справились куда лучше, чем я ожидал, мистер Купер.

Купер покачал головой.

– Мы еще не прилетели, капитан. Впереди немалый путь.

– Мистер Купер, вы знаете, что мы везем?

Купер покачал головой.

– Лекарства, – сказал капитан. – Там эпидемия. Только наш корабль был более или менее готов к рейсу, вот нас и послали.

– Дали бы сперва сделать капитальный ремонт двигателей.

– Время не позволило. Каждая минута на счету.

Купер глотнул из рюмки, оглушенный всеобъемлющей усталостью.

– Эпидемия, говорите? А что именно?

– Песчаная лихорадка, – ответил капитан. – Знаете, наверно.

Смертельный ужас холодком пополз по спине Купера.

– Знаю. – Он допил виски и встал. – Я пошел, начальник. Надо присмотреть за двигателями.

– Мы надеемся на вас, мистер Купер. Нужно добратся.

Он вернулся в машинное отделение и упал в кресло, слушая пение двигателей, пронизавшее все клеточки корабля. Они должны работать без перебоев. Теперь это яснее; чем когда-либо. Дело не только в том, чтобы вернуться домой – родная планета ждет лекарства.

«Обещаю, – сказал он сам себе. – Обещаю, что мы долетим».

Он не щадил команду, не щадил себя – изо дня в день, под выматывающий душу, почти нестерпимый вой дюз и гром этих чертовых «моррисонов».

Какой там сон – хорошо, если удавалось прикорнуть на несколько минут. Какой там обед – разве что перекусишь

чуток на ходу. Работа, работа, но еще хуже – надзор, ожидание, все тело напряжено: сейчас начнут заикаться... Или лязгнет металл, возвещая беду.

«И зачем только, – билась в голове смутная мысль, – человек выходит в космос? С какой стати идет на такую работу?» Конечно, здесь, в машинном, рядом с изношенными двигателями, чувствуешь себя хуже, чем в других отсеках. Но и там не сладко. Атмосфера корабля насыщена нервозностью, но хуже всего черный, гнетущий страх перед космосом, перед тем, что космос может сделать с кораблем и людьми на борту.

На новых, более крупных кораблях обстановка вроде получше, да и то ненамного. По-прежнему принято пичкать успокоительными пассажиров и переселенцев, летящих осваивать другие планеты, – чтобы не нервничали, не реагировали так остро на неудобства, не поддавались панике.

Но с командой так не поступишь. Она должна быть начеку, готовая ко всему. Она обязана все снести.

Возможно, придет пора, когда корабли будут достаточно велики, двигатели и горючее достаточно совершенны, когда поумерится страх человека перед пустотой космоса. Тогда станет легче. Но до этого, наверно, еще очень далеко. Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс.

«Не будь сознания того, что я возвращаюсь домой, – сказал он себе, – не вынес бы, не выдержал». Даже здесь, где загустела всяческая вонь, он чувствовал запах сухого, прохладного воздуха родной планеты. Сквозь металлическую оболочку летящего корабля, через несчетные темные

мили видел нежные краски заката на красных увалах. В этом его преимущество перед остальными. Если бы не мысль, что он возвращается домой, он бы не выстоял.

Медленно тянулись дни, но двигатели тянули, и надежда крепла в его душе. И наконец надежда сменилась торжеством.

Наступил день, когда корабль вихрем скользнул вниз сквозь холодную, разреженную атмосферу, пошел на посадку и сел.

Он протянул руку, повернул ключ — двигатели взревели и смолкли. Тишина объяла изможденную сталь, онемевшую от долгого гула.

Он стоял подле двигателей, оглушенный тишиной, испытывая ужас перед совершенным безмолвием.

Он пошел вдоль двигателей, скользя рукой по металлу, глядя его, точно животное, удивленный и чуть недовольный тем, что в его душе родилось некое подобие странной нежности к машине.

А впрочем, почему бы и нет? Двигатели доставили его домой. Он нянчился, возился с ними, проклинал их, надзирал за ними, спал рядом с ними — и они доставили его домой.

А ведь если быть откровенным, он не очень надеялся на это.

Он вдруг увидел, что остался один. Команда ринулась к трапу, едва он повернул ключ. Пора и ему выходить. И все-таки он на мгновение задержался в тихом отсеке, напоследок еще раз все окинул взглядом. Полный порядок. Ничего не упущено.

Он повернулся и медленно пошел по трапу вверх, к люку.

Наверху он встретил капитана. А вокруг ракеты во все стороны расходились красные увалы.

— Все уже ушли, только начальник интендантской службы остался с двигателями, мистер Купер. Рад, что вы пошли в рейс с нами.

— Последний рейс, — ответил Купер, глядя взглядом красные склоны. — Хватит слоняться по свету.

— Странно, — сказал капитан. — Вы, очевидно, с Марса.

— Точно. И надо было с самого начала сидеть дома.

Капитан пристально поглядел на него и повторил:

— Странно.

— Ничего странного, — возразил Купер. — Я...

— Я тоже списываюсь, — перебил его капитан. — На Землю этот корабль поведет уже другой командир.

— В таком случае, — подхватил Купер, — я угощаю, как только мы сойдем с корабля.

— Решено. Но сперва — прививка.

Они спустились по трапу и пошли через поле к зданиям космопорта. Навстречу с воем промчались машины, спешащие к кораблю за грузом.

А Купер всецело отдался восприятию того, что испытал во сне в убогой комнатухе на Земле: бодрящий запах прохладного, легкого воздуха, пружинный взлет меньшего тяготения — шаг, стремительный взлет четких, ничем не оскверненных красных склонов в лучах неяркого солнца.

Врач ждал их в своем тесном кабинете.

— Виноват, — сказал он, — вы знаете правила.

— Ох уж эти мне правила, — ответил капитан. — Да, видно, так нужно.

Они сели в кресла и засучили рукава.

– Держитесь, – предупредил врач. – Укол дает встряску.

Так и было.

«Так было и прежде, – подумал Купер. – Каждый раз. Пора бы уже привыкнуть».

Он вяло откинулся в кресле, ожидая, когда пройдет слабость и шок. Врач сидел за своим столом, следя за ними и тоже ожидал, когда они придут в себя.

– Тяжелый рейс? – спросил он наконец.

– Легких не бывает, – сердито ответил капитан.

Купер покачал головой.

– Этот был хуже всех. Двигатели...

– Простите меня. Купер, – вступил капитан. – Но на этот раз никакого обмана не было. Мы в самом деле везли лекарства. Здесь и вправду эпидемия. И мой корабль оказался единственным. Я хотел поставить его на капитальный ремонт, да время не позволило.

Купер кивнул.

– Припоминаю, – сказал он и с трудом поднялся, посмотрел в окно на холодный, недобрый, чужой марсианский ландшафт. – Если б не внушение, я бы ни за что не справился, – произнес он решительно и, повернувшись к врачу, спросил: – Когда-нибудь мы сможем обходиться без этого?

Врач кивнул.

– Несомненно. Когда корабли станут надежнее, и человек свыкнется с космическими путешествиями.

– Эта ностальгия – уж больно она душу выматывает.

– Другого выхода нет, – сказал врач. – У нас не было бы ни одного космонавта, если бы они каждый раз не летели домой.

– Это верно, – согласился капитан. – Никто, и я в том числе, не смог бы выдержать таких передраг ради одних только денег.

Купер поглядел в окно на песчаные ландшафты, и его кинуло в дрожь. Более унылого места...

«Что за идиотизм – мотаться в космосе, – сказал он себе, – когда дома такая жена, как Дорис, и двое детей». Ему вдруг безумно захотелось увидеть их.

Знакомые симптомы. Снова ностальгия, но теперь – тоска по Земле.

Врач достал из тумбы бутылку и щедрой рукой наполнил три стопки.

– А теперь примите-ка вот это, – сказал он, – и забудем обо всем.

– Точно мы можем помнить, – усмехнулся Купер.

– В конце концов, – сказал капитан с неестественной веселостью, – надо правильно смотреть на вещи: Речь идет всего-навсего о специфике нашей службы.

Содержание

Однажды на Меркурии. Пер. Н. Рахмановой
Отец-основатель. Пер. Д. Жукова
Мир, которого не может быть. Пер. И. Можейко
Мираж. Пер. О. Битова
Сосед. Пер. К. Сенина
Поколение, достигшее цели. Пер. А. Иорданского
На Юпитере. Пер. И. Гуровой
Дом обновленных. Пер. Н. Галь
Пыльная зебра. Пер. Д. Жукова
Игра в цивилизацию. Пер. Т. Гинзбург
Фактор ограничения. Н. Евдокимова
Подарок. Пер. Э. Бобырь
Изгородь. Пер. В. Баканова
Утраченная вечность. Пер. О. Битова
Плацдарм. Пер. А. Корженевского
Через речку, через лес. Пер. Л. Жданова
Я весь внутри плачу. Пер. А. Корженевского
Наблюдатель. Пер. А. Гвоздиевского
Кто там, в толще скал? Пер. К. Сенина
Зеленый мальчик с пальчик. Пер. Н. Колпакова.
Земля осени. Пер. С. Чернякова...
Воспителлы. Пер. Е. Вансловой
Коллекционер. Пер. А. Корженевского
Гуляя по улицам. Пер. И. Невструева
Специфика службы. Пер. С. Васильевой

Уважаемый читатель!

В 1992 году Издательство ТПО „Интерфейс“ выпустило три тома собрания сочинений американского писателя-фантаста Клиффорда Саймака (1904 — 1988: «Братство Талисмана», «Все ловушки Земли», «Специфика службы». В четвертый том под общим названием «Очарованное путешествие» включены романы „Мир кладбища“ и „Что может быть проще времени“, а также ранее не издававшийся роман „Очарованное путешествие“. В последующие тома будут включены романы: „Выбор богов“, „Планета Шекспира“, „Звездное наследство“, „Мастодония“, „Посетители“, „Где обитает дьявол“, „Путь в бесконечность“, „Космические инженеры“, „Что может быть проще времени“, „Пересадочная станция“, „Принцип оборотня“, „Пусть остаются на небесах“, „Кольцо вокруг Солнца“, „Почти как люди“, „Все живое...“, „Заповедник гоблинов“, „Город“ и другие произведения.

Все собрание сочинений богато иллюстрировано известными талантливыми художниками.

В 1992 году Издательство ТПО „Интерфейс“ начинает выпуск книг серии «Семейная библиотека» — в твердой обложке, в цветном, красочном супере.

В первую книгу серии войдут лучшие произведения Э. Успенского: „Вниз по волшебной реке“, „Дядя Федор, пес и кот“, „Следствие ведут Колобки“ (пять выпусков), „Крокодил Гена и его друзья“ и новая сказка „Бизнес Крокодила Гены“, к которым молодой талантливый художник Г. Кондоус сделал 150 полностраничных иллюстраций.

Во вторую книгу серии войдут лучшие произведения В. Губарева: „Королевство кривых зеркал“, „Трое на острове“, „Путешествие на утреннюю звезду“, „В тридевяти царстве“, „Преданье старины глубокой“.

В третью книгу серии войдут лучшие произведения Яна Бжехвы: „Академия Пана Кляксы“, „Путешествие Пана Кляксы“ и „Триумф Пана Кляксы“.

Последующие книги этой серии будут не менее интересными и богато иллюстрированными.

Благодарим за внимание к нашим изданиям.

По всем вопросам оптовой реализации обращаться по адресу:
109033, Москва, ул. Волочаевская, 18, тел. 273-36-84
ТПО „ИНТЕРФЕЙС“

Клиффорд Саймак

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 3

Фантастические рассказы

Подписано в печать 28.09.92. Формат 84×108/32. Печать высокая.
Бумага офсетная № 1. Объем 14 п. л. Тираж 100 000 экз. Изд. № 5—92.
Зак. № 1087.

ИПЦ «Вазар — Ферро», 1992.

125047, Москва, 4 Тверская-Ямская, д. 14, стр. 3, кв. 37
ТПО «Интерфейс»

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и
информации Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

